

Н.Н. ИВАНОВА

ОСНОВЫ СУДЕБНОГО

КРАСНОРЕЧИЯ

(РИТОРИКА ДЛЯ ЮРИСТОВ)

institutiones

Ивакина Надежда

Николаевна

Основы судебного

красноречия

(риторика для

юристов). Учебное

пособие 2-е издание

Условные сокращения

А.И.Р. - А.И. Рожанский
А.И.У. - А.И. Урусов
А.Ф.К. - А.Ф. Кони
В.В.Ш. - В.В. Шапочников
В.Д.С. - В.Д. Спасович
В.И.Ж. - В.И. Жуковский
В.И.Ц. - В.И. Царев
Г.М.Ш. - Г.М. Шафир
И.М.К. - И.М. Кисенишский
К.К.А. - К.К. Арсеньев
К.Ф.Х. - К.Ф. Хартулари
М.Б.Ч. - М.Б. Черняк
М.Г.К. - М.Г. Казаринов
М.Л.Ш. - М.Л. Шифман
М.С.Д. - М.С. Драбкин
М.Ф.Г. - М.Ф. Громницкий
Н.И.Х. - Н.И. Холев
Н.П.К. - Н.П. Карабчевский
Н.П.Кан - Н.П. Кан
Н.П.Ш. - Н.П. Шубинский
О.В.Д. - О.В. Девиз
О.С.П. - О.С. Перцов

П.А.А. - П.А. Александров

П.А.Д. - П.А. Дроздов

П.Н.О. - П.Н. Обнинский

С.А.А. - С.А. Андреевский

Ф.Н.П. - Ф.Н. Плевако

Я.И.Г. - Я.И. Горнштейн

Я.С.К. - Я.С. Киселев

ВВЕДЕНИЕ

Мало сказать: нужна ясность; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать без усилий. Оратор может рассчитывать на их воображение, но не на их ум и проницательность.

П. Сергеич. Искусство речи на суде

...нужно знать предмет, о котором говоришь, в точности и подробности, выяснив себе вполне его положительные и отрицательные свойства; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами.

А.Ф. Кони. Приемы и задачи прокуратуры

...для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать.

А. П. Чехов. Хорошая новость

Воздействие на чувства является естественной принадлежностью красноречия в уголовном процессе, и само название судебного оратора едва ли может подойти к тому, кто говорит исключительно для ума.

К.П. Луцкий. Судебное красноречие

Как музыканту нельзя без музыкального слуха, так и людям, работающим со словом, нельзя без

любовного отношения к слову, без живого чувства языка.

Г.А. Золотова. Слово и штамп

Книга написана лингвистом. Много раз я спрашивала себя, имею ли право давать юристам какие-либо советы по подготовке и произнесению судебных речей. И пришла к убеждению, что имею. 15-летний опыт участия в судебных процессах в качестве народного заседателя Красноярского краевого суда и многолетний опыт чтения студентам юридического факультета Красноярского госуниверситета собственного курса «Культура речи юриста» дают мне это право.

Целью курса «Культура речи юриста» было воспитание языкового вкуса будущих юристов, развитие коммуникативных навыков. Разработка программы и методов преподавания шла путем поисков. Были неудачи, были успехи. «Учебником» по данному курсу была практическая деятельность юристов: посещали со студентами судебные процессы, анализировали судебные речи дореволюционных судебных ораторов, современных прокуроров и адвокатов; читали и анализировали процессуальные акты, делали выводы. Проводили конференции с работниками прокуратуры и следственных органов, с судьями. Студенты выполняли курсовые, даже дипломные работы, хотя курс не был профилирующим; выступали с докладами на научных студенческих конференциях в городах Красноярске, Перми, Казани, Москве. В результате большой работы был накоплен материал для учебного пособия «Культура речи юриста» в двух частях, вышедшего в 1994 г. в издательстве Красноярского госуниверситета. В 1995 г. в московском издательстве «БЕК» вышло учебное пособие «Культура

судебной речи». В 1997 г. в том же издательстве было издано учебное пособие «Профессиональная речь юриста». В 1999 г. в издательстве «Юристъ» вышло второе издание учебного пособия «Культура судебной речи» под названием «Основы судебного красноречия (Риторика для юристов)».

О судебном ораторском искусстве имеется довольно значительная литература, написанная в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Главное внимание в работах, написанных юристами, с полным основанием уделяется раскрытию правовых и процессуальных вопросов. В советский период использованию в судебной речи риторических структур и приемов не придавалось значения. Они считались делом второстепенным, почти ненужным. Культурно-речевой аспект судебной речи рассматривался юристами в общих чертах. Публичному говорению, судебному красноречию в учебном процессе на юридических факультетах университетов не уделялось должного внимания. Юристами справедливо отмечалось, что «учат студентов многому, но вот как подготовиться к процессу, как построить речь, ораторскому искусству не учат! Артистов учат, как вести себя на сцене, как правильно говорить, а студентов-юристов - нет» [141].

Но в работах, написанных в постсоветские годы, ставится вопрос о том, что убедительная речь должна строиться «...по всем правилам ораторского искусства»: «Одна из причин неубедительности речей государственных обвинителей в суде с участием присяжных заседателей (впрочем, как и в обычном суде) заключается в том, что они при разработке и

произнесении своих речей не придают должного значения ораторскому искусству» [172. С. 141].

Подзаголовок данной книги ***Риторика для юристов*** определяет ее направленность. Эта книга - о риторике в суде: об убедительной и эффективной речи, об искусстве говорить хорошо и логично, об искусстве украшения речи, об искусстве речевого воздействия. Об этом расскажет каждая тема книги. Не вдаваясь глубоко в правовые и процессуальные вопросы, мы будем говорить о форме судебной речи^[1], о том, какие риторические фигуры и приемы делают речь логичной, воздействующей, этичной. То есть будем говорить о речевом мастерстве выступающего в суде юриста. «Если у вас неудачная форма изложения, то есть то, как вы говорите, то уже не имеет значения, что вы говорите, потому что все равно вас не будут слушать», - пишут американские юристы [179].

В пособии впервые сформулировано определение понятия судебного красноречия^[2]. Судебная речь рассматривается с точки зрения ее особенностей как жанра публичной речи, с точки зрения ее убедительности, композиции, этических основ и устности; продемонстрировано, что выбор языковых средств связан с темой речи; даются рекомендации по использованию языковых средств, способствующих логичности и экспрессивности судебного выступления; а также предлагаются ораторские приемы, которые

¹ Судебную речь мы понимаем как монологическую речь профессиональных участников судебных прений по уголовным и гражданским делам - речь прокурора и адвоката.

² К сожалению, оно, а также материалы 1-й и 2-й глав были переписаны без сноски на источник автором книги "Риторика: заговори, и я скажу, кто ты".

помогут приобрести отдельные навыки в подготовке и произнесении судебных речей. Приводятся многие правила риторики, позволяющие молодому, начинающему оратору овладеть основами судоговорения.

В пособии приведено большое количество цитат из работ юристов о судебной речи для того, чтобы показать, что вопросы судебного красноречия волновали и волнуют юристов; что мои выводы из исследований о судебной речи совпадают с мнениями ученых-юристов и подтверждаются ими. Кроме того, точки зрения дореволюционных, советских и современных юристов обобщаются, сопоставляются, систематизируются, что позволит студентам познакомиться с литературой и на основе этого составить собственное мнение по многим вопросам.

Изложение учебного материала ведется с учетом требований к судебному красноречию в условиях реформированной судебной системы. В качестве иллюстраций использованы тексты судебных речей выдающихся дореволюционных судебных ораторов, прокуроров и адвокатов советского и постсоветского периодов. Цель пособия - содействовать развитию коммуникативных умений юриста в практике публичных выступлений.

По каждой теме, предлагаемой в учебном пособии, даны необходимые лингвистические термины, вопросы для самопроверки, задания для самостоятельной работы и примерный план практического занятия. К пособию прилагаются тексты судебных речей. В речи, записанной на магнитную пленку, знаки препинания не поставлены; речевые сегменты отделены друг от друга наклонными

линиями. Фамилии красноярских судебных ораторов не названы из этических соображений.

Вполне допустимо, что данная книга не избавлена от некоторых дискуссионных выводов, тем не менее, я надеюсь, что она окажет юристам практическую помощь.

Н. Ивакина

Тема 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

...какое у нас с вами в руках бесценное богатство - живое слово, какими громадными возможностями - психологическими, художественными, информативными - обладает современная публичная речь, какая это вообще замечательная штука - выступление...

И.А. Шведов. Искусство убеждать

В состязательном уголовном процессе... адвокат или прокурор, не владеющий ораторским искусством, в лучшем случае бесполезен, в худшем - источник повышенной опасности и для потерпевшего, и для обвиняемого, и для всего общества.

В.В. Мельник. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе

Прежде чем говорить подробно об особенностях судебного красноречия, дадим в общих чертах понятие этого явления; поговорим о значении речевой культуры в профессиональной деятельности юриста; выявим качества убеждающей речи.

1. Понятие судебного красноречия

Прокурора и адвоката, выступающих в судебных прениях, называют судебными ораторами. Это предполагает большую ответственность. Почему? Для ответа на этот вопрос давайте вспомним, кто такой оратор.

Оратор

Слово оратор заимствовано в XVIII в. из латинского языка (лат. orator - от orare - говорить, излагать). Слово многозначное. Первое его значение - «тот, кто произносит речь», «лицо, произносящее речь». В этом значении слово употребляется как термин: прокурор и адвокат, защищая или оспаривая права истца и ответчика в гражданском процессе и поддерживая государственное обвинение или защищая права подсудимого в уголовном процессе, выполняют свою функцию в соответствии с процессуальным положением в судебном разбирательстве. Роль оратора в этом понимании слова сводится к выполнению действий, предусмотренных процессуальным законом: проанализировать, дать правовую оценку.

Не ошибемся, если скажем, что чаще всего человек, произносящий публичную речь по долгу службы, формально, без любви к делу, без уважения к своей профессии, говорит, как правило, невнятно, неуверенно,

монотонно, сбивчиво, заученными стандартными фразами, с речевыми ошибками. Речь его засорена пустыми, ненужными словами типа *в общем-то, как бы* и др. Об ораторских приемах и говорить не приходится. Слушать такую речь скучно. Да и нужна ли она в суде? Выполняет ли она свое назначение? А оратор даже не задумывается, что речь можно произнести иначе, так, чтобы она стала убедительной, чтобы судья прислушался к ней.

Совсем недавно пришлось слушать речь молодого адвоката, который в течение нескольких минут три раза произнес просторечную форму *средства*. И когда после окончания процесса я объяснила ему его ошибку, он отреагировал смеясь: «А, да, такое со мной случается. А знаете, ораторское искусство сейчас не востребовано».

Говорить чисто, грамотно, красиво - стыдно? Немодно?

Можно оценивать говорящего как хорошего или плохого оратора, умелого или неумелого, скучного. Но важно помнить, что «От некачественной, неубедительной судебной речи страдают не только интересы правосудия, потерпевшего и подсудимого, но и репутация и имидж судебного оратора, особенно адвоката» [143. С. 279].

Но у слова оратор есть еще второе значение: «тот, кто обладает даром произносить речь, красноречием». Это не только говорящий человек, но человек, умеющий говорить перед аудиторией. Он знает, как привлечь внимание слушателей, потому что он мастер; он владеет ораторским искусством; он любит свое дело. Оратор - это человек, глубоко изучивший тему выступления, материалы дела и свободно владеющий ими; человек, который умеет четко и определенно сформулировать

тезис выступления, составить рабочий план; человек, который логично, ясно, убедительно излагает материал. «Оратор есть тот, - писал Цицерон, - кто любой вопрос изложит со знанием дела, стройно и изящно, с достоинством при исполнении». Такими ораторами были выдающиеся юристы прошлого. С большим уважением говорил о них В.М. Савицкий: «Задумайтесь, почему мы с благоговением произносим имена старых русских юристов? Почему часто вспоминаем их?» (Из разговора за «круглым столом» в редакции газеты «Неделя»).

Ораторское искусство

Что такое ораторское искусство? Слово «искусство» обозначает «отрасль творческой художественной деятельности» (выделено мною. - *Н.И.*); «высокая степень умения, мастерства в любой сфере деятельности». Специфической сферой деятельности является ораторское искусство. Это творческая деятельность по подготовке и произнесению публичной речи. Деятельность, основанная на большом упорном труде, в результате которого человек может овладеть умением произносить речь перед аудиторией: говорить логично, доходчиво, увлекательно и убедительно. В теории публичной речи ораторское искусство понимается как комплекс знаний и умений оратора по подготовке и произнесению публичной речи: это умение формулировать тезис и подбирать материал, искусство построения речи и публичного говорения с целью оказать определенное воздействие на слушателей; это

умение доказывать и опровергать, умение убеждать; это речевое мастерство.

Одной из разновидностей ораторского искусства является судебное ораторское искусство, которое нередко называют судебным красноречием. Что такое красноречие?

М.В. Ломоносов писал, что «красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить». Но может ли говорить «красно» прокурор, поддерживающий обвинение в убийстве? Уместна ли красивая, образная речь при изложении результатов судебно-медицинской экспертизы? или, например, при правовой квалификации преступления? при определении меры наказания подсудимому?

М.М. Сперанский определял красноречие как «дар потрясать души». Но как может потрясать души судебный оратор?

А.Ф. Кони различал понятия «красноречие» и «ораторское искусство». Красноречие он понимал как «дар слова, волнующий и увлекающий слушателей красотой формы, яркостью образов и силою метких выражений», т.е. как умение говорить образно, как природное дарование. Ораторское же искусство, по его убеждению, «есть умение говорить грамотно, убедительно».

Слово **красноречие** В.И. Даль определял как науку «и умение говорить и писать красно, убедительно (выделено мною. - *Н.И.*) и увлекательно».

Современные словари толкуют его так: «1. Способность, умение говорить красиво, убедительно (выделено мною. - *Н.И.*); ораторский талант || Искусная

речь, построенная на ораторских приемах; ораторское искусство. 2. Наука, изучающая ораторское искусство; риторика».

Значит, красноречие - это умение говорить не только красиво, но и убедительно, это сочетание таланта и определенных знаний и умений.

Судебное красноречие, основное назначение которого - способствовать установлению юридической истины по делу, формированию внутреннего убеждения судей, имеет свою специфику, которая обусловлена нормами процессуального закона и предполагает оценочно-правовой характер речи^[3]. Эту специфику охарактеризовал Н.П.Карабчевский: «Судебное красноречие - красноречие особого рода. На него нельзя смотреть лишь с точки зрения эстетики. Вся деятельность судебного оратора - деятельность боевая. Это вечный турнир перед возвышенной и недостижимой «дамой с повязкой на глазах». Она слышит и считает удары, которые наносят друг другу противники, угадывает и каким орудием они наносятся» [96. С. VI]. Тактика речи, стиль, ораторские приемы и речевые средства у каждого оратора свои, проверенные, отработанные. Одни покоряют судебную аудиторию силою своего вдохновения, как Ф.Н. Плевако, другие - глубиной мысли и ясностью изложения, как А.Ф. Кони. Но каждому судебному оратору важно уметь говорить доступно, грамотно, аргументировано. Это главное.

Возьмите для примера тексты судебных выступлений известных дореволюционных юристов К.К.

³ Об этом см. "Назначение судебной речи" и "Отличительные черты судебной речи" в теме 2.

Арсеньева, М.Ф. Громницкого, - язык их сухой, деловой. Вы не найдете в них ярких выражений, запоминающихся образов. Но речи глубоки по содержанию, аргументированы и убедительны, выводы обоснованы. Мысли излагаются точно, ясно и логично. Поэтому их справедливо считают образцами судебного ораторского искусства.

По нашему убеждению, **судебное ораторское искусство** можно определить как комплекс знаний и умений юриста по подготовке и произнесению публичной судебной речи сообразно с требованиями закона; как умение построить объективно аргументированное рассуждение, формирующее научно-правовые убеждения; как умение **воздействовать** на правосознание людей.

Судебное ораторское искусство связано с требованием логичности, убедительности. Доказательность - важнейшая черта рассуждений в судоговорении. Все положения в речи должны быть обоснованы, аргументированы.

«Выяснить, доказать и убедить - вот три взаимосвязанные функции, которые определяют внутреннее содержание судебного красноречия», - отмечал один из исследователей судебной речи^[4].

Искусство судебного оратора проявляется в умении четко определить тему спора (тезис, целевую установку), построить судебное выступление так, чтобы привлечь внимание судей и удержать его в продолжение всей речи, в умении полно и объективно проанализировать обстоятельства дела, указать причины преступления или

⁴ Михайлов М.М. Стилистика русской речи. Чебоксары, 1968. С. 198.

гражданского конфликта, дать глубокий психологический анализ личности подсудимого и потерпевшего, выстроить систему опровержений и доказательств, сделать правильные правовые выводы и убедить в этом судей и аудиторию. Проявляется оно и в умении оказать психологическое воздействие, в умении найти точные языковые средства для выражения мыслей, так как содержательная, ценная мысль нуждается в совершенной форме. Совершенство речи создает в судебной аудитории атмосферу доверия оратору.

Говорить хорошо в суде - это говорить по существу, тщательно, всесторонне и объективно анализируя материалы дела, опираясь на нормы права; говорить доходчиво, логично, убедительно, в соответствии с нормами литературного языка.

Красноречие же как «умение говорить красиво» является составной частью судебного ораторского искусства - эффективным средством эмоционального воздействия. Изобразительно-выразительные средства языка помогают судебному оратору акцентировать внимание суда на тех или иных деталях дела.

Раскрывая картину преступления, оценивая последствия преступления или незаконности сделки, создавая психологическую характеристику подсудимого, судебный оратор тем самым «потрясает души» слушателей. Безусловно, способствуют этому правильно выбранные языковые средства и ораторские приемы. «Судебные речи только тогда способствуют вынесению судом по результатам судебного разбирательства правильного и справедливого решения, когда позиции обвинения и защиты изложены достаточно ярко и

убедительно, по всем правилам ораторского искусства» [172. С. 141].

Требования к языку судебной речи в определенные эпохи претерпевают изменения. Если в дореволюционной России судебные ораторы, как правило, не употребляли речевых юридических стандартов, а многие адвокаты говорили с присяжными заседателями, «как говорят писатели с публикой», то в советский период считалось, что «всякие излишества, преследующие цель украшательства речи ради ее внешнего эффекта, могут только повредить делу и помешать достижению цели» [52. С. 15]. Говорить рекомендовалось языком закона. Речь судебных ораторов стала клишированной, стандартизированной. В настоящее время в соответствии с судебными реформами ощущается необходимость яркого, образного судоговорения. Сейчас актуальной становится мысль, высказанная когда-то Н.П.Карабчевским: «От внешней стороны речи требуется художественная цельность и целесообразная законченность» [95. С. 89].

Эта мысль стала особо актуальной в наши дни, когда в судебных прениях ежедневно произносятся однообразные, трафаретные, скучные, не всегда убедительные речи. Современные юристы поднимают вопрос о том, чтобы в суд вернулось «настоящее судебное ораторское искусство, в котором налицо и разумное содержание, и привлекательная изящная форма, когда полезное содержание подается не только убедительно, но и вызывает восхищение» [130. С. 49.]

Мастерство судебного оратора основывается на постоянном упорном, целенаправленном труде. Только частые упражнения и желание добиться мастерства приведут к умению говорить публично. В искусстве

судоговорения уметь говорить - значит свободно владеть всеми материалами дела, всеми доказательствами, **ощущать форму своей речи, понимать ее значение**, знать секреты профессии оратора. Четкое, ясное, безупречно аргументированное изложение своей позиции - важный признак культуры ораторского труда.

Чтобы приобрести умения, чтобы стать хорошим судебным оратором, нужно помнить, что подготовка судебной речи - дело творческое. Для этого необходимо овладеть логикой рассуждения и изложения, методами убеждения, ораторскими приемами, методикой подготовки и произнесения убедительной, воздействующей речи. Все это учит **риторика**, которая определяется как наука об условиях и формах эффективной речевой коммуникации, о многообразных способах убеждения аудитории с помощью речевого воздействия.

2. Речевая культура юриста

Все наши мысли выражаются посредством языка, языковых единиц^[5] Язык как система реализуется только в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение - быть средством общения. Речь - это последовательность единиц языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями передаваемой информации.

Речь - визитная карточка юриста

Речь - это не только средство выражения мыслей и чувств. Это показатель нашего интеллекта, постоянная реклама наших способностей, нашей работы над собой. По тому, как мы говорим, наши собеседники делают вывод, кто мы такие, так как речь независимо от воли говорящего создает его портрет, раскрывает его личность. Речь - это своеобразный паспорт человека, который точно указывает, в какой среде общается говорящий, как он относится к людям и родному языку, каков его культурный уровень. К.Г. Паустовский даже писал, что «по отношению каждого человека к своему

⁵ Язык - это система фонетических, лексических, грамматических единиц, являющаяся средством общения людей и выражения мыслей, чувств, волеизъявлений.

языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности».

От степени владения нормами и богатствами языка зависит, насколько точно, грамотно и понятно может говорящий выразить свою мысль, объяснить то или иное жизненное явление, оказать должное влияние на слушателей. Ведь речь может быть доходчивой - неясной, правильной - небрежной, уместной - неуместной, логичной - нелогичной, выразительной - сухой, богатой - бедной, самобытной - штампованной, убедительной - неубедительной.

В. Шекспир предупреждал молодых: «Следите за своей речью, от нее зависит ваше будущее». Действительно, если человек владеет речью, если умеет говорить доходчиво, логично и убедительно, - он легко устанавливает контакты с людьми, уверенно чувствует себя во всех жизненных ситуациях; у него удачно складывается карьера; он добивается успехов во всех своих делах. Он всегда лидер, всегда - ведущий.

Человеку же, не умеющему говорить грамотно и убедительно, суждено быть во всем только ведомым. Жить ему намного труднее: он чувствует себя скованным, ущербным; почти всегда терпит поражения; у него гораздо меньше друзей, да и карьера складывается непросто... Поэтому необходимо учиться культуре речи. А что это такое?

Культура речи понимается как умение использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач. Это употребление единственно нужных слов и грамматических конструкций в каждом конкретном случае.

Культура речи в значительной степени обусловлена культурой мышления, сознательной любовью к языку и уважением к себе как к личности. Однажды писатель Корней Иванович Чуковский на коряво сформулированный вопрос, «как повысить качество своего языка», ответил: «Нет ничего проще. Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего интеллекта».

Основной критерий культуры речи - нормативность, которая понимается как точность, правильность, чистота речи. Это умение точно, в соответствии с нормами литературного языка выражать мысли, без употребления жаргонных, диалектных и просторечных слов.

Высшим уровнем культуры речи является речевое мастерство, заключающееся в умении ясно (доходчиво), логично и убедительно раскрывать мысли, в богатстве словаря и разнообразии грамматических конструкций. Важно передать информацию не только грамотно, но и экспрессивно; не штампованными, надоевшими словами, а по-своему, самобытно, индивидуализировано. Речевое мастерство включает в себя умение найти наиболее точное, значит, наиболее подходящее для конкретной ситуации и стилистически оправданное средство языка. Речевое искусство предполагает и умение пользоваться риторическими приемами, способствующими эмоциональному, психологическому воздействию.

Важно ли для юриста независимо от его специализации владеть культурой речи? Безусловно, важно. Для юриста умение хорошо говорить - это прямая профессиональная необходимость. Почему?

Прежде всего потому, что профессия юриста требует не только профессионального мастерства, но и

широкого общего образования. По глубокому убеждению А.Ф. Кони, «юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального». И независимо от его коммуникативной роли - составляет ли он законопроекты, ведет дознание, оформляет гражданские сделки, выносит приговоры, защищает права подсудимых, следит за законностью судебных решений, занимается научной работой - он правовед, разъясняющий гражданам нормы права.

Юрист ежедневно имеет дело с самыми разнообразными явлениями жизни, и эти явления он должен правильно оценить, принять по ним нужное решение и убедить обращающихся к нему в правильности своей точки зрения.

Кроме того, юристу приходится сталкиваться с людьми разных профессий и различного культурного уровня. И в каждом случае необходимо находить нужный тон и слова, аргументирующие и грамотно выражающие мысли. Нарушение юристом языковых норм (например, употребление просторечных форм *не ложи, хотишь* и др.) может вызвать отрицательную реакцию или недоверие со стороны слушателей; пропадает уважение к юристу, появляется неуверенность в его знаниях.

К сожалению, речевая культура некоторых даже ученых-юристов оставляет желать лучшего. Например, рассуждая о языке права, о том, что «язык, как и право, - явление культуры», что «право развивает и обогащает культуру», автор одной из монографий небрежно обращается с лингвистическими терминами: вместо термина *лексика* (словарный состав языка) употребляет *лексикология* (раздел языкознания, изучающий словарный состав языка); вместо термина *синтагма*

(сочетание двух языковых единиц) - термин *синтагматика* (совокупность правил и закономерностей, определяющих отношения между единицами в речевой цепи); искажает лингвистические термины: *полисемичность* (надо: *полисемия*), *синонимирование* (надо: *синонимы*). В качестве готовых юридических стандартов приводит ошибочное соединение слов *назначить дело слушанием*. Почему такое неуважение к языку - основному профессиональному оружию юристов? К тому инструменту, с помощью которого передаются все нормы права. Разве такой язык может обогатить культуру?

Нет, формулируя и оберегая нормы права, юрист не может не охранять нормы родного языка. Этого требует и высокий статус права.

Крайне важно, чтобы общение в правовой сфере соответствовало требованиям правовой культуры, одной из составных частей которой ученые-юристы считают культуру речи^[6]. От уровня культуры речи во многом зависит престиж органов правосудия, выполнение юристом его высокой общественной функции.

Кроме того, большинству юристов приходится читать лекции на правовые темы или выступать в суде в качестве обвинителя или защитника, представителя гражданского истца или ответчика. А для этого важно владеть навыками публичной речи. А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, П.А. Александров, В.Д. Спасович, В.И. Жуковский, Н.П. Карабчевский, Н.И. Холев, К.Ф. Хартулари, С.А. Андреевский, А.И. Урусов, М.Г. Казаринов оставили нам прекрасные образцы ораторского

⁶ См.: Подголин Е.Е. Культура следственных действий: Учеб. пособие. Волгоград, 1978. С. 4-6.

мастерства. Высокий рейтинг многих современных судебных ораторов определяется тем впечатлением общей культуры и интеллигентности, которое создают их выступления, безукоризненное владение литературным языком, умение точно, ясно, правильно и логично выразить мысль. Это обязательное условие успешной самопрезентации судебного оратора.

Специфика языка права

Но можно ли говорить о культуре речи юриста, если его профессиональная речь звучит в сугубо официальной обстановке, если язык права довольно специфичен? В нем, например, много терминов, имеющих особое юридическое значение, таких, как *кодекс, контрабанда, сделка, показания, приговор, алиби, улика, амнистия, конфискация* и др. В качестве терминов используются некоторые разговорные слова, например: *промотание, попрошайничество, оговор*; устаревшие: *деяние, сокрытие*; отглагольные существительные, не характерные для общего употребления: *поставление, отобраение, недонесение, вменение, приискание, перенаём, душеприказчик*. Большинство многозначных слов обозначает особые юридические понятия. Так, *возбудить* - начать производство уголовного дела; *склонить* - заставить совершить преступление; *смягчить* - сделать наказание менее суровым и строгим; *статья* - определенный раздел, параграф в юридическом документе; *организатор* - инициатор преступления; *погашение* - прекращение срока судимости; *привод* - принудительное доставление кого-либо в органы

расследования; *мотив* - побудительная причина, основание преступных действий; *показать* - дать показания при допросе; *эпизод* - часть преступных действий и др. Наблюдаются своеобразные словосочетания, не употребляющиеся за пределами правовой сферы общения, например: *применить меры, противная сторона, виновная связь, добросовестное заблуждение, применение давности, увольнение от должности, осудить к лишению свободы, ненадлежащая сторона* и др.^[7]

В речи юриста много готовых стандартных выражений - «юридических формул»: *рассмотрев материалы дела, вменить в вину, заключить сделку, возместить ущерб, в установленном законом порядке, положения настоящего договора, из хулиганских побуждений, доверительное управление, государственная пошлина, безвестно отсутствующий, неделимая вещь, наследник по закону, расторжение брака, меры пресечения, принятие к своему производству*^[8].

Понятие культуры речи юриста

⁷ Подробно об этом см.: Ивакина Н. Дело производством прекратить! (см. Приложение 2).

⁸ Подробно об этом см. с. 126-128 данного пособия, а также: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997

Что входит в понятие культуры речи юриста?

Следует помнить, что речь имеет две формы: письменную и устную. Письменная речь осуществляется, как правило, в официальных ситуациях; она рассчитана на предварительное обдумывание, значит, требует предельной точности, строгого соблюдения норм литературного языка. С учетом задач уголовного и гражданского судопроизводства культуру письменной речи юриста можно определить как выбор и организацию языковых средств, которые соответствуют официальной ситуации и требованиям УПК и ГПК РФ и адекватно отражают устанавливаемые по делу фактические данные. В процессуальных актах оптимальными являются средства официально-делового стиля, в котором используется большое количество готовых, стандартных выражений - клише.

Культура речи юриста предполагает также знание норм устных публичных выступлений. В выступлениях прокурора и адвоката на суде отражаются те же факты, что и в процессуальных документах по конкретному делу, поэтому судебные ораторы нередко используют конструкции, уместные лишь в письменной официально-деловой речи. А публичная речь требует богатства словаря, художественной выразительности! Ведь она обращена непосредственно к живым людям! Поэтому культура публичной речи - это такое мотивированное использование языкового материала, которое является оптимальным для данной ситуации и содержания речи. Речь должна быть такой, чтобы она привлекала внимание, наилучшим образом содействовала убеждению. Прочитайте обвинительную речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем; защитительные речи - П.А.

Александрова по делу В. Засулич, С.А. Андреевского по делу Мироновича, Н.И. Холева по делу Максименко, Я.С. Киселева по делу Бердникова, отвечающие этим требованиям.

О культуре устной судебной речи следует говорить и потому, что на суде каждое слово не только несет информацию, но и оказывает большое психологическое воздействие, например: *Наказание - это не только кара, это возможность искупить вину, исправиться, перевоспитаться.* Не однажды приходилось наблюдать, как под воздействием убедительной речи прокурора, анализирующего и оценивающего преступные действия подсудимого, подсудимый все ниже и ниже опускает голову, иногда плачет. И наоборот, слушая речь адвоката, выражающего мысль, что его подзащитный еще не потерянный человек, что у него много положительных качеств, подсудимый поднимает голову, лицо его светлеет. Он понимает, что ему верят.

Недостаточно грамотно составленное обвинительное заключение (которое обязательно оглашается в судебном процессе), а также штампованная, сухая, неинтересная и неубедительная речь прокурора (нередко читающего текст обвинительного заключения вместо произнесения речи) или адвоката не способствуют выполнению судом его высокой функции. Допущенная судебным оратором речевая ошибка дискредитирует его как представителя органов правосудия.

Если ошибка осталась незамеченной, то юрист, человек с высшим образованием, консультант граждан, оказывается проводником речевого бескультурья. Таким образом, речевая культура не личное дело каждого

юриста. Вопросы культуры речи поднимаются самой жизнью, практической необходимостью. Уважительное отношение к языку, чистая, правильная, богатая речь юриста - это в определенной мере показатель его уважения к нашим законам.

Грамотный оратор не скажет: *Читая дело / у меня / в общем-то / никаких сомнений / не вызвало о том / что в действиях Сазонова / будем говорить / есть состав преступления //*. Действительно грамотного судебного оратора отличает глубина и ясность мысли, логичность и аргументированность речи, умение находить в каждом конкретном случае нужные, точные слова для передачи мыслей, умение грамотно оформлять высказывания. Мастер слова сможет передать психическое состояние подсудимого (что в современных судебных речах делается, к сожалению, крайне редко), сумеет вызвать у судей сочувствие или справедливое негативное отношение к нему.

На научно-практической конференции по вопросам повышения эффективности поддержания государственного обвинения отмечалось, что именно государственный обвинитель представляет прокуратуру в глазах народа, по его работе люди судят о прокуратуре в целом. И мнение во многом зависит от того, как прокурор умеет говорить. О необходимости владеть богатствами русского языка писал А.Ф.Кони: «Пусть не мысль ваша ищет слова... пусть, напротив, слова покорно и услужливо предстанут перед вашей мыслью в полном ее распоряжении». Юристу важно владеть нормами публичной речи, ораторским мастерством, для того чтобы ясно, точно, логично, уверенно и убедительно,

экспрессивно выражать мысли. Это одно из решающих условий повышения эффективности судебных прений.

3. Качества воздействующей речи

Судебная речь имеет целью **убедить** судей и присяжных заседателей в правильности позиции оратора. Для этого она прежде всего должна быть понята составом суда, а также всеми слушателями. Значит, первое необходимое качество судебного выступления - ясность.

Ясность

На ясность как главное достоинство речи указывал еще Аристотель: «Достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этому служит то, что, раз речь не ясна, она не достигает своей цели». О «необыкновенной, исключительной» ясности на суде писал П. Сергеич^[9]: «... Не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья» [198. С. 35]. Запомните это напутствие.

Чем достигается ясность? Прежде всего глубоким знанием материала, четкой композицией речи, логичностью изложения, убедительностью аргументов. Таким качеством отличались речи многих

⁹ П. Сергеич - известный дореволюционный юрист П.С. Пороховщиков, автор книги "Искусство речи на суде". Далее - П.С. Пороховщиков.

дореволюционных судебных ораторов, которые старались сделать изложение доступным для восприятия.

Нередко доходчивость (доступность) называют простотой. Простота изложения способствует тому, что речь понимается легко и мысль судей без затруднений следует за мыслью оратора. Однако не следует путать простоту и примитивность. Простота речи предполагает использование и сложных синтаксических конструкций, и риторических приемов. Вовремя и кстати приведенное сравнение, яркая метафора, риторический вопрос, фразеологизм оживляют выступление, делают его более доходчивым. Достигнуть простоты, ясности можно только настойчивой работой над каждой речью.

Речь становится неясной вследствие нечеткого знания материалов дела, вследствие низкой культуры мышления. Мысль, вполне сложившаяся в мозгу, легко находит точное выражение в словах; неопределенность выражений обычно бывает признаком неясного мышления^[10], например: *Мотивом для ее увольнения | послужили ненадлежащие | неблагоприятная обстановка вообще | в этом коллективе | и в частности виновная | так сказать | к этим еще более сложившимся | неправильным | ну жизни что ли | этого коллектива | той обстановки | в которой она находится | ее отношение ко всем делам | что там делается||*. Или: *Куликов | подпись этого человека | этого начальника | абсолютно так сказать | ну | заинтересована что ли | в исходе этого дела | человека||*.

¹⁰ Вспомните, что писал В.Г. Белинский: "...слов недостает у людей только тогда, когда они выражают то, что сами не понимают хорошенько".

Надо несколько раз перечитать эти высказывания, чтобы понять, что хотел сказать, какую мысль собирался выразить оратор. Невольно вспоминаются стихи Я. Смелякова:

Неясных замыслов величье Их души пламенные
жгло, Но сквозь затор косноязычья Пробиться к людям не
могло.

Довольно часто речь становится неясной из-за неуместного использования в ней иноязычных слов и узкоспециальных терминов: *В ее жизни встал известный ингредиент. Или: Моему подзащитному инкриминируется...*

К неясности речи обязательно приведет неуместное использование местоимений: *В соответствии с | установленной длительностью | нахождения | м-м | на излечении потерпевшего | я полагаю | что его действия могут быть квалифицированы | только статьей 112 частью первой | поскольку он лечился | менее четырех недель|/*. Или: *В январе 1983 года состояние здоровья Ясенкова Р. Т. ухудшилось, и сын перешел жить к отцу, так как необходим был уход за ним. 20 января 1983 года Ясенков Р. Т. умер, а 26 августа его прописали в этой квартире (Чьи действия следует квалифицировать статьей 112? Кого прописали в квартире?).* Не напоминает ли все это «монолог» из рассказа А.П. Чехова: «А он схватил его, подмял и оземь... Тогда тот сел на него верхом и давай в спину барабанить... Мы его из-под него за ноги вытащили. - Кто кого? - Известно кого... На ком верхом сидел... - Кто? - Да этот самый, про

кого сказываю»? Не забывайте, что местоимение принимает значение того слова, за которым стоит^[11].

Причиной неясности может быть многословие: *Другие показания давались Иванченко о том | что у него значит | украли | значит | это самое || И Протокова рассказала здесь | в суде | каким образом | она обнаружить кражу в своем домике | что у ней было украдено | и что значит | какие повреждения | не могла ||*, а также нарушение согласования: *Он не отрицает факта кражи | вещей | личного имущества | Скворцовой | которая принадлежала товарищу Петрову ||*. Создает неясность и неправильный порядок слов: *При попытке скрыться они были задержаны с украденными вещами дружинниками. Или: Потеряева распустила свою корову | которая топчет огороды | пьяная бегает по соседям | грозит избить Юшкова | и ругается ||*. Попробуйте, например, сразу, после первого прочтения, понять смысл ст. 65 ГК РФ или ст. 186 УПК РФ. Трудно. Потому что неясность в данном случае - это результат неправильного порядка слов.

Точность

Ясность выражения мысли ведет к такому качеству речи, как точность. Точность - характеристика содержания речи на основе соотношения речи и действительности (это фактическая, предметная точность), соотношение речи и мышления - это

¹¹ Об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997. С. 7.

понятийная, смысловая точность, которая зависит от того, насколько говорящий следит за значением употребляемых слов. Понятийная точность - это поиск слова или выражения, наилучшим образом соответствующего замыслу автора.

С целью объективного анализа доказательств, а значит, достижения предметной точности судебный оратор приводит слова подсудимого (потерпевшего). Так, чтобы доказать виновность Капустиной в организации заказного убийства мужа, прокурор приводит ее слова, сказанные предполагаемому исполнителю заказа: «без него было бы спокойнее» [172. С. 362]. С целью достижения точности (юридической истины) оратор может использовать и жаргонные слова, которые были употреблены подсудимым: «Свидетель Горлов говорил, что дней за десять до убийства к нему домой приезжал Еремин и предлагал «попасти» одного человека. На его уточняющий вопрос Еремин ответил, что надо «завалить» Гула (то есть Гулова)» [172. С. 310].

Речевые неточности, вызванные слабым знанием предмета речи, вызывают негативное отношение слушателей к судебному оратору. Понятийная точность зависит от точного словоупотребления, в частности, от выбора синонимов. Обратите внимание, насколько точно выделенные слова характеризуют ситуации и людей: *Легко и свободно, переходя от предмета к предмету, болтает жена мужу о всех интересах дома* (легкий, непринужденный разговор). Или: *За утренним чаем, развязно посмеиваясь, она вдруг брякнула мужу: «А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса»* (легкомысленный, необдуманный поступок). Попробуйте

употребить синонимы *рассказывает, сказала* - и точность образов исчезнет.

Точность достигается употреблением юридических терминов и клише: *мотивы преступления, а не побуждения; возбудить уголовное дело, а не начать; применить меры пресечения, а не принять* и др.

Способствуют точности и повторы: «Рассмотреть эту жизнь весьма *поучительно; поучительно* рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени виновна В. Засулич, но ее прошедшее *поучительно* и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных...» (П.А.А.).

П.С. Пороховщиков советовал судебным ораторам запомнить, что одно неудачное выражение может извратить мысль, сделать трогательное смешным, значительное лишить содержания, как, например, в случае, когда прокурор, поддерживая обвинение подростков в убийстве, сказал, что подсудимые «откололи такое».

Нарушение точности приводит к тому, что представления и понятия искажаются. Возьмем такой пример: кандидат юридических наук, рассуждая в солидном юридическом журнале о многозначности оценочных понятий в уголовно-процессуальном законе, ратуя за точность словоупотребления, сам неточно употребляет лингвистический термин: «этимологическое значение» вместо *лексическое значение*^[12].

¹² Этимологический сочетается только со словами анализ, корень, словарь, так как этимология - это раздел языкознания, изучающий происхождение и историю слов. Лексическое значение слова - содержание слова, т.е. соотнесенность слова

Анализ устных судебных речей, записанных на магнитную пленку, показал, что юристы нередко употребляют слова, не учитывая их значения, в результате чего мысль выражается не совсем точно, например: *Пискарев имел два прогула | а также неоднократно | посещал | медвытрезвитель ||* (вместо: **доставлялся в...**). Или: *Семина занимала ей | вот такие большие | суммы | денег ||* (вместо: *одалживала* или *давала в долг*). Или: *В тот же день они совершили поход | значит | взяли с собой инструменты | и совершили кражу ||*. В данном примере слово *поход* может быть воспринято только в ироническом смысле, что здесь совершенно неуместно. И обратите внимание: употребив неточно слово *поход*, прокурор допускает следующую ошибку: вводит ненужное слово *значит*, желая смягчить погрешность. Еще примеры: *Федоров обнажил нож | перед группой людей | и нанес удар ||*. Или: *Беспричинно | из хулиганских побуждений | Слюнков | нанес удар потерпевшему ||*. Ошибку, допущенную в последнем примере, хорошо разъяснил адвокат Н.П. Кан: «Позвольте спросить, из каких источников обвинительная власть почерпнула столь неожиданный тезис о гнусном умысле и о беспричинном, а значит, по понятию следователя, хулиганском ударе ножом? Таких источников вы нигде не найдете. Когда-то действительно хулиганские проявления определялись как беспричинные действия. Более глубокого заблуждения трудно найти, ибо ни в природе, ни в обществе беспричинных явлений не существует... Хулиганство, как и любое явление, всегда детерминировано определенными факторами» [см. с. 355 данного пособия].

Неточность могут вызвать и «модные» слова. Так, в наши дни вместо слова *довольно* (в значении «до некоторой степени») нередко используется, особенно молодежью, слово *достаточно*, которое имеет значение «столько, сколько нужно, сколько требуется для чего-либо». Вот примеры, услышанные по радио: *У него достаточно низкий уровень образования.* Или: *Вы считаете, что наша казна достаточно пуста?* Даже в зале суда можно услышать: *Его родители - достаточно бедные люди.* Или: *Его жена была достаточно красива.* Или: *В городе достаточно высокий уровень преступности.* Как, по каким параметрам можно определить достаточность образования, бедности, красоты, пустоты казны или достаточность преступности? Понятно, что во всех этих примерах следует употребить *довольно*. А вздумайте в сочетании *достаточно мало* (!?)...

К неточному выражению мысли ведет смешение паронимов^[13]: 1. *К нему необходимо применить статью 62-ю | и направить его | на принудительное лечение от алкоголя ||.* Или: *Необходимо установить | имелись ли эти | наземные препятствия | значит | на пути следствия | воздушного судна ||.* Или: *Происходит наращивание преступности.* Или: *После того как | вернулся в семью отец | он отжил | стал веселым | стал больше бывать дома ||* (надо: **от** алкоголизма, следования, нарастание, лучше - **нарастает, ожил**).

Неприятно поразили высказывания юристов: *Мой подзащитный Сафронов | не создавал криминальной*

¹³ Паронимы - (от пара... и греч. опута — имя, название, слово), слова, близкие друг другу по звучанию, частичное совпадение внешней формы которых является случайным, то есть не обусловлено ни семантикой, ни словообразовательными процессами, например время и бремя, апеллировать и оперировать и т.п.

ситуации | не создавал // . И еще: Эти вопросы | не входили в его компетентность // . Проверим значение этих слов по словарю паронимов. **Криминальный** (лат.) - 1) уголовный, преступный; 2) относящийся к преступлениям. В первом примере надо было употребить пароним **криминогенный** (греч.) - «порождающий преступления», «способствующий совершению преступления». Во втором случае неправильно выбрано слово **компетентность**, так как оно обозначает «обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо, высказывать авторитетное мнение». Здесь нужен был пароним **компетенция** - «круг полномочий какого-либо учреждения или лица».

Довольно часто юристы путают паронимы **предоставить - представить, завышенные - повышенные, вина - виновность**^[14]; особенно часто вместо юридических терминов **виновность, виновен** используются их паронимы **вина, виноват**. Ответственно относились и относятся к употреблению этих слов талантливые ораторы, например: Н.П. Карабчевский (см. с. 192), Н.И. Холев (см. с. 102), И.М. Кисенишский (см. с. 115), А.С. Экмекчи (см. с. 131) и др.

2. Неточность создается и недоговариванием суффикса **-ся** в паронимах - возвратных причастиях: *Федоров схватил первую попавшую трубу | и | нанес удар // . Или: Согласно документам | имеющим в деле | я прошу | удовлетворить просьбу // . Или: Лицо | находящее за рулем в нетрезвом состоянии | является*

¹⁴ Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Паронимы в речи юриста // Правоведение. 1991. № 1; Ее же. Профессиональная речь юриста. М., 1997. С. 131-138; Питерцев С.К. Составление обвинительного заключения: Учеб. пособие. Л., 1981. С. 31.

потенциальным преступником // (надо: поповшуюся или поповшую под руку, имеющимся, находящееся).

Понятийная точность нарушается в результате небрежного обращения с частицей *не* (в результате ее пропуска): *Человек должен поступать так | чтобы не причинять зла другим | позволять себе быть только | потребителем | благ и радостей //*. Или: *Прошу вас | определить | в отношении моего подзащитного | наказание по части первой статьи 112 УК | не связанное с лишением свободы | и передачей его на поруки | и перевоспитание коллектива //*. Или: *Штурман | сегодня несет ответственность | за соблюдение | установленного правилом | прямого режима полета | и точность самолетовождения // (надо: не позволять; **прошу передать его на поруки; за несоблюдение и неточность**)*. Еще пример: *Все это не может сказываться | отрицательно | и сказывается отрицательно | как правило на поведении | несовершеннолетнего | подростка // (надо: **не может не сказываться**)*.

Неточно выражают мысль высказывания, засоренные лишними, «любимыми» словами и словосочетаниями: *ну, значит, в общем-то, что ли, так сказать, как говорится, если можно так сказать, будем так говорить, как бы и др.* «У одного, - писал П.С. Пороховшиков, - только и слышно: *так сказать, как бы сказать, как говорится, в некотором роде, все ж таки;* это последнее слово... само по себе далеко не благозвучное, произносится с каким-то змеиным пошипом, другой поминутно произносит: *ну...* третий между каждыми двумя предложениями восклицает: *да!* - хотя его никто ни о чем не спрашивает...» [198. С. 31-32].

Из-за таких слов-сорняков, как *что ли, будем так говорить*, четко сформулированная мысль становится неточной, приблизительной; оратор словно кается в неумении точно выразиться. Модное слово *в общем-то* также не позволяет выразить мысль точно, определенно. А на суде нужно говорить по каждому делу не «в общем-то», а конкретно! Кроме того, бесконечно повторяемое слово отвлекает слушающих от содержания речи и вызывает желание сосчитать, сколько раз выступающий произнесет любимое слово, совершенно ненужное. П.С. Пороховщиков рассказывает о том, как прокурор, обвиняя шорника в непреднамеренном убийстве, три раза употребил в паузах слово *хорошо*. «Невольно думалось, - пишет автор, - человека убили, что тут хорошего».

С чьей-то легкой руки стало модным употреблять слова *как бы*, которые не позволяют точно определить действие или состояние: *Вы как бы признаете себя виновным частично?* Или: *Вы как бы попали случайно в эту компанию?* Прокурор говорит: *Он является как бы организатором этого деяния*. Или еще пример: *Родители как бы переехали в другой город*. Слова *как бы* не несут информации; воспринимаются они как словесный мусор, к тому же выражают мысль неточно. Так и хочется спросить: Так был он организатором или нет? Ведь от этого зависит правовая квалификация деяния. И почему *как бы переехали?* Можно или переехать, или не переехать. Как бы переехать нельзя. «Костылями хромого оратора» назвал такие слова Е.А. Матвиенко [142. С. 116].

Неточность речи всегда возникает при употреблении иноязычных слов без учета их значения. Так, судья пишет в решении: *С учетом девальвации*

выплатить... А надо было: с учетом **инфляции**, т.е. с учетом «обесценивания бумажных денег». **Девальвация** же - это «официальное снижение курса бумажных денег по отношению к золоту или уменьшение золотого содержания денежной единицы».

Нередко **легитимный** употребляют вместо слова **законный**. Однако **легитимация** - это: 1) признание или подтверждение законности какого-либо права или полномочия; 2) документы, подтверждающие это право или полномочие; 3) по буржуазному праву - узаконение. Налицо смешение паронимов **законный - узаконяющий**.

Довольно часто слово *апробировать* употребляют в значении *опробовать*: *Эти методы работы неоднократно апробированы; детали апробируем в процессе работы; была проведена апробация* и т.д. Да, слова **апробировать** и **опробовать** созвучны, но не имеют ничего общего в значении: **апробировать** (лат. *approbare*) - одобрять, утверждать; **опробовать** - подвергнуть испытанию, прежде чем начать использовать. Значит, в приведенных примерах нужны слова *опробованы (проверены), опробуем (проверим), проверка (опробование)*.

Об опасности неточного словоупотребления предупреждал А.А. Ушаков: «Неточное слово в праве - большое социальное зло: оно создает почву для произвола и беззакония»^[15].

¹⁵ Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

Логичность

Точно обозначенные понятия, ясно выраженные мысли должны быть поданы логично, т.е. должны отражать логику отношений и зависимостей между явлениями. Логичность определяется в лингвистике как выражение в смысловых связях компонентов речи связей и отношений между частями и компонентами мысли.

Различается логичность предметная и понятийная. Предметная логичность состоит в соответствии смысловых связей и отношений языковых единиц связям и отношениям предметов и явлений в реальной действительности. Логичность понятийная отражает логичное движение мысли в смысловых связях элементов языка [57. С. 145]. Мыслить и рассуждать логично - значит мыслить точно и последовательно, доказательно и убедительно, не допускать противоречий в рассуждении. Это желательно помнить судебным ораторам, так как их речи требуют обоснованности выводов.

Логичность на уровне целого текста создается композицией выступления и рядом логических приемов, основные из которых - определение понятия, объяснение, описание, сравнение, анализ, синтез, абстрагирование. Логичность на уровне отдельных частей судебной речи зависит от того, насколько ясно и правильно выражена связь отдельных высказываний и

композиционных частей. Одним из средств связи являются логические вопросы^[16].

Уместность

Важным качеством судебной речи является уместность, т.е. соотнесенность языковых средств с целевой установкой, с содержанием речи, умение построить ее соответственно теме, задаче, времени, месту и оратору. Рассмотрим примеры. Каждый культурный человек без труда употребит правильную форму управления: *пошла **за водой, за хлебом***. Однако среди жителей села уместным будет разговорный вариант *пошла по грибы, по воду*. Услышав *пошла за водой*, в деревне вас обязательно поправят: *Не за водой, а по воду: за водой далеко уйти можно*. Вспоминается такой случай. На теплой, неофициальной встрече бывших одноклассников хозяин квартиры, в которой проходил вечер, тост начал словами *Господа одноклассники!* Чувствуете неуместность слова *господа*? Да, в связи с изменениями в жизни нашего общества это слово вернулось в нашу речь, но оно несет в себе официальный оттенок и поэтому употребляется только в официальных ситуациях, в обращениях к официальным лицам. Употребленное в разговорной речи или неофициальной обстановке, оно становится неуместным или приобретает иронический оттенок.

¹⁶ Подробно об этом см. с. 101 - 104.

Академик И.П. Бардин на вопрос, как правильно говорить: *километр* или *километр*, дал мудрый ответ: «Когда как. На заседании президиума Академии - километр, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, километр, а то подумают, что зазнался Бардин».

Уместная речь обладает следующими признаками:

1) соразмерностью языковых средств и содержания, т.е. слова должны точно передавать то или иное содержание. Например, определяя степень тяжести причиненного телесного повреждения, не следует выражать мысль приблизительно: *очень тяжелые повреждения*, - нужно использовать юридический термин *тяжкие телесные повреждения*. По этому поводу можно привести высказывание П.С. Пороховщикова: «Красота и живость речи уместны не всегда; можно ли щеголять изяществом слога, говоря о результатах медицинского исследования мертвого тела, или блистать красивыми выражениями, передавая содержание гражданской сделки?» [198. С. 35];

2) соответствием языковых средств обстановке. В доме, в котором горе, неуместно приветствие «Добрый день». В следующих примерах неуместны выделенные словосочетания: «Девушка-работница в пьяном виде зарезала мать. Присяжные узнают от оратора, что это произошло *в один прекрасный день...*» И еще: «Два татарина задушили старого извозчика... И среди угнетенной тишины судебного зала раздаются слова обвинителя: «Мы не знаем, кто из подсудимых был руководителем, *играл*, так сказать, *первую скрипку*» [198. С. 71-72];

3) соответствием языковых средств оратору. Вспоминается такой случай. В судебном заседании одна из свидетелей употребила в показаниях жаргонное слово *кабак*. Адвокат в воспитательных целях спрашивает ее: «Скажите, что такое кабак?» - и добивается, чтобы она ответила: «Ресторан». Сам же в защитительной речи употребляет просторечия: «Кража сумочки вменена ей *чихом*», «Первая судимость у нее *плёвая*», «Как могла она реагировать на *похабную* записку?». Юристу, выступающему в судебных прениях, нужно употреблять слова в соответствии с официальной обстановкой и своим служебным положением.

Чистота

Речь юриста, выступающего в суде, должна быть чистой. Чистой считается та речь, в которой нет просторечных и диалектных слов типа *хотишь*, *ложит*, *приглянулась*, *лыва*; нет жаргонных слов, например, *крутые*, *тащусь*, *кинуть*, *балдеть*, *прикид*, *облом*, *прикалываться*, *тусовка*, *разборки*, *раскрутка*, *достать*, *челноки*, *наехать*, *козел* и др. В чистой речи не может быть современных устойчивых словосочетаний, таких, как *высокая крыша*, *лицо кавказской национальности*, *крыша поехала*, *встать на уши*, *лапшу на уши вешать* и т.д. Засоряют речь различные заполнители пауз, например: *а-а-а-а*, *м-м-м* и др. Не является чистой и речь адвоката, о котором мы говорили выше. Такую речь трудно слушать. Речь может быть засорена и «любимыми» словами, которые употребляются бездумно.

Не забывайте о неуместном употреблении слов *как бы*^[17]. Засоряют речь слова с неправильной постановкой ударения: *облегчить, осужден, средства, вероисповедание* и др. (Надо: *облегчить, осуждён, средства, вероисповедание.*) Не назовешь чистой речь прокурора, поддерживающего государственное обвинение по делу Рытова: «На следствии и в суде // и Баженов и Новичков / рассказали о том / как они встретились с Рытовым / а они встретились с ним / вот как раз в подвале дома / где *значит* / состоялся разговор / разговор / а затем после этого разговора / *значит* / они сказали / что вот / учатся понимаете / в такой *значит* школе / и таким образом / в этот же день / они совершили поход / *значит* / взяли с собой инструмент / и совершили кражу //^[18]. Почему данную речь нельзя назвать чистой? - Во-первых, потому что хочется сосчитать, сколько раз повторится «любимое» слово; во-вторых (и это главное!), чувствуется беспомощность говорящего в выборе слов. О каком достоинстве (которое, как писал Цицерон, необходимо оратору) данного оратора можно говорить?

Правильность

Одним из основных качеств судебной речи, определяющих ее эффективность, является

¹⁷ Об этом см. с. 32, 33 данного пособия.

¹⁸ Подобные примеры см.: Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. М., 1995. С. 291-322. На них, как всегда на чужих ошибках, можно хорошо учиться чистоте и правильности речи

правильность, которая предполагает соблюдение общепринятых норм литературного языка. Языковые нормы - это наиболее распространенные, принятые в общественно-речевой практике и регламентированные правилами варианты произношения, употребления слов, правописания, постановки знаков препинания, словообразования. Нормы складывались в языке исторически, они являются результатом отбора наиболее пригодных из числа сосуществующих и отражают реальные тенденции развития языка. Нормы языка характеризуются относительной устойчивостью, общеобязательностью. Важно соблюдение лексических норм, обеспечивающих точность словоупотребления; орфоэпических (произносительных) и акцентологических (норм ударения), обуславливающих единство звукового оформления речи. Грамматические нормы (морфологические и синтаксические) устанавливают единообразие форм словоизменения и соединения слов в словосочетания и предложения. Стилистические нормы обеспечивают уместность в речи эмоционально и функционально окрашенных языковых средств.

В примере *Все свои документы я утратил* нарушена лексическая норма (надо: **потерял**); манерное произношение *пионэр, сэссия, шинэль, акадэмия* нарушает орфоэпические нормы; в словах *звонишь, красивее, средства* нарушены акцентологические нормы (надо: *звонишь, красивее, средства*). В словах *года, ветра, торта, профессоры, носок, чулков, ясель, плечей, блюдцев* нарушены морфологические нормы (правильно:

годы, ветры, торты, профессора, носков, чулок, яслей, плеч, блюдца)^[19].

Некоторые юристы затрудняются в выборе слов **класть - положить**. Следует знать, что глагол **класть** бесприставочный, значит, он несовершенного вида (отвечает на вопрос *что делать?*) и поэтому может употребляться во всех трех временах: в прошедшем (**клал, клала, клали**), настоящем (**кладу, кладешь, кладет, кладем, кладете, кладут**) и будущем (**буду, будешь, будут класть**). Формы повелительного наклонения от этого глагола - **клади, кладите**. Глагол **положить** (*что сделать?*) - совершенного вида, следовательно, имеет формы только прошедшего (**положил, положила, положили**) и будущего времени (**положу, положишь, положит, положим, положите, положат**). Повелительное наклонение - **положи, положите**. Слова *ложу, ложила, ложить, покласть* - просторечные.

Довольно часто приходится наблюдать нарушение судебными ораторами синтаксических норм, в частности, норм управления, например: *не касались к нему, согласно приказа, согласно статьи, уточнили о том, попытка о смягчении наказания, благодаря трудолюбия, установили о причинах преступления* и т.д. (надо: **не касались его, согласно приказу, согласно статье, уточнили что-то, попытка смягчения наказания, благодаря трудолюбию, установили причины преступления**).

Неумение употреблять в речи деепричастные обороты также нарушает синтаксические нормы: *Уже*

¹⁹ Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М, 1997.

находясь в местах лишения свободы | ему исполнилось 18 лет ||. Или: И вот возвращаясь домой | что-то помешало ему ||. Или: Имея большой опыт самолетовождения | курс им был взят правильно ||. Следует помнить, что деепричастный оборот всегда обозначает добавочное действие подлежащего, главное же действие подлежащего выражается глаголом-сказуемым, например: *Рассмотрев материалы дела, суд принял решение.* Посмотрите: главное действие (*принял решение*) и добавочное (*рассмотрев материалы дела*) выполняются одним и тем же подлежащим *суд*. Значит, в приведенных выше примерах исправить ошибки можно путем замены деепричастного оборота: а) придаточным предложением: *Ему исполнилось 18 лет, когда он находился...; когда он возвращался домой, что-то помешало ему...;* или б) введением подлежащего, с которым соотносится деепричастный оборот: *Имея большой опыт самолетовождения, курс он взял правильно.*

В высказываниях *Он шел по линии резкой критики имеющихся недостатков* и *Я была замужем, но муж исчез в просторах нашей родины* нарушены стилистические нормы. **Полинии** - словоформа официально-делового стиля, неуместная в разговоре о чертах личности, к тому же она влечет за собой несколько форм родительного падежа, что характерно для письменной официально-деловой речи: *по линии резкой критики имеющихся недостатков.* В устной речи правильнее сказать *он критиковал.* Во втором примере словосочетание *в просторах нашей родины* характерно для публицистической речи, поэтому неуместно в показаниях подсудимой. К тому же в современной речи это словосочетание является устаревшим; оно

использовалось в публицистической речи советского периода.

Из-за небрежного отношения к словам, к их составу слово **почтамт** довольно часто произносится и пишется как *почтамп*, что является просторечным вариантом (надо: *с почтамта, на почтамте* и т.д.). Мы настолько привыкли слышать *орать* вместо **кричать**, *забирать* вместо **брать**, что уже не замечаем их разговорно-просторечной окраски.

Умение говорить грамотно - обязанность судебного оратора. Казалось бы, внимание судей и присутствующих на суде граждан сосредоточено на содержании речи, однако любое нарушение нормы языка вызывает негативную реакцию, недоверие оратору, кроме того, отвлекает от восприятия материала: «...вас никогда не оставит чувство неуверенности, пока не будете твердо знать, что ваша речь грамматически правильна. Только полная уверенность в этом отношении дает возможность при произнесении речи сосредоточиться не на словах, а на ее содержании» [210. С. 304].

Лаконичность

«Речь должна быть коротка и содержательна», - указывал П.С. Пороховщиков. Некоторые юристы, авторы работ о судебной речи, считают, что «лаконизм речи достигается употреблением коротких фраз, ибо они легче воспринимаются». Конечно, короткие высказывания воспринимаются легче, чем длинные построения; об этом пишут и психологи. Однако лучшие судебные ораторы

использовали и используют сложные синтаксические конструкции с причастными и деепричастными оборотами, с однородными членами предложения; но, когда ораторы говорят по существу, убедительно, названные языковые средства способствуют проявлению ораторского мастерства.

Можно ли требовать от юриста краткого выступления на суде? А если обстоятельства дела требуют и подробного изложения действий подсудимого, и опровержения точки зрения процессуального оппонента, и глубокой правовой оценки материалов дела? УПК РФ определяет, что судебные прения не могут быть ограничены во времени. Г.П. Падва, например, в защитительной речи по делу «ЮКОСа» проанализировал в течение пяти часов только два пункта обвинения.

Обвинительная речь прокурора по делу Лазаренко и Рисса звучала минуты три-четыре: «Ваша честь! В ходе судебного разбирательства были исследованы все обстоятельства данного уголовного дела. Факт убийства подтвержден показаниями потерпевшего, свидетелей, показаниями самих подсудимых, заключением экспертов, протоколом опознания трупа, протоколом проверки показаний на месте. То, что преступление было совершено по предварительному сговору Рисса и Лазаренко, подтверждается показаниями подсудимого Рисса о том, что еще до прибытия на насыпь на ул. Петрушина микрорайона Солнечный говорилось об убийстве. Показания Рисса подтверждаются протоколом проверки показаний на месте.

Учитывая вышесказанное, прихожу к убеждению, что действия Лазаренко и Рисса правильно квалифицированы по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Смягчающими обстоятельствами для Лазаренко являются его явка с повинной, военная служба в Чечне. Смягчающим обстоятельством для Рисса является наличие у него малолетнего ребенка.

С учетом вышесказанного прошу назначить Лазаренко Е.В. наказание в виде 14 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Риссу - наказание в виде 14 лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Приговор в отношении Лазаренко и Рисса от 19 мая 2004 года исполнять самостоятельно. Исковые требования потерпевшего Васильева удовлетворить в полном объеме».

Другое дело, что судебный оратор должен уметь заставить суд и аудиторию выслушать свое выступление.

Лаконичность речи достигается точным выражением мыслей, наличием четких формулировок, отсутствием лишних слов, не несущих информации, отсутствием многословия и лишних, неуместных мыслей. Распространенной ошибкой является многословие: *Подсудимый был | в совершенно нетрезвом состоянии ||*. Или: *Мовшенко всякий раз | отзывается только положительно | на просьбы своих соседей | где они живут вместе ||*. Или: *Кабинет | так сказать | ненадлежащим образом | соответственными мерами | был закрыт ||*. Разновидностью многословия являются плеоназмы, т.е. сочетания слов, в которых первое слово включает в себе значение второго (*поселился жить в гостинице, пинал ногами, толпа народа, 100 рублей денег, белая блондинка, ссадина в височной части головы*), и тавтология - повторение одного и того же слова или однокоренных слов: *Я прошу вас | определяя*

меру наказания / по статье 213 части первой / определить минимальную меру наказания по этой статье //.

Выразительность

Краткость речи должна сочетаться с ее глубоким содержанием, чему содействуют эмоциональность и экспрессивность. Эмоции вызывает сам материал судебной речи. Экспрессивность (выразительность) выступления оратора зависит от самостоятельности его мышления, от его интереса к тому, о чем говорит; от умения контролировать свою речь; от сознательного намерения говорить выразительно. Выразительная речь вызывает интерес у судей и присутствующих в зале суда граждан, поддерживает интерес к предмету разговора.

Созданию экспрессивности, а также эмоциональности служат языковые средства, с помощью которых оратор выражает эмоционально-волевое отношение к предмету речи и тем самым воздействует на эмоции присяжных заседателей и слушающих дело граждан. Это различные изобразительно-выразительные средства ^[20]. Однако каждое изобразительно-выразительное средство уместно в судебной речи в том случае, когда помогает усилить звучание аргумента, а также выразить важную, с точки зрения оратора, мысль, передать ее суду, подсудимому или присутствующим в зале суда гражданам.

²⁰ Подробно об этом см. "Средства речевого воздействия" и "Техника речи - средство речевого воздействия".

Использование риторических приемов ради украшения, красоты речи ослабляет ее логический аспект, снижает ее убедительность. Об одном из таких случаев рассказал А. П. Чехов («Случай из судебной практики»):

Подсудимый Шельмецов обвинялся в краже со взломом, мошенничестве и проживании по чужому паспорту. Защищал его «знаменитейший и популярнейший адвокат. Этого адвоката знает весь свет. Чудные его речи цитируются, фамилия его произносится с благоговением... Когда товарищ прокурора сумел доказать, что Шельмецов виновен и не заслуживает снисхождения, когда он уяснил, убедил и сказал: «Я кончил», - поднялся защитник. Все наострили уши. Воцарилась тишина. Адвокат заговорил, и... пошли плясать нервы N...ской публики! Он вытянул свою смугловатую шею, склонил на бок голову, засверкал глазами, поднял вверх руку, и необъяснимая сладость полилась в напряженные уши. Язык его заиграл на нервах, как на балалайке. После первых же двух-трех фраз его кто-то из публики громко ахнул, и вынесли из залы заседания какую-то бледную даму. Через три минуты председатель вынужден был потянуться к звонку и трижды позвонить. Судебный пристав с красным носиком завертелся на своем стуле и стал угрожающе поглядывать на увлеченную публику. Все зрачки расширились, лица побледнели от страстного ожидания последующих фраз, они вытянулись... А что делалось с сердцами?!

– Мы - люди, господа присяжные заседатели! - сказал между прочим защитник. - Прежде чем предстать перед вами, этот человек выстрадал шестимесячное предварительное заключение. В продолжение шести

месяцев жена была лишена горячо любимого супруга, глаза детей не высохали от слез при мысли, что около них нет дорогого отца! О, если бы вы посмотрели на этих детей! Они голодны, потому что их некому кормить, они плачут, потому что они глубоко несчастны... Да поглядите же! Они протягивают к вам свои ручонки, прося вас возвратить им их отца! Их здесь нет, но вы можете себе их представить (Пауза). Заключение... Гм... Его посадили рядом с ворами и убийцами... Его! (Пауза). Надо только представить себе его нравственные муки в этом заключении, вдали от жены и детей, чтобы... Да что говорить?!

В публике слышались всхлипывания... Заплакала какая-то девушка с большой брошкой на груди. Вслед за ней захныкала соседка ее, старушонка. Защитник говорил и говорил... Факты он миновал, а напирал больше на психологию.

– Знать его душу - значит знать особый, отдельный мир, полный движений. Я изучил этот мир... Изучая его, я, признаюсь, впервые изучил человека. Я понял человека... Каждое движение его души говорит за то, что в своем клиенте я имею честь видеть идеального человека...

Судебный пристав перестал глядеть угрожающе и полез в карман за платком. Вынесли из залы еще двух дам. Председатель оставил в покое звонок и надел очки, чтобы не заметили слезинки, навернувшейся в его правом глазу. Все полезли за платками. Прокурор, этот камень, этот лед, бесчувственнейший из организмов, беспокойно завертелся на кресле, покраснел и стал глядеть под стол... Слезы засверкали сквозь его очки.

«Было б мне отказаться от обвинения! - подумал он. - Ведь это такое фиаско потерпеть! А?»

– Взгляните на его глаза! - продолжал защитник (подбородок его дрожал, голос дрожал, и сквозь глаза глядела страдающая душа). - Неужели эти кроткие, нежные глаза могут равнодушно смотреть на преступление? О нет! Они, эти глаза, плачут! Под этими калмыцкими скулами скрываются тонкие нервы! Под этой грубой, уродливой грудью бьется далеко не преступное сердце! И вы, люди, дерзнете сказать, что он виноват?!

Тут не вынес и сам подсудимый. Пришла и его пора заплакать. Он замигал глазами, заплакал и беспокойно задвигался...

– Виноват! - заговорил он, перебивая защитника. - Виноват! Сознаю свою вину! Украл и мошенства строил! Окаянный я человек! Деньги я из сундука взял, а шубу краденую велел свояченице спрятать... Каюсь! Во всем виноват!

И подсудимый рассказал, как было дело. Его осудили».

Самобытность

Особо ценным качеством публичной речи является индивидуальность (самобытность) - умение говорить о самых знакомых фактах своими словами, не употребляя речевых штампов. Штампы - это шаблонные, часто употребляемые в речи и надоевшие слова и выражения с потускневшей от частого употребления семантикой.

Штампы люди используют бездумно, по привычке, лишая тем самым свою речь индивидуальности. Еще совсем недавно были распространены в речи такие штампы: *активный борец; в теплой, дружественной обстановке; большие успехи; неизгладимое впечатление; достойная встреча; резкая критика; широкий размах; бурные, продолжительные аплодисменты; горячий отклик* и др. Определения в них неполноценны, так как они выражают мысль шаблонно. Сейчас эти штампы используются в речи намного реже.

В юридической речи часты штампы *беспричинно, из хулиганских побуждений; пинать ногами; назначить дело слушанием; дело производством прекратить* и др.^[21]

Они представляют собой неправильные, ошибочные соединения слов: в первом штампе лишним является *беспричинно* (надо: *из хулиганских побуждений*); во втором лишнее - *ногами* (надо: *пинать*); в третьем нарушены нормы управления (надо: *назначить слушание дела*); в четвертом тоже нарушены нормы управления (правильно: *производство дела прекратить*).

Штампом может стать и метафора, повторяемая из процесса в процесс. П.С. Пороховщиков предупреждал судебных ораторов: «Не говорите: преступление совершено под покровом ночи, цепь улик сковала подсудимого... Уши вянут от таких метафор».

Используя в речи по делу Лесиной часто употребляемое выражение *найти семью*, Я.С. Киселев

²¹ Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997. Тема "Юридические клише и штампы"; она же. Дело производством прекратить! (см. Приложение 2).

объясняет его введение в речь, затем намеренно употребляет его компонент *нашла*, тем самым уточняя и освежая значение затертой частым употреблением метафоры: «Прошу прощения за то, что я невольно скажу несвежим словом, но все другое будет неточно: Ева Лесина *нашла* в коллективе семью. *Нашла* и не захотела с ней расстаться».

Штампом может стать целая фраза, а также этикетные юридические стандарты, повторяемые оратором в каждом процессе, например: *Теперь я перейду к личности подсудимого; теперь я перейду к квалификации преступления* и т.д. Посещая со студентами судебные процессы, мы слышали фразы, повторяемые одним и тем же прокурором в каждой речи: *Товарищи судьи Ц Моя задача | это содействовать | правильному | всестороннему рассмотрению | данного уголовного дела | и вынесению справедливого | законного и обоснованного приговора ||*. Штапованными могут стать и отдельные композиционные части судебной речи, особенно вступление. Дважды слушали со студентами одного и того же адвоката в судебных прениях, причем по совершенно разным делам, и дважды пришлось слушать одно и то же вступление о судьях - инженерах человеческих душ, заимствованное из речи советского адвоката М.С. Драбкина^[22]. «Как же много теряем мы от того, - пишет В. Алексеев, - что с судебной трибуны редко раздаются речи, способные «глаголом жечь сердца людей», и часто речи заменяются какими-то гибридами из скуки и пустословия». Речь, характеризующаяся

²² Текст названного вступления см. на с. 185.

самобытностью, личностным своеобразием в освещении фактов, не может оставить людей равнодушными.

Богатство

И еще одно важное, просто необходимое качество убеждающей речи - это ее богатство, или разнообразие. Что это такое? Это максимальное использование разнообразных средств языка, которые необходимы для эффективной передачи информации. Если в речи не повторяются одни и те же языковые средства (слова, словосочетания и однотипные синтаксические конструкции), если в ней большой словарный запас, активный состав моделей словосочетаний и предложений, такую речь называют богатой, или разнообразной.

Рассмотрим для примера два отрывка из судебных речей. Первый текст из речи С.А. Андреевского по делу Андреева:

«Весь обычный порядок жизни исчез! Муж теряет жену. Он не спит, не ест от неожиданной беды. Он все еще за что-то цепляется, хотя и твердит своей дочери: «Я этого не перенесу...» Пока ему все еще кажется, что жена просто дурит...

Но Андреева... только бесилась, что муж осмеливается перечить ее капризу.

И вот утром 23-го августа она решила разрубить узел. В это время муж после двенадцати бессонных ночей, все еще на что-то надеявшийся, уже собрался

куда-то выйти по делу и, как автомат, надел пальто. Зинаида Николаевна в туфлях на босу ногу поспешила задержать его, чтобы сразу добиться своего.

Ни ей, никому в доме, ни менее всего ее мужу не могло бы прийти в голову, что в эти самые мгновения она прямо идет к своей смертной казни и даже делает последние шаги в жизни.

Она была слишком самоуверенна. Муж был слишком тих и покорен. Но она поступила как дикое, тупое существо, забывшее о всем человеческом. На безвинного и любящего мужа она накинулась с яростной бранью... Она уже вообразила себя знатной дамой, с властью Трепова в руках... Подбежавшая на шум дочь услышала последнюю фразу матери: «Я сделаю так, что тебя вышлют из Петербурга!...»

Эта женщина, спасенная Андреевым от ссылки, поднятая им из грязи, взлелеянная, хранимая им как сокровище в течение 16 лет, - эта женщина хочет «скрутить его в бараний рог», истребить его без следа, раздавить его своей ногой!

Тогда Андреев быстрым движением сбросил с себя пальто, со словами «Долго ли ты будешь оскорблять нас?» схватил жену за руку, потащил в кабинет - и оттуда, у самых дверей, раздался ее отчаянный крик...»

Второй отрывок взят из защитительной речи по делу Кителева, записанной на магнитную пленку:

«Что же произошло // Почему / вместо того / чтобы жить честно и трудиться / соблюдать наши законы / и быть достойным членом нашего общества / он оказался на скамье подсудимых // Материалами предварительного следствия установлено / что шестнадцатого апреля /

восемьдесят шестого года / Кителев в своей квартире / по улице Железнодорожников 18 «б» / изготовил / из трех килограмм сахара / и триста грамм дрожжей / массу / которая хранилась до 19-го апреля / восемьдесят шестого года / то есть до того момента / когда было установлено и выявлено / данное нарушение // Жидкость хранилась в емкости / представляющей собой бутылку / емкостью двадцать литров / светло-серого цвета / жидкость с запахом / свойственным спирту //.

В ходе судебного следствия / а также предварительного / подсудимый вину признал / и пояснил / именно данный факт / который я только что изложил // Товарищи судьи / Кроме того / в ходе судебного следствия / были допрошены свидетели / в частности / это лица / которые работают вместе с ним в одном коллективе // В ходе предварительного следствия и судебного // подсудимый / вину признал полностью // Действительно / от факта / который установлен / показаниями свидетелей / а также обнаруженной жидкостью в квартире / никуда не денешься / остается только признать / что действительно / изготовил и хранил // В ходе судебного следствия / подсудимый признал вину / пояснил / обстоятельства / при которых именно изготовлялась жидкость / называемая брагой //».

В первом тексте представлена лексика многих семантических групп, например, обозначающая конкретные действия: *твердит, выйти, надел, задержать, накинулась, сбросил, схватил, потащил, скрутить*; состояния: *не спит, не ест*; черты характера: *самоуверенна, тих, покорен*; психические процессы: *цепляется, дурит, бесилась, вообразила, решила* и др. Использована лексика и фразеология разных стилевых пластов: книжная (*дама, взлелеянная, разрубить*

(гордиев) узел), разговорная: дурит, бесилась, тупое существо, на босу ногу, скрутить в бараний рог. Из синтаксических конструкций здесь восклицательные и повествовательные предложения, простые и сложные, конструкции с прямой речью, сравнительными и причастными оборотами, с однородными членами предложения, с уточняющими обстоятельствами. Отмечены изобразительные средства: определения - бессонные ночи, яростная брань (самоуверенна, тих и покорен), неожиданная беда, дикое существо, безвинный, быстрым движением, отчаянный крик; метафора поднятая им из грязи; сопоставление синонимов: женщина, поднятая им из грязи - знатная дама, с властью Трепова в руках; параллелизм: Она была слишком самоуверенна. Муж был слишком тих и покорен.

Во втором отрывке - юридические стандарты: *материалами предварительного следствия установлено, в ходе судебного следствия, подсудимый вину признал и пояснил, были допрошены свидетели, показаниями свидетелей, оказался на скамье подсудимых; встречаются клише публицистического стиля: честно жить и трудиться, быть достойным членом общества; многочисленны страдательные глагольные формы, что характерно для официально-делового стиля: установлено, допрошены, установлен, хранилась. Глаголы обозначают только конкретные действия: изготовил, хранил, изложил, работают. Слов абстрактного значения в этом тексте нет. Из синтаксических структур - вопросительные построения, оформляющие переход от одной микротемы к другой, причем второе составлено из стандартных выражений: Почему | вместо того | чтобы жить и честно трудиться | соблюдать наши законы | и быть достойным членом*

нашего общества | он оказался на скамье подсудимых ||. Основная модель предложений - сложноподчиненные с придаточными изъяснительными, чаще - с придаточными определительными. В тексте всего два простых предложения, одно из них составлено из юридических клише: *В ходе предварительного следствия и судебного || подсудимый | вину признал полностью ||*. Второе многословно: *Жидкость хранилась в емкости | представляющей собой бутыл | емкостью двадцать литров | светло-серого цвета | жидкость с запахом | свойственным спирту ||*, к тому же налицо повторы: *жидкость* повторяется два раза, *емкость* - два раза. Да и для всего текста это характерно: *Подсудимый вину признал* - употреблено три раза, *в ходе судебного следствия* - четыре раза, что свидетельствует о бедности речи.

Выразительность речи зависит от того, насколько активно мышление оратора, в какой мере сильны и ярки его эмоции, в какой степени владеет он богатством языка. Дореволюционные русские судебные ораторы, уважавшие свою профессию и людей, к которым обращена речь, умели использовать разнообразные языковые средства, передающие движение мысли, тончайшие оттенки состояния и действий человека, последовательность рассуждения оратора. В речах А.И. Урусова, например, преобладали сложные предложения с придаточными, логические построения, отражающие последовательность рассуждения. Этому же способствовало большое количество логических вопросов, противопоставлений. Слова употреблялись чаще всего в их прямом значении. Экспрессивность речей достигалась использованием редких восклицательных предложений, риторических вопросов, метафор,

параллелизма, иронии. В речах П.А. Александрова, Ф.Н. Плевако, Н.И. Холева, М.Г. Казаринова, С.А. Андреевского отмечены разнообразные пласты русской лексики (довольно часто слова использовались в их метафорическом значении), многообразные модели синтаксических построений.

Судебная речь, обладающая всеми названными качествами, воспринимается как **воздействующая**. Только при этом условии она может выполнить свою высокую общественную функцию. Не забывайте слова, когда-то сказанные А.В. Луначарским: «Ведь мы бьем в набат не в колокол - в сердце человеческое, а это тонкий музыкальный инструмент».

Лингвистические термины

Антитеза - изобразительное средство, строящееся на противопоставлении понятий, мыслей, образов.

Арго - тайный воровской язык.

Высказывание - предложение в звучащей речи.

Градация - такое расположение слов, при котором каждое последующее содержит в себе усиливающееся смысловое или эмоционально-экспрессивное значение.

Жаргон - социальная разновидность речи, характерная для людей, объединенных общностью интересов, профессии, времяпрепровождением.

Метафора - употребление слов в переносном значении на основе их сходства.

Паронимы - однокоренные слова, близкие по звучанию, но различающиеся значением.

Риторические приемы - различные изобразительно-выразительные средства.

Семантика - значение слов.

Стилевой - относящийся к функциональному стилю.

Стилистический - речевое средство, обладающее выразительными возможностями.

Фразеологизм - устойчивое в своей структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в речи в виде готовой единицы.

Экспрессивность - выразительность речи.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое ораторское искусство? 2. В чем вы видите своеобразие судебного ораторского искусства? 3. Различаете ли вы понятия «судебное ораторское искусство» и «судебное красноречие»? 4. Почему необходимо говорить о культуре речи юриста? 5. Что входит в понятие культуры речи? Чем отличается культура устной монологической судебной речи от культуры письменной речи? 6. Назовите важные коммуникативные качества судебной речи. 7. Как вы понимаете простоту речи? 8. Чем создается логичность речи? 9. Что такое уместность речи? 10. Что создает неясность речи? 11. Как вы понимаете индивидуальность речи? 12. Что такое речевые штампы? Почему они вредны? 13. Какие из названных качеств речи обеспечивают правильность, какие - речевое мастерство? 14. Как вы понимаете богатство речи?

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. Речь в профессиональной деятельности юриста.
2. Ораторское мастерство. Судебное красноречие.

Практическая часть

Задание1. Выразите мнение, можно ли по отношению юриста к языку судить о его «гражданской ценности».

Задание2. Проанализируйте свою речь с точки зрения ее богатства: каков ваш словарный запас, каков состав употребляемой вами лексики, употребляете ли вы фразеологические обороты; характерны ли для вашей речи сложные синтаксические конструкции, вопросительные предложения, конструкции с причастными и деепричастными оборотами; встречается ли в вашей речи период^[23], риторические вопросы, парцелляция, анафора, параллелизм, градация. Используете ли вы красочные метафоры, образные сравнения, антитезу, пословицы и поговорки? На основании анализа сделайте вывод, присуща ли вам выразительность речи. Обращайте внимание на богатство речи ваших товарищей, преподавателей, ораторов, которых приходится слушать.

Задание3. Прочитайте речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем и речь Ф.Н. Плевако по делу Качки; проследите, как в них проявляются все качества воздействующей речи. Какие синтаксические конструкции используют ораторы?

²³ О периоде см. с. 104-107 данного пособия.

Задание 4. Охарактеризуйте ораторское мастерство Ф.Н. Плевако. Чем достигается воздействие в его речах? Покажите на примерах красноречие оратора.

Задание 5. Охарактеризуйте ораторское мастерство прокуроров, произнесших обвинительные речи по делам Кителева и Старовойтова (см. Приложение 1). Отметьте в них коммуникативные качества воздействующей речи. Чем создается неясность в речи по делу Кителева и неточность в высказывании «Однако его показания опровергаются показаниями свидетели и материалами дела» (из речи по делу Старовойтова).

Задание 6. В обвинительной речи по делу Артемьева употреблено жаргонное слово *чиркнул*; в речи в защиту Иванова - *лукалки*. Объясните цель их введения в речь. Не нарушают ли они чистоту речи и нормы УПК РФ?

Задание 7. Прослушайте судебные прения в судебном процессе, отметьте степень речевой культуры судебных ораторов.

Задание 8. Возьмите интервью у судебного оратора о его подготовке к произнесению речи в суде. Выясните, какое значение он придает коммуникативным качествам речи. Сообщите об этом на занятии.

Задание 9. Проведите импровизированную консультацию для судебных ораторов о качествах воздействующей речи. Подумайте, какие вопросы могут быть заданы вам, и приготовьтесь отвечать на них.

Задание 10. Проследите, чем достигается ясность в обвинительной речи по делу Артемьева (см. Приложение 1).

Задание11. Прочитайте эпиграфы к данной теме и слова молодого адвоката о том, что ораторское искусство в суде сейчас не востребовано (см. § 1, раздел 1), сформулируйте свою позицию по этому вопросу.

Задание12. В приложении к данному пособию прочитайте материалы из книги П. Сергеича «Искусство речи на суде»; проследите в речи «защитника-художника» все качества воздействующей речи.

Тема 2. СУДЕБНАЯ РЕЧЬ - ЖАНР ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

Судебное красноречие предполагает... полное и ясное понятие о том деле, которое составляет предмет речи.

А.Ф. Мерзляков. Краткая риторика

Необходимо знать всю историю древности, чтобы черпать из нее примеры.

Марк Туллий Цицерон. Об ораторе

Для того чтобы говорить о судебном красноречии, необходимо знать назначение судебной речи, ее основные характерные черты, знать историю ее развития. Изучение выступлений лучших судебных ораторов прошлого, ораторских приемов, которые они использовали, несомненно, будет способствовать совершенствованию ораторского мастерства.

1. Из истории судебного красноречия

Судебное публичное говорение - один из древнейших видов ораторского искусства, и каждая эпоха, каждая страна, народ вносят в него изменения, обоснованные потребностями общественной жизни^[24].

Судебное красноречие в Древней Греции

Местом рождения судебного красноречия была Древняя Греция. В период расцвета Древней Греции, когда развилась государственность, когда усилилось влияние демократической группировки и оживилась деятельность народных масс в жизни развитых греческих полисов, умение говорить убедительно, искусство публичной речи стало жизненно необходимым. Политическим деятелям приходилось публично отстаивать свои взгляды и интересы в Народном собрании или суде. И политическая судьба многих граждан Афин во многом зависела от умения говорить публично.

²⁴ В наше время в нем произошли далеко не лучшие изменения, заставившие говорить и писать о том, что "сегодня число тех, кто несет в суд откровенно плохие речи, стало так велико, что пришла пора говорить не об улучшении судебных выступлений, а о подлинном возрождении судебного ораторского искусства" [130. С. 49].

Практическими потребностями было обосновано и появление теории красноречия. В IV в. до н.э. Аристотелем была написана «Риторика», в которой он обобщил теоретические основы ораторского искусства. Знаменитых ораторов одаряли почестями. Умению владеть словом хотели учиться, за учебу дорого платили. Обучение риторике было высшей ступенью античного образования.

Практическое применение ораторское искусство получило в Сицилии. Там уже наметились его основные виды: политическое и судебное, распространившееся затем в Афинах в V в. до н.э. - период общественного расцвета, роста культуры.

Особенно распространенным жанром ораторского искусства были судебные речи. Судиться в Афинах было делом нелегким: института прокуроров не было, обвинителем мог выступать любой афинянин. Не было на суде и защитников. Знаменитые же законы Солона предусматривали, что каждый афинянин должен лично защищать свои интересы в суде. Не все афиняне обладали даром слова, не все умели хорошо говорить, вести спор, отстаивать свою позицию, опровергать мнение оппонента. Поэтому тяжущимся приходилось обращаться за помощью к логографам - людям, которые обладали ораторским талантом и составляли за плату тексты защитительных речей. Обвиняемый заучивал речь наизусть и в суде произносил ее от своего имени. На первом месте в речи стояло не убеждение в своей невиновности, а воздействие на чувства, стремление разжалобить судей, привлечь их на свою сторону.

Форма речи и искусство выступавшего играли не меньшую роль, чем содержание. Поэтому каждая

судебная речь должна была начинаться вступлением, излагающим суть данного дела, для того чтобы заранее повлиять на судей. За вступлением шел рассказ о событиях, связанных с делом. Главная цель рассказа - заставить судей поверить в правдивость выступающего. В этой части использовались художественные элементы речи. Далее следовало доказательство. Заканчивалась речь эпилогом, который должен был вызвать сочувствие к обвиняемому и произвести особенно сильное воздействие. В соответствии с этим заключение было патетичным.

Суд в Афинах являлся общественной трибуной, на которой нередко сталкивались различные политические убеждения, и оратору было необходимо обладать знаниями и умением убеждать людей. Это умение Платон называл «искусством гигантов мудрости».

Первые теоретики судебного красноречия - Горгий, Лисий, Исократ, Трасимах.

Горгий (ок. 480 - ок. 380 до н.э.) представлял софистское направление в ораторском искусстве (греч. *sophistes* - искусник, мудрец). Софисты были прекрасными ораторами, владели законами логики, искусством спора, умели воздействовать на слушателей. Но их ораторское мастерство носило чисто формальный, показной характер. Считая, что понятие и сама истина относительны, софисты понимали цель ораторского искусства не как выяснение истины, а как убеждение слушателей в чем-либо во что бы то ни стало и выражали мнение, что любое положение можно доказать и опровергнуть.

Горгий обучал юношей из богатых семей практическому красноречию, умению логично мыслить и

публично говорить. Слово, считал Горгий, есть великий властелин, так как оно может и страх нагнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить. Но чтобы слово приобрело власть над людьми, над ним нужно постоянно работать. Искусные речи Горгия, игравшие роль политических памфлетов, призывавшие к борьбе против тиранов, привлекали внимание и прославили его имя. Речи Горгия изобиловали метафорами, сравнениями, антитезами, предложениями с одинаковыми окончаниями. Разделение речи на равные части, противопоставленные по смыслу, симметрично построенные фразы с рифмой в конце известны как горгиевы фигуры. Известен был Горгий и как логограф.

Популярным логографом был Лисий (ок. 435-380 до н.э.), выдающийся судебный оратор, написавший более 200 речей. Его знаменитая речь против Эратосфена направлена против одного из «30 тиранов».

Однако Лисий еще не выработал сложной техники доказательств, мало пользовался логическими доводами; главное внимание он уделял убедительному изложению обстоятельств дела, образному рассказу. Перед нами предстают картины повседневной жизни афинянина, описания его жилища. Мы видим мошенников, не соблюдающих законов, и хлебных спекулянтов, и пенсионера-инвалида, которого по доносу хотят лишить пенсии; слышим сурового и простодушного Евфилета, говорящего об убийстве Эратосфена.

Древние критики отмечали умение Лисия создавать портреты, отражать характеры, психологию и стиль клиентов. Речи Лисия продуманы были от начала до конца: естественное вступление, образное повествование, отсутствие ложного пафоса, умеренность

в использовании изобразительных средств (в основном - сравнения, повторы), краткость, строгий вывод. Лисий заложил основы композиции судебной речи.

Представителем пышного, торжественного красноречия был **Исократ** (436-338 до н.э.), ученик Горгия. Обладая слабым голосом, он сам не выступал публично, а писал тексты судебных речей и обучал молодежь ораторскому искусству. В речи «Против софистов» Исократ доказывал, что нельзя смешивать истинную риторику, философию с ухищрениями софистов. Оратор, считал Исократ, должен обладать талантом, быть образованным человеком и кропотливо работать над составлением речей. Большое значение придавал он отделке языка, выбору слов; советовал избегать резких и трудных сочетаний звуков, резкого перехода от одного сюжета к другому. Исократ явился создателем «периодической речи». Он впервые стал писать большими периодами, легкими по конструкции.

В ораторской школе, которую открыл Исократ, была разработана композиция ораторского произведения. В нее входили: 1) введение, цель которого - привлечь внимание и вызвать благожелательность слушателей; 2) убедительное изложение предмета выступления; 3) опровержение доводов противника и аргументация своих собственных; 4) заключение, подводящее итог всему сказанному.

Знаменитым греческим оратором был **Демосфен** (384-322 до н.э.), который точностью выражения мысли, ее обоснованностью, великолепием и пышностью слога превзошел всех, кто соперничал с ним в судах.

Сам Демосфен говорил, что его ораторские способности - всего лишь некоторый навык. Все его речи

отражают его настойчивый характер. Еще в детстве, услышав судебную речь Каллистрата, он был поражен силой слова, которое, как он ясно понял, способно пленять и покорять слушателей. С тех пор он стал усердно упражняться в произнесении речей, надеясь со временем сделаться настоящим оратором. У него был слабый голос, плохая дикция, прерывистое дыхание, нервное подергивание плеча. Но ежедневные напряженные занятия и упражнения помогли укрепить голос, отработать дыхание и дикцию, преодолеть подергивание плеча, приобрести соответствующие манеры.

Предметом своей деятельности Демосфен избрал защиту интересов эллинов и никогда не менял своих убеждений. Все его речи, например, «О венке», «Против Аристокрита», «За освобождение от повинностей», пронизаны мыслью, что все нравственно прекрасное заслуживает уважения.

Особенно хороша речь «О венке» («За Ктесифонта»). Демосфен выступил инициатором усовершенствования городских укреплений и вложил в это немало личных средств. Ктесифонт внес в Совет 500 предложение наградить Демосфена золотым венком, однако из-за протеста македонской партии награждение было отложено. Когда Александр Македонский одержал победу над Грецией, македонская партия начала процесс против Ктесифонта. По существу же это был процесс против Демосфена, вступившего в состязание с вождем македонской партии Эхином.

Своеобразна композиция этой речи: оратор начинает и заканчивает ее обращением к богам. Главной частью является изложение существа дела, ясное по

форме, полное динамики и экспрессии. Здесь рассуждение перемежается с повествованием. В речи большое количество изобразительных приемов: великолепная градация, метафоры, «вопрошания», риторические вопросы. Манера произнесения речей была очень бурной, оратор всегда стремился к максимальной внешней выразительности. Эратосфен утверждал, что во время произнесения речи Демосфена охватывало какое-то вакхическое неистовство. Особое значение придавал он интонационно-выразительным средствам. В результате упорного труда Демосфен овладел всеми лучшими качествами, которые были у других ораторов, хотя и все греческие ораторы мастерски владели правилами устной речи, законами логики, особенно рассуждений.

Судоговорение в Древнем Риме

В Древнем Риме расцвет судебного красноречия совпадает с последним периодом Республики и кончается вместе с нею. Его развитию во многом содействовали блестящие образцы греческого ораторского искусства. Когда в Риме появились греческие риторы и открыли там первые риторические школы, в них устремилась молодежь. Один из римских историков писал: «Чье искусство по славе своей сравнится с ораторским?»^[25]

²⁵ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1964. С. 12.

Противостояние рабов и рабовладельцев, патрициев и плебеев наложило яркий отпечаток на римское ораторское искусство. Форум, где мог выступить каждый свободный гражданин Рима, постоянно слышал процессы по обвинению в вымогательстве, насилии, пристрастии и изменах. Крупным римским оратором и автором трудов по юриспруденции был **Марк Порций Катон Старший** (234-149 до н.э.). Историк и агроном, полководец и государственный деятель, он был родоначальником латинского красноречия, и главное в его речах - их большой внутренний смысл. Когда Катон выступал обвинителем в суде, он всегда исходил из существа дела, ясно и логично излагал мысли, давал объективные оценки явлениям. Любой его противник оказывался побежденным. Говорил Катон с особым подъемом, целеустремленно, с жестикуляцией, что считалось главным достоинством оратора. Основные качества его речей - это точность, краткость и стилистическое изящество. Цветы красноречия использовались для того, чтобы глубже проникнуть в существо вопроса, например, повторы употреблялись для усиления мысли, которая должна проникнуть в сознание слушателей.

Цицерон высоко ценил Катона как оратора: «Все можно сказать и благозвучнее, и с большим изяществом, но с большей силой и живостью не может быть сказано ничто». Плутарх также отмечал, что Катон умел говорить метко и остроумно.

Славу выдающегося судебного оратора приобрел **Гальба**, который обладал юридическим мышлением, умел собирать и располагать в речи доказательства. Ораторское мастерство Гальбы в полной мере соответствовало требованиям Цицерона к оратору, который должен уметь убеждать точными доводами,

волновать души слушателей внушительной и действенной речью, воодушевлять судью. Нередко Гальба произносил защитительные речи столь яркие, что заканчивались они под шум рукоплесканий.

В середине II в. до н.э. значение судебного красноречия в Древнем Риме возрастает; теория судебной речи разрабатывается на базе греческого наследия. Судебная речь делилась обыкновенно на пять частей: 1) вступление; 2) изложение обстоятельств дела; 3) приведение доводов в пользу своей точки зрения; 4) опровержение доводов противника; 5) заключение. Начало речи должно было привлечь внимание судей и настроить их благосклонно, поэтому его необходимо было тщательно отделать, однако оно должно быть скромным по форме. Для аргументации существовал целый ряд правил. Все самые действенные приемы оратор оставлял на заключительную часть. Для каждой композиционной части существовали соответствующие украшения речи. Обращение во вступлении речи можно было употреблять только в исключительных случаях.

Римские риторические школы старались привить ученикам навыки судебного ораторского искусства, учили подбирать аргументы, применять так называемые общие места, учили пользоваться украшениями. Риторы прекрасно владели правилами публичной речи, знали и учитывали законы логики, умели внушать свои мысли огромной аудитории.

Знаменитым судебным оратором этого периода был **Гай Папирий Карбон** (ум. 82 до н.э.), который блестяще показал себя во многих процессах по уголовным и гражданским делам. Цицерон называл его в числе великих и самых красноречивых ораторов.

В те же годы был еще один знаменитый адвокат - Гай Скрибоний Куриондед. Цицерон назвал его оратором поистине блистательным, а речь Куриона в защиту Сервия Фульвия о кровосмешении - образцом красноречия.

Судебные речи Марка Антония (143-87 до н.э.) имели политический оттенок. Главным оружием в его защите был пафос. Антоний обладал способностью мгновенно оценить обстановку и, обладая даром импровизации, прибегнуть то к вкрадчивости, то к мольбе, то к сдержанности, то к возбуждению ненависти.

Решительно недостижимым, по характеристике Цицерона, судебным оратором был Кресе. Речь его отличалась тщательной подготовленностью. Это касалось прежде всего юридической обоснованности, а также стилистического изящества. Цицерон называл его «лучшим правоведом среди ораторов».

Последним ярким представителем доцицероновского периода римского судебного красноречия был Квинт Гортензий Гортал. Речь Гортензия, всегда отработанная, изящная и доступная, покоряла слушателей благородством мыслей, точным и уместным выбором слов и конструкций. Ясность речей достигалась тем, что оратор умело выделял главные пункты, анализировал и оспаривал доводы противной стороны и в конце представлял новые, бесспорные аргументы. Гортензий ввел два приема, каких не было ни у кого другого: разделение, где перечислял, о чем будет говорить, и заключение, в котором напоминал все доводы противника и свои.

Голос Гортензия отличался приятностью и ровностью, манеры - достоинством, жесты -

одушевлением. Каждое его появление в суде вызывало восторг слушателей.

Все лучшее, чего достигло древнее римское ораторское искусство, сконцентрировано в ораторском мастерстве Марка Туллия Цицерона (106-44 до н.э.). Цицерон писал: «Есть два искусства, которые могут возвести человека на самую высокую ступень почета: одно -это искусство хорошего полководца, другое - искусство хорошего оратора». Одаренный от природы, он получил прекрасное образование: изучал римское право у знаменитого юриста Сцеволы, учился диалектике - искусству спора и аргументации, знакомился с греческой философией, изучал ораторское искусство греческих мастеров слова, учился ему у Красса и Антония.

Но на первый план Цицерон выдвигал труд. Он много работал над голосом, чтобы устранить его природную слабость и придать ему приятное звучание и силу. Всегда тщательно готовился к произнесению речей, постоянно совершенствовал свое ораторское мастерство. Наиболее полезным для оратора Цицерон считал этику и логику, философию, историю и литературу, так как знание логики помогает логически правильно построить речь, знание этики - выбрать тот прием, который вызовет нужную реакцию у слушателей. Философия, история и литература делают интересным то, что уже известно.

Наиболее важными условиями успеха Цицерон считал убежденность самого оратора и стремление убедить суд, а решающим фактором в выступлении оратора - знание. Если говорящий плохо знает дело, то никогда не сможет убедить слушателей, каким бы искусством ни обладал; знание же «дает содержание красноречию, материал для выражения». Оратор, по его

убеждению, должен подобрать материал и доказательства, уметь расположить их.

Расположению материала (expositio) Цицерон придавал большое значение. Он разработал композицию судебной речи, которая обеспечивала максимально легкое усвоение материала. Речь состояла из шести частей: 1-я часть - вступление, которое должно вызвать симпатии к оратору, сосредоточить внимание слушателей, подготовить их к тому решению, которое предложит оратор; 2-я часть (Partitio) - план выступления, в котором он ясно указывал основные положения защиты и выдвигал тезис; 3-я часть (Narratio) - рассказ о том, как произошло преступление. Самой главной частью речи Цицерон считал 4-ю - доказательства (Probatio). Для доказательства оратор привлекал факты двоякого рода: одни из них должны действовать на ум слушателей (argumentum); другие - воздействовать на чувства, что особенно важно в конце речи. Затем шла 5-я часть (Repetitio) - повторение решающих доводов, чтобы они лучше запечатлелись в сознании суда. И заканчивалась речь подведением итогов (Peroratio).

Главная сила речей Цицерона - в их содержательности, умении подбирать веские доказательства, в логичном расположении материала. Он постепенно и целенаправленно разбивал все нападки противников, старался не столько победить, сколько убедить.

Глубокому содержанию речей Цицерона соответствовала яркая форма. Все изобразительные средства были использованы и «разбросаны по речи с умом», особенно сильны были его патетические

заклучения с риторическими вопросами. Цицерон писал: «Чтобы зажигать сердца, речь должна пылать». И все его судебные речи, сильные по аргументации, удивительные по форме, очаровывали и подчиняли себе слушателей: он умел возбудить в них чувство сострадания к подсудимому, умел остроумным замечанием ввести противника в замешательство, заставить судью улыбнуться. Квинтилиан так оценил ораторское мастерство Цицерона: «Небо послало на землю Цицерона, по-видимому, для того, чтобы дать нам пример, до каких границ может идти могущество слова... С полной справедливостью современники провозгласили его царем адвокатуры».

Искусство судебной речи в IV - XIV вв .

В IV-V вв. искусство судебной речи развивается в Древней Грузии. Оратор IVв., видный деятель знаменитой Колхидской риторической школы Фартадзе считал, что судебная речь должна быть строго аргументирована юридически. Древнеармянский философ VI в. Давид Анахт среди жанров ораторского искусства выделял судебное красноречие.

В XII-XIV вв. искусство публичного спора в Грузии и Армении достигло высокого уровня. В XIV в. успешно развивается судебное красноречие в Италии. А в XV в. красноречие в сфере правовых отношений развивалось в государствах Средней Азии.

Средние века, с их феодальным строем, господством церкви, с отстранением народа от общественных дел, не могли содействовать развитию красноречия: дела в судах решались формально, и слово не имело большого значения.

Судебное ораторское искусство Франции

Яркие страницы в историю мирового судебного ораторского искусства вписали французские судебные ораторы. Если в XI-XV вв. речи адвокатов были пересыпаны цитатами из церковных книг, то постепенно они освобождаются от этого и приобретают светский характер. Растет авторитет римского права. Появляются сочинения, посвященные теории судебного красноречия, например «Диалог об ораторах» Луазеля. Авторы теоретических работ требуют от судебного оратора прежде всего глубокого знания дела. В XVII в. были известны такие мастера судебного слова, как Леместр, Патрю, де Саси, Жербье, Кошен, де Молеонь.

Но большего расцвета судебное ораторское искусство достигло здесь в XIX в., его представляли настоящие мастера судебной речи: Жюль Фавр, Лашо, Беррье, братья Дюпен, Шэ д'Эст Анж, Лабори, Кремье, Морнар. Их речи отличает ясность изложения, изящество формы. Речь легко читается и воспринимается, так как мысли в них выражены точно, доказательства приведены последовательно. В них нет противоречий, длинных и тяжелых фраз. Эти качества в одинаковой мере

свойственны большинству речей названных ораторов. Русский адвокат К.К. Арсеньев, изучавший красноречие французских юристов, писал, что «весь материал, как бы обширен он ни был, тщательно сгруппирован и разделен на части, тесно связанные между собой, естественно вытекающие одна из другой. Ни скачков, ни возвращений назад, ни повторений, кроме тех, которые необходимы для лучшего освещения фактов» [22. С. 276]. Речи французских судебных ораторов нужно читать каждому юристу и учиться на них выражать мысли ясно, точно, логично.

Судебное красноречие в дореволюционной России

Русское судебное красноречие^[26] начинает развиваться во второй половине XIX в., после судебной реформы 1864 г., с введением суда присяжных и с учреждением присяжной адвокатуры. Корпус российских государственных обвинителей был сформирован впервые в середине XIX в. в отсутствие школы, подготовки, на основе лишь зарубежного, не всегда приемлемого для российских условий опыта. В короткое время русские прокуроры превратились в «говорящих публично судей», которых отличали «спокойствие... опрятность приемов обвинения...». Выдающимся, самым ярким государственным обвинителем XIX в. был А.Ф. Кони.

²⁶ См. об этом: Соболева А. Образ русского судебного оратора // Российская юстиция. 2004. № 2-3.

Судебные речи талантливых русских юристов А.Ф. Кони, В.Д. Спасовича, Н.П. Карабчевского, К.К. Арсеньева, А.И. Урусова, П.А. Александрова, Н.И. Холева, С.А. Андреевского, В.И. Жуковского, К.Ф. Хартулари, Ф.Н. Плевако, М.Г. Казаринова, А.В. Лохвицкого, Н.В. Муравьева, М.Ф. Громницкого, В.М. Пржевальского, П.Н. Обнинского, А.М. Бобрищева-Пушкина с полным правом называют прекрасными образцами судебного ораторского искусства.

Безусловно, все ораторы различны по своим характеристикам: от страстного, эмоционального борца за истину до спокойного, бесстрастного исследователя фактов. В речах одних ораторов, например, А.Ф. Кони, В.Д. Спасовича, Н.П. Карабчевского, П.А. Александрова, К.Ф. Хартулари, К.К. Арсеньева, Н.И. Холева, мы находим всесторонний глубокий разбор обстоятельств дела, доказательств, глубину и ясность мысли, строгую логику рассуждений. Умелой полемикой с процессуальным противником и экспертом славились В.Д. Спасович, Н.И. Холев, К.К. Арсеньев, К.Ф. Хартулари, Н.П. Карабчевский, А.И. Урусов; их речи характеризуются строгой логичностью. В речах А.Ф. Кони, К.Ф. Хартулари, С.А. Андреевского, Ф.Н. Плевако, А.И. Урусова, В.Д. Спасовича, М.Г. Казаринова, В.И. Жуковского видим тонкий психологический анализ действий подсудимого. Речи Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевского отличались необыкновенной образностью, выразительностью.

Но объединяло их прежде всего уважение к своей профессии, широкая образованность, правовая и общая эрудиция, богатство и глубина мыслей, тщательный анализ собранных доказательств, сила слова, что делало их речи убедительными. Многие русские судебные ораторы были одаренными людьми, деятельность юриста

сочетали с литературной и научной работой. А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, К.К.Арсеньев, А.В. Лохвицкий, А.М. Бобрищев-Пушкин - авторы многих работ по уголовному праву и уголовному судопроизводству, авторы учебников.

А.Ф. Кони, С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский, К.К. Арсенев, А.М. Бобрищев-Пушкин, П.Н. Обнинский, А.И. Урусов, В.М. Пржевальский, Н.И. Холев, М.Г. Казаринов писали стихи или прозаические произведения, очерки о русских писателях, сотрудничали в журналах. Так, А.Ф. Кони - автор очерков о Пушкине, Одоевском, Григоровиче, Писемском, Островском, Некрасове, Гончарове, Тургеневе, Достоевском, Толстом.

С.А. Андреевский - поэт, литератор, критик. Ему принадлежат работы о творчестве Лермонтова, Баратынского, Тургенева, Некрасова, Достоевского. К.К. Арсенев печатал статьи в «Русском вестнике», в «Отечественных записках».

В.Д. Спасович, «король адвокатуры», опубликовал 10 томов статей по истории русской и мировой литературы.

А.И. Урусов много времени посвящал журналистской деятельности, выступал как литератор и театральный критик.

Литературная деятельность позволяла многим из них стать «говорящими писателями», создателями литературного языка защитительной речи - мастерами живого слова.

Русские судебные ораторы XIX в., которых характеризовала высокая гражданственность, нередко раскрывали в судебных речах противоречия общественного строя, довольно часто приводившие к

совершению преступлений. Показательны в этом плане речи Ф.Н. Плевако по делу рабочих Коншинской фабрики, по делу люторических крестьян, по делу игуменьи Митрофаньи; речь П.А. Александрова по делу Веры Засулич; речи Н.П. Карабчевского по делу Сазонова, по делу Гершуни. П.А. Александров в речи по делу Сарры Модебадзе сказал: «Я бы желал исполнить долг мой не только как защитника, но и как гражданина, ибо нет сомнения, что на нас как общественных деятелях лежит обязанность служить не только интересам защищаемых нами, но и вносить свою лепту, если к тому предоставляется возможность, по вопросам общественного интереса».

Мысль о выполнении функций судебного оратора выразил В.Д. Спасович в речи по делу Крестовского: «Это такая же служба, как воинская повинность; ее можно исполнять двояко: как казенщину, формально или с усердием, влагая душу в дело, употребляя все усилия, чтобы подействовать на ум и сердца судей». Русские юристы выполняли свою «службу» с усердием, влагая в нее душу и весь талант.

Судоговорение в советский и постсоветский периоды

Если в условиях дореволюционной России судебное красноречие имело целью не только объективное исследование обстоятельств дела, но и воздействие на чувства присяжных заседателей, то в условиях советского судопроизводства доказательственная

сторона судоговорения приобрела гораздо большее значение, чем психологический анализ. Судебная речь стала значительно меньше по объему, ей в большей степени стали присущи формы логического развертывания и в гораздо меньшей - средства эмоционального воздействия. Юристами справедливо высказывалось мнение, что «в судебных процессах редко произносятся пышные фразы, длинные цитаты из художественных произведений» [256. С. 57-58].

Искусство обвинительной речи в 20-30-е годы XX столетия было представлено в деятельности Н.В. Крыленко (1885-1938), который известен как прокурор РСФСР, а затем и СССР. В качестве государственного обвинителя он выступал на всех крупных политических процессах, а также на некоторых процессах, важных по своему общественному значению или посвященных борьбе с экономической разрухой; поэтому его речи - это хроника событий того времени. По замечанию самого Н.В. Крыленко, «за те истекшие годы почти не было ни одной более или менее крупной стороны нашей общественной и политической жизни, которая не нашла бы отражения в судебных залах». Из речей Н.В. Крыленко по наиболее крупным политическим процессам следует отметить речи по делу бывшего старшего надзирателя Бутырской каторжной тюрьмы Бондаря; по делу контрреволюционной организации, так называемого тактического центра, ставившего целью свержение советской власти; по делу правых эсеров, организовавших покушение на Ленина, убивших Володарского, Урицкого. Каждая речь Н.В. Крыленко отличалась всесторонним и тщательным изучением дела, глубоким анализом доказательств, подробным

психологическим анализом самого преступления и его причин.

В развитии искусства обвинительной речи заметную роль сыграл Р.А. Руденко (1907-1981), с 1953 по 1981 г. занимавший пост Генерального прокурора СССР. Высокая общая и правовая культура, глубокие знания, принципиальность характеризовали оратора. Его обвинительные речи содержали всестороннюю аргументацию, убедительность, строгую логику изложения, глубокий психологический анализ. Всегда четко формулировался тезис, после разностороннего аргументированного анализа действий подсудимых делались четкие выводы. Прочитайте речь Р.А. Руденко по делу американского летчика-шпиона Пауэрса (1960), чтобы убедиться в этом. Р.А. Руденко был главным обвинителем от Советского Союза на Нюрнбергском процессе 1945-1946 гг. по делу о главных военных преступниках.

В.И. Царев - прокурор Владимирской области, теоретик судебной речи. Большой практический опыт, эрудиция, кропотливые, вдумчивые социологические исследования помогали ему при поддержании государственного обвинения вскрывать причины и условия, способствовавшие правонарушению. Выступления его в суде всегда отличались глубиной мысли, аргументированностью, хорошей формой изложения, образностью языка. Большим достоинством их является широкое использование художественных образов.

Одним из известных отечественных адвокатов был И.Д. Брауде (1884-1955), блестящий оратор, вдумчивый психолог, лектор и пропагандист юридических знаний.

Его труды о советском суде, эрудиция, произнесенные им судебные речи принесли ему большую популярность не только в нашей стране. Для речей И.Д. Брауде характерны доказательность, убедительность, логичность и мастерское владение словом. Написанная им книга «Записки адвоката» помогает судебным ораторам в овладении мастерством судебной полемики.

Сорок лет защищал законные права советских граждан московский адвокат **В.Л. Россельс**, судебные речи которого принципиальны, содержат глубокий анализ действий и личности подсудимого, убедительную оценку доказательств. Они легко читаются и воспринимаются; содержат разнообразные синтаксические конструкции. В них часто используется градация.

Ленинградский адвокат Я.С. Киселев (1896-1984) был выдающимся судебным оратором, большим мастером судебной речи и слова, крупным теоретиком судебного красноречия, руководителем школы ораторского мастерства. Такие его работы, как «Этика адвоката», «Слово адвокату», «Речевая культура судебных прений», «Перед последним словом», «Некоторые вопросы психологии в речи адвоката», помогут начинающему адвокату стать хорошим специалистом и настоящим оратором. Судебные речи Я.С. Киселева читаются легко, с увлечением. Для оратора характерно глубокое знание материалов каждого дела, внимательное отношение к каждому подсудимому. Защищал Я.С. Киселев настойчиво, решительно, но всегда - основываясь на фактах, исходя из них. Его речи отличаются логичностью, очень тонким, умелым анализом обстоятельств дела и доказательств, глубоким психологическим анализом и прекрасным языком. В

судебных речах адвоката нередко поднимались вопросы этики. Юристы справедливо выражали мнение, что в судебных речах Я.С. Киселева есть все, что нужно для защиты, и ничего лишнего.

В 2002 г. НИИ укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации выпустил книгу «Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей» под редакцией СИ. Герасимова [172], в которую включены обвинительные речи лучших прокуроров Ивановской, Московской, Рязанской, Саратовской, Ульяновской областей, Краснодарского и Ставропольского краев.

Из наших современников следует назвать И.М. Кисенишского, М.М. Кисенишского, Г.М. Резника, Г.П. Падву. Это давно признанные, известные адвокаты, участники крупнейших судебных процессов. И.М. Кисенишский и М.М. Кисенишский - дипломированные ученые, авторы ряда научных работ. М.М. Кисенишский защищал права граждан в таких громких процессах, как процесс «Фаберже», ограбление особняка Алексея Толстого, на скамье подсудимых - писатели, похищение шедевра, убийство дипломата и др.

И.М. Кисенишский - член Международного союза (содружества) адвокатов, более 30 лет является членом Московской коллегии адвокатов. Осуществлял защиту в процессах по делам о катастрофе парохода «Адмирал Нахимов», о валютных операциях, авиационной катастрофе, по делу «Внешпосылторга» и многих других. Спецификой речей И.М. Кисенишского является то, что большое место в них отводится правовым и процессуальным вопросам. Обращается внимание на

особенности дела и степень виновности подсудимого в совершенном преступлении; дается глубокий и убедительный анализ всех доказательств, в результате которого делаются обоснованные выводы. Во всех речах И.М. Кисенишский отмечает случаи нарушения норм процессуального закона и ошибки в ведении следствия. Информация в его речах преподносится логично, во многих речах намечен план выступления.

2. Назначение судебной речи

«Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон», - записано в ст. 123 Конституции РФ. Судебный процесс - это разбирательство судом общей юрисдикции, судом с участием присяжных заседателей, арбитражным судом определенного, конкретного дела, исследование всех материалов, связанных с ним, и проходит он в обстановке напряженных поисков юридической истины, борьбы мнений процессуальных противников. Его назначение - защита прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от правонарушения или преступления; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 2 ГК РФ, ст. 6 УК РФ). Его конечная цель - принять законное и обоснованное решение.

Прения сторон

Необходимой частью судебного разбирательства являются судебные прения, или прения сторон, которые в соответствии со ст. 292 УПК РФ, со ст. 190 ГПК РФ проводятся после окончания судебного следствия. Зачем они проводятся? Ведь, казалось бы, судебное следствие выявило все обстоятельства дела, и только остается суду принять справедливое, законное решение. Тогда зачем же спорят прокурор и адвокат? Разве только для того,

чтобы опровергнуть точку зрения процессуального противника и утвердить свою? Нет. Судебное следствие выявило вопросы, которым нужно дать правовую оценку. Вот для того, чтобы суд принял правильное решение, необходимо знать позицию по данному делу обвинения и защиты в уголовном процессе, позицию представителей истца и ответчика в гражданском процессе; знать выводы, к которым стороны пришли в результате судебного следствия.

По уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, судебные прения проводятся в два этапа: до вынесения вердикта присяжных - в пределах вопросов, подлежащих рассмотрению присяжными заседателями (ч. 2 ст. 336 УПК РФ), и после вынесения обвинительного вердикта - в соответствии с ч. 4 ст. 247 УПК РФ.

Судебные прения состоят в основном из монологических речей государственного обвинителя и защитника в уголовном процессе или представителей истца и ответчика в гражданских, арбитражных процессах. И представляют они собою публичный спор об обстоятельствах одного и того же дела с точки зрения обвинения и защиты. Спор - это словесное состязание при обсуждении чего-либо, в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту (Словарь русского языка). В логике спор определяется как «столкновение мнений, позиций, в ходе которого каждая из сторон аргументировано отстаивает свое понимание обсуждаемых проблем и стремится опровергнуть доводы другой стороны. Спор представляет собой важное средство прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия» [90. С. 261]. Целью спора может быть установление истины или одержание победы.

Споры с целью установления истины чаще всего ведутся между учеными. Спор между процессуальными противниками в судебных прениях ведется по поводу оценки одних и тех же обстоятельств дела, об утверждении собственных оценок и об опровержении оценок противной стороны. Это основной признак полемики, которая (от греч. *polemikos* - воинственный, враждебный) понимается как борьба принципиально противоположных мнений, ведущаяся с целью опровергнуть точку зрения противной стороны и доказать правильность своей позиции.

Ближайшая и конечная цель судебной речи

В юриспруденции вопрос о назначении и функциях судебной речи решается на основе уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных норм: это установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, содействие формированию убеждения судей.

Психологи отмечают, что «судебные речи прокурора и адвоката обеспечивают: 1) активизацию мыслительной деятельности судей по анализу и синтезу всех воспринятых в ходе судебного следствия фактов; 2) помощь в выявлении спорных, противоречивых фактов; 3) правильное определение круга вопросов, которые необходимо будет разрешить в совещательной комнате» [69. С. 389]. Лингвистами назначение речи понимается как целевая установка и как роль кого-либо, чего-либо в

чем-либо. В отношении судебной речи приемлемы оба определения, так как, говоря о назначении обвинительной или защитительной речи, необходимо определить не только ее конкретную цель по делу, но и роль в уголовном и гражданском судопроизводстве. Поэтому следует разграничить цель судебной речи на ближайшую и конечную.

Судебные прения, являясь подведением итогов судебного следствия с позиций обвинения и защиты, помогают суду лучше разобраться в фактических и юридических обстоятельствах дела. В речи по делу об убийстве коллежского асессора Чихачева А.Ф. Кони сказал: «Судебное следствие развило перед вами существенные обстоятельства дела, в наших судебных прениях мы постараемся разъяснить перед вами их значение и характер». Следовательно, основная функция судебной речи - воздействие. Помня об этом, опытный судебный оратор создаст все условия для активной мыслительной деятельности судей, присяжных заседателей и всех присутствующих в зале суда.

Содержание речи определяется целевой установкой оратора, которая в каждом судебном процессе зависит от конкретных обстоятельств дела, от позиции оратора по делу. Так, по делу Максименко, обвиняемой в отравлении мужа, Ф.Н. Плевако, не уверенный в невиновности своей клиентки, сконцентрировал внимание на анализе материала, который подтверждал недоказанность виновности подсудимой. Н.И. Холев по этому же делу избрал другую целевую установку: он решал вопрос о причинах смерти Максименко, а не о причастности подсудимой к его смерти.

От правильно выбранной целевой установки и убедительности речи нередко зависит результат дела, вынесение обвинительного или оправдательного приговора. Вспомните, как в знаменитом, историческом процессе по делу В. Засулич адвокат П.А. Александров основное внимание уделил причинам совершения преступления, и присяжные в один голос признали: «Невиновна».

Прокурор в судебном процессе является представителем государства. Поддерживая государственное обвинение, он оценивает содеянное подсудимым с точки зрения закона, проводит анализ собранных и исследованных судом доказательств и дает им правовую оценку. Основная задача государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей - доказать, что вменяемое подсудимому деяние было совершено, что оно совершено подсудимым и что подсудимый виновен в его совершении. И необходимо убедить в этом суд. Способствуя всестороннему исследованию обстоятельств дела, прокурор обеспечивает законность и обоснованность государственного обвинения. Он поддерживает обвинение лишь в меру его доказанности; помогает суду оценить все как отягчающие, так и смягчающие ответственность обстоятельства. Если же в ходе судебного следствия государственный обвинитель убедится, что исследованные доказательства полностью или хотя бы частично не подтверждают обвинение, предъявленное подсудимому, он полностью или частично отказывается от обвинения. Основная задача прокурора - защита общества, частных и публичных интересов от двух одинаковых опасностей - безнаказанности

преступления и осуждения невиновного человека [172. С. 17].

Адвокат, участвуя в любом из видов судопроизводства (гражданском, уголовном, арбитражном), отстаивает частный интерес путем защиты прав и законных интересов клиента (доверителя или подзащитного). «...Защита осуществляется вовсе не для того, чтобы оправдать преступление, исказить обстоятельства и перспективу дела... Как раз наоборот... защита имеет диаметрально противоположную цель: помочь суду всесторонне исследовать обстоятельства дела, осуществить глубокий анализ действительных причин происшествия, объективно оценить ситуацию и справедливо индивидуализировать степень ответственности и вины. А все это охватывается в правосудии понятием истины, во имя которой и ради которой проводится судебный процесс» [104. С. 6-7].

Существенной особенностью процессуального статуса адвоката является его обязанность использовать предоставленные ему процессуальные права в интересах клиента. Задача адвоката - доказать выдвигаемый им тезис (о невиновности подзащитного, о недоказанности виновности, о меньшей степени виновности, чем вменяют органы предварительного расследования; о законности или незаконности сделки, требований истца и т.д.), убедить суд в обоснованности, объективности, истинности своих суждений.

Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует: суд при вынесении приговора должен разрешить следующие вопросы: имело ли место деяние, приписываемое подсудимому; содержит ли в себе это деяние состав преступления; совершил ли это деяние

подсудимый; подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное деяние. Освещению этих вопросов и должна быть посвящена речь адвоката. При этом он должен действовать только законными методами.

Таким образом, обвинительная речь прокурора и защитительная речь адвоката служат одной цели - выяснению юридической истины, постановлению справедливого, законного судебного решения. В этом ближайшая цель судебной речи. И чем содержательнее речь, чем более глубоко и убедительно проанализированы в ней обстоятельства дела, тем большее влияние оказывает она на выносимое судом решение.

Суд, осуществляя правосудие, не только наказывает преступников, но и всей своей деятельностью учит присутствующих в суде уважать права, честь и достоинство граждан. «Нигде в практической жизни нельзя так хорошо агитировать, как в судебных процессах... Когда выносятся то или иное судебное решение, важно не только то, чтобы было правильно по закону, но важно, чтобы окружающая аудитория внутренне согласилась с приговором и сказала бы: правильно суд постановил», - совершенно справедливо говорил в свое время М.И. Калинин. Эта мысль - о правильности судебного решения - выражена в кассационной речи Г.М. Резника по делу Пасько, обвиняемого в шпионаже: «Приговор должен быть таким, чтобы рядовой гражданин, как говорится, средний человек - представитель общества - мог бы, ознакомившись с ним и сопоставив с материалами дела, сказать: приговор не беспочвенный, доказательства вины осужденного имелись» [161. С. 68].

Судебная речь является важным средством пропаганды норм права. Она повышает уровень правовой грамотности граждан, влияет на формирование правосознания слушателей процесса, воспитывает уважительное отношение к закону и правилам общественного порядка. Содействие укреплению законности можно считать конечной целью судоговорения.

3. Отличительные черты судебной речи

Судебная речь прокурора и адвоката - это разновидность публичной речи, которая охватывает довольно разнообразные по цели и содержанию речевые жанры: выступления на собрании, диспуте, митинге, отчетный доклад, научное сообщение, вузовская лекция, монологическая речь в суде и др. Публичная речь носит характер размышлений, сопоставлений; в ней рассматриваются, анализируются и оцениваются различные точки зрения, имеющиеся по данному вопросу, формулируется позиция оратора. Каждая публичная речь имеет целью дать слушателям определенную информацию, объяснить, помочь осмыслить ее и оказать воздействие на слушателей, на формирование их мировоззрения или точки зрения.

Предмет и материал судебной речи

Специфической разновидностью публичной речи является судебная монологическая речь, произносимая государственным обвинителем и защитником, представителем истца и ответчика в судебных прениях. В силу ситуативно-тематических факторов она стоит несколько особо: по тематике, а тем более по цели, смысловой направленности она отличается от других

жанров публичной речи. Прежде всего судебная речь ограничена сферой употребления: это официальная узкопрофессиональная речь, произносимая только в суде; ее отправителями могут быть только прокурор и адвокат, позиция которых определяется их процессуальным положением.

Каждая публичная речь включает в себя «предмет» и «материал». Предмет - это определенная сторона, часть действительности, которую характеризует оратор, материал - это материалы, дающие основание говорить конкретно об избранном предмете. Предметом судебной речи является то дело, которое рассматривается в уголовном и гражданском процессе. Материал - обстоятельства, связанные с конкретным происшествием, факты, доказательства. Тематика судебной речи строго ограничена материалами рассматриваемого дела, речь отличается большей конкретностью, чем любая другая публичная речь. Важная черта судебной речи - правдивость (или объективность), т.е. полное соответствие объясняемых событий объективной истине. В ней недопустимы преувеличения и вымышленные эпизоды, недопустимые доказательства. Председательствующий в соответствии с ч. 5 ст. 292 УПК РФ вправе остановить участников судебных прений, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также доказательств, признанных недопустимыми, например:

«Уважаемые присяжные заседатели! Я еще раз прошу вас объективно оценить все доказательства, не думать о жалости к сидящему на скамье подсудимых человеку. Ну а коли вы будете думать об этом, вспомните дочку погибшего Решина Д., его вдову. У вас есть основания для вынесения справедливого вердикта. В том

случае, если вы признаете Самсонова виновным, вы можете (и вам в данном случае помогут ваша мудрость, опыт) решить вопрос о назначении наказания с учетом снисхождения. В данном случае наказание будет существенно мягче; вам об этом расскажет председательствующий. Я человек верующий; помните, что жизнь дарована нам Богом, и никому, кроме него...

Председательствующий:

– Обращаю внимание присяжных заседателей, что последняя реплика прокурора не относится к фактическим обстоятельствам дела».

Мы сказали, что публичная речь несет слушателям определенную информацию. Судебная речь менее информативна, так как она не содержит новых, неизвестных суду фактов, в ней уже известная из судебного следствия информация рассматривается с точки зрения обвинения и защиты^[27].

Оценочно-правовой характер

Судебная речь - речь полемическая, убеждающая, так как основная функция сторон в судебных прениях - это доказывание, опровержение, убеждение.

Полемика может вестись между процессуальными оппонентами, между адвокатами, защищающими разных подсудимых. Это может быть полемика с экспертом,

²⁷ Однако психологи считают информативной речь, даже не несущую новой информации, но раскрывающую уже известную под новым углом зрения.

представившим суду малообоснованные выводы. Убедительную полемику наблюдаем в речах Н.И. Холева, С.А. Андреевского, Н.П. Карабчевского, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова, Я.С. Киселева, Н.П. Кана, И.М. Кисенишского.

Прекрасным примером острой полемики между адвокатами является защита подсудимых А.И. Урусовым, Ф.Н. Плевако и В.Д. Спасовичем в процессе по делу Дмитриевой и Каструбо-Карицкого, где во время предварительного и судебного следствия появилось много противоречий в показаниях подсудимых, вплоть до оговора. Ораторы глубоко анализировали обстоятельства дела и показания подсудимых и свидетелей, опровергали мнение коллеги, убедительно аргументировали свои мысли и выражали их в экспрессивной форме. «Знакомство с этим процессом следовало бы рекомендовать всем начинающим судебным ораторам: из речей обоих противников (А.И. Урусова и Ф.Н. Плевако. - *Н.И.*) они могут увидеть, как в стремлении к тому, что кажется правдой, глубочайшая мысль должна сливаться с простейшим словом, как на суде надо говорить *все*, что нужно, и только то, *что* нужно», - писал А.Ф. Кони. Вспомните, как охарактеризовал особенности судебного красноречия Н.П. Карабчевский. Приведенный пример является убедительным подтверждением этой характеристики.

Публичная речь предполагает ответы на вопросы слушателей. В судебной речи эта характеристика отсутствует в силу процессуальных норм. Судебный оратор, ведя полемику с процессуальным противником, обычно предвидит, в чем могут не согласиться с ним, о чем могут его спросить. Он сам формулирует эти вопросы и отвечает на них, например: *Мне могут возразить; меня*

могут спросить; вам, уважаемые присяжные заседатели, могут сказать; со мной могут не согласиться и др.

С целью формирования убеждения суда судебные ораторы в гражданском и уголовном процессе производят всесторонний, полный и объективный анализ всех обстоятельств дела и дают им прежде всего правовую оценку. В уголовном процессе действия подсудимого оцениваются с точки зрения права, как предусмотренные определенной статьей УК РФ; оценивают также обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность; раскрывают и оценивают мотивы совершения преступления с целью назначения справедливого наказания.

В гражданском процессе анализируются с правовой точки зрения действия ответчика для признания законности или незаконности оспоримой сделки, для признания нарушенного права подлежащим или не подлежащим восстановлению. Все это служит защите оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод. Таким образом, оценочно-правовой характер - важная, самая главная черта судебной речи.

Адресаты судебной речи

Следующая ее черта (особенность) - наличие четырех адресатов. Речь прокурора и адвоката обращена в первую очередь к составу суда. Это главный ее адресат

и в уголовном, и в гражданском процессе. Каждое выступление непременно начинается обращением к суду: *Уважаемый судья, уважаемые присяжные заседатели.* В силу процессуальных норм оратор не может прямо обратиться к присутствующим в зале суда. Но он говорит и для истца и ответчика, и для подсудимого с целью его исправления, и для присутствующих в зале суда граждан с целью предупреждения правонарушений. В советское время, давая характеристику личности подсудимого или раскрывая причины совершения преступления, прокурор и адвокат ставили и разрешали моральные проблемы, тем самым оказывая воспитательное воздействие на присутствующих граждан. Наблюдались такие случаи косвенного обращения к аудитории: *Уважаемые судьи // Я говорю это не только для вас / слышит меня и подсудимый / и присутствующие здесь люди //*. Или: *Товарищи судьи / разрешите мне обратиться / к присутствующим здесь гражданам //*. В воспитательных целях судебный оратор может обратиться к лицу, виновному в совершении преступления:

«Валентина Радкевич могла бы сказать, что нет такой статьи в законе, которая давала бы право привлечь ее к уголовной ответственности. Да, действительно, такой статьи нет. Но перед своей совестью, перед людьми, с которыми живет, работает мать Евгения, она должна отвечать. К сожалению, ее нет в этом зале. Она, наверное, даже не знает, что ее сын занял место на скамье подсудимых. Откуда ей это знать, если ее вообще не интересует его жизнь, его будущее? И хоть и отсутствует она на суде, я с чувством гнева говорю в ее адрес: *здесь судят вас, Валентина Радкевич, ваши поступки, равнодушие и черствость/ Знайте, в вашу защиту не поднимется ни один голос и не будет сказано*

ни единого слова. Вас защищать никто не будет, а на защиту вашего сына встали десятки советских людей» (Г.М.Ш.).

Еще одним адресатом судебной речи является процессуальный противник оратора, какой-либо тезис, доказательства или вывод которого необходимо оспорить:

«Следователь и обвинители, чтобы доказать хулиганский характер ранения Игоря Иванова, ссылались на то, что Иван Далмацкий раньше Иванова не знал, что применение ножа было вероломным и для Иванова неожиданным. А ведь это совсем не так. Приведу дополнительные доказательства» (Н.П. Кан).

В языковом аспекте судебная речь характеризуется сочетанием стандартных и эмоционально-экспрессивных средств выражения, так как ее тематика предполагает употребление четких стандартных юридических формул и терминов; убеждающий же характер делает необходимым использование речевых средств воздействия, что создает экспрессивность. Аргументированная, убедительная, эмоциональная речь, как отмечает Е.А. Матвиенко, помогает присутствующим в зале судебного заседания понять важность соблюдения требований закона и норм морали [142. С. 7].

4. Диалогизированный МОНОЛОГ

Что такое судебная речь: монолог или диалог? Этот вопрос поднимался юристами неоднократно. Давайте проанализируем судебную речь как форму стилистического построения и сделаем определенные выводы.

Судебная речь как монолог

Психологи рассматривают монолог как деятельность нескольких людей, при которой один из них «озвучивает» продукты своей предшествующей речевой деятельности, т.е. придает им форму, в которой они через проговаривание воспринимаются остальными участниками этой деятельности. Монолог в лингвистике определяется на основе лингвистических признаков как особая форма стилистического построения, в которой сплетаются синтаксические особенности письменного и разговорного литературного языка. Монолог (от греч. monos - один + logos - слово, речь = речь одного) - развернутое высказывание одного лица. Это организованная речь, которая требует определенного речевого воспитания и в которой ярко проявляется воздействие. Характерными чертами публичного монолога лингвисты считают преднамеренность воздействия на слушателей и замысел.

Речь участников судебных прений отражает особенности сферы правовых отношений. Обращенная прежде всего к суду и обвинительная, и защитительная речь осуществляется в условиях непосредственного контакта, ориентирована на установление юридической истины и характеризуется наличием замысла, который в каждом случае обуславливается особенностями конкретного уголовного дела.

В уголовном процессе судебный оратор может определить замысел как доказательство виновности (невиновности) подсудимого, или как перекалификацию преступления, или как установление смягчающих ответственность обстоятельств, или как обоснование недоказанности преступных действий подсудимого. Нередко замысел судебной речи находит выражение в языковых средствах: *Основную свою задачу | я вижу в том | чтобы акцентировать | ваше внимание | на тех смягчающих обстоятельствах | которые имеются по делу | моего подзащитного ||*. Еще пример: *Как государственный обвинитель, я должен представить вам доказательства виновности Тищенко, убедить вас в обоснованности предъявленного ему обвинения* [172. С. 355].

Сложность освещаемых вопросов не только предполагает развернутое, логичное изложение материалов дела, но и требует, как было сказано, системы убедительных доказательств. Доказательность, аргументированность являются внутренними признаками судебного монолога, вызванными его убеждающим характером, и проявляются в использовании логических доводов, убедительных фактов, а также в определенных языковых формах.

Замысел судебной речи требует таких характеристик, как протяженность речевого отрезка, целенаправленность, композиционная организованность, предметно-смысловая завершенность, т.е. исчерпывающее выражение замысла, которое обеспечивает возможность ответа. Своеобразным ответом на выступления судебных ораторов служит обоснованное, законное судебное решение, в котором аргументированная, убедительная речь находит отражение в квалификации преступления, в определении меры наказания или признании гражданских правоотношений законными (или незаконными).

Обвинительная и защитительная речи, а также речи представителей истца и ответчика в гражданском процессе не зависят друг от друга, они самостоятельны в смысловом отношении. Таким образом, для определения судебной речи как монолога принимается обращенность к адресату с целью воздействовать на него, наличие замысла, предметно-смысловая исчерпанность, самостоятельность.

Чтобы произнести интересную речь, чтобы судьи слушали ее, ораторам надо постоянно чувствовать связь с адресатом, управлять его вниманием.

Признаки диалога

Являясь монологом по форме, судебная речь составляет часть диалога^[28], который ведется между

²⁸ Диалог (от греч. dialogos - разговор, беседа) - разговор между двумя или

прокурором и адвокатом на протяжении всего судебного следствия. Диалог проявляется в исследовании материалов дела с точки зрения обвинения и защиты, с точки зрения представителей истца и ответчика, в заявлении ходатайств. Завершается он в судебных прениях, когда окончательно определяются и аргументируются мнения процессуальных оппонентов. Вся судебная речь разворачивается не как монолог, а как диалог с процессуальным противником. Это обусловлено ее назначением. Адвокат, полемизируя с прокурором, отвергает его точку зрения как неправильную или в чем-то соглашается с нею: *Как никогда / сегодня справедливо / подметил / этот вопрос / государственный обвинитель / и я считаю / совершенно правильно / он просил о том / чтобы действия Крючкова / переквалифицировали на статью 112 / часть 1 //*. Или: *Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить?* (Ф.Н.П.).

Обращенность к суду, обоснование определенной квалификации того или иного обстоятельства делают необходимым воспроизведение и оценку (опровержение или принятие) мнения органов предварительного расследования, подсудимого, потерпевшего, свидетелей и ведут к диалогизации монологической речи, которая понимается как апелляция к суду и воспроизведение чужого мнения в целях доказывания, отражающее особенности устной разговорно-бытовой диалогической речи. Для судебного диалога диалогизация является, как уже было сказано, внутренним качеством, связанным с его убеждающим характером. Юристы рассматривают

диалогичность как основной признак судебной речи [184].

Оратор строит изложение так, как будто он занимается поисками истины тут же, в судебном процессе. Он видит в судьях не пассивных слушателей, а людей, активно участвующих в осмыслении и оценке информации. Поэтому прокурор и адвокат сознательно воздействуют на судей и присяжных заседателей, организуют процесс восприятия, организуют и направляют внимание суда, стремятся вовлечь его в ход своих рассуждений, заставляют думать, размышлять. Это достигается использованием разнообразных средств. Рассмотрим некоторые из них.

Средства диалогизации монолога

Это прежде всего глаголы, обозначающие побуждение к действию: *давайте обратимся к, обратите внимание, всмотритесь в, давайте возьмем, вспомните, давайте вспомним, подумайте* и др. Оратор направляет внимание суда на важные, с его точки зрения, вопросы, для того чтобы суд принял по ним правильное решение: *обращаю ваше внимание, особо обращаю ваше внимание, я подчеркиваю* и др. Этому способствуют чаще всего глагольно-местоименные конструкции, выражающие надежду оратора на то, что суд примет его точку зрения: *Я считаю | что суд | правильно отнесется | к показаниям моего подзащитного ||*. Или: *Я полагаю | что вы | уважаемые судьи | должны отнестись*

критически... // . Или: Я | товарищи судьи | надеюсь | что вы безусловно учтете | мнение...// . Или: Я прошу | данный эпизод | из дела исключить // . Или: Я заявляю | что у обвинительной власти есть все основания утверждать...// . Я уверен.

Лекторское *мы* объединяет оратора и состав суда в процессе поиска истины: *мы видим, мы знаем, мы помним, мы исследовали* и т.д.

Анализируя доказательства по делу, судебный оратор приводит показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей (одни из них он отвергает, как недостоверные, другие принимает, как имеющие доказательственное значение), тем самым включает разные речевые сферы в официальную речь. Это чаще всего оформляется конструкциями с несобственно-прямой речью:

«Обвиняемый говорит, что он в этот день до 6 часов сидел в мировом съезде, слушая суд и собираясь подать апелляцию» (А.Ф.К.). «Данилов показал, что никогда не знал Попова, никогда не бывал у Феллера, никакого перстня не закладывал...» (М.Ф.Г.).

Может быть приведена даже прямая речь свидетеля или подсудимого, если она содержит важные для суда сведения:

«Думаю, вы согласитесь со мною: именно он предотвратил трагедию. Можно по-разному относиться к этому человеку, но я прошу вас не забывать то, о чем говорил свидетель в суде: «Если бы я отказался от заказа, она нашла бы другого исполнителя» [172. С. 367].

Для подтверждения правильности своей точки зрения судебный оратор нередко ссылается на чужое

мнение: на постановления пленумов Верховного Суда РФ, на нормы УК и ГК РФ, на акты судебно-медицинской экспертизы, протоколы осмотра и т.д. Очень важно, чтобы оратор не читал текст документа, а изложил его главные мысли, как это сделала, например, Т.В. Новикова (Алтайский край):

«Нет никаких оснований не доверять показаниям свидетелей, ведь все показания согласуются между собой. Кроме того, показания свидетелей о драке, об орудии убийства, о количестве телесных повреждений, о месте, где они были причинены потерпевшему, подтверждаются протоколом осмотра места происшествия, заключениями экспертов. Напомню вам их.

В протоколе осмотра места происшествия от 25 марта 1996 г. зафиксировано, что на площадке 10-го этажа находится труп мужчины, на теле которого обнаружено шесть колото-резаных ран. От трупа через тамбур и далее через коридор идет дорожка в виде мазков крови.

Эксперт-биолог, исследовав кусок материи, соскоб с косяка, фрагменты обоев, пришел к выводу, что на них имелась кровь, которая, судя по групповой принадлежности и другим показателям, могла принадлежать Никитину» [172, С. 317-318].

Чтобы подчеркнуть какую-либо мысль, оратор иногда использует чужую речь. Это могут быть цитаты из художественных произведений:

«Известный хирург / в романе «Сердце и мысль» / говорит так // В жизни / есть два крепких якоря / работа

и дети // Работа должна быть творческой // а дети / чтобы приносили радость / их нужно воспитывать //».

Как правило, анализ обстоятельств дела ведется в форме вопросо-ответных реплик (вопросо-ответного хода)^[29]:

«В рыбных делах Мясниковым принадлежали только две трети; но разве им трудно было бы приобрести остальную треть от законных наследников Беляева? *Кто эти наследники?* Та же Беляева, Ремянникова, одинокая и бездетная женщина, наконец, Мартьянова, бедная мещанка. *С кем легче вести разговоры: с человеком, который сам обеспечен, который может советоваться с лучшими адвокатами и имеет все средства вести дело в судах, или с бедной женщиной, приславшей в Петербург поверенного, который за две тысячи рублей уступает половину наследства?* Конечно, с Мартьяновой легче было бы сойтись, чем с Беляевой, которая не сразу подписала условие...» (К.К.А.).

Или:

«Овчинников изображает такую картину: он слышит крики, глухие удары, слова «убийца» из дома Савицкого. Подходит к нему и видит выходящим из калитки двора самого Савицкого и запирающим на замок калитку. А 20 минут спустя он наблюдает бегущим по целику огородов - сначала дома Савицкого, потом Батыхова - обвиняемого Галкина. *Что это за картина? Какой из нее вывод?* Только один, что преступление сделано двумя - Галкиным и Савицким вместе. *Тогда какой разум в действии Савицкого, запирающего на ключ Галкина вместе с жертвой их преступления? Зачем Галкин остается эти*

²⁹ Об этом см. тему "Средства речевого воздействия".

20 минут там, где только что пролита им кровь? Ему надо бежать, в этом его спасение» (Н.П.Ш.).

Таким образом, приведенный материал позволяет сказать, что выступление прокурора и адвоката в судебных прениях лишь по форме является монологом, по существу же и по используемым в нем языковым средствам это диалог.

5. Стилиевые характеристики судебной речи

Одним из важных вопросов, связанных с монологической судебной речью, является вопрос о ее стилиевом статусе, так как это связано с использованием языковых средств.

Юристы о стиле судебной речи

На важность, практическую значимость вопроса о соотносительности судебной речи с функциональными стилями литературного языка указывает тот факт, что юристы неоднократно делали попытки соотносить речь судебного оратора с тем или иным функциональным стилем. Р. Экземпляров, например, приходит к выводу о том, что в наше время судебные прения больше походят на деловое, профессиональное обсуждение [256]. В.И. Царев выражает мнение, что в суде следует говорить языком закона [241]. З.В. Макарова считает, что

современная судебная речь носит ярко выраженный разговорный характер^[30].

Е.Е. Подголин выделял в судебной речи черты научного стиля (точность словоупотребления, строгая последовательность изложения, синтаксическая усложненность предложений, употребление терминологии); отмечал «соотнесенность» с литературно-художественным стилем, а также публицистическую окраску (лексика, фразеология, синтаксис, свойственные общественно-политической, эстетической сферам речевой деятельности); указывал слова, обороты разговорной речи, которые «позволяют выразить отрицательную оценку действий, лиц, предметов»; отмечал словесные повторы, уточнения, оговорки, самоперебивы. Однако Е.Е. Подголин придерживается мнения, что важную роль в оформлении «стилистического лица» судебной речи играют средства официально-деловой речи, что общие указания о языке и стиле процессуальных документов должны учитываться и при произнесении судебной речи, так как доказываемые обстоятельства, выводы должны излагаться с соблюдением норм письменной книжной литературной речи [170. С. 14-15].

Филологи рассматривают судебную речь как сложное функционально-стилевое образование, в котором используются признаки и средства различных функциональных стилей... от научного и публицистического до разговорно-просторечного^[31]. Д.Х.

³⁰ См.: Макарова З.В. Реценз. на кн.: Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. М., 1981 // Правоведение. 1983. № 2.

³¹ См.: Михайловская Н.Г. Просторечная и разговорная лексика в судебных выступлениях // Литературная норма и просторечие. М., 1977; Шевченко Н.В.

Баранник, М.М. Михайлов выделяют судебную разновидность публицистического стиля^[32].

Для того чтобы составить собственное мнение, рассмотрим функции судебной речи, проанализируем языковые средства, используемые в ней.

Понятие функционального стиля

Язык обслуживает все сферы человеческой деятельности: научную, официально-деловую (правовую), общественную, эстетическую, бытовую. Задачи общения в каждой сфере, преобладающая в ней форма мышления и обуславливают основные особенности речи в этой сфере человеческой деятельности. Функциональное многообразие использования литературного языка неразрывно связано с вопросом о его стилях, закрепленных за теми или иными общественными функциями его употребления. Основными функциями языка принято считать функцию общения, сообщения (информативную), функцию воздействия (и долженствования), эстетическую. Функциональный стиль - это разновидность языка, используемая в определенной сфере общественной деятельности и характеризующаяся совокупностью лексических, фразеологических, грамматических и отчасти фонетических признаков. Каждый стиль выполняет соответствующую функцию^[33] (см. таблицу):

Устная речь юристов в официальной обстановке: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Саратов, 1984.

³² См.: Баранник Д.Х. Устная монологическая речь: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Киев, 1970.

³³ Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997.

Сфера	Функции языка в сфере общения				
	научной	административно-деловой	общественно-политической	бытовой	художественной
Научный	свободное				
Административно-деловой		деловое общение			
Публицистический			политическое		
Разговорный				общение	
Художественная речь					образность, выразительность, образность

Монологическая речь участников судебных прений осуществляется в правовой сфере и обслуживает официально-деловые отношения между органами правосудия и подсудимым, определяет одностороннюю позицию органов надзора, государства по конкретному делу. Важная общественная функция судебной речи позволяет говорить о ее соотнесенности с официально-деловым стилем. Но мы уже отмечали, что основное назначение судебной речи - оценить действия, доказать правильность позиции оратора, воздействовать на формирование убеждения судей. Значит, судебная речь - это относительно законченное выступление по поводу правовой оценки определенного деяния. Поддерживая государственное обвинение, прокурор выступает как борец с преступностью. Речь адвоката исполнена чувства гуманности и снисхождения, но, защищая права подсудимого, адвокат выражает отрицательное отношение к совершенному его подзащитным преступлению. Таким образом, судебная речь будит мысль, заставляет думать, служит важным средством воздействия.

Формирование у слушателей определенного мировоззрения, убеждения - функция публицистического стиля. Публицистический стиль характеризуется многоплановостью, открытостью темы, он включает в себя черты всех функциональных стилей:

официально-делового, научного, разговорного, художественной речи.

Для того чтобы убедить судей, необходима система доказательств, логичность, а это уже признаки научного стиля.

Существен в судебной речи и психологический момент в таких композиционных частях, как «Сведения о личности подсудимого» и «Причины, способствовавшие совершению преступления», где оратор анализирует различные жизненные ситуации. А психологический анализ чаще всего выражается не в отвлеченных рассуждениях, а в картинном воспроизведении, в детальном изображении действий. Заданная самим назначением речи экспрессивность сближает ее в названных композиционных частях с художественной речью.

Стилевые черты судебной речи

Как проявляются черты каждого стиля в судебной речи? Для официально-делового стиля характерна в первую очередь предельная точность, не допускающая инотолкования. Каждое уголовное дело, как писал Я.С. Киселев, - это всегда человеческая беда. И человеческая судьба. Поэтому судебный оратор, анализируя обстоятельства дела, не имеет права допускать ошибки в их квалификации. Здесь каждая фраза, каждое слово должны адекватно передавать мысли говорящего.

Требование точности ведет к употреблению большого количества имен существительных и прилагательных (чаще терминологического характера), составных юридических терминов с последовательной цепочкой родительных падежей: «В соответствии с диспозицией / части второй статьи 263-й / нарушение *правил безопасности движения / и эксплуатации транспорта /* только тогда считается преступлением // когда оно / заведомо для виновного лица / создало угрозу *наступления тяжких последствий //*. Или: «Никакой *опасности / возникновения аварийной ситуации /* не существовало //». При назывании лица употребляются имена, обозначающие лицо по признаку, обусловленному каким-либо действием, отношением, положением: *государственный обвинитель, судья, подсудимый, потерпевший, свидетели.*

Официально-деловой стиль основан на общественно закрепленных формулах (клише), выражающих юридические отношения, однозначно и точно передающих соответствующие понятия и факты: *отсрочка наказания, квалифицировать действия, вредные последствия, злоупотреблять спиртными напитками, по предварительному сговору* и др. Точность проявляется и в использовании высказываний с различными уточнениями, причастными и деепричастными оборотами: «Панин и Стропилов / *ранее совершившие кражу /* повторно совершили хищение денег / *из столовой / расположенной на территории ЭВРЗ //*». Или: «*Обучаясь в школе рабочей молодежи /* часто пропускал занятия//». Или: «*Учитывая смягчающие обстоятельства /* прошу определить меру наказания / *не связанную с лишением свободы//*». Как видим, деепричастные и

причастные обороты уточняют отдельные признаки, действия.

Официальность речи требует объективного характера выражения, т.е. мысль выражается не от лица говорящего, а от лица государства, органов правосудия. Это проявляется чаще в пассивной форме изложения, когда сказуемое выражается страдательным причастием или глаголом страдательного залога: *В итоге Кошкин | был уволен с работы | за прогулы||*. Или: *Тячев и Сайлаонов | по актам изобличаются в предъявленном обвинении||*. Или: *Действия по статье 131-й части третьей | квалифицированы совершенно правильно||*. Или: *Этот эпизод полностью установлен | доказательства собраны||*. Для официально-делового стиля характерно «расщепленное» сказуемое, в котором употребляется глагол с ослабленным лексическим значением, а основное значение заключено в существительном: *Предъявленное обвинение нашло подтверждение (подтвердилось)*. Или: *По данному эпизоду он должен нести ответственность (отвечать)*. Или: *Она не занимается воспитанием детей (не воспитывает)*.

Функция волеизъявления, императивности проявляется в большом количестве безличных предложений со значением долженствования: *В таких случаях | не положено брать на поруки*. Или: *Действия Кулябова | следует квалифицировать | по статье 213-й | части первой | Уголовного кодекса ||*. Или: *Нельзя за один удар | от которого не наступило тяжких последствий | давать такую меру наказания ||*. Как видно из приведенного материала, употребление языковых средств официально-делового стиля наиболее характерно для называния элементов состава преступления, процессуального положения лиц,

процессуальных действий и документов, для формулирования выводов о фактических обстоятельствах дела, о квалификации преступления, мере наказания. Средства официально-делового стиля в судебной речи советского периода составляли от 15 до 23% языковых единиц. В современной судебной речи, произносимой в суде общей юрисдикции, их гораздо больше (см., напр., обвинительную речь по делу Старовойтова).

Черты и языковые средства научного стиля чаще всего проявляются в таких композиционных частях, как «Анализ доказательств», «Правовая квалификация преступления»^[34]. Основной целью научного стиля является доказательство, а основными чертами, вытекающими из абстрактности и строгой логичности мышления, - обобщенность и подчеркнутая логичность изложения, когда динамика мышления развивается от констатации преступных действий -» к опровержению точки зрения процессуального противника -» к доказательству правильности своей позиции; суждения и умозаключения идут одно за одним в строгой логической последовательности. Рассмотрим пример. Защищая Гурова, преданного суду за хулиганство, адвокат, отрицая применение Гуровым оружия в хулиганских целях, раскрывает понятие «применение оружия» и затем развертывает систему доказательств:

«Материалами дела установлено / что действительно Гуров совершил / преступление / и он должен нести ответственность // за хулиганские действия

³⁴ Следует сказать, что юридические термины, называющие преступления или признаки преступлений, используются ораторами в речах, произносимых в судах общей юрисдикции. В речах, произносимых перед присяжными заседателями, они в соответствии с процессуальными нормами отсутствуют.

/ по части второй статьи 213-й УК // Я обращаю внимание суда на то / что по смыслу части третьей / ст. 213-й УК / под применением оружия следует понимать / пользование оружием / непосредственно для нанесения / телесных повреждений / а также такую / форму применения оружия / при которой заведомо для виновного / создавалась непосредственная угроза / для жизни и здоровья // В данном конкретном случае / стреляя вверх и в землю / Гуров не имел умысла / на причинение телесных повреждений / или вреда здоровью / кому-либо из граждан / и никакой угрозы для жизни или здоровья людей / он не создавал // Поэтому в действиях Гурова / нет состава преступления / предусмотренного частью третьей ст. 213-й // Гуровым совершено хулиганство / подпадающее под часть вторую ст. 213-й УК / по признаку особой дерзости //».

Мысль оратора раскрывается последовательно и аргументировано. Выдвинув антитезис, защитник дает определение понятия, выделяет конструирующие признаки преступления, опровергает антитезис и делает вывод. Логичный ход рассуждений особо подчеркивается конструкциями связи: переход к определению понятия выражается путем высказывания *Я обращаю внимание суда на то*. Опровержение связано с определением понятия словосочетанием *В данном конкретном случае*; вывод о квалификации преступления оформляется средством подчеркнутой логичности *поэтому*.

В следующем тексте:

«Прежде чем высказать свое мнение / об обоснованности иска / я хочу остановиться на том / что такое трудовой договор // В соответствии со статьей 18-й / Основ трудового законодательства / трудовой договор

есть соглашение / между трудящимися и предприятием / по которому трудящиеся / обязуются выполнять работу // по определенной специальности / квалификации или должности / с подчинением внутреннему трудовому распорядку / а предприятие обязуется выплачивать трудящимся зарплату / и обеспечить условия труда / предусмотренные / законодательством о труде / коллективным договором и соглашением сторон // Ну / предоставленные условия труда у нас в данном случае не оспариваются // Все предоставленное / и кабинет / и рабочее место / и «Эра» и ключи / все условия у нас имеются // В данном случае только интересуют меня / права и обязанности истца // то есть выполняла ли она все свои обязанности / возложенные на нее трудовым договором / и имеются ли с ее стороны / нарушения внутреннего трудового распорядка//» - также вначале определяется понятие «трудовой договор». Подчеркнутая логичность находит выражение в словосочетаниях и фразах: *прежде чем; в соответствии с; что меня в этой статье интересует; в данном случае.*

Для научного стиля характерно наличие сложных высказываний, передающих последовательность рассуждений оратора:

«Я не буду оспаривать / ту квалификацию действий / которая вменена следственными органами Василевскому // Действия его правильно квалифицированы / частью первой статьи 111-й Уголовного кодекса / так как телесное повреждение / признается тяжким / если оно было опасным для жизни / и повлекло любое из указанных / в части первой статьи 111-й / последствий / а к ним относится и потеря слуха и зрения / и душевная болезнь / и иные расстройства здоровья / соединенные со стойкой утратой

трудоспособности // У нас имеется заключение / о том что месяц / находился на излечении потерпевший Калашников //».

Сложные конструкции выражают сложную аргументацию мысли оратора, стремление к тому, чтобы каждое положение вытекало из предыдущего и обуславливало понимание последнего. Указание на источник информации или доказательства важно для определения достоверности. Характерны для научного стиля развернутые двусоставные высказывания с выраженными средствами подчинения.

Черты и средства публицистического стиля проявляются во всей речи в сочетании предметно-логического плана и воздействия на слушателей процесса, особенно же ярко - во вступлении, где дается моральная оценка деяния, а также при анализе характеристики личности подсудимого и причин, способствовавших совершению преступления, кроме того, в так называемых общих местах (которые в современной судебной речи встречаются крайне редко). Основная черта публицистического стиля - открытая оценочность. Каждый эпизод обвинения, каждое доказательство не только анализируются оратором, но и оцениваются с точки зрения обвинения или защиты. В языке это находит отражение в высказываниях *Я считаю, я думаю, мне представляется, по мнению защиты, я уверен, я убежден, я утверждаю* и др. Сам текст речи вполне определенно выражает отношение оратора к излагаемому. Характерно для публицистического стиля вовлечение второго лица в обсуждение: *Вы знаете, вам известно, вы слышали, вы наблюдали, вы должны принять решение* и т.д.

Авторское *мы*, довольно часто используемое судебными ораторами (*Мы с вами слышали; мы знаем из судебной практики* и др.)? отражает такую черту публицистического стиля, как собирательность, когда мнение выражается от имени нескольких представителей правосудия. Это создает впечатление значительности высказывания.

В советский период активно использовалась в судебных прениях фразеология публицистического стиля: *гармоническое развитие личности, заниматься общественно полезным трудом, в рядах Советской Армии* и т.д.

Для синтаксиса публицистического стиля характерно использование вопросо-ответных реплик, риторических вопросов, расчлененность высказываний (*Характеристика из института || Отличный студент || Шахматист || Спортсмен || Хороший товарищ ||*), использование средств поэтического синтаксиса: антитезы, инверсии, единоначатия, параллелизма конструкций^[35].

Итак, особенности содержательного плана позволяют утверждать, что судебная речь является разновидностью публицистического стиля, который включает в себя элементы официально-делового и научного стилей. Язык судебной речи тяготеет к логическим построениям, суждениям с последующими выводами. Однако переход от одной темы к другой делает необходимым переход из одной стилевой тональности в другую.

³⁵ Подробно об этом см. тему "Средства речевого воздействия".

Эмоциональность судебного выступления является необходимым, рабочим компонентом: ведь оратор должен не только выразить мысль, но и вызвать нужные эмоции у слушателей.

Устная же форма обуславливает принципиальную необходимость использования разного рода устно-речевых средств, в том числе и устно-разговорных типизированных построений. Письменно-литературные средства в устной судебной речи изменяются в соответствии с законами устной формы речи.

Лингвистические термины

Типизированные предикативные построения - в данном случае конструкции, характерные для разговорной речи.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы были задачи и черты ораторской речи в Древней Греции? 2. Назовите черты судебной речи в Древнем Риме. Охарактеризуйте судебных ораторов доцицероновского периода. 3. Что нового внес Цицерон в развитие судебного красноречия? 4. Чему можно учиться у французских судебных ораторов XIX в.? 5. Какими чертами отличалась судебная речь в условиях советского судопроизводства? 6. Какова роль судебных прений в судебном процессе? 7. Назовите специфические черты судебной речи, отличающие ее от любой другой публичной речи. 8. Что такое монолог с точки зрения психологии, лингвистики? Какими характеристиками он обладает? 9. Что такое диалогизация монолога? Чем она порождена в судебной речи? Каковы формы ее

проявления? 10. Как юристы определяют место судебной речи среди функциональных стилей литературного языка? Выразите свою точку зрения на этот вопрос.

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. История формирования судебной речи.
2. Ближайшая и конечная цель современной судебной речи.
3. Черты судебной речи, отличающие ее от других видов публичной речи.
4. Монолог. Его основные признаки.
5. Диалогизация судебной речи. Формы ее проявления.

Практическая часть

Задание 1. Выразите мнение, какие черты судебной речи древнего мира уместны в наши дни, чему следует учиться у древних судебных ораторов. Отметьте, какие приемы, характерные для судебной речи древнего периода, использовали русские судебные ораторы XIX в.

Задание 2. Прочитайте речь Н.П. Кана по делу Далмацкого и речь О.В. Дервиза в защиту Васильевой, посмотрите, как определяется целевая установка каждой речи; подумайте, как проявляются в них все черты судебной речи; способствуют ли речи формированию убеждения судей, оказывают ли воспитательное воздействие на присутствующих в зале суда граждан. Проследите, как проявляются в них качества

воздействующей речи, черты функциональных стилей литературного языка. Покажите богатство речи ораторов.

Задание 3. Пронаблюдайте в обвинительной и защитительной речах по делу Артемьева (см. Приложение 1) диалогизацию монолога. Какие языковые средства содействуют этому? Каковы функции диалогической речи в суде присяжных?

Задание 4. Подготовьте реферат на тему «Ораторское мастерство древних судебных ораторов» или «Судебное красноречие в России», защитите его на практическом занятии.

Задание 5. На основе анализа судебных речей подготовьте 4-5-минутное выступление на тему «Целевая установка судебной речи», в котором ответьте на вопросы: 1. С чего начинается успех судебного выступления? 2. Можно ли построить и произнести убедительную речь, не определив ее целевой установки? 3. Чем определяется целевая установка? Обоснуйте свои выводы примерами из судебных речей.

Задание 6. Прочитайте речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем, отметьте в ней средства связи, признаки диалога, средства, содействующие убедительности речи.

Задание 7. Прочитайте отрывок из речи государственного обвинителя В.И. Романова [см. 172]; выделите средства диалогизации речи, обратите внимание, как они привлекают внимание судей.

В суде Груднев и Моргунов от показаний, данных в ходе предварительного следствия, отказались. Но чем они объясняют, что все-таки давали их и с глазу на глаз со следователем, и в присутствии понятых на месте

преступления, и с применением видеозаписи, и на очной ставке с Пасько, который был задержан значительно позже? Только тем, что следователь первоначально написал их сам, а они только подписали и потом их же повторяли. Но можно ли верить этим объяснениям Груднева и Моргунова? Вспомните, уважаемые присяжные заседатели, об обстоятельствах первоначальных допросов Груднева и Моргунова (после их задержания по подозрению в убийстве Тюрикова). Допрошены они были практически в одно время: один - с 17 ч 40 мин до 19 ч 30 мин, а другой - с 17 ч 30 мин до 19 ч 40 мин. Причем допрашивали их разные следователи и в разных местах: в изоляторе временного содержания и в помещении прокуратуры района, находящихся, как известно, на приличном расстоянии друг от друга. Эти данные оглашены в суде, и подсудимые их не отрицают. И что же мы видим? Тексты протоколов разные, но изложенное в них совпадает до мельчайших подробностей в описании того трагического для Тюрикова вечера с участием всех трех подсудимых и их конкретных действий: кто бил топором, кто ножом, сколько раз, в каких купюрах были похищенные деньги, как их разделили, где был Пасько и что он взял в доме Тюрикова. Так могли ли разные следователи в разных местах в одно и то же время написать протоколы с аналогичным изложением событий? Нет, это невозможно [172. С. 349-350].

Задание 8. Прочитайте речь Г.М. Резника по делу Г. Пасько [161]; проанализируйте ее с точки зрения соотнесенности ее с функциональными стилями языка. Отметьте, средства какого функционального стиля преобладают в ней.

Задание 9. Прочитайте речь В.Л. Россельса по делу Семеновых (с. 376). Определите ее целевую установку. Как она раскрыта в речи? Выделите средства диалогизации.

Задание 10. Объясните, почему председательствующий четырежды прерывает речь адвоката в защиту Артемьева. Какие нормы УПК РФ нарушил оратор?

Тема 3. ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

В основании судебного красноречия лежит необходимость доказывать и убеждать.

А.Ф. Кони. Приемы и задачи прокуратуры

Аргументация - это операция обоснования каких-либо суждений, практических решений или оценок, в которой наряду с логическими применяются также речевые, эмоционально-психологические и другие внелогические методы и приемы убеждающего воздействия.

В. И. Кириллов, А.А. Старченко. Логика

Чтобы содействовать формированию убеждения судей и присяжных заседателей, судебным ораторам необходимо сделать свою речь убедительной, а это предполагает высокий уровень ораторского мастерства. В данной теме мы рассмотрим вопросы убедительности судебной речи, ее логичности, выявим логические ошибки и отметим речевые средства, подчеркивающие логичность речи.

1. Убедительность судебной речи

Основным качеством судебной речи, которое обусловлено ее назначением, является убедительность - обоснованность всех тезисов и выводов.

Убежденность и убедительность

Убедительная речь - речь, содержащая мысли, подтвержденные фактами, серьезными доводами; доказательная. Важными факторами убедительности речи являются убежденность оратора в правоте своей позиции по делу и культура его мышления. Убежденность - это твердая уверенность в истинности чего-либо. Из чего рождается убежденность судебного оратора? Конечно, из глубокого знания материалов дела. Вспомните, как готовил обвинительные речи А.Ф. Кони, как появлялась у него убежденность в правильности точки зрения по делу: «Ознакомившись с делом, я приступал прежде всего к мысленной постройке *защиты* (выделено мною. - *Н.И.*), выдвигая перед собой резко и определенно все возникающие и могущие возникнуть по делу сомнения, и решал поддерживать обвинение лишь в тех случаях, когда эти сомнения бывали путем напряженного раздумья разрушены и на развалинах их возникало твердое убеждение в виновности»^[36]. Убежденность оратора в правильности позиции придает ему уверенность, облегчает работу по произнесению речи. Эта мысль выражена в речах многих судебных

³⁶ Подробно об этом см. с. 204 данного пособия.

ораторов. В речи по делу Укшинского М.Г. Казаринов сказал:

«Суд возложил на меня задачу защиты; убеждение мое в невиновности подсудимого сильно облегчило мне исполнение моей обязанности».

Эта же мысль выражена и в речи советского адвоката О.В. Девиза:

«Я исполняю сегодня свой профессиональный долг с глубоким убеждением в правильности моей правовой и моральной оценки действий Васильевой».

Прокурор Саратовской области Н.В. Абрамов обвинительную речь начал так:

«Я хочу разъяснить вам следующее: обвинитель должен поддерживать обвинение только в том случае, если он твердо убежден в виновности подсудимых, если об этом свидетельствуют исследованные доказательства... Что касается дела, которое мы с вами сейчас рассматриваем, то моя позиция по нему однозначна: вина всех подсудимых доказана, и я сейчас представлю вам эти доказательства» [172. С. 337-338].

Убежденность оратора ведет к необходимости убедить суд, произвести операцию убеждения.

В логике убеждение понимается как присущие отдельной личности или социальной группе взгляды, представления или концепции о явлениях действительности. Выделяются убеждения стихийные, формируемые на основе веры, и сознательно формируемые, которые опираются на аргументированное рассуждение, представляющие собой обоснованное знание.

В теории публичной речи убеждение определяется как сообщение, имеющее целью изменить взгляды адресата. Для этого судебный оратор доказывает правильность своей позиции, как единственно возможной по делу, анализирует аргументы процессуального оппонента, раскрывает несостоятельность, с его точки зрения, приводимых противной стороной доказательств, объясняет, почему, по его мнению, суд должен принять во внимание одни аргументы и отвергнуть другие.

В уголовном и гражданском судопроизводстве слово *убеждение* имеет два значения: «метод оценки доказательств» (как процесс, логическая операция) и «результат оценки доказательств» (как взгляды, представляющие обоснованное знание). Убедить - значит логическими доводами доказать или опровергнуть какое-либо положение, вызвать уверенность в том, что истинность тезиса доказана; убедить судей - склонить их к принятию данной точки зрения, заставить их поверить ей.

Слушая речи прокурора и адвоката, судья сопоставляет свои оценки с оценками, данными ораторами. Совпадение выводов приводит к формированию у суда еще большей уверенности в их правильности. Расхождение же в оценках заставляет судей критически оценить ту совокупность доказательств, которая приводится в их подтверждение. Все это способствует формированию внутреннего убеждения суда.

Основные законы мышления

Мы сказали, что важным фактором убедительности речи является культура мышления оратора. Мышление - это способность человека рассуждать, мыслить, представляющая собою процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях. Мыслить - значит рассуждать, сопоставляя мысли и делая из них выводы.

Культуре мышления, логике рассуждения и умению сделать правильные, истинные выводы из истинных посылок учат сформулированные логикой основные законы мышления - закон тождества, закон противоречия^[37], закон исключенного третьего и закон достаточного основания. Любой акт мышления должен соответствовать законам логики. Это имеет большое значение для повышения эффективности мыслительной деятельности оратора, для предотвращения возможных ошибок. Нельзя построить осмысленное высказывание вопреки логическим правилам или игнорируя их.

Закон тождества выражает основное свойство мышления - его определенность; он гласит: *каждая мысль в процессе данного рассуждения должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание*, сколько бы раз она ни повторялась. Закон противоречия учит последовательности в мышлении и речи, непротиворечивости мыслей, так как *две противоположные мысли об одном и том же предмете*,

³⁷ В.И. Кириллов, А.А. Старченко и А.А. Эйсман называют его законом непротиворечия.

взятом в одной то же время, в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинными. Знание закона противоречия важно для того, чтобы в процессе рассуждения можно было прийти к верному выводу. Его использование помогает обнаруживать и устранять противоречия в показаниях подсудимых, свидетелей, в доводах истца или ответчика, в рассуждениях обвинителя и защитника. По закону исключенного третьего, *из двух противоречивых суждений одно должно быть истинным, другое ложным, а третьего не дано.* Этот закон, как и закон противоречия, не допускает противоречий в мыслях; он требует четких, конкретных ответов, особенно там, где необходимо категоричное решение вопроса, и является основой для косвенных доказательств и опровержения. Закон достаточного основания требует, чтобы истинность каждого выдвигаемого в речи положения была доказана фактами: *всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана.* Суждения и выводы не могут быть необоснованными. Это важнейшее требование, предъявляемое к речи участников судебных прений. Так, адвокат, выдвигая тезис о невиновности своего клиента, вынужден привести необходимые доказательства, обосновать истинность своего утверждения. В обвинительном приговоре должны быть приведены доказательства, достаточные для его вынесения. Таким образом, законы формальной логики учат тому, что мысль должна быть выражена ясно и точно, рассуждение должно быть последовательным, непротиворечивым и обоснованным. Отклонение от законов логики, неумение вести доказательное рассуждение значительно снижают убедительность речи, ведут к логическим ошибкам,

затрудняют выяснение дела, а иногда приводят к ложным выводам и к несправедливому судебному решению.

Логическая операция доказательства

Слово *доказательство* многозначное: 1. Довод или факт, подтверждающий, доказывающий что-либо. Аргумент. 2. Система умозаключений, путем которых выводится новое положение. Это логическая операция обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений.

В гражданском и уголовном процессе доказывание - это деятельность суда и судебных ораторов, направленная на установление с помощью судебных доказательств фактов, от которых зависит разрешение спора по существу^[38].

Логическая операция доказательства (т.е. обоснования истинности какого-либо положения) включает в себя три взаимосвязанных элемента: тезис, аргументы, демонстрацию.

Чтобы обеспечить логичность рассуждения, следует помнить, что центральным пунктом каждого доказательства является тезис - положение, истинность которого следует доказать. Его обоснованию подчинено

³⁸ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2004.

все содержание речи. Однако тезис должен быть достоверным, иначе обосновать его не удастся. Доказательное рассуждение требует соблюдения двух правил по отношению к тезису: 1) логическая определенность, ясность и точность тезиса; отсутствие логического противоречия; 2) неизменность тезиса, запрещение менять его в процессе данного рассуждения.

Четкостью формулирования тезисов отличались речи В.Д. Спасовича: *«Ставлю как тезис, который я должен доказать и который я надеюсь доказать, тезис, в полной истине которого я глубоко убежден и который для меня яснее белого дня, а именно: что Н. Андреевская, купаясь, утонула и что, следовательно, в смерти ее никто не виноват»*. В.И. Царев основной тезис обвинительной речи по делу братьев Кондраковых сформулировал так: *...Я заявляю, что объективная истина по разбираемому нами делу установлена конкретно и точно: разбойное нападение на Кривошееву А.С. и Кривошееву А.Р., их изнасилование и убийство совершены братьями Кондраковыми.*

Как доказать правильность своей мысли? Логическими доводами, использованием убедительных аргументов, компетентных мнений, имеющих целью вызвать убеждение.

Аргумент - это одно или несколько связанных между собой утверждений (суждений), предназначенных для подтверждения истинности тезиса. В гражданском и уголовном процессе аргументы понимаются как судебные доказательства: это любые фактические данные об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разбирательства уголовного, гражданского,

арбитражного, конституционного дела^[39]. Содержатся доказательства в показаниях, вещественных доказательствах, заключениях экспертов, протоколах и др. Различают доказательства прямые и косвенные^[40]. Прямые доказательства - те, из которых можно сделать *однозначный* вывод (при условии их достоверности) о существовании (или несуществовании) доказываемого факта. Косвенными являются те доказательства, из которых при условии их достоверности можно сделать *предположительный* вывод о существовании доказываемого факта. Ко всем доказательствам предъявляются требования относимости и допустимости.

Ни одни из доказательств не имеют преимущественного значения. Об этом хорошо сказала Ю.В. Андрианова-Стрепетова: «...подавляющее большинство исследованных доказательств - это так

³⁹ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских.

⁴⁰ В античной риторике аргументы делились на внутренние, т.е. логические, и внешние: факты, документы и др., которые веско и убеждающе действуют сами по себе. Кроме того, выделялись иррациональные доводы. Их наиболее распространенные виды: призыв к жалости и симпатиям; обращение к авторитетам, традициям, к чувству почтения; довод к человеку, апелляция к публике. Это так называемые аргументы к состраданию, к лицу, а не к существу вопроса. Они оказывают сильное психологическое воздействие. Их цель - повлиять на чувства, склонить слушающих на свою сторону. Используются они вместо объективной оценки факта. Большое значение в таких случаях имеет красноречие оратора, его уверенный тон, пафос речи. Такие аргументы находим в речах Ф.Н. Плевако, например: "Плевако.., вспомнив слова обвинителя, сказал голосом, идущим из души в душу: "Вам говорят, что он высоко стоял и низко упал, и во имя этого требуют строгой кары, потому что с него должно "спроситься". Но, господа, вот он перед вами, он, стоявший так высоко! Посмотрите на него, подумайте о его разбившейся жизни - разве с него уже не достаточно спрошено? Припомните, что ему пришлось перестрадать в неизбежном ожидании этой скамьи и во время пребывания на ней. Высоко стоял... низко упал... ведь это только начало и конец, а что было пережито между ними! Господа, будьте милосердны и справедливы..." Так Ф.Н. Плевако защищал и священника. В речах современных судебных ораторов подобные примеры являются недопустимыми.

называемые косвенные доказательства. В этой связи необходимо помнить о том, что прямые доказательства не имеют преимущества перед косвенными, и соответственно, косвенные не являются доказательствами второго сорта, проигрывающими перед прямыми» [172. С. 280]. Н.П. Карабчевский в свое время писал о трудностях пользования косвенными уликами и сформулировал требования, предъявляемые к ним: «Косвенные улики, в отличие от прямых, могут быть очень тонкие, очень легковесные сами по себе, но одно внутреннее качество им обязательно должно быть присуще: они математически должны быть точны. Точны в смысле своей собственной достоверности, качества и размера. Другое неперемное условие: чтобы эти малые сами по себе величины давали все-таки некоторый реальный итог, чтобы они составляли собой одну непрерывную цепь отдельных звеньев» [96. С. 387]. Чтобы косвенное доказательство стало достаточным для вынесения обвинительного приговора или отказа в иске, необходимо соблюдение следующих условий: 1) факт косвенного доказательства должен находиться в причинной связи с исследуемым фактом; 2) обоснование тезиса путем косвенного доказательства всегда требует установления нескольких улик по делу, находящихся в соответствии между собой, в определенной связи. Убедительно косвенными уликами доказала виновность подсудимого Ю.В. Андрианова-Стрепетова. Прекрасную защиту Бердникова при помощи косвенных доказательств построил Я.С. Киселев.

Убедительность судебной речи во многом зависит от качества аргументов. Судьи оценивают правильность мыслей прокурора и адвоката прежде всего по степени значимости и ценности фактического материала. Только

сила аргументов, их убедительность имеют значение для полного внутреннего убеждения судей.

Какие требования предъявляются к аргументам? Какими качествами должны они обладать для того, чтобы убедить слушателей? Аргументы должны быть истинными, достоверными и не должны противоречить друг другу. Истинность их проверена практикой. Они должны быть достаточными для доказательства. Достаточность аргументов - это не количество их, а весомость, когда из них необходимо следует тезис. «Доказательств немного. Но доказательства не считают, а оценивают, причем оценивают в совокупности и в сравнении. И в результате такой оценки принимается правильное решение» [172. С. 270]. Риторика учит: доказательства следует не столько умножать, сколько взвешивать; отбрасывать аргументы, которые могут быть опровергнуты. Оратор не вправе ссылаться в подтверждение своей позиции а) на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании; б) на доказательства, признанные судом недопустимыми; в) на доказательства, не имеющие отношения к рассматриваемому делу.

Веские аргументы можно найти в речи С.А. Андреевского по делу Мироновича. Адвокат доказывает невиновность Мироновича, подробно анализируя: 1) данные экспертизы; 2) случайность позы Сарры Беккер: «Главное положение, что вся драма убийства происходила на кресле, рухнуло. Выяснилось, что Сарра принесена на кресло из другого места, положена на него почти мертвой; борьбы здесь не было, потому что чехол остался неподвижен и пятна крови спокойно просачивались с чехла на материю кресла»; 3) спокойное, естественное поведение Мироновича,

уехавшего утром после убийства взыскивать деньги с должников: «Ведь если бы он убил, он знал бы, что касса была всю ночь отпертой, что она и теперь открыта, что, может быть, из нее уже все растаскано и он теперь нищий, что там следы его ужасного дела... Где же тут до Порховникова? Откуда бы взялась прежняя энергия преследовать должников?»

Н.И. Холев, защищая Максименко, обвиняемую в отравлении мужа мышьяком, логично и убедительно анализирует обстоятельства дела: *Главный вопрос: выздоровел ли Н. Максименко к 18 октября (к дню смерти. - Н.И.)?* Проанализировав симптомы брюшного тифа, сроки течения болезни, показания свидетелей, оратор приходит к выводу: *18 октября болезнь была в периоде полного ее развития* (это подтвердило и вскрытие). Далее. Подробнейшим образом исследовав прижизненные симптомы отравления мышьяком и посмертные явления, приводя научные данные и мнения ученых, делает вывод: *признаков отравления мышьяком не было.*

Веские, убедительные аргументы найдете в речах А.Ф. Кони, П.А. Александрова, в речи Н.П. Карабчевского в защиту Криуна - бывшего капитана парохода «Владимир», в речи И.М. Кисенишского по делу о катастрофе парохода «Адмирал Нахимов».

Особенно необходимы веские доводы в пользу применения той или иной статьи уголовного закона.

Как располагать аргументы в речи? Они должны быть упорядочены так, чтобы отвечали способу мышления. Но не забывайте о принципе усиления^[41].

Риторика рекомендует приводить вначале сильные аргументы, затем доказательства средней силы, в конце - один наиболее сильный аргумент. Следует избегать нисходящего порядка доказательств.

Процесс убеждения включает в себя, кроме тезиса и аргументов, демонстрацию. Демонстрация, или способ доказательства, - это форма логической связи между аргументами и тезисом^[42]. Это логическое рассуждение, совокупность умозаключений при выведении тезиса из аргументов. Продемонстрировать - значит показать, что тезис логически обосновывается аргументами и поэтому является истинным. Завершить демонстрацию можно конструкциями: *Из всего сказанного следует...; вот почему я считаю (лучше - утверждаю, убежден); таким образом; из всего сказанного можно сделать вывод и другими подобными.*

Прямое и косвенное доказательство

Обоснование тезиса может осуществляться путем прямого или косвенного доказательства. Прямое доказательство ведется непосредственно с помощью

⁴¹ См. с. 120 (смысловая градация).

⁴² См. об этом: Зарецкая Е.Н. (77).

аргументов, без привлечения каких-либо противоречащих тезису допущений: дается прямая ссылка на аргументы, факты, подтверждающие что-либо, ссылка на общепринятую норму. В речи судебного оратора прямое доказательство используется, когда роль аргументов выполняют показания свидетелей, письменные документы, вещественные доказательства. Информационные доказательства (показания свидетелей, письменные документы) должны быть обязательно проверены, и их достоверность должна быть доказана.

Прямое обоснование может принимать форму дедуктивных умозаключений, индукции или аналогии.

Дедуктивный метод состоит в том, что частные положения логически выводятся из общих положений, правил, законов.

Дедукция (от лат. deductio - выведение) - умозаключение, представляющее переход от посылок к заключению, опирающееся на логический закон, в силу чего заключение с логической необходимостью следует из принятых посылок. Посылкой может являться аксиома, постулат или просто гипотеза, имеющая характер общих утверждений. Это может быть то или иное известное научное положение, истинность которого не вызывает сомнения, или нормы права и другие оценочные стандарты. Если посылки истинны, то истинны и их следствия. Дедукция - основной метод доказательства.

Индуктивный метод предполагает изложение от частных фактов к установлению общих положений, это логический переход от аргументов к тезису. Особенно важно, чтобы оратор приводил впечатляющие конкретные факты. Индуктивный метод нередко используют при анализе экспериментальных данных, при

оперировании статистическими материалами. Аргументами здесь являются, как правило, фактические данные.

Метод избирается судебным оратором в зависимости от материалов дела.

Косвенное доказательство - вид дедуктивного доказательства, при котором тезис доказывается путем опровержения антитезиса. Косвенное доказательство называют доказательством от противного, так как формулируется антитезис и доказывается его несостоятельность. Таким образом, косвенное доказательство состоит из следующих этапов: выдвигается антитезис (*Если бы...; Допустим, что*), из него выводятся следствия с намерением найти среди них ложное (*то...;*); делается вывод, что антитезис неверен (*однако...*).

Затем на основании закона исключенного третьего делается вывод: *поскольку* тезис и антитезис исключают друг друга, то ложность антитезиса означает истинность тезиса. В качестве примера косвенного способа доказательства можно привести речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем, речь А.И. Урусова по делу Волоховой, речь Я.С. Киселева по делу Бердникова.

Искусство аргументации предполагает также умение опровергать.

Опровержение

Опровержение - это логическая операция, обосновывающая ложность какого-либо утверждения или нескольких утверждений; разрушающая ранее состоявшийся процесс аргументации; это критика тезиса противника, установление ложности, несостоятельности или ошибочности тезиса процессуального оппонента, следственных органов, подсудимого и т.д.

Прямое опровержение тезиса строится в форме рассуждения, получившего название «сведение к абсурду». Условно допускают истинность выдвинутого оппонентом положения и выводят логически вытекающие из него следствия: *Допустим, что оппонент прав и его тезис является истинным, но в этом случае из него следует...* Если окажется, что это следствие противоречит объективным данным, то его признают несостоятельным. Далее делается вывод о несостоятельности тезиса.

Подвергаются проверке и критике доказательства, которые даны оппонентом в обоснование его тезиса. Неточное изложение фактов, сомнения в правильности доводов переносятся и на тезис. В случае установления ложности аргументов тезис безоговорочно считается необоснованным.

Опровержение демонстрации состоит в том, что показывают, что в рассуждениях оппонента нет логической связи между аргументами и тезисом. Для окончательного опровержения следует доказать несостоятельность содержания самого тезиса. Приведем пример опровержения.

В.И. Царев, обосновывая обвинение В. Кондракова в убийстве, опровергает его показания, выстраивая систему доказательств:

«Позвольте, товарищи судьи, перейти к анализу показаний В. Кондракова. Суть их сводится к тому, что 4 апреля он якобы в Великодворье не был, а ездил в Туму наниматься в пастухи. Стремясь убедить суд в правдивости своих показаний, Кондраков детально рисует эту поездку. Кого только он не встретил тогда в Туме! Здесь и женщина с рассадой, и девушка в красном пальто, и пассажиры с поросятами в корзинах, и играющие в футбол ребята, и милиционер, подозрительно посмотревший на него.

Если рассматривать эти показания просто по-житейски, то как раз такая детализация и убеждает в их неправдоподобности. Трудно себе представить, чтобы человек во время поездки по своим делам стал фиксировать свое внимание на подобных фактах, а главное, помнить о них. Но тогда зачем это навязчивое перечисление? Расчет простой: придать достоверность своим показаниям относительно поездки 4 апреля в Туму. Ведь факты проверить невозможно. Но в деле имеются веские доказательства, свидетельствующие о том, что Кондраков 4 апреля в Туму не ездил. Я имею в виду записки, которые он пытался передать брату. Вот текст записок: «Говори, встречал одного мужика на вокзале в Великодворье, он предложил все это сделать. В воскресенье, говори, что ты поехал в Великодворье к Тольке, я буду говорить - поехал в Туму наниматься в пастухи. В Курлове садились вместе. В Великодворье ты сошел, я поехал дальше в Туму. Коля, что будет, не знаю. Напиши мне записку, положи там, где возможно. Коля, свидетели показывают на тебя... Коля, если знал бы я, что ты, гад, так продал своего брата, зачем все ты рассказал про меня. Меня никто не опознал, на меня никто не показывает. Я пока в сознанку не иду».

В письме к матери он умоляет ее найти подставных свидетелей, которые могли бы подтвердить факт его пребывания в Туме 4 апреля. Содержание этого письма таково: «Здравствуй, мама, прошу тебя найти мне свидетелей, человека два. Это будет достаточно, чтобы меня освободили. Чтобы эти люди, когда возьмут в милицию, могли подтвердить, что меня видели 4 апреля, в воскресенье, в Туме на вокзале в 3 часа дня. Уговори Саньку Марьину и еще сходи поговори с Нинкой тети Дуниной и ее мужем, пусть они подтвердят, что я ехал вместе с ними в одном вагоне до Тумы 4 апреля, в воскресенье, чтобы они так показывали, как я пишу. Мама, съезди в деревню, уговори тети Матрены дочку, пусть она подтвердит, что тоже меня видела на вокзале в Туме 4 апреля, в воскресенье. Мама, все силы приложи: найди свидетелей и уговори их. Мама, на меня никто не показывает. На брата Колю показывают три человека, что видели его с каким-то мужиком». Лица, на которых Кондраков ссылается в письме, установлены и допрошены. Они не подтвердили его алиби и заявили, что в Туму 4 апреля не ездили...

Какие дополнительные доказательства дают мне основание утверждать, что Кондраков Виктор приезжал 4 апреля в Великодворье? Кондраков Николай сообщил, что в пути следования к поселку Великодворье в поезде 4 апреля его брат Виктор был оштрафован ревизором за безбилетный проезд. Добытые в результате проверки этого факта доказательства - показания ревизора Кузнецова, постановление о наложении штрафа на В. Кондракова, квитанция об уплате штрафа Кондраковой Матреной - матерью подсудимых - явились серьезными уликами против Кондракова...»

Очень эффективным является метод видимой поддержки, когда выступающий вначале не противоречит, не возражает процессуальному оппоненту, даже, кажется, приходит ему на помощь, приводя новые аргументы в его пользу (как это сделал Я.С. Киселев в речи по делу Бердникова). А затем после формулы *Но так ли это, уважаемые судьи!*, или *Однако на самом деле это не так*, или *Да, все это так, однако*, или *В действительности это вовсе не так* следует контрудар, т.е. оратор приводит цепь аргументов в подтверждение правильности своей точки зрения (см. также примеры на с. 156-157). Это способствует убедительности речи.

Мастерами опровержения доводов процессуального противника были Н.П. Карабчевский, А.И. Урусов, В.Д. Спасович.

Различие между доказательством и опровержением состоит в том, что в доказательстве обосновывают истинность мысли, а в опровержении - ложность. В то же время доказательство ложности какого-либо тезиса является доказательством истинности противоречащего ему утверждения.

Как правило, опровержение и доказательство регулярно и последовательно присутствуют в каждой судебной речи, что определяется ее убеждающим характером. Например, М.Г. Казаринов логично и убедительно осуществлял защиту адвоката Л.А. Базунова. Он выдвигает антитезис: *Три адвоката, утверждает обвинение, убедили свою клиентку Ольгу Штейн бежать от суда. Какие же мотивы могли руководить адвокатами!* - и опровергает его, доказывает его несостоятельность. Далее выдвигает тезис: *У кого должна была зародиться мысль о побеге от суда?*

Конечно, у того, кому судебный процесс угрожал тяжелыми последствиями, - у самой Ольги Штейн. Подробно анализируя ее жизнь, ее поведение, привычки, страх перед наказанием, адвокат делает вывод: Вот мотивы, которые могли побудить к бегству Ольгу Штейн. И аргументирует вывод: И что именно по своей воле она бежала, подтверждается ее же искренними, дружескими письмами к Пергаменту из Америки. Вот что читаем мы... Я выявил вам, господа присяжные заседатели, чувства, побудившие Штейн уехать из России. Чувства эти говорили так властно и красноречиво, что никакие речи и убеждения адвокатов не могли ни в малейшей мере влиять на ее решение.

Судебный оратор, убежденный в правильности своей позиции по делу и владеющий правилами мышления, сумеет сделать речь убедительной.

2. Логические ошибки в речи

В процессе рассуждения необходимо соблюдать сформулированные логикой правила. Непреднамеренное нарушение их из-за логической небрежности, недостаточной логической культуры воспринимается как логическая ошибка.

Ошибки в логике рассуждения

В судебной речи могут быть следующие логические ошибки. Если оратор, сформулировав мысль, забывает о ней и произвольно переходит к принципиально другому положению, то происходит потеря тезиса. В результате выступающий может потерять исходную мысль. Здесь нужен самоконтроль. Случается и частичная или полная подмена тезиса. Это бывает в том случае, когда оратор, выдвинув определенное положение, обосновывает фактически другое. Нередко это случается, когда основная мысль не была сформулирована в начале выступления четко и определенно, и затем она поправляется или уточняется на протяжении всей речи.

Логические ошибки могут возникнуть в результате неумелой аргументации. Если аргументы недостоверны, обладают только вероятностью, то с их помощью невозможно обосновать достоверный вывод. Эта ошибка

называется основным заблуждением, когда в качестве аргумента используется заведомо ложное положение, несуществующий факт и тому подобное в надежде, что этого никто не заметит. Опытный оратор, обнаружив хотя бы один непроверенный или сомнительный аргумент в речи оппонента, может легко опровергнуть всю систему его рассуждений. вспомните, как это сделал Я.С.Киселев в речи по делу Бердникова: «В полуправду вкраплены фактик, другой, а то и третий, каждый из них чем-то подтвержден... Часть фактов верна, значит, и другая верна. А это вовсе не так» (см. с. 366).

В качестве аргументов не могут использоваться недоказанные, высказанные кем-то предположения, например, ложные показания подсудимого, свидетелей. Не является истинным аргумент в следующем примере: *Органами следствия установлено | что Соленкову | был нанесен удар | ножевое ранение | в поясничную область потерпевшему || Мой подзащитный отрицает | то что у него был нож | и поясняет | он вообще ни у кого | из находящихся с ним | там | Подкуйко и Ноготкова | ножа не видел || Я и считаю | что этот эпизод | совершенно не доказан ||.*

Доказательство несостоятельно и в том случае, когда аргументы недостаточны для обоснования тезиса: *Вину свою он признает частично | мне и думается | что она доказана частично ||.* Недостаточны аргументы и в таком примере: *Вина подсудимого | также подтверждается | заключением судебно-медицинской экспертизы | и другими материалами дела ||,* так как нет конкретности из-за слова *другими*. Ошибка порочный круг состоит в том, что тезис обосновывается аргументами, а аргументы выводятся из этого же тезиса.

Ошибки в демонстрации вызываются отсутствием логической связи между аргументами и тезисом. Это так называемое мнимое следование.

Ошибки в выборе языковых средств

Логика рассуждения находит выражение в конкретных языковых средствах, и это делает возможным определить типичные логические ошибки, к которым ведет неточный выбор языковых средств.

Одной из причин нелогичности высказывания является употребление слов без учета их значения, например: *В нагрудном кармане его брюк обнаружено две фотокарточки (надо: в переднем кармане)*. Нечеткая дифференциация понятий, подмена понятий также нарушает логику изложения: *Брак изделий - сапоги яловые в количестве 19 штук - возложить на ответчиков*. Или: *Возвращаясь из рейса, Короткое задремал, что явилось результатом его столкновения со стоящим недалеко от обочины столбом (надо: возмещение стоимости бракованных сапог, в количестве 19 пар;... что явилось причиной его наезда на стоящий...)*. Сочетание слов не должно быть противоречивым. Нарушение логических связей между словами может создать непреднамеренный комизм: *Суд не может удовлетворить просьбу умершего о взыскании денег на погребение*. Или: *Подсудимый Мирон продолжал вместе с умершей Мировой злоупотреблять спиртными напитками (надо: Суд не может удовлетворить просьбу родственников*

умершего; подсудимый Мирон продолжал вместе с Мировой, ныне покойной...).

Невнимательное отношение к выбору слов ведет к возникновению в речи алогизма - сопоставления несопоставимых понятий: *«Действия Босняцкого отличаются от других подсудимых не только объемом, но и последствиями».* Или: *«Среди предъявленных мне девяти голов я признал быка».* Или: *«Причиной электротравмы явилось то, что потерпевший не проверил отсутствие наличия электросварки»* (надо: *отличаются от действий; я опознал голову быка; не проверил отсутствия электросварки*).

Одной из логических ошибок является неоправданное расширение или сужение понятия, возникающее в результате смешения родовых и видовых понятий, а также нечеткое разграничение конкретных и отвлеченных понятий: *«Из магазина была совершена кража пылесоса и другого медицинского оборудования».* Или: *«Когда мой подзащитный возвращался с танцев, выпадали атмосферные осадки».* Или: *«Подозреваемый Шевцов показал, что 13 февраля 1991 года он дежурил на мероприятии».* Или: *«Воеводу вменяется в вину угон автотранспорта»* (надо: *кража пылесоса и медицинского оборудования; шел снег (или дождь); он дежурил на вечере; угон автотранспортного средства*).

Нелогичность высказывания, искажение его смысла появляется в результате несоответствия посылки и следствия: *Рост преступности зависит от того, насколько упорно и эффективно ведется борьба с правонарушителями.* Или: *В целях ограждения их от хулиганских действий соседи Петухова просят изолировать их от Петухова* (надо: *снижение*

преступности; изолировать Петухова от общества). Еще пример: «На основании изложенного Солонин *обвиняется в том, что он был задержан* за управление автотранспортным средством в нетрезвом состоянии» (надо: *обвиняется в том, что управлял автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения*). Подобные ошибки снижают качество хорошей по содержанию речи, к тому же свидетельствуют о нежелании судебного оратора вдумываться в значение употребляемых слов, о неуважении к языку и людям, которым приходится слушать данного оратора.

Софизмы

Мы рассмотрели непреднамеренные логические ошибки, которые возникают из-за отсутствия у оратора логической культуры. Намеренные ошибки допускаются сознательно. Это логические уловки, умышленно ошибочные рассуждения, выдаваемые за истинные. Называются они софизмами. Софизм (от греч. *sophisma*, хитро придумываю) - рассуждение, кажущееся правильным, но содержащее скрытую логическую ошибку и придающее ложному утверждению видимость истинности. Это рассуждение, основанное на преднамеренном нарушении законов логики.

Софисты существовали еще в Древней Греции (от греч. *sophistes* - искусник, мудрец) и составляли софистское направление в ораторском искусстве, цель которого была - убедить слушателей в чем-либо во что бы то ни стало. Для этого они употребляли

умозаключения, основанные на преднамеренно неправильном подборе исходных положений, аргументов. Примеры софизмов: «Все люди суть разумные существа. Жители планет не суть люди. Следовательно, они не суть разумные существа»; «Закон Моисеев запрещал воровство. Закон Моисеев потерял свою силу. Следовательно, воровство не запрещено»; «Все металлы - простые тела. Бронза - металл. Следовательно, бронза - простое тело».

Систематический анализ софизмов был дан впервые Аристотелем в его заключительной части «Органона». Софизм есть ложный вывод, неправильность которого бывает обусловлена троякого рода причинами: 1) логическими, 2) грамматическими и 3) психологическими^[43].

Софизмы являются особым приемом интеллектуального мошенничества, попыткой выдать ложь за истину и тем самым ввести противника в заблуждение. Употребление их с целью обмана является некорректным приемом аргументации.

⁴³ См.: Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 31 А.

3. Языковые средства, создающие логичность речи

Техника аргументации предполагает выбор оратором определенных речевых средств, которые содействовали бы четкой смысловой связности речи и отражали бы логику рассуждения и логику изложения.

Специальные средства связи

Судебное выступление, как любая длительно осуществляемая речь, требует связности, которая понимается как способность текста удерживать предмет обсуждения, как выражение информативно-логической последовательности высказываний путем использования языковых средств.

Судебная речь, для которой характерно стремление к точности и логичности, насыщена языковыми средствами, передающими движение мысли, способствующими проявлению логической связности. Эти функционально-синтаксические средства связи помогают выразить сложные логические отношения между высказываниями, между композиционными частями. Каждое последующее высказывание, присоединяясь к предыдущему при помощи того или иного средства связи, как бы цепляется за предыдущее, чем поддерживается

цельность, создается семантико-синтаксическая спаянность всего текста речи.

Важным средством выражения логических связей между композиционными частями и отдельными высказываниями являются специальные средства связи, указывающие

на последовательность развития мысли: *вначале, прежде всего, во-первых, во-вторых, затем, далее, идем дальше, продолжаем, повторяю* и др.;

на причинно-следственные отношения: *как уже было сказано, как было отмечено, поэтому, благодаря этому, согласно с, вследствие этого, следовательно, кроме того, к тому же* и т.п.;

на переход от одной мысли к другой: *обратимся к, рассмотрим; прежде чем перейти к, остановимся на; необходимо остановиться, необходимо рассмотреть* и т.д.;

на противоречивые отношения: *однако, между тем, с другой стороны; невзирая на; в то время как; тем не менее; и все-таки* и др.;

на итог, вывод: *итак, значит, следовательно, таким образом, в заключение скажем, в заключение следует сказать, все сказанное позволяет сделать вывод; подводя итоги, следует сказать* и др.

В качестве средств связи могут использоваться местоимения, прилагательные и причастия: *данные, этот, такой, названные, указанные, следующий* и т.п.

Вопросительные высказывания

Вопросительные высказывания в монологической судебной речи обусловлены ее жанровыми характеристиками, регламентированы уголовно-процессуальным законом и приобретают в ней особую функциональную и стилистическую нагрузку. Они подчинены необходимости выяснить все обстоятельства дела, дать им правильную квалификацию, убедить судей в правильности позиции оратора, а также обеспечить целенаправленное и эффективное воздействие на сознание присутствующих в зале суда граждан.

Во время судебного следствия проводится допрос подсудимых - ответчиков, потерпевших - истцов, свидетелей. И это требует особых речевых средств: вопрос допрашивающего - ответ допрашиваемого... То есть вся речь этой части судебного разбирательства представляет собой диалог - речь двух или нескольких человек. Сохраняется эта особенность (употребление вопросительных конструкций) и в монологических речах судебных ораторов. Вопросительные высказывания способствуют логичности рассуждения, так как развитие суждений протекает как переход от ранее установленных суждений к новым, более точным. Этот переход представляет собой постановку вопроса и формулирование ответа на него.

Логике рассуждения содействует логический вопрос, имеющий целью выяснение неизвестного, являющийся стимулом для передачи дальнейшей информации,

отражающий последовательное движение мысли. Возьмем пример из речи А.Ф. Кони:

«Подробный акт осмотра указывает на все подробности исследования, и я считаю излишним напоминать их. Укажу только те вопросы, которые прежде всего возникли у лиц, исследовавших это дело, и вы увидите, как полно и красноречиво отвечала на эти вопросы сама обстановка найденного. *Прежде всего, что это такое? Убийство, очевидно. С какой целью?* Разломанная шкатулка, раскрытые комоды, разбросанная одежда - все это прямо говорит о совершении убийства с целью грабежа. *В какое время!* Отцу Иллариону после вечерни, следовательно, в 5 часов вечера, в 6-м, были принесены дрова и вода для самовара; затем у него найден самовар, почти полный водою; в чайнике, налитом доверху, заварен чай, чашка суха; видно, что, вернувшись от вечерни, он заварил чай и не успел напиться. Итак, приблизительное время совершения убийства - около 6 часов вечера. Затем обстановка убийства также довольно ясна...».

Проследить значение логических вопросов в построении текста судебной речи можно и на примере речи Н.И. Холева по делу Максименко:

«Итак, в ночь на 19 октября в доме Дубровиной скончался не здоровый человек, а тифознобольной. *Отчего же умер Максименко?* Обвинение утверждает: Максименко был отравлен мышьяком. Посмотрим, находит ли гипотеза отравления подтверждение себе в прижизненных симптомах и в посмертных явлениях у Максименко.

Больному стало дурно в восьмом часу вечера. *Что же наблюдал явившийся около восьми часов вечера*

доктор Португалов? Рвоту, боль в животе, частый, напряженный, до 120 ударов, пульс, слабость, холодный пот. Да разве это картина отравления мышьяком? Ведь и сам Португалов не заподозрил отравления, иначе он дал бы должное противоядие...

Наиболее характерные посмертные явления при отравлении мышьяком таковы: слизистая оболочка желудка показывает признаки сильнейшего воспаления, выражаемого пятнистой или полосатой темной краснотой; кишечник наполнен жидкостью, похожей на рисовый отвар; рот, зев, пищеприемник, желудок воспалены; печень желтоватая, матово-бронзовая; кровь густая, черная; острое жировое перерождение печени и почек и т.д. Ничего подобного при вскрытии трупа Максименко не найдено...

Однако в трупе Максименко найден в значительной дозе мышьяк! *Когда и как он попал туда?* Профессор Патенко все это назвал «странным фактом», а прокурор - даже «мифом». Будем, однако, терпеливы, и, быть может, факт перестанет казаться «странным», а «мифу» мы найдем и реальное обоснование. Здесь мы сталкиваемся с химической экспертизой...

Какой же первый, составленный Роллером акт 31 октября 1888 г.? В нем содержится удостоверение, что при химическом исследовании внутренностей Максименко открыт в значительном количестве сильнодействующий минеральный яд - мышьяк - и только. Как проводилось исследование, какие употреблялись приборы и реактивы, из каких органов добыт мышьяк, каково его количество, - ответа на эти вопросы у Роллера не ищите...

Перехожу ко второму химическому анализу, в актах которого также нет указаний на продолжительность его производства. *Почему и для чего он был предпринят?* По требованию подсудимой, для проверки первого анализа, который она признавала неправильным. При этом Максименко просила о поручении исследования другому фармацевту и об отсылке внутренностей для нового анализа в медицинский департамент. *Была ли законна такая просьба?* По статье 334 Устава уголовного судопроизводства, в случае сомнения в правильности заключения сведущих людей требуется заключение от других сведущих людей или же самый предмет исследования отправляется в высшее специальное установление. Итак, требование подсудимой опиралось на ясный, буквальный смысл закона. *Что же предприняла следственная власть?* Проверочная экспертиза поручена была тому же Роллеру, который, таким образом, проверял самого себя, собственные свои действия и с самим собою оказался в трогательном согласии. Вот какова была проверка!»

В логике форма развития знаний, представляющая собой обоснованное предположение, выдвигаемое с целью выяснения свойств и причин исследуемых явлений, называется гипотезой. Гипотеза - необходимый компонент любого познавательного процесса. В объяснительных гипотезах - о причинах возникновения объекта исследований используются вопросы: *Почему произошло... Каковы причины...* В описательных гипотезах - о присущих исследуемому объекту свойствах - вопросы: *Что представляет собою... Какими свойствами обладает...* ^[44]

⁴⁴ См. классификацию вопросительных конструкций в кн.: Кириллов В.И.,

Функции вопросительных конструкций определяются их местом в структуре текста судебной речи и коммуникативным заданием. В форме вопроса осуществляется постановка проблем, с помощью вопросов передается новая информация.

Вопрос, употребленный во вступлении, формулирует целевую установку оратора в конкретном судебном процессе, определяет задачу, стоящую перед ним. Это проблемный вопрос. Рассмотрим пример: «Уважаемые судьи // Основной вопрос / который вам предстоит решить сегодня / в совещательной комнате / в отношении моего подзащитного Сердюка / это вопрос о мере его наказания // *Как наказать несовершеннолетнего / который второй раз действительно / оказался на скамье подсудимых // Что же привело Сердюка / в зал судебного заседания // Почему он сидит на скамье подсудимых //*». Первый вопрос развертывает информацию, данную в посылочном высказывании, включая, однако, новые данные, имеющие значение при решении вопроса: *который второй раз действительно / оказался на скамье подсудимых*. Вопросительная интонация содействует установлению психологического контакта между оратором и адресатом. Последующие вопросы определяют целевую установку адвоката - проанализировать причины совершения преступления.

Проблемный вопрос может формулировать и микротему дальнейшего тематического отрезка речи. Особо важна роль проблемного вопроса в речи оратора в суде с участием присяжных. Присяжные заседатели - это судьи факта, как правило, незнакомые с юридическими тонкостями, поэтому постановкой проблемных вопросов и

ответами на них оратор оказывает присяжным действенную помощь:

«Вы уже, наверно, обратили внимание на то, что показания всех подсудимых, данные в процессе расследования, существенно противоречат показаниям, данным в судебном заседании. *Как реагировать на эти противоречия? Как их оценивать?* Прежде всего я прошу вас в совещательной комнате задать себе вопрос: *кто заинтересован в исходе этого дела? Потерпевший?* Он мертв, ничего уже сказать не может. *Его несчастные родители?* Они никого в этом зале не знают, только просят справедливо разобраться в деле. Заинтересованные лица - это, конечно, подсудимые. Именно их судьба решается, им грозит наказание, им отбывать лишение свободы, если их признают виновными, и немалые сроки - до десяти лет лишения свободы. *Можно ли при таких обстоятельствах ожидать от подсудимых правды и только правды?* Очевидно, что нет. *Тогда как же разобраться, когда они говорят правду, а когда попросту лгут? Где реальность, а где вымысел?* Безусловно, вам понадобится обращение к другим объективным доказательствам по делу - заключениям экспертов, показаниям свидетелей и т.д.» [172. С. 339].

Диалог рождается из воображаемой беседы с присяжными... Вы, конечно, обратили внимание, как логично каждый последующий вопрос вытекает из предыдущего, уточняет, детализирует его.

Анализ обстоятельств дела и причин совершения преступления ведется, как правило, в форме вопросо-ответных реплик. Довольно часто спорными представляются правовые вопросы, в частности, правовая квалификация деяния. Оратор, предвидя

возражения, сам формулирует вопросы и сам отвечает на них.

Довольно часто вопросо-ответные единства строятся как диалог между оратором и его процессуальным оппонентом или органами предварительного расследования при анализе обстоятельств дела, при квалификации действий подсудимого: «Органы предварительного расследования / квалифицировали действия Гурова / по статье 213-й части третьей УК РФ // *Правильно ли применена эта статья* // Я считаю / что его действия следует квалифицировать / частью второй / статьи 213-й УК РФ / по следующим основаниям...»

В логике вопросо-ответная форма изложения определяется «процессуально-правовым алгоритмом, определяющим основные направления, важнейшие позиции и пределы судебного исследования по уголовным и гражданским делам» [98. С. 96]. В результате использования вопросительных конструкций создается психологический и интеллектуальный контакт между оратором и судьями, исчезает пассивность слушателей, поддерживается интерес присяжных заседателей к теме выступления.

Период

Полному и законченному изложению сложных вопросов помогает использование периода. Период - это такая синтаксическая конструкция, которая позволяет выдвинуть какое-либо положение и доказать его,

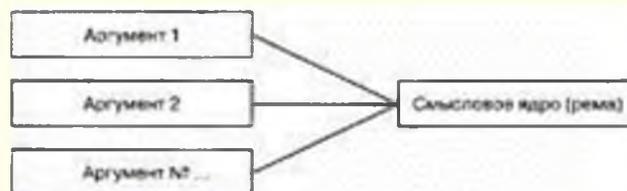
например: *Если убийство совершено орудием режущим, ножом; если у заподозренного найден нож, размеры которого совпадают с размером ран у жертвы, или если установлено, что незадолго до убийства обвиняемый приобрел или только приискивал свойствующее способу совершения преступления оружие, - этим создается улика такой убедительной силы, что нередко ею одной решается бесповоротно вопрос о виновности (Н.И.Х.).*

В данном примере четко выделяются две части с различным произношением: первая часть, состоящая из однородных придаточных предложений (первое - *если убийство совершено орудием режущим, ножом;* второе - *если у заподозренного найден нож, размеры которого совпадают с размером ран у жертвы;* третье - *если установлено, что незадолго до убийства обвиняемый приобрел или только приискивал свойствующее способу совершения преступления оружие*), произносится с постепенно нарастающим повышением голоса, что создает ощущение напряженного ожидания. Затем следует пауза (после слова *оружие*), после которой во второй части вместе с заметным понижением голоса происходит разряжение напряженности. Прочитайте еще раз приведенный пример с целью проверить его интонационное членение.

Еще пример: *Если вы будете требовательны к доказательствам обвинения, если трусливость перед тем, что скажут о вас, не заставит вас унизиться до устранения рассудительности в вашем решении, - вы только исполните вашу миссию (Ф.Н.П.).* Здесь также наблюдаем две части: первая заканчивается словами *в вашем решении*, после которых - пауза, и за ней следует главная мысль (рема). В первой части содержатся две

частные мысли, первая - *если вы будете требовательны к доказательствам обвинения*; вторая мысль - до паузы.

Период характеризуется единством темы, освещенной достаточно полно, разносторонне и законченно. Частные мысли в периоде, которые всегда расположены в первой части, подчинены главной мысли, с которой они внутренне связаны. В ораторской речи - это цельное логическое рассуждение, по своей структуре одинаковое с умозаключением: тезис (выраженный или подразумеваемый) - аргументы - вывод (см. схему):

В первой части периода дается развернутое, детальное изложение темы, ее глубокий анализ; вторая часть представляет более кратко сформулированную рему. Эти две части, логически дополняя одна другую, способствуют выражению одной мысли. В качестве темы и ремы обычно выступают: 1) условие и следствие: *Если в нем (в деле. - Н.И.) много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнавания истины (А.Ф.К.).* Или: «...У того, кто даже как посторонний зритель бывает свидетелем убийства, часто трясутся руки и колотится сердце от зрелища ужасной картины. *Когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте, осенью и сырою ночью,*

тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои мысли и не вполне разглядела, что именно и как именно делал Егор» (А.Ф.К.); 2) причина и результат: Я считаю | что после того как | мой подзащитный Сутин Сергей | провел три месяца в следственном изоляторе | после того как | он говорит много передумал | после того | как он | значит | признал свою вину | и чистосердечно раскаялся в содеянном | я считаю | перевоспитание его уже началось ||; 3) основание (перечень явлений, действий, предметов) и вывод: Если раньше во время совместной жизни она скрывала худое в Геннадии от своих родителей, если скрывала от друзей тогда, когда это можно было скрыть, то затем скрывала это на следствии, не захотела открыть и в суде (Я.С.К.).

Период может быть простым, с однородными членами предложения, когда доказательство строится на анализе свойств человека, явления, предмета: *Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение позорной экзекуции над другими, - этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания (П.А.А.);* может быть сложносочиненным: *Следствие еще не было закончено, не были получены последние объяснения обвиняемого, шел еще допрос свидетелей, и никто, разумеется, не знал, что они покажут, а обвинение против Сергея Тимофеевича Бердникова было уже признано установленным и доказанным (Я.С.К.).* Но чаще всего период - это сложноподчиненное предложение, в котором главному предложению

подчинено несколько придаточных одного вида: условных: *Действительно, если бы Андреева имела хоть чуточку женской души, если бы она в самом деле любила Пистолькорса и если бы она сколько-нибудь понимала и ценила сердце своего мужа, она бы весьма легко распутала свое положение (С.А.А.); временных: И вот в то время, когда в коридоре никого из этих лиц не было, когда отошла вечерня и когда началась всенощная, к которой не должен был идти только отец Илларион, потому что он был очередной для служения панихид, когда он остался один и нет в коридоре ни архимандритов, ни рясофорного монаха отца Григория, который тоже должен быть у всенощной, - тогда-то и приходит в келью Иллариона подсудимый (А.Ф.К.); уступительных: Кто бы ни сидел на скамье подсудимых / какое бы преступление / он ни совершил / какое бы чувство он ни вызывал у вас / суд должен объективно / исследовать все материалы дела //.*

Основная нагрузка, которую несут условные, причинные, определительные, уступительные периоды, - логическое аргументирование основной мысли. Период (греч. *periodos* - обход, круговращение, круг) был известен еще в античную эпоху. Сходство таких конструкций с кругом усматривалось в способности сочетать в одной речевой фигуре начало и конец мысли.

Логическая спаянность периода, его приспособленность к убеждающему рассуждению, полнота выражения мысли, а также экспрессивно-приподнятый характер обуславливают широкое использование его в ораторской речи, для которой характерно сочетание логичности рассуждения со страстностью убеждения. Период усиливает

смысловую сторону ораторской речи, повышает ее эмоциональный накал.

Показать взаимосвязь и движение мысли, нарастание и спад эмоциональной напряженности судебному оратору помогут сложные высказывания, при условии их четкого логического членения. Способствуют логичности речи и высказывания с однородными членами предложения, с различными вставными конструкциями, уточняющими мысль, отдельные ее нюансы. Овладение логическими основами убедительности, внимательное отношение к логике изложения позволят оратору сделать речь по-настоящему доказательной и убедительной.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое убеждение и какие факторы участвуют в его формировании?

2. Что такое убедительность речи? Чем она достигается? 3. Какова роль законов логики в ораторской деятельности? 4. Что такое логика рассуждения? Логика изложения? 5. Какие элементы включает в себя процесс аргументации? Охарактеризуйте каждый из них. 6. В чем отличие прямого доказательства от косвенного? Что такое опровержение? 7. Каковы причины и виды логических ошибок? 8. Каковы функции вопросительных конструкций в судебной речи? 9. Что такое период? Какова его роль в ораторской речи? Какими по конструкции могут быть периоды? 10. Какие вы знаете средства связи?

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. Значение законов логики в организации речи судебного оратора.
2. Убедительность судебной речи.
3. Возможные логические ошибки в речи судебного оратора.
4. Языковые средства, подчеркивающие логичность речи.

Практическая часть

Задание 1. Прочитайте речь А.Ф.Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем или речь Н.П. Карабчевского по делу Мироновича, проследите логику рассуждения: как соблюдаются законы логики; как сохраняется единство тезиса; какие аргументы обосновывают истинность тезиса, насколько достаточны они для доказательства тезиса; пронаблюдайте, как осуществляется опровержение; какие языковые средства способствуют логике изложения.

Задание 2. Прочитайте речь Г.М. Резника по делу Г. Пасько [161]. Проанализируйте, насколько она логична и убедительна.

Задание 3. В отрывке из речи И.М. Кисенишского пронаблюдайте, чем достигается убедительность речи; как создается смысловая градация; какие языковые средства подчеркивают логичность речи.

Прежде всего капитан Марков сам находился на мостике при выходе судна из порта и благополучно довел его до линии акватории порта, проложив для него дальнейший путь. Во-вторых, к моменту ухода с мостика с пунктом регулирования движения и капитаном

пересекающегося судна была согласована и достигнута договоренность о том, что «Петр Васев» пропустит «Нахимова», уступит ему дорогу. И, наконец, самое главное - на мостике стоял на вахте опытный вахтенный помощник капитана - Чудновский, который должен был нести в это время штурманскую вахту и который, согласно ст. 402 «Устава службы на судах Министерства морского флота СССР», персонально отвечал за надлежащее несение на судне вахтенной службы, обеспечение безопасности судна и находящихся на нем людей и грузов. Вахтенный помощник капитана, согласно «Уставу...», является старшим по всей вахтенной службе судна.

Задание 4. Проследите, какими способами и методами осуществляется доказательство тезиса в речи Я.С. Киселева по делу Бердникова. Чему служит опровержение? Отметьте в речи средства связи, период, вопросительные и сложные конструкции. Каковы их функции в речи?

Задание 5. Проанализируйте речь в защиту Артемьева (см. Приложение 1) с точки зрения ее убедительности. Все ли аргументы в ней являются истинными и достаточными для обоснования тезиса?

Задание 6. Пронаблюдайте логичность и убедительность речи Н.П. Кана по делу Далмацкого. Чем они достигаются?

Задание 7. В приведенных ниже текстах выделите период, определите его функции в речи.

1. Тот вывод, о котором упомянул господин прокурор, не имеет самостоятельного значения; он вполне совпадает с разрешением вопроса в смысле притворства. Как в самом деле формулирован этот

вывод? «Нельзя не предположить, что показания, которые давал Караганов, объясняются, с одной стороны, забывчивостью, с другой стороны, желанием оправдать себя, показать, что он был всегда верным слугой своих хозяев». Но ведь это есть не что иное, как притворство. Когда человек имеет известную цель, к которой он подгоняет свои показания, когда он для достижения ее не отвечает на одни вопросы, отвечает бессмысленно на другие, тогда он притворяется (К.К.А).

2. По вопросу о биографических подробностях относительно подсудимой я, пожалуй, готов признать долю правды в мнении моего сотоварища по защите, что необходим предел таких исследований, дабы избежать излишнего влияния этих подробностей на силу настоящих улик... Но раз дело сделано, раз обвинение старается заглянуть в прошлое подсудимой и вызвало с этой целью несколько свидетелей, то нам уже надобно считаться с совершившимся фактом следственного производства (Ф.Н.П.).

3. Установление факта преступления - необходимое предположение обвинения, отправной его пункт. Как о подлоге не может быть речи, если документ или подпись подлинны; как неуместно рассуждать об убийстве, раз предполагаемая жертва находится в живых, так нельзя обвинять в отравлении, если причина смерти не отравление. Поэтому вам предстоит все внимание ваше сосредоточить сначала на вопросе о причине смерти (Н.И.Х.).

4. Благодаря практической изворотливости, свойственной людям, начавшим свое торговое поприще в качестве мальчика в лавке, Линевиц, по словам знавших его, всегда лицемерно кроткий и услужливый, вскоре приобрел симпатию стариков Левенштейн и

расположение дочери их Марии, на которую обратил свое внимание. Его постоянная заботливость об этой девушке, доходившая до предупреждения малейших ее желаний; рассказы о своей личности, о желании основать собственную семью с намеками, что первенствующая роль в этой семье будет принадлежать ей, Марии, в случае согласия ее соединить свою судьбу с его личной; наконец, сделанное им более категорическое предложение о вступлении в брак - все это не могло не возбудить в бедной молодой девушке, не имевшей притом никакой надежды на более лучшую будущность, первого и глубокого к нему чувства любви и привязанности; а постоянные уверения в честности своих намерений, о которых повторял он даже в сегодняшнем заседании, создали в обвиняемой безусловное к нему доверие (К.Ф.Х.).

Задание 8. На основе прослушанных речей подготовьте обвинительную

или защитительную речь на 5-7 минут, произнесите ее в аудитории перед микрофоном, затем проанализируйте с точки зрения логичности, убедительности, действенности. Не забывайте о четкой дикции, интонационно-выразительных средствах. Соблюдайте орфоэпические нормы.

Задание 9. Проведите конференцию на тему «Убедительность речи судебного оратора». Пригласите на нее прокуроров и адвокатов, выступления которых вы слушали в судебных процессах.

Тема 4. КОМПОЗИЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

Создать вступление к речи, чтобы привлечь слушателя, возбудить его внимание и подготовить его к своим поучениям; изложить дело кратко и ясно, чтобы все в нем было понятно; обосновать свою точку зрения и опровергнуть противную и сделать это не беспорядочно, а при помощи такого построения отдельных доводов, чтобы общие следствия вытекали и из частных доказательств; наконец, замкнуть это все воспламеняющим или успокаивающим заключением.

Марк Туллий Цицерон. Об ораторе

С вопросами убедительности и логичности речи тесно связан вопрос о расположении в ней материала. Поэтому сейчас логично рассмотреть композицию выступления судебного оратора.

Выделяются два аспекта в решении вопроса композиции нехудожественного текста: логико-смысловая членимость и структурные особенности речевых единиц, которые определяются смысловой конструкцией текста. Именно в этой теме можно отчетливо увидеть, что выбор языковых средств тесно связан с темой речи, с ее целевой установкой.

1. Логическая структура судебной речи

Для того чтобы привлечь внимание суда и произнести убедительную речь, судебному оратору важно продумать, как построить речь, в какой последовательности излагать то, что необходимо сказать. Усилить эффективность воздействия речи поможет четкая композиция, определенная лингвистическая организация текста.

Композиция (лат. *compositio* - составление, связывание) - построение произведения, обусловленное его содержанием, характером, назначением.

Основу целостности судебного выступления составляют предметно-структурное содержание и логическая структура, организованная вокруг основной мысли - тезиса. Для судебной речи, как и для любой другой публичной речи, характерно трехчастное деление: вступление - основная часть - заключение.

Вступление

Внимание к выступлению в значительной мере зависит от того, как оно начинается, как оратор сумеет установить контакт с составом суда, как активизирует внимание слушателей, как психологически подготовит их к восприятию информации. Именно в этом важное назначение вступительной части судебной речи. Самое

трудное - найти правильное, нужное начало. А какое вступление является правильным? нужным? То, которое определяется замыслом речи и является основой для дальнейшего исследования обстоятельств дела, которое содержит проблему, требующую разрешения.

А.Ф. Кони, основатель судебного ораторского искусства в России, прекрасный лектор, советовал подбирать такое вступление, которое бы «зацепило» слушателей, привлекло их внимание. Таким является вступление к речи Г.М. Шафира в защиту Е. Калинова:

«Когда Калинов рассказывал в судебном заседании о своей совсем небольшой жизни, всем нам врезались в память несколько слов, им произнесенных. «В 1947 году, - сказал Калинов, - я нашел свою мать». Да, именно так он и сказал: «Я нашел!» Простые, скупые слова, а сколько горя и трагизма скрывается за ними! И - это совершенно естественно - каждый из сидящих в этом зале хотел понять эти слова именно так, как они были произнесены. Хотелось представить себе и горе матери, разлученной с сыном, и горе ребенка, лишённого материнской ласки, заботы, любви, и трудные, мучительные поиски матерью сына, и помощь многих, многих советских людей в этом благородном деле и, наконец, радость долгожданной встречи, когда ласковые руки матери смогли прижать к себе своего сына, того, кому она дала жизнь. Так и только так хотели мы представить себе эту картину встречи... Но Евгений Калинов рассказал нам о другом. Не было поисков, не было мучений разлуки, не было радости встречи, не было слез счастья».

Так адвокат указал на причины, приведшие к совершению преступления Евгением Калиновым.

Во вступлении к обвинительной речи советского периода чаще всего давалась общественно-политическая и моральная оценка совершенного преступления. «Общественно-политическая оценка содеянного, - отмечал известный советский прокурор В.И. Царев, - имеет своей задачей убедить суд и судебную аудиторию в общественной опасности преступления, справедливости привлечения подсудимого к уголовной ответственности» [241. С. 30-32]. В современной речи государственного обвинителя дается оценка общественной опасности преступления. В каком объеме давать оценку, определяется характером дела, условиями, в которых проходит судебный процесс. Вот как объективно, без пафоса дала такую оценку государственный обвинитель Т.В. Новикова:

«Уважаемые присяжные заседатели! Ваша честь!... Преступление, в совершении которого обвиняются подсудимые, относится к категории преступлений, о которых до недавнего времени приходилось слышать довольно редко. Сейчас же некоторые лица считают вполне возможным решать свои проблемы «кардинальным» способом, который заключается в физическом уничтожении противников. Жизнь человека в таком случае становится товаром. Деньги платятся за определенный желаемый результат. Как правило, все происходит по одному и тому же сценарию: указывается жертва, оговаривается сумма за ее уничтожение, заключается соглашение, и по выполнении «работы» выплачивается вознаграждение. Отсюда и наименование всего происходящего - заказное убийство [172. С. 307].

Можно начать речь с изложения фактических обстоятельств дела, как это сделал прокурор А.П. Бороданков:

«Товарищи судьи! В поселке Стрельна в доме № 45 по Ленинградскому шоссе, недалеко от клуба, где сейчас проходит судебный процесс, семья слесаря Матвеева вечером после работы смотрела телевизионную передачу. Вся семья была в сборе. Тут же находилась пришедшая в гости к своей дочери Серафима Ивановна Овчинникова, работавшая уборщицей танцевального павильона в поселке Стрельна. Неожиданно раздался выстрел, которым через окно была убита Серафима Ивановна. Находившиеся в комнате люди пытались бежать, но раздался еще один выстрел, которым были ранены дочь Овчинниковой, Анна, и ее свекор, Матвеев Николай Матвеевич.

Спустя час после этого события органы милиции задержали мужа убитой и на квартире задержанного изъяли двуствольное охотничье ружье, в котором находились две стреляные гильзы. В результате расследования установлено, что убийство было совершено Овчинниковым».

Это может быть констатация факта преступления, соединенная с эмоциональной оценкой:

«Жители Иланска были потрясены событием, которое произошло 10 декабря 1971 года. На улице города в 10 часов вечера были зверски убиты двое молодых людей - Подопригора Саша, 16 лет, и Тинько Валерий, 19 лет. Как же это произошло?».

Начало выступления с изложения обстоятельств дела вводит присяжных заседателей и слушающих процесс граждан в обстановку происшедшего, вызывает

интерес, психологически подготавливает их к правильному восприятию анализа обстоятельств дела. У судей не только вызывает эмоциональное отношение к сообщаемому, но и будит мысль, заставляя еще раз вспомнить все подробности совершения преступления^[45].

Нежелательно давать искусственно интригующее вступление; особенно опасно начинать речь в патетическом тоне, потому что удержать этот тон на протяжении всего выступления невозможно. Неудачным является введение к обвинительной речи по делу Кителева, преданного суду за изготовление браги^[46]. Почему неудачным? Казалось бы, в нем дана общественно-политическая оценка совершенного деяния, как полагалось в советский период, и этим самым оно логически и психологически подготавливает слушателей к восприятию информации. Но, во-первых, произнесенному в патетическом тоне вступлению должна соответствовать вся речь, т.е. она должна быть тоже торжественной, строгой, официальной. Речь же по делу Кителева не соответствует этим требованиям. И поэтому начало кажется искусственным. Во-вторых, оно копирует вступительную часть к опубликованной речи заместителя прокурора Октябрьского района г. Красноярск Ю.С. Павлючка по делу Шамшатова, обвиняемого в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Сравните:

«Товарищи судьи! Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно проявляют заботу об охране здоровья и жизни, здоровья и достоинства

⁴⁵ Ср. точку зрения В.В. Мельника. [172. С. 168-169]

⁴⁶ Текст речи по делу Кителева см. на с. 393-395.

советского человека, об общественной безопасности всех граждан. Именно этим прежде всего объясняется издание указа Президиума Верховного Совета от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство». Хулиганство является одним из наиболее омерзительных преступлений, проявлением явного неуважения к обществу, грубым нарушением общественного порядка. Опасность хулиганства заключается и в том, что оно нередко становится основой для других более тяжких преступлений. Наряду с мерами общественного воздействия к тем лицам, которые злостно нарушают общественный порядок, должны применяться меры государственного принуждения.

Товарищи судьи! Дело, по которому вам предстоит вынести приговор, является, на мой взгляд, не совсем обычным. Когда весь советский народ, воодушевленный решениями XXIV съезда Коммунистической партии и последующих пленумов ЦК КПСС, строит коммунистическое общество, когда уважение к праву и закону стало для подавляющего большинства людей личным убеждением, подсудимый Шамшатов встал на путь пьянства и в конце концов оказался на скамье подсудимых за совершение злостного хулиганства»^[47].

Может возникнуть вопрос: а разве нельзя этого делать: заимствовать вступления из чужих судебных речей? Можно. Можно и нужно молодому, начинающему оратору учиться на хороших судебных выступлениях. Можно использовать чужую понравившуюся фразу, но творчески, в своем тексте. А лучше всего говорить по-своему. Запомните доброе напутствие М.И. Калинина:

⁴⁷ Судебные речи государственных обвинителей / Г.А. Бородин, П.Н. Бочилло. Красноярск, 1973.

«Если ты говоришь, то говори свое. Слова будут другие, а суть одна и та же. Смотришь, и люди будут прислушиваться немного внимательнее». Иначе появится привычка почти бездумно повторять из процесса в процесс чужие слова, фразы, мысли, как это случилось с адвокатом, постоянно использующим одно и то же вступление об «инженерах человеческих душ», взятое из речи М.С. Драбкина^[48], и это красивое начало стало штампом в речи адвоката^[49].

Речь представителя истца и ответчика в гражданском процессе чаще всего начинается трафаретно: «В настоящем процессе я защищаю интересы ответчика»; «Моя доверительница Б.Г. Савельева обратилась в суд с иском...».

Вступительная часть защитительной речи зависит от задачи, стоящей перед адвокатом в конкретном судебном процессе, и от целевой установки оратора.

Адвокат, уверенный в невиновности клиента, может начать выступление с характеристики его личности^[50]. Это поможет обратить внимание присяжных заседателей на моральные качества подсудимого, на то, что перед ними - законопослушный человек.

Довольно часто в защитительных речах встречаются трафаретные вступления двух типов с некоторыми вариациями. Первый: *Господа судьи || Дело которое мы рассматривали | является на мой взгляд очень сложным*

⁴⁸ См. с. 185-186.

⁴⁹ О трафаретных вступлениях к судебной речи см. также: "Поддержание государственного обвинения" [143, 172].

⁵⁰ См. вступление к речи АС. Экмекчи по делу Цыгаровой на с. 131.

делом //. Или: *Настоящее дело не представляет большой сложности*. Второй тип: *Мой подзащитный Сердюк / обвиняется в совершении преступления / предусмотренного статьей... //*. Современные стандартные вступления: «Подходит к концу судебное разбирательство, и вы должны принять решение...»; «Скоро наступит момент, когда вы удалитесь в совещательную комнату...» Штампованные фразы, данные во введении, не только не пробуждают мысли и эмоций, но вообще не воспринимаются и могут в первые же минуты создать неблагоприятное впечатление об ораторе и его выступлении, нарушить контакт. Такими являются вступления к речам по делу Шамшатова и по делу Кителева. Неудачное начало речи может привести к неправильному ее построению.

Общение должно начинаться содержательным словом, воплощенным в нужную форму, как это довольно часто делали дореволюционные русские судебные ораторы. Приведем примеры вступлений к защитительным речам Н.П. Карабчевского (первый текст) и С.А. Андреевского (второй текст) по делу Мироновича, обвинение которого было построено на косвенных уликах.

Первый текст:

«Господа присяжные заседатели! Страшная и многоголовая гидра - предубеждение, и с нею прежде всего приходится столкнуться в этом злополучном деле. Злополучном с первого судебного шага, злополучном на всем дальнейшем протяжении процесса. Преступление, зверское, кровавое, совершенное почти над ребенком, в центре столицы, на фешенебельном Невском, всех, разумеется, потрясло, всех взволновало. Этого

было уже достаточно, чтобы заставить намного потерять голову даже тех, кому в подобных случаях следовало бы призвать все свое хладнокровие. Ухватились за первую пришедшую в голову мысль, на слово поверили пронизательности первого полицейского чина, проникшего в помещение гласной кассы ссуд и увидевшего жертву...»

Второй текст:

«Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Процесс, действительно знаменитый, ждет, чтобы вы сказали о нем свое слово - на этот раз, вероятно, последнее. В этом важном и запутанном процессе мы вовсе не желали бы уйти в благоприятные для нас потемки, чтобы в них найти выигрыш дела. Нет! Мы желали бы предложить вам честное пособие нашего опыта, дать вам в руки ясный светильник, с которым бы вы вместе с нами обошли все дебри следственного производства и вышли бы из него путем правды. Не следует забывать, что дело об убийстве Сарры Беккер останется историческим в судебных летописях; оно получит свою славу как важное искушение для судебной власти впасть в ошибку. Осуждение же невинного или одна только возможность его есть уже общественное несчастье, которое следует изучить и отметить, чтобы погрешности, которые его вызвали, больше не повторялись. Поэтому, я надеюсь, вы будете к нам внимательны».

Прямое обращение к суду с требованием внимания является одним из ораторских приемов поддержания внимания у слушателей. Это риторическое обращение.

Об этом писал и П.С. Пороховщиков в книге «Искусство речи на суде».

Во вводной части может быть намечена программа речи. Очень точно сформулированную программу представил И.М. Кисенишский в речи по делу Маркова:

«Если попытаться в общем виде сформулировать те задачи, которые ставит перед собой защита бывшего капитана парохода «Адмирал Нахимов» Маркова в настоящем процессе, то это, во-первых, исследование всех существенных обстоятельств дела в свете высказанных только что соображений о необходимости выяснения всего комплекса причин и обстоятельств, приведших к аварии. Во-вторых, выяснение конкретной персональной причастности Маркова к возникновению катастрофы, к ее последствиям, к гибели столь большого количества людей. В-третьих, установление характера, пределов и степени его виновности в случившемся в сравнении со степенью виновности других участников процесса».

Спокойный, нейтральный тон вступления позволит в дальнейшем усилить экспрессивное звучание речи.

Современные теоретики судебной речи советуют: Начать надо с неожиданного или с того, на чем к концу судебного следствия сосредоточилось общее внимание [см.: 172. С. 169]. Американский юрист Дэйвид Рэйбин пишет: «Ваши первые слова должны быть направлены на объяснение основных вопросов дела. Следует сразу перейти к сути и поставить вопросы таким образом,

чтобы присяжные могли понять, что вы говорите» [79. С. 141].

Подведем итоги.

Какое бы вступление ни выбрал судебный оратор, важно помнить, что: 1) в нем должен отразиться тот конфликт, на котором строится судебная речь; 2) оно должно быть связано с главной частью, служить отправной точкой для исследования обстоятельств дела; 3) не должно быть длинным; 4) стилистически должно гармонировать с основной частью. Римский поэт Гораций считал, что «тот, кто хорошо начал, может считать свое дело выполненным наполовину». Запомните, что начало нужно подбирать после того, как подготовлена вся речь. Это одно из правил риторики, которые предлагаются вашему вниманию: 1) обратить особое внимание на введение, от которого в значительной степени зависит успех всего сочинения в целом; 2) писать введение последним; 3) избегать как банального, так и излишне экстравагантного введения; 4) стиль введения прежде всего должен быть доступным.

Главная часть

Итак, вступление сконцентрировало внимание суда и присяжных заседателей. Но надо удержать его на протяжении всего выступления. Поэтому важно, чтобы речь была хорошо организована логически, чтобы мысль оратора двигалась от старого к новому, от известного к неизвестному, от менее сильных аргументов к более сильным и создавала смысловую градацию. Если в

выступлении нет логичности, трудно воспринимать содержание речи, трудно следить за ходом рассуждения оратора. Следовательно, необходимо соблюдать важное требование риторики - логическую последовательность и стройность изложения. Строгой логической последовательностью отличаются речи современного московского адвоката И.М. Кисенишского. Все они разделены на главы; в некоторых речах (например, по делу Тебиева Р.Н.) главы имеют название. Во вступлении чаще всего оратор показывает особенности каждого дела.

Главная часть судебной речи представляет собою совокупность отдельных микротем, связанных по смыслу. Эти части следующие^[51]: 1. Изложение фактических обстоятельств дела. 2. Анализ и оценка собранных доказательств. 3. Обоснование правовой квалификации содеянного*. 4. Сведения о личности подсудимого (истца, ответчика)*. 5. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления*. 6. Мнение о мере наказания*.

Монологическая речь представителя истца и ответчика в гражданском процессе представляет собою спор по анализу обстоятельств дела. Оратор излагает содержание спорного правоотношения, высказывает и аргументирует свои выводы о том, какие доказательства являются достоверными, какие обстоятельства следует считать установленными, а какие - неустановленными, какой закон должен быть применен и как следует разрешить дело. Такая часть судебной речи, как сведения о личности истца (ответчика), присутствует

⁵¹ Микротемы, отмеченные значком *, в суде с участием присяжных заседателей не рассматриваются в соответствии со ст. 336 УПК РФ.

только в выступлениях по делам об установлении отцовства, об усыновлении ребенка, о лишении родительских прав, в бракоразводных процессах.

Охарактеризуем кратко каждую композиционную часть судебной речи.

Значительное место в судебном выступлении, особенно в речи прокурора, занимает изложение фактических обстоятельств дела, так как убеждение судей основывается на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств, связанных с совершением преступления. Государственный обвинитель и защитник стараются восстановить картину преступления, сделать ее убедительной. Прокурор О.С. Кривцова сказала об этом: «Закон позволяет нам восстановить картину трагедии и ответить на вопрос, кто совершил преступление, с помощью представленной вам совокупности доказательств, то есть взаимосвязанных между собой фактов. Именно фактов, а не голословных утверждений» [172. С. 315]. В.В. Мельник выражает мнение, что «...разбор в обвинительной и защитительной речах бытовой стороны дела придает речи убедительную жизненную нотку, созвучную с точкой зрения суда присяжных» [143. С. 288].

Прокурору в обвинительной речи следует рассказывать об обстоятельствах дела, а не читать текст обвинительного заключения. Текст этого документа желательно использовать творчески, вводя из него цитаты, как это сделал адвокат Ф.Д. Ицков в речи по делу Петелина:

«Среди четырех подсудимых есть, по обвинительному заключению, главная фигура, идущая под № 1, - Андрей Константинович Петелин.

Петелин, как утверждает обвинение, - организатор преступной группы, которая на протяжении многих лет занималась контрабандой и спекуляцией марками в крупных размерах. Злоупотребляя своим служебным положением директора филателистического магазина, он систематически в корыстных целях изымал из магазина марки, передавал их сыну для перепродажи по спекулятивным ценам и для отправки за границу контрабандным путем. В результате преступных действий ему удалось собрать коллекцию марок, которая оценена в 76 тысяч рублей... Вот та фигура, которую мне предстоит защищать».

Хорошо использовали текст обвинительного заключения красноярские судебные ораторы в обвинительной речи по делу Артемьева и в защитительной речи по делу Иванова (см. Приложение 1)^[52].

Наиболее важной, самой важной композиционной частью является анализ и оценка доказательств, так как назначение судебной речи - в установлении виновности или невиновности подсудимого, законности или незаконности требований истца и вынесении правовой оценки его действий. П.С. Пороховщиков указывал, что «прежде всего судебный оратор обязан установить перед судьями, есть ли преступление в том, что совершено». Приступая к анализу доказательств, необходимо четко представлять предмет доказывания, т.е. круг

⁵² См. также речь Н.П. Кана в защиту Далмацкого (см. с. 353).

обстоятельств, которые изложены в ст. 73 УПК РФ. *Оценка* предполагает, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные в совокупности - с точки зрения достаточности для разрешения дела. Эта композиционная часть всегда следует за изложением обстоятельств дела.

Изложение и анализ фактических обстоятельств дела подводит к необходимости правовой квалификации совершенного преступления. Это особенно актуально, когда квалификация преступления представляется спорной, когда приходится иметь дело со смежными составами преступлений или когда необходимо разграничить формы вины. В этом случае ударным пунктом выступления является анализ и опровержение аргументации противной стороны (или органов предварительного расследования) и обоснование единственно правильной, с точки зрения оратора, квалификации^[53].

При назначении наказания суд учитывает характер совершенного и степень его общественной опасности, личность подсудимого, причины, способствовавшие совершению преступления. Поэтому судебному оратору необходимо проанализировать характеристику личности подсудимого и затем выразить мнение о мере наказания, обосновать свои соображения.

Теоретиками уголовного процесса неоднократно выражалось мнение о том, что построение судебной речи - дело творческое, т.е. последовательность

⁵³ Не следует забывать, что в речи, произносимой в суде с участием присяжных, эта композиционная часть отсутствует.

композиционных частей, логика рассуждения и изложения определяются замыслом речи. Значит, композиция судебной речи - это мотивированное расположение микротем (тематических частей). Могут даже отсутствовать отдельные композиционные части. Например, в речи С.А. Андреевского в защиту братьев Келеш нет характеристики личностей подсудимых, так как речь построена на доказывании отсутствия преступления. Речь И.М. Кисенишского по делу Третьяковой построена на анализе процессуальных норм, поэтому характеристика личности подсудимой не нужна.

Наиболее отчетливо зависимость логико-смысловой структуры от замысла проявляется в защитительной речи. Адвокат в соответствии с особенностями конкретного уголовного дела может оспаривать факт совершения преступления его подзащитным, наличие в совершенном деянии состава преступления или квалификацию преступления, обосновывать недоказанность совершения преступления. В случае доказанности виновности подсудимого защитник подробно анализирует причины совершения преступления, указывает смягчающие ответственность обстоятельства. Кроме того, на соотношение и последовательность композиционных частей защитительной речи большое влияние оказывает позиция государственного обвинителя, так как адвокат не может не учитывать аргументов, приводимых процессуальным противником. Итак, расположение материала в судебном выступлении - дело творческое и почти не поддается стандартизации.

Однако есть некоторые закономерности в построении основной части судебной речи, обусловленные ее назначением. Логика рассуждения в

ней осуществляется, как и в каждой публичной речи, от констатации -» к опровержению -» к доказательству. Это принцип построения любой публичной речи, который в риторике называется принципом последовательности, когда каждая последующая мысль вытекает из предыдущей. Назначение судебных прений (содействие формированию внутреннего убеждения суда) определяет две главные структурные части, ради которых строится судебная речь: это обоснование правовой квалификации преступления и соображения о мере наказания. В целях правильной квалификации деяния анализируются действия подсудимого; с целью правильно определить меру наказания анализируются характеристика личности, а также причины, условия и мотивы совершения преступления. Таким образом, может меняться последовательность только тех композиционных частей, в которых излагаются обстоятельства дела, анализируются характеристика личности подсудимого и причины совершения преступления. В целом же все структурные части располагаются в строгой логической последовательности: анализ - квалификация преступления - мнение о мере наказания. И подчинены одной главной мысли - принять справедливое решение. В целом они создают смысловую градацию. Это очень важно знать судебному оратору. Смысловая градация создается и при правильном расположении аргументов, когда их значимость, убедительность постепенно нарастают. Это один из важных принципов композиции - принцип усиления. Вот почему теоретики судебной речи пишут, что самые сильные аргументы и доказательства должны быть даны в конце речи.

Заключение

Важной композиционной частью судебной речи является заключение - последняя часть, конец речи. Оно должно подвести итог всему сказанному. Если в начале речи оратору необходимо привлечь внимание судей, то в заключении важно усилить значение сказанного. В этом его назначение.

Большинство речей дореволюционных судебных ораторов начиналось и заканчивалось обращением к присяжным заседателям с мыслью о справедливом приговоре. Прочитайте, например, вступление и заключение к речи А.Ф. Кони по делу об убийстве коллежского асессора Чихачева. Начало речи:

«Судебное следствие развило перед вами все существенные обстоятельства дела, в наших судебных прениях мы постараемся разъяснить перед вами их значение и характер, и затем вы постановите беспристрастный приговор, который должен иметь большое значение. Он укажет, возможно ли безнаказанно распоряжаться чужою жизнью под влиянием гнева и ненависти и может ли каждый делаться судьей в своем деле и приводить в исполнение свои, выработанные страстью и озлоблением приговоры». Заключение: «Мне думается, что с вашей стороны по отношению к нему должен последовать строгий приговор, который укажет, что на защите человеческой жизни стоит суд, который не прощает никому самоуправного распоряжения существованием другого. Подсудимому, стоявшему на видной ступени в обществе, умевшему быть полезным деятелем и слугою

общественных интересов, много было дано. Но кому много дано, с того много и спросится, и я думаю, что ваш приговор докажет, что с него спрашивается много».

В советский период вступление и заключение являлись этикетными композиционными частями, особенно в открытых судебных процессах. Вот несколько таких примеров: «Такой приговор суда / в отношении Лубакова / будет / в достаточной мере свидетельствовать / не только о наказании подсудимого / но и о защите / прав и интересов потерпевших //». Или: «Думается / что такой приговор / будет справедливой карой // за совершенное преступление // послужит хорошей профилактической мерой / для тех / кто еще пьет / и считает / что будет пить безнаказанно //». Или: «Я полагаю / что такой приговор / будет глубоко гуманен / глубоко справедлив / а несовершеннолетний Черненко / докажет свое исправление / добрыми делами в будущем //». Встречались и такие совсем неудачные заключения, как *На основании изложенного прошу...; У меня все; Я закончил*, которые снижали качество речи.

В настоящее время заключение в речах, произносимых по уголовным делам в судах общей юрисдикции и по гражданским делам, осталось прежним: *На основании изложенного прошу...; С учетом вышесказанного прошу...*

В речах, произносимых перед присяжными заседателями, ораторы, как правило, благодарят присяжных заседателей за участие в судебном процессе и выражают надежду на правильное, справедливое, законное решение вопроса, например:

«Я не знаю, будет ли Тищенко в последнем слове раскаиваться в содеянном, будет ли просить для себя

снисхождения, взывая к вашему милосердию. Но когда вы будете отвечать на этот вопрос, прошу вас в этот момент вспомнить о погибшем, чья беда началась с того, что он, имея дом, зарегистрировал в нем Тищенко и его мать. Зная о возможной крупной ссуде и льготах для матери, подсудимый решил избавиться от Гарайзуева и отобрать у него самое ценное, что есть у человека, - его жизнь. Очень горько сознавать, что человек погиб по злему умыслу Тищенко, который так жестоко и коварно оборвал жизнь потерпевшего.

Благодарю вас, уважаемые присяжные заседатели, за то, что вы внимательно выслушали мою речь, и еще раз прошу вас принять справедливое, а значит, законное решение» [172. С. 361].

Думающий оратор сумеет дать нужное для каждого конкретного случая заключение. А пока запомните напутствие А.Ф. Кони: «...конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали (не только в тоне лектора, это обязательно), что дальше говорить нечего».

2. Лингвистический аспект композиции

Разговор о композиции судебной речи был бы неполным, если бы мы не рассмотрели те языковые средства, которые передают мысли оратора, все содержание речи.

Композиция текста в лингвистике понимается как интеграция содержательно-логических и стилистических его элементов. Предметно-логическое построение судебной речи определяет ее лингвистическую структуру: она является сложной композиционно-стилистической организацией, в которой отбор языковых средств осуществляется в соответствии с отчетливо осознаваемой целевой установкой оратора. Эта мысль нашла отражение и в работах юристов. «Между содержанием и формой речи, - писал М.Л. Шифман, - должна быть органическая связь: форма должна гармонировать с содержанием. Нельзя говорить патетически о простых, обыденных вещах; нельзя говорить веселым тоном о трагических событиях; неуместен пафос, когда речь идет о квалификации преступления или при анализе доказательств, но пафос окажется кстати при изложении политически острых, жизненно важных фактов и обстоятельств, особенно в заключительной части речи» [248. С. 100-101].

Прием контраста

Вступительная часть судебной речи, как правило, обнаруживает не только рассудочное, но и эмоциональное содержание и характеризуется экспрессивностью, представленностью риторических структур.

Начало речи, в котором дается моральная оценка совершенного, обычно строится на приеме контраста, потому что оцениваемое событие раскрывается на фоне каких-либо положительных явлений. Контраст (от франц. *contraste* - резко выраженная противоположность) - композиционно-стилистический принцип развертывания речи, заключающийся в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических (а также структурно-стилистических) планов изложения. Особенно этот прием был характерен для судебных речей советского времени^[54]. Рассмотрим несколько примеров:

«Уважаемые судьи! Среди *миллионов честных людей* вряд ли найдется человек, которого не охватило бы чувство негодования и ненависти к преступникам, осмелившимся убить человека. В сознании *честных людей* не укладывается мысль о том, что в обществе, где человек широко пользуется конституционным правом на труд, отдых и образование, могут существовать *жестокие люди*, способные убить или причинить тяжкое телесное повреждение; но, к сожалению, такие люди существуют».

Вступление композиционно распадается на две противоположные по содержанию части: первая раскрывает мировоззрение честных граждан, вторая

⁵⁴ Прием контраста использован в речи Г.М. Шафира в защиту Калинова (с. III) и в речи государственного обвинителя А.П. Бороданкова по делу Овчинникова (с. 112).

показывает наличие людей, способных убить. Прием контраста, противопоставления понятий *миллионы честных людей - жестокие люди* создает определенный эмоциональный настрой и подготавливает слушающих к восприятию оценки доказательств. Второй текст:

«Наша страна / предоставила своим питомцам / все духовные и материальные богатства / для созидательного труда и учебы // И молодежь платит / трудом / м-м / прочно овладевая знаниями // И к глубокому сожалению / у нас есть юноши / которые совершают преступления // Вот глядишь на этих ребят / которые сидят на скамье подсудимых / и / думаешь / разве закрывались перед ними / двери / на хорошие дела // Нет // Тогда в чем же дело // Почему они совершили преступление //»

– также построен на приеме контраста. Основная мысль адвоката - об оценке преступления - выражена в форме размышлений {*Вот глядишь на этих ребят / которые сидят на скамье подсудимых / и / думаешь / разве закрывались перед ними / двери / на хорошие дела // Нет*}, что придает речи разговорную тональность, искренность, привлекает внимание слушающих. Этому способствует и использование однородных членов - сказуемых, выраженных глаголами 2-го лица настоящего времени (*глядишь и думаешь*), и вопросо-ответных реплик. Следующие вопросительные конструкции *Тогда в чем же дело // Почему они совершили преступление*, трансформируя логически строгое изложение, оформляют переход к основной части и определяют целевую установку: не оспаривая квалификации преступления, подробно проанализировать причины совершения преступления.

В речах современных судебных ораторов прием контраста также активно участвует в построении вступлений. В следующем примере противопоставление применено для того, чтобы показать особенности дела:

«Уважаемые присяжные заседатели! Рассматриваемое уголовное дело - очень небольшое по объему: все материалы уместились в одном томе; речь идет о событиях одного дня и действиях, совершенных в отношении одного человека. Вместе с тем дело очень сложное в плане собирания доказательств (это было проблемой органов предварительного следствия) и, соответственно, в плане оценки уже собранных доказательств (эту нелегкую задачу предстоит решить вам). В чем заключаются трудности доказывания по данному делу?»

Убийство Смирновой Веры Николаевны совершено в так называемых условиях неочевидности... Явление не такое уж редкое, но не только этим объясняется сложность доказывания. Скажем так: убийце повезло с самого начала. С 12 по 15 марта 2002 г. труп Смирновой не был обнаружен.

Таким образом, следственная *группа была лишена возможности работать «по горячим следам», но, несмотря на это, смогла собрать доказательства виновности конкретного человека* и сделала это в сложнейших условиях достаточно грамотно» [172. С. 269-270].

Еще пример:

«Уважаемые присяжные заседатели! Сегодня мы перешли к очередной стадии процесса - к прениям сторон. После нее вы должны будете ответить на вопросы: 1) имели ли место те деяния, о которых шла

речь в судебном заседании; 2) совершил ли их Прокошин; 3) виновен ли он в этом. Как вы понимаете, уважаемые присяжные, наиболее полно картину происшедшего могут обрисовать потерпевший и лицо, посягнувшее на его права. К сожалению, *потерпевшие по этому делу* Никитин и Богер мертвы, поэтому *никакие пояснения дать не могут*. Прокошин же, как лицо, заинтересованное в исходе дела, может давать любые показания в обоснование своей линии защиты и не несет за это ответственности. *Выходит, тупик?*

Нет! Закон позволяет нам восстановить картину трагедии и ответить на вопрос, кто совершил преступления, с помощью представленной нам совокупности доказательств, то есть взаимосвязанных между собой фактов. Именно фактов, а не голословных утверждений, которые не могут быть проверены с помощью других доказательств» [172. С. 315].

Контраст, как видно из приведенных примеров, помогает оттенить второе из противопоставляемых явление.

Сочетание стандарта и экспрессии

В главной части изложение материала ведется в основном путем рассуждения, опровержения и доказательства. Это аргументативный тип изложения; он является главным в тексте судебной речи, так как определяется назначением и убеждающим характером судебного разговора, в котором доказательственная сторона приобретает неизмеримо большее значение, чем эмоциональное воздействие, подчиняющееся строгой логике рассуждений. Аргументативному типу изложения присущи логические формы развертывания, отражающие последовательность движения мысли: выдвигается тезис,

определяется понятие, устанавливаются логические связи между понятиями. Основной единицей выражения мысли является суждение.

Аргументативные последовательности возможно соотнести с такими структурными частями судебной речи, как «Анализ и оценка доказательств», «Обоснование правовой квалификации содеянного», «Соображения о мере наказания», так как в этих композиционных частях объектом суждения являются такие признаки и действия, которые надо выявить при сопоставлении фактов в причинно-следственном отношении.

Из языковых средств для этого типа изложения характерны клише юридического характера, которые представлены в судебной речи многообразно. Прежде всего это устойчивые фразы, типичные для юридической речи. В них все определено вплоть до лексического состава и порядка слов: *предъявлено обвинение, виновность доказана, собраны доказательства*. В значительно большей степени используются клише номинативного характера, организованные путем присловной связи. Это глагольно-именные стандарты, основанные на несвободном употреблении глагола, имеющего в составе данной единицы ослабленное лексическое значение; зависимые именные формы имеют более определенное лексическое значение, поэтому более информативны, например: *предъявить обвинение, установить отцовство, исследовать доказательства, отбывать наказание, причинить ущерб, передать на поруки, исключить из обвинения, в иске отказать* и др.

Довольно часто в глагольных клише предложно-падежная форма требует определяющего компонента, без которого данная конструкция является

незавершенной. Определения же придают существительным более узкое значение, уточняют объем выражаемого понятия, например: *подать исковое заявление, лишить родительских прав, рассматривать уголовное дело, учинить хулиганские действия, причинить телесные повреждения, совершить аморальный проступок, нести административную ответственность.*

Глагольно-именные юридические стандарты характерны для нормативных и процессуальных актов. Их распространенность в судебной речи определяется несколькими факторами. Прежде всего они часто являются терминами, а «в отношении терминов, - писал В.И. Царев, - нужно следовать языку закона» [241. С. 30-32], так как они более точно, чем глагол, называют действие или признак: *возместить ущерб* (не уплатить), *причинить телесные повреждения* (не избить). Кроме того, в глагольных клише нередко не только указывается на факт действия, но и выражаются определенные смысловые оттенки: *находиться под стражей* - значит «быть в заключении», *причинить телесные повреждения* - «причинить ущерб здоровью» и др. Такие устойчивые единицы, как правило, невозможно заменить глаголом, например: *преступить закон, совершить преступление, квалифицировать действия, применить статью.*

На основе глагольных стандартов образовались многие именные: *похищение личного имущества граждан, угон автотранспортного средства, отсрочка наказания* т.д. Это составные термины, лексическая неразложимость которых создается закрепленным за ними юридическим понятием. Среди них нередки конструкции, связанные с выражением оценки действий, состояний, но лишённые экспрессивности, такие, как

мягкое наказание, недостойные наследники, вредные последствия, тяжкие последствия и подобные.

Употребляются судебными ораторами и сложные именные построения, которые состоят из трех и более слов: *кратковременное расстройство здоровья, лишение родительских прав, особо опасный рецидив* и др.

Сравнительный анализ судебных речей дореволюционных русских юристов и известных советских государственных обвинителей и адвокатов показал, что для речей, произнесенных дореволюционными ораторами, юридические клише, как правило, не характерны, так как речи отличались глубоким психологическим анализом.

Клише неравномерно распределяются в речи; их употребление зависит от темы структурно-композиционных частей. Зоной сгущения клишированных единиц выступают микротемы «Анализ и оценка доказательств», «Правовая квалификация преступления», «Соображения о мере наказания». Анализируя обстоятельства дела, оратор называет источники доказательств, правоохранительные органы, преступные действия подсудимого, результат действий; чтобы точно обозначить преступление, использует клише, называющие состав преступления, квалифицирующие признаки. Для выражения мнения о мере наказания необходимы клише, называющие виды наказания. Таким образом, стандарты как бы прикреплены к определенным структурно-композиционным частям судебной речи. Тема ведет к отбору таких языковых средств, которые позволяют наиболее адекватно выразить данное содержание. Клише юридического характера, регулярно

используемые в судоговорении, воспринимаются как закономерное, нормативное явление.

Но есть в судебной речи композиционные части (или микротемы), связанные с различными психологическими моментами. Это «Изложение обстоятельств дела», «Характеристика личности подсудимого», «Причины, способствовавшие совершению преступления (или правонарушения)». В них нельзя говорить тем сухим, официальным языком, о котором мы говорили до сих пор. В названных композиционных частях осуществляется эмоциональное воздействие, и для этого нужен совершенно другой тип изложения. Здесь нужна взволнованная, живая, пульсирующая речь, создающая то доверительный тон, то дающая образную меткую оценку, то вызывающая сочувствие к потерпевшим. Все эти качества речи помогут создать представляющие последовательности: повествование и описание.

Повествование - тип изложения, рассказывающий о последовательно развивающихся действиях, событиях, фактах. Основным языковым средством его являются однородные сказуемые, выраженные глаголами прошедшего времени или глаголами настоящего времени в значении прошедшего. Повествование помогает восстановить картину преступления, рассказать об обстоятельствах дела, вскрыть причины и условия, способствовавшие совершению преступления^[55]. При изложении обстоятельств дела развертывание мысли осуществляется путем повествования. Повествование

⁵⁵ Прочитайте и восхититесь тем, как адвокат П.А. Дроздов нарисовал обстановку, способствовавшую покушению на преступление (с. 147); как динамично воссоздали картину преступления адвокат Ф.Н. Плевако (с. 312); как образно анализирует Г.М. Резник восприятие народом приговора суда [см. 161]

может быть как развернутым (в речи прокурора), так и неразвернутым (в речи адвоката), поэтому оно разнообразно по языковым характеристикам. Изложение обстоятельств дела в речи прокурора сочетается с указанием на общественную опасность совершенного деяния, поэтому в данной композиционной части отмечаются эмоционально-риторические структуры.

В защитительной речи это чаще всего краткое, деловое перечисление действий подсудимого (констатация), нередко напоминающее стиль отчета с использованием стандартов юридического характера. Если же фабула преступления сложна и запутанна, в этом случае изложение фактических обстоятельств дела должно быть подробным, так как именно в этой части выступления содержится предмет спора между сторонами (см., например, речь в защиту Иванова).

Описание - тип изложения, словесно изображающий, рисующий что-либо. В судебной речи описание присутствует при создании характеристики личности подсудимого (потерпевшего), которая представляет собою совокупность равноправных признаков. Основным языковым средством здесь являются определения, обозначающие какие-либо качества, признаки. Пример из речи адвоката Е. Мальца по делу об установлении отцовства:

«Имеющаяся в деле отличная характеристика истицы не дает ни малейшего основания считать ее *легкомысленной, несерьезной, а тем более безнравственной* девушкой».

В.Л. Россельс своих подзащитных Семеновых описал так:

«...Такова горькая судьба этих *неискушенных, слишком доверчивых* людей... И вот Семеновы, *всю жизнь прожившие рука об руку* и здесь сидящие рядом, *поникшие и растерянные* с тоской внимают речи прокурора».

Русские дореволюционные судебные ораторы придавали чрезвычайно большое значение психологическому анализу личности подсудимого. Это помогало не только объяснить его поведение, но и выявить мотивы и побуждения, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Примером глубокого психологического исследования могут служить характеристики подсудимых Егора Емельянова в речи А.Ф. Кони, Веры Засулич в речи ПА Александрова, Иванова в речи С.А. Андреевского, Прасковьи Качки, актрисы Висновской и князя Грузинского в речах Ф.Н. Плевако и многих других.

В речи Н.П. Карабчевского по делу о крушении парохода «Владимир» характеристика личности подсудимого, бывшего капитана парохода «Владимир», скорее напоминает производственную характеристику, послужной список, так как одним из пунктов обвинения было несоблюдение капитаном правил и предосторожностей, предусмотренных ст. 15 и 18 Международного положения об управлении паровыми судами, и является основой для опровержения данного пункта обвинения:

«Чтобы быть уверенным, что в лице обвиняемого вы имеете дело с настоящим моряком, а не моряком только по названию, представляю вам кратко его биографию. Штурман по специальному образованию, служа в Черноморском флоте, он сделал много кампаний. Плавал

за границей, доходил до Японии и Китая и избороздил Черное море вдоль и поперек. Скромный труженик, без покровителей и протекций, он обязан лично своему усердию и исполнительности переводом из штурманов лейтенантом во флот. Это всегда считалось почетным отличием. В общей сложности в военном флоте он прослужил более 25 лет. Уже капитан-лейтенантом он перешел на службу в Русское общество пароходства и торговли. И здесь не сразу он занял видное место капитана пассажирского парохода. Некоторое время он плывал помощником, наконец, его сделали капитаном. В течение восьми лет в командовании его перебивало до 16 пароходов буксирных, товарных, пассажирских, и, слава Богу, не приключалось никаких аварий. Поэтому, говоря о нем как о капитане, я вправе утверждать, что это был дельный, образованный и опытный моряк. В чем же он погрешил как моряк в данном случае и погрешил ли действительно?»

Однако такие языковые средства, как однородные члены предложения *плывал за границей, доходил до Японии и Китая, избороздил* Черное море, придают речи повествовательный характер и в сочетании с разговорной лексикой (*избороздил, усердие, перебивало, не приключалось, вдоль и поперек*) не только создают экспрессивность речи, но и позволяют глубже понять профессионализм бывшего капитана.

В судебной речи советского периода эта композиционная часть была намного меньше по объему, чем в речах русских дореволюционных юристов, и характеризовалась меньшим использованием эмоционально-риторических структур, чем другие представляющие последовательности. Использование клише публицистического, чаще официально-делового

(юридического) стилей, а также ссылки на источники информации придают этой композиционной части несколько сухой, сдержанный характер.

Современному адвокату, произносящему речь перед присяжными заседателями, необходимо исследовать условия формирования данной личности, социальный облик, факты из жизни и черты характера, которые могли бы, с точки зрения защиты, иметь значение для приговора. Важно показать психическое состояние подсудимого в момент преступления, действия после его совершения, установить мотивы деяния. Без установления мотивов преступления уголовное дело, по словам В.Д. Спасовича, «точно статуя без головы». Не поняв поведения подсудимого, не установив подлинных мотивов его действий, присяжные заседатели не смогут сделать правильных выводов по делу.

Анализируя условия и причины совершения преступления, адвокат показывает, случайно или закономерно пришел подсудимый к совершению преступления. Довольно часто именно в этой структурно-композиционной части эмоциональный накал достигает кульминации, так как в ней раскрывается психическое состояние подсудимого, анализируются причины, толкнувшие его на совершение преступления. Нередко анализ причин преступления сближается со стилем художественного повествования:

«Отец / ушел из семьи / по-видимому / ушел безвозвратно // Он не интересуется сыном // Обещал встретиться сыну / в 1991 году // Мальчик лелеял эту надежду / но отец / не приехал // Может быть / как / утверждают знающие / семью Игриневых / случилось именно так / вот этот как раз / психологический надлом /

и сыграл он / ту роковую роль / в которой обвиняется / мой подзащитный Игринев //».

Использование антитезы как конструктивного приема {*Мальчик лелеял эту надежду || Но отец | не приехал*), коротких повествовательных высказываний, варьированных уточняющих повторов (*ушел из семьи | по-видимому | ушел безвозвратно*) обусловлено целевой установкой адвоката подчеркнуть случайный характер участия его подзащитного в совершении преступления. В данной композиционной части могут быть использованы художественные средства.

Таким образом, функция воздействия диктует неизбежность чередования двух типов изложения, взаимодействие рационально-логических и эмоционально-риторических структур, последовательное соотношение экспрессии и стандарта. Их выбор связан с характером объекта речи. Для того чтобы вашу речь слушали, чтобы она была проникновенной и волнующей, обращайтесь к изобразительно-выразительным богатствам нашего языка^[56] и используйте их в названных композиционных частях судебной речи.

Прием обрамления

Не забывайте, что заключение речи должно усилить значение сказанного. В современных судебных речах, произносимых перед присяжными заседателями, ораторы

⁵⁶ Об этом см. темы "Средства речевого воздействия" и "Техника речи - средство речевого воздействия".

чаще всего дают моральную оценку содеянному и выражают мысль о справедливом приговоре. Следовательно, заключение в этом случае эмоционально по содержанию. И эта эмоциональность обязательно найдет выражение в языковых средствах. Таким средством, например, усиливающим эффект содержательной речи, может служить вопросительная конструкция:

«Подсудимый, лишив Никитина и Богер жизни, причинил их близким страшную боль потери, которая ни с чем не сравнима, боль, которая будет сопровождать их до конца жизни. Так что же вы, уважаемые присяжные заседатели, ответите близким людям, родственникам Никитина и Богер на вопрос: «Заслуживает ли Прокошин снисхождения за свои злодеяния?» [172. С. 323].

Эмоциональность в этом тексте создают повторы, градация. Усиливает эмоциональное воздействие вопросительная структура, которой оратор заканчивает речь. Это хороший ораторский прием, заставляющий задуматься над поставленной проблемой.

Логическому завершению темы служит обрамление - прием, состоящий в том, что в заключении повторяется (или варьируется) мысль, выраженная во вступлении. Московский адвокат А.С. Экмекчи речь по делу Цыгаровой начал с характеристики личности подзащитной:

«Товарищи судьи! 12 лет работала здесь врачом Вера Михайловна Цыгарова. Тысячи больных спасены ею. Зимой в пургу, осенью в слякоть, глухой темной ночью по первому зову она отправлялась в дальние селения, чтобы оказать помощь больным. Десятки писем в ваш адрес, оглашенные в суде, характеристики, показания

свидетелей рисуют нам облик самоотверженного врача, любимого населением».

Доказав невиновность подсудимой, оратор в заключение сказал:

«Цыгарова невиновна, она оклеветана, она должна быть оправдана. И я уверен: еще долгие и долгие годы, как и прежде, в ночную тьму, в снежную стужу и осеннюю слякоть по первому зову людей замечательный советский врач Вера Михайловна Цыгарова будет спешить к ним на помощь, облегчая страдания и творя добро».

Подобные примеры можно привести из речей А.Ф. Кони. В этом случае заключение достраивает, закрывает логическую рамку судебной речи, делает то, о чем писал А.Ф. Кони: «Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом». Вот почему многие речи русских дореволюционных судебных ораторов начинались и заканчивались обращением к присяжным заседателям. Советский адвокат В.Л. Россельс речь в защиту Семеновых начал с описания встречи, которая привела их на скамью подсудимых:

«Товарищи судьи! Старый рабочий, слесарь Семенов никогда не забудет тот холодный декабрьский день, когда он встретил давнишнего знакомого, почтенного, уважаемого и занимающего, с его точки зрения, высокое положение главного бухгалтера главка Любомудрова».

Доказав невиновность Семеновых, адвокат в заключении подчеркивает эту мысль словами о том, что Семеновы понимают моральную недопустимость своего поведения и раскаиваются:

«В правде, в труде, в уважении, в любви друг к другу, к людям, к своему государству, не омраченная столкновениями с законом, протекала спокойная жизнь рабочего Гавриила Борисовича Семенова и его жены, скромной служащей Полины Александровны.

И вдруг...

Нет, никогда не забыть им Любомудрова, никогда не изжить им постигшего их на склоне лет разочарования, никогда не погаснут в их памяти эти тяжкие дни...».

Подумайте над советами риториков: 1) заключение должно содержать резюме аргументации... и вызвать эмоции публики; 2) заключение требует точности изложения и разнообразия в стиле; 3) при использовании «страстей» следует помнить об умеренности; 4) стиль заключения должен быть живым и эмоционально насыщенным.

Лингвистические термины

Единоначатие, или анафора, - стилистическая фигура, заключающаяся в повторении одних и тех же слов или словосочетаний в начале рядом стоящих предложений.

Клише - готовый речевой стандарт, легко воспроизводимый в стандартной речи, в условиях стандарта. Клише являются необходимыми элементами деловых бумаг.

Контаминация - смешение, скрещивание, объединение языковых единиц на основе ассоциаций.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите два аспекта композиции. Что является основой целостности судебной речи? 2. Какими могут быть вступления к обвинительной и защитительной речи? Какова роль вступления? 3. Какие микротемы входят в главную часть судебной речи? От каких факторов зависит композиция главной части судебной речи? 4. Какова роль заключения? 5. Как вы поняли лингвистический аспект композиции? 6. Какие риторические структуры характерны для вступления? 7. Какие композиционные части судебной речи наиболее близки к официально-деловой речи? 8. В каких композиционных частях главной структурной частью является тезис? 9. В каких структурно-композиционных частях наиболее часто используются художественные средства? 10. Какие конструкции входят в понятие «юридические клише»? 11. Характерны ли клише для судебной монологической речи? Как относятся к этому юристы? Какова точка зрения лингвистов? 12. Что такое «обрамление»? Какова его роль в тексте монологической речи? 13. Какова композиция судебной речи, произносимой в суде присяжных? В гражданских и арбитражных процессах?

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. Предметно-логическое построение судебной речи. Композиция судебной речи, произносимой в суде присяжных.

2. Роль вступления в судебной речи.

3. Лингвистическая структура судебной речи.

4. Юридические клише в тексте судебной речи.

5. Прием обрамления, его роль в построении судебной речи.

Практическая часть

Задание 1. Прочитайте обвинительную речь М.Ф. Громницкого по делу о бывшем студенте Данилове, определите ее целевую установку. Проследите, как целевая установка определяет логическую структуру речи.

Задание 2. Проанализируйте логическую структуру речи П.А. Александрова в защиту Засулич. Выделите в ней «ударные» части. Отметьте, как выбор языковых средств зависит от темы структурной части судебной речи.

Задание 3. Прочитайте вступления к речам, данным в Приложении; подумайте, как каждое из них связано с содержанием речи; определяется ли вступление замыслом речи. Выделите «зацепляющие» вступления, определите их функции. Какие вступления вам нравятся? Почему? Какие вступления дали бы вы? Обратите внимание на языковые средства, использованные ораторами во вступлении.

Задание 4. В речи по делу Кителева выделите логические части; подумайте, как их наличие и последовательность определяются целевой установкой речи. Отметьте чередование в речи стандартных и экспрессивных средств выражения.

Задание 5. Посмотрите, в каждой ли из судебных речей, данных в Приложении, есть заключение. Подводит ли оно итоги всему сказанному, делает ли вывод? Какие из заключений вам нравятся, какие - нет? Обоснуйте

свою точку зрения. К тем речам, в которых нет заключения, дайте свое.

Задание 6. Проанализируйте речь К.Ф. Хартулари в защиту Левенштейн с точки зрения ее построения: какова ее целевая установка и как от этого зависит выбор «ударных» пунктов речи и расположение структурных частей. Выделите «общие места», определите их функции в речи. Проследите использование языковых средств в зависимости от микротемы.

Задание 7. В речи О.В. Девиза в защиту Васильевой проследите чередование аргументативных и представляющих последовательностей, выделите рассуждение, повествование; отметьте, как в зависимости от типа изложения зависит выбор языковых средств.

Задание 8. Проанализируйте обвинительную речь по делу Артемьева и речь в защиту Шемберга с точки зрения композиции: какие структурно-композиционные части (микротемы) в них присутствуют, чем это определяется; какие композиционные части из речи в защиту Шемберга недопустимы в речи, произносимой в суде присяжных; как языковые средства связаны с композиционными частями; отметьте в текстах речей «общие» места, определите их функции в судебной речи (см. Приложение 1).

Задание 9. Подготовьте беседу для прокуроров и адвокатов по теме «Композиция судебной речи». Предостерегите их от употребления штампованных вступлений и заключений, от использования речевых штампов. Приготовьтесь отвечать на вопросы.

Тема 5. СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Способность говорить образно является важным достоинством судебного оратора. Уйти от шаблона - вот к чему должен стремиться оратор.

Гаврилов В. В. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных

Судебная речь - целенаправленное произведение, которое предполагает достижение запланированного эффекта, регулярное воздействие на судей. Воздействие в теории публичной речи понимается как привлечение внимания слушающих к предмету речи с целью произвести изменения во взглядах; в судебной речи это еще и умение влиять на правосознание граждан, слушающих процесс.

1. Экспрессивность судебной речи

Чтобы судебная речь стала по-настоящему воздействующей, нужно искать такую форму выражения, которая привлекла бы внимание суда.

Рациональное и эмоциональное в судебной речи

В предыдущих темах мы рассмотрели логическое, или рациональное, воздействие, для достижения которого оратор привлекает убедительные факты, аргументы, воздействующие на сознание людей.

Выбор аргументов чрезвычайно важен. Но использование их в защиту своих мыслей никогда не достигнет цели, если говорящий не вызовет ответной эмоциональной реакции, - напутствует риторика.

Желание убедить судей вызывает у оратора эмоциональную реакцию на предмет спора. «Где борьба, там и страстность», - сказал Ф.Н. Плевако в речи в защиту Каструбо-Карицкого. Эта же мысль выражена и в работах А.Ф. Кони: «Нужна яркая форма, в которой сверкает пламень мысли и искренность чувства». Эмоциональное воздействие выступает как необходимый элемент убеждения, так как убеждение достигается двумя путями: рациональным и эмоциональным. «Человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоцией;...чаще всего наша

мысль складывается одновременно из логической идеи и чувства»^[57]. Без этого значительно ослабляется эффективность превращения знаний в личное убеждение.

Н.Г. Михайловская и В.В. Одинцов выражали мнение, что при анализе косвенных доказательств используются логические способы развертывания, а если фабула дела ясна, тогда необходимы эмоциональные средства воздействия [151. С. 60], хотя второе условие не является обязательным. Об этом правильно сказал Н.П. Карабчевский в речи по делу братьев Скитских: «Мне предстоит произнести перед вами защитительную речь, а между тем я хотел бы забыть в эту минуту о том, что есть на свете «судебное красноречие» и «ораторское искусство». По академическому определению, это «искусство» заключается в том, чтобы путем возможно меньшего напряжения усилий слушателей передать им свои мысли и чувства, навязать им свое настроение, достигнув заранее намеченного эффекта. Обыкновенно не брезгают для этого и внешними суррогатами вдохновения: приподнятым тоном, побрякушками остроумия и фразой. В том мучительном напряжении, которое всеми нами владеет, мне было бы стыдно заниматься здесь «искусством», расставлять в виде ловушек «эффекты» и развлекать ваше внимание в ту минуту, когда простая истина ищет и так трагически не находит себе выхода. Если бы я был косноязычным, я сказал бы вам то же, что скажу сейчас!»

Конечно, когда какую-либо мысль нельзя доказать логически, оратор пытается воздействовать на чувства

⁵⁷ Об этом см.: Баллы Ш. Французская стилистика. М., 1965. С. 182.

слушателей, стараясь этим заменить отсутствие аргументов. Помните, как Ф.Н. Плевако, защищая священника, виновность которого была полностью доказана, апеллировал к присяжным заседателям: «Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который ТРИДЦАТЬ ЛЕТ отпущал на исповеди ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех»^[58].

Однако авторы риторик советуют: 1) призывать на помощь чувства только применительно к потенциально патетическим объектам; 2) приберечь чувственный эффект к концу выступления. Обратите внимание на третье правило, которое, по мнению автора, является наиболее важным: 3) избегать излишней чувствительности, вызывающей насмешку, и наоборот - сухого изложения.

В работах юристов о культуре судебной речи нередко выражается мысль о том, что речь должна быть образной, выразительной, эмоциональной [9. С. 106, 294]; в то же время некоторые авторы предупреждают судебных ораторов о том, что не следует увлекаться использованием художественных, изобразительных средств. Давайте разберемся в этом вопросе.

Эмоции - это чувства, переживаемое душевное волнение, чувственная реакция; эмоциональность - выражение чувств, переживаний, субъективного

⁵⁸ В рассказе А.П. Чехова "Случай из судебной практики" адвокат, не имея доказательств невиновности подсудимого, использовал "апелляцию к человеку", описывая его достоинства (см. с. 41-42).

отношения к предмету речи. Эмоциональным может быть само содержание речи: мы возмущаемся и негодуем, читая обвинительную речь по делу братьев Кондраковых, совершивших убийство двух женщин при отягчающих обстоятельствах; испытываем чувство сострадания к невинно пострадавшему Бердникову, к Евгению Калинову, брошенному матерью.

Экспрессивность же речи понимается как ее выразительность, действенность. Все средства, которые делают речь привлекающей внимание, глубоко впечатляющей, действенной, являются экспрессией речи. Это может быть определенный интонационный рисунок, смена тона^[59], замедление и убыстрение темпа речи, интонационное выделение отдельных слов, паузы, логическое ударение, усиление звучания согласных, а также использование стилистически окрашенных слов и фразеологических оборотов. Это может быть употребление синтаксических средств: вопросительных конструкций, повторов, обратного порядка слов, коротких предложений, назывных и неполных предложений, парцелляции и т.д. Экспрессивность может пронизывать как эмоциональное содержание, так и интеллектуальное, логическое. Экспрессивная речь подчиняет судей и аудиторию своей воздействующей силой, она не только передает мысли оратора, но и дает возможность пережить чувство соприкосновения с чужой бедой. Кроме того, экспрессивность усиливает точность и ясность мысли, эмоциональность речи. Выражение эмоций в речи всегда экспрессивно, но экспрессия в речи не всегда эмоциональна.

⁵⁹ См. об этом тему "Техника речи - средство речевого воздействия".

Задаче воздействия служит набор интеллектуализированных и эмоциональных средств языка.

Интеллектуализированные средства воздействия

Одним из способов воздействия является прием адресации, т.е. указание в речи лица, к которому она обращена. Основным средством адресации в судебной речи является собственно обращение *ваша честь, уважаемый суд, уважаемые присяжные заседатели, господа присяжные заседатели, уважаемые судьи*, употребление которого обусловлено стилевой нормой. Используются также местоимения *Вы, Вам*, глаголы повелительного наклонения *посмотрите, вспомните, проанализируйте, взвесьте* и др. Довольно часто воздействие проявляется через инфинитивные предложения с модальными словами, имеющими значение долженствования: *Нельзя не верить показаниям такого свидетеля. Или: Нужно здесь сделать вывод. Или: Его действия следует расценивать как неосторожные. Или: Вот тогда необходимо вменить этот квалифицирующий признак.*

Для судебной речи характерно выражение авторского отношения к анализируемому материалу. Авторская оценка может выражаться конструкциями *я полагаю, я считаю, я утверждаю, я уверен, я отвергаю, я глубоко убежден* и др., оценочное значение в которых

создается лексическим значением глаголов. С помощью этих построений оратор стремится вовлечь членов суда в ход своих рассуждений: *Я полагаю, уважаемые присяжные заседатели, что вы согласитесь с этим моим суждением. Или: Я уверен, вы придете к такому же выводу. Но если сказанного все же недостаточно, то давайте обратимся к другим доказательствам.*

Важным средством речевого воздействия на состав суда является точность словоупотребления, когда выступающий привлекает внимание суда к важным, с его точки зрения, явлениям. Точным использованием слов отличались речи А.Ф. Кони, К.К. Арсеньева, П.А. Александрова, С.А. Андреевского, В.И. Жуковского, Н.П. Карабчевского, Н.И. Холева. С.А. Андреевский, например, в речи по делу Мироновича уточняет значение экспертизы, внесшей путаницу в материалы дела: «...Выступил профессор Сорокин. Экспертизу его называли блестящей: прилагательное это я готов принять только в одном смысле - экспертиза эта, как все блестящее, мешала смотреть и видеть. Вернее было бы назвать ее изобретательной». Анализируя материалы предварительного следствия, оратор обращает внимание на допущенные в них ошибки из-за неточного словоупотребления: «Биография Мироновича в обвинительном акте заканчивается следующими словами: он слыл и за человека, делавшего набег на скопцов, проживающих в его участке, и к тому же за большого любителя женщин. «Большой любитель женщин... делает набег на скопцов...». Можно подумать, что Миронович, как фанатик сластолюбия, искоренял скопцов за их равнодушие к женскому полу!... Но оказывается, что здесь говорится о взятках». И еще: «Любопытно теперь читать то место обвинительного акта, где говорится, что

убийство было совершено из каких-то личных видов на покойную и только для отвода замаскировано похищением вещей и векселей Грязнова! Особенно хорошо это «замаскировано». Все, как один человек, нашли, что было изнасилование, и добавляют, что оно было замаскировано».

Н.П. Карабчевский путем точного выбора слов дал точную характеристику разбираемому делу: «Прокурор, ссылаясь на то, что это дело «большое», просил у вас напряжения всей вашей памяти... Это не только «большое дело» по обилию материала, подлежащего вашей оценке, оно, вместе с тем, очень сложное, очень тонкое и спорное дело».

В.И. Жуковский в полемике с прокурором показывает, что неточный выбор слова ведет к искажению мысли: «Прокурор говорит в своей речи: «Мы вам их докажем, - у нас есть книги и цифры». Защита в первый раз видит прокурора, который грозит обвинением, а не предъявляет его». К.К. Арсеньев прямо указал на необходимость точного словоупотребления в судебном процессе: «Когда я даю формальное показание перед судебной властью, тогда я взвешиваю каждое мое слово». В современных судебных речах ораторы разъясняют для присяжных заседателей значения юридических терминов. Так, прокурор О.С. Кривцова поясняет понятия умышленно и осознанно [172. С. 345]; В.Н. Сальникова сказала: «...прежде чем перейти непосредственно к анализу, я хочу пояснить, что же закон понимает под доказательствами» и далее подробно показывает, что входит в это понятие, объясняет, что такое допустимые доказательства [172. С. 338-339]. Очень ярко, на конкретных примерах Ю.В. Андрианова-Стрепетова показывает значение косвенных

доказательств [172. С. 280]. Адвокат Н.А. Сырожук объясняет присяжным заседателям значение юридического термина явка с повинной. Г.М. Резник в речи по делу Григория Пасько, осужденного за шпионаж, обращает внимание на точность словоупотребления: во-первых, поясняет понятие «адресат доказывания»; во-вторых, опровергая выводы экспертов о том, что Пасько раскрыл сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений, указывает на различия между понятиями «раскрыть» и «назвать» [161. С. 70.]

Точному выражению мысли содействует и точный выбор эпитетов. Аргументируя невиновность подсудимой Максименко, обвиняемой в отравлении мужа, Н.И. Холев употребил эпитет *невинный*: *Невинный стакан чая*. Важные детали в показаниях свидетеля он называет *драгоценной подробностью*.

Действенным средством убеждения, а значит, и воздействия является паронимазия - преднамеренное столкновение паронимов в одном высказывании с целью оттенить, выделить различия между понятиями: «Прокурор называл здесь / Югова / *скрытым* / человеком // Я бы не сказал / что он *скрытный* // Помните как откровенно / рассказывал он о себе / о своей жизни//». Или: «Учитывая его безупречную прошлую жизнь / коллектив авиаотряда / на общем собрании / *обсудив* и *осудив* преступление / все-таки выдвинул общественного защитника / а не общественного обвинителя//».

Результатом неточного словоупотребления может быть неточная формулировка обвинения. На это указывал советский адвокат Н.П. Кан: «... Ни следователем, ни при судебном разбирательстве не

добыто ни одного доказательственного факта, который прямо или косвенно позволял бы думать, что Далмацкий смертельно ранил Игоря Иванова, желая из хулиганских побуждений лишить его жизни. Откуда взялись все эти суждения о том, что Далмацкий вдруг замыслил убийство и оказался во власти гнусного замысла? Надуманные слова, к тому же опровергнутые самим следователем в его конструкции обвинения» [С. 360-361].

Одним из своеобразных средств воздействия на присяжных заседателей и аудиторию выступают термины оценочного характера (*юр. оценочные понятия*), в которых имеется потенциальная оценочность за счет входящих в них слов оценочного значения: *злостное хулиганство, особая жестокость, грубое нарушение правил, вредные последствия* и т.д. Эти термины способствуют выполнению судебной речью профилактической функции.

«Умеренный стиль красноречия»

Нормой судебной речи в дореволюционной России был ее красивый, образный язык. Этот язык Н.П. Карабчевский назвал деловым языком, простым и нервным (разрядка моя. - *Н.И.*). Судебные ораторы широко использовали в речах изобразительно-выразительные средства языка. С.А. Андреевский называл защитника «говорящим писателем», который должен перенести в суд «простые, глубокие, искренние и правдивые приемы... литературы в

оценке жизни». Оратор умел образно передать психическое состояние подсудимого перед совершением преступления. Характеристика Андреева в его речи овеяна лиризмом.

«Возьмите всю жизнь Андреева. Вы увидите, что он работал без устали и работал успешно. Добывал очень хорошие деньги. Но деньгами не дорожил. Роскоши не понимал. Убыточных увлечений не имел. Не игрок, не пьяница, не обжора, не сладострастник, не честолюбец. В сущности, вся работа уходила на других. Он отдал большой капитал первой семье. Помимо того, участвовал во всевозможных благотворительных обществах и заслужил разные почетные звания. Высшие духовные интересы - наука, искусство - были ему чужды. Скажите: надо же было иметь и этому хорошему человеку что-либо такое, что бы составляло его личное счастье, его отдых, его утешение. И его влекло к тому простому счастью, которое вложено в нас самой природой, - к излюбленной женщине, которая бы пополнила одиночество мужчины. Что бы там ни говорили, но «не подобает быть человеку единому». Это закон жизни, основа всего мира. Какую бы дружбу мы к ближним ни испытывали, мы все-таки чувствуем себя отдаленными от них. Только в существо другого пола мы находим как бы частицу своего сердца, которое стучит нам навстречу и сливает нас с этим существом нераздельно. Эту высшую радость нашел Андреев в своей второй жене. Он не знал, как отблагодарить ее... Исполнял все ее прихоти. Отдавал ей все, что у него было. Уступал ее резкостям, всегда умел оправдывать ее шероховатости».

Современные теоретики судебной речи, ссылаясь на мнение Квинтилиана о том, что «пусть красноречие будет великолепно без излишеств... богато без роскошества,

мило без развязности, величаво без напыщенности: здесь, как и во всем, вернейший путь - средний, а все крайности - ошибки», пишут об «умеренном стиле красноречия», который «для обвинительной речи оптимален» [172. С. 159]. И аргументируют свой тезис тем, что этот стиль, во-первых, в наибольшей степени соответствует предмету судебной речи; во-вторых, «такой стиль соответствует среднему уровню развития обыкновенного здравомыслящего присяжного заседателя»; в-третьих, такая речь «соответствует среднему уровню развития большинства судебных ораторов, их реальным интеллектуально-духовным ресурсам, душевным качествам». Но что такое современный «средний стиль красноречия»? Как понимают его авторы? И почему нужно рассчитывать на средний уровень развития судебных ораторов? Культуру судебных процессов, когда они стали гарантией прав и свобод человека, следовало бы повышать, а не снижать.

Да, в наши дни, в период общественных преобразований, в период демократизации общественной жизни, особенно ясно видно, как нестабильность во многих областях жизни отражается в нашей речи. Речь стала небрежной, косноязычной, неграмотной. Профессор Казанского университета Т.В. Губаева пишет о «непомерной языковой распущенности» [62. С. 264]. «Эпохой тотального косноязычия» назвала наше время заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и нотариата МГЮА С. Володина [50. С. 69].

Пришла, к сожалению, неряшливость речи и в залы судебных заседаний, где нужна необыкновенная точность и ясность. Тот высокий, торжественный, возвышенный стиль, который звучал в речах Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевского, Н.П. Карабчевского, в наши дни,

безусловно, неприемлем. Патетика, которая была неизбежной в судебных речах, произносимых в открытых процессах в советский период, сейчас кажется смешной, неуместной. Современная судебная речь, произносимая в судах общей юрисдикции, нередко вместо анализа обстоятельств дела содержит констатацию фактов.

Еще в 70-е годы прошлого века юристы обращали внимание на то, что «в современной судебной речи различные точки зрения высказываются без излишних эмоций» [256. С. 57]. Многообразные советы о том, что в суде следует говорить языком закона, а также увеличивающееся количество рассматриваемых дел постепенно вытеснили из судебной речи глубокий психологический анализ и композиционные части, связанные с ним, а вместе с этим ушли из речи многие изобразительные средства.

Поэтому в речи преобладают языковые средства официально-делового стиля^[60], заученные стандартные обороты. Аргументация стала носить формальный характер.

Более частой стала слабая по содержанию и плохая по форме судебная речь, которая не способствует формированию внутреннего убеждения суда; которая, если строго говорить, нарушает этические нормы в отношении судей, подсудимых и потерпевших. И до тех пор, пока этот вопрос не получит официального решения, формально выполняющие свои функции судебные ораторы, не уважающие людей, будут произносить плохие речи.

⁶⁰ Хотя и сугубо официальную речь можно произнести экспрессивно, используя для этого технику речи: интонацию, смену тона и темпа речи, паузы.

Думающий, уважающий себя и свою профессию оратор, привыкший творчески работать над каждой судебной речью, и в наше время произносит в суде речь, похожую на художественное произведение. Таким примером может служить речь Г.М. Резника по делу Г. Пасько, произнесенная в заседании кассационной инстанции Военной коллегии Верховного Суда РФ 25 июня 2002 г. [161].

Речь логична и убедительна. И глубокому содержанию соответствует яркая форма. Значение приговора для адресата доказывания (общества) и неубедительность аргументов раскрываются непривычно для современных судебных ораторов «среднего уровня»: в речь введен образ рядового гражданина, среднего здравомыслящего человека, через восприятие которого анализируется приговор и выводы экспертов. От этого речь только выигрывает в убедительности.

Цитаты из произведений М. Зощенко, метафора и сравнение (*суд сыграл-таки вместе с обвинением, как в фильме Абуладзе, «польку-бабочку»*), внутренний диалог простолюдина, не утомленного высшим образованием, ирония по поводу экспертов, не различающих понятия «раскрыть» и «назвать» (*Что и говорить: ценнейшая информация?!*), использование слов с уменьшительно-ласкательным и увеличительным значениями для оценки доказательств, поговорка *не на рассуд, а на осуд* - все эти изобразительные средства органически вплетаются в логическую структуру речи, совершенно не кажутся в ней чуждыми и содействуют тому, что речь читается на одном дыхании. Вот на таких примерах надо учить студентов судоговорению!

В судебных речах, обращенных к присяжным заседателям, необходимы средства диалогической речи, изобразительно-выразительные средства, так как убеждающая речь не может быть сухой констатацией фактов, она не может не быть взволнованной, экспрессивной и эмоциональной. «Нервный» язык судебного оратора - это речь не равнодушного человека, а человека, отстаивающего свою позицию по делу, заинтересованного в убеждении адресата доказывания в правоте своей точки зрения.

В помощь молодым, начинающим судебным ораторам предлагается материал следующего раздела.

2. Средства эмоционального воздействия

Представление вашему вниманию изобразительно-выразительных средств языка (тропов, риторических фигур, стилистических и риторических приемов) совершенно не означает того, что все они должны быть использованы, обязательно употребляемы вами в вашей речевой практике. Но познакомьтесь с ними, рассмотрите примеры их употребления русскими судебными ораторами, подумайте, как они «работают» в тексте судебной речи, и убедитесь, что это «знакомство» поможет вам создавать образные, убедительные речи.

Яркие краски художественной литературы

Для подтверждения своих мыслей оратор может использовать образы художественной литературы, цитировать художественные произведения. Меткое высказывание авторитетного лица помогает выразить мысль, повышает убеждающую силу слова. Удачно использованы слова Л.Н. Толстого государственным обвинителем В.И. Царевым в речи по делу братьев Кондраковых: «Судебная практика воочию подтверждает, что преступники-рецидивисты оказывают тлетворное

влияние на неустойчивых молодых людей... Они окружают себя ореолом мнимого героизма и бывалости, похваляются стремлением к легкой жизни за счет общества. Яд, которым отравляют рецидивисты психологию окружающей молодежи, опасен. *«Различие между ядами вещественными и умственными, - писал Л.Н. Толстой, - в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные, к несчастью, часто привлекательны».* Надо оберегать сознание нашей молодежи от вредного влияния рецидивистов». В речи по делу браконьеров, приводя цитату из романа Л. Леонова «Русский лес», прокурор этим самым подчеркивает тяжесть совершенного преступления и заставляет задуматься о бережном отношении к природе: *«Лес является единственным открытым для всех источником благоденствий, куда по доброте или коварству природа не повесила своего пудового замка. Она как бы вверяет это сокровище благоразумию человека, которого она сама осуществить не может».* В этих примерах художественные образы привлекаются в целях эмоционального усиления.

Красноярский адвокат мысли о вреде водки проиллюстрировал стихами В.В. Маяковского: «Мне бы хотелось остановиться / на / причинах / которые повлияли / на совершение этого преступления // Причина / мимо которой мы / хотя и защищаем подсудимых / не имеем права пройти / это проклятая водка // Я об этом вынужден говорить / потому что / все молодые люди / сидящие на скамье подсудимых / и присутствующие здесь в зале / должны на уроке настоящего процесса / знать / и постоянно помнить / что / от водки до беды / дистанция очень небольшая // От воды до тюрьмы / расстояние еще короче // В этой связи

/ мне вспоминаются / нестареющие стихи / Владимира Маяковского на этот счет // И храп хулигана и пятна быта / сегодня измеришь только тем / сколько пива / водки напитки //».

Современный прокурор Н.В. Абрамов речь по делу Харева, обвиняемого в убийстве двух человек, начал с основной библейской заповеди: *«Еще на заре цивилизации человечество выработало заповедь - не убий. За нарушение ее всегда назначалось самое суровое наказание»*, что позволило: 1) дать моральную оценку преступлению: *«И это понятно, ведь жизнь - бесценный дар, который ничем не восполнишь, ни за какие богатства не приобретешь. Убийство не только обрывает жизнь, но и приносит глубокую скорбь для родных и близких погибшего»*; 2) показать статистику убийств за 1991-2001 гг., тем самым оказать эмоциональное воздействие и 3) плавно перейти к мысли о справедливом решении присяжных заседателей по делу: *«Волею судьбы вы стали судьями по настоящему делу. От лица всего нашего общества на основании того, что вы слышали здесь, в судебном заседании, вы должны будете принять справедливое, законное решение»*. Далее следует убедительный анализ доказательств [172. С. 327-328].

Обобщить сказанное в образной и краткой форме помогут пословицы и поговорки.

Психологи нередко советуют ораторам вносить в речь элементы драматизма, которые создают впечатление, что событие разворачивается прямо на глазах у слушающих речь. Это относится к воссозданию картины преступления. Яркие картины момента

преступления нарисованы в речах П.Н. Обнинского, Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони (см., например, с. 306, 312-313).

При изложении обстоятельств дела эффективным средством привлечения внимания являются однородные сказуемые, выраженные глаголами настоящего времени (в значении прошедшего): «Виноградов догнал Ларису Тезину и преградил ей путь на крыльцо. Схватив за рукав пальто, встал лицом к лицу и *не дает возможности* подняться вверх по ступеням. Тезина *просит* оставить ее в покое... Виноградов предложил ей совместную прогулку. Отказ Тезиной от прогулки вызвал новую волну злости. Виноградов неожиданно *наносит* Тезиной *удары* по лицу, в живот, в спину. Тезина *кричит*. Рассвирепевший хулиган *зажимает* рот девушки ладонью, *отрывает* ее руки от перил, *стремится стащить* с крыльца и силой заставить ее пойти на свидание» (В.И.Ц.). Глаголы настоящего времени, не соответствующие моменту речи, не только оживляют речь, но и воссоздают все эпизоды преступления.

Мастера слова при изложении обстоятельств дела использовали **сказ** - фольклорную форму повествования от лица рассказчика, лексика, синтаксис и интонации которой ориентированы на устную речь. Советский адвокат В.Л. Россельс в речи по делу Семеновых, используя сказ, образно показал причину, по которой пожилые люди, не совершившие преступления, оказались на скамье подсудимых (см. начало речи, с. 381). Речь читается, как художественное произведение.

Ленинградский адвокат Я.С. Киселев в речи в защиту Бердникова с помощью сказа выражает ироническое отношение к Туркиной, например: «Как сказала старушка-мать, так и сделала послушная дочка».

В первом случае этот прием вызывает сочувствие к доверчивым, безвинно пострадавшим людям; во втором - недоверие к мнимой потерпевшей.

В художественной литературе, особенно в поэзии, широко используются назывные предложения, позволяющие создавать лаконичные по выражению и ёмкие по содержанию словесные картины, Вот как, например, образно показал П.А. Александров одиночное заключение Веры Засулич: «Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру. *Возможность сделать несколько шагов по комнате, и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие прогулки, дурной сон, плохое питание*».

Богатыми возможностями оказания воздействия обладают изобразительно-выразительные средства языка - тропы и фигуры. Их основное назначение - выявление или уточнение главной мысли; придание высказыванию большей выразительности; облагораживание речи. Остановимся на тех из них, которые наиболее характерны для судебной речи.

Тропы

Троп (от греч. tropos - поворот, оборот речи) - перенос наименования, заключающийся в том, что слово, традиционно называющее один предмет (явление, действие, свойство, процесс), используется в данной речевой ситуации для обозначения другого предмета (явления, действия и т.д.), связанного с первым по

смыслу. К тропам обычно относят метонимию, метафору, иронию.

В текстах судебных речей чаще других тропов используется метафора, которая состоит в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов (явлений, действий, признаков), для характеристики другого предмета, сходного с данным в каком-либо отношении. Метафора - это использование слова не по его прямому значению, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры.

В речах Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевского, П.А. Александрова, А.Ф. Кони метафоры, как правило, создавали точную характеристику или передавали состояние подсудимого и потерпевших, раскрывали историю их жизни: «Если *холодная, воровская змея, пригнездившаяся* в его сердце, *поворачивала* сердце среди пира и *жалила* его *укором совести*, то этот удар заглушала лихая цыганская песня...» (В.И.Ж.). Или: «... Семя жизни Прасковьи Качки *было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву*. Каким-то чудом оно дало - и зачем дало? - *росток*, но к этому ростку не было приложено забот и любви: *его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги* и беспорядочные смены стихий» (Ф.Н.П.). Н.И. Холев с помощью метафоры исследует отношения супругов Максименко: «Но, быть может, чувства эти отцвели и поблекли и для молодых супругов наступила затем, как выразился прокурор, «*осень любви?*» Так ли это?» С.А. Андреевский точно обозначил состояние влюбленности: «Это невыразимо дорогое существо *врезалось* в его мозг и сердце». М.Г. Казаринов посредством метафор не только давал характеристики потерпевшим и подсудимым (Ольга Штейн всем существом своим привыкла к свету, блеску,

шумным похождениям, к игре на быстринах и водоворотах жизни, у самых острых подводных камней), но и ставил и разрешал острые вопросы. Защищая адвокатов, обвинявшихся в склонении Ольги Штейн к побегу, он ищет и опровергает мотивы преступления: «Какие же *соблазны отуманили разум, какие душевные бури смутили сердца* обвиняемых - этих старых, испытанных *жрецов храма правосудия?*... А между тем... нужен ураган, чтобы сбить с пути, опрокинуть целую флотилию, хорошо оснащённую и приспособленную для плавания по бурным волнам житейского моря, снабжённую для устойчивости грузным балластом всесторонних знаний и долголетнего опыта жизни». Причины безвременной смерти одного из необоснованно обвиняемых адвокатов оратор показывает через сопоставление метафор: «Если Штейн всю жизнь, идя по низинам, стремилась за обманчивыми призраками благ земных и *путеводный факел ее затух в душных испарениях земли, то светоч жизни Пергамента задули свободные вихри горных вершин...* Все небо - кругом - было для него обложено тучами, и, не дождавшись просвета, надорвалось усталое сердце».

В речах Ф.Н. Плевако над логическими формами изложения преобладали изобразительно-выразительные, создающие эмоциональную атмосферу сочувствия подсудимым.

«А обстоятельства именно таковы, - читаем в его речи по делу люторических крестьян. - Люторические крестьяне *попали* в такой *омут*, где обыкновенные меры были бы ужасны и бесчеловечны. Не тысяча солдат, осаждавших деревню и грозивших ей оружием и силой, ужасали их. Не страшен им был и сам начальник губернии, разбивший бивуак в четырех верстах от

деревни. Нечего было, в свою очередь, бояться и ему войти в деревню обездоленных крестьян. Страшно и ужасно было долгое прошлое люторических мужиков, перепутавшее их взгляды и, кажется, сбившее их с толку.

Десятки лет *сосал их силы управляющий*, десятки лет с сатанинской хитростью *опутывал их сетью условий*, договоров и неустоек. *С торной дороги свободы* 19-го февраля *они зашли в болото...* Лешего не было, но, хитрый и злой, их *всасывал в тину кабалы и неволи* Фишер. *В этом тумане* потерялось всё: вера в возможность *просвета жизни*, чутье правды и неправды, вера в закон и заступничество перед ним».

С.А. Андреевский путем использования метафор показал условия формирования характера подсудимого: «Иной вырос *на тучном черноземе, под солнцем* - и кажется хорош; другой жил *в болоте* - вышел много хуже. Вы знаете, какая *трясина* вся прошлая служба Мироновича».

Метафора может быть употреблена оратором в полемике с процессуальным противником, экспертом, свидетелем, следователем и т.д., как это отмечено в речах Н.П. Карабчевского, К.К. Арсеньева, Н.И. Холева. В этом случае она выражает оценку выводов оппонента. Возьмем пример из речи Н.П. Карабчевского: «Эксперт, *открыв* в начале своего заключения *предохранительный клапан* заявлением о том, что он строит лишь гипотезу, *понесся* затем уже *на всех парах*, пока не донесся, наконец, до катастрофического вывода, что Миронович и насилователь, и убийца».

С.А. Андреевский употребил метафору для определения роли защиты в процессе по делу Мироновича: «Мы желали бы предложить вам честное

пособие нашего опыта, *дать вам в руки ясный светильник*, в котором бы вы вместе с нами обошли *все дебри следственного производства* и вышли бы из него *путем правды*». В.Д. Спасович использовал метафору для характеристики особенностей судебного исследования: «Но, господа судьи, *судебное исследование* имеет свои громкие прерогативы, оно *входит с заднего крыльца* и наблюдает человека *en deshabille*». Товарищ прокурора Н.В. Муравьев в речи по делу «О клубе червонных валетов» с помощью метафоры показал результаты трехнедельной работы суда по данному делу: «И трудились вы не напрасно... Загадочное стало понятно, сомнения рассеялись, неясное и сбивчивое разъяснилось, *лучи света проникли во тьму* и осветили самые *мрачные закоулки человеческой совести*». Советский адвокат А.И. Рожанский, используя метафоры, дал оценку показаниям свидетеля: «Такие *показания* необходимо *пропускать через густое сито* сопутствующих фактов и обстоятельств».

В речи советского адвоката П.А. Дроздова по делу Кадуева метафора помогает аргументации:

«Мысленно помолодеем до их возраста, чтобы понять их поступки, о которых вы будете беспристрастно судить зрелостью вашего судейского опыта. Итак, в зале Дворца культуры подсудимый Кадуев встретил Нину Виролайнен, с которой там же во время танцев познакомился накануне. Мы не знаем, была ли это «любовь с первого взгляда» или это было начало зарождающихся чувств, но это была не просто очередная встреча... Когда наши путники, проводив студента, шли по направлению к дому Виролайнен, погода перестала им благоприятствовать, начал моросить дождь. Чтобы укрыться от дождя, они вошли в подворотню. Дождь то

прекращался, то снова шел, словом, это была та ленинградская погода, которая в официальных сводках называется «проходящие осадки»... До дома Нины осталось пять минут ходьбы. Вот мы и подошли к тому дереву, под которым разыгралось все то, что составляет суть обвинения. Опять пошел дождь, и наша пара, чтобы укрыться от дождя, встала под это густое дерево. Кадуев снова пытается обнять Нину, он прижимает ее к себе, и тут *блеснула молния* - нет, фактически никакой молнии не было, но Олега *ударило электрическим током*. Это Нина его поцеловала».

Так образно, путем использования метафоры оратор указывает те обстоятельства, которые послужили поводом для дальнейших действий подсудимого.

Современный государственный обвинитель А.В. Мельников использовал метафору для характеристики семейных отношений потерпевшего и подсудимой: «Первый *тревожный звонок* прозвучал для Андрея в мае 1997-го года... Но он стерпел, простил... В ноябре 1999-го *семейная лодка* вновь *дала трещину*» [172. С. 362].

Вносит в речь метафоричность и использование фразеологических единиц.

Введение в речь фразеологических единиц, особенно их свободное употребление, повышает экспрессивность речи, создает яркие художественные образы, вызывает определенные эмоции, проясняет обстоятельства дела. Посмотрите, как использовали фразеологические обороты дореволюционные и советские судебные ораторы: «Господа судьи! Хотя судьба, а может быть, и жизнь трех людей *висит на кончике пера*, которым суд подпишет свой приговор, защита не станет обращаться к чувству судей, *играть на*

нервах, как на струнах» (В.Д.С.). «Он слишком щедрой рукой расточал перед сыном свою семейную злобу» (Ф.Н.П.). «Лишь впоследствии, когда интерес новизны прошел и разные взаимные открытия, неизбежные при семейной жизни, развенчали иллюзии, - светлый призрак брака расплылся в серых тонах будничной жизни, и каждому, как это обыкновенно бывает, стало даже как-то неловко за свои недавние порывы и восторги, стало досадно за бисер, напрасно разметанный и потоптанный» (М.Г.К.). «Как вышла подсудимая из магазина, она не помнит... Чаша страданий переполнилась; нужна была еще одна и последняя капля, чтобы окончательно лишить подсудимую, приниженную и подавленную горем, самообладания, и эту каплю суждено было влить Михневой» (К.Ф.Х.). «Прокурор говорит, что незачем было все-таки хвататься Попову за топор. Топор играл здесь роль той соломинки, за которую, как говорят, хватается утопающий» (В.В.Ш.). «Оказавшись в зависимости от Деминой, Жукова, не задумываясь, выполняла ее просьбы и неоднократно получала по подложным доверенностям деньги. Так завязалась узелком беда Жуковой» (М.Б.Ч.). «В тот момент, когда в машину Димова прятали первую пачку, Маков, Тазиев и Николаев еще не думали о хищении остальных трех. Аппетит пришел во время еды, он пришел уже после отъезда автомашины Димова» (О.СП.).

Еще одним тропом, с помощью которого можно дать справедливую, объективную оценку действий и событий, является ирония. Это троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос - по контрасту, по полярности семантики. Ирония (от греч. *eironeia*, букв. - притворство) чаще всего имеет

место в высказываниях, содержащих положительную оценку, которую говорящий отвергает. За внешне положительной оценкой скрыта острая, тонкая насмешка.

Большим мастером иронии был В.И. Жуковский. Ее, как правило, он употреблял в полемике с процессуальным противником. В речи по делу Гулак-Артемовской оратор сказал: «Приступая к анализу обвинения, я имею в виду его во всей совокупности, то есть обвинительный акт, судебное следствие и затем *художественную лепную работу* прокурора, который, вычерпав с подонков дела всю грязь, *слепил* из этой *грязи бюст* Артемовской, полагая, что этого достаточно для ее обвинения». Пример из речи по делу Юханцева: «Защита же, по мнению прокурора, имеет в виду проводить мысль о том, почему же не красть, когда плохо лежит; а гражданский истец превзошел прокурора и произнес возражение на защитительную речь, которой еще не слышал. *Преклоняюсь перед глубокой проницательностью* прокурора и истца». Ирония усиливает полемический тон речи, ее эмоциональное воздействие на слушателей. Часто и довольно успешно употребляли иронию Н.П. Карабчевкий, А.И. Урусов, Н.И. Холев для вскрытия и оценки следственных ошибок (*Гениальное открытие!* Оно, без сомнения, могло возникнуть только на благодатной родине бессмертного гоголевского Пацюка, которому, как известно, вареники, и притом обмакнутые в сметану, сами летели в рот), для оценки мнения эксперта. А.Ф. Кони с помощью иронии оценил заключение, данное помощником пристава: «Мы знаем, что молодой банщик женился, поколотил студента и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену в речке Ждановке. *Проницательный* помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с

горя по муже...» Р.А. Руденко в свое время с помощью иронии оценил действия американской разведки: «Руководящие государственные деятели США не прочь были бы прикрыть свои преступные агрессивные действия миролюбивыми намерениями. Но ведь всем известна цена *искренности* таких заявлений. Подобными *«благими намерениями»*, как известно, выслана дорога в ад».

Очень тонко, умело использовал иронию ленинградский адвокат Я.С. Киселев. Вот как он анализирует и опровергает ложные показания «потерпевшей» Туркиной, которая оговорила подсудимого Бердникова:

«...Легко может показаться, что то объяснение, которое она дает фактам, похоже на правду. Наталия Федоровна, видя внимание и заботу мастера, *была убеждена, что он все это делает*, так сказать, *по зову совести*. Но как она ошиблась! Оказывается, Бердников расставлял силки, он надеялся склонить ее к сожительству. Действовал он осторожно, ничем не возбуждая ее подозрений. По простоте душевной она поделилась с Бердниковым своей радостью: муж, который свыше года был в отсутствии, приехал к ней. И тут-то Бердников, сообразив, что рушится все, что он так коварно и так тщательно готовил, потребовал грубо и цинично: «Сожительствуй со мной!» Потребовал угрожая и запугивая. *И только тогда открылись глаза у Наталии Федоровны. Это было для нее катастрофой. Так гибнет вера в человека.* А когда возмущенная до глубины души Наталия Федоровна отвергла циничное предложение Бердникова, он стал выживать ее с завода».

Здесь в каждом высказывании содержится ирония. Хорошим средством создания иронии являются восклицательные конструкции.

Фигуры речи

Большие возможности для повышения экспрессивности судебной речи и создания эмоциональности при оценке тех или иных обстоятельств дела предоставляет судебным ораторам стилистический синтаксис: фигуры речи, стилистические фигуры, риторические приемы, т.е. языковые средства, придающие речи образность и выразительность. Вот как определяют их лингвисты: «Стилистические фигуры - синтагматически образуемые средства выразительности»^[61], «Риторический прием - способ построения высказывания, основанный на намеренном и прагматически мотивированном отклонении от языковых, речевых, логических... норм с целью того или иного воздействия на адресата»^[62].

Рассмотрим фигуры речи, наиболее часто и разнообразно используемые в судебных речах.

Сравнение - фигура речи, основанная на сопоставлении двух явлений, предметов, у которых предполагается наличие общего признака. Сравнения помогают судебным ораторам наиболее ярко представить

⁶¹ Скребнев Ю.М. Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

⁶² Сковородников А.П. О системном описании понятия "стилистические фигуры" // Русская речь. 2002. № 4.

явления. Н.П. Карабчевский с помощью сравнения показал гибнущий пароход: «Вспомните единогласное показание всех свидетелей, наблюдавших погружение «Владимира». Только по огням и знали, что он еще борется со смертью. Все время на нем вспыхивали огни; *это было прерывистое дыхание больного в агонии, оно угасало только вместе с ним*». Ф.Н. Плевако употребил развернутое сравнение для выяснения причин преступления: «Но подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они - подстрекатели, они - зачинщики, они - причина всех причин... Войдите в зверинец, когда настанет час бросать пищу оголодавшим зверям; войдите в детскую, где проснувшиеся дети не видят няни. Там - одновременное рычание, здесь - одновременный плач. Поищите между ними подстрекателя. И он найдется не в отдельном звере, не в старшем или младшем ребенке, а найдете его в голоде или страхе, охватившем всех одновременно».

Сравнение нередко используется рядом с метафорой, как в речи С.А. Андреевского, который путем сравнения оценил показания свидетеля: «...она своим рассказом *осветила, как молнией*, все, что было в потемках». П.А. Александров применил сравнение для характеристики потерпевшего - генерала Трепова: «Всякое должностное начальствующее лицо представляется мне *в виде двуликого Януса...*^[63]. Это же сравнение использовано современным государственным обвинителем А.В. Мельниковым для характеристики подсудимой: «Я уже говорил, что подсудимая пытается

⁶³ Янус - в римской мифологии божество дверей, входа и выхода, затем - всякого начала. Изображался с двумя лицами: одно обращено в прошлое, другое - в будущее. Лерен. двуликий Янус - лицемерный человек.

вызвать вашу жалость, представляя себя жертвой, попавшей под влияние Ромаха. Но абсолютно очевидно, она не жертва. Капустина - это *«двуликий Янус»* [172. С. 368].

Советский адвокат М.М. Тетельбаум, анализируя обстоятельства дела, употребил для их оценки сравнение: *«Мне сплетня представляется черным бородавчатым пауком. Он выползает из зловонного рта сплетника и начинает сплетать, опутывать людей липкой, грязной паутиной... Сплетник расчетлив: обвинение, даже абсолютно необоснованное, честного человека ранит больно, отнимает здоровье, уносит годы жизни. Сплетня как комок грязи, брошенный в человека: комок высохнет и отвалится - пятно остается. Остается для тех, кто любит посудачить...»* Может быть использовано и отрицательное сравнение: *«Линевич ни по внешнему виду, ни по уму и развитию, в чем вы, присяжные заседатели, могли лично убедиться, далеко не представляется нам таким Адонисом, воспитанным дриадами, перед красотой и умом которого, как гласит мифология, не устояла даже богиня красоты Венера»* (К.Ф.Х.).

Стилистическая фигура, строящаяся на противопоставлении сравниваемых понятий, называется антитезой. Ф.Н. Плевако употребил ее для характеристики потерпевшего Максименко: *«Он пал и уронил, но он умел встать и поднять свою жертву»*. Великолепную антитезу вы найдете и в его речи по делу рабочих Коншинской фабрики; с ее помощью раскрыты условия и причины, способствовавшие совершению преступления. В его же речи по делу Грузинского антитеза является аргументирующим средством для установления причин преступления: *«То, что случилось с*

ним, беда, которая над ним стряслась, понятны всем нам: он *был богат* - его *ограбили*] он *был честен* - его *обесчестили*; он *любил* и *был любим* - его *разлучили с женой* и на склоне лет заставили искать ласки случайной знакомой, какой-то Фени; он *был мужем* - его *ложе осквернили*; он *был отцом* - у него *силой отнимали детей* и в глазах их порочили его...»

Для речей дореволюционных русских юристов были характерны высказывания с частичным отрицанием, в основе которых лежит антитеза: «Я *не фразы говорю*. Каждое мое слово проверено» (Ф.Н.П.). Или: «Нет, *не историю розги хочу я повествовать* перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни» (П.А.А.). Или: «Средства к жизни добываются *не тяжелым и честным трудом*, а тем, что он угождает посетителям» (А.Ф.К.). Или: «...да стыдно будет *не Келешам* - они не поджигатели, а тем иным поджигателям, которые раздули это дело» (С.А.А.). Этот прием позволяет акцентировать внимание суда на втором, противопоставляемом явлении.

Большой экспрессивной силой обладает градация (лат. gradatio - постепенность) - стилистическое средство, состоящее из двух или более единиц, размещенных по возрастающей интенсивности действия или качества. Это позволяет воссоздать события, действия, мысли и чувства в развитии. Благодаря этому происходит нарастание производимого ими впечатления. В речи А.Ф. Кони градация создает характеристику жены Егора Емельянова: *Итак, это вот какая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное - скучная*. Н.И. Холев с помощью градации показывает свое отношение к анализируемому обстоятельству дела: *Профессор назвал этот факт «странным»; думаю, что его можно назвать*

только печальным, глубоко прискорбным. Вот как характеризует он аргументы: «*Для судьи в его решении необходимы веские факты, твердые, бесспорные.* Красноярский прокурор использовал градацию для оценки действий подсудимого, для характеристики самого подсудимого: «Он *похитил* не только магнитофон / *стоимостью 80рублей* / но и фотоаппарат *стоимостью 30рублей* / *украл* женские колготки / *стоимостью 5рублей* / *прихватил* даже / детский подарок *стоимостью 2 рубля 50 копеек* /». В последнем примере отмечена двойная градация: восходящая и нисходящая. В восходящей употреблены глаголы с разной стилевой окраской: официальное слово *похитил*, межстилевое - *украл* и разговорное - *прихватил*. Частица *даже* усиливает нарастание качества жадности, неразборчивости. Нисходящая градация построена на снижении стоимости украденных вещей. И обе вместе они создают образ человека, который не брезгает ничем, который способен обидеть даже ребенка.

Для выделения и подчеркивая тех или иных явлений, деталей в судебной речи широко употребляется инверсия, - стилистический прием, состоящий в преднамеренной перестановке слов в предложении с целью смыслового или эмоционального выделения их. Это создает экспрессивность речи, помогает эмоциональному воздействию. Убедитесь в этом сами на примерах из речей русских юристов: «Да разве в судах по уставу 20 ноября нас учили «бичевать маленьких для удовольствия больших»? Нет, перед судом все равны, *хоть генералиссимус будь*!» (М.Г.К.). Или: «Многие проходившие в тот день граждане видели двух незнакомых мужчин, которые бесцельно бродили по краю леса. Некоторым они показались подозрительными,

например, Панфиловой Марии, но мысль о нападении среди белого дня в довольно оживленном месте казалась маловероятной. Не думали об этом и молодожены Панфиловы, возвращавшиеся по малышкинской дороге домой, в деревню Маевку. А ведь Кондраковы *их вначале наметили* в качестве жертв» (В.И.Ц). Или: «*Угрюм и мрачноват Сергей Тимофеевич*. Да и как ему быть другим? *Безрадостными были* последние, перед встречей с Туркиной, годы его жизни» (Я.С.К.). Или: «*Скрывает что-то Шахмурадов*, боится каких-то своих темных дел» (И.М.К.). Или: «*О неприязненных чувствах ее к зятю шла уже речь. Не по сердцу был теще зять*» (Н.И.Х.). Инверсией является и постановка определения после определяемого слова: «*Степина годами копила / эти деньги свои трудовые //*». Или: «*В угаре пьяном затеял драку*». Еще пример: «*Стоит только представить себя на месте Андреевой, и становится страшно: Андреева наедине с Тищенко, тот вооружен топором, а в соседней комнате лежит окровавленный труп ее брата. Какое-то чудо уберегло Андрееву от насильственной смерти*» [172. С. 359].

Не только создает эмоциональность, но и придает речи убедительность, аргументирует то или иное явление анафора (единоначатие) - фигура речи, состоящая в повторении начальных частей стоящих рядом самостоятельных предложений. Посмотрите, как анафора помогает адвокату доказывать невиновность его подзащитного в одном из эпизодов: «*Долгарева пояснила / что мужа пнул в бок / вот этот вот / неустановленный преступник // Именно от этого удара / ее супруг потерял сознание // Именно от этого удара / как она пояснила / он свернулся в калачик //*». Адвокат А.И. Рожанский с помощью анафоры аргументирует виновность лица,

проходящего по делу в качестве свидетеля: «...ЭТО ОН еще в то время, когда она работала лаборанткой, приносил ей различные импортные товары и заставлял продавать своим сослуживцам, а ему возвращать вырученные деньги; ЭТО ОН продавал такие же товары своим товарищам по общежитию; ЭТО ОН уговаривал ее поступить на работу в пароходство, для того чтобы наживаться на привезенных товарах; ЭТО ОН перед последним рейсом продал ей пять фунтов стерлингов, которые она нелегально провезла через границу...» (А.И.Р.). Пример из речи И.М. Кисенишского: «Все с нетерпением ждут исхода этого судебного процесса; ждут близкие, коллеги, студенты... Ждут приговора мудрого и справедливого, ждут торжества законности и правды!»; «Не случайно Шахмурадов оговаривает своего бывшего друга, не случайно всячески уходит от таинственных историй с машинами репатриантов, не случайно теряет память, когда спрашивают его о денежном долге Тонояну, не случайно отрицает эпизод с сумочкой, которая была подарена его жене».

Анафора - это разновидность повтора - стилистической фигуры, состоящей в повторении слов и выражений. Повтор позволяет привлечь внимание суда к важным моментам, подчеркнуть значимость какого-либо факта или аргумента, а также позволяет уточнить мысль: «И он не выдержал / такой вот проверки / не выдержал первого серьезного испытания». Или: «Погиб человек, едва начавший сознательную жизнь, погиб нелепо». В следующем примере повторы помогают усилить, подчеркнуть мысль о случайном характере преступления: «Что же представляет собой / Саша / Соновух / так неожиданно оказавшийся на скамье подсудимых // Я подчеркиваю / неожиданно // Неожиданно для педагогов

/ неожиданно для родителей / неожиданно для товарищей // Почему неожиданно // Да потому / что поведение в прошлом / было безупречным//». Элементы повторения, как правило, неизбежны при резюмировании анализа доказательств.

Довольно часто и умело использовал повторы Я.С. Киселев, например: «И возраст, и горе, *горе* подлинное, *горе*, от которого нет исцеления, сделало свое дело: сдало сердце». Вы, конечно, почувствовали, как с повторением слова нарастает ощущение настоящего горя. Повторы - действенный прием выразительности. Здесь особый интонационный рисунок: повторяющееся слово произносится повышенным тоном, что подчеркивает его значение.

Средством речевой экспрессии и эмоциональности является парцелляция - стилистический прием, состоящий в расчленении предложения на несколько интонационно-смысловых единиц. Эти единицы (часть высказывания) отделены от основной части разделительной паузой, например: «Но разве можно товарищи судьи / за один удар / несовершеннолетним человеком / от этого удара / не наступило вообще никаких тяжких последствий / просить у суда / четыре года лишения свободы // *Человеку / впервые оказавшемуся на скамье подсудимых И Притом с такой прекрасной характеристикой //*».

Вопросительные конструкции

Вопросительные конструкции в монологической судебной речи обусловлены ее жанровыми характеристиками, регламентированы Уголовно-процессуальным законом (ч. 1 ст. 339 УПК РФ) и приобретают в ней особую функциональную и стилистическую нагрузку^[64]. Они подчинены необходимости выяснить все обстоятельства дела, дать им правильную квалификацию, убедить судей в правильности позиции оратора, а также обеспечить целенаправленное и эффективное воздействие на присутствующих в зале суда граждан.

Вопросительные конструкции являются важным ораторским приемом: привлекая внимание судей, включают их в активную мыслительную деятельность, подчеркивают важность названных доказательств для решения суда. И суд, следя за развитием мысли оратора, совершает ту же мыслительную работу.

Мы уже говорили о функциях проблемного вопроса (см. с. 103-104) в подчеркивании логичности речи. Но он нередко выполняет и стилистическую функцию. Возьмем пример, когда проблемный вопрос оформляет переход от одного раздела речи к другому и формулирует микротему:

*Что же подлежит доказыванию по настоящему делу
// Это три эпизода, в которых обвиняется подсудимый.*

*Или: Что же заставило Скорохода / пойти по такому
пути / совершить подряд два преступления //*

Такие предложения по коммуникативным функциям сближаются с повествовательными, в которых

⁶⁴ См. также материал в темах "Языковые средства, создающие логичность речи" и "Диалогизированный монолог".

сообщается перспектива дальнейшего изложения. Но совершенно ясно, что вопросительные предложения выразительнее повествовательных; они ликвидируют монотон, создают определенный мелодический рисунок, вносят в текст экспрессивность. Поэтому сосредоточивают внимание суда, заостряют его на важных, с точки зрения оратора, деталях.

Эффект убеждения создается употреблением вопроса, обращенного к составу суда и устанавливающего контакт с ним: «Ну хорошо / они характеризуются безупречно // Им в какой-то определенной степени можно верить // что они говорят правду // *Уважаемые судьи // а Конин // разве плохо характеризуется // До 27 октября / нет / он нормально характеризуется //*». Или: «Ведь раздавались такие возгласы / что нужно выбросить лиц / находящихся во времянке / куда-то на помойку / рассчитаться с этими лицами // *И это было сказано кому / уважаемые судьи И Это было сказано / подросткам //*». В обоих случаях вопросы представляют собою разговорные конструкции с дополнительной фразовой границей (см. с. 211) и придают всему тексту речи разговорность, непринужденность, тон беседы.

При анализе и оценке доказательств оратор может задавать вопросы, обращенные к самому себе, имитируя этим внутренний диалог, поиск истины в процессе рассуждения: «В начале июля / он вторично залез / к Сергеевой в сарай / и вторично совершил там / хищение на 43 тысячи рублей // Это определенный садок для рыбы / провод / колеса для машины / и так далее // *Что мне хочется сказать // Если в первом эпизоде // мой подзащитный / он признает себя полностью виновным / и говорит о том / что да / он совершил кражу / что он*

забрал вещи / которые он перечисляет // то здесь имеется противоречие//». Или: Уважаемые присяжные заседатели! Хочу вам напомнить, что Прокошин рассказал своей сестре и Буровой, чем, как и когда была убита Богер, еще до того, как был обнаружен труп потерпевшей в подвале, то есть до того, как стало известно о происшедшем следственным органам. *О чем это свидетельствует?* Только о том, что эти факты, эти конкретные детали совершенного преступления могло знать только лицо, которое совершило его. В ином случае оно не располагало бы такими сведениями» [172. С. 320]. Вопрос в данном случае создает эффект оценки эпизода, направляет рассуждения судей в нужном оратору направлении.

При изложении обстоятельств дела может быть использован вопрос, который создает эффект ожидания, он как будто интригует слушателей, делает повествование более динамичным, напряженным, способствует психологическому воздействию: «Филиппов оскорбил жену / толкнул дочь // Когда Курлыш / предупреждает его об ответственности / Филиппов отвечает / За тебя и десять лет не жалко // *Что же произошло дальше* // Нападение все-таки произошло // Только не на Зинаиду Петровну / не на дочь / а на Курлыш // На нее направил свой удар Филиппов //». Еще пример: «*Что делает Лыщевский, узнав от Тищенко о том, что тот убил Гарайзуева, и увидев труп? Идет в милицию? Зовет людей?* Нет! Он возвращается домой и ложится спать» [172. С. 359-360].

Довольно часто, оспаривая показания подсудимого или свидетеля, оратор употребляет вопросительные конструкции, которые выражают эмоциональную реакцию говорящего, выполняют апеллятивную

функцию: «На первый взгляд можно действительно / посочувствовать этой бедной женщине / которая однажды оступилась / и то не по своей вине / а только потому / что она встретила с человеком / который ей понравился // Она полюбила его / собиралась выйти за него замуж / но он оказался настолько непорядочным / что уехав / оставил за собой колоссальные долги // с которыми она / вот до сего момента / не может рассчитаться // *Но так ли это уважаемые судьи // И заслуживает ли сочувствия Иванова //* Материалы дела говорят об обратном//». Это полемический вопрос, введенный в речь после изложения основных положений спора. После этого обычно дается опровержение. Рассмотрите еще пример: «Вы слышали показания подсудимых. Они утверждают, что этих преступлений не совершали, в доме Тюрикова не были; в тот день, 4 декабря, во времянке у Груднева распивали спиртные напитки и выходили только два раза за выпивкой. *Но так ли это было?* Полагаю, что нет. Есть веские и неоспоримые доказательства, опровергающие показания подсудимых и объективно восстанавливающие картину происшедшего» [172. С. 348].

Более тесному контакту с составом суда содействует вопросо-ответный ход (вопрос и реплика-ответ, объединенные в одно высказывание), например: «*Осознавала ли Жемкова, что ее высказывания принесут вред?* Конечно, она не могла этого не понимать. *Желала ли она наступления вредных последствий для потерпевшей?* Конечно, желала, хотя она и утверждает, что хотела лишь добиться справедливости» [172. С. 374]. Или: «*Итак, подтверждаются ли показания Аксенова в этой части другими доказательствами по делу?* Да, подтверждаются. *Можем ли мы считать факт удушения*

потерпевшего, в том числе полотенцем, доказанным? Конечно, да» [172. С. 341]. Он активизирует внимание судей и облегчает восприятие речи. Почему? Потому что, расчлняя текст, вопросительные реплики придают речи экспрессивность, оттенок непринужденности, доверительности. Особенно важен этот ораторский прием в речах, произносимых перед присяжными заседателями: он имитирует разговор оратора с ними, заставляет их вникнуть в сущность обсуждаемых вопросов.

Повышенную эмоциональность судебной речи придает риторический вопрос. Это стилистическая фигура, представляющая собой вопросительное предложение, имеющее значение эмоционально усиленного утверждения или отрицания^[65]. Риторический вопрос характеризуется противоречием между формой и содержанием: в отрицательном вопросительном предложении содержится экспрессивная утвердительная информация; утвердительное вопросительное предложение несет в себе также экспрессивную, но отрицательную информацию. Риторический вопрос, как правило, содержит оценку того, о чем говорит оратор. Употребленный во вступлении, он, подчеркивая то или иное суждение, создает эффект эмоционального усиления и дает эмоциональный настрой всей речи. Эффект эмоционального усиления создается и в том случае, когда риторический вопрос содержит информацию по общим вопросам (которые были характерны для судебных речей дореволюционного и советского периодов), не касающимся конкретных

⁶⁵ См.: Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. И. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М., 2003.

материалов рассматриваемого дела, и оценивает их: «...А потом дети / вышли из-под контроля родителей // И вот результат налицо // *И если так дальше / будут заниматься родители / воспитанием своих детей / то к чему же мы придем //*». В этом случае риторический вопрос позволяет поставить в воспитательных целях моральные проблемы.

Полемизируя с процессуальным противником, судебный оратор довольно часто употребляет риторические вопросы, выражающие экспрессивно-эмоциональное уверенное отрицание противоположной позиции и апелляцию к суду: «Нам говорят / что для совершения / вот этого преступления / подсудимые вступили в преступный сговор // *Но уважаемый суд / о каком сговоре может идти речь / если подсудимые / как они пояснили / еще и друг друга толком не знали //*».

Кроме риторических вопросов-оценок, в судебных речах нередко используются риторические вопросы, содержащие вывод из сказанного. Их цель - помочь суду сделать правильные выводы, правильно квалифицировать тот или иной факт, например: «На вопрос о том, чем она может ему помочь, Тищенко сказал, что поможет, если умрет, и что Кубань-река большая, смывает все следы. *Разве это не угроза убийством?*» [172. С. 359]. Риторический вопрос, заканчивающий логическое единство, имеет результативно-следственное значение; вместе с тем он заключает в себе элемент оценки. Это эмоциональная реакция оратора.

Необходимость оценивать факты, делать из них выводы ведет к постановке нескольких вопросов, иногда

исключающих друг друга, что, конечно же, создает эмоциональную напряженность, экспрессивность, тем самым активизируется внимание судей: «В судебном заседании Прокошин также не признал, что после убийства Богер он похитил ее вещи. *Подтверждаются ли его показания? А если они опровергаются, то чем?* Чтобы ответить на эти вопросы, я вновь напомню собранные по делу доказательства» [172. С. 322].

Наивысшего эмоционального напряжения речь достигает в том случае, когда, анализируя обстоятельства дела, оратор использует цепочку вопросительных конструкций, где каждый последующий вопрос уточняет предыдущий, и делает выводы также с помощью вопросов. Рассмотрим пример: «Суть показаний Вдовенко сводилась к тому, что никого убивать она не хотела, а лишь «оборонялась». *От кого же Вдовенко вела «оборону»? От 92-летней старухи, которой в результате этой «обороны» нанесено более 40 ударов по голове, да еще по рукам и ногам, сломаны ребра? Разве это оборона, а не умышленное убийство?* Вспомните показания потерпевшей Ястребовой» [172. С. 324]. Первый вопрос здесь - проблемный, он определяет тему спора. Казалось бы, никаких эмоций в себе не содержит. Но усилительная частица *же* и слово *оборону*, несущее в себе иронию, придают ему экспрессивность, создают эффект ожидания. Следующий вопрос, содержащий информацию-ответ на первый вопрос, усиливает экспрессивность, вносит в речь эмоциональный накал, и следующий вопрос - риторический - делает вывод из сказанного. В нем - пик эмоционального напряжения.

В результате использования вопросительных конструкций создается психологический и интеллектуальный контакт между ораторами и судьями,

исчезает пассивность слушателей, поддерживается интерес к теме выступления.

В речах дореволюционных судебных ораторов большое место отводилось психологическому анализу личности подсудимого, выяснению его психического состояния перед совершением преступления или в момент его совершения. С этой целью многими ораторами использовался прием внутреннего диалога подсудимого, чтобы раскрыть его мысли, переживания: «Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелою известностью. Роковой вопрос встал со всей его беспокойной настойчивостью. *Кто же вступится за поруганную несть беспомощного каторжника? Кто смоет, кто и как искупит тот позор, который навсегда неутешною болью будет напоминать о себе несчастному?»* (П.А.А.). Или: «Видно, мысль, на которую указывает Аграфена, в течение недели пробежала целый путь и уже облеклась в определенную и ясную форму - «тебе бы в Ждановку». Почему же именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. *Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее? Будет кровь, нож, явные следы... Отравить? Но как достать яду? Как скрыть следы преступления и т.д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство - утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок, - это время самое удобное»* (А.Ф.К.). Названный прием оказывал большое эмоциональное воздействие на присяжных заседателей и значительное влияние на решение дела.

Преобладание строгой логики рассуждений и доказательств над эмоциональным воздействием привело

к почти полному отсутствию этого приема в речах современных судебных ораторов. Он встречается крайне редко и бывает намного короче: «Задавая себе вопрос, виновен ли Прокошин в смерти Никитина и Богер, я отвечаю: «Да, виновен» [172. С. 321]. Приведем пример из речи Г.М. Резника, воображаемый диалог, который ведет сам с собой «отечественный здравомыслец»: «Враг вот он, известен - подданный Японии - Тадаши Окано. Это тот, кто склонил Пасько к шпионству, давал поручения собирать разнообразные сведения, постоянно получал их - о флоте, предприятиях оборонки, о социально-политической ситуации в Дальневосточном регионе. Почему он не пойман и не осужден, а затем помилован Президентом Путиным, как американец Поуп? Успел скрыться? Но ничего, если даже так: уголовное дело на него, конечно же, выделено...» [161. С. 69].

Выбор того или иного изобразительного средства зависит как от культуры мышления выступающего, от степени его красноречия, так и от конкретной речевой ситуации, от целевой установки оратора и предмета речи.

«Курсив в печати»

Используя изобразительные средства, судебный оратор не должен забывать, что они не спасут слабую по содержанию, неубедительную речь. Бездоказательное выступление нельзя скрасить риторическими приемами. Они являются лишь вспомогательным материалом для объективного исследования материалов дела, для

справедливой оценки тех или иных фактов; являются не целью, а средством, подчинены замыслу оратора, обусловлены содержанием речи. Они используются как средство успеха, а не как источник наслаждения. «Цветы красноречия - это курсив в печати, красные чернила в рукописи», - писал П.С. Пороховщиков. Чрезмерное использование изобразительных средств может отвлекать от материалов дела, как это случилось в следующем примере: адвокат решил рассказать о переживаниях и гневе подсудимого, когда тот, вернувшись домой из поездки, обнаружил, что его дом, оставленный в хорошем состоянии, приведен соседями в негодность. Для этого защитник использовал отрывок из произведения Франсуа Нуризье «Хозяин дома», в котором дана великолепная россыпь синонимов: «Все это расщепляется, трескается, лупится, коробится, вспучивается, ползет, окисляется, ржавеет, отсыревает, подгнивает, перекашивается, выцветает, плесневеет, рассыхается, оседает, дряхлеет, кренится на бок, грозит рухнуть, прогибается, провисает, идет пятнами, ветшает, сохнет, истрепывается и медленно рассыпается в прах».

Неуместны в судебной речи гипербола и гротеск, так как в ней не должно быть никаких преувеличений. Неуместен в ней и юмор. О «неуместной на суде веселости» говорил А.И. Урусов в речи по делу Мироновича (см. также с. 196-197).

Если вас интересуют рекомендации американских юристов по использованию изобразительно-выразительных средств, вот они: «Свои доводы вы облачаете в привлекательную, простую и четкую форму»; «Старайтесь удерживать внимание присяжных»; «Рисуйте словесные картины»; «Не

употребляйте юридического языка»; «Пользуйтесь повторами» [179].

Итак, цель судебной речи, убеждающей по своему характеру, - 1) логическими доводами доказать или опровергнуть какое-либо положение; прежде всего оратору следует обращать внимание на рациональный, логический аспект; 2) вызвать у слушателей определенные чувства. Этому в значительной степени содействуют выразительно-изобразительные средства языка.

Лингвистические термины

Метонимия - троп, в котором перенос значения слова происходит на основе смежности: *просторная аудитория; аудитория сыплет вопросы колючие; суд - орган правосудия; суд - здание, в котором помещается суд.*

Модальные слова - слова, с помощью которых говорящий (пишущий) выражает отношение к тому, о чем говорит: *невозможно, следует, должно* и др.

Паронимы - однокоренные слова, близкие по звучанию, но различающиеся оттенками значения: *виновный - виноватый, преступление - преступность.*

Фразеологические единицы - устойчивые, воспроизводимые, семантически несвободные сочетания слов: *суд не на осуд, а на рассуд.*

Вопросы для самопроверки

1. Как вы поняли воздействие? 2. Какова роль эмоционального воздействия в судебной речи? 3. Какие интеллектуализированные средства воздействия вы

знаете? 4. Что такое тропы? Какова роль каждого из них в судебной речи? 5. Какие фигуры речи и ораторские приемы используются ораторами в судебной речи? Каковы их стилистические функции? 6. От чего зависит использование изобразительных средств в судебной речи?

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. Экспрессивность - необходимая характеристика судебной речи.

2. Средства эмоционального воздействия в судебной речи.

3. Стилистические функции вопросительных предложений в судебной речи.

Практическая часть

Задание 1. Прочитайте несколько судебных речей, данных в Приложении, проследите в них функции вопросительных предложений. Приготовьте сообщение о функциях вопросительных конструкций в ораторской речи.

Задание 2. В речах Ф.Н. Плевако, данных в Приложении, выделите интеллектуализированные средства воздействия, отметьте эмоциональные средства. Проследите, какие приемы использованы оратором для создания групповых характеристик подсудимых. Какие изобразительные средства употреблены для раскрытия психического состояния Качки перед совершением преступления? Какие средства неприемлемы в современной судебной речи? Обоснуйте свою точку зрения.

Задание 3. В речи К.Ф. Хартулари в защиту Левенштейн проследите, как осуществляется полемика; выделите средства речевого воздействия. Какие риторические приемы использованы оратором, каковы их функции в речи?

Задание 4. Прочитайте несколько защитительных речей И.М. Кисенишского, проанализируйте их с точки зрения ответственности; отметьте, какими средствами, приемами достигается ответственность речей.

Задание 5. Прочитайте приведенный в Приложении раздел из книги: П. Сергеич Искусство речи на суде. Проанализируйте работу оратора-художника над языком речи.

Задание 6. Прочитайте речь Г.М. Резника по делу Пасько [161]; отметьте в ней тропы, фигуры речи, ораторские приемы. Выразите мнение, мешают ли изобразительные средства убедительности речи.

Задание 7. Прослушайте судебные прения в каком-либо судебном процессе, проанализируйте речи прокурора и адвоката с точки зрения ответственности речи. Возьмите интервью у одного из ораторов о его работе над речью.

Задание 8. Прочитайте речь В.Л. Россельса в защиту Семеновых. Она читается как художественное произведение. Проследите, как короткие предложения, повторы, внутренний диалог Семенова, прямая речь содействуют этому и создают доверительный тон.

Задание 9. Понаблюдайте за своей речью: какие изобразительно-выразительные средства характерны для нее.

Задание 10. Отметьте средства речевого воздействия в речи в защиту Шемберга и в речи в защиту Иванова. Выделите среди них средства привлечения внимания, средства эмоционального воздействия. Определите степень их ответственности.

Задание 11. Познакомьтесь с мнением ученых-юристов о «среднем стиле красноречия». Выразите мнение, в чем вы видите причины отсутствия изобразительных средств в современных судебных речах. Как вы к этому относитесь?

Тема 6. ТЕХНИКА РЕЧИ - СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно.

М.В.Ломоносов.

Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия

Это очень важная тема, так как культура звучания речи, ее звуковая выразительность, умение оратора говорить правильно и четко являются важным средством воздействия.

Сочетание сильного, звучного голоса, четкой дикции, правильной и выразительной интонации - все это называется техникой речи. Для судебного оратора владеть техникой речи - значит осмысленно управлять своим речевым аппаратом, умело и полно использовать голос, дикцию, интонации, паузы.

1.

Интонационно-выразительные средства

Восприятию речи в большой степени способствует **голос** оратора. Это совокупность разнообразных по высоте, силе и тембру звуков, возникающих вследствие колебания голосовых связок при разговоре, крике, пении. Голос - основной инструмент убедительности. Это тонкий, прекрасный инструмент, которым можно передать различные оттенки мысли и чувства.

Сила голоса

Сильный, гибкий, выразительный голос точно передает отношение говорящего к предмету разговора, передает все смысловые и эмоциональные оттенки речи. Желательно, чтобы он имел достаточную силу звука, чтобы его было слышно даже в последних рядах любой большой аудитории. Сила голоса - это способность убеждать, доносить до каждого члена суда свои мысли, чувства. Для этого голос должен изменяться по высоте, обладать широким диапазоном звучания и разнообразной тембральной окраской. Диапазон голоса - это его звуковой объем. Диапазон [от греч. dia rason] - расстояние между самым низким и самым высоким звуками голоса. Плавные переходы из одной тональности в другую придают речи выразительность, передают

мысли во всей их полноте и разнообразии оттенков. Бедность голосового диапазона приводит к монотонности, которая мешает вникнуть в существо дела, значит, притупляет восприятие речи. Если оратор слабо знает материалы дела, не продумал доказательства, - сразу наступают перебои голоса: он становится глухим, прерывистым, сдавленным. Восприятие речи снижается. Оратор с тонким, слабым, неуверенным голосом не сможет вызвать у слушателей уважительного отношения, не заставит их поверить тому, в чем пытается убедить. Поэтому важно учиться владеть голосом.

Дикция

Все содержание судебной речи передается посредством звуков. Одна и та же мысль в звучащем высказывании может быть выражена с разнообразными звуковыми оттенками. И довольно трудно бывает слушать невнятную речь, в которой отдельные звуки произносятся нечетко, искажают смысл слов. В этом усматривается нарушение этических требований, так как проявляется не только равнодушие, но и неуважение к суду, к присяжным, ко всем присутствующим в зале, которым приходится напрягать слух, чтобы разобрать, что говорит горе-оратор. Впечатление небрежной речи производят смазанные окончания слов, нечеткие звуки и слоги, нечеткая скороговорка.

Дикционно чистая речь - большое достоинство судебного оратора. Дикция - это отчетливое, ясное,

четкое произношение звуков, слогов и слов, соответствующее фонетическим нормам русского литературного языка. В четкости дикции проявляется культура оратора, его уважение к языку, уважительное отношение к суду и гражданам, слушающим судебный процесс. Четкую дикцию обеспечивает слаженная работа языка, губ и нижней челюсти. Половину слов, к сожалению, мы не слышим, а улавливаем по смыслу, например: *превращение* вместо *предотвращение*, *реакция* вместо *редакция*. А ведь должны без усилия различать: *обсуждение* - *осуждение*, *предложение* - *продолжение*, *снежная* - *смежная* и др. Желательно разрабатывать речевой аппарат, занимаясь дикционными тренировками^[66]. Хорошим помощником в этом являются чистоговорки и скороговорки. Научитесь, например, произносить *от топота копыт пыль по полю летит* и *около кола - колокола* медленно, выговаривая каждый звук, разъясняя, выделяя слова *пыль, колокола*; затем прочитайте уточняя, выделяя *от топота копыт* и *около кола*. Когда убедитесь в четкости произношения каждого звука, ускорьте темп, сохраняя при этом четкость дикции и смысл скороговорок. Научившись читать быстро, переходите к медленному темпу и опять к быстрому. Помните, что чем быстрее речь, тем более чистой должна быть дикция. Помимо упражнений, необходимо следить за своей повседневной бытовой речью; старайтесь не говорить не переводя дыхания, не напрягать мышц гортани; выговаривайте звуки четко и ясно. Только привыкнув к этому в обычном общении, возможно перенести навыки на судебную трибуну.

⁶⁶ См. работы З.В. Савковой [195-197].

Темп речи

Очень важно для судебного оратора соблюдение темпа речи, т.е. скорости произнесения речевых элементов. «Какая речь лучше, быстрая или медленная? - спрашивает П.С.Пороховщиков и отвечает: Ни та, ни другая; хороша только естественная, обычная скорость произношения, то есть такая, которая соответствует содержанию речи, и естественное напряжение голоса. У нас на суде почти без исключения преобладают печальные крайности; одни говорят со скоростью тысячи слов в минуту, другие мучительно ищут их или выжимают из себя звуки с таким усилием, как если бы их душили...» Далее приводит пример: «Обвинитель напомнил присяжным последние слова раненого юноши: «Что я ему сделал? за что он меня убил?» Он сказал это *скороговоркой*. - Надо было сказать так, чтобы присяжные услышали *умирающего*».

Темп речи зависит от содержания высказывания, от индивидуальных особенностей говорящего и его эмоционального настроения. Чаще всего судебные ораторы произносят речь с внутренним подъемом, в состоянии эмоционального напряжения, что проявляется в несколько убыстренном темпе выступления. Однако следует помнить, что слишком быстрый темп не позволяет усвоить всю выдаваемую информацию. А слишком медленная речь утомляет суд; при слишком медленном темпе создается впечатление, что речь оратора затруднена из-за слабого знания материалов дела, из-за отсутствия доказательств. Медленная речь,

как правило, оставляет судей равнодушными к предмету обсуждения.

Если даже речь будет произнесена в оптимальном темпе (что составляет примерно 120 слов в минуту), но без изменения его, то она все равно воспринимается с трудом, так как невозможно говорить о разных предметах (например, изложение обстоятельств дела и оценка действий подсудимого, изложение данных акта судебно-медицинской экспертизы и характеристика личности подсудимого) в одном и том же темпе. Анализируя материалы дела, судебный оратор рассуждает об истинности или ложности определенных доказательств, аргументирует, опровергает, делает выводы. Кроме того, почти в каждой судебной речи имеются так называемые общие места, в которых прокурор и адвокат ставят и разрешают моральные вопросы. Естественно, что все эти структурные части не могут быть произнесены в одном темпе. Наиболее важные из них произносятся в несколько замедленном темпе, чем подчеркивается значительность мыслей, их весомость, так как замедленный темп высвечивает мысль, подчеркивает ее, позволяет остановиться на ней внимание. Менее важные части произносятся несколько быстрее, легче; эмоциональная оценка каких-либо явлений также дается в несколько убыстренном темпе.

Речь прокурора воспринимается лучше, когда она произносится уверенно, неспешно, убедительно, и итог - объективность выводов.

Судебному оратору необходимо владеть и замедленным, «увесистым», авторитетным словом, и четкой, ясной по дикции скороговоркой. Очень важно для юристов вырабатывать речевой слух, умение слышать

звучание своей речи и оценивать ее. Это позволяет чувствовать темп и управлять им, а значит, помогает суду легко понять мысли оратора.

Мелодический рисунок речи

«Остерегайтесь говорить ручейком, - советовал П.С. Пороховщиков, - вода струится, журчит, лепечет и скользит по мозгам слушателей, не оставляя в них следа. Чтобы избежать утомительного однообразия, надо составить речь в таком порядке, чтобы каждый переход от одного раздела к другому требовал перемены интонации».

Действительно, выразительность звучания судебной речи в значительной степени создается интонационным богатством. Интонацией называется тональная окраска слов, последовательность тонов, различающихся по высоте, тембру, темпу. Тон - это высота звука, определяемая частотой звуковых колебаний; это высота звучания человеческого голоса. Тембр - природная звуковая окрашенность голоса, которая у каждого человека своя, неповторимая. Но тембр меняется в зависимости от физического и морального состояния оратора, от его отношения к собеседникам, к предмету речи.

Интонация является своеобразным музыкальным оформлением судебного выступления, повышает его экспрессивность и воздейственность. Большое значение интонационному рисунку судебной речи придавал П.С. Пороховщиков. «Неверно взятый тон может погубить

целую речь или испортить ее отдельные части, - пишет он и приводит пример из речи С.А. Андреевского по делу братьев Келеш. - Помните вы этот бесподобный отрывок: «Тихонько и тихонько работа внутри кладовой продолжается... Вот уже дыму столько, что его тянет наружу; потянулись струйки через оконные щели на воздух, стали бродить над двором фабрики, потянулись за ветром на соседний двор...» Самые слова указывают и силу голоса, и тон, и меру времени. Как вы прочтете это? Так же, как «Осада! приступ! злые волны, как воры, лезут в окна...», как «Полтавский бой» или так, как «Простишь ли мне ревнивые мечты?»? Не думаю, чтобы это удалось вам. А нашим ораторам удастся вполне; сейчас увидите.

Прочтите следующие слова, подумайте минуту и повторите их вслух: «Любовь не только верит, любовь верит слепо; любовь будет обманывать себя, когда уже верить нельзя...» А теперь догадайтесь, как были произнесены эти слова защитником. Угадать нельзя, и я скажу вам: *громовым* голосом».

С помощью изменения тона создается мелодический рисунок речи. Прочитайте, например, вслух следующий текст: «Прошу вас, уважаемые присяжные заседатели, обратить внимание на один знаменательный факт. Из 600 долларов США, полученных Ромахом от Капустиной, он потратил всего 100 долларов. И знаете на что? Он приобрел себе бронезилет, в котором приехал в ГУВД МО. Дальше события разворачивались, как в детективе» [172. С. 364]. Сколько здесь интонационных переходов! Уважительным тоном, несколько размеренно произносятся слова *Прошу вас, уважаемые присяжные заседатели*. Повышением тона и несколько замедленным темпом отмечено словосочетание *знаменательный факт*.

Переход из одной тональности в другую наблюдается при произнесении вопросительного предложения *И знаете на что?* Психологическая, интригующая пауза после него также повышает интерес и внимание к речи оратора. Впечатление такое, что прокурор беседует с присяжными заседателями, объясняет им факты, включает их в свои рассуждения. Это очень важно. Вспомните: «Иными должны стать ораторские приемы, логика изложения» [217].

Желательно, чтобы судебный оратор умел придавать речи мелодическое разнообразие. Богатыми интонационными рисунками отличались защитительные речи Ф.Н. Плевако, и это в значительной степени повышало воздействие его речей на присяжных заседателей. «Главная его сила заключалась в интонациях, в подлинной, прямо колдовской заразительности чувства, которыми он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы», - вспоминал В.В. Вересаев. А.Ф. Кони в воспоминаниях о Ф.Н. Плевако писал, что во время произнесения защитительных речей на него «накатывало» вдохновение, его лицо «освещала внутренняя красота, сквозившая то в общем одушевленном выражении, то в доброй, львиной улыбке, то в огне и блеске *говорящих* глаз. Его движения были неровны и подчас неловки; неладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришепетывающий голос шел, казалось, вразрез с его призыванием оратора. Но в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе». «Гармоническим», по словам А.Ф. Кони, голосом обладал С.А. Андреевский, который говорил «нередко с тонкой и всегда уместной иронией». Сам А.Ф. Кони умел

посредством интонации передать тончайшие оттенки мысли и чувства.

К сожалению, некоторые современные судебные ораторы мало заботятся о модуляции голоса, отчего их выступления становятся монотонными, скучными, теряют убедительность, так как речь кажется робкой; думается, что «говорящий сам не уверен в ценности своих слов и верности своих юридических соображений»^[67]. Как правило, монотонной, тихо звучащей речь бывает в тех случаях, когда прокурор или адвокат слабо знают материалы дела; от этого они проявляют равнодушие к слушающим, испытывают скованность, которой соответствует интонационная обедненность речи. Оратор говорит вяло, как бы нехотя. В таких речах почти всегда отсутствуют изобразительные средства, для использования которых (например, контраста, риторических вопросов, градации, повторов) говорящему не хватает ни силы голоса, ни навыков.

Каждому выступающему полезно мысленно ставить себя на место судей, которым приходится из процесса в процесс выслушивать монотонные, невыразительные речи. Равнодушный прокурор или адвокат не учитывает того, что модуляция голоса, тембрирование, тон являются важными, с точки зрения психологии, коммуникативными средствами: с их помощью возможно выразить разную степень утверждения, разные оттенки вопроса. Психологами подсчитано, что интонация может нести до 40% информации. Например, оратор, говорящий внушительным тоном, демонстрирует свою напористость, психологически давит на аудиторию. Это

⁶⁷ Сергеич П. Уголовная защита: Практические заметки. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1913. С. 241.

одна из уловок в споре. Уловка - любой прием, с помощью которого говорящий пытается облегчить спор для себя и затруднить его для другой стороны.

Это некорректное средство спора. Самоуверенный, решительный, запелляционный тон способствует внушению. Внушение - это воздействие на волю и сознание человека с целью внушить ему определенные мысли. Рассудительные, убеждающие интонации, эмоциональные реакции обвинителя или защитника помогают судьям обратить внимание на те или иные вопросы, освещаемые оратором.

«Говорить надо громко, ясно, отчетливо (дикция), немонотонно, по возможности выразительно и просто. В тоне должна быть уверенность, убежденность, - советовал А.Ф. Кони, -...следует вообще менять тон - повышать и понижать его в связи со смыслом и значением данной фразы - и даже отдельные слова (логическое ударение). Тон подчеркивает». Логическое ударение выделяет целое слово, наиболее значимое. В высказывании *Иванов виновным себя не признал* логическое ударение падает на слова *не признал*, так как судебному оратору важно выявить отношение Иванова к предъявленному ему обвинению. В высказывании *Иванов виновным себя признал частично* логическое ударение выделяет слово *частично*, так как важно выяснить, как Иванов признался: полностью или частично. В высказывании *Сомов совершил преступление* в зависимости от цели высказывания могут быть два варианта постановки логического ударения: если цель - сообщить что-то о Сомове, то выделим слова *совершил преступление*, если же важно подчеркнуть, кто совершил преступление, логическое ударение сделаем на фамилии. В высказывании *Остроумные выходки Урусова иногда*

кололи очень больно также имеются варианты логического ударения: чтобы показать действие остроумных выходок Урусова, выделим слово **кололи**; чтобы показать степень их воздействия, выделим слова *очень больно*.

В речи по делу Сарры Мадебадзе П.А. Александров, цитируя записанные в обвинительном акте со слов свидетеля показания одного из обвиняемых «Если не будем хлопотать по нашему делу, если будем сидеть сложа руки, то докажется (окажется) наша вина», замечает: «Тут два смысла, и все зависит от того, над каким словом сделать повышение голоса. «Докажется» наша вина - понятно, что дело идет о действительно совершенном преступлении; повысьте голос над словом «наша» - смысл будет другой: взвалют на нас и окажется наша вина». Таким образом, логическое ударение подчеркивает логическую перспективу высказывания. Но выделять надо только то слово (или слова), в котором заключен смысл высказывания, иначе разрушится его логическая перспектива. Логическое ударение выражается не обязательно усилением звука, нужное слово можно выделить сменой темпа, логическими паузами, повтором. Советский адвокат и теоретик судебной речи В.Д. Гольдинер отмечал, что «разнообразные средства звуковой выразительности - интонация, повышение и понижение голоса - помогают судебному оратору подчеркнуть ту или иную мысль» [59. С. 136]. Вот почему воспитание культуры звучания речи является важным для юристов, выступающих в судебных прениях.

Паузы

Судебному оратору необходимо донести до участников процесса тончайшие смысловые оттенки своей речи. Нужно научиться своевременно делать паузы, которые очень важны, потому что они являются средством смыслового и эмоционального выделения слова или словосочетания. Пауза - это временная остановка звучания, разрывающая поток речи, вызываемая разными причинами и выполняющая различные функции. В потоке устной речи нередко возникают паузы обдумывания, в течение которых говорящий формулирует мысль, находит наиболее нужную форму выражения, подбирает языковые средства. Пауза дает возможность подумать, к какой мысли следует перейти дальше. Она позволяет важным мыслям глубже запасть в сознание слушателей.

В зависимости от функции выделяются паузы логические и психологические. Логические паузы, отделяющие один речевой отрезок от другого, формируют высказывание, помогают уяснить его смысл. Рассмотрим пример: *Товарищи судьи || Дело | по которому | вам предстоит вынести приговор | является на мой взгляд | не совсем обычным.* Логически значимыми в высказывании выступают слова *является на мой взгляд | не совсем обычным*, они отделены логической паузой. Логический центр в них - *не совсем обычным*, он помещается в конце высказывания и также отделяется логической паузой. В примере *Особенно неприятно | наблюдать | когда за такие преступления | на скамье подсудимых оказываются | молодые люди |*

только что переступившие порог совершеннолетия логические паузы выстраивают перспективу высказывания. Они делят фразу на логические сегменты, наиболее значимый из которых стоит в конце высказывания: *на скамье подсудимых оказываются / молодые люди* и т.д. Логический центр *только что перешагнувшие порог совершеннолетия* также отделяется логической паузой. Логические паузы, как видим из примеров, возникают внутри высказываний, между высказываниями; паузами оформляется переход от одной мысли к другой. Они позволяют более точно оформлять течение мысли, подчеркивать важные моменты, важные слова, сосредоточивать на них внимание, повышают целенаправленное восприятие речи.

Психологические паузы позволяют привлечь внимание к наиболее важной, наиболее значимой части высказывания. Они, по точному определению К.С. Станиславского, «дают жизнь» высказыванию. Они подчеркивают эмоциональные моменты, создают определенный эмоциональный настрой, усиливают психологическое воздействие речи. «Там, где, казалось бы, логически и грамматически невозможно сделать остановки, там ее смело вводит психологическая пауза». Важны психологические паузы в таких композиционных частях, как «Изложение обстоятельств дела», «Характеристика личности подсудимого», «Причины, способствовавшие совершению преступления». В примере *Скоро / очень скоро / вы удалитесь в совещательную комнату / для того // чтобы постановить приговор* рассчитанные, умело выдержанные паузы, особенно после слов *в совещательную комнату*, сосредоточивают внимание подсудимых и всех

находящихся в зале, заставляют задуматься о судьбе молодых людей, сидящих на скамье подсудимых. Даже говоря о квалификации преступления или о мере наказания, оратор может с большим эффектом и эффективностью использовать психологические паузы: *С учетом тяжести / совершенного преступления / личности подсудимого / я прошу определить меру наказания / сроком //...* Паузы после слов *с учетом тяжести совершенного преступления*, после слов *меру наказания* и *сроком* - это логические паузы: они делят высказывание на логические сегменты и оформляют перспективу высказывания; однако если одну из пауз задержать на пять-шесть секунд, она станет в большей степени психологической, так как до предела мобилизует внимание подсудимого и присутствующих в зале суда граждан, создаст эффект ожидания, подсудимого заставит по-настоящему понять то, что он совершил. И если оратор глубоко и объективно проанализировал обстоятельства дела, дал правильную правовую и заслуженную моральную оценку совершенного деяния, зал согласится с мнением оратора.

Особенно важна с точки зрения психологии начальная пауза, во время которой аудитория знакомится с оратором, настраивается на него. Теоретики ораторского искусства советуют не начинать речь немедленно, а сделать паузу в 10-15 секунд, в течение которой оратор устанавливает зрительный контакт с аудиторией. Подобное поведение судебного оратора, поднявшегося для произнесения речи, может показаться несколько неуместным, так как зрительный контакт с аудиторией установлен уже в продолжение судебного следствия, к тому же судебная речь обращена прежде всего к суду, к присяжным заседателям. Поэтому

начальную паузу скорее всего следует сделать после обращения *Ваша честь, господа присяжные заседатели, уважаемый суд, уважаемые присяжные заседатели*, и она покажет равнодушие судебного оратора к данному делу и его волнение и активизирует внимание слушателей. Начальная пауза окажет еще большее психологическое воздействие, если после нее оратор негромко, в несколько замедленном темпе начнет говорить об особенностях данного дела или о трудности задачи, стоящей перед ним в данном процессе. Это придаст его словам весомость. Однако не следует злоупотреблять паузами, так как от этого речь становится отрывистой, создает впечатление плохой подготовленности оратора к ее произнесению.

Роль интонационно-выразительных средств в речи судебного оратора показал А.П. Чехов в рассказе «Сильные ощущения», где молодой человек, влюбленный в свою невесту, под влиянием экспрессивной речи своего друга-адвоката писал ей отказ^[68]:

«...- Я тебе говорю: достаточно мне десяти - двадцати минут, чтобы ты сел за этот самый стол и написал отказ своей невесте.

И адвокат заговорил о недостатках моей невесты. Теперь я отлично понимаю, что это говорил он вообще о женщинах, об их слабых сторонах вообще, мне же тогда казалось, что он говорит только о Наташе. Он восторгался вздернутым носом, вскрикиваниями, визгливым смехом, жеманством, именно всем тем, что мне так в ней не нравилось. Все это, по его мнению, было бесконечно мило, грациозно, женственно.

⁶⁸ Вспомните также рассказ А.П. Чехова "Случай из судебной практики".

Незаметно для меня он скоро с восторженного тона перешел на отечески назидательный, потом на легкий, презрительный... Приятель говорил не новое, давно уже всем известное, и весь яд был не в том, что он говорил, а в анафемской форме. То есть черт знает, какая форма! Слушая его тогда, я убедился, что одно и то же слово имеет тысячу значений и оттенков, смотря по тому, как оно произносится, по форме, какая придается фразе. Конечно, я не могу передать вам ни этого тона, ни формы, скажу только, что, слушая приятеля, я возмущался, негодовал, презирал вместе с ним...

Хотите, верьте, хотите - нет, но в конце концов я сидел за столом и писал своей невесте отказ...»

2. Произношение

Одним из важных показателей речевой культуры судебного оратора, необходимым условием ясности и доходчивости речи является литературное произношение, отражающее бережное отношение к слову.

Хотя полной унификации литературного произношения нет и существуют произносительные варианты, связанные с территориальными признаками или имеющие стилистическую окраску, в целом современные орфоэпические нормы представляют собою последовательную совершенствующуюся систему.

Разберем те правила произношения (орфоэпические нормы), которые имеют значение в речевой практике судебного оратора: произношение безударных гласных, твердых и мягких согласных, сочетаний согласных.

Произношение гласных

1. Нам приходится иногда слышать *поблекнуть* - *поблѣкнуть*, *современный* - *современный*. Подобные явления - результат длительного, сложного перехода э в о под ударением после мягких согласных. В настоящее время с о под ударением произносятся слова: *звѣздный* - *з[в'о]здный*^[69], *запечатленный*, *коленипреклоненный*,

⁶⁹ Чтобы показать, как произносить звуки, используются условные обозначения. Та часть слова, произношение которой регламентируется правилом, выделяется прямыми скобками []. Редуцированные звуки, т.е. произносимые ослабленно, неясно, обозначаются знаками г", ь. Мягкое произношение согласных

поднёсший, перекрёстный, разношёрстный, поблёкший, отёкший, раскалённый, белёсый. Наряду с этим является нормативным произношение э: *атлет* - ат[л'э]т, *афера*, *валежник*, *истекший*, *опека*, *современный*, *оседлый*, *отцветший*, *акушер*. Слова *желчь*, *маневр* имеют варианты произношения: [жэ]лчь - [жо]лчь, ма[н'э]вр - ма[н'о]вр. Произношение э объясняется влиянием правописания, а также однокоренных форм, напр.: *опекать, отцвести, оседать, желчегонное* и др.

2. Гласные *а* и *о* в неударных слогах, кроме первого предударного, редуцируются, т.е. произносятся неполным голосом и менее отчетливо, чем под ударением, например, [п'ьпра]сил - *попросил*, ра[д'ь]сть - *радость*. В первом предударном слоге *а* и *о* произносятся как краткий *а*, т.е. его артикуляция менее продолжительна, чем артикуляция ударного, сравните: [за]бава, [ка]стюм, [на]жом, [ра]нение. Не следует произносить в первом предударном слоге *ы* вместо *а* и *о*, так как могут возникнуть ненужные ассоциации: [мы]шинная работа (*машинная работа*). *А* и *о* в начале слова произносятся как *а*. [а]блава, [а]пределение, [а]ткрывать, [а]пекун, [а]перация.

В словах иноязычного происхождения *а* и *о* произносятся так же, как и в словах исконно русских: [ба]кал, [б'ьта]рея - *батарея*, [к'ь]ридор - *коридор*. Заимствованные слова с безударным *о*, такие, как *роман, концерт, поэт, бокал, поэма*, еще в начале XX в. произносились с *о*, однако под влиянием аканья, характерного для русского языка, нормативным стало произношение *а*. Безударное *о* в них произносится в торжественной речи. Устойчивое произношение с

обозначается знаком ; сравните: [п'ат'] - пять.

безударным *о* сохраняют лишь некоторые слова, напр.: *коллеги, оазис, боа*.

3. *А* после твердых согласных *ж, до, ц* в первом предударном слоге произносится как несколько ослабленный звук *а*: *[ша]таться, [ца]рапать*. Произношение звука *ы* в этом положении устарело. Только в отдельных словах может произноситься *ы*, близкий к *э*: *[жыэ]леть, к со[жыэ]лению, ло[шыэ]дей*. Произношение *жа, та* в этих словах является неправильным.

В других безударных слогах после твердых согласных и *ц* произносится редуцированный *ь*: *[шъ]ловливый (шаловливый), [Шаповалов (Шаповалов)*. После мягких шипящих *ч* и *щ* в первом предударном слоге на месте *а* произносится звук, средний между *и* и *е*: *[щие]дить - щадить, [ч'ие]сы - часы, по[ч'ие]стям - по частям*. Произношение *а* и *и* в подобных случаях устарело. В остальных безударных слогах на месте *а* после *нищ* произносится редуцированный звук, напоминающий краткий *и*: *[чъ]совщик*.

4. *А* и *я* в безударных окончаниях глаголов 2-го спряжения 3-го лица множественного числа произносятся так же, как и в других случаях после ударения, с редуцированным *ь* и *ь*: *про[с'т] - просят, дер[жът] - держат, го[път] - гонят, ды[шът] - дышат*. Произношение этих окончаний как *-ут, -ют*, соответствующее старой московской традиции, вышло из употребления.

5. *Е* и *я* после мягких согласных в первом слоге перед ударением произносятся как звук, средний между *и* и *е*. Значит, *менять, истязать, вести, повреждения* произносятся так: *[мие]нять, ис[тие]зять, [вие]сти,*

по[рие]ждения. Отчетливое произношение *и* в этих случаях считается нелитературным.

6. *Е* в первом предударном слоге после *ж, ш, ц* произносится как звук, средний между *ы* и *э*: *[жыэ]на - жена, [цыэ]на - цена, о[цыэ]нить, [жыэ]стокий*. Недопустимо в этом случае произносить отчетливо *ы*. В остальных предударных слогах после твердых согласных *ж, ш, ц* произносится редуцированный *ь*: *[шь]потком - шепотком, [ць]ремониал - церемониал, [жъ]лоба - желоба*.

7. *И* в начале слова, стоящего в потоке речи после предлога или слова, оканчивающегося согласным звуком, произносится как *ы*: *в[ы]зобилии - в изобилии, с[ы]спытаниями - с испытаниями, простым [ы]сполнителем - простым исполнителем*. В середине сложных слов на стыке согласного и *и* произносится *ы*: *лит[ы]здат, спор[ы]гра - спор, игра*.

8. В окончаниях *-ый, -ий* прилагательных и причастий *ы* и *и* произносятся в соответствии с написанием: *преступный, ранний, несовершеннолетний*. Вариант произношения в этом случае редуцированного *о[ъ]* и редуцированного *е[ъ]*: *ран[ный], преступ[ный]* - менее принят.

В окончаниях прилагательных на *-гий, -кий, -хий* типа *хулиганский, легкий, тихий, пегий* произношение *ы* не соответствует литературной норме.

Произношение согласных

1. Звук *г* в русском языке взрывной: *гордость, глубокий*. Фрикативный звук (обозначим его латинской буквой *Л*) сохраняется в междометиях *а[һ]а, [һ]осподи*, в слове *бу[һ]алтер*, в словах церковного происхождения *бо[һ]а, бо[һ]атство*. В окончании родительного падежа единственного числа имен прилагательных, причастий, местоимений и порядковых числительных *г* произносится как *в*: *доброто, исправительного*, точно так же в словах *сегодняя, итото*: *се[в]одняя, ито[в]о*.

Г произносится как *х* в именительном падеже единственного числа слова *бог* - *бо[х]*, а также в словах *легкий, мягкий*: *ле[х]кий, мя[х]кий*.

2. Согласные в конце приставок перед разделительным *ь* произносятся твердо: *по[дъ]ем, о[бъ]яснение, о[тъ]езд*; мягкое произношение согласного в подобных случаях устарело.

Перед разделительным *ь* все согласные, кроме *ж* и *ш*, произносятся мягко: *[бъ]ет, [пъ]ют, се[мь]я*.

3. Согласные *с, з, н* обычно произносятся мягко перед мягкими *д, з, н, с, т*, особенно внутри корня, а также на стыке корня и суффикса: *ко[с'т']и, по[сс'т']епенно, пре[с'т']иж, [з'д']есь, зо[н'т']ик*. Согласный *н* смягчается и перед *ч, щ*: *же[н'щ']ина, зако[н'ч']ить, по[нсч']ик*.

4. В старом московском произношении твердые согласные, оказавшись перед мягким *к*, чаще всего звучали мягко: *тря[п'к']и* и *спра[фк']и*. Сейчас такое произношение приобрело просторечный оттенок. Твердые *б, в, м, л, ф* сохраняют твердость перед мягкими губными: *[вб']ивать, са[пф']ир, о[бм']ереть, о[бв']инить*, а также перед *г, к, х*: *рю[мк']и, та[пк']и*.

Однако нелитературным считается твердое произношение губных согласных и **Н** в глаголах повелительного наклонения (*по-ста[ф]те, засы[п]те, подвиг[н]те* и т.д.) и в числительных: *се[м]десять*. Нормативным является мягкое произношение: *поста[ф']те, за-сы[п']те, подвиг[н']те, се[м']десять*.

5. Звук *р* перед мягкими согласными не смягчается, остается твердым и перед *г, к, х*: *оскве[рн']ение, утвер[рд']ить, в пу[р]г[е], ве[рф']*.

6. В русских и заимствованных словах перед гласным *е* произносится мягкий согласный звук: *[те]мп, пью[не]р, аг[ре]ссор, ши[не]ль, [те]рмин, ака[де]мия, конг[ре]сс, де[фе]кт, кон[те]кст, [ре]йс, брю[не]т, [се]ссия, [де]када, [де]градация, аква[ре]ль, [де]фис*. Произношение этих слов с твердыми согласными, как *ши[нэ]ль, ака[дэ]мия, [сэ]ссия*, является неестественным, нарушает орфоэпическую норму. Вместе с тем некоторые термины, книжные слова произносятся с твердым согласным: *а[дэ]кватно, а[тэ]лье, а[нэс-тэ]зия, [дэ]понировать, ан[тэ]нна, [тэндэ]тхля, анти[сэ]птика, то[ннэ]ль, стюар[дэ]сса, ти[ре], апар[тэ]ид, про[тэжэ], ар[тэ]рия, [кэ]мпинг, [дэ]-факто, [дэ]-ю[рэ]*. Некоторые слова, обозначающие бытовые явления, предметы, также произносятся с твердым согласным: *[тэ]рмос, бу[тэ]рброд, бифш[тэ]кс*. Слова *дендрарий, стратегия, дельта, интервал, интеграл, тезис* имеют твердый и мягкий варианты произношения.

7. В суффиксе *-изм* согласный *з* произносится твердо: *профессионализм, реализм, романтизм*. Мягкое произношение *з'м* - нелитературное.

8. Отчетливо, как долгий звук, должны звучать двойные согласные, так как выпадение одного из них

может изменить смысл слова: *ввоз - воз, вводная - водная, труппа - трупа, из здания - издание*. Тенденция к упрощению двойного согласного - в предупредительном слоге корня слова, например: *акорд (аккорд), грамматика (грамматика), субота (суббота)*, и в конце слова (*метал, грам - металл, грамм*), а также перед согласными: *группка (группка)*.

9. Возвратный суффикс *-ся (-сь)* в глаголах и деепричастиях произносится мягко, в соответствии с написанием: *готовился, научился*. Твердое произношение встречается в речи представителей старшего поколения. Однако после *с (з)* и сейчас суффикс *-ся* произносится твердо: *не[ссь] - неся, распол[ссь] - расползся*.

Произношение сочетаний

1. Сочетание *чн* произносится так, как пишется: *поточный, сердечный, раздаточный, съемочная*. Если в конце XIX - начале XX в. многие слова произносились с *шн* (*було[шн]ая, сливо[шн]ое, мо-ло[шн]ик, брусни[шн]ик, беспорядо[шн]ый, взято[шн]ик*), то в настоящее время такое произношение воспринимается как устаревшее. Сочетание *шн* произносится в немногих словах: *коне[шн]о, ску[шн]о, деви[шн]ик, скворе[шн]ик, яи[шн]ица, праче[шн]ая, пустя[шн]ый, наро[шн]о*, а также в отчествах женщин: *Ильини[шн]а, Кузьмини[шн]а, Никити[шн]а, Савви[шн]а, Фомини[шн]а*. Слово *горчичник* имеет варианты произношения: *чн* и *шн*. Орфографическое произношение преобладает и у сочетания *чт*: *чтение, почта, почтение, учти, мачта*,

сочтемся, чтить, почти и др. Однако в словах *что, чтобы* традиционно произносится *шт*.

2. Сочетания *сш, зш* произносятся как *шш*: *[шш]ил - сшил, влешш[ий] - влезший, бе[шш]умно - бесшумно*.

Зш обычно произносится как *жьжь*: *приеш[ж'ж']ать - приезжать, по[ж'ж']е - позже*, но это же сочетание произносится твердо, если *з* входит в приставку, а *ж* - в корень слова: *и[жж]ога - изжога, и[жж]арить - изжарить, ра[жж]игать - разжигать*.

Сочетания *зж* и *жж* внутри корня произносятся как мягкий долгий *ж*: *дро[ж'ж']и, брю[ж'ж']ать, по[ж'ж']е*. Сочетания *зж, еж* на стыке приставки и корня произносятся как долгое твердое *ж*: *ра[жжы]жена - разжижена, ра[жжэ]чь - разжечь, [жжэ]чь - сжечь*.

3. В сочетаниях *здн, стн, стл, рдц* средний звук не произносится (так называемые непроизносимые согласные): *по[зн]о - поздно, изве[сн]ый - известный, сча[сл]ивый - счастливый, се[рц]е - сердце*.

В словах *солнце, здравствуйте* не произносятся звуки *л, первый в*: *со[нц]е, здра[ств]уйте*.

Сочетания *-тся, -тьея* в глаголах 3-го лица и неопределенной формы произносятся как *-цца*: *собираеш[цца]- собирается, собираеш[цца] - собираться, обвиняеш[цца], признаеш[цца]*.

4. Женские отчества от имен на *-ей* (*Алексей, Андрей, Сергей*) произносятся стяженно, т.е. вместо *-еевна* звучит *-евна*: *Алекс[евн]а, Андр[евн]а*. Отчества же от более редких имен (*Авдей, Евсей, Елисей, Корней, Пантелей, Фаддей*) произносятся без стяжения: *Авдеевна, Евсеевна* и т.д. Отчество *Николаевна* произносится стяженно: *Никол[авн]а*, а менее

распространенное *Ермолаевна* произносится без
стяжения.

Следует помнить, что неправильное произношение
свидетельствует о низкой речевой культуре оратора.

3. Благозвучие

Благозвучие речи, или эвфония (греч. euphonia - из ей - хорошо + rphonia - звук), связано с эстетической оценкой звуков русского языка и предполагает сочетание звуков, удобное для произношения и приятное для слуха.

Благозвучные и неблагозвучные звуки

В русском языке звуки воспринимаются как эстетические и неэстетические, ассоциируются с понятиями «грубые» (*хам, хрыч*) - «нежные» (*мама, милая, лилия, любовь*); «тихие» (*тихий, шепот, писк*) - «громкие» (*кричит, зовет, ревет*). Гласные звуки, сонорные *л, м, н, р*, а также звонкие согласные считаются музыкальными, они придают речи красоту звучания. Вслушайтесь в слова: *плавно, звонкий, говор*. Прочитайте вслух и прислушайтесь, какую строгость придают речи адвоката звуки *р* и *р'*: *Приговор не может быть построен на предположениях*. Звуки *ж, ш, щ* и сочетания *жд, вш, ющ* относятся к неблагозвучным, и их повторение в речи нежелательно.

Прочитайте приведенный ниже текст и убедитесь в этом сами: «Я полагаю, что когда вы представите себе этого подсудимого..., *идущего* без всякой цели... затем совершающего убийство... и спокойно переменяющего белье, вытирающего руки и выбирающего имущество...; когда вы представите себе этого человека, рассчитанно

запирающего дверь, уходящего и, наконец, гуляющего и пьянствующего..., то, я думаю, вы признаете, что у такого человека мысль о преступлении явилась не случайно...». С другой стороны, это хороший изобразительный прием: повторение шипящих звуков нагнетает удручающее состояние, подчеркивает его.

Причины неблагозвучия

В русском языке сочетание согласных подчиняется законам благозвучия. Все, что затрудняет артикуляцию, создает неблагозвучие, например, частотность сочетаний *взгр, вздр, встр*. Еще М.В. Ломоносов советовал: «остерегаться... слова... друг подле друга ставить, из которых первое на много согласных литер кончится, а другое многими согласными литерами начинается, для того, что ими в произношении язык весьма запинается и речь падает негладко, например: *всех чувств взор есть благороднее*». Трудны для произношения фамилии *Стржельчик, Смчакова, Прцклава, Ястржембский, Стрджан, Брчакова, Мкртчян*.

Скопление одинаковых согласных также снижает благозвучие речи, создает однообразие. Неблагозвучным является высказывание, построенное прокурором: *Свидетель Свиридов в своих показаниях | подтвердил фактически | факт фальсификации | продуктов | продавцом Смышляевой*. Или: *После всех многочисленных, каждодневных издевательств, страданий мстить стало его страстным стремлением*. Или:

Запасы боеприпасов представляют постоянную опасность.

Неблагозвучным и не характерным для русского языка является и так называемое зияние, т.е. сочетание двух-трех гласных: *слово о обновлении, Аракнаа, Уодай, Уотчаа*. Поэтому некоторые заимствованные слова претерпевают фонетические изменения в соответствии с законами русского языка: *Иоанн - Иван*.

Неблагозвучие речи вызывает и повторение некоторых гласных, как *и-о-и-о* в примере, приведенном П.С. Пороховщиковым: «Многие наши ораторы, закончив определенный период, не могут перейти к следующему иначе, как томительными, невыносимыми словами: *и вот*. Прислушайтесь к созвучию гласных в этом выражении, читатель. И это глупое выражение повторяется почти в каждом процессе с обеих сторон: «И вот поддельный документ пускается в обращение», «И вот у следственной власти возникает подозрение». Неблагозвучие могут создавать и некоторые аббревиатуры: *ДЮСШ* - добровольная юношеская спортивная школа, *ЭОАСТР* - экспедиционный отряд аварийно-спасательных технических работ.

Бывают случаи, когда одинаковые слоги стоящих рядом слов образуют новое слово, совершенно неожиданное для самого автора, напр.: *Ради смеха Хахуров / решил понимаете / попугать Зайко ножом*. Или: *Он же ребенок!* Или: *Он писал стихи, хитроумно подбирая рифмы, ловко жонглируя пустыми словами*.

Выпадение согласных (например, *кажеца* вместо *кажется*, *военый* вместо *военный*, *не одам* вместо *не отдам*), а также исчезновение целых слогов (*че-ек* вместо *человек*, *та-ащи* вместо *товарищи*, *со-ршенно* вместо

совершенно) делает речь неразборчивой, неэстетичной, хотя в разговорной речи подобные явления оправданы законом экономии речевых средств. Сравните: *тыща* вместо *тысяча*, *Сан Саныч* вместо *Александр Александрович*.

Непроизвольная ритмизация, а также случайная, неуместная рифма являются недостатком речи, вызывают неблагозвучие: *Товарищи судьи // Продолжительность процесса / длится несколько часов.* Или: *Я думаю товарищи судьи / что процесс этот будет хорошим уроком.* Или: *Бремя на время свалилось с плеч.*

Благозвучие - одно из необходимых качеств хорошей речи^[70], обязательное требование культуры речи, так как затрудненная артикуляция, неоправданное повторение одинаковых сочетаний звуков мешают восприятию материала.

⁷⁰ Под "хорошей" речью А.Ф. Кони понимал убеждающую, "претендующую на влияние" речь.

4. Ударение

Важным элементом звуковой организации речи является соблюдение акцентологических норм, связанных с постановкой ударения в слове. «Словесное ударение, - пишет З.В. Савкова, - оформляет слово. Оно цементирует его, стягивает звуки и слоги в единое целое - слово, не давая ему распасться» [196. С. 12]. Действительно, основной функцией словесного ударения является фонетическое объединение слова, выделение слова в речи. Кроме того, ударение играет роль смыслоразличительного средства: *пили - пили, трусит - трусит, замок - замок, пора - пора.*

Подвижное ударение

Ударение в русском языке свободное, не фиксированное на определенном слоге; оно может падать на приставку (*выполнил, на́бело*), на корень слова (*пишет, приговор, рассказ*), на суффикс (*осуждённый, долженствовани́е*), на окончание: *земля, судья, голова*. К тому же оно подвижное, т.е. может менять место при изменении формы слова: *вода- воды, судьи - судей, оговор - оговорить, эксперимент - экспериментировать* и др. Кроме того, некоторые слова имеют варианты в постановке ударения, напр.: *отлитый* и *отлитый*, *залитый* и *залитый*, *татуированный* и *татуированный*, *обжитой* - *обжитый*, *дочиста- дочиста*, *облил* и *облил*, *родился* - *родился*, *недвижимый* и *недвижимый*, *лавровый* - *лавровый*; *возбудишь*,

допустимо *возбудишь*; *нажитый*, допустимо *нажитой*, *нажитый*; *мышление*, допустимо *мышление*; *мастерски*, допустимо *мастерски*; *килограммовый*, допустимо *килограммовый*; *индустрия*, допустимо *индустрия*; *допитый*, допустимо *допитый*; *хвоя*, допустимо *хвоя*; *холеный*, допустимо *холеный*; *угля*, допустимо *угля*; *умерший*, допустимо *умерший*; *разряжённый*, допустимо *разряженный*; *принудить*, допустимо *принудить*; *симметрия*, допустимо *симметрия*; *ржаветь*, допустимо *ржаветь*; *баржа*, допустимо *баржа*; *ракурс*, допустимо *ракурс*; *диоптрия*, допустимо *диоптрия*; *петля*, допустимо *петля*; *настороженный*, допустимо *насторожённый*. Некоторые из вариантов воспринимаются как устаревшие: норма - *украинский*; *украинский* - устар.; норма - *фланговый*; *фланговый* - устар.; норма - *блокировать*; *блокировать* - устар. Колебания в постановке ударения - это неизбежное, объективное явление, связанное с развитием акцентологической нормы.

В современном языке нередко колебания в постановке ударения в некоторых прилагательных. Можно услышать, например, *запасный*, *громовый*, *жестяный*, *заводский*, *бортовой* и: *запасной*, *громовой*, *жестяной*, *заводской*, *бортовой*. Словари XIX в. давали как норму варианты *заводский*, *запасный*. Новое ударение на конце слова появилось в начале XX в. в разговорной речи. Но в 1952 г. в Большой Советской Энциклопедии указывалось: *заводской комитет*. В настоящее время ударение на корне слова является устаревшим, нормативное ударение - на окончании. Словарь ударений рекомендует *запасной* (но *запасный выход*). Колебания в ударении у некоторых прилагательных связаны с различием в семантике этих

слов: *подвижной* - способный перемещаться, *подвижный* - отличающийся легкостью, быстротой движений; *чудной* - странный, вызывающий недоумение; *чудный* - исполненный очарования; *языковой* - имеющий отношение к языковым средствам, явлениям; *языковый* - имеющий отношение к органу в ротовой полости: *языковая колбаса*.

Нарушения в постановке ударения

На постановку ударения оказывают влияние территориальные и социально-профессиональные диалекты. Так, шахтеры произносят *рудник* вместо *рудник*, медики - *алкоголь* вместо *алкоголь*. Влиянием диалектов объясняется ударение в следующих примерах: *случай* вместо *случай*, *ремень* вместо *ремень*, *родится* вместо *родится*, *хозяйева* вместо *хозяйева*, *брала* вместо *брала*, *весело* вместо *весело* и др. Разговорными являются варианты *полшага*(вместо *полшага*), *добытые* (надо: *добытые*).

Юристы, к сожалению, также довольно часто нарушают акцентологические нормы, произнося *эксперт* вместо *эксперт*, *дактилоскопия* вместо *дактилоскопия*, *осужден* вместо *осуждён*, *возбуждено* вместо *возбуждено*, *добытые доказательства* и некоторые другие. Но то, что допустимо в речи шахтеров, непозволительно в правовой сфере общения, нетерпимо

в правовой сфере, статус которой слишком высок и ответствен.

Нарушение акцентологических норм (например: ***агент*** вместо *агент*, ***поимка*** вместо *поимка*, ***квартал*** вместо *квартал*, ***средства*** вместо *средства*, ***языковый*** вместо *языковой*, ***ходатайство*** вместо *ходатайство*, ***красивее*** вместо *красивее*) отвлекает от содержания речи, судьи и присутствующие в зале суда граждане начинают думать об ораторе. «Неправильное ударение, - писал П.С. Пороховщиков, - так же оскорбительно для слуха, как неупотребительное или искаженное слово».

Некоторые акцентологические нормы

Приведем слова, постановка ударения в которых вызывает затруднения: *щёлкать* (не *щелкать*), *эпилепсия*, *шофёр*, *уведомить*, *звонишь*, *столяр* (не *столяр*), *приобретение*, *соболезнование*, *рефери*, *клеить*, *повторённый*, *алфавит*, *диалог*, *каталог*, *партер*, *намерение*, *лоскут* (не *лоскут*), *искра*, *кружева* (не *кружева*), *квартал* (не *квартал*), *камбала* (не *камбала*), *исповедание* (не *исповедание*), *изобретение*, *баловаться*, *балованный*, *боязнь*, *бомбардировать*, *вменишь в вину*.

В кратких прилагательных и причастиях ударение подвижное: в прилагательных женского рода оно падает на окончание: *узка*, *близка*, *нужда*, *тиха*, *права*, *начата*; в прилагательных и причастиях мужского и среднего рода - на основу: *узок*, *близок*, *начат*, *узко*, *близко*,

начато; в формах множественного числа - на основу, допустимо на окончание: *узки* и *узки*, *близки* и *близки*, *чужды* и *чужды*, *верны* - *верны*, *начаты*, *правы*. В приставочных глаголах (например: *понять*, *продать*, *пролить*, *прожить*) мужского рода ударение ставится на приставку: *понял*, *продал*, *пролил*, *выжил*; в глаголах женского рода - на окончание: *поняла*, *продала*, *пролила*, *прожили*; в глаголах множественного числа - на приставку: *поняли*, *продали*, *пролили*, *выжили*.

Сложные слова, состоящие из двух корней, имеют два ударения: *глубокоуважаемый*, *новорождённый*, *многообразный*, *пятнадцатилетний*, *девятиэтажный*, *военнослужащий*, *высококвалифицированный* и др.

В случае затруднения в постановке ударения вам помогут словари (см. литературу).

Не забывайте, что ясно и четко звучащая речь оказывает рациональное и эмоциональное воздействие на суд и присутствующих в зале суда граждан.

Лингвистические термины

Аббревиатура - сложносокращенное слово, образованное из начальных букв, звуков или частей слов: *УПК РФ*, *РОВД*, *НТК*.

Артикуляция - движение произносительных органов во время речи.

Диалект - разновидность общенародного языка, употребляемая людьми, связанными одной территорией, социальной или профессиональной общностью.

Заимствованные слова - освоенные русским языком иноязычные слова.

Коммуникация - передача и прием мыслей об объектах действительности.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое техника речи? Зачем юристу надо владеть ею? 2. Какими качествами должен обладать голос оратора? 3. Что такое дикция? Какие качества придает она речи? 4. Что такое интонация? Какова ее роль в произнесении судебной речи? 5. Как вы поняли логическое ударение? 6. Каково значение пауз в организации звучащей речи? 7. Чем объясняются трудности в произношении *е* и *о* под ударением после мягких согласных? 8. Как произносятся согласные перед гласным *е* в иноязычных словах? 9. Что вы знаете о произношении сочетаний *чн*, *чт*? 10. Что такое благозвучие? 11. Какие звуки и сочетания звуков считаются в русском языке неблагозвучными? 12. Какие явления могут создавать неблагозвучие? 13. Каковы особенности постановки ударения в русском языке? 14. Какие средства техники речи оказывают психологическое влияние на аудиторию? Какие из них содействуют убедительности речи?

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. Культура произношения. Значение звуковой организации речи.

2. Интонационно-выразительные средства речи.

3. Стилистические и этические недочеты в звуковой организации речи.

Практическая часть

Задание 1. Проследите, как в речи представителя гражданского истца Савельевой ведется анализ доказательств, какие средства техники речи помогают дать оценку действиям ответчика (см. Приложение 1).

Задание 2. Прочитайте каждую скороговорку вслух по пять-шесть раз в медленном темпе, отчетливо выговаривая каждый звук; затем читайте, убыстряя темп, и опять замедляйте темп. Следите за дикцией и произношением звуков в соответствии с орфоэпическими нормами.

1. Два щенка - щекой к щеке - щиплют щетку в уголке. 2. Косой козел. 3. Купи кипу пик. 4. Не любила Мила мыло, мама Милу мылом мыла. 5. Ты нас, мама, не ищи, ищем мы щавель на щи. 6. Если щи хороши, другой пищи не ищи. 7. Тридцать три корабля лавировали, лавировали, да не вылавировали. 8. Степка, хочешь щец? 9. Дробью по перепелам да по тетеревам. 10. Турка курит трубку, курка клюет крупку. Не кури, турка, трубку, не клюй, курка, крупку. 11. Расскажите про покупки. - Про какие про покупки? - Про покупки, про покупки, про покупочки свои. 12. Была у Фрола, Фролу на Лавра наврала, к Лавру пойдет - Лавру на Фрола наврет. 13. Сшит колпак не по-колпаковски, вылит колокол не по-колоколовски. Надо колпак переколпаковать, перевыколпаковать; надо колокол переколоколовать, перевыколоколовать. 14. Редька редко росла на грядке, грядка редко была в порядке. 15. Два дровосека, два дроворуба, два дровокола рубили дрова, рубили дрова приговаривая: «Рубитесь, дрова, пока мокра трава, пока мокра трава, рубитесь, дрова». 16. Чешуя у щучки, щетинка у чушки. 17. Мамаша Ромаше дала сыворотку из-под простокваши. 18. Сачок зацепился за сучок. 19.

Жри во ржи, да не ржи. 20. Вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей.

Задание 3. Научитесь читать приведенные примеры в соответствии с логикой фраз, перспективой высказываемых мыслей. Следите за интонацией, дикцией, паузами, произношением. Избегайте однообразия мелодического рисунка. Наметьте психологические паузы.

а) Чтоб собеседник нашу мысль постиг,
Нужней нам сердце, нежели язык.

Как сможешь в чем-то убедить другого,
Когда ты сам в свое не веришь слово?!

б) «Прокуроры знали силу Плевако. Старушка украла жестяной чайник стоимостью дешевле 50 копеек. Она была потомственная почетная гражданка и, как лицо привилегированного сословия, подлежала суду присяжных. По наряду ли, или так, по прихоти, защитником старушки выступил Плевако. Прокурор решил заранее парализовать влияние защитительной речи Плевако и сам высказал все, что можно было сказать в защиту старушки: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но собственность священна. Все наше гражданское благоустройство держится на собственности; если мы позволим

людям потрясать ее, то страна погибнет.

Поднялся Плевако.

– Много бед, много испытаний пришлось перенести России за ее больше чем тысячелетнее существование.

Печенеги терзали ее, половцы, татары и поляки. Двух-десять языков обрушилось на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник, стоимостью в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно»[71].

Задание 4. Прочитайте текст. Разметьте паузы, подчеркните слова, на которые падает логическое ударение. Прочитайте вслух, изменяя темп, силу голоса. Следите за дикцией, паузами, правильным произношением. Отметьте психологические паузы.

1. «Андреевский почти не касался обычного материала судебного следствия - улики и доказательств - или касался его очень поверхностно, но предметом своей речи избирал личность подсудимого, его житейскую обстановку и условия окружавшей его среды, как бы говоря присяжным заседателям: «Не стройте вашего решения на доказанности его поступка, а загляните в его душу и в то, что неотвратимо вызвало подсудимого на его образ действий...» В этом заступничестве он нередко изображал своих подзащитных такими, какими их личность его интересует и какими он хотел бы их видеть как художник и человек, память которого полна созданиями великих писателей»^[71].

2. «Если в Урусове чувствовался прежде всего талантливый адвокат, точно определивший и измеривший поле судебной битвы, то в Плевако сквозь внешнее обличье защитника выступал трибун, для которого дело было лишь поводом и которому мешала

⁷¹ Вересаев В.В. Соч. М., 1948. Т. 4. С. 446-447.

ограда конкретного случая, стеснявшего взмах его крыльев со всей присущей им силой.

Различно было и проявление особенностей их ораторского труда. Основным свойством судебных речей Урусова была выдающаяся рассудочность... блистал его живой и подчас ядовитый юмор, благодаря которому перед слушателями, как на экране волшебного фонаря, трагические и мрачные образы сменялись картинками, заставлявшими невольно улыбнуться над человеческой глупостью и непоследовательностью. Остроумные выходки Урусова иногда кололи очень больно, хотя он всегда знал в этом отношении чувство меры. Логика доказательств, их генетическая связь увлекали его и оживляли его речь...

Но если речь Урусова пленяла своей выработанной стройностью, то ярко художественных образов в ней было мало: он слишком тщательно анатомировал действующих лиц и самое событие, подавшее повод к процессу, и заботился о том, чтобы точно следовать начерченному им заранее фарватеру...

И совсем другим дышала речь Плевако. В ней, как и в речах Спасовича, всегда над житейской обстановкой дела, с его уликами и доказательствами, возвышались, как маяк, общие начала, то освещая путь, то помогая его отыскивать. Стремление указать внутренний смысл того или иного явления или житейского положения заставляло Плевако брать краски из существующих поэтических образов или картин или рисовать их самому с тонким художественным чутьем и, одушевляясь ими, доходить до своеобразного лиризма, производившего не только сильное, но иногда неотразимое впечатление. В его речах не было места юмору или иронии, но часто, в

особенности где дело шло об общественном явлении, слышался с трудом сдерживаемый гнев или страстный призыв к негодованию»^[72].

3. «Выдающийся судебный деятель и ученый-юрист, блестящий оратор и писатель-мемуарист Анатолий Федорович Кони был одним из образованнейших людей своего времени. Широта его знаний в области литературы, истории, философии, права, медицины и психологии поражала знавших его людей... Прокурорская деятельность А.Ф. Кони успешно сочеталась с литературной и научной. Он опубликовал много судебных очерков и статей по различным вопросам уголовного процесса... Душевная отзывчивость и нравственная чистота, постоянное стремление отстаивать правду, колоссальная эрудиция и оригинальность суждений счастливо сочетались в Кони и привлекали к нему интерес большого числа знаменитых писателей и общественных деятелей.

...У А.Ф. Кони было все, что необходимо судебному оратору: огромный запас знаний, острый, наблюдательный ум, строгая логика мышления, дар широкого обобщения фактов, незаурядное литературное мастерство, а главное - огромная теплота, задушевность, тонкое понимание движений человеческой души, умение дать правильный анализ человеческим поступкам»^[73].

Задание 5. Подумайте, какими чувствами проникнуты отрывки из судебных речей. Приготовьте чтение какого-либо из них, постарайтесь интонацией

⁷² Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 175-176.

⁷³ Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 124-126.

передать чувства и мысли оратора. Следите за тоном, темпом речи, паузами, дикцией. Отметьте приемы привлечения внимания.

1) Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководительству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома Божьего, а в этом доме утренний звон подымает настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела! Вместо храма - биржа, вместо молящегося люда - аферисты и скупщики поддельных документов, вместо молитвы - упражнение в составлении вексельных текстов, вместо подвигов добра - приготовление к лживым показаниям - вот что скрывалось за стенами. Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не видно было дел, которые вы творите под покровом рясы и обители! (Ф.Н.П.).

2) Товарищи судьи! Какие только люди не проходят перед вами! Какие только конфликты вам не приходится разрешать! Ведь каждый человек, стоящий перед судом, будь он подсудимым или ответчиком по гражданскому делу, приходит в суд своим особым и, как правило, неповторимым путем, обусловленным сложнейшим переплетением самых разнообразных обстоятельств в его личной жизни и в его отношениях с окружающими его людьми.

И кем, как не подлинными инженерами человеческих душ, надо вам быть, чтобы в течение непродолжительного общения со стоящими перед вами людьми суметь проникнуть в души этих людей, разглядеть и постигнуть их истинный характер,

моральный облик и вынести свое безошибочное суждение (М.С.Д.).

Задание 6. Поставьте ударение в словах, прочитайте их вслух.

Валовой, газопровод, договор, диспансер, диалог, одновременно, мышление, комбайнер, столяр, запломбировать, километр, каталог, кремьнь, кулинария, гастрономия, легкоатлет, средства, осужденный, приговор, алиби, созыв, договорные, сосредоточение, статут, упрочение, феномен, ходатайствовать, цемент, эксперт, хронометр, некролог, минералог, индустрия, симметрия, металлургия, нефтепровод, водопровод, электропровод, заговор, обеспечение, призыв, звонишь, манит, петля, искра, родился, языковая, агентство, квартал, красивее, мастерски, одновременные, нормированный, намерение, характерный, усугубить, украинский, стенография, танцовщица, шасси, баловать, безудержный.

Задание 7. Прочитайте один из приведенных текстов, озаглавьте его. Выделите трудные для произношения слова; определите основную мысль текста и передайте его содержание в своей интерпретации.

а) Пилоты Ту-154 сообщили «ансамблю», что до Лондона горючего не хватит. После короткой истерики семья согласилась на дозаправку в Финляндии. Убедившись в тщетности многократных попыток прорваться в кабину пилотов, Овечкины продемонстрировали серьезность своих намерений. В целях психологического воздействия на членов экипажа застрелили из обрезка одну из стюардесс. Самолет пошел на снижение над Финским заливом, идя по такому курсу, что не только непосвященные, но даже опытный пилот

без штурмана не сразу понял, где он находится: в России или уже в стране Суоми. Посадка Ту-154 на узкую, не приспособленную для самолетов такого класса истребительную полосу прошла успешно.

б) Одной из коммерческих фирм два месяца назад некий молодой человек предложил свои услуги по реализации куриных окорочков. Паспорт у пришедшего наниматься на работу был в порядке, и фирма, можно сказать, даже обрадовалась новому работнику. Ее руководитель без всякой дополнительной проверки немедленно выписал новому сотруднику доверенность на получение 7,5 тонн окорочков на сумму 14 млн. рублей, и тот незамедлительно получил товар на хладокомбинате. Мясо было, видимо, благополучно реализовано, а вот деньги в назначенный срок в кассу фирмы не поступили.

При проверке оказалось, что человек, чьи паспортные данные значились в списках сотрудников фирмы, ни сном ни духом не знал об этом. Свой паспорт он потерял еще два года назад. В результате проведенного милицией следствия мошенник все-таки установлен.

Задание 8. Прослушайте речи прокурора и адвоката в судебных прениях, проанализируйте их с точки зрения звуковой организации. Обратите внимание, как изменяется тон и темп речи в зависимости от важности темы.

Тема 7. ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ

Все главные приемы судоговорения следовало бы подвергнуть своего рода критическому пересмотру с точки зрения нравственной дозволенности их.

А.Ф. Кони. Нравственные начала в уголовном процессе

Основными нравственными категориями, охраняемыми в процессе судопроизводства, являются права и свободы человека, честь и достоинство личности, частная жизнь, личная и семейная тайны. Поэтому «в области судебного состязания важно помнить, что нравственно дозволительно или недозволительно в судебных прениях» [115. Т. 4. С. 66].

1. Судебная этика

Нравственные основы деятельности по осуществлению правосудия изучает наука, именуемая судебной этикой, которая включает в себя «учение о специфике действия общеэтических норм в этой сфере трудовых отношений и особых нравственных нормах, рождаемых своеобразием возникающих отношений при отправлении обязанностей судьи, прокурора, следователя, адвоката» [31. С. 2].

А.Ф. Кони - основатель судебной этики

Вопросы судебной этики разрабатывались в России с первой судебной реформы. Первым, кто показал значение нравственных требований для правосудия, был А.Ф. Кони. В работе «Нравственные начала в уголовном процессе» он характеризует судебную этику как «учение о приложении общих понятий о нравственности к той или другой отрасли специальной судебной деятельности». Требования нравственности А.Ф. Кони видел в уголовно-процессуальном законе: например, право близких родственников обвиняемого устраниться от дачи показаний о нем; право обвиняемого на молчание и недопустимость принимать это молчание за признание своей вины и т.д.

Нравственность, по убеждению А.Ф. Кони, выражается прежде всего в уважении к человеческому

достоинству, что способствует развитию «истинного и широкого человеколюбия на суде», справедливому отношению к человеку. Выдающийся юрист настойчиво желал того, чтобы в отправлении правосудия «вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судилище, но и школа» [115. Т. 4. С. 50]. Нравственным началам в процессе разбирательства дела подчинены как судья, так и обвинитель и защитник.

Нравственные основы судебного красноречия последовательно отстаивали К.К. Арсеньев и В.Д. Спасович. Вопрос о нравственных принципах и адвокатской этике освещен в работе К.К. Арсеньева «Заметки о русской адвокатуре».

О нравственном долге судебного оратора писал и Ф.А. Брокгауз: «Достоинство судебного состязания требует также, чтобы противник не пользовался неловкостью оппонента в ущерб истине» [257].

В 1913 г. вышел Кодекс этики адвокатов «Правила адвокатской профессии в России», составленный А.Н. Марковым.

Судебная этика в советский и постсоветский периоды

В последующие годы, особенно в советский период, по вопросам судебной этики юристами написано значительное количество работ (см. литературу). Однако все авторы исследовали этику уголовного

судопроизводства; вопросы этики гражданского процесса, как правило, не рассматривались.

Содержание понятия судебной этики менялось на определенных этапах жизни российского общества. В советский период судебная этика была выражением государственной идеологии в уголовно-процессуальном праве в основном при осуществлении государственного обвинения и защиты.

В 30-60-е гг. судебная этика понималась как воплощение социалистической законности. В работах, написанных в 70-е гг., судебная этика была идеологически обоснована через программу КПСС и Моральный кодекс строителей коммунизма, например: «Профессиональная этика советского юриста, или советская юридическая этика, является специфической формой проявления коммунистической морали» [125. С. 23; а также см. 60. С. 26].

В последующие годы нравственное в юридической литературе рассматривалось как применение норм морали в юридической деятельности и как внедрение этики в юриспруденцию. Главными задачами судебной этики представлялись формулирование нравственных требований, которые предъявляются к профессиональным участникам судопроизводства; освещение этических аспектов процессуальных действий.

Изменения, происходящие в России, вызвали к жизни ряд новых работ [см. напр., 18, 26, 75, 153], в которых отмечается, что для укрепления основ демократического правопорядка проблема этики в деятельности органов и лиц, осуществляющих правосудие, приобретает совершенно особую значимость. В 1993 г. был принят Кодекс чести судьи

Российской Федерации. Интересен проект кодекса адвокатской этики, разработанный известным современным правоведом М.Ю. Барщевским.

Системное изложение судебная этика как наука получила в работе А.Ф. Закомлистова ^[74], где она рассматривается как «вполне самостоятельная область знания, имеющего междисциплинарный характер и соединяющего в динамическом взаимодействии юриспруденцию и этику».

В данном пособии мы не ставим задачи глубоко вникать в нравственные начала в судебном процессе; остановимся лишь на внешней стороне этого большого вопроса - этикете и рассмотрим его проявление в монологической речи судебного оратора.

⁷⁴ Выдря М. Предисловие к 3-му тому Собр. соч. А.Ф.Кони. М., 1967. С. 5-11

2. Этикет судебного оратора

Этика - философская наука, изучающая мораль, нравственность. Нравственность - это система норм и ценностных представлений, определяющих и регулирующих поведение человека. Нравственные нормы получают обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливого и т.п. Одним из проявлений нравственности является этикет. Этикет - совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда). Этикет участников судебных прений совпадает с общими требованиями вежливости и проявляется в уважении к суду, к процессуальному оппоненту, к истцу, ответчику, потерпевшему, свидетелю, подсудимому.

Правила вежливости для прокурора

В России эти требования были впервые сформулированы Анатолием Федоровичем Кони: «Прокурор не должен озлобляться против подсудимого, обвинять его во что бы то ни стало; для него должна быть характерна опрятность приемов обвинения... в силу этических требований; прокурор приглашается сказать

свое слово и в опровержение обстоятельств, казавшихся сложившимися против подсудимого, причем в оценке и взвешивании доказательств он - *говорящий публично судья*» [115. Т. 4. С. 61-62], который должен выполнить свою функцию «со спокойным достоинством исполняемого грустного долга, без пафоса, негодования или преследования какой-либо цели, кроме правосудия». Эти требования не устарели и в наши дни.

Нравственный долг прокурора заключается в том, чтобы создать у присутствующих правильное представление об общественной опасности деяния, вызвать у них уважение к закону, содействовать правовому воспитанию граждан. Все присутствующие в зале суда совершенно обоснованно смотрят на прокурора как на лицо, провозглашающее точку зрения государства. Поэтому характер его общения с судебной аудиторией должен соответствовать профессии и функции в судебном процессе, должен быть сдержанным и тактичным.

Не соответствует этикету чтение обвинительной речи с листа, так как нарушает контакт с судом и аудиторией; кроме того, свидетельствует о неуважительном отношении к слушателям. «Не читайте вашу речь. Записки помогают организовать выступление, но вы разговариваете с присяжными, а не читаете им книгу», - пишет и американский юрист Дэйвид Рэйбин [79. С. 141].

В текстах обвинительных речей, помещенных в книге «Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей» [см. 172], государственные обвинители анализируют доказательства, беседуя с присяжными заседателями,

убеждая их, а не читая то, что написано следователем. Можно использовать текст обвинительного заключения как цитату для точного анализа и оценки каких-либо обстоятельств. Пример из обвинительной речи В.И. Романова: «Эти показания оглашались, и все участники процесса могли убедиться, насколько эти показания подсудимых последовательны и детально ли они раскрывают те события, участниками которых они были. Причем если проанализировать все показания Груднева и Моргунова, данные во время предварительного следствия, то видно, что они одинаково рассказывают о происшедшем. При этом не вызывает никаких сомнений тот факт, что эти показания дают люди, которые сами были участниками тех событий. Процитирую вам показания Груднева, которые он дал сразу после задержания».

Н.П. Кан в речи по делу Далмацкого использовал текст обвинительного заключения также как цитату: «Все происшедшее дальше имеет столь важное значение для истины, что я прошу позволения во имя точности воспользоваться текстом обвинительного заключения. Вот что там написано...» (см. с. 353).

Современные государственные обвинители в своих речах обращают внимание на соблюдение и охрану правоохранительными органами прав подсудимого. Первый пример: «В ходе судебного следствия Цигун и Бобров изменили свои показания, в связи с чем показания, данные ими в ходе предварительного расследования, были оглашены в судебном следствии. Эти показания признаны допустимыми доказательствами; *права подсудимых при их допросе в качестве обвиняемых не были нарушены, допрос проводился в присутствии адвокатов*» (Кадочников Н.П., г. Красноярск). Еще

пример: «26 марта 2001 г. в дежурной части Савинского РОВД у Чембулаева была изъята одежда, находившаяся непосредственно на нем. По его словам, он был так одет и во время последней встречи со Смирновой В.Н., а именно: куртка и свитер, как описано в протоколе выемки, а также «брюки цвета хаки, грязные, многоношенные, с повреждением ткани в виде квадрата в верхней части левой брючины спереди». *Замечаний по поводу изъятия одежды и описания изъятого Чембулаев не высказал, о чем расписался в протоколе, копию которого получил*» [172. С. 278].

Давая отрицательную характеристику подсудимой, прокурор делает это тактично, с помощью метафор: «Ее показания, данные со слезами на глазах, возможно, и вызвали у кого-то жалость, однако прошу вас при принятии решения не руководствоваться этим чувством. На самом деле за слезами скрываются *ледяное сердце и трезвый расчет*» [172. С. 365].

Правила этичного поведения адвоката

Адвокат является субъектом защиты и представительства; это участник доказывания по конкретным уголовным, гражданским делам. Одно из основных правил поведения адвоката - безусловное уважение к суду, сдержанность и самая строгая корректность по отношению к судьям. Это проявляется в

почтительном тоне при обращении к суду, во внимательном отношении к предлагаемым вопросам.

На адвоката возлагается обязанность использования всех предусмотренных законом средств и способов защиты, обоснования выдвигаемого в интересах подзащитного или доверителя тезиса. «При соблюдении должного уважения к суду адвокат обязан защищать интересы клиента добросовестно и с максимальной для него выгодой, однако не выходя за предусмотренные законом рамки», - записано в «Общем кодексе правил для адвокатов стран Европейского сообщества» (п. 2.7). Единственными критериями защиты являются законность и нравственная безупречность.

Адвокат, защищая права подсудимого, совершившего убийство, как правило, выражает сочувствие, соболезнование родственникам погибшего. Вот как это сделал Я. С. Киселев в речи по делу Прокофьевой:

«Товарищи судьи! Дело Натальи Прокофьевой - дело горькое и трудное. Серафима Ивановна и Александр Григорьевич Прокофьевы потеряли сына. Геннадию было только 24 года, могучего здоровья, неистраченной силы - ему бы жить да жить. Горе Серафимы Ивановны и Александра Григорьевича вызывает самое глубокое сочувствие и сострадание».

Подобный пример можно привести из речи красноярского адвоката Л.Н. Гранова. Осуществляя защиту Куркина, совершившего убийство Тузикова в результате неосторожных действий, оратор начал речь выражением соболезнования родным Тузикова:

«Товарищи судьи // Нет слов / произошла трагедия // И / желая оказать помощь Куркину / желая / м-м / в

силу своих профессиональных обязанностей / это сделать / я тем не менее / в начале своего выступления / не могу не выразить / искреннего соболезнования / потерпевшим / которые в результате этого нелепого случая / лишились сына / молодого человека / в расцвете сил и здоровья //».

Вопросы уважительного отношения к подсудимому поднимались в судебных речах дореволюционных и советских адвокатов. Н.П. Карабчевский, защищая Мироновича, обвинявшегося в убийстве, спрашивает: «Что было в распоряжении властей, когда Миронович был публично объявлен убийцей и ввержен в темницу?» и отвечает:

«Достаточно было... констатировать, что хозяином ссудной кассы был не кто иной, как Миронович, прошлое которого будто бы не противоречило возможности совершения гнусного преступления, насилия, соединенного с убийством, и обвинительная формула была тут же слажена, точно сбита накрепко на наковальне... В этом прошлом обвинительная власть ищет прежде всего опоры для оправдания своего предположения о виновности Мироновича. Но она, по-видимому, забывает, что, как бы ни была мрачна характеристика личности заподозренного, все же успокоиться на «предположении» о виновности нельзя. Ссылка на прошлое Мироновича несколько не может облегчить задачи обвинителям. Им все же останется доказать виновность Мироновича. Этому требуют элементарные запросы правосудия...»

Продолжает эту мысль С.А. Андреевский, также защищавший Мироновича:

«О личности Мироновича по-прежнему молчу. Но если бы он и был грешен, возможно ли поэтому рассчитывать с ним за деяния другого? И где же? В суде, от которого и падший поучается справедливости, потому что здесь он должен услышать высокие слова: «получи и ты, грешный, свою долю правды, потому что здесь она царствует и мы говорим ее именем».

Мысль об уважении человеческого достоинства подсудимого выражена в речи В.И. Жуковского по делу Юханцева:

«Что такое Юханцев? - сказал прокурор. - Стоит ли его распластывать на столе вещественных доказательств?»

Зачем же такое пренебрежение к подсудимому!»

Высокой нравственностью, вниманием к «живому человеку» отличались речи Я.С. Киселева. Он всегда щадил самолюбие, человеческое достоинство подсудимого и потерпевшего, с особой осторожностью обращался к фактам, которые могли бы причинить подсудимому ненужные страдания. В речи по делу Кудрявцевой он сказал:

«Ирина Николаевна Кудрявцева согласна, чтобы был признан любой мотив, пусть даже в самой большей степени ухудшающий ее положение, лишь бы не были вскрыты подлинные побудительные мотивы, обусловившие преступление. То, что душевное состояние, ее переживания будут выставлены, как ей кажется, на всеобщее обозрение, страшит ее, ибо это доставит ей боль, которой она боится больше, чем наказания. Это и обязывает меня кое-что не договаривать».

В речи по делу Теркина Я.С. Киселев обратил внимание суда на замечание прокурора о том отталкивающим впечатлении, которое производит подсудимый:

«Может быть, и мне, его адвокату, не удастся увидеть нимб святости над его головой, может быть, и мне он кажется с простой человеческой точки зрения не очень приятным. А какое это имеет значение для дела? Разве можно допустить, чтобы симпатии или антипатии влияли на самые доказательства по делу? Разве можно допустить, что симпатия ослабит улики, собранные против подсудимого? А если подсудимый вызывает чувство антипатии, разве это увеличит силу улик, собранных против него?»

Эта же мысль развита в его речи по делу Пуликова, обвиняемого в убийстве с корыстной целью:

«Прав товарищ прокурор: облик Пуликова не светел. Но если бы я защищал праведника, то перед его светлым ликом обвинение поникло бы. Но я защищаю человека, относительно которого можно легко ошибиться. Я защищаю человека, в отношении которого судебная ошибка наиболее вероятна именно потому, что облик его не без пятен».

Уважительное отношение к подсудимому обусловлено осознанием общественной значимости судебного процесса, пониманием его глубокого воспитательного воздействия. «К сожалению, - отмечал Н.И. Холев, - с некоторых пор в наши судебные нравы внедрилась пагубная и зловредная манера - под видом «изучения личности», «характеристики подсудимого» так чернить обвиняемых, что нередко эти пресловутые

«характеристики» оказываются нестерпимо обиднее и тяжелее самого обвинения».

Бывают случаи, когда адвокат вынужден изобличать другого подсудимого не только ради интересов своего подзащитного, но и ради самой истины. Такие примеры находим в речах А.И. Урусова, Ф.Н. Плевако и В.Д. Спасовича по делу Дмитриевой и Каструбо-Карицкого, где защита одного противоречила защите другого, так как подсудимые перекладывали виновность друг на друга. *Боем гигантов слова* назвал эту защиту А.Ф. Кони.

Весь судебный процесс проходит в обстановке состязательности, борьбы мнений процессуальных противников. Полемика, как мы уже говорили, необходимая черта судебных прений. Но она должна относиться только к существу дела и быть безупречно вежливой. Борьба мнений процессуальных оппонентов, самая накаленная атмосфера не дают судебным ораторам права некорректно отзываться друг о друге, о потерпевшем, подсудимом или свидетелях, так как в понятие «полемическое мастерство» включается не только умение доказывать и опровергать, но и соблюдение основных требований культуры спора. «Опровергать можно самым решительным образом, но не оскорбляя чужих мнений насмешками, резкими словами, издевательством; особенно - не глумясь над ними...» - советует СИ. Поварнин. Обратим внимание, как убедительно и этично полемизирует с обвинением адвокат И.М. Кисенишский:

«Обвинение считает, что Марков преждевременно покинул капитанский мостик, что он должен был там находиться до расхождения пересекающихся судов.

Надо сказать, что на первый взгляд обвинение это выглядит где-то убедительным и даже одиозным. Как это капитан ушел с мостика пассажирского парохода, на котором находится огромное количество людей? Невольно создается впечатление, что Марков «покинул» корабль, оставил его «безнадзорным», бросил на «произвол судьбы»!

В действительности это вовсе не так, и разобраться в этом надо спокойно и объективно, без воспаленного воображения и без каких-либо тенденциозных преувеличений и эмоциональных оценок».

Судебный процесс проходит при непосредственном общении с народом, и это требует от судебных ораторов сдержанности, вежливости. «Соблюдайте уважение к достоинству лиц, выступающих в процессе», - напутствовал судебных ораторов П.С. Пороховщиков.

3. Этика речевого поведения оратора

Процессуальной роли прокурора и адвоката в судебном процессе должно соответствовать и их речевое поведение, которое определяется официальной обстановкой общения, официальным характером взаимоотношений общающихся.

Обстановка официальной вежливости

Общество вырабатывает нормы речевого поведения и требует от носителей языка соблюдения этих правил, соблюдения этики речевого поведения, которая представляет собою собрание... моделей корректного речевого поведения [250]. Выступающему в судебных прениях важно отбирать те речевые средства, которые являются наиболее уместными в данной обстановке общения. «Слово - одно из величайших орудий человека, - писал А.Ф. Кони. - Бессильное само по себе, оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренно и вовремя. Оно способно увлекать за собою самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском. Поэтому нравственный долг судебного оратора - обращаться осторожно и умеренно с этим оружием и делать свое слово лишь слугою глубокого убеждения» [115. Т. 4. С. 61].

Официальность речевой ситуации в судебном процессе требует обращения на *Вы*. Неэтично, если судья или прокурор обращается к подсудимому на *ты*.

С.А. Андреевский считал оскорбительными для женщины слова *наложница, содержанка*. В речи по делу Андреева он говорил: «Если мужчина повенчан с женщиной, о ней говорят «супруга, жена». А если нет, ее называют «наложница, содержанка». Но разве законная жена не знает, что такое «ложе»? Разве муж почти всегда не «содержит» свою жену?»

Прокурору при поддержании государственного обвинения важно быть сдержанным в словах, выводы его должны быть обдуманными и справедливыми, в отношении к подсудимому не может быть фамильярности, оскорблений, насмешек. В следующих примерах: *Он и здесь врет | товарищи судьи | что он не матерился || Матерился он ||*. Или: *Булаков пытался спасти свою шкуру | забыв | что спасти ее может | только чистосердечное признание ||* - этику речевого поведения прокурора нарушают разговорное слово *врет* и просторечные слова *матерился, шкура*. Еще примеры: *Подсудимый пьяница | пьет запоем | злостный прогульщик ||*. Или: *Если уж говорить откровенно | он слабо защищается | потому что он | личность отсталая | он debil ||*.

«Конечно, суд - учреждение строгое, и здесь не место изысканной любезности и особой предупредительности. Но суд - учреждение государственное, и вся его деятельность должна осуществляться в обстановке строго официальной вежливости», - пишет Е.А. Матвиенко [142. С. 10]. Проявление вежливости - существенное требование

этики речевого поведения. Нарушение правил вежливости может вызвать у граждан, слушающих процесс, отрицательную оценку личности оратора.

А.Ф. Кони вспоминал случай, когда один из товарищей прокурора, рассказывая об исходе обвинения, которое он поддерживал, заявил: «Ну, хоть я и проиграл, зато ему (подсудимому. - *Н.И.*) всю морду сапогом вымазал, - останется доволен». А.Ф. Кони, который был обер-прокурором Сената, тут же отстранил его от выступлений на суде в качестве обвинителя [115. Т. 4. С. 21].

Юмор в судебных прениях

Некоторые авторы работ о судебной речи пишут о необходимости в ней «даже комического», элементов юмора, который «повышает образность речи, делает ее более выразительной и эмоциональной... им уместно пользоваться для критики вскрытых во время судебного процесса отрицательных явлений, при анализе отдельных источников доказательств, для полемики с другими участниками судебных прений» [9. С. 41]^[75]. Но не пострадают ли от этого этические нормы?^[76] Ведь что такое юмор?

⁷⁵ См. также: Гальперин И.Г. Подготовка и произнесение защитительной речи // Проблемы уголовного процесса и криминалистики. Вып. 27. Свердловск, 1973.

⁷⁶ А.И. Урусов, для речей которого характерна была ирония, иногда даже жестокая, беспощадная, всегда умел облечь ее в форму особенной вежливости.

Юмор (англ. humour) - это: 1. Добродушно-насмешливое отношение к кому-либо, умение представить события, недостатки, слабости в комическом виде. 2. Изображение... каких-либо явлений действительности в комическом, смешном виде, когда при этом насмешка, внешне комическая трактовка сочетаются с внутренней серьезностью, сочувственным отношением к предмету смеха.

Удачный, на взгляд автора, пример непреднамеренного юмора можно найти в речи советского адвоката П.А. Дроздова по делу Кадуева, обвиняемого в покушении на изнасилование и отказавшегося от него. Объективно анализируя и оценивая соответственно поведение подсудимого, бросая ему «заслуженный упрек в нечистоплотности, в аморальности его поведения», оратор восстанавливает картину происшествия для того, чтобы объяснить причины подачи потерпевшей заявления в суд. Итак,

«со слов самой потерпевшей мы знаем, что Кадуев прекратил свои попытки после того, как она сказала: «Я - девушка». Когда подсудимый помог потерпевшей подняться с земли, он ударил ее по лицу. По этому поводу сама потерпевшая показала суду так: «Он, Олег, слегка ударил меня, думаю, за то, что я ему не отдалась». В ответ на это Нина крикнула, крикнула инстинктивно, бессознательно. Она крикнула: «Мама!». Но вместо мамы совершенно неожиданно из кустов газона показалась внушительная фигура милиционера. Он, стоя тут же поблизости на посту, услышал крик и явился на помощь. Он видит молодую пару, состояние их туалетов не может не привести к размышлениям, и тогда

Нина, показывая на подсудимого, сказала: «Он хотел меня изнасиловать!».

Позже, когда уже обо всем узнала мать, Нина повторила эту мысль в своем письменном заявлении. Она это сделала потому, что была застигнута в таком состоянии, при котором другое объяснение было бы неизбежно связано для нее с весьма компрометирующими фактами. Она не была бы привлечена к уголовной ответственности, но моральный приговор для нее был весьма и весьма нежелателен».

Здесь юмор (см. 2-е значение слова) создается сопоставлением слов *мама* и *милиционер*, которые в данном случае являются ситуативными антонимами. Подобный прием не столько усиливает эмоциональное воздействие на судей, сколько содействует установлению причины возникновения данного уголовного дела.

Но использовать юмор следует крайне осторожно. Он должен быть строго мотивированным и не должен нарушать такое качество судебной речи, как уместность. На суде, где рассматриваются человеческие драмы, а нередко и трагедии, юмор, как правило, неуместен.

Об этом же писал в свое время К.Л. Луцкий: «В возражении иногда уместны бывают легкая ирония и благородная шутка, хотя величие и серьезность судебного процесса заставляют относиться крайне осторожно к такому способу борьбы и, пожалуй, на суде правильнее всего было бы не пользоваться им совсем» [132. С. 196].

Уважение к «живому человеку»

Особо соблюдать этику речевого поведения и проявлять внутреннюю дисциплинированность в выборе языковых средств нужно в выступлениях по делам, связанным со ст. 131 УК РФ, а также с установлением отцовства и др.

Отрицательная характеристика подсудимого (потерпевшего) должна быть корректной, сдержанной, обоснованной. Адвокат П.А. Дроздов так выразил свое отношение к потерпевшей: «...Когда я называю Нину потерпевшей, я отдаю дань процессуальной терминологии. По существу же она вовсе не потерпевшая...»^[77]. Я.С. Киселев в речи по делу Путиловых сказал: «И тут Галина Путилова в силу свойств своего характера (пусть она меня простит, но это необходимо сказать) не нашла достойных форм для выражения своего недовольства и ревности».

Все факты, фамилии потерпевших, подсудимых, свидетелей нужно называть точно. Я.С. Киселев в большинстве случаев всех женщин, подсудимых и мнимых потерпевших, называл по имени и отчеству: *Наталья Сергеевна Прокофьева, Надежда Петровна Левчинская, Мария Петровна Данилова, Наталья Федоровна Туркина.*

О нарушении оратором речевой этики свидетельствуют случаи, когда он неточно знает

⁷⁷ Судебные речи адвокатов / Предисловие П.С. Элькинды. Л., 1972.

фамилии, путает подсудимого с потерпевшим, потерпевшего - со свидетелями: *У Федоровой сын | не работает не учится | не занимается общественно полезным трудом || Извиняюсь | не Федоров а Мошкин ||*. Или: *Один говорил | Лисин по-моему | если мне память не изменяет | что меня взяло просто любопытство | что там будут делать другие ||*. Или: *Из хулиганских побуждений | стали ломать времянку | пытаюсь заставить Захарову | ой извините | Бархатову и Щелакова | выйти из времянки ||*. Или: *Один из свидетелей | я сейчас не могу вспомнить | его фамилии | но вы наверно | помните его | сказал ||*... Или: *Авдюшечкин | Авдюшкин | м-м | нарушил требования | пункта 6 ОПП ||*. Следующие примеры отражают пренебрежительное отношение к потерпевшим: «Мы очень тщательно / и очень долго говорили // о краже / у / как ее / Сычевой / Сычевой //». Или: «Второй эпизод / хищения / у этой самой Чащиной / э-э / должен быть исключен //». О неэтичности подобных случаев писал еще П.С. Пороховщиков: «Оратор упорно называет подсудимого Матвеева Максимовым, а умершего от раны Максимова - Матвеевым».

Уважительное отношение к процессуальному противнику также находит выражение в языковых средствах. Дореволюционный прокурор П.Н. Обнинский в речи по делу Качки назвал Ф.Н. Плевако «моим талантливым противником». А.И. Урусов уважение к процессуальному оппоненту передал словами *почтенный представитель обвинительной власти*, Н.И. Холев - словами *мой почтенный противник*. Советский адвокат Н.П. Кан назвал процессуальных противников *уважаемыми обвинителями*.

П. А. Александров, защищавший Веру Засулич, обвинительную речь процессуального оппонента оценил

как *благородную*. Советский адвокат В.Л. Россельс почтительное отношение к прокурору показал также через характеристику его выступления: «Товарищи судьи! Только что закончил прокурор свою *хорошую, близкую по форме к художественной, яркую, образную речь, и я нахожусь под впечатлением услышанного*».

В полемике с процессуальным противником следует помнить о речевых формулах полемики, например: *я не согласен; однако статья... УК РФ предусматривает; я согласен, что это трудно, но еще труднее; это не так; мне могут возразить; судебному следствию следовало; я согласен в этой части с товарищем прокурором, но; в действительности это вовсе не так; я хотел бы привести несколько аргументов в доказательство несостоятельности положения*^[78] ... и др.

Свои, особые формулы возражения находил А.И. Урусов: «Товарищ прокурора в числе улик выставляет нравственные качества подсудимой. *Признаюсь, я не ожидал, чтобы нравственные качества человека можно было поставить ему в вину*».

Нарушением вежливости является следующее высказывание адвоката: «Государственный обвинитель / *видимо не подумав* / запросил такую меру наказания». Неуместным в данном примере является разговорное слово *запросил* в сочетании с юридическим термином *меру наказания*. Неуместен просторечный фразеологизм и просторечное *дак* в речи адвоката: *Товарищи судьи / дак представьте себя на его месте // Ведь у любого / от такого обвинения / мозги наперекосяк встанут //*. Кроме

⁷⁸ О речевых формулах спора см.: Шкатова Л.А. Речевые формулы спора // Русская речь. 1990. № 4.

того, неэтично проводить какие-либо сопоставления, аналогии между судом и подсудимым.

Неудачной является и метафора в случае, о котором рассказал С.А. Ария: «...адвокат закончил речь по делу обвиняемого в обмане покупателей следующим пассажем: «Так не обвесьте же его на весах правосудия, граждане судьи!». Суд выразил свое отношение к этой «находке» частным определением. И вполне заслуженно» [20. С. 152].

Нарушает этику речевого поведения употребление иноязычных слов, незнакомых подсудимому и присутствующим в зале суда, так как они затрудняют понимание информации. А судебная речь должна быть от начала до конца понятна слушателям!

Посмотрите, как иноязычные слова вносят в речь неясность: *Эта инсинуация вызвала со стороны подсудимой такую бурную реакцию. Или: Почему ей не пребывать в приятном и безопасном адюльтере! Или: ...Несмотря на то что это представляется делом нетрудным, стратагема не удастся. Или: Прошу обратить внимание на этот отзыв. Он является *expromtu*, он не занесен в *visum repertum*, он не подтвержден другими экспертами. Или: Мы || я надеюсь | что мы сможем инспирировать | моему подзащитному | что он еще сможет | встать на путь исправления ||*. Прокурору и адвокату нельзя ослаблять контроля за своим речевым поведением.

«Слог речи должен быть строго приличным как ради изящества ее, так и из уважения к слушателям», - писал П.С. Пороховщиков. Судебная речь достигает цели тогда, когда она исполнена внутреннего достоинства, когда внушает уважение к оратору. От того, насколько

уважительно относится судебный оратор к языку, к присутствующим в зале судебного заседания, зависит в какой-то мере повышение культуры судопроизводства, но в первую очередь от этого зависит уважение граждан к суду, усиление воспитательного воздействия судебных процессов. В заключение вспомним слова А.Ф. Кони: «Суд, в известном отношении, есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству».

Вопросы для самопроверки

1. Что такое этикет? 2. В чем заключается нравственный долг судебного оратора? 3. Что включает в себя этика речевого поведения? 4. Каким должно быть речевое поведение судебного оратора и какие условия влияют на его характеристики?

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. Профессиональная этика юриста в судебном процессе.

2. Речевое поведение судебного оратора.

Практическая часть

Задание 1. Изучите работу А.Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе», выразите мнение, какие ее положения приемлемы в наши дни, какие из них кажутся вам устаревшими. Обоснуйте свою точку зрения.

Задание 2. Прочитайте раздел из книги П. Сергеича «Искусство речи на суде» - «Художественная обработка речи» (см. Приложение 2); отметьте, какие вопросы

этики и как поднимаются адвокатом в речи по делу Андреева.

Задание 3. Проследите, как в речах П.Н. Обнинского и Ф.Н. Плевако по делу Качки осуществляется полемика. Какие речевые формулы способствуют этому?

Задание 4. На с. 198 приведена словоформа, употребленная адвокатом: *Извиняюсь*. Выразите мнение, соответствует ли данная форма замыслу адвоката и не нарушает ли она этические нормы.

Задание 5. Проследите, как соблюдается этика речевого поведения в полемике с процессуальным противником в речах П.А. Александрова, Н.П. Карабчевского, А.И. Урусова; в речах Н.П. Кана и Я.С. Киселева пронаблюдайте этичность в приемах защиты, в отношении к подсудимым, потерпевшим, свидетелям.

Задание 6. Сопоставьте точки зрения дореволюционных адвокатов В.Д. Спасовича, М.Г. К а з а р и н о в а , д о р е в о л ю ц и о н н о г о профессора-процессуалиста Л.Е. Владимирова, советского адвоката Д.П. Ватмана и известного современного адвоката Г.М. Резника. Выразите свое согласие или несогласие с авторами.

1. В.Д. Спасович в речи по делу Крестовского подчеркивал, что выбор адвокатом средств защиты должен быть предельно добросовестным, свободным от выбора клиента. В средствах защиты не должно быть места сомнительным доказательствам, предоставленным клиентом.

2. «...Если, защищая шахматного коня, я буду доказывать, что конь ходит прямо, а доска крива и что конь не черен, а бел, и, чтобы создать иллюзию белизны,

стану усердно чернить все окружающее, то такая защита моя, как построенная на началах фальши и обмана, будет достойна только осуждения...» (*Казаринов М.Г.* Речь по делу Укшинского).

3. «...судебный бой не есть академический спор, и здесь целесообразно быть односторонним и пристрастным... Будьте постоянно и неуклонно несправедливы к противнику... Рвите речь противника в клочки и клочки эти с хохотом бросайте на ветер. Противник должен быть уничтожен весь без остатка... Нужно осмеять соображения обвинителя, осмеивайте их! Будьте беспощадны. Придирайтесь к словам, к опiske, к ошибке в слове... Это ведь не умственный диспут, а потасовка словами, доводами, потасовка грубая, как сама общественная жизнь людей» (*Владимиров Л.Е.* Пособие для уголовной защиты. СПб., 1911).

4. «Взаимное уважение адвокатов друг к другу в ходе судебных прений, внимание к доводам своего процессуального противника, деловая товарищеская полемика, исключая некорректные выпады, пренебрежительный тон и тому подобные недостойные приемы, должны быть нерушимым правилом поведения на судебной трибуне» (*Ватман Д.П.* Адвокатская этика. М., 1977).

5. «Не будем предаваться самообману: права и законные интересы клиента для адвоката превыше всего» (Г.М. Резник; цит. по: *Барщевский М.Ю.* Адвокатская этика. М., 2000. С. 14).

Задание 7. Прочитайте статью А. Соболевой «Образ русского судебного оратора» [см. 207]; отметьте, какие вопросы этики судебного оратора поставлены и

рассматриваются в ней. Проведите обсуждение этой статьи.

Задание 8. Проанализируйте, как ведется полемика с процессуальным противником в обвинительной и защитительной речах по делу Артемьева, а также в речи в защиту Шемберга.

Задание 9. Подготовьте и проведите конференцию по вопросам профессиональной этики юриста в судебном процессе. Пригласите на конференцию судебных ораторов, которых вам приходилось слушать.

Тема 8. УСТНЫЙ ХАРАКТЕР СУДЕБНОЙ РЕЧИ

Речевой поток строится по законам устной формы речи.

О.Л. Лаптева. Русский язык. Энциклопедия

В работах, написанных юристами о культуре речи судебного оратора, авторы, давая какие-либо рекомендации, довольно часто не учитывают того, что под влиянием устной формы в речи появляется множество разговорных конструкций. Рассмотрим, как устная форма публичной речи влияет на оформление высказываний, как видоизменяет книжные речевые конструкции.

1. Спонтанность судебной речи

Устная речь охватывает все сферы коммуникации, различные по лингвистическим характеристикам, речевые жанры от типично разговорных неофициальных диалогических высказываний до таких устных монологических произведений официального характера, как лекция, доклад, митинговая речь, как узкопрофессиональная судебная речь и т.д. Поэтому в лингвистике различается подлинно устная речь и репродукция письменной речи. Подлинно устная речь - это речь не только звучащая, воспринимаемая на слух, но и не приведенная в письменную форму, это бестекстовые формы, имеющие только устную реализацию.

Специфика устной речи

Устная речь различается по смысловой направленности, по назначению, по числу участвующих в общении, по характеру порождения. Но, несмотря на ее многообразие, она обладает специфическими чертами, отличающими ее от письменной речи. Это прежде всего необратимость речевого потока и звуковое деление высказываний на отдельные отрезки - сегменты. Информация выдается этими сегментами самого различного построения: они могут совпадать с предложением, со словосочетанием, с одним словом.

Специфика устного высказывания состоит в том, что в каждой временной точке осуществляется один сегмент, вследствие чего становится невозможным фиксирование всех смысловых и тем более синтаксических связей; и это оказывает влияние на синтаксическое оформление высказывания, нередко ведет к его неструктурированности, к нарушению связности. Лингвисты определяют положение устной публичной речи на пересечении письменных разновидностей литературного языка и его устно-разговорной разновидности. В силу тематики, официальной ситуации публичная речь интеллектуализированна и в высокой степени близка к книжным стилям литературного языка; устная же форма ее реализации делает неизбежным появление особенностей спонтанной речи, в которой развертывание замысла в связное высказывание и реализация его происходят одновременно, без предварительного обдумывания.

По характеру порождения выделяются три больших класса устной речи: 1) устная речь, имеющая определенный письменный текст в качестве прототипа; 2) устная речь, которая может иметь, но не обязательно имеет письменный прототип; 3) устная речь, которая заведомо не может иметь письменного прототипа и лишь иногда и в определенных условиях подвергается письменной фиксации.

Подготовка судебной речи

Судебная монологическая речь по характеру порождения относится ко второму классу устной речи, которая отличается возможностью предварительной записи. Дореволюционные теоретики русского судебного ораторского искусства выражали различные точки зрения на необходимость написания текста судебной речи. А.Ф. Кони не советовал записывать весь текст, так как дело на суде может измениться и написанная речь окажется непригодной от начала до конца. «Я, никогда не писавший речей предварительно, позволю себе в качестве старого судебного деятеля сказать молодым деятелям: не пишите речей заранее, не тратьте времени, не полагайтесь на помощь этих сочиненных в тишине кабинета строк» [114. С. 459]. П.С. Пороховщиков считал, что текст речи должен быть написан: «Не исписав несколько сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу». Однако далее он пишет: «Из того, что речь должна быть написана в законченной форме, не следует, что она должна быть произнесена наизусть» [198. С. 305-307].

К.К. Арсеньев выражал мнение, что подготовка речи зависит от индивидуальных особенностей оратора. Кто расположен и способен к импровизации, у того заранее приготовленная речь выйдет искусственной, вялой, холодной; и наоборот, импровизация редко удается тем, чья сила заключается преимущественно в тщательной отделке речи, в многочисленных примерах.

В.Д. Спасович писал тексты речей полностью, но произносил их как экспромт. Ф.Н. Плевако иногда писал речь подробно, иногда это были полупамеки. Князь А.И. Урусов любил составлять для себя особые таблицы, на которых в концентрических кругах изображал улики и доказательства. Н.П. Карабчевский и П.А. Александров не

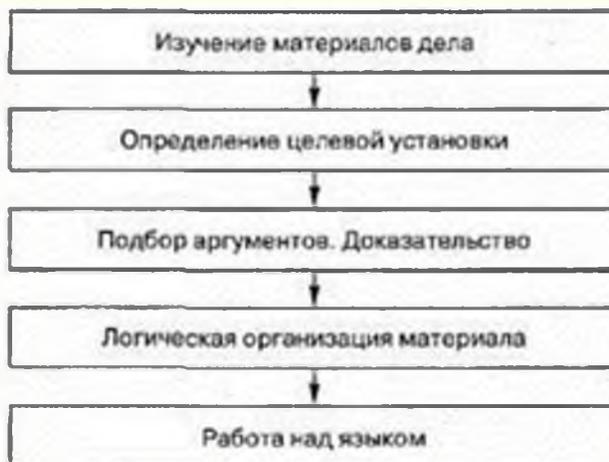
писали текстов речей, но всегда изучали дело во всех подробностях.

Вот что рассказывал о подготовке своих обвинительных речей А.Ф. Кони: «Ознакомившись с делом, я приступал прежде всего к мысленной постройке защиты (выделено мной. - *Н.И.*), выдвигая перед собой резко и определенно все возникающие и могущие возникнуть по делу сомнения, и решал поддерживать обвинение лишь в тех случаях, когда эти сомнения бывали путем напряженного раздумья разрушены и на развалинах их возникало твердое убеждение в виновности. Когда эта работа была окончена, я посвящал вечер накануне заседания исключительно мысли о предстоящем деле, стараясь представить себе, как именно было совершено преступление и в какой обстановке. После того, как я пришел к убеждению в виновности путем логических, житейских и психологических соображений, я начинал мыслить образами. Они иногда возникали передо мной с такой силой, что я как бы присутствовал невидимым свидетелем при самом совершении преступления, и это без моего желанья, невольно, как мне кажется, отражалось на убедительности моей речи, обращенной к присяжным» [113. С. 74-75].

Советские юристы, разработавшие теорию современной им судебной речи, отмечали, что важнейшую часть подготовки выступления составляет работа над содержанием. Готовить речь - значит думать, вынашивать мысли, отбирать из них те, которые особенно значимы, отшлифовывать их, располагать в определенном порядке.

С чего начинается подготовка судебной речи? - С изучения материалов (гражданского, уголовного) дела. После этого четко определяется тема речи и целевая установка (Это первое и, пожалуй, самое важное правило риторики!). Без этого хорошей речи не произнести. Далее риторика рекомендует подобрать материал, критически проанализировать и систематизировать его; определить, в каком порядке следует излагать материал по каждому конкретному делу. Этому поможет составление рабочего плана, в который вносятся формулировки отдельных положений, перечисляются факты, приводятся цифры (особенно по хозяйственным делам), которые необходимо использовать во время судебных прений. Такой план поможет правильно составить композицию речи. «Необходимо составить хотя бы подробный конспект, то есть изложить по пунктам в строгой логической последовательности основные мысли и важнейший доказательственный материал, подкрепляющий эти мысли... Без такого конспекта адвокат не вправе явиться в суд для выступления по самому простому делу», - напутствует М.Л. Шифман [249. С. 107-108].

Работу судебного оратора над речью в докоммуникативный период можно представить следующим образом:

ПЛАН РАБОТЫ АДВОКАТА над речью по уголовному (гражданскому) делу

1. Изучение материалов дела в полном объеме с изготовлением выписок по делу или копированием необходимых документов (по уголовному делу - это делается на следствии, по гражданскому - в период подготовки иска и оформления его).

2. Анализ позиции по делу, обсуждение ее с клиентом (подзащитным или доверителем), запрос необходимых дополнительных документов.

3. Обсуждение и анализ доказательственной базы, подготовка свидетельских показаний. Уточнение деталей, имеющих значение для дела.

4. Логическая организация материала; составление рабочего плана.

Во время судебного следствия работа над речью продолжается: судебный оратор собирает данные, полученные и проверенные в судебном процессе, вносит в предварительную схему речи все поправки и дополнения, вытекающие из данных, полученных и проверенных в судебном процессе. Завершающая работа по подготовке выступления обычно происходит после

судебного следствия^[79]. Адвокат в своей речи должен учесть и опровергнуть позицию прокурора и аргументы, приводимые им, поэтому последние дополнения и поправки в схему защитительной речи вносятся в процессе произнесения обвинительной речи. Защитник, если он выступает по групповому делу, не может не учитывать также и позиции других защитников, выступавших до него. В судебной практике наблюдается, что текст судебной речи, как правило, не пишется судебными ораторами полностью.

Однако даже в случаях, когда прокурор и адвокат имеют возможность тщательно подготовить текст выступления, и обвинительная, и защитительная речи не могут быть чтением письменного текста. Выполнить функцию воздействия в судебном процессе и оказать должное влияние на присяжных заседателей или профессиональных судей может только речь, творчески формируемая в процессе ее произнесения, когда она кажется слушателям импровизированной. «Судебная речь, - пишет М.Л. Шифман, - только тогда произведет должное впечатление, когда произносится устно, когда слушатели не видят всей, так сказать, черновой, предварительной работы, проделанной оратором» [249. С. 34]. Значит, судебная речь может быть подготовлена в плане содержания и композиции, но с точки зрения выбора языковых средств она является спонтанной.

В ней, как уже говорилось, обязательно будут записаны необходимые цифровые данные, ссылки на постановления пленумов Верховного Суда, на нормы

⁷⁹ Хорошие советы судебным ораторам по поводу подготовки судебной речи дают: Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. Л., 1985. С. 52-53; 66-67.

Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, на другие документы; даже могут быть приведены отдельные формулировки, цитаты из протоколов допроса, обвинительного заключения, из художественных произведений, показаний допрошенных в судебном следствии; однако чаще всего эти цитаты приводятся не дословно. Сравните: *Это понятие дано | в пункте двенадцатом | постановления Пленума | Верховного Суда | по делам о хищениях || И буквально там сказано | таким образом | что | преступная группа | это такая группа людей | которая совершает | которая договаривается | то есть по предварительному сговору | заранее | договаривается о совершении преступлений ||*. Или: *По смыслу статьи 297 | УПК | постановление | о судебном приговоре | Пленума Верховного Суда | говорит о том | что | приговор должен быть основан | только на достоверные | на достоверных данных | собранных в судебном заседании | которые не вызывали бы никакого сомнения | в их достоверности ||*. Несмотря на заготовленность некоторых высказываний, мысли говорящего формируются и формулируются в момент произнесения речи. Поэтому юристу важно воспитывать свою речь, работать над тем, чтобы она была чистой, правильной, богатой, чтобы в любой момент в любой ситуации он мог найти нужные языковые средства.

Устность судебной речи

Устность судебной речи неизбежно порождает переход от 3-го лица к 1-му и 2-му лицу - переход в разговорную тональность: *Я здесь не зря | задал вопрос |*

*свидетелю Никонову | значит | который на мой вопрос ответил | что не знает | кто кого | вовлекал в пьянство И то ли Балетдинов **нас** | то ли | мы его ||. Или: Вот вы здесь | слышали | выступление | классного руководителя || Она говорила о том что | для нас вот | такое положение Валерия | то преступление | которое он совершил | было настолько неожиданным | что мы | и весь коллектив | который знал его | который окружал его | находится буквально в шоке ||. Разговорность, своеобразный стиль беседы обеспечивают наиболее эффективное восприятие того, о чем говорит выступающий.*

В силу того что информация в устной речи продвигается смысловыми сегментами, не всегда возможно определить границы отдельных высказываний, так как у судебного оратора каждый раз имеется возможность добавить что-либо в пределах одного высказывания, например: *Если работнику милиции | даже показалось | что человек находится в нетрезвом состоянии | он обязан проверить | тем более работнику медицинского вытрезвителя ||. Высказывание могло быть закончено сегментом *он обязан проверить*, однако адвокат счел нужным уточнить необходимость проверки факта для работника медвытрезвителя, в результате чего последний сегмент *тем более работнику медицинского вытрезвителя*, относящийся по смыслу и синтаксическим связям к первому сегменту *если работнику милиции*, переводит высказывание в разговорную тональность. В высказываниях: 1) *они на Перенсона вышли на конечной остановке*; 2) *вот это вот | взаимное совращение | в пьянку | я в общем-то | прошу несколько учесть | само поведение потерпевших* - в результате прогрессивного (*вышли на конечной остановке; учесть само поведение**

потерпевших) и регрессивного (на Перенсона вышли; взаимное совращение учесть) управлений общелитературные структуры видоизменяются в устно-разговорные.

2. Разговорные конструкции в судебной речи

Отсутствие момента обдумывания во время произнесения судебной речи ведет к тому, что в ней появляются конструкции, общие с разговорной речью.

Смещение синтаксической перспективы высказывания

Так, оратор, начав оформление высказывания, в процессе речи понимает его недостаточную точность или не может осознать всех подчинительных связей слов и ищет новую форму выражения мысли, упуская при этом из-под контроля уже произнесенную часть фразы. В результате возникают самоперебивы или смещение синтаксической перспективы высказывания. Смещение перспективы может проявляться в отказе от продолжения начатого построения (например: *Человек / впервые совершил преступление/ и так сказать является / только-только создал молодую семью*), в изменении порядка слов, когда синтаксически связанные между собой слова отрываются друг от друга: «Десять килограмм / потерпевшей сала вернули //». Или: «Зайти они *во времянку* побоялись//». Или: «Необходимо решить вопрос / о том / признать ли *причину* уважительной /

пропуска срока | для вступления в наследство ||» (надо: 10 килограммов сала; зайти во времянку они побоялись; причину пропуска срока для вступления в наследство). Такие отклонения от обычного порядка слов корректируются интонационными средствами, местом логического ударения, паузами. Широко распространены конструкции, в которых определение стоит после определяемого существительного: «Никто не предложил ей *услуги такие*». Или: «Почувствовал боль *в боку правом*»; «*Это не говядина тушеная*». Или: «Только вот такой | *подход справедливый* | позволит найти правильное решение ||».

Высказывания могут быть семантико-синтаксически незавершенными: *Товарищи судьи | после того как Пшеничников | якобы ударил Горского | и вытащил у него 10 000рублей из кармана|и тут же | садится с ним в машину | и распивает с ним спиртное | что противоречит показаниям Акимова ||*. Или: *Молодой человек | который впервые | в своей непродолжительной жизни | очутился в непривычных для себя || обстановке | в окружении таких же молодых людей | и возможно | именно отсутствие | необходимого жизненного опыта | отсутствие именно житейской мудрости | житейских навыков | вот все это привело | э-э | к тому | что он упал | привело его к падению | привело к тому | что события | участниками которых |он является | породили состав преступления ||*. Незавершенной может оказаться, как видим, часть высказывания. Возникает незавершенность и в результате самоперебива, самопоправки. Появление самоперебивов в речи неизбежно, длительное течение устной речи без перебивов является маловероятным, встречается редко.

Паузы обдумывания

Спонтанность судебной речи порождает паузы обдумывания, в которых случаются различные заполнители: «Хотелось бы [буквально в нескольких словах (убыстр.)] / высказать соображения / относительно тех причин / которые сегодня / э-э / привели моего подзащитного / Юрия Слюнкова / на скамью подсудимых // Ну / безусловно / что первой причиной является собственное поведение / ну / в частности / поведение моего подзащитного //». Или: «Первым доказательством / являются / в общем-то / показания подсудимого//». Или: «Никто не пришел / к нему / на помощь / никто / не смог протянуть ему / руки / и / м-м / может быть / таким образом / уже после того / э-э / как он совершил / он / э-э / преступление / уже после того как / был / м-м / поставлен в детскую комнату / м-м / на учет / в инспекцию по делам несовершеннолетних //». Часты разного рода вставные слова и актуализаторы, усиливающие членение речевого потока: «Вот допрошен был свидетель / вот представитель ответчика //». Или: «Я прошу вас учесть / вот эти вот / доводы //». Или: «Почему именно Стуков / очутился как раз / именно вот среди тех ребят / которые...», вставные конструкции: «Именно от этого удара / как она пояснила / он свернулся в калачик / и после этого уже / значит / никаких признаков сопротивления / не оказывал //». Или: «Нам известно товарищи судьи / из тех дел / которые нам приходится рассматривать / [и очень часто (убыстр.)] что ведь / ни

одного такого случая / *значит* / наша судебная практика не встретила / чтобы в пьяном состоянии *понимаете* / подсудимый / залез бы на крышу / пятого этажа / или с девятого сбросился / или в огонь //», повторы: «Мой подзащитный признает / *признает* виновным себя //». Или: «И вот этот эпизод / *этот вот эпизод* / должен квалифицироваться по ст. 144-й части первой / Уголовного кодекса //». Или: «Но ведь все кончилось / *все кончилось* / с момента появления потерпевшей //».

Чтобы понять, как воздействует фактор устности на языковые характеристики судебной речи, сравним текст речи, написанный до судебных прений, часть которого адвокат по нашей просьбе должен был репродуцировать, и устный текст этой же речи:

«Самолет ТУ-154 временно потерял ориентировку, не зная своего местонахождения, а диспетчеры разных РЦ вели его к аэропорту назначения, не видя его на локаторах, не направляя его, когда он сбился с курса и в конце концов потерялся».

Устный текст:

«Самолет ТУ-154 / *выполнявший рейс из Москвы в Красноярск* / временно / потерял ориентировку / не знал своего местонахождения / а диспетчеры / разных радиочастот / *не буду их перечислять / представители которых / сидят на скамье подсудимых* / вели самолет / к аэропорту назначения / не видя на локаторах / *не зная точного местонахождения* / не направляли его / когда он сбился с курса / *в конце концов вообще потеряли // Это конечно не помощь / экипажу / не помощь //*».

В устной речи появились повторы, речевые отрезки, которых в письменном тексте нет (они выделены); даже в тех частях текста, которые оратор старался

репродуцировать, изменилось построение высказываний: деепричастия заменились глаголами, что характерно для устной речи (*не зная - не знал, не направляя - не направляли*).

Второй текст:

«И еще вопрос: случайно или целенаправленно экипаж нашел ориентировку? На мой взгляд, вопрос праздный, не имеющий никакого отношения к решению вопроса об ответственности. Главное в том, что экипаж сам, без посторонней помощи восстановил ориентировку и приземлился на своей полосе в аэропорту Красноярск. Учитывая напряженную возникшую ситуацию, за самообладание, летное и штурманское искусство мы должны быть благодарны экипажу. Но вместо благодарности при отсутствии всяких неблагоприятных последствий, без всякой необходимости экипаж оказался на скамье подсудимых».

Устный текст:

«И еще / *возникает* вопрос / случайно или целенаправленно / экипаж / нашел ориентировку // *С* *моей точки зрения* / на мой взгляд / вопрос / *в общем-то* праздный / *искусственный* / не имеющий никакого отношения / к ответственности // Главное / *заключается* в том / что экипаж сам / без посторонней помощи / восстановил ориентировку / и *успешно* / *успешно* приземлился / на своей полосе / в аэропорту Красноярска // Учитывая напряженную / возникшую ситуацию / за самообладание / *я бы даже сказал* / *не побоюсь этого* / за проявленное летное / и штурманское искусство / *в конкретной и напряженной ситуации* / мы должны быть благодарны экипажу // *Самолет сел на полосу* // *Никаких последствий нет* // *Все пассажиры*

живы и здоровы | и даже не знали | о неприятностях в ходе полета || Но получилось | что вместо благодарности | при отсутствии всяких неблагоприятных последствий | я бы сказал | без всякой необходимости | экипаж все-таки | оказался на скамье подсудимых ||».

Во втором примере появились повторы (*успешно | успешно приземлился*), вставные слова и конструкции, выражающие субъективную оценку: *с моей точки зрения | на мой взгляд; я бы даже сказал | не побоюсь этого*. Названные сегменты дублируют информацию, чем создают избыточность, характерную для спонтанной речи. Таким образом, заранее написанный текст выступления не может быть полностью репродуцирован, так как на него в значительной степени воздействует фактор устности, и сообщение перерабатывается согласно законам устной речи: изменяется синтаксическая структура высказываний, появляются разговорные элементы.

Типизированные предикативные конструкции

Устность судебной речи ведет даже к появлению в ней типизированных предикативных конструкций, характерных для разговорной речи. Прежде всего это конструкции с именительным темой, в которых подлежащее, выраженное именем существительным, дублируется местоимением, например: *Лица | проходящие лечение в ЛТП-3 | они доверены только | представителям хозяйственных органов ||*. Или: *Эпизод с*

Кондраковой | он также подтвержден ||. Или: И девушка вот тут она допрошена. Или: Федоров обучаясь в школе | он ведет большую общественную работу ||.

Неотчетливость границ высказывания в устно-речевом потоке вызывает появление конструкций наложения, основанных на расщеплении синтаксических связей слова (и нескольких слов), занимающего срединное положение в высказывании: *Они ремонтировали и тяпки они ремонтировали (ремонтировали и тяпки, тяпки они ремонтировали). Или: Вы вынесете обвинительный приговор Мальцеву несомненен (вынесете обвинительный приговор Мальцеву, обвинительный приговор несомненен). Или: Квиче лежал там на постели в этом купе спал (лежал в этом купе, в этом купе спал). Или: ...потом бросил совсем работать не стал (бросил совсем работать, совсем работать не стал).* Стремление устной речи словесно оформить в первую очередь наиболее важное сообщение и затем добавлять элементы пояснительного характера наиболее отчетливо проявляется в конструкциях добавления. Сравните: *Он характеризуется положительно Шварев. Или: Они дают нам преступников эти семьи. Или: Преснянская ее звала этого бригадира Клименкову. Или: По карманам у него никто у Соленкова не лазил.* Неотчетливость границ высказывания в устной речи порождает вопросительные конструкции с дополнительной фразовой границей: *Л коллектив | где | находился ||. Или: И это было сказано | кому | товарищи судьи ||. Или: А другие | разве исключены | возможности ||. Или: А Куркин | разве плохо | характеризуется ||.*

В потоке устной монологической речи с ее стремлением к уточнениям могут быть допущены иногда плеоназмы (напр.: *с самого первого начала; вот это все |*

суммируя вместе / я считаю; Ивановой она давала 80 000 рублей денег; мертвый труп; темные тени); тавтология: Крамарейко не отрицает / тех эпизодов обвинения / которые ему предъявлены / согласно предъявлению обвинения / и обвинительного заключения //. Или: *Имеется только основной признак / квалификации / квалифицирующий его действия //*. Или: *Их объединяет единство целей. Могут возникнуть различные контаминации, лексические несовместимости: «Она высказала и другие слова». Или: «Файкович проявил / сквернословие / в общественном месте //»*. Или: *«Все меры воспитательного характера / они положительного результата / на него не оказали //»*. Или: *«Коллектив не проявил / мер воспитательного характера //»*. Или: *«Тихо несущееся тело»*.

Даже в устойчивых словосочетаниях юридического характера (клише) наблюдаются случаи лексической несочетаемости, например: *нанес телесные повреждения, предъявить меры наказания, проявил хулиганские действия*. Кроме того, воспроизводя в необходимых случаях показания свидетелей или потерпевшего, судебный оратор может использовать разговорную лексику и синтаксис, присущие речи допрашиваемого.

Устность, как можно наблюдать из приведенного материала, неизбежно ведет к изменению структуры высказывания, к появлению в речи разговорных конструкций, которые не являются «случайными, эпизодическими инкрустациями»^[80].

⁸⁰ Ср. мнение: Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 61-72.

В.В. Виноградов в работе «О теории художественной речи» писал: «Ораторская речь - этот термин настраивает на убеждение, что в ораторской речи использованы, главным образом, синтаксические формы, синтаксические фигуры, лексика и интонации разговорного, звучащего языка. Это представление поддерживается мыслью об убеждающей, волевой функции ораторской речи». Однако не следует путать языковые явления, порождаемые устностью судебной речи, с погрешностями, которые появляются в результате незнания определенных норм литературного языка или в результате небрежного отношения к выбору слов, к построению высказываний.

Лингвистические термины

Контаминация - смещение, скрещивание, объединение языковых единиц на основе ассоциации: *играет значение, имеет роль* и т.д.

Предикативные конструкции - предложения.

Репродукция письменной речи - в устной публичной речи: чтение написанного текста.
Спонтанность - отсутствие предварительного обдумывания высказывания.

Вопросы для самопроверки

1. Какую речь можно считать подлинно устной? 2. Что такое спонтанность речи? 3. Как устная форма речи влияет на синтаксическую структуру высказывания? 4. Какие разговорные явления характерны для устной монологической речи?

Примерный план практического занятия

Теоретическая часть

1. Подготовка судебной речи.
2. Устность судебной речи.
3. Разговорные конструкции в судебной речи.

Практическая часть

Задание 1. Возьмите интервью у двух-трех судебных ораторов о подготовке к произнесению речи в суде, сообщите об этом на практическом занятии. Выразите мнение о спонтанности судебной речи.

Задание 2. Прочитайте обвинительную речь по делу Кителева (с. 399), отметьте в ней языковые явления: 1) порожденные устной формой реализации, 2) нарушающие нормы литературной речи.

Задание 3. Прочитайте речь Ф.Н. Плевако по делу рабочих Коншинской фабрики и, имея текст речи перед собой, произнесите ее устно (не репродуцируйте!) перед микрофоном; записанную на магнитную пленку речь проанализируйте с точки зрения устности. Обратите внимание, как книжно-письменные средства изменяются в устно-разговорные. Не забывайте о технике речи.

Задание 4. Посетите судебный процесс. Если возможно, запишите судебные речи на магнитную пленку. Прослушайте запись в аудитории, выделите сегменты речи; отметьте изменение конструкций под влиянием фактора устности.

Задание 5. Подготовьте обвинительную или защитительную речь по материалам, приведенным в заметке «Страшная месть». Произнесите ее в аудитории (не забывайте о назначении и качествах судебной речи); проанализируйте ее с точки зрения ответственности

(отметьте, какие средства использует оратор с целью воздействия) и с точки зрения устности.

Страшная месть

Татьяна Спиридонова прощалась, уходя с заседания суда, с мальчиками-сыновьями. Они рыдали горько, не в состоянии по малолетству понять всю трагедию случившегося, но чувствующие и осязающие дыхание большой беды. Им еще предстоит мыкать горе. Очень рано судьба столкнула их со страшной стороной взрослой непонятной, жестокой жизни.

Мать Татьяны не смогла сказать дочери на прощанье ни слова: после оглашения приговора ее, бесчувственную, вынесли из зала суда.

Татьяна прошла мимо односельчан, мимо просто любопытных, пришедших взглянуть на женщину, лишившую жизни мужа, шагнула в ту, другую жизнь. Годы и годы ей придется провести за колючей проволокой. Шагнула, говоря словами характеристики, хорошей матерью.

Такого ЧП не припомнят и старожилы Переясловки. Жена руками задушила своего родного мужа. Следствие, а затем и народный суд содеянное признали умышленным.

Материалы подобного разбирательства свидетельствуют о том, что на протяжении ряда лет В. Спиридонов увлекался спиртными напитками, наносил оскорбления жене, проявлял агрессивность не только по

отношению к супруге, но и к теще. Из-за пьянок в семье часто возникали ссоры. То же самое произошло и 28-го декабря минувшего года. Не станем вдаваться во все тонкости семейной жизни и последнего его дня. Только скажу: пьянка и ссора с женой была роковой. Произошла страшная месть за все то, что пришлось терпеть во время супружеской жизни.

Сегодня вдова пояснила суду, что она не имела умысла на убийство мужа. Она хотела успокоить его буйство, как это не раз делала раньше. Оградить свою мать и детей от нападков мужа. Однако сдавливание горла оказалось настолько сильным, что привело к смерти.

Совершив тяжкое преступление, жена решила скрыть это. Своей матери, которая в этот день была в семье, сказала, что муж уехал, а куда, не знает. То же самое говорила и сельчанам, кто интересовался. Люди верили ей. А верили потому, что у покойного при жизни были выезды к брату в село соседнего района.

О случившемся Татьяна не заявила ни в сельсовет, ни в правоохранительные органы, а попросила одного молодого человека съездить в Красноярск и сообщить ее брату. Просьба женщины была выполнена. Брат посоветовал сестре увезти труп ее мужа в поле и сжечь. 30-го декабря брат с гонцом труп, завернутый в ткань, из сарая погрузили в сани и увезли в поле. Обложив его сеном и облив бензином, красноярец поджег труп. Посидев несколько минут у необычного костра, люди вернулись в село.

На следующий день они решили снова навестить усопшего и посмотреть плоды своей работы. На всякий случай прихватили канистру солярки. Останки

Спиридонова обильно полили соляровым топливом и снова подожгли...

Как и в других, в этой семье тоже встречали Новый год. Только в отсутствие хозяина. Бывший глава семьи, обгоревший, две недели лежал на доске у одного колка. Никому не нужный и всеми забытый. И сколько бы он почивал на снежной «перине», если бы не случайная находка «уехавшего» человека. Итак, тайна стала явной. Состоялось судебное заседание по рассмотрению дела об убийстве В.С. Спиридонова. Все виновные понесли соответствующее наказание. Татьяна чуть ли не до конца 2000-го года будет находиться в заключении, в разлуке с сыновьями, матерью и братьями.

Татьяна по-своему выбрала путь спасения детей. Но он ложный. Куда легче было бы сделать развод с бывшим мужем и остаться с сыновьями. Об этом ей говорили и родные. Но она верила раскаяниям мужа и прощала ему нанесенные ей обиды, оскорбления и побои. Но пришла пора: чаша терпения переполнилась. Союз супругов расторгнут. Но как? Один в могиле, другой в казенном доме, а дети где? Кто им заменит мать, отца?

Если Спиридонов характеризуется больше с отрицательной стороны, то Татьяна - с положительной. Она спокойная, общительная, подтянутая, трезвенница, добросовестно относилась к труду, хорошая мать.

Как хочется пожелать ей не озлобиться, найти в себе силы, выстоять, искупить вину перед людьми, убиенным, детьми, матерью, совестью. Мне жаль эту женщину. За то, что не цвела в замужестве. За то, что не смогла найти выход из своего нескладного существования.

Задание 6. Подготовьте выступления о культуре публичной речи, об ошибках (логических и речевых) в речи судебного оратора. Организуйте конференцию по вопросам культуры судебной речи, пригласите на конференцию судебных ораторов, речи которых вы слышали.

Задание 7. Прочитайте речь адвоката В.Л. Россельса в защиту Семеновых (с. 376). Отметьте в ней черты, характерные для устной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы прочитали последнюю страницу. Насколько удалось автору ответить на ваши вопросы, насколько книга оказалась важной и полезной в вашей практической деятельности, - судить вам. Но совершенно очевидно, что хороший судебный оратор - человек широкой эрудиции, так как судебное красноречие требует огромного объема знаний из различных областей человеческой деятельности. «Эрудиция, - пишет И.А. Шведов, - не падает с куста, не дается с молоком матери; ее надо делать, накапливать упорно и настойчиво - всю жизнь, что называется, до гробовой доски».

Подведем итоги. Что делать для того, чтобы стать хорошим оратором? С чего начать обучение?

«Прежде чем научиться говорить, следует научиться мыслить», - учит риторика.

Необходимо накапливать знания, читать литературу по теории ораторского искусства, изучать принципы построения речи, овладевать логикой доказательств, логическими и риторическими приемами воздействия. Для этого предлагается большой список литературы.

Следует читать судебные речи известных дореволюционных и советских юристов, анализировать, чем достигается их успех, каковы их языковые характеристики.

Нужно слушать лекции на правовые темы и судебные речи современных юристов и анализировать ораторскую деятельность выступающих.

Очень полезно как можно чаще выступать с публичной речью: на семинарах, в группе товарищей, на конференциях, на импровизированных судебных процессах и т.д., ставя перед собой задачу убедить слушателей. Это поможет выработать уверенность в себе.

Обязательно развивать речевые навыки: добиваться правильности, чистоты, богатства, индивидуальности речи; отрабатывать технику речи.

Культура речи начинается там, где знание переходит в навык.

Большую помощь в обучении окажет обязательный анализ каждого своего выступления, в котором следует отмечать успехи и причины неудач. Лучше всего каждую свою речь записывать на магнитную пленку: так вы услышите все ошибки и сможете понять, чего вы достигли по сравнению с предыдущим выступлением.

Когда почувствуете, что судебная аудитория внимательно слушает вас и внутренне соглашается с вашим мнением; когда поймете, что любите ораторский труд и свободно пользуетесь логическими и риторическими средствами убеждения; когда убедитесь, что суд принимает во внимание ваши аргументы, ваши оценки, - вот тогда можете считать, что вы как оратор состоялись.

Литература ^[81]

1. *Адамов Е.А.* Выдающиеся ораторы древнего мира и средних веков. М, 1961.
2. *Адамов Е.А.* Из истории ораторского искусства. М.5 1965.
3. Адвокатура и современность: Сб. статей / Отв. ред. В.М. Савицкий. М., 1987.
4. *Ажам М.* Искусство говорить публично. СПб., 1900.
5. *Александров Д.Н.* Логика. Риторика. Этика: Учеб. пособие. М., 2002.
6. *Александров Д.Н.* Основы ораторского мастерства, или В погоне за Цицероном: Учеб. пособие. М., 2003.
1. *Александров Д.Н.* Риторика: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд. М., 2004.
8. *Александров Д.Н.* Самоучитель красноречия. М., 2003.
9. *Алексеев Н.С., Макарова З.В.* Ораторское искусство в суде. Л., 1989.
10. *Алексеева Л.Б.* Прения сторон // Защитник в суде присяжных / Отв. ред. Н.В. Радутная. М., 1997.

⁸¹ Список литературы обновлен. Из устаревших источников оставлены лишь те, которые имеют какую-либо значимость для юристов: для углубленного изучения вопроса, для сравнительной характеристики и т.д.

11. *Андреев В.И.* Деловая риторика: Практический курс для творческого саморазвития, делового общения, полемического и ораторского мастерства. Казань, 1993.

12. *Андреевский С.А.* Драмы жизни. Защитительные речи. Пг., 1916.

13. *Андреевский С.А.* Защитительные речи. М., 1891; СПб., 1909.

14. *Андреевский С.А.* Избранные труды и речи: Защитительные речи. Несудебные речи. Литературные портреты. Стихи. Тула, 2000.

15. *Аннушкин В.И.* История риторики. М., 2000.

16. *Аннушкин В.И.* Риторика. Пермь, 1997.

17. *Антоненко Т.А.* Словесность в юриспруденции: Курс лекций. Ростов н/Д, 1999.

18. *Ария С.Л.* Генеральные принципы этики адвокатов Международной ассоциации юристов // Российская юстиция. 1996. № 2.

19. *Ария С.Л.* Защитительные речи и жалобы. М., 1991.

20. *Ария С.Л.* Мозаика: Записки адвоката. Речи. М., 2000.

21. *Арсеньев К.К.* Русское судебное красноречие // Вестник Европы. 1888. Книга 4.

22. *Арсеньев К.К.* Французская адвокатура. Ч. 1 // Вестник Европы. 1886.

23. *Афанасьева О.В., Пищелко А.В.* Этика и психология в профессиональной деятельности юриста. М., 2001.

24. *Баишева З.* Психолого-риторические основы убедительности обвинительной речи // Законность. 2004. № 2.

25. *Баркалова О., Сидорова Л.* Судебная речь в социалингвистических и психоллингвистических исследованиях // Структуры языкового сознания. М., 1990.

26. *Барщевский М.Ю.* Адвокатская этика. М., 2002.

27. *Бахтызин А.М.* Ораторское мастерство Ф.Н. Плевако // Русская речь. 1989. № 6.

28. *Боботов С.В., Чистяков Н.С.* Суд присяжных: история и современность. М., 1992.

29. *Божьев В.* К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1.

30. *Бойко А.* Язык Феиды: О формировании речевой культуры будущего юриста // Высшее образование в России. 1999. № 5.

31. *Бойков А.Д.* Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978.

32. *Бойков А.Д., Капинус Н.И.* Адвокатура России. М., 2000.

33. *Букреев В.И., Римская И.И.* Этика права. 1998.

34. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2001.

35. *Васьковский Е.В.* Основные вопросы адвокатской этики. СПб., 1895.

36. *Ватман Д.П.* Адвокатская этика. М., 1977.

37. *Ватман Д.П.* Судебные речи (по гражданским делам). М., 1989.

38. *Введенская Л.А., Павлова Л.Г.* Риторика для юристов: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2002.

39. *Величко А.Р.* О «русскости» русского языка наших дней // *Русская речь*. 1995. № 6.

40. *Викут М.А., Зайцев ИМ.* Гражданский процесс в России. М., 2001.

41. *Виноградова Т.Ю.* Моделирование публичной судебной речи как специального текста // *Проблемы педагогической лингвистики*. Казань, 1989.

42. *Виноградова Т.Ю.* Психолингвистическая характеристика личности судебного оратора // *Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект*. Казань, 2003.

43. *Виноградова Т.Ю.* Функционально-стилистические особенности публичной судебной речи. Воронеж, 1991.

44. *Владимиров Л.Е.* *Advokatus miles*: Пособие для уголовной защиты. СПб., 1911.

45. *Владимиров Л.Е.* Защитительные речи и публичные лекции. М., 1882.

46. *Владимиров Л.Е.* Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901.

47. *Владимиров Л.Е.* Русский судебный оратор А.Ф. Кони. Харьков, 1889.

48. *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.

49. *Волкодаев Н.Ф.* Правовая культура судебного процесса. М., 1980.
50. *Володина С.* Справедливость не может быть косноязычной // Российская юстиция. 2002. № 9.
51. *Волькенштейн Ф.Я., Бобрищев-Пушкин А.М.* Прения сторон в уголовном процессе. СПб., 1903.
52. *Ворожейкин Е.М., Выдря ММ.* Предисловие // Судебные речи известных русских юристов / Сост. Е.М. Ворожейкин. М., 1958.
53. *Гаврилов С.Н.* Адвокатура в Российской Федерации: Учеб. пособие. М., 2000.
54. *Гаррис Р.* Школа адвокатуры: Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. СПб., 1911.
55. *Глинский Б.* Русское судебное красноречие. СПб., 1897.
56. *Голованиевская М.* Говорите проще. И народ к вам потянется // Соотечественники: русская культура вне границ. М., 1999. Вып. 5.
57. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. 2-е изд., испр. М., 1988.
58. *Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.* Секреты хорошей речи. М., 1993.
59. *Гольдинер В.Д.* Защитительная речь. М., 1970.
60. *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П.* Судебная этика. Воронеж, 1978.
61. *Граудина Л.К, Миськевин Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

62. *Губаева Т.В.* Словесность в юриспруденции. Казань, 1995.
63. *Дагуров Г.В.* Достаточно и довольно // Русская речь. 1994. № 2.
64. *Девяткина Е.В.* Рыцарь правосудия. Нравственная позиция ратора в обвинительных речах А.Ф. Кони // Русская речь. 2004. № 1.
65. *Девяткина Е.В.* Современная речь адвоката в свете теории ораторского искусства // Типы языковых единиц и особенности их функционирования. Саратов, 1993.
66. *Демидов В., Санинский Р.* Эффективность государственного обвинения// Законность. 2004. № 8.
67. *Демидов О.В.* Русское судебное красноречие в контексте современности: лингвистический подход (Анализ обвинительных речей А.Ф. Кони) // Вести Челяб. ун-та. Серия 2. Филология. 1999. № 2.
68. Дореволюционные юристы о прокуратуре: Сб. статей. СПб., 2001.
69. *Дулов А.В.* Судебная психология. Минск, 1975.
70. *Еникеев М.И.* Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 1999.
71. *Жалинскш А.Э.* Профессиональная деятельность юриста. Введение в специальность: Учеб. пособие. М., 1997.
72. *Жебелев С.А.* Демосфен. Берлин, 1922.
73. *Жуйков В.* Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6.

74. *Жураковский В.А.* Споры в судах общей юрисдикции: судебная практика и применение законодательства. М., 2002.

75. *Закомлистов А.Ф.* Система современной судебной этики. М., 2002.

76. *Закомлистов А.Ф.* Судебная этика. М., 2002.

77. *Зарецкая Е.Н.* Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 2002.

78. Защита в суде: теория и практика судебных споров. М., 1999.

79. Защитник в суде присяжных / Отв. ред. Н.В. Радутная. М., 1997.

80. *Звездов А.* Обучать студентов искусству судебной речи // Соц. законность. 1953. №11.

81. *Звягинцев А.Г.* Око государево: Русские прокуроры XVIII в. М, 1994.

82. *Звягинцев А.Г.* От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. М., 2001.

83. *Звягинцев А.Г.* Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. М., 2001.

84. *Звягинцев А.Г., Орлов /О. Г.* Распятые революцией: Российские и советские прокуроры. М., 1998.

85. *Звягинцева Л.М., Илюхина М.А., Решетникова И.В.* Доказывание в судебной практике по гражданским делам: Учебно-методическое пособие. М., 2000.

86. *Зинатуллин Т.З.* Этический аспект судебных прений // Вестник Удм. ун-та. 1998. № 1.

87. *Ивакина Н.Н.* Профессиональная речь юриста: Учеб. пособие. М., 1997.
88. *Иванушкина П.Ф.* Риторика. Логические, психологические и языковые основы речевой деятельности. Ставрополь, 1993.
89. *Ивин А.А.* Искусство правильно мыслить. М., 1990.
90. *Ивин А.А.* Риторика: искусство убеждать: Учеб. пособие. М., 2001.
91. Истина и закон: Судебные речи известных российских и зарубежных адвокатов / Сост. И.Я. Козаченко. СПб., 2003.
92. История русской адвокатуры. Т. 1: *Гессен И.В.* Адвокатура, общество и государство (1864-1914). М., 1997.
93. *Казанцев СМ.* «Судебная республика» царской России // Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг. / Сост. СМ. Казанцев. Л., 1991.
94. *Каприченкова Е.И.* О культуре звукового аспекта речи // Структуры языкового сознания. М., 1990.
95. *Карабчевский И.П.* Около правосудия. СПб., 1902.
96. *Карабчевский ИИ.* Речи. 1882-1914. Пг., 1916.
97. *Качалова О.В.* Адвокатура в Российской Федерации: Учеб. пособие. М., 2000.
98. *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: Учебник для юридических вузов. М., 1987.
99. *Кириллова Н.* Государственное обвинение в суде // Законность. 2004. № 5.

100. *Киселев Я.С* Некоторые вопросы психологии в речи адвоката // Правоведение. 1976. № 4.
101. *Киселев Я.С.* Перед последним словом. М., 1982.
102. *Киселев Я.С* Судебные речи. Воронеж, 1971.
103. *Киселев Я.С.* Этика адвоката. Л., 1974.
104. *Кисенишский И.М.* Судебные речи по уголовным делам: процессы, защита, законность. М., 1991.
105. *Кисенишский И.М., Кисенишский М.М.* Известные судебные процессы нашего времени (Записки адвокатов-участников). М., 1996.
106. *Кнапп В., Герлох В.* Логика в правовом сознании. М, 1987.
107. *Кобликов А.С* Юридическая этика. М., 1999.
108. Кодекс профессиональной этики адвоката// Российская юстиция. 2003. № 1.
109. Кодекс судейской этики // Российская юстиция. 2003. № 4.
- ПО. *Козаржевский А.Ч.* Античное ораторское искусство. М., 1980.
111. *Колтунова М.В.* Что несет с собой жаргон // Русская речь. 2003. № 1.
112. *Комарова И.А.У Сидорова НА.* Судебная этика: Учеб. пособие. СПб., 1993.
113. *Кони А.Ф.* Избранные произведения. М., 1956.
114. *Кони А.Ф.* На жизненном пути. СПб., 1912.
115. *Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1967-1969.

116. *Кони А.Ф.* Судебные речи. СПб., 1905.
117. *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. М., 1989.
118. *Костанов Ю.А.* Речи судебные... и не только. М., 1999.
119. *Кравченко А.А.* Записки адвоката. Минск, 2000.
120. *Крыленко Н.В.* Судебные речи. Избранное. М., 1964.
121. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в роли эвфемизма // Русский язык в школе. 1999. № 3.
122. *Кузнецова Т.Н., Стрельникова И.П.* Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976.
123. *Кузьмина Н.В.* Искусство убеждать // Труд. Контакты. Эмоции. Л., 1980.
124. *Леей А., Панкин А.* Нравственные и этические требования к адвокату // Российская юстиция. 2003. № 3.
125. *Леоненко В.В.* Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981.
126. *Ликас А.Л.* Культура правосудия: Практическое пособие. М., 1990.
127. *Лисий.* Речи. М., 1994.
128. *Лисоненко Л.В.* Убеждение как назначение судебной речи в дидактическом и методическом освещении // Личность, речь и юридическая практика. Ростов н/Д, 2003. № 6.
129. *Лившиц В.И.* Слово адвокату. М., 1990.
130. *Ломовский В.* Ораторское искусство для целей правосудия // Российская юстиция. 1998. № 9.

131. *Лупинская П.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7.

132. *Луцкий К.Л.* Судебное красноречие. СПб., 1913.

133. *Львова Е.Ю.* Тактика ведения защиты в суде присяжных // Суд присяжных: проблемы и практика применения законодательства. Вып. 37. М., 1996.

134. *Любимова Л.М. А.Ф.* Кони - судебный оратор (из истории русского судебного красноречия) // Высшая школа: гуманитарные науки и гуманистические основы образования и воспитания. Чита, 1996.

135. *Ляхов Ю.А., Филимонов Г.А.* Суд присяжных: Российская действительность и традиции. М., 1998.

136. *Ляховецкий Л.Д.* Характеристики известных русских судебных ораторов. СПб., 1897.

137. *Мадэлин Беркли - Ален.* Забытое искусство слушать. СПб., 1997.

138. *Маклаков В.А. Ф.Н.* Плевако. М., 1911.

139. *Мальцев Г.* Какой юрист сегодня нужен обществу // Российская юстиция. 2001. № 5.

140. *Манаев Ю.В.* Исследование в суде личности обвиняемого // Правоведение. 1969. № 2.

141. *Манкевич Т.* Выступаю государственным обвинителем // Соц. законность. 1983. № 7.

142. *Матвиенко Е.А.* Судебная речь. Минск, 1972.

143. *Мельник В. В.* Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000.

144. *Мельник В.* Как произнести убедительную судебную речь? // Уголовное право. 1999. № 4.

145. *Мельник В.В.* Нравственные основы искусства защиты и обвинения. Роль совести в процессе доказывания // Российская юстиция. 1996. № 3-6; № 8.

146. *Мельник В.* Основы защиты в суде присяжных // Адвокат. 1996. № 5.

147. *Мельник В.* Ораторское искусство в состязательном уголовном процессе с участием присяжных заседателей: В 3 ч. // Адвокат. 1999. № 3-5.

148. *Миртов А.В.* Умение говорить публично. Тула, 2000.

149. *Михайлова Т. А.* Участие прокурора в прениях в суде присяжных // Законность. 1995. № 5.

150. *Михайловская Н.Г.* Судебная речь в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Русский язык в школе. 1997. № 6.

151. *Михайловская Н.Г., Одинцов В.В.* Искусство судебного оратора. М., 1981.

152. *Морилао А., Дебен Г.* Судебные ораторы в древнем мире. СПб., 1895.

153. *Москалькова Т.Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996.

154. *Непряхина Т.В.* Юридическая риторика: Учеб. пособие. М., 2000.

155. *Овсянников И.* Логика доказывания в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 9.

156. Ораторы Греции / Под ред. С. Аверинцева. М., 1985.

157. Ораторы Греции (Сборник) / Состав, и научная подготовка текстов М. Гаспарова. М., 1985.
158. *Орлов Ю.К.* Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 28. М., 1978.
159. Памяти А.Ф. Кони // Государство и право. 1996. № 1.
160. *Панасюк А.Ю.* Психология профессиональной коммуникации юриста // Юрист. 1996. № 2.
161. *Паничева А., Костанов Ю.* Образец ясного и изящного изложения фактов // Российская юстиция. 2002. № 12.
162. *Пашин С.А.* От социалистического правосознания к здравому смыслу // Российская юстиция. 1996. № 6.
163. *Перлов И.Д.* Судебная этика // Советское государство и право. 1970. № 12.
164. *Пиринова Н.В.* Официально-деловой стиль в судебных речах Плевако // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. Пятигорск, 2003. № 2.
165. *Пиюк А.* «Истина» и «доказанная достоверность» // Российская юстиция. 1999. № 5.
166. *Плевако Ф.Н.* Избранные речи. М., 1993.
167. *Плевако Ф.Н.* Речи. М., 1909-1912.
168. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1961-1964.
169. *Поварнин СИ.* Спор. О теории и практике спора. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

170. *Подголин Е.* О стиле судебной речи // Сов. юстиция. 1981. № 20.
171. *Подголин Е.* Юридическая речь в уголовном судопроизводстве // Сов. юстиция. 1985. № 20.
172. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей / Под ред. СИ. Герасимова. М., 2002.
173. *Покровский А.* О красноречии древних эллинов. Нежин, 1903.
174. *Понарин В.Я.* Прения сторон, последнее слово подсудимого // Сб. науч. тр. Воронеж, высш. школы МВД России. 1997. Вып. 5.
175. Правила профессиональной адвокатской этики // Российская юстиция. 1999. № 3.
176. Прокурор в суде присяжных / НИИ укрепления законности и правопорядка. М., 1995.
177. Профессиональная этика работников правоохранительных органов / Под ред. Г.В. Дубова, А.В. Опалева. М., 1999.
178. *Прощунин Н.Ф.* Что такое полемика? М., 1985.
179. Рабочая тетрадь по суду присяжных / American Bar Association. М., 1995.
180. *Радченко В.И.* Изучение ораторского искусства в США. М., 1991.
181. *Резник Г.М.* Адвокат: престиж профессии // Адвокатура и современность. М., 1987.
182. *Резник Г.М.* Рыцарь правосудия // Плевако Ф.Н. Избранные речи. М., 1993.

183. *Резниченко И.* Издержки в защитительной речи // Российская юстиция. 2002. № 11.
184. *Резниченко ИМ.* Основы судебной речи: Учеб. пособие. Владивосток, 1976.
185. Речи известных русских юристов / Сост. П.М. Захаров, Е.П. Черкаши-на. М., 1985.
186. *Решетникова И.В.* Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2000.
187. *Решетникова И.* Состязательная система доказывания: новеллы АПК РФ // Российская юстиция. 2003. № 9.
188. *Роберт Пейент В.* Судейская этика: вчера и сегодня // Российский судья. 1999. № 1.
189. *Рогачевский Л.* Воспитательное значение речи адвоката // Сов. юстиция. 1981. № 7.
190. *Россельс В.Л.* Судебные защитительные речи. М., 1966.
191. *Руденко Р.А.* Судебные речи и выступления. М., 1987.
192. *Рузавин Г.И.* Логика и аргументация. М., 1997.
193. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост. И. Потапчук. Тула, 1997.
194. *Савицкий В.М.* Что такое уголовный процесс? М., 1987.
195. *Савкова З.В.* Искусство оратора: Учеб. пособие. СПб., 2000.

196. *Савкова З.В.* Средства речевой выразительности. Л., 1982.
197. *Савкова З.В.* Техника звучащего слова. СПб., 1997.
198. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1988; Тула, 1998;
199. *Смолярчук В.И.* Адвокат Федор Плевако: очерк жизни и деятельности адвоката Ф.Н. Плевако. Челябинск, 1989.
200. *Смолярчук В.И.* Анатолий Федорович Кони. М., 1981.
201. *Смолярчук В.И.* А.Ф. Кони и его окружение: Очерки. М., 1990.
202. *Смолярчук В.И.* В.Д. Спасович: ученый, юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право. 1982. № 10.
203. *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова: Русские судебные ораторы второй половины XIX - начала XX века. М., 1984.
204. *Смолярчук В. И.* Н.П. Карабчевский - русский судебный оратор и писатель // Советское государство и право. 1983. № 8.
205. *Смолярчук В.И.* «Только в творчестве есть радость» // Законность. 1993. № 13.
206. *Смолярчук В.И.* Ф.Н. Плевако - судебный оратор. М., 1989.
207. *Соболева А.* Образ русского судебного оратора // Российская юстиция. 2002. № 2-3.

208. *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Минск, 2001.
209. *Соловьева Т.А.* Высокая лексика в речах русских юристов второй половины XIX века // Структуро-семантический анализ единиц языка. Тула, 1994.
210. *Сопер П.Л.* Основы искусства речи. М., 1992.
211. *Спасович В.Д.* Семь судебных речей по политическим делам. СПб., 1908.
212. *Спасович В.Д.* Сочинения. СПб., 1913.
213. *Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1884.
214. *Старкова Н.В.* Имидж // Русская речь. 1992. № 5.
215. *Стешов А.В.* Как победить в споре: О культуре полемики. Л., 1991.
216. *Столяренко А.М.* Психологические приемы в работе юриста: Практик. пособие. М., 2000.
217. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг. / Сост. СМ. Казанцев. Л., 1991.
218. Судебное красноречие русских юристов прошлого / Сост. Ю.А. Коста-нов. М., 1992.
219. Судебные ораторы Франции XIX в. / Отв. ред. М.М. Выдря. М., 1959.
220. Судебные прения по уголовным делам: Учеб. пособие / Н.Ш. Сафин и др. Казань, 1992.
221. Судебные речи: Сборник / Автор-составитель М.Ф. Чудаков. Минск, 2002.

222. Судебные речи государственных обвинителей / Под ред. Е.О. Кузьминой, Н.В. Губановой. Красноярск, 1995.

223. Судебные речи знаменитых русских адвокатов / Сост. Е.Л. Рожникова. М., 1997.

224. Судебные речи известных русских юристов / Сост. Е.М. Ворожейкин. М., 1960.

225. Судебные споры: Материалы судебной практики, образцы документов, комментарии / Общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2000.

226. *Сычев О.А.* Обучение риторике в эпоху компьютеров: введение в опыт США. М., 1991.

227. *Тарнаев Н.Н.* Судебные речи: Учеб. пособие. Иваново, 1983.

228. *Тимофеев А.Г.* Очерки по истории красноречия. СПб., 1899.

229. *Тимофеев А.Г.* Речи сторон в уголовном процессе. СПб., 1897.

230. *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России: критические очерки. СПб., 1900.

231. *Ткачев В.* От Кодекса чести судьи к Кодексу судейской этики // Российская юстиция. 2003. № 3.

232. *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы

1866-1904 г. Тула, 2000.

233. *Тушев А.* Роль прокурора в реализации принципа состязательности в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 4.

234. Участие государственных обвинителей в прениях сторон: Учеб.-методи-ческое пособие / Сост. И.В. Блинова, И.В. Литвинова, В.П. Любушки -на, Л.Г. Рябова. Иркутск, 2003.

235. *Ушаков С.Ю., Сшукалов А.А.* Фронт военных прокуроров. М., 2000.

236. *Фаргиев И., Широков В.* Оценка судом личности и поведения потерпевшего // Российская юстиция. 1996. № 10.

237. *Фиолевский Д. П.* Записки адвоката. Киев, 1987.

238. *Хаски Ю.* Российские адвокаты и Советское государство: Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917-1939 г. М., 1993.

239. *Царев В.И.* Обвиняется пьянство. М., 1986.

240. *Царев В.И.* Слово государственному обвинителю М., 1982.

241. *Царев В.И.* Структура и стиль судебной речи прокурора // Соц. законность. 1983. № 4.

242. *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

243. *Черкасова Н.В.* Формирование и развитие адвокатуры в России, 60- 80-е гг. XIX в. М., 1987.

244. *Чернова Р.* Использование ораторского искусства в деловом общении // Культура и общество: от прошлого к будущему. М., 1999.

245. *Шахерова С.Л.* Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири. Иркутск, 2001.

246. *Шведов И.* Искусство убеждать. Киев, 1986.

247. *Шевченко Н.В.* Устная официальная речь: речевое событие, жанр речи, образ автора // Предложение и слово. Саратов, 1999.

248. *Шифман М.Л.* Некоторые вопросы защитительной речи // Защита по уголовным делам. М., 1948.

249. *Шифман М.Л.* Судебная речь прокурора. М., 1960.

250. *Шкатова Л.А.* Этика речевого поведения в разных сферах общения // Культура речи в разных сферах общения: Тез. докл. Всеросс. конф. 15-17 сентября 1992 г. Челябинск, 1992.

251. *Шляпников А.Н.* Н.В. Крыленко // Соц. законность. 1972. № 5.

252. *Шнайдер П.* Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2004. № 12.

253. *Шумакова Н.Б.* Роль вопроса в структуре мышления // Вопросы психологии. 1984. № 1.

254. *Шурыгин А. П.* Защита в судопроизводстве с участием коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. 1997. № 8-9.

255. *Шустова М.Л.* Функции вопросительных конструкций в судебной речи // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1990.

256. *Экземпляров Р.* Форма полемики в суде // Соц. законность. 1976. № 4.

257. Энциклопедический словарь/ Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901.

258. Эрнст О. Слово предоставлено вам: Практические рекомендации по ведению бесед и переговоров / Пер. с нем. 1988.

259. Яблонский В.Ю. О метаязыковых характеристиках судебной речи // Син-тактика. Семантика. Прагматика. Краснодар, 1996.

Словари

1. *Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений русского языка. М., 1993.
2. *Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.* Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994.
3. Большой словарь иностранных слов. М., 1999.
4. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
5. *Ворохов Э.* Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М., 1999.
6. *Букнина В.З., Калакуцкая Л.П.* Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник. М., 1998.
7. *Вакуров В.Н., Рахманова Л.И., Толстой Н.В.* Трудности русского языка: Словарь-справочник. М., 1993-1994.
8. *Васюкова И.А.* Словарь иностранных слов. М., 1999.
9. *Введенская Л.А., Чирвинский Л.П.* Русское произношение и правописание: Словарь-справочник. Ростов н/Д, 1996.
10. *Вишнякова О.В.* Словарь паронимов русского языка. М., 1984.
11. *Горбачевич КС.* Русский синонимический словарь. СПб., 1996.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.

13. *Душенко К.В.* Словарь современных цитат. М., 1997.

14. *Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

15. *Еськова Н.А.* Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение М., 1994.

16. *Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г.* Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1993.

17. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1993.

18. *Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

19. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М., 1999.

20. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

21. Лексические трудности русского языка: Словарь-справочник / А.А. Семенов, И.Л. Городецкая, М.А. Матюшина и др. М., 1994.

22. *Никитина Т.Н.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам прессы 70-90-х годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1998.

23. *Николаюк Н.Г.* Библейское слово в нашей речи: Словарь-справочник. СПб., 1998.

24. *Новиков А.Б.* Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). СПб., 1999.

25. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1997.

26. Новый иллюстрированный словарь иностранных слов с приложениями / Под ред. В. Бутромеева. М., 1998.

27. *Ожегов СИ.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989.

28. Орфографический словарь русского языка. М., 1996.

29. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1998.

30. Произношение, ударение, грамматические формы / Н.С. Борунова,

В.Л. Воронцова, Н.А. Еськина / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1989.

31. *Розенталь Д.Э.* Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника). М., 1986.

32. *Розенталь Д.Э.* Управление в русском языке: Словарь-справочник: для работников печати. М., 1986.

33. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь трудностей русского языка. М., 1986.

34. *Сазонова И.К.* Одно или два я? Орфографический словарь русского языка. М., 1998.

35. *Сазонова И,К.* Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М., 1989.

36. *Скворцов Л.И.* Культура русской речи: Словарь-справочник. М., 1995.

37. Словарь иностранных слов: Актуальная лексика. Толкования. Этимология / Н.Н. Андреева и др. М., 1997.
38. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х - середина 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.
39. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983.
40. Словарь-справочник. Правописание, произношение, ударение / Сост. С. Топчий. Минск, 1995.
41. Словарь устаревших слов / Н.Г. Ткаченко, И.В. Андреева, Н.В. Баско. М., 1997.
42. *Соловьев Н.В.* Русское правописание. Орфографический справочник (словарь, комментарий, правила). СПб., 1997.
43. *Сомов В.П.* По-латыни между прочим: Словарь латинских выражений. М., 1992.
44. *Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А.* Словарь-справочник по русскому языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов. М., 1996.
45. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Т.Н. Складчиковой. СПб., 1998.
46. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник / Под ред. К.С. Горбачевича. Л., 1973.
47. *Фелицына В.П., Мокиенко В.М.* Русские фразеологизмы. М., 1999.

48. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 3 т. / Сост. А.И. Федоров. М., 1997.

49. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

50. Эрудит: Толково-этимологический словарь иностранных слов /Н.Н. Андреева и др. М., 1995.

51. *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов) / Под ред. А.Н. Баранова. М., 1997.

52. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М., 1885.

Приложение 1

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ ИЗВЕСТНЫХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЮРИСТОВ

Александров П.А. Речь в защиту Засулич

Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходимся лишь в весьма немногом, но, тем не менее, задача моя после речи господина прокурора не оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что

утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы?

Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связывается, так переплетается с фактом совершившегося в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В. Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В самом сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбирается не только такое преступление, но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснением ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение. Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является здесь в настоящее время не в качестве подсудимого должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпевшего от преступления; кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы преступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления, я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действий должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстает в качестве подсудимого. Но из этого затруднительного положения, в котором находится

защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом.

Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме, на горе; одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду; она ими освещается и обсуждается; обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, с грошевой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных понятиях, на основании их мы питаем те или другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушны, радуемся, если находим распоряжения вполне справедливыми. Когда действия должностного лица становятся мотивом для наших действий, за которые мы судимся и должны отвечать, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или неправильны действия должностного лица с точки зрения закона, а как мы сами смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны, - они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками,

соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями.

Чтобы вполне судить о мотиве наших поступков, надо знать, как эти мотивы отразились в наших понятиях. Таким образом, в моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение того, как отразилось это событие на уме и убеждениях Веры Засулич. Оставаясь в этих пределах, я полагаю, не буду судьей действий должностного лица и затем надеюсь, что в этих пределах мне будет дана необходимая законная свобода слова и вместе с тем будет оказано снисхождение, если я с некоторой подробностью остановлюсь на таких обстоятельствах, которые с первого взгляда могут и не казаться прямо относящимися к делу. Являясь защитником Веры Засулич, по ее собственному избранию, выслушав от нее, в моих беседах с нею, многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение не быть полным выразителем ее мнения и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для ее дела.

Я мог бы теперь начать прямо со случая 13 июля, но нужно прежде исследовать почву, которая обусловила связь между 13 июля и 24 января. Эта связь лежит во всем прошедшем, во всей жизни В. Засулич. Рассмотреть эту жизнь весьма поучительно; поучительно рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени виновна В. Засулич, но ее прошедшее поучительно и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных для разрешения таких вопросов, которые выходят из пределов суда: для изучения той почвы, которая у нас нередко производит преступление и преступников. Вам

сообщены уже о В. Засулич некоторые биографические данные; они не длинные, и мне придется остановиться только на некоторых из них.

Вы помните, что с семнадцати лет, по окончании образования в одном из московских пансионов, после того как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, Засулич вернулась в дом своей матери. Старуха-мать ее живет в Петербурге. В небольшой сравнительно промежуток времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой. Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе,

куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не знал его в России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

По просьбе Нечаева В. Засулич согласилась оказать ему некоторую, весьма обыкновенную услугу. Она раза три или четыре принимала от него письма и передавала их по адресу, ничего, конечно, не зная о содержании самих писем. Впоследствии оказалось, что Нечаев - государственный преступник, и ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к привлечению ее в качестве подозреваемой в государственном преступлении по известному нечаевскому делу. Вы помните из рассказа В. Засулич, что двух лет тюремного заключения стоило ей это подозрение. Год она просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости. Это были восемнадцатый и девятнадцатый годы ее юности.

Годы юности по справедливости считаются лучшими годами в жизни человека; воспоминания о них, впечатления этих лет остаются на всю жизнь. Недавний ребенок готовится стать созревшим человеком. Жизнь представляется пока издали ясной, розовой, обольстительной стороной, без мрачных теней, без темных пятен. Много переживает юноша в эти короткие годы, и пережитое кладет след на всю жизнь. Для мужчины это пора высшего образования; здесь пробуждаются первые прочные симпатии; здесь завязываются товарищеские связи; отсюда выносятся навсегда любовь к месту своего образования, к своей alma mater^[82]. Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятей, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полною радостью, полным сердцем. То - пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то - пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом любит обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых. Изредка только через тюремное начальство доходила весть о них, что все, мол, слава Богу, здоровы. Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру.

⁸² Мать-кормилица.

Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем время от времени в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук отворяемых и затворяемых замков, бряцание ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов Петропавловского шпица. Вместо дружбы, любви, человеческого общения - одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли.

В эти годы зарождающихся симпатий Засулич, действительно, создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию - беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден влачить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей дорогим другом, товарищем юности, товарищем по воспитанию. Тюрма была для нее *alma mater*, которая закрепила эту дружбу, это товарищество.

Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду. Ей сказали: «Иди» - и даже не прибавили: «И более не согрешай», потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта. «Иди». Куда же идти? По счастью, у нее есть куда идти, - у нее здесь, в Петербурге, старуха-мать, которая с радостью встретит дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданием, казалось, два тяжких

года исчезли из памяти. Засулич была еще молода - ей был всего двадцать первый год. Мать утешала ее, говорила: «Поправишься, Верочка, теперь все пройдет, все кончилось благополучно». Действительно, казалось, страдания излечатся, молодая жизнь одолеет, и не останется следов тяжелых лет заключения.

Была весна, пошли мечты о летней дачной жизни, которая могла казаться земным раем после тюремной жизни; прошло десять дней, полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается - не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет [он] Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму. «Как в тюрьму? Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевскому делу, не предана суду, обо мне дело прекращено судебною палатою и Правительствующим Сенатом». - «Не могу знать, - отвечает надзиратель, - пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас».

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнус; говорит: «Завтра мы тебя навестим, мы пойдем к прокурору, этот арест - очевидное недоразумение, дело объяснится, и ты будешь освобождена».

Проходит пять дней, В. Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения.

Возможно ли, чтобы после того, как дело было прекращено судебною властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла

быть выслана, и выслана, только что освобожденная после двухлетнего тюремного заключения.

В пересыльной тюрьме навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки; никто не воображает, чтобы она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке.

На пятый день задержания ей говорят: «Пожалуйста, вас сейчас отправляют в город Крестцы». - «Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги. Подождите, по крайней мере, дайте мне возможность дать знать родственникам, предупредить их. Я уверена, что тут какое-нибудь недоразумение. Окажите мне снисхождение, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дам знать родным». - «Нельзя, - говорят, - не можем по закону, требуют вас немедленно отправить».

Рассуждать было нечего. Засулич понимала, что надо покориться закону, не знала только, о каком законе тут речь. Поехала она в одном платье, в легком бурнусе; пока ехала по железной дороге, было сносно, потом поехала на почтовых, в кибитке, между двух жандармов. Был апрель, стало в легком бурнусе невыносимо холодно; жандарм снял свою шинель и одел барышню. Привезли ее в Крестцы. В Крестцах сдали ее исправнику, исправник выдал квитанцию в принятии клади и говорит Засулич: «Идите, я вас не держу, вы не арестованы. Идите и по субботам являйтесь в полицейское управление, так как вы состоите у нас под надзором».

Рассматривает Засулич свои ресурсы, с которыми ей приходится начать новую жизнь в неизвестном городе. У нее оказывается рубль денег, французская книжка да коробочка шоколадных конфет.

Нашелся добрый человек, дьячок, который поместил ее в своем семействе. Найти занятие в Крестцах ей не представилось возможности, тем более что нельзя было скрыть, что она - высланная административным порядком. Я не буду затем повторять другие подробности, которые рассказывала сама Вера Засулич.

Из Крестцов ей пришлось ехать в Тверь, в Солигалич, в Харьков. Таким образом, началась ее бродячая жизнь - жизнь женщины, находящейся под надзором полиции. У нее делали обыски, призывали для разных опросов, подвергали иногда задержкам не в виде арестов и, наконец, о ней совсем забыли.

Когда от нее перестали требовать, чтобы она еженедельно являлась на просмотр к местным полицейским властям, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поехать в Петербург и затем с детьми своей сестры отправиться в Пензенскую губернию. Здесь она летом 1877 года прочитывает в первый раз в газете «Голос» известие о наказании Боголюбова.

Да позволено мне будет, прежде чем перейти к этому известию, сделать еще маленькую экскурсию в область розги.

Я не имею намерения, господа присяжные заседатели, представлять вашему вниманию историю розги - это завело бы меня в область слишком отдаленную, к весьма далеким страницам нашей истории, ибо история русской розги весьма продолжительна. Нет, не историю розги хочу я повествовать перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к молодому поколению. Она стала себя помнить тогда уже, когда

наступили новые порядки, когда розги отошли в область преданий. Но мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное господство розог, которое существовало до 17 апреля 1863 года. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении... Существовало сказание - апокрифического, впрочем, свойства - что где-то русская розга была приведена в союз с английским механизмом и русское сечение совершалось по всем правилам самой утонченной европейской вежливости. Впрочем, достоверность этого сказания никто не подтверждал собственным опытом. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутенов. Но наступил великий день - день, который чтит вся Россия, - 17 апреля 1863 года, - и розга перешла в область истории. Розга, правда, не совсем, но все другие телесные наказания миновали совершенно. Розга не была совершенно уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасений, которых не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розог Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, - Россию, которая, по их глубокому убеждению, сложилась в обширную державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в утешение этих

мыслителей розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила свою публичность.

По каким соображениям решились сохранить ее, я не знаю, но думаю, что она осталась как бы в виде сувенира после умершего или удалившегося навсегда лица. Такие сувениры обыкновенно приобретаются и сохраняются в малых размерах. Тут не нужно целого шиньона, достаточно одного локона; сувенир обыкновенно не выставляется наружу, а хранится в тайнике медальона, в дальнем ящике. Такие сувениры не переживают более одного поколения.

Когда в исторической жизни народа нарождается какое-либо преобразование, которое способно поднять дух народа, возвысить его человеческое достоинство, тогда подобное преобразование прививается и приносит свои плоды. Таким образом, и отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами; теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустил себя наказывать розгами.

Вот в эту-то пору, через пятнадцать лет после отмены розог, которые, впрочем, давно уже были отменены для лиц привилегированного сословия, над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение. Обстоятельство это не могло укрыться от внимания общества: о нем заговорили в Петербурге, о нем вскоре появляются газетные известия. И вот эти-то газетные известия дали первый толчок мыслям В. Засулич. Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич

подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение позорной экзекуции над другими, - этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания.

Какое, думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства.

Не с точки зрения формальностей закона могла обсуждать В. Засулич наказание, произведенное над Боголюбовым, но и для нее не могло быть ясным из самих газетных известий, что Боголюбов хотя и был осужден на каторжные работы, но еще не поступил в разряд ссыльно-каторжных, что над ним не было еще исполнено все то, что, по фикции закона, отнимает от человека честь, разрывает всякую связь его с прошедшим и низводит его на положение лишенного всех прав. Боголюбов содержался еще в доме предварительного заключения, где жил среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положение.

Нет, не с формальной точки зрения обсуждала В. Засулич наказание Боголюбова; была другая точка

зрения, менее специальная, более сердечная, более человеческая, которая никак не позволяла примириться с разумностью и справедливостью произведенного над Боголюбковым наказания.

Боголюбов был осужден за государственное преступление. Он принадлежал к группе молодых, очень молодых людей, судившихся за преступную манифестацию на площади Казанского собора. Весь Петербург знает об этой манифестации, и все с сожалением отнеслись тогда к этим молодым людям, так опрометчиво заявившим себя политическими преступниками, к этим так непроизводительно погубленным молодым силам. Суд строго отнесся к судимому деянию. Покушение явилось в глазах суда весьма опасным посягательством на государственный порядок, и закон был применен с подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступление не исключала возможности видеть, что покушение молодых людей было прискорбным заблуждением и не имело в своем основании низких расчетов, своекорыстных побуждений, преступных намерений, что, напротив, в основании его лежало доброе увлечение, с которым не совладал молодой разум, живой характер, который дал им направиться на ложный путь, приведший к прискорбным последствиям.

Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания. Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко - только одновременно высказанное учение

преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий ко всему тому высокому, честному, доброму, разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния.

Мы, в настоящее славное царствование, тогда еще с восторгом юности, приветствовали старцев, возвращенных монаршим милосердием из снегов Сибири, этих государственных преступников, явившихся энергическими деятелями по различным отраслям великих преобразований, тех преобразований, несвоевременная мечта о которых стоила им годов каторги.

Боголюбов судебным приговором был лишен всех прав состояния и присужден к каторге. Лишение всех прав и каторга - одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства. Лишение всех прав и каторга одинаково могут постигнуть самые разнообразные тяжкие преступления, несмотря на все различие их нравственной подкладки. В этом еще нет ничего несправедливого. Наказание, насколько оно касается сферы права, изменения общественного положения, лишения свободы, принудительных работ, может, без особенно вопиющей неравномерности, постигать преступника самого разнообразного характера. Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть без

явной несправедливости уравнены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилён проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я понимаю сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, что составляет умственное и нравственное достояние человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнять их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжкую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание.

Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое достояние его развития, никакой закон не может. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая

человеку нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшей несправедливостью в применении к другому.

Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет то возбуждающее, тяжелое чувство негодования, которое овладевало всяким неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видела и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей?

Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все; политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, - представление, возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии.

Политический арестант был для Засулич - она сама, ее горькое прошедшее, ее собственная история: история безвозвратно погубленных лет, лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжкая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич - горькое воспоминание ее собственных

страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: что я сделала? что будет со мной? когда же наступит конец? Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре.

В провинциальной глуши газетные известия действовали на Засулич еще сильнее, чем они могли бы действовать здесь, в столице. Там она была одна. Ей не с кем было разделить свои сомнения, ей не от кого было услышать слово участия по занимавшему ее вопросу. Нет, думала Засулич, вероятно, известие неверно, по меньшей мере оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явление? Неужели двадцать лет прогресса, смягчения нравов, человеколюбивого отношения к арестованным, улучшения судебных и тюремных порядков, ограничения личного произвола, неужели двадцать лет поднятия личности и достоинства человека вычеркнуты и забыты бесследно?

Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к его человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего, что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмываемый позор на эту, положим, преступную, но, во всяком случае, не презренную личность? Нет ничего удивительного, продолжала думать Засулич, что Боголюбов в состоянии нервного возбуждения, столь понятного в одиночно заключенном арестанте, мог, не владея собой, позволить себе то или другое нарушение тюремных правил, но на случай таких нарушений, если и

признавать их вменяемыми человеку в исключительном состоянии его духа, существуют у тюремного начальства другие меры, ничего общего не имеющие с наказанием розгами. Да и какой же поступок приписывают Боголюбову газетные известия? Неснятие шапки при повторной встрече с почетным посетителем. Нет, это невероятно, успокаивалась Засулич; подождем, будет опровержение, будет разъяснение происшествия; по всей вероятности, оно окажется не таким, как представлено.

Но не было ни разъяснений, ни опровержений, ни гласа, ни послушания. Тишина молчания не располагала к тишине взволнованных чувств. И снова возникал в женской экзальтированной голове образ Боголюбова, подвергнутого позорному наказанию, и распаленное воображение старалось угадать, почувствовать все то, что мог почувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственного воображения, не проверенная никакими данными, не пополненная слухами, рассказами очевидцев, свидетелей наказания; вскоре явилось и то и другое.

В сентябре Засулич была в Петербурге; здесь уже она могла проверить занимавшее ее мысль происшествие по рассказам очевидцев или лиц, слышавших непосредственно от очевидцев. Рассказы по содержанию своему неспособны были усмирить возмущенное чувство. Газетное известие оказывалось непреувеличенным; напротив, оно дополнялось такими подробностями, которые заставляли содрогаться, которые приводили в негодование. Рассказывалось и подтверждалось, что Боголюбов не имел намерения оказать неуважение, неповиновение, что с его стороны было только недоразумение и уклонение от внушения, которое ему

угрожало, что попытка сбить с Боголюбова шапку вызвала крик со стороны смотревших на происшествие арестантов независимо от какого-либо возмущения их к тому Боголюбовым. Рассказывались дальше возмутительные подробности приготовления и исполнения наказания. Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы «успокоить?» волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но, несомненно, доказав, что он, смотритель, обладает и практическим тактом, и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских арестантских камер, на виду испуганных чем-то необычайным, происходящим в тюрьме, женщин, вяжутся пуки розог, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы *in spe*^[83] считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог уже спрятанными под шинелями.

Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восстала эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хотят творить; восстал в мыслях болезненный его образ. Вот он, приведенный на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится; вот он, полный негодования и думающий, что эта сила негодования даст ему силы Самсона, чтобы устоять в

⁸³ В надежде (лат.).

борьбе с массой ликторов, исполнителей наказания; вот он, падающий под массой пудов человеческих тел, насевших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный, несколькими парами рук, как железом, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и над всей этой картиной мерный свист березовых прутьев да также мерное исчисление ударов благородным распорядителем экзекуции. Все замерло в тревожном ожидании стога; этот стон раздался - то не был стон физической боли - не на нее рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!... (Аплодисменты, громкие крики: *браво!*)

Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелой известностью. Роковой вопрос встал со всей его беспокойной настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь беспомощного каторжника? Кто смоет, кто и как искупит тот позор, который навсегда неотвратимую болью будет напоминать о себе несчастному? С твердостью перенесет осужденный суровость каторги, но не примирится с этим возмездием за его преступление, быть может, сознает его справедливость, быть может, наступит минута, когда милосердие с высоты трона и для него откроется, когда скажут ему: «Ты искупил свою вину, войди опять в то общество, из которого ты удален, войди и будь снова гражданином». Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о поруганном достоинстве; кто и как смоет то пятно, которое на всю жизнь останется неизгладимым в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много

товарищей по несчастью у Боголюбова. Неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову? Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишенного прав его нравственную физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего же они не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевных страданий?

Так думала, так не столько думала, как инстинктивно чувствовала В. Засулич. Я говорю ее мыслями, я говорю почти ее словами. Быть может, найдется много экзальтированного, болезненно преувеличенного в ее думах, волновавших ее вопросах, в ее недоумении. Быть может, законник нашелся бы в этих недоумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбовым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может... Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы, с полной уверенностью в разумности своего совета: «Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли».

Но и законник, и блюститель порядка, и практический человек не разрешили бы волновавшего Засулич сомнения, не успокоили бы ее душевной тревоги. Не надо забывать, что Засулич - натура экзальтированная, нервная, болезненная, впечатлительная; не надо забывать, что павшее на нее, чуть не ребенка в то время, подозрение в политическом

преступлении, подозрение не оправдавшееся, но стоившее ей двухлетнего одиночного заключения, и затем бесприютное скитание надломили ее натуру, навсегда оставив воспоминание о страданиях политического арестанта, толкнули ее жизнь на тот путь и в ту среду, где много поводов к страданию, душевному волнению, но где мало места для успокоения на соображениях практической пошлости.

В беседах с друзьями и знакомыми, наедине днем и ночью, среди занятий и без дела Засулич не могла оторваться от мысли о Боголюбове, и ниоткуда сочувственной помощи, ниоткуда удовлетворения души, взволнованной вопросами: кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала этого заступничества от печати, она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, молчала печать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинетов, из интимного круга приятельских бесед не выползло общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно.

И ожидания оставались ожиданиями. А мысли тяжелые и тревоги душевные не унимались. И снова и снова, и опять и опять возникал образ Боголюбова и вся его обстановка.

Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденили воображение; рубцы, позорные рубцы резали сердце, а замогильный голос заживо погребенного звучал:

Что ж молчит в вас, братья, злоба, Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния, сверкнувшая в уме Засулич: «А я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!» Решимость была ответом на эту мысль в ту же минуту. Теперь можно было рассуждать о времени, о способах исполнения, но само дело, выполненное 24 января, было бесповоротно решено.

Между блеснувшей и зародившейся мыслью и исполнением ее протекли дни и даже недели; это дало обвинению право признать вмененное Засулич намерение и действие заранее обдуманнными.

Если эту обдуманность относить к приготовлению средств, к выбору способов и времени исполнения, то, конечно, взгляд обвинения нельзя не признать справедливым, но в существе своем, в своей основе, намерение Засулич не было и не могло быть намерением хладнокровно обдуманным, как ни велико по времени расстояние между решимостью и исполнением. Решимость была и осталась внезапной, вследствие внезапной мысли, павшей на благоприятную, для нее подготовленную почву, овладевшей всецело и всевластно экзальтированной натурой. Намерения, подобные намерению Засулич, возникающие в душе возбужденной, аффектированной, не могут быть обдумываемы, обсуждаемы. Мысль сразу овладевает человеком, не его обсуждению она подчиняется, а подчиняет его себе и влечет за собой. Как бы далеко ни отстояло исполнение мысли, овладевшей душой, аффект не переходит в холодное размышление и остается

аффектом. Мысль не проверяется, не обсуждается, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут обсуждаются и обдумываются только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль - об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа, в котором зарождается и воспринимается мысль, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенною, не выдуманною, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения.

Мысль о преступлении, которое стало бы ярким и громким указанием на расправу с Боголюбвым, всецело завладела возбужденным умом Засулич. Иначе и быть не могло; эта мысль как нельзя более соответствовала тем потребностям, отвечала на те задачи, которые волновали ее.

Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть. Местью и сама Засулич объяснила свой поступок, но для меня представляется невозможным объяснить вполне дело Засулич побуждением мести, по крайней мере мести, понимаемой в ограниченном смысле этого слова. Мне кажется, что слово «месть» употреблено в показании Засулич, а затем и в обвинительном акте как термин наиболее простой, короткий и несколько подходящий к обозначению побуждения, импульса, руководившего Засулич.

Но месть, одна месть была бы неверным мерилom для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич.

Мечь обыкновенно руководится личными счетами с отомщаемым за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был ей близким, знакомым человеком.

Мечь стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны были те или другие последствия выстрела. Наконец, мечь старается достигнуть удовлетворения возможно дешевою ценой, мечь действует скрытно, с возможно меньшими жертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собою из-за одной узкой, эгоистической мести. Конечно, не чувство доброго расположения к генерал-адъютанту Трепову питала Засулич; конечно, у нее было известного рода недовольство против него, и это недовольство имело место в побуждениях Засулич, но ее мечь всего менее интересовалась лицом отомщаемым; ее мечь окрашивалась, видоизменялась, осложнялась другими побуждениями.

Вопрос справедливости и легальности наказания Боголюбова казался Засулич не разрешенным, а погребенным навсегда; надо было воскресить его и поставить твердо и громко. Униженное и оскорбленное человеческое достоинство Боголюбова казалось невозстановленным, несмытым, неоправданным, чувство мести - неудовлетворенным. Возможность повторения в будущем случаев позорного наказания над политическими преступниками и арестантами казалась непредупрежденной.

Всем этим необходимостям, казалось Засулич, должно было удовлетворить такое преступление, которое с полной достоверностью можно было бы поставить в связь со случаем наказания Боголюбова и показать, что это преступление явилось как последствие случая 13 июля, как протест против поругания над человеческим достоинством политического преступника. Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать ее к признанию и уверению - вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям. Засулич решила искать суда над ее собственным преступлением, чтобы поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия, в лице своих представителей, будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этими соображениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверным поэтому представляется то объяснение Засулич, которое притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично, будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только рана.

Прибавлю от себя, что для ее цели было бы одинаково безразлично и то, если бы выстрел, очевидно направленный в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного действия, если бы последовала осечка или промах. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых и вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Было безразлично, совместно существовало намерение убить или ранить; намерению убить не отдавала Засулич никакого особенного преимущества. В этом направлении она и действовала. Ею не было предпринято ничего для того, чтобы выстрел имел неизбежным последствием смерть. О более опасном направлении выстрела она не заботилась. А, конечно, находясь в том расстоянии от генерал-адъютанта Трепова, в каком она находилась, она действительно могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, это делало выстрел более опасным, но иначе она и не могла действовать. Генерал-адъютант Трепов был окружен своею свитою, и выстрел на более далеком расстоянии мог грозить другим, которым Засулич не желала вредить. Стрелять в сторону было совсем дело неподходящее: это сводило бы драму, которая нужна была Засулич, на степень комедии.

На вопросе о том, имела ли Засулич намерение причинить смерть или имела намерение причинить только рану, прокурор остановился с особенной подробностью. Я внимательно выслушал те доводы, которые он высказал, но я согласиться с ними не могу, и

они все падают перед соображением о той цели, которую имела В. Засулич. Ведь не отвергают же того, что именно оглашение дела с Боголюбовым было для Веры Засулич побудительною причиною преступления. При такой точке зрения мы можем довольно безразлично относиться к тем обстоятельствам, которые обратили внимание господина прокурора, например, на то, что револьвер был выбран из самых опасных. Я не думаю, чтобы тут имелась в виду наибольшая опасность; выбирался такой револьвер, какой мог удобнее войти в карман; большой нельзя было бы взять, потому что он высывался бы из кармана, - необходимо было взять револьвер меньшей величины. Как он действовал: более опасно или менее опасно, какие последствия от выстрела могли произойти - это для Засулич было совершенно безразлично. Мена револьверов произведена была без ведения Засулич. Но если даже и предполагать, как признает возможным предполагать прокурор, что первый револьвер принадлежит Засулич, то опять-таки перемена револьвера объясняется очень просто: прежний револьвер был таких размеров, что не мог поместиться в кармане.

Я не могу согласиться и с тем весьма остроумным предположением, что Засулич не стреляла в грудь и в голову генерал-адъютанта Трепова, находясь к нему en face^[84], потому только, что чувствовала некоторое смущение, и что только после того, как несколько оправилась, она нашла в себе достаточно силы, чтобы произвести выстрел. Я думаю, что она просто не стреляла в грудь генерал-адъютанта Трепова потому, что она не заботилась о более опасном выстреле; она

⁸⁴ Прямо перед (ним), напротив (франц.).

стреляет тогда, когда ей уже приходится уходить, когда ждать более нельзя.

Раздался выстрел... Не продолжая более дела, которое совершала, довольствуясь вполне тем, что достигнуто, Засулич сама бросила револьвер, прежде чем успели схватить ее, и, отойдя в сторону, без борьбы и сопротивления отдалась во власть набросившегося на нее майора Курнеева и осталась не задушенной им только благодаря помощи других окружающих. Ее песня была теперь спета, ее мысль исполнена, ее дело совершено.

Я должен остановиться на прочтенном здесь показании генерал-адъютанта Трепова. В этом показании сказано, что после первого выстрела Засулич, как заметил генерал Трепов, хотела произвести второй выстрел и что началась борьба: у нее отнимали револьвер. Это совершенно ошибочное показание генерал-адъютанта Трепова объясняется тем весьма понятным взволнованным состоянием, в котором он находился. Все свидетели, хотя также взволнованные происшествием, но не до такой степени, как генерал-адъютант Трепов, показали, что Засулич совершенно добровольно, без всякой борьбы, бросила сама револьвер и не показывала намерения продолжать выстрелы. Если же и представилось генерал-адъютанту Трепову что-либо похожее на борьбу, то это была та борьба, которую вел с Засулич Курнеев и вели прочие свидетели, которые должны были отрывать Курнеева, вцепившегося в Засулич.

Я думаю, что ввиду двойственности намерения Засулич, ввиду того, что для ее намерений было безразлично последствие большей или меньшей

важности, что ею ничего не было предпринято для достижения именно большего результата, что смерть только допускалась, а не была исключительным стремлением Засулич, нет оснований произведенный ею выстрел определять покушением на убийство. Ее поступок должен быть определен по тому последствию, которое произведено в связи с тем особым намерением, которое имело в виду это последствие.

Намерение было: или причинить смерть, или нанести рану; не последовало смерти, но нанесена рана. Нет основания в этой нанесенной ране видеть осуществление намерения причинить смерть, уравнивать это нанесение раны покушению на убийство, а вполне было бы справедливо считать не более как действительным нанесением раны и осуществлением намерения нанести такую рану. Таким образом, отбрасывая покушение на убийство как неосуществившееся, следовало бы остановиться на действительно доказанном результате, соответствовавшем особому условному намерению - нанесению раны.

Если Засулич должна понести ответственность за свой поступок, то эта ответственность была бы справедливее за зло, действительно последовавшее, а не такое, которое не было предположено как необходимый и исключительный результат, как прямое и безусловное стремление, а только допускалось.

Впрочем, все это - только мое желание представить вам соображения и посильную помощь к разрешению предстоящих вам вопросов; для личных же чувств и желаний Засулич безразлично, как бы ни разрешился вопрос о юридическом характере ее действий, для нее

безразлично быть похороненной по той или другой статье закона. Когда она переступила порог дома градоначальника с решительным намерением разрешить мучившую ее мысль, она знала и понимала, что она несет в жертву все: свою свободу, остатки своей разбитой жизни, все то немногое, что дала ей на долю мачеха-судьба.

И не торговаться с представителями общественной совести за то или другое уменьшение своей вины явилась она сегодня перед вами, господа присяжные заседатели.

Она была и осталась беззаветною рабой той идеи, во имя которой подняла она кровавое оружие.

Она пришла сложить перед вами все бремя наболевшей души, открыть перед вами скорбный лист своей жизни, честно и откровенно изложить все то, что она пережила, передумала, переживала, что двинуло ее на преступление, чего ждала она от него.

Господа присяжные заседатели! Не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий является перед судом общественной совести женщина по обвинению в кровавом преступлении.

Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнительям; были женщины, обагрившие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, - женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественной безопасности нужно призвать кару законную, тогда - да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!

Немного страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

Андреевский С.А. Речь в защиту братьев Келеш

На долю братьев Келеш выпало, господа присяжные заседатели, большое несчастье - быть под судом по тяжкому обвинению. Я говорю «несчастье», потому что

удар этот для них случайный и решительно ничем не заслуженный, в чем вы легко убедитесь, если сколько-нибудь спокойно отнесетесь к делу. Дело это представляет поучительный пример того, сколько беды могут натворить сплетни, недоброжелательство и слепая людская подозрительность.

Здесь поставлено против братьев Келеш обвинение в поджоге с корыстной целью, ради страховой премии. Каждое обвинение можно сравнить с узлом, завязанным вокруг подсудимого. Но есть узлы нерасторжимые и узлы с фокусом. Если защита стремится распутать правдивое обвинение, то вы всегда видите и замечаете, какие она испытывает неловкости, как у нее бегают руки и как узел, несмотря на все усилия, крепко держится на подсудимом. Иное дело, если узел с фокусом. Тогда стоит только поймать секретный, замаскированный кончик или петельку, потянуть за них - и все путы разматываются сами собою - человек из них выходит совершенно свободным.

Такой кончик торчит в этом деле довольно явно - он даже почти не замаскирован - и я ухвачусь прямо за него. Это вопрос: да был ли еще самый поджог? Это - история самого пожара. Если вы ее проследите, то вы непременно увидите, что здесь пожар мог произойти только случайно, а затем уже - если не было никакого преступления, то нечего рассуждать и о виновниках.

16 января в 6 часов вечера табачная кладовая братьев Келеш была заперта и запечатана контролером Некрасовым. В 12 часов ночи внутри этой кладовой обнаружили признаки пожара. Спрашивается, как же он мог произойти? Кто и как мог туда проникнуть? Замок,

ключ от которого хранился у контролера, оказался запертым и неповрежденным. Приложенная печать задерживала дверь своим липким составом и, следовательно, не была снята. Других ходов в кладовую не существовало и проложено не было. Правда, Бобров, домовладелец, предлагает нам остановиться на предположении, что туда можно было проникнуть через форточку, а до форточки на четвертый этаж добраться по лестнице или по водосточной трубе. Но будем же рассуждать в пределах возможного и не станем допускать сказок. Приставленной лестницы никто не видел, а для того, чтобы лазить по водосточной трубе до четвертого этажа, нужно быть обезьяной или акробатом - приучиться к этому с детства, а братья Келеш - 40-летние люди и гибкостью тела не отличаются. Наконец, ведь форточка в четвертом этаже запирается изнутри: если бы она была оставлена при зимней стуже открытой, то контролер Некрасов, запирая кладовую, заметил бы это, да и все окна успели бы оледенеть. Притом форточки делаются не в нижней витрине окна, а повыше, перегнуться через нее телу любого из Келешей мудрено - нужно было бы разбить окно, но все окна при пожаре найдены целыми. Итак, если не допускать сказки, если не верить, что кто-нибудь из Келешей мог забраться комаром в щелочку или влететь в кладовую через трубу, как ведьма, - то нужно будет признать, что с той минуты, как Некрасов запер кладовую, и до того времени, когда через шесть часов обнаружился в ней пожар, и кладовая по-прежнему была заперта, - никто в нее не входил и не мог войти. Отсюда один возможный вывод, что неуловимая, недоступная для глаза причина пожара, микроскопическая, но, к сожалению, действительная, уже таилась в кладовой в ту минуту, когда

«пошабашили» и когда Некрасов запирает кладовую. Вывод ясен как божий день. Все, что мы находим в деле, подтверждает его. Прежде всего, вспомните показания О. Некрасова, одного из Муравьевских свидетелей и, следовательно, не склонного нам потакать, вспомните его показания о том, что еще в десять часов вечера, то есть за целые два часа до того, как сильный запах гари и туман дыма вызвали настоящую тревогу - еще за целых два часа до этой минуты О. Некрасов уже чуял в воздухе соседнего двора тонкий запах той же самой гари, только послабее. Вспомните и то, что огня вовсе не было видно даже по приезде пожарных. Были только смрад и дым. Первое пламя занялось тогда, когда выбили окна и впустили в кладовую воздух. Что же все это значит? Все это именно значит то, что причина пожара была крошечная, действовавшая очень вяло, очень медленно, едва заметно, - причина такая слабая, что она вызывала только перетлевание, дымление, чад и не вызывала даже огня. Только пустяк, только непотушенная папироска, запавшая искорка могла действовать таким образом. От искорки где-то затлелся табак. Воздух сухой в кладовой, нажаренный амосовской печью: табак тлеет, дымит, пламени не дает, но жар переходит от одного слоя табака к другому; чем больше его истлело, тем больше просушились соседние слои - тихонько и тихонько работа внутри кладовой продолжается. Надымил сперва редким дымом, а потом и погуще. Вот уже дыму столько, что его тянет наружу, потянулись струйки через оконные щели на воздух, стали бродить над двором фабрики, потянулись за ветром на соседний двор, но еще их мало, на морозном воздухе их не расчуеть, да если и почувшь, то не обратишь внимания. Но вот дымный запах крепчает на фабричном и на соседнем дворе. Его уже довольно

явственно слышит Некрасов. Но и тот не придает ему значения: мало ли, дескать, отчего и откуда, в зимнюю пору дымить может. Еще два часа проходит, и гарь так постепенно, так медленно и неуловимо увеличивается, что только к концу этого срока жильцы двух соседних дворов озаботились и стали доискиваться причины. И даже в это время собственно пожара, то есть огня, не было; все дым да дым валит, и не разберешь откуда.

Если, таким образом, вы вспомните, что после того как дым уже пробился наружу, прошло более двух часов, прежде чем он стал настоящим образом обращать на себя внимание, то вы, конечно, признаете, что для внутреннего процесса тления нужно положить также немалое и во всяком случае еще большее количество часов, и для вас станет ясно до очевидности, что в 6 часов вечера кладовая была заперта контролером Некрасовым уже с невидимой, но готовой причиной будущего пожара. Это была забытая папироска, запавшая искра, что-нибудь, такое маленькое - я в точности не знаю, что (ведь истинная причина большинства пожаров неизвестна) - но для меня не важен вопрос: что именно? Для меня важен другой вопрос: могли прибегнуть к такой причине, к такому медленному и неверному средству человек, который желает, умышляет, заботится, устраивает так, чтобы пожар произошел непременно? Вот что важно для меня. И для меня ответ несомненен: нет, не мог. Такие шутки выкладывает только случай, а не умысел. Попробуйте в самом деле зажженной папироской сделать пожар - мудреное дело, а сколько пожаров происходит именно от неосторожно брошенной папиросы. Вот, положим, вы курите и занимаетесь, кладете возле себя зажженную папиросу или сигару, иногда бывает, что каждый раз, как

вы ее оставляете, она потухнет, и вам приходится ее вновь зажигать, а иной раз запишетесь, зачитаетесь - глянь: а между тем вся папироска до конца сгорела на пепельнице. Иной раз табак горит успешно, иной - нет: дотлеет до какого-нибудь крутого корешка - и стой! - попадается сырая ниточка и - кончено. И кому же лучше знать эти свойства табака, как не табачному фабриканту? Он ли, бросив папиросу в табак, может себя считать обеспеченным, что пожар непременно произойдет? Ему должно быть известно, что табак тлеет медленно и не дает пламени. Поджигатель бы непременно взял себе в союзники керосин, стружки и всякие другие горючие материалы. Но ничего этого здесь не было. И не было не только потому, что якобы подозрительная куча мусора на месте пожара была не что иное, как истлевший табак, бумага и папиросы (как говорили Саханский и Ляпунов), но и потому, что до приезда пожарных не было вовсе пламени, а горючие материалы непременно дали бы пламя. Поэтому уже если не смазывать табак керосином и не подкладывать горючих веществ, то поджигателю неминуемо следовало предвидеть, что для успеха горения нужно сделать тягу, дать доступ воздуху, открыть где-нибудь форточку или выбить окно - иначе далее чада и тления дело не пойдет. Но и этого сделано не было. Таким образом, вся история пожара громко говорит нашей совести и ясно доказывает нашему уму, что пожар этот не задуман человеком, а вызван непредвиденным случаем. Здесь, собственно, и окончена моя защита; секретная петелька в узле поймана, весь узел распутывается: после этого ясно установленного факта для меня не существует в деле ничего важного и опасного. Никакой подозрительный намек, никакая

сплетня, пущенная про подсудимых, меня не пугают. И действительно, остаются одни пустяки и натяжки.

Какое после этого нам дело до страховой премии? Если бы даже было доказано, что пожар был выгоден подсудимым, - разве из этого следует, что непременно они его и вызвали? Если мой враг умер естественной смертью, то разве можно обвинять меня в убийстве только потому, что я мог желать его смерти? Конечно, нет. Но и здесь выгод от пожара не существовало. Фабрика была застрахована за 25 тысяч и застрахована не в первый раз в этом году, как говорится в обвинительном акте, а страховалась и прежде. Застрахована, кажется, по чести - в своей цене; по крайней мере, Михайлов страховал, он лучше других знает и удостоверяет это. А что другие господа низко ценят фабрику - то ведь зато и как фантазируют - от 13 до 15 тысяч, со всеми промежутками, сколько кому угодно! А что же получили Келеши? Всего 8 тысяч. А куда девали их? Спрятали? Нет, все до копейки раздали за долги. Да еще в тюрьме сидят и торговлю прекратили. Нечего сказать, - выгодная афера.

Заметьте еще, что ничего ни из кладовой, ни из фабрики не спрятали, не вывезли. А дела были плохи. Уж если затевать поджог, так товар и обзаведение припрятать, а сжечь пустые стены. Мало того: уже если поджигать, то не кладовую, в которой находится сравнительно малоценное имущество (так оно по разверстке и вышло, за кладовую всего 8 тысяч), а поджигать самую фабрику, где было все подороже, да и где можно было без неудачи устроить поджог, потому что она не заперта, как кладовая, и находилась всегда в полном распоряжении братьев Келеш.

Стоит ли мне разбирать остальные улики?

Сцена у ворот... Как она искажена в обвинительном акте! Будто Келеш за пять минут до пожара подъехал, запер ворота и никого не пускал. Что же это он делал? Поджигал? Или прятал? К чему уж ему тут было скрываться? А если за шесть часов не разгорелось, то и в пять минут пожара не будет. То же надо сказать о запирании и отпирании дверей.

Но лучше всего - забитое окно... Какой в нем смысл? Чем оно служило для поджога? В действительности оказывается, что окно было забито для предупреждения пожара, но пожара иного свойства - от пламени страстей, потому что оно вело в секретное место для работниц фабрики. Двукратное дознание ничего из этого дела не сделало. Ничего и не выйдет. Мокрое дело не может возгореться, да стыдно будет не Келешам - они не поджигали, - а тем иным поджигателям, - их врагам, которые раздули это дело...

Громницкий М.Ф.

Обвинительная речь по делу о бывшем студенте Данилове

Господа присяжные! Преднамеренное, с целью грабежа убийство отставного капитана Попова и его служанки Марии Нордман, мошенническое присвоение чужой собственности и наименование себя чужими фамилиями - вот совокупность тех преступлений, в которых обвиняется подсудимый и которые подлежат

вашему обсуждению. Так как убийство составляет здесь неизмеримо важнейший пункт обвинения, то я начну с этого пункта. Чтобы вы могли лучше судить о личности покойного Попова и дабы вам понятнее стала сама цель преступления, я познакомлю вас с обстоятельствами, предшествовавшими 1 января.

До 1865 года отставной капитан Попов проживал в Финляндии, где у него были родные и недвижимое имение. В 1865 году он продает свое недвижимое имение и переселяется в Москву. За имение он выручил 23 тысячи рублей. В верности этой цифры удостоверяет и список банковских билетов, найденный в квартире убитого, и такой же список, присланный его родными. Сами билеты не найдены. Были ли у него наличные деньги, неизвестно. Но если и были, то немного. В сентябре 1865 года он переселился в Москву и 5 октября поселился в квартире дома Шелягина. Из переписки с родными, найденной между бумагами убитого, видно, что Москва произвела на него весьма хорошее впечатление. С удовольствием рассказывает он о московской жизни, о своей уютной квартирке; с восторгом отзывается о здешнем театре и, наконец, сообщает, что записался в библиотеку, откуда намерен брать книги для чтения. Вообще из этой переписки можно вывести то заключение, что Москва давно влекла его к себе воспоминаниями, которые он хранил о ней как о месте своего прежнего служения. Не могу не упомянуть также, что родные, до переезда его в Москву, предлагали ему отдать свои деньги под залог домов и земель. Но на это он отвечал им, что считает достаточными для прожития проценты, получаемые им от своих банковских билетов, и отказывается от этого предложения; а потому родные удивляются слухам о том, что он стал заниматься

отдачей денег под залог вещей, и полагают, что его кто-нибудь подбил на это не совсем почетное занятие. Из сведений, собранных по делу, можно утверждать положительно, что у него не было никаких знакомых в Москве. Если его кто действительно подбил к этому, то это, вероятно, была не кто иная, как кухарка его, Нордман. Ее личность отчасти также обрисовывается из переписки. Это была женщина чрезвычайно домовитая и большая экономка. Попов описывает, как он накопил различные принадлежности хозяйства и в каком она была от этого восторге. С этой женщиной, сорока четырех лет, жил Попов в совершенном уединении. И вот 14 января оба они найдены убитыми.

Вы слышали подробный медицинский осмотр, и я не стану повторять памятные вам, без сомнения, подробности кровавого дела. Скажу только, что все находившееся в комнатах разбросано было в страшном беспорядке. Следы крови заметны были всюду до самой лестницы. Что убийство совершено с целью грабежа, доказывалось тем, что не найдено ни банковских билетов, ни наличных денег. Таким образом, состав преступления был определен вполне. Для следователей предстояла трудная задача - открыть, кто совершил убийство. Задача эта делалась труднее при той особенной обстановке, в которой жили покойные, при отсутствии малейшего указания на какую-либо связь с окружающей их средой. Следов убийца не оставил, кроме крови.

Мы знаем, что следователи преодолели все эти трудности. Мы имеем перед собой образцовое следствие. Сначала же они могли только определить время совершения преступления. Следователи смело определили, что оно совершено 12 января, и притом

вечером. Мнение это обосновывалось, во-первых, на стенном календаре, который показывал число 12-е, во-вторых, на показании водовоза, что кухарка ежедневно брала у него ведро воды и что в последний раз она взяла у него воду 12-го, наконец, третьим показанием послужи ли часы в комнате Попова: эти часы остановились на 6 часах 43 минутах. Часы эти были такого устройства, как объяснили приглашенные часовые мастера, что их стоило толкнуть, чтобы они тотчас остановились. Таким образом, определен был не только день, но даже час и сама минута совершения преступления. Мы знаем, что это предположение следователей вполне подтвердилось впоследствии показанием самого подсудимого. Далее, следователи определили, что у убийцы непременно должна быть ранена левая рука. Вам известны основания этого предположения и насколько оно впоследствии тоже подтвердилось. Наконец, следователи не могли не обратить внимания на две записки, найденные тут, которые подписаны были Григорьевым. По книге, в которой записывались заклады, оказалось, что Григорьев заложил Попову перстень и билет за № 09828. В книге адресов адрес Григорьева был записан. Адрес этот, по справкам, оказался фальшивым. Кроме того, сделаны справки о самой личности Григорьева. Такой личности во всей Москве не оказалось. Все эти данные позволяли предположить, что убийца скрывается под именем Григорьева. Кроме того, найдено было письмо Попова к Феллеру, которое указало на знакомство последнего с убитым, и у него-то добыты первые указания на таинственного обладателя перстня. Феллер и его приказчики, в особенности мальчик его, Шохин, заявили, что черты этого господина, которые они описали,

врезались в их память. Кроме того, Феллер припомнил, что это лицо называло себя Всеволожским. Здесь, на судебном следствии, подсудимый заподозрил это показание Феллера, утверждая, что этим именем не назывался. Но именно то, что Феллер не сразу припомнил эту фамилию, а лишь через несколько дней, доказывает справедливость его показаний; иначе, кто же мешал ему назвать тотчас же первую, пришедшую на ум, вымышленную фамилию и кто мог бы уличить его в этом? С тех пор как Феллер и его приказчики дали эти указания и вплоть до 31 марта производились поиски - они продолжались два месяца, - и в это время было заподозрено много личностей, но подозрения оказались несостоятельными.

31 марта было Светлое воскресенье. Зная, что в дни больших праздников больше всего бывает движения на московских улицах, полиция поручила своим агентам и Шохину следить особенно зорко за проезжими. Шохин подметил знакомое ему лицо, проследил его до квартиры. Оказалось, что это студент Данилов. Он взят был в том самом пальто, в котором был в магазине Феллера. Первоначально замечено было, что у Данилова находятся следы раны на левой руке. По обыску в его квартире ничего подозрительного не нашли, но захватили несколько бумаг, написанных рукой Данилова, для сличения его почерка. На первом допросе Данилов от всего отрекся: он показал, что никогда не знал Попова, никогда не бывал у Феллера, никакого перстня не закладывал и Григорьевым не назывался, весь день 12 января и вечер провел безвыходно дома. Но полицией собрано уже было тогда против него достаточно улик. Случайно узнали о его отношениях к закладчику Рамиху, имя которого он шепнул своей матери при свидании. От

Рамиха узнали, что он приносил оценивать к нему перстень и что у него был заложен билет № 09828. Билет этот, выкупленный у него Даниловым 8 января и заложенный 11 января у Попова, тот самый билет, который оказался похищенным в числе других из квартиры Попова. Записки, подписанные Григорьевым, оказались писанными его рукой. Депутат от университета Должиков заявил следователям о записке, переданной ему Даниловым, в которой он просил заготовить для него свидетелей насчет 12 января. Отец и мать передали о рассказе его насчет происхождения раны на руке. Студент Трусов подтвердил тот же рассказ и, кроме того, сообщил о пятнах на пальто и о том, как они продавали бриллианты. Девушка Шваллингер и Малышев, на которых он сослался в подтверждение того, что он был дома, этого не подтвердили. Этого не подтвердили и его родные. Все это я перечислил с тем, чтобы показать вам, какое значение вообще имеют его показания и особенно то, которое он дал 6 апреля. Не подлежит сомнению, что он был вынужден к этому показанию силой собранных против него улик. Ввиду таких улик молчать было невозможно и неблагоприятно. Ему оставалось или сознаться, или выдумать какую-нибудь историю.

И вот он выдумывает фантастическую историю, в которой сознается в укрывательстве преступления. Я прослежу эту историю шаг за шагом. В этой истории подсудимый говорит, что Феллер советовал ему назваться у Попова Григорьевым. Не говоря уже о том, что это показание совершенно голословно, я спрашиваю: с какой целью мог ему Феллер это посоветовать? Цели тут никакой и придумать нельзя. А между тем известно, что он и прежде менял свое имя; естественнее, стало быть, предположить, что имя Григорьева он сам

выдумал. Далее, он говорит, что Феллер знал его адрес. Но в таком случае зачем же он скрывал его два месяца, тогда как мальчик его же магазина послужил главным агентом в долговременных поисках за подсудимым? Если Феллер, по предположению подсудимого, не мог этого сделать прямо, то неужели ему трудно было в течение двух месяцев так или иначе намекнуть полиции на место жительства Данилова? Стало быть, и это его показание голословно и невероятно. Затем он говорит, что он оставил свой старый шарф у Феллера по предложению последнего. Но из сведений, собранных следователями, известно, что подсудимый имел привычку оставлять старые вещи в магазине, где он покупал новые. Так, он в магазине «Амстердам» тоже оставил раз свой старый шарф, у сапожника он оставил свои старые сапоги. Конечно, все это мелочи, но эти мелочи и важны, как указание на степень искренности его показаний. Перехожу к более важным его показаниям. 8 января он встретился с Феллером в клубе и просил будто бы его посредничества для пятипроцентного билета. Билет этот будто бы поручила ему выкупить у Рамиха Соковнина. Соковнина ему этого не поручала, но, как бы то ни было, билет у него был, и ему понадобилось заложить Попову. Спрашивается, зачем он показывал его Феллеру? Это уже не бриллиантовая вещь, которую тот мог оценить высоко к его выгоде. Попов знал курс билетов не хуже Феллера. К чему тут посредничество Феллера? Мы знаем, что он и прежде бывал у Попова и был с ним знаком. В доказательство, что билет заложен Попову не им, а Феллером, он указывает на то, что о залоге перстня он дал Попову расписку под именем Григорьева, а на счет билета никакой расписки не найдено. Но у Попова в книгах нет расписок ни одного из тех лиц, которые ему

закладывали вещи: в его квартире только и найдена единственная расписка насчет перстня. Попов все заклады записывал в особую книгу, и в этой книге под 11 января собственной рукой Попова записано, что билет за № 09828 заложен ему Григорьевым. Далее, 11 января будто бы Феллер назначил ему быть 12 января у Попова. Но в книге клуба в числе гостей Феллер в этот день не значится. Клубовская книга должна в этом случае служить для нас полным доказательством. Феллер в этот день в клубе не был; пусть подсудимый докажет мне противное! Для какой цели звал его Феллер к Попову на 12-е число и зачем он туда поехал, решительно неизвестно. Сам же он говорит, что Феллер вручил ему 100 рублей. Неужели Феллер только для того назначил ему приехать, чтобы он получил от Попова еще несколько рублей, следовавших по курсу? Остальные билеты, которые он намеревался будто бы тоже перезаложить от Рамиха Попову, в руках его еще не были. Я решительно не вижу, зачем ему было отправляться 12 января к Попову, а между тем надобность ехать к Попову, по-видимому, настояла большая, так как он оставил даже сестру свою одну вечером на Кузнецком мосту, и она возвратилась домой одна. 12-го вечером он приехал, нашел дверь отворенной, ступил в комнату, увидел на полу труп женщины, и тут на него набросились убийцы и т.д. Не говоря уже о том, что немыслимо, чтобы убийца, совершая преступление, оставлял все двери отворенными, мы имеем неопровержимое доказательство, что убийца отпирал изнутри двери, когда выходил: об этом свидетельствуют крючок на внутренней стороне косяка наружной двери и ручка второй двери, обогретенная кровью. Это первая несообразность. Вторая

несообразность в его показании та, что он, вступив в комнату один шаг, тогда только заметил труп убитой женщины. Ему доказали, что если дверь была отворена, как он говорит, то он не мог не заметить трупа, находясь еще на лестнице. Я от себя могу удостоверить, что это действительно так. Я был в квартире Попова и убедился, что внутренность первой комнаты видна вся еще с лестницы, потому что голова человека, стоящего на шестой или седьмой ступени лестницы, сверху вниз, приходится в уровень с полом комнаты. Заметив и эту несообразность, подсудимый здесь, на судебном следствии, уже изменяет свое показание и говорит, что он не помнит, вошел ли он в комнату или нет, и что заметил только какую-то темную массу. Все эти изменения в каждой из подробностей того чистосердечного показания, той «исповеди», как он сам выразился, на которую он решился наконец 6 апреля, сами по себе уже составляют сильную улику против подсудимого. Но он не ограничился упомянутыми изменениями. Он показал, что, когда он вступил в комнату, из спальни выскочил человек и бросился на него с кинжалом, нанес ему рану в руку и затем он стремглав бросился вниз и выбежал на улицу. Ему было доказано, что если бы он сделал хотя бы один шаг в комнату, то человек, выскочивший из соседней комнаты, тем уже отрезал бы ему всякое отступление. Заметив, что это невероятно, он изменил и это показание. При предварительном следствии он сказал, что получил вторую рану, которая пробила будто бы насквозь его руку, от убийцы, следовавшего за ним по пятам. Ему доказали, что это невозможно, что убийца, следовавший по пятам, намеренно или ненамеренно, мог нанести ему рану во всякую часть тела скорее, чем в руку. Он

изменил эту подробность. Он сказал далее, что получил удар кинжалом и в пальто, и указал место удара, впоследствии будто бы им зашитое. При тщательном осмотре пальто никакого зашитого места не оказалось. Он сказал, что бежал вниз стремглав, придерживаясь раненой рукой за стену. Ему доказали, что в двух местах на лестнице он должен был остановиться, что доказывается большим количеством крови, найденным в этих местах. Этот пункт он оставил без разъяснения. Он выбежал на улицу, пробежал пространство в 75 шагов и во все это время не кричал и не звал на помощь, хотя был всего девятый час вечера, сел на извозчика и уехал домой. Теперь он говорит, что, может быть, и кричал. Новое изменение того чистосердечного показания, которого он держался несколько месяцев. Что значит восклицание: «А, это вы!», которым будто бы встретил его неизвестный убийца? Стало быть, его ожидали у Попова? Какая связь между Поповым и Даниловым, чтобы убийцы знали наперед, что он будет? Если же его нарочно туда послали, как хочет намекнуть подсудимый, то я опять спрашиваю: для какой цели? Неужели для того только, чтобы иметь свидетеля убийства? А если убийцы не знали, что он должен прийти, то как оказались отворенными двери и что в таком случае означают слова: «А, это вы!», обращенные, по-видимому, к знакомому человеку? Наконец, как мог он убежать от убийц, которым помешал в их деле и которые никак не могли надеяться, что он выбежит молча на улицу, сядет на извозчика и уедет спокойно домой? Но самое трудное объяснение предстояло подсудимому относительно билета. Вам известно, что билет этот, выкупленный им 8 января у Рамиха, был им заложен 11 января у Попова и им же 15 января снова заложен у Юнкера.

Ему не оставалось ничего более, как выдумать новую историю, и он сочинил историю невероятную, немыслимую. Здесь он отказывается от этой истории, а он не раз напирал в своем чистосердечном показании именно на этот рассказ об анонимных письмах. Таких писем, утверждает он теперь, он не получал, а билет получил в запечатанном конверте днем, на улице, от неизвестного человека, который на вопрос его, что это такое, отвечал: «Увидите». На предварительном следствии он не так рассказывал, там неизвестный быстро пробежал мимо него, сунул ему конверт и исчез, не говоря ни слова. Распечатав конверт, рассказывает далее подсудимый, и найдя в нем свой пятипроцентный билет, он ужасно смутился. Но в чем же выразилось это смущение? В том, что он в тот же день заложил билет у Юнкера... Данилова спросили, носил ли он перчатки. Он сказал, что носил постоянно, 12 января на левой руке его надета была перчатка и что, вероятно, она спала с руки во дворе. Но, во-первых, невероятно, чтобы перчатка спала с руки его от нанесения в нее раны, а во-вторых, перчатка эта ни в квартире Попова, ни во дворе не найдена. Я полагаю, господа присяжные, что я опровергнул во всех частях то чистосердечное показание Данилова, которым он старался отстранить от себя обвинение в убийстве, хотя и признавал в его укрывательстве. Теперь я исчислю более положительные доказательства того, что убийца именно он, и никто другой.

Прежде всего уликой против него является его карандашная записка, подписанная именем Григорьева, которая найдена у Попова. Подсудимый отказывается от этой записки, понимая всю важность этой улики. Но после показаний экспертов и товарища его, Трусова, для

вас, господа присяжные, не может быть никакого сомнения в том, что записка эта писана им. Почему он так упорно отказывается от нее? Очень просто: ему хочется доказать, что он всего три раза был у Попова и что, стало быть, никаких особенных отношений у него к Попову не было. Записка прямо уличает его в противном и, кроме того, уличает его еще во лжи перед Поповым насчет поездки в Тулу, которая для чего-нибудь да понадобилась же ему. Что кроется под лживым содержанием этой записки, нам неизвестно. Можно только заключить, что она писана незадолго до убийства Попова, иначе она затерялась бы. На более близкие отношения к Попову и более частые посещения его указывает и то, что тот же Григорьев заложил Попову еще какую-то пару серег, серьги эти также не оказались между вещами Попова. Стало быть, одно из двух: или убийца похитил вместе с перстнем и серьги, или мнимый Григорьев их выкупил прежде; значит, он был у Попова еще лишний раз. Это первая положительная улика. Второй уликой я считаю заперательство подсудимого до 6 апреля и то, что он изменял свой почерк. 6 апреля он дал наконец свое «чистосердечное» показание, которое я разобрал перед вами. Если Данилов виновен только в укрывательстве, то почему же его показание до такой степени опровергается в мельчайших подробностях? Я понимаю, что виновный в укрывательстве может долго не доносить о нем, не доносить до тех пор, пока главные преступники не открыты и он сам не уличен в укрывательстве. Но, раз сознавшись в укрывательстве, виновный в нем, из собственного интереса, постарается раскрыть преступление во всей его целостности, чтобы тем облегчить меру следующего ему наказания. То ли сделал Данилов? Вот почему я смело выставляю его показание 6

апреля как третью улику против него. Далее, уликой служит рана на левой руке Данилова. 18 января следователи сделали заключение, что у убийцы должна быть ранена левая рука. Через два с половиной месяца подсудимый арестован, и на левой руке оказались явственные следы двух ран. Сверх того у него найдены царапины на правой руке; вы слышали объяснение, данное Даниловым насчет происхождения этих царапин, а также и то, как эксперты оценили достоверность его объяснений. 15 апреля делали сличение, и шрам на ладони его левой руки пришелся как раз против пятна на ручке двери. Между вещами Попова не оказалось только тех вещей, которые были заложены Григорьевым, да еще перстня Беловзора. Понятно, что убийца не взял прочих вещей, потому что похищенные вещи могут всегда навести на след похитителя. Но мы знаем, что Данилов продал два бриллиантика. Сначала я думал, что эти бриллиантики из перстня Соковниной, теперь, судя по описанию этих бриллиантиков, я склонен думать, что они из перстня Беловзора. Как ни любопытно объяснение происхождения этих бриллиантиков, купленных будто бы у неизвестного мальчика на Театральной площади, еще любопытнее то, что будто бы он, купив их, тут же про них забыл и вспомнил, только когда Трусов просил помочь ему заложить вещи. Данилов, вечно нуждавшийся в деньгах, вечно закладывавший свои собственные и чужие вещи, вдруг забыл про такое выгодное приобретение! Известно, что Данилов закупил разных вещей у Феллера рублей на 25. Через три месяца ни одной из этих вещей, кроме шарфа, не оказалось. Это наводит на мысль, подтверждаемую показаниями Трусова относительно шарфа, что вещи эти уничтожены, чтобы скрыть все знаки его сношений с Феллером. Не

могу не указать и на то, что с января Данилов стал тратить больше денег. Правда, эти траты не были очень велики. Но они и не могли быть велики. Я уже сказал вам, что весь капитал Попова заключается в билетах на 23 тысячи, билеты эти были похищены, но разменять их было опасно, потому что номера их были тотчас сообщены во все конторы банка. Наличных денег у Попова не могло быть много, потому что известно, что, как только он стал отдавать деньги под заклады, он разменял два билета на 600 рублей. Самое большее, что было в квартире Попова кредитными билетами, - это 200, много 300 рублей, да и то только в таком случае, если перед этим были выкуплены у него какие-либо из заложенных вещей. Надо полагать, что кредитные билеты были у Попова в одной пачке. Об этом заставляет догадываться и окровавленная пятирублевая бумажка, которая, вероятно, была верхней в пачке, и убийца ее бросил. Одним ли совершено убийство или несколькими? Я, со своей стороны, полагаю, что одним. Я думаю так потому, что убийство Попова и Нордман совершено в разное время. Основываясь на драгоценном указании часов, можно с достоверностью сказать, что убийство Попова совершилось в 7 часов, а в 7 часов, как известно, Нордман находилась в аптеке Кронгельма. А если убийство совершено в разное время, то нет основания предполагать, что его совершил не один. Далее спрашивают, возможно ли, чтобы Данилов, будучи еще так молод, совершил такое зверское преступление. Но мы имеем ясные доказательства, что он созрел вполне, как умственно, так и физически. Мы знаем его уже как жениха, знаем также, что с 17 лет он жил жизнью самостоятельной, сам зарабатывал деньги. Что же касается его нравственности и душевной теплоты,

свойственной молодости, то какие имеем мы на этот счет указания? У него счастливая наружность и недюжинный ум. А между тем, где его друзья? Мы знаем только, что в семействе Соковниных он был как жених Алябьевой; он пользовался доверием г-жи Соковниной. Но мы знаем также, как воспользовался он этой доверчивостью. Этот один факт может служить меркой его нравственности.

Господа присяжные! Мое обвинение окончено. Вы, вероятно, ждете моего мнения насчет смягчающих обстоятельств. Но не подумайте, что я, как обвинитель, считаю себя обязанным говорить лишь о том, что клонится к обвинению. Обвинение, по моему глубокому убеждению, должно быть прежде всего искренним и добросовестным, а можно ли назвать добросовестным обвинение, когда обвинитель сознательно обходит факты, говорящие в пользу подсудимого? Если я умолчал о смягчающих обстоятельствах, то это потому, что их нет в настоящем деле. Правда, подсудимый молод, но я не привожу этого обстоятельства, потому что молодость послужит к смягчению его наказания в силу самого закона. С понятием молодости мы соединяем обыкновенно искренность и раскаяние, а разве мы замечаем хоть что-нибудь подобное в подсудимом? Вспомните, как совершено убийство, количество ран, нанесенных убитым, вспомните цель преступления и то, как он вышел к Попову под видом хорошего знакомого; вспомните, наконец, как вел он себя на предварительном и здесь, на судебном следствии! До тех пор, пока не укажут смягчающих обстоятельств, я буду утверждать, что подсудимый не заслуживает вашего снисхождения. Я обвиняю его в предумышленном убийстве Попова и Марии Нордман, в мошенническом присвоении денег,

принадлежавших г-же Соковниной, и в наименовании себя фальшивыми фамилиями.

Карабчевский Н.П. Речь в защиту Мироновича

Господа присяжные заседатели!

Страшная и многоголовая гидра - предубеждение, и с нею-то прежде всего приходится столкнуться в этом злополучном деле. Злополучном с первого судебного шага, злополучном на всем дальнейшем протяжении процесса. Преступление зверское, кровавое, совершенное почти над ребенком, в центре столицы на фешенебельном Невском, всех, разумеется, потрясло, всех взволновало. Этого было уже достаточно, чтобы заставить намного потерять голову, даже тех, кому в подобных случаях именно следовало бы призвать все свое хладнокровие. Ухватились за первую пришедшую в голову мысль, на слово поверили пронительности первого полицейского чина, проникшего в помещение гласной кассы ссуд и увидевшего жертву, лежащую на кресле с раздвинутыми ногами и задремавшей юбкой. В одной этой позе усмотрели разгадку таинственного преступления.

Достаточно было затем констатировать, что хозяином ссудной кассы был не кто иной, как Миронович, прошлое которого будто бы не противоречило возможности совершения гнусного преступления, насилия, соединенного с убийством, и обвинительная

формула была тут же слажена, точно сбита накрепко на наковальне. Не желали идти по пути дальнейшего расследования!

Первую мысль об «изнасиловании» покойной Сарры подал околоточный надзиратель Черняк. Кроме «раздвинутых» ног и «приподнятой юбки», в наличности еще ничего не было. Но всякая мысль об убийстве с целью грабежа тотчас же была бесповоротно оставлена. Когда вслед за Черняком в квартиру проник помощник пристава Сакс (бывший судебный следователь), дело было уже бесповоротно решено. Проницательность «бывшего» судебного следователя была признана непререкаемой. Она-то с бессознательным упорством стихийной силы и направила следствие на ложный путь. К часу дня

28 августа (то есть дня обнаружения убийства), когда налицо были все представители (вплоть до самых высших) следственной и прокурорской власти столицы, слово «изнасилование» уже, как ходячая монета, было всеобщим достоянием.

Тут же после весьма «оригинального» судебно-следственного эксперимента, о котором речь ниже, Миронович был арестован и отправлен в дом предварительного заключения. На следующий день,

29 августа, весь Петербург знал не только о страшном убийстве, но и о «несомненном» виновнике его - Мироновиче. Против «злодея» недаром едва ли не на самом месте совершения преступления была принята высшая мера предосторожности - безусловное содержание под стражей. С этого момента «убийство Сарры Беккер» отождествилось с именем Мироновича в том смысле, что «убийца» и «Миронович» стали

синонимами. От этого первого (всегда самого сильного) впечатления не могли отрешиться в течение всего производства дела, оно до конца сделало ужасное дело. Мироновича предали суду.

А между тем даже и тогда, на первых порах, в деле не имелось абсолютно никаких данных, которые давали бы право успокоиться на подобном «впечатлении».

Характерно отметить, насколько пестовали и лелеяли это «первое впечатление», насколько прививали его к сознанию общества на протяжении всего предварительного «негласного» следствия. Пока речь шла о виновности именно Мироновича, в газетах невозбранно печатались всякого рода сообщения. Зарудный, например, на все лады жевал и пережевывал данные, «уличающие Мироновича», и прокурорский надзор молчал, как бы поощряя усердие добровольцев печати в их лекоковском рвении. Но как только появилась на сцену Семенова и одна из газет вздумала поместить об этом краткую заметку, прокурорский надзор тотчас же остановил дальнейшее «публичное оглашение данных следствия». Гласность именно в эту минуту оказалась почему-то губительной. Так и не удалось сорвать покров таинственности с «первого впечатления», которое до конца осталось достоянием правосудия.

Что же было в распоряжении властей, когда Миронович был публично объявлен убийцей и ввержен в темницу?

Прошрое Мироновича воспроизводится в обвинительном акте не только с большой подробностью, оно им, так сказать, смакуется в деталях и подробностях. В этом прошлом обвинительная власть ищет прежде всего опоры для оправдания своего предположения о

виновности Мироновича. Но она, по-видимому, забывает, что как бы ни была мрачна характеристика личности заподозренного, все же успокоиться на «предположении» о виновности нельзя. Ссылка на прошлое Мироновича нисколько не может облегчить задачи обвинителям. Им все же останется доказать виновность Мироновича. Этого требуют элементарные запросы правосудия.

Раз «прошлое» Мироновича и «характеристика его личности» заняли так много места в обвинительном акте и еще больше на суде - нам, естественно, придется говорить и об этом. Но как от этого далеко еще до его виновности, будь он трижды так черен, каким его рисуют!

Да позволено мне будет, однако, ранее посильной реабилитации личности подсудимого отделаться от впечатлений, которые навеяны совершенно особыми приемами собирания улик по настоящему делу. Они слишком тяготят меня. Не идут у меня из головы два момента следствия, одно из области приобщения улики, другое из области утраты таковой. Я хотел бы сказать теперь же об этом несколько слов и не возвращаться к этому более.

Утрачено нечто реальное, осязаемое. Вы знаете, что в первый же день следствия пропали волосы, бывшие в руках убитой девочки. Если бы они были налицо, мы бы сравнили их с волосами Семеновой. Если бы это «вещественное доказательство» лежало здесь, быть может, даже вопроса о виновности Мироновича больше не было. Волосы эти не были седые, стриженные, какие носит Миронович. Волосы эти были женские, черного цвета. Они были зажаты в руках убитой. Это была,

очевидно, последняя попытка сопротивления несчастной. Эти волосы могли принадлежать убийце. Но их нет! Они утрачены. Каждый судебный деятель, понимающий значение подобного «вещественного доказательства», легко поймет, что могло быть вырвано из рук защиты подобной утратой.

По рассказам лиц, отчасти же и виновных в их утрате, нас приглашают успокоиться на мысли, что это были волосы самой потерпевшей. В минуту отчаяния она вырвала их из своей собственной головы. Но не забывайте, что это только сильное «предположение» лиц, желающих во что бы то ни стало умалить значение самой утраты. Устраненный от производства дальнейшего следствия Ахматов этого предположения удостоверить на суде не мог. Положенный на бумагу единственный волос, снятый с покойной, «по-видимому», оказался схожим с волосами потерпевшей, но не забывайте при этом, что волосы покойной Сарры и Семеновы почти (или «по-видимому» - как хотите!) одного цвета. При таком условии защита вправе печалиться об утрате волос, тем более что единственно уцелевший волос мог действительно выпасть из головы самой потерпевшей. Но такого же ли происхождения была та горсть черных волос, зажатых в руке убитой, об утрате которых повествует нам обвинительный акт, - останется навсегда вопросом. Мы знаем только, что эти волосы были «черные»... Но ведь и у Семеновы волосы несомненно черные.

Как бы в компенсацию этой несомненной «вещественной» утраты предварительным следствием приобщено нечто невещественное. Я затрудняюсь

назвать и характеризовать эту своеобразную «улику», отмеченную на страницах обвинительного акта.

Очень подчеркивалось, подчеркивается и теперь, что Миронович не пожелал видеть убитой Сарры, что он уклонялся входить в комнату, где находился ее труп, несмотря на неоднократные «приглашения». Ссылался он при этом на свою нервность и «боязнь мертвецов» вообще.

Казалось бы, на этом и можно было поставить точку, делая затем из факта выводы, какие кому заблагорассудится. Дальше идти не представлялось никакой возможности уже в силу категорического содержания 405 статьи Устава Уголовного судопроизводства, воспрещающей следователю прибегать к каким бы то ни было инквизиционным экспериментам над обвиняемым, некогда широко практиковавшимся при старом судопроизводстве. Следователь на это и не пошел. Но в обвинительном акте на белом черным значится так: «...но в комнату, где лежал труп, он (Миронович), несмотря на многократные приглашения, не пожелал войти, отказываясь нервностью, и вошел туда только один раз и то вследствие категорического предложения прокурора С.-Петербургской судебной палаты Муравьева».

Как же отнестись к этому процессуальному моменту? Заняться ли подробным анализом его? Лицо, произведшее над обвиняемым этот психологический опыт, не вызвано даже в качестве свидетеля. Мы бессильны узнать детали. Нам известно только, что Миронович в конце концов все-таки вошел в комнату, где лежал труп Сарры. В обморок он при этом не упал... Не хлынула, по-видимому, также кровь из раны жертвы...

Думаю, что обвинительный акт, при своей детальности, не умолчал бы об этих знаменательных явлениях, если бы «явления» действительно имели место.

Итак, никакой, собственно, «психологии» в качестве улики этот процессуальный прием не делал. Да и психология-то, правду сказать, предвкушалась какая-то странная. Бесчеловечно заставляя глядеть человека на мертвеца, когда этот человек заявляет, что он мертвецов боится. При всей своей очевидной незаконности эксперимент к тому же оказался и безрезультатным.

Приобретение не стоит, таким образом, утраты, хотя в одинаковой мере приходится поставить крест и на том и на другом «доказательстве».

Возвратимся к более реальным данным следствия.

Особенно охотно и тщательно собиралось все, что могло неблагоприятно характеризовать личность Мироновича. Но и сугубая чернота Мироновича все же не даст нам фигуры убийцы Сарры Беккер. Недостаточно быть «бывшим полицейским» и «взяточником» и даже «вымогателем», чтобы совершить изнасилование, осложненное смертоубийством. С такими признаками на свободе гуляет много народа. Стало быть, придется серьезно считаться лишь с той стороной нравственных наклонностей Мироновича, которые могут иметь хотя бы какое-нибудь отношение к предмету занимающего нас злодеяния.

Что же приводится в подтверждение предполагаемой половой распущенности Мироновича, распущенности, доходящей до эксцессов, распущенности, способной довести его до преступного насилия? Констатируется, что, имея жену, он жил ранее с

Филипповой, от которой имел детей, а лет семь назад сошелся с Федоровой, с которой также прижил детей.

Ну, от этого до половых «эксцессов», во всяком случае, еще очень далеко! Притом же жена Мироновича, почтенная, преклонных уже лет женщина, нам и пояснила, как завязались эти связи. Вследствие женской болезни она давно не принадлежит плотски мужу. Он человек здоровый, сильный, с ее же ведома жил сперва с Филипповой, потом с Федоровой, и связь эта закреплена временем. Детей, рожденных от этих связей, он признает своими. Где же тут признаки патологического разврата или смакования половых тонкостей? Здоровый, единственно возможный в положении Мироновича, для здорового человека, осложненный притом самой мещанской обыденностью выход. Нет, - было бы воистину лицемерием связи Мироновича с Филипповой и Федоровой, матерями его детей, трактовать в виде улики его ничем ненасытимой плотской похоти!

Надо поискать что-нибудь другое. Когда очень тщательно ищут, всегда находят. А здесь наперебой все искали, очень хотели уличить «злодея».

Прежде других нашел Сакс («бывший следователь»). Он сослался на свидетельницу Чеснову, будто бы та заявила ему что-то о «нескромных приставаниях» Мироновича к покойной Сарре. Это Сакс заявил следователю, подтверждал и здесь, на суде. Но Чеснова как у следователя, так равно и здесь отвергла эту ссылку. Она допускает, что «кто-нибудь» другой, может быть, и говорил об этом Саксу, но только не она, так как «подобного» она не знает и свидетельницей тому не была. Ссылка Сакса оказалась во всяком случае... неточной. Правосудие нуждается в точности.

К области же столь «неточных» сведений следует отнести и довольно характерное показание добровольца-свидетеля Висковатова. Он сам, никем не вызванный, явился к следователю и пожелал свидетельствовать «вообще о личности Мироновича». Показание это имеет все признаки сведения каких-то личных счетов, на чем и настаивает Миронович.

Но возьмем его как вполне искреннее. Насколько оно объективно, достоверно?

Висковатов утверждает, что лет десять тому назад Миронович совершил покушение на изнасилование (над кем? где?). Об этом как-то «в разговоре» тогда же передавал ему ныне уже умерший присяжный поверенный Ахочинский. Затем еще Висковатов «слышал», что Миронович «отравил какую-то старуху и воспользовался ее состоянием». Здесь не имеется даже ссылки на умершего. Висковатов слышал... от кого, не помнит. Но ведь сплетни - не характеристика. Передавать слух, неизвестно от кого исходящий, значит передавать сплетню. Правосудие вовсе не нуждается в подобных услугах. Сам закон его ограждает от них. Свидетелям прямо возбраняется приносить на суд «слухи, неизвестно откуда исходящие».

Это самое характерное в деле свидетельское показание, имеющее в виду обрисовку личности Мироновича.

Все другие «уличающие» Мироновича показания, которым я мог бы противопоставить показания некоторых свидетелей защиты, дают нам едва ли пригодный для настоящего дела материал. Скуп или щедр Миронович, мягок или суров, ласков или требователен - все это черты побочные, не говорящие ни

за, ни против такого подозрения, которое на него возводится.

Тот факт, что он опозорил свои седины ростовщицеством, стал на старости лет содержателем гласной кассы, равным образом нисколько не поможет нам разобраться в интересующем нас вопросе. В видах смягчения над ним по этому пункту обвинения следует лишь заметить, что это ремесло не знаменует ничуть какого-либо рокового падения личности в лице Мироновича. Такое знамение возможно было бы усмотреть лишь для личности с высоким нравственным уровнем в прошлом, но Миронович и в прошлом и в настоящем - человек заурядный, человек толпы. Он смотрит на дело просто, без затей: все, что не возбранено законом, дозволено. Ростовщицество у нас пока не карается, - он им и наживает «честно» копейку. Торговый оборот, как и всякий другой! Объявите сегодня эту «коммерцию» преступной, он совершит простую замену и отойдет в сторону, поищет чего-нибудь другого. Чувство законности ему присуще, но не требуйте от него большего в доказательство того, что он не тяжкий уголовный преступник!

Гораздо более существенное в деле значение имеет все то, что так или иначе характеризует нам отношения покойной Сарры к Мироновичу. Обвинительная власть по данным предварительного следствия пыталась сгустить краски для обрисовки этих отношений в нечто специфически многообещающее. Миронович, дескать, давно уже наметил несчастную девочку, как волк намечает ягненка.

Процессуальное преимущество следствия судебного перед предварительным в данном случае оказало услугу

правосудию. Ничего преступно неизбежного, фатально predetermined в отношениях Мироновича к Сарре обвинительной власти на суде констатировать не удалось. Значительно поблекли и потускнели выводы и соображения, занесенные по тому же предмету в обвинительный акт. Удивляться этому нечего, так как лишь при перекрестном допросе свидетелям удалось высказаться вполне и начистоту, без недомолвок и без того субъективного оттенения иных мест их показания, без которого не обходится редакция ни одного следственного протокола.

На поверку вышло, что свидетели не так много знают компрометирующего Мироновича в его отношениях к покойной Сарре, как это выходило сначала.

Точно отметим, что именно удостоверили свидетели.

Бочкова и Михайлова, простые женщины, жившие в том же доме и водившие с покойной знакомство, утверждают только, что девочка «не любила» Мироновича. Что она жаловалась на скуку и на то, что работа тяжела, а хозяин требователен: рано приезжает в кассу и за всем сам следит. Когда отец уезжает в Сестрорецк, ей особенно трудно, так как сменить ее уже некому. Нельзя выбежать даже на площадку лестницы.

Согласитесь, что от этих вполне естественных жалоб живой и умной девочки, бессменно прикованной к ростовщической конторке, до каких-либо специфических намеков и жалоб на «приставания» и «шалости» Мироновича совсем далеко.

Свидетельницы на неоднократные вопросы удостоверили, что «это» им совершенно не известно и

что жалобы Сарры они не понимали столь односторонне. Наконец, допустим даже некоторые намеки со стороны Сарры и в таком направлении. Девочка живая, кокетливая, сознавшая уже свое деловое достоинство. Каждое неудовольствие, любое замечание Мироновича она могла пытаться объяснить и себе и другим не столько своим промахом, действительной какой-нибудь ошибкой, сколько раздражительностью «старика» за то, что она не обращает на него «никакого внимания», за то, что он даже ей «противен».

Покойная Сарра по своему развитию начинала уже вступать в тот период, когда девочка становится женщиной, ей было уже присуще женское кокетство. Во всяком случае «серьезно» она ни единому человеку на «приставания» Мироновича не жаловалась и никаких опасений не высказывала.

В этом отношении особенно важное значение имеют для нас показания свидетельницы Чесновой и родного брата покойной Моисея Беккера. С первой она виделась ежедневно: выбирала первую свободную минуту для дружеской болтовни и никогда не жаловалась на «приставания» Мироновича или на что-либо подобное. С братом она виделась периодически, но была с ним дружна и откровенна. Никаких, даже отдаленных намеков на «ухаживание» или на «приставание» Мироновича он от сестры никогда не слышал. Равным образом и отец убитой, старик Беккер, «по совести» ничего не мог дать изобличающего по интересующему нас вопросу.

Остается показание скорняка Лихачева. Свидетель этот удостоверил, что однажды в его присутствии Миронович за что-то гладил Сарру по голове и ласково

потрепал ее по щеке. Раз это делалось открыто, при постороннем, с оттенком простой ласки по адресу старшего к младшему (Миронович Сарре в отцы годится), я не вижу тут ровно ничего подозрительного. Во всем можно хотеть видеть именно то, что желаешь, но это еще не значит - видеть. Из показаний Лихачева следует заключить лишь о том, что и Миронович не всегда глядит исподлобья, что он не всегда только бранил Сарру, а иногда бывал ею доволен и ценил ее труд и как умел поощрял ее.

Во всяком случае вывод о том, что Миронович вечно возбуждался видом подростка Сарры и только ждал момента, как бы в качестве насильника на нее наброситься, из показаний этих свидетелей сделать нельзя. Других свидетелей по этому вопросу не имеется. Успокоиться же на априорном наличии непременно насильника, когда нет к тому же самого насилия, значит строить гипотезу, могущую свидетельствовать лишь о беспредельной силе воображения, не желающего вовсе считаться с фактами.

Именно такую «блестящую» гипотезу дал нам эксперт по судебной медицине профессор Сорокин. На этой экспертизе нам придется остановиться со вниманием. С ней приходится считаться не потому, чтобы ее выводы сами по себе представлялись ценными, так как она не покоится на бесспорных фактических данных, но она имела здесь такой большой успех, произвела такое огромное впечатление, после которого естественно подсказывалась развязка пьесы. Кто сомневался ранее в виновности Мироновича, после «блестящей» экспертизы профессора судебной медицины Сорокина откладывал сомнения в сторону, переносил колебание своей совести на ответственность все разъяснившей ему экспертизы и

рад был успокоиться на выводе: «да, Миронович виновен, это нам ясно сказал профессор Сорокин»...

Но сказал ли нам это почтенный профессор? Мог ли он нам это сказать?

Два слова сперва, собственно, о роли той экспертизы, которую мы, истомленные сомнениями и трудностями дела, с такой жадностью выслушали вечером на пятый день процесса, когда наши нервы и наш мозг казались уже бессильными продолжать дальше работу.

Экспертиза призывается обыкновенно ради исследования какого-либо частного предмета, касающегося специальной области знания. Такова была, например, экспертиза Балинского и Чечота. Им не был задан судебный вопрос: «виновна ли Семенова?», - они ограничились представлением нам заключения относительно состояния умственной и духовной сферы подсудимой.

В своем действительно блестящем и вместе строго научном заключении профессор Балинский, как дважды два четыре, доказал нам, что Семенова - психопатка и что этот аморальный душевный склад подсудимой нисколько не исключает (если, наоборот, не способствует) возможности совершения самого тяжкого преступления, особливо, если подобной натурой руководит другая, более сильная воля. Но Балинский, как ученый и специалист, не пошел и не мог пойти далее. Он не сказал нам, что Семенова, руководимая более сильной волей (Безака), совершила это злодеяние - убила Сарру Беккер. Если бы Балинский понимал столь же неправильно задачу судебной экспертизы, как понял ее Сорокин, он бы, вероятно, это высказал. Но тогда он не

был бы тем серьезным, всеми чтимым ученым, ученым от головы до пят, каким он нам здесь представился. Он явился бы разгадывателем шарады, а не экспертом.

К мнению профессора Балинского безусловно присоединился другой эксперт, психиатр-практик Чечот, остановившись на конечном строго научном выводе: «Душевное состояние психопатизма не исключает для лица, одержимого таким состоянием, возможности совершения самого тяжкого преступления. Такой человек, при известных условиях, способен совершить всякое преступление без малейшего угрызения совести. Ради удачи того, что создала его болезненная фантазия, он готов спокойно идти на погибель».

Таким психопатическим субъектом эксперты-психиатры считают Семенову. Психопат - тип, лишь недавно установленный в медицинской науке. Это субъект безусловно ненормальный и притом, как доказано, неизлечимый. Такие душевнобольные, безусловно, опасны и вредны и в обществе терпимы быть не могут. Наказывать их как больных нельзя, но и терпеть в своей среде тоже невозможно.

Вот выводы экспертов-психиатров относительно Семеновой. Для всех очевидно, на чем эти выводы основаны - на точных и доказанных положениях медицинской науки.

С этим считаться должно, ибо это не «гипотеза», не «взгляд в нечто» человека, обладающего лишь воображением, это научная экспертиза людей строгой науки, перед доказательной аргументацией которых всякий профан обязан преклониться.

Обратимся к экспертизе Сорокина. Сорокин также профессор, стало быть, также ученый человек. Но в чем

его наука? Он занимает кафедру судебной медицины; читает ее в медицинской академии для врачей, в университете - для юристов. Я сам немного юрист, и все мы, юристы, прослушали в свое время этот «курс судебной медицины». Мы знаем, что это за наука. Собственно говоря, такой науки нет в смысле накопления самостоятельных научных формул, данных и положений, это лишь прикладная отрасль обширной медицинской науки со всеми ее специальными извилинами и деталями. И психиатрия также входит в ее область. Однако же мы позвали специалистов-психиатров Балинского и Чечота, не довольствуясь Сорокиным и Горским. Отсюда уже ясно, что значит быть специалистом по «судебной медицине» и что представляет собой сама наука «судебная медицина». Всего понемножку из области медицины для применения в гомеопатических дозах в крайних обстоятельствах юристом. Это - наука для врачей и юристов. Этим, я думаю, уже все сказано. Юристы воздерживаются считать себя в ее области специалистами и по большей части в университете не посещают даже вовсе лекций по судебной медицине. Врачи-специалисты от нее сторонятся основательно, считая ее мало обоснованной, энциклопедией для юристов, а вовсе не медицинской наукой. Остается она, таким образом, достоянием господ уездных врачей, которые, как известно, специальностей не признают и по служебным обязанностям признавать не могут, не признают также и немногих профессоров, преподающих эту науку «врачам и юристам».

Предварительные эти справки были совершенно необходимы для того, чтобы с должной осторожностью ориентироваться в значении той судебно-медицинской экспертизы, которую вы здесь выслушали. Она не ценна

ни внешней, ни внутренней своей авторитетностью. Раз мы призываем разрешить наши недоумения науку, она должна быть наукой. Всякий суррогат ее не только бесполезен, но и вреден.

В начале своего страстного, чтобы не сказать запальчивого, заключения сам эксперт Сорокин счел нужным оговориться. Его экспертиза - только гипотеза, он не выдает ее за безусловную истину. К тому же главнейшие свои доводы он основывает на данных осмотра трупа по следственному протоколу, причем высказывает сожаление, что исследование трупа произведено слишком поверхностно. Эксперт к тому же чистосердечно заявляет, что эти дефекты предварительного следствия лишают его экспертизу возможности с полной достоверностью констатировать весь акт преступления.

Но если так, то не было ли бы логичнее, осторожнее и целесообразнее и не идти далее такого вступления? Ужели задача экспертизы на суде - строить гипотезы, основанные на данных, «не могущих быть с полной достоверностью констатированными»? Нельзя же забывать, что здесь разрешается не теоретический вопрос, подлежащий еще научной критике, доступный всяческим поправкам, а разрешается вопрос жизненный, практический, не допускающий ни последующих поправок, ни отсрочки для своего разрешения. Речь идет об участи человека!

Эксперт, открыв в начале своего выступления предохранительный клапан заявлением о том, что он строит лишь гипотезу, понесся затем уже на всех парах, пока не донесся, наконец, до категорического вывода, что Миронович и насильователь, и убийца.

Демонстрации почтенного профессора над знаменитым креслом, в котором найдена была покойная Сарра, выдвинутом на середину судебной залы при вечернем освещении, очень напоминали собой приемы гипнотизма и, кажется, вполне достигли своей цели. После царившего дотолле смятения духа все замерли в ожидании зловещей разгадки, и разгадка самоуверенно была дана почтенным профессором. Всеми было забыто, что, по словам того же профессора, он дает лишь гипотезу; оговорку приписывали лишь его скромности и поняли, что он дает саму истину.

Во всю мою судебную практику мне не случилось считаться с более самоуверенной, более категорической и вместе с тем менее доказательной экспертизой!

В самом деле, отбросим на минуту вывод и остановимся на посылках блестящей экспертизы профессора Сорокина.

Первое, основное положение экспертизы Сорокина - кресло. Нападение было сделано на кресле, на котором Сарра Беккер и окончила свою жизнь. Ударам по голове предшествовала как бы попытка удушить платком, найденным во рту жертвы. Таким способом, по мнению эксперта, грабитель никогда не нападает. Грабитель прямо стал бы наносить удары. Поэтому эксперт высказывает уверенность, что в данном случае существовала попытка к изнасилованию. Вы видите, как ничтожна посылка и какой огромный вывод!

Но какая наука подсказала эксперту, что грабитель никогда так не нападает? Я думаю, что грабитель нападает так, как по данным обстоятельствам ему это наиболее удобно. Если таким грабителем была Семенова, втершаяся первоначально в доверие девочки (вспомните,

что в тот именно вечер Сарра с какой-то неизвестной свидетелям женщиной сидела на ступеньках лестницы перед квартирой), проникшая в квартиру с ведома и согласия самой Сарры, то и нападение и самое убийство должно было и могло случиться именно тогда, когда девочка беззаботно сидела в кресле и менее всего ожидала нападения. Имея в виду, что Семенова имела лишь некоторое преимущество в силе над своей жертвой, станет понятной та довольно продолжительная борьба, которая велась именно на кресле. Значительно более сильный субъект сразу бы покончил со своей жертвой. Навалившись всем туловищем на опрокинутую и потому значительно обессиленную Сарру, Семенова должна была проделать именно все то, что относил эксперт на счет насильника - Мироновича.

На предварительном следствии Семенова (не будучи знакома с протоколами предварительного следствия) так приблизительно и рисовала картину убийства. Она совершила его на том самом кресле, которое демонстрировал эксперт.

Спрашивается, в чем же неверность или невероятность подобного объяснения Семеновой, фотографически отвечающего обстановке всего преступления? Зачем понадобился мнимый насильник, когда имеется налицо реальная убийца?

Но кресло и попытка к задушению достаточны для эксперта, чтобы отвергнуть мысль о нападении грабителя и доказывать виновность Мироновича.

Семенову, непрофессиональную грабительницу, которая могла пустить в ход и непрофессиональный способ нападения, опровергнув тем все глубокомысленное соображение эксперта, профессор

Сорокин просто-напросто отрицает. Он не верит ее рассказу, не верит, чтобы она могла совершить это убийство, чтобы у нее могло хватить на это даже физической силы. Это последнее соображение эксперта лишено уже всякого доказательного значения, так как он даже не исследовал Семенову. Эксперты-психиатры, хорошо ознакомленные с физической и психической природой Семенову, наоборот, подобную возможность вполне допускают.

Итак, мы видим, что заключение профессора Сорокина - действительно гипотеза. Гипотеза, как более или менее счастливая догадка или предположение, ранее чем превратиться в истину, нуждается в проверке и подтверждении. Такой проверки и такого подтверждения нам не дано. Наоборот, я нахожу, что даже судебно-медицинская экспертиза предварительного следствия в достаточной мере ее опровергает. Три судебных врача, видевших самый труп на знаменитом отныне кресле, производивших затем и вскрытие трупа, высказались за то, что смерть Сарры последовала от удара в голову и была лишь ускорена удушением. При этом они положительно констатировали, что никаких следов покушения на изнасилование не обнаружено.

Настаивая на «попытке к изнасилованию», эксперт Сорокин упускает совершенно из виду все естественные проявления сладострастия и полового возбуждения. Уж если допускать, что Миронович проник ночью в кассу под предлогом сторожить ее и Сарра его добровольно впустила, то не стал бы он сразу набрасываться на девочку, одетую поверх платья в ватерпруф, валить ее на неудобное кресло и затем, не сделав даже попытки удовлетворить свою похоть, - душить. Раз проникнув в помещение кассы, чтобы провести в ней ночь, он был

хозяином положения. Он мог дожидаться, пока Сарра разделенется, чтобы лечь спать, мог выбрать любую минуту, любое положение. В комнате, кроме кресла, был диван, но для изнасилования избирается именно неудобное кресло. В качестве сластолюбца, забравшегося на ночлег вблизи своей жертвы, Миронович, конечно, обставил бы свою попытку и большим удобством, и комфортом.

Ключ от входной двери найден в кармане ватерпруфа Сарры. Насилование и убийство производится, таким образом, при открытых дверях. Это могло случиться при случайном нападении, но не при обдуманной попытке к сложному акту изнасилования.

Мало того, если бы Миронович был виновником убийства, он, конечно, сумел бы придать обстановке кассы все внешние черты разграбления. Он разбил бы стекла в витринах, раскидал бы вещи. Но истинный грабитель берет лишь самое ценное, по возможности не делая лишнего беспорядка, не оставляя никаких следов грабежа.

Ключ от двери в кармане убитой Сарры, надетый на ней ватерпруф и недоеденное яблоко в кармане того же ватерпруфа дают мне основание считать, что на нее напали тотчас же, как она вошла в квартиру, впустив за собой с доверием своего убийцу. Если та женщина, которая сидела на лестнице с Саррой, была Семенова, если, доверяясь ей как женщине, ее впустила за собой Сарра, то ясно, кто и убийца.

Итак, с экспертизой Сорокина можно покончить. Она не отвечает ни строгим требованиям науки, ни фактам, ни еще более строгим требованиям судейской совести.

Ваш приговор не может покоиться на гипотезе, в нем должна заключаться сама истина.

Но где же и как ее еще искать? Пока все поиски в смысле установления виновности Мироновича, согласитесь, были бесплодны.

Отметьте это в вашей памяти, так как теперь нам предстоит перейти в последнюю область улик, которыми пытаются еще закрепить виновность Мироновича.

На предварительном следствии спешили выяснить, где находился Миронович в ночь совершения убийства. Оказалось (на первых порах - как значится в обвинительном акте), что Миронович, вернувшись домой в обычное время, провел всю ночь в своей квартире, никуда не отлучаясь. Дворник Кириллов и все домашние Мироновича, опрошенные врасплох на другой же день, единогласно заявили, что хозяин провел ночь, как и всегда, дома, рано лег спать и до утра решительно никуда не отлучался.

Но вот неожиданно появляется свидетельница Егорова, проживающая в доме, где совершилось убийство, со странным, чтобы не сказать зловещим, показанием. Ей неизвестно с чего «припомнилось» вдруг, что в самую ночь убийства она видела шарабан Мироновича, запряженный в одну лошадь, стоящим, как и всегда, у ледника дома, внутри двора. Обыкновенно Миронович здесь ставил лошадь, когда приезжал без кучера и затем отправлялся в кассу ссуд.

Показание представлялось тем более сенсационным, что решительно никто в доме, кроме Егоровой, шарабана ни в ту ночь, ни ранее не видал. Для того чтобы въехать во двор, пришлось бы будить дворника, отворять ворота. Наконец, было бы истинным безумием въезжать ночью в

экипаже в населенный двор для смелой любовной эскапады.

К показанию своему Егорова, по счастью, добавила, что в ту ночь она «очень мучилась зубами», всю ночь напролет не спала, но положительно «припоминает», что это было именно в самую ночь убийства. Ранее она неоднократно видела шарабан Мироновича на том же самом месте, но бывало это всегда днем; раз только случилось видеть ночью.

Показание это само по себе столь неправдоподобно, что обвинению, казалось бы, следовало от него разом отступить. Мало ли что может привидеться дряхлой старухе, измученной зубной болью и бессонницей, в глухую, темную ночь. Лошадь и шарабан Мироновича ежедневно стояли перед ее окнами на одном и том же месте и, по простому навыку зрения, могли ей померещиться в бессонную ночь. Во всяком случае полагаться на подобное удостоверение представлялось бы более чем рискованным.

Но обвинение пытается его укрепить. Оно ссылается на заявление плотника Константинова, ночевавшего в дворницкой дома Мироновича, который удостоверяет, что на звонок выходил (в котором часу, он не помнит) дворник Кириллов, который потом говорил, что распрягал хозяйскую лошадь. Но ведь вся сила этого показания сводится лишь к тому, в котором это было часу. Если это имело место около девяти часов вечера, то показание Константинова ни в чем не расходится ни с действительностью, ни с показаниями других свидетелей. Из его показания выходит только, что он уже спал, когда раздался звонок. По показанию его же семьи и дворника

Кириллова, Константинов, будучи немного выпивши в этот день, залег спать ранее восьми часов.

Миронович вышел из кассы в половине девятого, к девяти он и должен был вернуться домой. Его энергичный хозяйский звонок, очевидно, и разбудил Константинова. Затем, по указанию дворника Кириллова, Миронович уже никоим образом без его ведома не мог бы вновь запрячь лошадь и выехать со двора, потому что ключи от конюшни, сарая и от ворот хранились у него в дворницкой под его тюфяком.

Судебно-медицинское вскрытие трупа покойной Сарры свидетельствует нам, что убийство было совершено над ней не ранее двух часов после принятия ею пищи. В девять часов была закрыта касса. Свидетели видели, как девочка после того ходила за провизией в мелочную лавку. Ее видели и позднее, около десяти часов вечера, сидевшую на лестнице с какой-то неизвестной женщиной. Убийство, стало быть, несомненно, было совершено не ранее одиннадцати часов ночи. В это время Миронович, вне всяких сомнений, был уже дома и спал мирным сном.

Если отбросить нелепое, ни с чем решительно не сообразное показание свидетельницы Егоровой, самое алиби Мироновича представится, несомненно, установленным.

Нам известно, что вещи, похищенные из кассы, в двенадцать часов ночи были уже в Финляндской гостинице. Мы знаем, что в эту же ночь началось «бегство» Семеновой и Безака по Петербургу. Если утвердиться на мысли, что Семенова совершила убийство около одиннадцати часов ночи, то все станет понятно и объяснимо. После столь тяжкого преступления

естественно убегать, унося с собой возможно дальше добычу. Но естественно ли, мыслимо ли допустить, что Миронович, совершив непреднамеренное убийство, в один час нашел себе доброхотных укрывателей в лице Семеновой и Безака, и притом укрывателей ненужных, опасных даже как свидетелей, могущих всегда его изобличить. Это такая басня, что только диву даешься, как в сфере судейского метода «обнаружения истины» мало ресурсов и средств обороняться от подобных басен. Словно самая атмосфера судейской залы горячит и воспаляет наше воображение до экстаза. Я едва не сказал - до умоисступления.

Я убежден, что пройдет несколько лет и перечитывающие процесс скажут: «Да о чем они спорили, разве с самого начала не было ясно, кто убийца, разве она сама им не сказала этого?» Она действительно это сказала. Но все упорно не верили, и ей дали все способы взять свое сознание назад, отречься от своего собственного признания. Теперь и Семенова, и Безак фигурируют в качестве каких-то исключительных, экстравагантных соучастников или укрывателей несуществующего преступника. Но их истинная роль, роль настоящих преступников самым актом предания суду нивелирована и затушевана. Положение их стало выгодным, и они всячески эксплуатируют его, рассчитывая на судейское ослепление, предвкушаемое ими и в вашем приговоре.

Но неужели это ослепление так неизбежно, и истина так фатально от нас сокрыта?

Не думаю. Преступление просто и ясно, и оно в двух словах: Семенова - убийца, Безак - ее руководитель.

В этой простой схеме и вылилось первое сознание Семеновой, полное жизненной правды, полное таких психологических черточек и подробностей, которых не выдумать самому Достоевскому. Остановимся на явке с повинной Семеновой. В ней разгадка дела, в ней сама истина. Никакая ложь, нагроможденная ею впоследствии с целью выбраться из уличающего ее положения, не в состоянии ни сгладить, ни затуманить истины.

Прежде всего должно заметить, что эта «явка с повинной», другими словами, - обнаружение истинного преступника взамен торопливо намеченного следствием мнимого виновника, не могло и не должно было быть ни для кого неожиданностью. Достаточно вспомнить показание жильца того дома, где произошло убийство, Ипатова, данное им при первоначальном же дознании, чтобы изумиться поспешности, с которой это показание было забыто и устранено. Ипатов, живущий по той же лестнице, на которую выходят двери ссудной кассы, но лишь в верхнем этаже, удостоверил, что около десяти часов вечера он видел покойную Сарру на лестнице, сидевшую близ входа в кассу и беседовавшую с какой-то неизвестной женщиной «еврейского типа». Достаточно взглянуть на Семенову, с ее большими черными глазами, ее удлинненным овалом лица и совершенно черными волосами, чтобы признать, что весь ее облик ничуть не противоречит мимолетному впечатлению свидетеля Ипатова. Семенова по облику - гречанка, армянка, еврейка - все, что хотите, только не русская.

Все знакомые Сарры, жившие в том доме, были опрошены; никто из знакомых ей женщин не признал себя в женщине, беседовавшей с Саррой за полчаса до ее убийства. Да и по отзыву Ипатова, это была

«неизвестная» ему женщина, а не одна из живущих в том же дворе, которых он мог встречать и ранее.

Для каждого следователя такое ценное указание, как то, которое заключалось в показании свидетеля Ипатова, должно было стать предметом самого настойчивого исследования. Последняя, кто был с Саррой перед убийством, - «неизвестная» женщина; отсюда невольно должно было родиться подозрение: чужда ли эта неизвестная самому убийству? Ведь расстояние всего в несколько десятков минут. Стоило перевернуть все вверх дном, чтобы разыскать «неизвестную» женщину. Ведь кичится же столичная полиция своим «сыскным отделением». Или эта задача была бы ей не под силу? Но и в таком случае следователь обязан был сделать хоть попытку к розыску. Это доказывало бы, по крайней мере, его стремление всесторонне обследовать дело.

Когда лозунг обвинения: «Миронович и никто другой» - получил свое авторитетное одобрение, показание Ипатова охотно было забыто. Оно оказывалось лишним, ненужным. Миронович был налицо и содержался в доме предварительного заключения. Этого было довольно!

Но вот появилась неизвестная дотолле Семенова со своей «повинной» к приставу Иордану. Следствие вместо того, чтобы, хотя с запоздалой тревогой, вспомнить об ипатовской женщине «еврейского типа» и поискать ее в чертах Семеновой, боясь раскаяться в своей собственной преступной поспешности, стало упорствовать в своих первоначальных заблуждениях. До известной степени это понятно и психологически объяснимо. Но вместе с тем, как это грустно. Семенова принимается так, как будто

наносит вражеский удар предварительному следствию. Немудрено. Все было налажено, все было готово, и вдруг... Семенова. Если она, то где же орлиная прозорливость окинувшего оком место преступления и разом угадавшего преступника? Если она, то получается лишь нечто оплошное, близорукое и уж во всяком случае не орлиное. Очень трудно оторваться от «нас возвышающего обмана». На Семенову стали смотреть как на лицо, «явившееся тормозить правосудие».

Освоившись с такой точкой зрения, сама Семенова и в особенности оговоренный ею Безак очень скоро поняли всю выгодность подобного положения. Лишь на первых порах Семенова была правдива и искренна настолько, насколько натура, характеризованная экспертами в качестве психопатической, может быть искренней. Она была искренна и в силу ненависти своей к Безаку, и в силу безысходности своего душевного состояния, в котором, ей казалось, терять больше нечего.

Семенова, в сущности, существо больное и жалкое. Не сведи ее любовная связь с Безаком, человеком жестоким, решительным и энергичным, она, вероятно, довольствовалась бы мелкими кражами, которые ей довольно счастливо сходили с рук, и никогда не сделалась бы убийцей. Но «более сильная воля», говоря словами экспертов, легко поработила ее безразличную к вопросам нравственности, «психопатическую» натуру, и она почти «с легким сердцем» стала убийцей.

Когда я перечитывал первое показание Семеновой, записанное ею собственноручно в несколько приемов, я был потрясен всей правдой кровавого события. Так пишут только пережившие событие или гениальные художники. Семенова далеко не художница; когда она

что-либо измышляет, измышления не блещут ни оригинальностью, ни интересом. Зато, когда с беззастенчивостью психопатки, которой ничего «не стыдно и никого не жаль», она рассказывает о себе всю правду, ее можно заслушаться.

Правдиво и было ее первое показание, где она с мельчайшими подробностями рассказала, как вкралась в доверие Сарры, как уговорила ее пустить за собой в квартиру, как ударила ее по голове, как душила платком, как после осторожно выкрадывала вещи из витрины, как повезла их в Финляндскую гостиницу к Безаку. Женщина, которую видел свидетель Ипатов на лестнице, и была она. Своим вкрадчивым, мелодичным голосом она усыпила подозрительность умной девочки, она разжалобила ее рассказами о своей нужде, и та сдалась на просьбу, соглашаясь принять от нее заклад, хотя касса и была уже закрыта для публики. Только женщина, которой Сарре не приходило в голову опасаться, могла добиться, чтобы та ее добровольно впустила в квартиру.

Все подробности, всю обстановку помещения Семенова воспроизводит в своем первом показании с поразительной ясностью. Ведь не читала же она копий предварительного следствия!... Миронович сидел в то время в тюрьме и не имел их также на руках. А потом, самые подробности убийства! Тут каждое слово - художественный перл. И эта буркотня в животе у девочки, когда Семенова навалилась на нее всем телом после нанесенного удара, и попытка несчастной укусить ее за палец, когда она совала ей платок в рот. Всего этого не сочинить, не выдумать!

Нам говорят: хорошо, пусть, рыская по Петербургу по приказу Безака «достать денег» и без них к нему не

возвращаться, Семенова натолкнулась на легковушку Сарру и в качестве самой подходящей закладчицы покончила с ней в целях грабежа, но где же результаты этого грабежа? Взято из витрины (и еще с какими предосторожностями!) лишь несколько ценных вещей, тогда как в помещении кассы было так много всякого добра!

На это возразить нетрудно. Семенова брала лишь наиболее ценные и наименее громоздкие вещи, естественно соображаясь с вместимостью своего саквояжа. Наполнив его, она поневоле должна была остановиться. Не вязать же ей было узлы или паковать тюки! В таком виде ее бы задержал у запертых ворот дежурный дворник, и тогда все бы пропало. На это у нее соображения хватило. Не разбивала она витрины, боясь наделать шума и тем привлечь внимание. Вообще, благодаря особенностям своей психопатической (не знающей ни раскаяния, ни сожаления) натуры она сохранила и в этот момент столько присутствия духа, что можно только дивиться «лунатической» чистоте и аккуратности ее «работы». Простой профессиональный грабитель, основательно исключаемый профессором Сорокиным как возможный виновник данного случая, быть может, разбил бы витрину, разворотил бы все замки, навязал бы горы узлов и... тут же попался. Но Семенова - грабитель иного свойства, хотя и не менее опасный. Она змеей вползла в квартиру, в которой задушила девочку, змеей же, незаметно, из нее выползла.

Теперь два слова о совершенно объективных данных, подтверждающих первоначальное сознание Семеновой и оговор ею Безака как подстрекателя. В сущности, все, на что она указывала, подтвердилось: и

покупка ею гири в магазине Сан-Галли, и путешествие их в Таврический сад, и их бедственное, безвыходно бедственное материальное положение.

Но что всего вернее, - это никем не отрицаемые обстоятельства, имевшие место тотчас вслед за убийством.

Мы знаем, что около двенадцати часов ночи (в ночь убийства) Семенова поспешно возвращается к Безаку в Финляндскую гостиницу, где тот ждет ее. Она с саквояжем, наполненным ценными вещами. Теперь Семенова хочет уверить нас, что эти вещи ей дал кто-то, выбежавший из дверей кассы (разумей - Миронович, истинный убийца), и сказал ей, чтобы она их взяла себе. Жалкая басня - образец «выдумки» Семеновой, когда она выдумывает... Но раньше, по ее рассказу, выходило вполне правдиво. В последние дни они с Безаком «как волки рыскали по Петербургу», ища добычи. Наконец, добыча попалась. Она тотчас же поспешила с ней в логово всесильного своего самца, не мешкая ни минуты. У нее после убийства только и было времени доехать на извозчике от Невского до Финляндского вокзала.

Что же происходит дальше в гостинице, когда Безак узнает о том, как и где добыты вещи?

Представим себе на секунду, что Семенова получила эти вещи не преступным путем, а ей их действительно сунули, насильно навязали. Всего проще было пойти и объявить о том полиции или хоть дождаться до утра, чтобы разузнать, в чем дело, сообразить, как с ними быть дальше.

Но нет! Тотчас же возникает и с лихорадочной поспешностью осуществляется естественное лишь в самых крайних, безотлагательных случаях опасности,

назревающее средство - бегство. Безак поспешно расплачивается в гостинице, Семенова приводит свой туалет в порядок, очень тщательно моет руки, и они отъезжают от гостиницы на извозчике.

Куда? Всю ночь они ищут приюта - то в ресторане, то в номере гостиницы для случайных встреч. На другой день эти очевидные сообщники тяжкого преступления разбегаются в разные стороны, как всегда делают сообщники, чтобы замести за собой первый след.

Семенова переселяется в Озерки, Безак - без всякой видимой надобности едет в Гельсингфорс.

Ужели такое поведение Безака и Семеновой, их стремительное бегство в самую ночь убийства не говорит вам ясно: «Убийцы они!»? Неужели вы не понимаете, что их гнало? Не совесть - нет; но шкурный инстинкт - спасайся! Убитая к ним, именно к ним, протягивала свои бескровные ручонки, в их сторону поворачивала свою зияющую на голове рану... Разжалобить их она, конечно, не могла, но зато она мстила. Она пугала их, и они бежали.

Вспомните, наконец, содержание переписки Семеновой и Безака за это время, и вы ужаснетесь невосприимчивости человеческой природы к правде, когда правда ясна и очевидна. Нам все бы хотелось, чтобы ларчик похитрее открывался. А он открывается просто: Миронович не виновен.

Начните с этого и кончите этим: оправдайте его! Вы не удалитесь от истины.

Кони А.Ф. Обвинительная речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела; между ними часто встречаются дела, где свидетельские показания дышат таким здравым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются

некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой.

Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности. Мы знаем, что молодой банщик женился, поколотил студента и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену в речке Ждановке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по муже, и тело было предано земле, а дело воле Божьей. Этим, казалось бы, все и должно было кончиться, но в околотке пошел говор об утопленнице. Говор этот группировался около Аграфены Суриной, она была его узлом, так как она будто бы проговорила, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужем. Поэтому показание ее имеет главное и существенное в деле значение. Я готов сказать, что оно имеет, к сожалению, такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления и что даже взятая вне обстоятельств этого дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие. Но я думаю, что это свойство ее личности несколько не изменяет существа ее показания. Если мы на время забудем о том, *как* она показывает, не договаривая, умалчивая, трусая, или скороговоркою, в неопределенных выражениях высказывая то, что она считает необходимым рассказать, то мы найдем, что из показания ее можно извлечь нечто существенное, в чем должна заключаться своя доля истины. Притом показание ее имеет особое значение в деле: им

завершаются все предшествовавшие гибели Лукерьи события, им объясняются и все последующие, оно есть, наконец, единственное показание очевидца. Прежде всего возникает вопрос: достоверно ли оно? Если мы будем определять достоверность показания тем, *как* человек говорит, *как* он держит себя на суде, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность, за его сердцевину. Поэтому надо оценивать показание по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, без постороннего давления, если оно дано без всякого стремления к нанесению вреда другому и если затем оно подкрепляется обстоятельствами дела и бытовой житейской обстановкою тех лиц, о которых идет речь, то оно должно быть признано показанием справедливым. Могут быть неверны детали, архитектурные украшения, мы их отбросим, но тем не менее останется основная масса, тот камень, фундамент, на котором зиждутся эти ненужные, неправильные подробности.

Существует ли первое условие в показании Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорила, по первому толчку, данному Дарьей Гавриловой, когда та спросила: «Не ты ли это с Егором утопила Лукерью?» Самое поведение ее при ответе Дарье Гавриловой и подтверждение этого ответа при следствии исключает возможность чего-либо насильственного или вынужденного. Она сделалась - волею или неволею, об этом судить трудно - свидетельницей важного и мрачного события, она поделила вместе с Егором ужасную тайну, но как женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, как все люди, у которых на

душе тяготеет какая-нибудь тайна, что-нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвестностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, может быть, осталась жива, и гнетущим сознанием, что она умерщвлена, и поэтому-то она стремилась к тому, чтобы узнать, что сделалось с Лукерьей. Когда все вокруг было спокойно, никто еще не знал об утоплении, она волнуется как душевнобольная, работая в прачечной, спрашивает поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы. Бессознательно почти, под тяжким гнетом давящей мысли она сама себя выдает. Затем, когда пришло известие об утопленнице, когда участь, постигшая Лукерью, определилась, когда стало ясно, что она не придет никого изобличать, бремя на время свалилось с сердца и Аграфена успокоилась. Затем опять тяжелое воспоминание и голос совести начинают ей рисовать картину, которой она была свидетельницей, и на первый вопрос Дарьи Гавриловой она почти с гордостью высказывает все, что знает. Итак, относительно того, что показание Суриной дано без принуждения, не может быть сомнения.

Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь своею исключительною целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его? Такая цель может быть только объяснена страшною ненавистью, желанием погубить во что бы то ни стало подсудимого, но в каких же обстоятельствах дела найдем мы эту ненависть? Говорят, что она была на него зла за то, что он женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла за это с него деньги; положим, что, даже и взяв деньги, она была недовольна им, но между неудовольствием и смертельною ненавистью целая пропасть. Все последующие браку

обстоятельства были таковы, что он, напротив, должен был сделаться ей особенно дорог и мил. Правда, он променял ее, с которой жил два года, на девушку, с которой перед тем встречался лишь несколько раз, и это должно было задеть ее самолюбие, но через неделю или, во всяком случае, очень скоро после свадьбы, он опять у ней, жалуется ей на жену, говорит, что снова любит ее, тоскует по ней. Да ведь это для женщины, которая продолжает любить, - а свидетели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обращение два года, - величайшая победа!

Человек, который ее кинул, приходит с повинною головою, как блудный сын, просит ее любви, говорит, что та, другая, не стоит его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее в ненависть. Зачем ей желать погубить Егора в такую минуту, когда жены нет, когда препятствие к долгой связи и даже к браку устранено? Напротив, теперь-то ей и любить его, когда он всецело ей принадлежит, когда ей не надо нарушать «их закон», а между тем она обвиняет его, повторяет это обвинение здесь, на суде. Итак, с этой точки зрения, показание это не может быть заподозрено.

Затем, соответствует ли оно сколько-нибудь обстоятельствам дела, подтверждается ли бытовою обстановкою действующих лиц? Если да, то как бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можем ей поверить, потому что другие, совершенно посторонние лица, оскорбленные ее прежним поведением, не свидетельствуя в пользу ее личности, свидетельствуют, однако, в пользу правдивости ее настоящего показания. Прежде всего свидетельница, драгоценная по простоте и грубой искренности своего показания, - сестра покойной

Лукерьи. Она рисует подробно отношения Емельянова к жене и говорит, что, когда Емельянов посватался, она советовала сестре не выходить за него замуж, но он поклялся, что бросит любовницу, и она, убедившись этой клятвой, посоветовала сестре идти за Емельянова. Первое время они живут счастливо, мирно и тихо, но затем начинается связь Емельянова с Суриной. Подсудимый отрицает существование этой связи, но о ней говорит целый ряд свидетелей. Мы слышали показание двух девиц, ходивших к гостям по приглашению Егора, которые видели, как он, в половине ноября, целовался на улице, и не таясь, с Аграфеною.

Мы знаем из тех же показаний, что Аграфена бегала к Егору, что он часто, ежедневно по нескольку раз, встречался с нею. Правда, главное фактическое подтверждение, с указанием на место, где связь эта была закреплена, принадлежит Суриной, но и оно подкрепляется посторонними обстоятельствами, а именно - показаниями служащего в Зоологической гостинице мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говорит, что он в этот день до 6 часов сидел в мировом съезде, слушая суд и собираясь подать апелляцию. Не говоря уже о том, что, пройдя по двум инстанциям, он должен был слышать от председателя мирового съезда обязательное по закону заявление, что апелляции на приговор съезда не бывает, этот человек, относительно которого приговор съезда был несправедлив, не только по его мнению, но даже по словам его хозяина, который говорит, что Егор не виноват, «да суд так рассудил», этот человек идет любопытствовать в этот самый суд и просиживает там полдня. Действительно, он не был полдня дома, но он был не в съезде, а в Зоологической гостинице. На это указывает мальчик Иванов. Он видел в

Михайлов день Сурина в номерах около 5 часов. Это подтверждает и Гаврилова, которой 8 ноября Сурина сказала, что идет с Егором, а затем вернулась в 6 часов. Итак, частица показания Суриной подтверждается. Таким образом, очевидно, что прежние дружеские, добрые отношения между Лукерьею и ее мужем поколебались. Их место заняли другие, тревожные. Такие отношения не могут, однако, долго длиться: они должны измениться в ту или другую сторону. На них должна была постоянно влиять страсть и прежняя привязанность, которые пробудились в Егоре с такою силою и так скоро. В подобных случаях может быть два исхода: или рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле, и тогда счастье упрочено, прежние отношения возобновлены и укреплены, или, напротив, рассудок подчинится страсти, заглохнет голос совести, и страсть, увлекающая человека, овладеет им совсем; тогда явится стремление не только нарушить, но навсегда уничтожить прежние тягостные, стесняющие отношения. Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов. Для того чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц. Я не стану говорить о том, каким подсудимый представляется нам на суде; оценка поведения его на суде не должна быть, по моему мнению, предметом наших обсуждений. Но мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены.

Лет 16 он приезжает в Петербург и становится банщиком при номерных, так называемых семейных банях. Известно, какого рода эта обязанность; здесь, на суде, он сам и две девушки из дома терпимости объяснили, в чем состоит одна из главных функций этой обязанности. Ею-то, между прочим, Егор занимается с 16 лет. У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное беззастенчивое проявление грубой чувственности. Рядом с этим является добывание денег не действительною, настоящею работой, а «наводкою». Средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает посетителям, которые, довольные проведенным временем с приведенною женщиною, быть может, иногда и не считая хорошенько, дают ему деньги на водку. Вот какова его должность с точки зрения труда! Посмотрим на нее с точки зрения долга и совести. Может ли она развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам страсти? Нет, его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти, а влияние жизни без серьезного труда, среди далеко не нравственной обстановки для человека, не укрепившегося в другой, лучшей сфере, конечно, не явится особо задерживающим в ту минуту, когда им овладеет чувственное желание обладания... Взглянем на личный характер подсудимого, как он нам был описан. Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», беспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно - и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», - стало быть, человек, не

очень останавливающийся в своих порывах. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращающийся со своею любовницею, «как палач». Ряд показаний рисует, как он обращается вообще с теми, кто ему подчинен по праву или обычаю: «Идешь ли?» - прикрикивает он на жену, зовя ее с собою; «Гей, выходи», - стучит в окно; «выходи», - властно кричит он Аграфене. Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный. Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих нравственных начал дать не могла.

Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая. «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», - говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», - прибавил он. Итак, это вот какая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное - скучная. Затем выступает Аграфена Сурина. Вы ее видели и слышали; вы можете относиться к ней не с симпатией, но вы не откажете ей в одном: она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым; она, очевидно, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы. Это совсем другой тип, другой темперамент.

Вот такие-то три лица сводятся судьбою вместе. Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеною; сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого. Егор женится, однако, на Лукерье. Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотою, невинностью. В этих ее свойствах нельзя сомневаться. Егор сам не отрицает, что она вышла за него, сохранив девическую чистоту. Для него эти ее свойства, эта ее неприкосновенность должны были представлять большой соблазн, сильную приманку, потому что он жил последние годы в такой сфере, где девической чистоты вовсе не полагается; для него обладание молодою, невинною женою должно было быть привлекательным. Оно имело прелесть новизны, оно так резко и так хорошо противоречило общему складу окружающей его жизни. Не забудем, что это не простой крестьянин, грубоватый, но прямодушный, - это крестьянин, который с 16 лет в Петербурге, в номерных банях, который, одним словом, «хлебнул» Петербурга. И вот он вступает в брак с Лукерьею, которая, вероятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, он охлаждается, а затем начинается обычная жизнь, жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером, с его страстною натурою, испытавшею житье с Аграфеною? И ему, особенно при его обстановке, приходилось выдвигать виды, и ему, может быть, желательна некоторая завлекательность в жене, молодой задор, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья - совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно. А тут Аграфена спует, бегаёт по коридору,

по минуте суется на глаза, подсмеивается и не прочь его снова завлечь. Она зовет, манит, туманит, раздражает, и когда он снова ею увлечен, когда она снова позволяет обнять себя, поцеловать; в решительную минуту, когда он хочет обладать ею, она говорит: «Нет, Егор, я вашего закона нарушать не хочу», то есть каждую минуту напоминает о сделанной им ошибке, корит его тем, что он женился, не думая, что делает, не рассчитав последствий, сглупив... Он знает при этом, что она от него ни в чем более не зависит, что она может выйти замуж и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться к скучной и молчаливой жене, или отдаться Аграфене. Но как отдаться? Вместе, одновременно с женою? Это невозможно. Во-первых, это в материальном отношении дорого будет стоить, потому что ведь придется и материальным образом иногда выразить любовь к Суриной; во-вторых, жена его стесняет; он человек самолюбивый, гордый, привыкший действовать самостоятельно, свободно, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрывать от жены или слушать брань ее с Аграфеною и с собою - и так навеки! Конечно, из этого надо найти исход. И если страсть сильна, а голос совести слаб, то исход может быть самый решительный. И вот является первая мысль о том, что от жены надо избавиться.

Мысль эта является в ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда он снова вкусил от сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказав, что это, как говорится в таких случаях, «в первый и в последний раз». О появлении этой мысли говорит Аграфена Сурина: «Не сяду под арест без того, чтобы Лукерья не было», - сказал ей Емельянов. Мы бы могли

не совсем по верить ей, но слова ее подтверждаются другим беспристрастным и добросовестным свидетелем, сестрою Лукерьи, которая говорит, что накануне смерти, через неделю после свидания Егора с Суриною, Лукерья передавала ей слова мужа: «тебе бы в Ждановку». В каком смысле было это сказано - понятно, так как она отвечала ему: «Как хочешь, Егор, но я сама на себя рук накладывать не стану». Видно, мысль, на которую указывает Аграфена, в течение недели пробежала целый путь и уже облеклась в определенную и ясную форму - «тебе бы в Ждановку». Почему же именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее - будет кровь, явные следы, - ведь они видятся только в бане, куда она приходит ночевать. Отравить? Но как достать яду, как скрыть следы преступления? и т.д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство - утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок, - это время самое удобное, потому, что при обнаружении убийства он окажется под арестом и даже как нежный супруг и несчастный вдовец пойдет потом хоронить утопившуюся или утонувшую жену. Такое предположение вполне подкрепляется рассказом Суриной. Скажут, что Сурина показывает о самом убийстве темно, туманно, путается, сбивается. Все это так, но у того, кто даже как посторонний зритель бывает свидетелем убийства, часто трясутся руки и колотится сердце от зрелища ужасной картины; когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте, осеннею и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои мысли и не вполне разглядела, что именно и как

именно делал Егор. Но сущность ее показаний все-таки сводится к одному, т.е. к тому, что она видела Егора топившим жену; в этом она тверда и впечатление это передает с силою и настойчивостью. Она говорит, что, испугавшись, бросилась бежать, затем он догнал ее, а жены не было; значит, думала она, он-таки утопил ее; спросила о жене - Егор не отвечал. Показание ее затем вполне подтверждается во всем, что касается ее ухода из дома вечером 14 ноября. Подсудимый говорит, что он не приходил за ней, но Анна Николаева удостоверяет противоположное и говорит, что Аграфена, ушедшая с Егором, вернулась через 20 минут. По показанию Аграфены, она как раз прошла и пробежала такое пространство, для которого нужно было, по расчету, употребить около 20 минут времени.

Нам могут возразить против показания Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих, могущих быть, возражений. Прежде всего нам скажут, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимого, который должен был войти в воду, не были мокры и т.д. Вглядитесь в эти два пункта возражений и вы увидите, что они вовсе не так существенны, как кажутся с первого взгляда. Начнем с грязи и борьбы. Вы слышали показание одного свидетеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что место, где совершено убийство, весьма крутое, скат в 9 шагов, под углом 45°. Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи в несколько секунд до низу и если затем человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь, то нет ничего удивительного, что на платье,

пропитанном насквозь водою, слякоть расплывается и следов от нее не останется: природа сама выстирает платье утопленницы. Скажут, что нет следов борьбы. Я не стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола куцавейки наводит, однако, на мысль, что нельзя отрицать ее существования. Затем скажут: *сапоги!*. Да, сапоги эти, по-видимому, очень опасны для обвинения, но только по-видимому. Припомните часы: когда Егор вышел из дома, это было три четверти десятого, а пришел он в участок десять минут одиннадцатого, т.е. через 25 минут по выходе из дома и минут через 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной. Но в часть, где собственно содержатся арестанты и где его осматривали, он пришел в 11 часов, через час после того дела, в совершении которого он обвиняется. В течение этого времени он много ходил, был в теплой комнате, и затем его уже обыскивают. Когда его обыскивали, вы могли заключить из показаний свидетелей; один из полицейских объяснил, что на него не обратили внимания, потому что он приведен на 7 дней; другой сказал сначала, что всего его обыскивал, и потом объяснил, что сапоги подсудимый снял сам, а он осмотрел только карманы. Очевидно, что в этот промежуток времени он мог успеть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платье и сапогах, то она не отличалась от той, которая могла образоваться от слякоти и дождя. Да, наконец, если вы представите себе обстановку убийства так, как описывает Сурина, вы убедитесь, что ему не было надобности входить в воду по колени. Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жену, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватывает ее за плечи и, нагнув ее голову, сует в воду. Человек может задохнуться в течение

двух-трех минут, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придержать голову под водой. При такой обстановке, которую описывает Сурина, всякая женщина в положении Лукерья будет поражена внезапным нападением, - в сильных руках разъяренного мужа не соберется с силами, чтобы сопротивляться, особенно если принять в соображение положение убийцы, который держал ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки от пальцев, а другою нагибал ей голову к воде. Чем ей сопротивляться, чем ей удержаться от утопления? У нее свободна одна лишь рука, но перед нею вода, за которую ухватиться, о которую опереться нельзя. Платье Егора могло быть при этом сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностном осмотре, который ему делали, это могло остаться незамеченным. Насколько это вероятно, вы можете судить по показаниям свидетелей; один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой говорит - в чуйке и т.д. Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест, что он был свой человек в участке, - станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?

Посмотрим, насколько возможно предположение о самоубийстве. Думаю, что нам не станут говорить о самоубийстве с горя, что мужа посадили на 7 дней под арест. Надо быть детски-легковерным, чтобы поверить подобному мотиву. Мы знаем, что Лукерья приняла известие об аресте мужа спокойно, хладнокровно, да и приходиться в такое отчаяние, чтобы топиться ввиду семидневной разлуки, было бы редким, чтобы не сказать невозможным, примером супружеской привязанности. Итак, была другая причина, но какая же? Быть может,

жестокое обращение мужа, но мы, однако, не видим такого обращения: все говорят, что они жили мирно, явных ссор не происходило. Правда, она раз, накануне смерти, жаловалась, что муж стал грубо отвечать, лез с кулаками и даже советовал ей «в Ждановку». Но, живя в России, мы знаем, каково в простом классе жестокое обращение с женою. Оно выражается гораздо грубее и резче, в нем муж, считая себя в своем неотъемлемом праве, старается не только причинить боль, но и на шуметь, сорвать сердце. Здесь такого жестокого обращения не было и быть не могло. Оно, по большей части, есть следствие глубокого возмущения какою-нибудь стороною в личности жены, которую нужно, по мнению мужа, исправить, наказуя и истязуя. Здесь было другое чувство, более сильное и всегда более страшное по своим результатам. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконец, мы знаем, что никто так не склонен жаловаться и плакаться на жестокое обращение, как женщина, и Лукерья точно так же не удержалась бы, чтобы не рассказывать хоть близким, хоть сестре, что нет житья с мужем, как рассказала о нем накануне смерти. Итак, нет повода к самоубийству. Посмотрим на выполнение этого самоубийства. Она никому не намекает даже о своем намерении, напротив, говорит накануне противоположное, а именно: что рук на себя не наложит; затем она берет у сестры - у бедной женщины - кофту: для чего же? - чтобы в ней утопиться; наконец, местом утопления она выбирает Ждановку, где воды всего на аршин. Как же тут утопиться? Ведь надо согнуться, нужно чем-нибудь придержаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность... Но чувство самосохранения непременно скажется, - молодая жизнь восстала бы против своего преждевременного прекращения, и

Лукерья сама выскочила бы из воды. Известно, что во многих случаях самоубийцы потому только гибнут под водою, что или не умеют плавать, или же несвоевременно придет помощь, которую они обыкновенно сами призывают. Всякий, кто знаком с обстановкою самоубийства, знает, что утопление, а также бросание с высоты - два преимущественно женских способа самоубийства, - совершаются так, что самоубийца старается ринуться, броситься как бы с тем, чтобы поскорей, сразу, без возможности колебания и возврата, прервать связь с окружающим миром. В воду «бросаются», а не ищут такого места, где бы надо было «входить» в воду, почти как по ступенькам. Топясь в Ждановке, Лукерья должна была войти в воду, нагнуться, даже сесть и не допустить себя встать, пока не отлетит от нее жизнь. Но это положение невыносимое! И зачем оно, когда в десяти шагах течет Нева, которая не часто отдает жизни тех, кто пойдет искать утешения в ее глубоких и холодных струях. Наконец, самое время для самоубийства выбирается такое, когда сама судьба послала ей семидневную отсрочку, когда она может вздохнуть и пожить на свободе без мужа, около сестры. Итак, это не самоубийство.

Но, может быть, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфене Суриной, а мужу Лукерьи можно было желать убить ее, и притом, если мы остановимся на показании обвиняемого, то мы должны брать его целиком, особенно в отношении Суриной. Он здесь настойчиво требовал от свидетелей подтверждения того, что Лукерья плакалась от угроз Суриной удавить ее или утюгом хватить. Свидетели этого не подтвердили, но если все-таки верить обвиняемому, то надо признать, что

Лукерья окончательно лишилась рассудка, чтобы идти ночью на глухой берег Ждановки с такою женщиною, которая ей враг, которая грозила убить ее! Скажут, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводив мужа. Но факты, неумолимые факты докажут нам противное. Егор ушел из бань в три четверти десятого, пришел в участок в десять минут одиннадцатого, следовательно, пробыл в дороге 25 минут. Одновременно с уходом из дому он вызвал Аграфену, как говорит Николаева. Следовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истечении этих 25 минут. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой через *двадцать* минут после ухода. Наконец, могла ли Сурина один на один сладить с Лукерьею, как мог сладить с нею ее муж и повелитель? Вот тут-то были бы следы той борьбы, которой так тщетно искала защита на платье покойной. Итак, предположение о Суриной как убийце Лукерьи рушится, и мы приходим к тому, что показание Суриной в существе своем верно. Затем остаются неразъясненными два обстоятельства: во-первых, зачем обвиняемый вызывал Аграфену, когда шел убивать жену, и, во-вторых, зачем он говорил, по показанию Суриной, что «брал девку, а вышла баба», и упрекал в том жену в последние моменты ее жизни? Не лжет ли Сурина? Но, господа присяжные, не одними внешними обстоятельствами, которые режут глаза, определяется характер действий человека; при известных случаях надо посмотреть и на те душевные проявления, которые свойственны большинству людей при известной обстановке. Зачем он бросил тень на честь своей жены в глазах Аграфены? Да потому, что, несмотря на некоторую свою испорченность, он живет в своеобразном

мире, где при разных, подчас грубых и не вполне нравственных явлениях существует известный, определенный, простой и строгий нравственный кодекс. Влияние кодекса этого выразилось в словах Аграфены: «Я вашего закона нарушать не хочу!» Подсудимый - человек самолюбивый, гордый и властный; прийти просто просить у Аграфены прощения и молить о старой любви - значило бы прямо сказать, что он жену не любит потому, что женился «сдуру», не спросясь броду; Аграфена стала бы смеяться. Надо было иметь возможность сказать Аграфене, что она может нарушить закон, потому что этого закона *нет*, потому что жена внесла бесчестье в дом и опозорила *закон* сама. Не тоскующим и сделавшим ошибку, непоправимую на всю жизнь, должен он был прийти к Аграфене, а человеком оскорбленным, презирающим жену, не смогшую до свадьбы «себя соблюсти». В таких условиях Аграфена стала бы его, быть может, жалеть, но он не был бы смешон в ее глазах. И притом - это общечеловеческое свойство, печальное, но верное, - когда человек беспричинно ненавидит другого, несправедлив к нему, то он силится найти в нем хоть какую-нибудь, хотя вымышленную, вину, чтоб оправдаться в посторонних глазах, чтобы даже в глазах самого ненавидимого быть как бы в своем праве. Вот почему лгал Егор о жене Аграфене и в решительную минуту при них обеих повторял эту ложь, в виде вопроса жене о том, кому продала она свою честь, хотя теперь и утверждает, что жена была целомудренна.

Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство? Вы ознакомились с Аграфеною Суриною и, вероятно, согласитесь, что эта женщина способна вносить смуту и раздор в душевный мир человека, ею увлеченного. От

нее нечего ждать, что она успокоит его, станет говорить как добрая, любящая женщина. Напротив, она скорее всего в ответ на уверения в прочности вновь возникшей привязанности станет дразнить, скажет: «Как же, поверь тебе, хотел ведь на мне жениться - два года водил, да и женился на другой». Понятно, что в человеке самолюбивом, молодом, страстном, желающем приобрести Аграфену, должно было явиться желание доказать, что у него твердо намерение обладать ею, что он готов даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словах, которым Аграфена не верит и над которыми смеется, но на деле. Притом она уже раз испытала его неверность, она может выйти замуж, не век же находиться под его гнетом; надо ее закрепить надолго, навсегда, поделившись с нею страшною тайною. Тогда всегда будет возможность сказать: «Смотри, Аграфена! Я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдем, ведь из-за тебя же Лукерья душу загубил...»

Вот для чего надо было вызвать Аграфену, удалив во что бы то ни стало плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затем могли быть и практические соображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: я сидел в участке, а в участок шел с Грушей, что же - разве при ней я совершил убийство? Спросите ее! Она будет молчать, конечно, и тем дело кончится. Но в этом расчете он ошибся. Он не сообразил, какое впечатление может произвести на Сурина то, что ей придется видеть, он позабыл, что на молчание такой восприимчивой женщины, как Сурина, положиться нельзя... Вот те соображения, которые я считал нужным вам представить. Мне кажется, что все они сводятся к

тому, что обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело, как настоящее, для разрешения своего потребует больших усилий ума и совести. Но я уверен, что вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своею бедною и ни в чем не повинною женою, он со всею строгостью привел его в исполнение. Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женою.

Обнинский П.Н.

Обвинительная речь по делу Качки

Господа присяжные заседатели! 15 марта 1879 года, вечером, в меблированных комнатах Квирина на

Басманной был убит выстрелом из револьвера бывший студент Медико-хирургической академии дворянин Бронислав Байрашевский. Убийство совершено в номере студента Гортынского в то время, когда у него собирались товарищи и знакомые; между ними находилась девица Прасковья Качка, тут же сознавшаяся в этом убийстве, но объяснившая, что открыть причину убийства она не желает.

Предварительным следствием было между прочим обнаружено, что Качка и Байрашевский познакомились в Москве еще в 1878 году. Почти одинаковый возраст, общая цель - подготовиться к предстоящей деятельности научным образованием, наконец, совместное жительство на общей квартире - все это не могло не способствовать к сближению молодых людей. Научные занятия шли без всякого руководства, без достаточной к тому подготовки и потому, вместо желаемой цели, привели к совершенно иному результату; молодые люди полюбили друг друга.

Зародившись в дружбе, любовь эта скоро, в Качке по крайней мере, перешла в страсть: обещание Байрашевского жениться на Качке давало полный простор такому чувству. По отзывам свидетелей, Качка перестала заниматься, появились перемены в характере, привычках, и она, видимо, находилась под гнетом какого-то страстного беспокойного влечения, с резкими переходами от беспредельной веселости к мрачному настроению, как это часто случается у влюбленных. Байрашевский, напротив того, начал заметно охладевать к Качке, избегал даже встречаться с ней, откладывал свадьбу и т.п. - и это уже после того, когда взаимные

отношения их достигли того предела, за которым подозревалась возможность сделаться матерью.

В этом периоде их взаимных отношений, когда страстное чувство Качки достигло своего высшего напряжения, Байрашевский изменяет ей и становится женихом другой девушки, ее же подруги - Ольги Пресецкой, которая также одновременно жила и занималась с ними в общей квартире.

Сначала только подозревая измену, но вскоре затем убедившись в этом, Качка начинает жестоко страдать, ищет выхода в мысли о самоубийстве, решает покончить и с Байрашевским, покупает револьвер, но еще колеблется в своем решении. Через неделю, именно 15 марта, узнав о приезде из Петербурга Ольги Пресецкой, с тем чтобы ехать с Байрашевским к родителям его и обвенчаться там, Качка вечером того же дня убивает Байрашевского в то время, когда все окружающие наслаждались ее пением.

Вот и вся история несчастной любви Качки и того трагического исхода, который привел ее сегодня на скамью подсудимых. Уже из моего короткого рассказа, основанного на бесспорных фактах судебного следствия, вы, господа присяжные заседатели, могли убедиться, что дело идет об одном из обыкновенных убийств, с обыкновеннейшим мотивом - ревностью, т.е. о деянии хотя и несомненно преступном, но вызванном и обусловленном логическим ходом событий, последовательным развитием страстей, присущих каждому и умственно здоровому человеку, а стало быть - о деянии психически нормальном.

Не столь ясным и простым представлялось дело прежде, в начале предварительного следствия: в высшей

степени самолюбивая, все еще любящая убитого ею жениха, Качка долгое время не хотела раскрыть причину убийства, ей тяжело было обнаружить поведение покойного, бросить на него тень, сделать ему упрек... еще тяжелее было ей признать, что она, отдавшаяся своему жениху, забыта ради другой, забыта и поругана; ей было больно даже и подумать об этом; понятно, что на первых порах она должна была молчать о причине. Это сообщило загадочность делу; подозревался болезненный аффект, появились слухи о политической цели убийства. Следствию удалось, однако, доказать как полнейшую несостоятельность этих обоих предположений, так и раскрыть истинную причину убийства. На это, между прочим, потребовалось много времени, и вот почему мы только сегодня приступаем к судебному разрешению события, совершившегося ровно год тому назад, - события, столько несложного по своим внешним очертаниям и, кроме того, засвидетельствованного собственным сознанием обвиняемой. Зато факт, сначала загадочный, низведен был в область понятных для каждого, того искренне желающего, и самых обыкновенных явлений. Доказать это последнее положение составляет в нашем деле главнейшую преобладающую задачу обвинения, так как сама подсудимая и ее защита, как это видно по оконченному судебному следствию, стараются, совершенно для меня неожиданно, вернуть дело снова в ту туманную сферу, из которой оно первоначально возникло.

Для уразумения того, является ли известное деяние свободным продуктом злой воли или совершено оно под гнетом душевной болезни, весьма важно знать повод, вследствие которого возникло первое сомнение

относительно умственной состоятельности и свободной воли обвиняемого. Важно это потому, что если повод такой обусловлен каким-нибудь субъективным явлением, обнаруженным в поведении самого обвиняемого, то, естественно, к предположению о его ненормальном состоянии мы должны отнестись более или менее доверчиво; если же, наоборот, повод этот стоит вне сферы личных явлений из жизни и натуры обвиняемого и возник по чьему-либо стороннему указанию или по излишней, хотя и весьма почтенной в этом случае, мнительности следователей, то такое обстоятельство может иметь значение только тогда, когда возбужденной по такому поводу врачебной экспертизой подозрения эти в чем-либо подтвердятся. Применяя эти общие положения к рассматриваемому случаю, мы видим, что повод, благодаря которому возникло сомнение в умственном здоровье девицы Качки, должен быть отнесен не к первой, а ко второй категории; он пришел к нам, так сказать снаружи. Первое сомнение было возбуждено братом подсудимой, заявившим следователю о беременности сестры и о развившемся вследствие этого ее душевном расстройстве; сомнение подкреплялось долгим и упорным молчанием подсудимой об истинной причине убийства. Но когда стараниями следователя была обнаружена эта причина, когда произведена была врачебная экспертиза, то стало несомненным: первое, что заявление о беременности было внушено исключительно чувством братской любви и не имело под собой никакой фактической основы, и второе, что мотивом убийства была не душевная болезнь, а просто ревность. Итак, повод к сомнению, зародившись извне, не получил при обследовании никакого подтверждения.

Результатом освидетельствования явилось заключение врачей о полном умственном здоровье и, следовательно, полной способности к вменению. Единственным диссонансом в таком гармоническом соглашении представляется мнение врача Державина. Мнение это, основанное не только на кратком, а, можно сказать, на мимолетном наблюдении, положительно опровергается как заключением врача Булыгинского, наблюдавшего ее более месяца и, стало быть, изучившего ее природу несравненно основательнее, так и конечным заключением коллегии врачей-экспертов гг. Кетчера, Доброва и Гилярова, свидетельствовавших Качку в судебном заседании. Оба эти акта были прочитаны на суде, и вы могли убедиться в основательности, всесторонности и внимательности, с которыми отнеслись эксперты эти к своей трудной и сложной задаче. Далеко не таково заключение Державина. Державин в своем заключении совершенно игнорирует фактические обстоятельства и говорит лишь о субъективных свойствах обвиняемой, дознанных им из ее же слов; действительно, если закрыть глаза на отношения Качки к Байрашевскому и Пресецкой, на поведение Байрашевского, на его измену, на силу любви Качки и т.д., тогда, пожалуй, можно приписать убийство душевной болезни, но уж никак не той *raptus melancholicus*^[85], которую нашел Державин. Основные признаки этой болезни, как определяют их Маудсли и Крафт-Эбинг, таковы: «Наступлению помешательства с склонностью к убийству или самоубийству предшествует обыкновенно мрачное состояние духа с бредом или без бреда, убийство совершается под влиянием угнетения,

⁸⁵ Исступление, импульсивное действие в виде приступов (лат.).

вызванного ложными убеждениями, вдруг, при каком-нибудь незначительном поводе; больной впадает в бешенство, совершенно не знает, что делает в это время, и приходит в ужас, когда впоследствии узнает об этом» (*Маудсли, доктор и профессор. Ответственность при душевных болезнях, стр. 241*).

«Аффект появляется столь внезапно и с такой напряженностью, что во время припадка утрачивается не только сознание и рассудительность, но даже и память. Образ действий при *raptus melancholicus* имеет особый механизм, с которым необходимо познакомиться, чтобы не смешивать его с другими состояниями: больной никогда не стремится к достижению какой-либо объективной цели, а лишь к внешнему выражению того, что тяготит его сознание; в образе действий такого больного никогда не бывает плана, целесообразности, а, напротив, больной действует как слепой, как бы конвульсивно; он не довольствуется, например, убийством своей жертвы, а калечит ее самым жестоким отвратительным способом; иногда больной предостерегает окружающих; если же приступ быстр, то за ним следует слепое, бессознательное неистовство» (*Крафт-Эбинг, доктор. Начала уголовной психологии, стр. 63, 64*).

Ничего подобного никто - ни врачи, ни свидетели убийства - в Качке не наблюдали; поступок ее, как это мы видели, далеко не бесцельный; убийство совершено без всяких жестокостей, память и самосознание полнейшие, неистовства по совершении убийства никакого и т.д.

Насколько Качка обладала сознанием в момент убийства и чутко относилась даже к мелочным событиям,

видно из двух доказанных следствием явлений, из которых одно предшествовало убийству, а другое за ним следовало: за два часа до выстрела Качка вручает свидетелю Малышеву прочитанную на суде записку свою о брате и домашних своих распоряжениях, а тотчас после убийства, по поводу чьего-то смеха, иронически замечает, что она доставила своим поступком кому-то удовольствие.

Мысль об убийстве зрела и развивалась в долгом, хотя и мучительном, процессе нравственного страдания обвиняемой; она зародилась в измене Байрашевского, а не в каких-нибудь «ложных убеждениях» и разрешилась 15 марта, когда приехала его новая невеста Пресецкая и когда Качка, в последний раз перед разлукой навеки, видела своего бывшего жениха; в этих последних обстоятельствах, пожалуй, можно допустить внешний толчок, ускоривший развязку, но разве это может лишить факт его осмысленной причины, сознательного стимула, логически подготовленного рядом событий мира действительного, помимо всякой деятельности воображения, миража «ложных убеждений», аффекта и т.п. Где же тут *raptus melancholicus*?

Что касается указаний Державина на пьянство отца Качки, о чем говорит и ее мать в своем показании, то и отсюда невозможно вывести какого-либо заключения о нравственной болезненности дочери их, Прасковьи Качки, так как у тех же родителей, кроме нее, были дети: Александр, Владимир, Анна и Елизавета; все они умственно совершенно здоровы; отчего же пьянство отца отразилось бы только на одной Прасковье Качке?

На предложенный мною по этому поводу вопрос эксперт Державин мог возразить только то, что в

семействе Качки запой отца отразился, кроме Прасковьи Качки, и на сестре ее Анне физическим уродством; но вы помните, господа присяжные заседатели, что об этом уродстве показывала мать ее, г-жа Битмид, и причину его объяснила случайным обстоятельством - падением или ушибом.

Врач Левенштейн вовсе не наблюдал Качку, и поэтому его заключение уже чисто теоретического свойства. Чтобы доказать вам всю его несостоятельность в этом отношении, а также чтобы помочь вам в уяснении психической стороны дела и того значения, какое может иметь для суда врачебная экспертиза вообще, мне необходимо привести, хотя и в выдержках, мнения нескольких научных авторитетов в занимающем нас вопросе.

«Ни в одном из случаев, требующих вмешательства судебного врача, - говорит Шайнштейн (см.: Руководство к изучению судебной медицины, пер. Чацкина, стр. 663, 664), - для него не бывает так близка возможность преступить черту своей компетентности, как при исследовании умственного состояния с целью определить, находится ли данное лицо в здравом уме или нет; ибо, высказывая свое мнение, он тем самым высказывает и свое личное суждение о том, можно ли этому лицу вменить данное действие его как свободное и сознательное. А между тем решение этого последнего вопроса, как по здравой логике, так и по точному смыслу большей части законодательств, принадлежит не врачу, а судье. Ни в одном отделе судебной медицины не было поэтому более бесплодных теоретических рассуждений и ни к чему не ведущей полемики, как в судебной психиатрии. Задача врача душевных болезней ограничена представлением судье возможно полной

картины физического и нравственного состояния обвиняемого и объяснением, какое влияние то или другое могло иметь на его образ действий вообще. Дальнейшую же оценку этих фактов врач представляет судье; притом к сфере компетентности врача относится только часть тех душевных состояний, которыми исключается вменяемость, - именно одни душевные болезни; все же другие условия, как-то: недостаточное воспитание, заблуждение, страсти и нравственные потрясения в качестве общепонятных психологических моментов - подлежат оценке судьи».

«Решение вопроса о вменяемости, - говорит Миттермайер, - принадлежит исключительно судье или присяжным, а врачи должны доставить им только сведения, дающие возможность решить этот вопрос или облегчающие это решение».

«Не всякое видоизменение умственной деятельности, происшедшее вследствие болезненного состояния, возможно бывает признать душевной болезнью; болезненное расстройство умственной деятельности в конкретном случае еще не безусловно влечет за собой признание того, что действия больного находились под влиянием такого расстройства, исключающего свободное определение воли, и несомненно, что не все действия душевнобольных носят отпечаток душевных их страданий» *(Скржечка, доктор и профессор. Душевные болезни по отношению к учению о вменении)*.

«Нет ни одного симптома расстройства умственной деятельности, который бы исключительно был свойством душевной болезни и не встречался бы в нормальном состоянии. Отдельные лица в умственном отношении

бесконечно разнообразны, и нет типа, который мог бы служить нормой умственно-душевного здоровья. Судебная антропология вращается исключительно на почве врачебного опыта и наблюдения и не должна ни разрешать вопроса о способности ко вменению, как понятии чисто юридическом, ни теряться в метафизически спекулятивном исследовании абстрактной свободы воли.

Абсолютной свободы воли, в смысле философов, вероятно, не было и не будет; требования же, предъявляемые государством к индивидуальной воле, всегда ограничиваются относительной ее свободой; государство требует от частного лица лишь способности производить сравнительную оценку представлений и до известной, установленной обществом нормы поступаться чувственными эгоистическими побуждениями в пользу разумных представлений, соответствующих требованиям нравственности и государственным законам. Относительно вопроса о том, насколько для судьи обязательно заключение врача, можно положительно сказать, что судье принадлежит право оценки заключения и он может отвергнуть его. Ввиду столь многих плохих заключений, предъявляемых по настоящее время в судах, было бы весьма неудобно не признавать этого права за судом, но оно должно распространяться лишь на формальную правильность, точность и тщательность его, а никак не на научную компетентность выводов, сделанных врачом» *(Крафт-Эбинг, доктор. Начала уголовной психологии)*.

Все только что приведенные мной отзывы известнейших представителей науки сводятся к такому общему выводу, имеющему прямое отношение к рассматриваемому сегодня делу: судебная психиатрия

изобилует бесплодными теоретическими рассуждениями; неосновательные заключения врачей очень часто предъявляются в судах; врачебная экспертиза поэтому служит для суда только пособием, пользоваться которым можно лишь с величайшей осторожностью; решение вопроса о вменении и оценка фактов, послуживших поводом к экспертизе, всецело принадлежат суду, ибо это вопросы исключительно юридического свойства. Условия воспитания, страсти и нравственные потребности (т.е. единственные двигатели в убийстве Байрашевского) отнюдь нельзя смешивать с душевными болезнями. Бывают случаи, когда и одержимые такими болезнями могут обладать свободной волей, и потому тогда и они даже подлежат вменению за совершенные ими деяния. Вообще для вменения достаточно и относительной свободы воли, так как безусловной не существует. Применяя эти общие выводы к нашему делу, мы получаем конечный и до очевидности простой итог: там, где мнения врачей расходятся, надо отдать предпочтение тому, которое более согласуется с выводами из фактов.

Правда, некоторые психиатры допускают возможность болезни и в человеке, действующем, по-видимому, целесообразно и разумно, т.е. с мотивом, предумышлением, даже скрытностью и т.п., но для этого необходимо, чтобы на такую болезнь имелись какие-нибудь указания в жизни и поведении субъекта вне совершенного им преступного деяния сомнительной вменяемости; таких указаний в биографии Качки, очень подробно и именно с этой целью обследованной, мы не находим. С другой стороны, в этом отношении следует иметь в виду, что все иностранные кодексы, на которые обыкновенно такие врачи ссылаются, допускают

«неполную вменяемость», а некоторые врачи и юристы просто указывают на сомнительные психические страдания как на обстоятельства, смягчающие вину, и в таком случае роль подобных внутренних влияний делается совершенно тождественной с тем значением, какое имеют иногда внешние обстоятельства, например, повод к раздражению, вовлечение другим, несовершеннолетие, вынужденность и т.п. обстоятельства, при наличии которых смягчается наказание.

Наконец, существуют мнения, доводящие подобный взгляд до крайних пределов: по мнению некоторых врачей, сумасшедший человек может действовать совершенно так же, как и умственно здоровый; существует так называемая больная логика, «судорожное сознание»; границ нет, по крайней мере для современной психиатрии они неуловимы. Что же это значит? Это значит, что и экспериментальное знание имеет свои границы, за которыми вся сумма его сводится к нулю. Но, господа присяжные заседатели, человек обладает свойством более высшего источника, свойством, ему прирожденным, - разумом, здравым смыслом. Область его начинается как раз там, где экспериментальный вывод дает в результате такой нуль.

Итак, обратимся к этой нашей способности и последуем ее указаниям, тем более что такое право в данном случае признают за нами, юристами, и приведенные мной медицинские авторитеты. Мы видели, что преступление было сознательное, больше - оно совершено лицом, способным, как оказалось по показаниям и переписке его, к тонкому и глубокому анализу личных ощущений и к чуткой восприимчивости явлений внешнего мира; мотив, бесспорно доказанный, -

ревность; цель узкая, себялюбивая, выраженная формулой: «Если не мне, так никому!»; раскаяние, угрызения совести, ясные следы которых мы видели в последующем поведении подсудимой: она мучается, просит себе кары, покушается отравиться; наконец, колебания (записка в жандармское управление) и т.п. - вот те несомненные очертания, в каких предстает нашему умственному взору страшная, как и всегда, картина убийства, совершенного Качкой; очертания эти стройны и гармоничны, они останутся теми же, откуда бы ни вздумалось освещать их, и только близорукому наблюдателю может в них мерещиться нечто иное, чем то, что они изображают в действительности. Преступление в данном случае не представляется явлением, стоящим особняком, явлением, как бы выхваченным из окружающей его сферы предшествовавших и следующих за ним событий, чем-то совершенно им чуждым, как это бывает у сумасшедших. Напротив того, убийство здесь тесно, органически связано со всем тем, что ему предшествовало и что за ним следовало. Оно - необходимое звено в этой прочно составленной цепи; разорвать такую живую цепь не в силах никакая экспертиза; прежде чем уверовать в противное, надо отречься от своего собственного разума или умышленно закрыть глаза перед очевидными каждому, победоносно убедительными фактами.

Таким образом, по вопросу о вменении, главнейшему в рассматриваемом процессе, судебное и предварительное следствия дают нам такие общие итоги: с одной стороны, предположение о душевной болезни обвиняемой, возникшее по ошибочному заявлению брата Качки и затем поддержанное врачом Державиным с не менее очевидными для каждого ошибками, разрушается

теоретически коллективным заключением врачей-экспертов; с другой стороны, фактические обстоятельства, доказанные следствием, - обманутая любовь, ревность, разрыв и т.п. - складываются в таком бесспорном для вывода сочетании, что совокупностью своей образуют вполне естественный, для каждого понятный мотив преступления. Оба эти различными, совершенно самостоятельными путями достигнутые итоги ведут к третьему убеждению в полном умственном здравии подсудимой, а следовательно, и в полной способности ее ко вменению. Так высказалось большинство экспертов, так говорят все до единого обстоятельства дела, наконец, так говорит и сама подсудимая; так, следовательно, должны сказать и вы, господа присяжные, в своих ответах по этому вопросу.

Покончив с психологической стороной процесса, перехожу к рассмотрению другого, особо от этой стороны стоящего взгляда, который я рискую встретить в возражениях защиты или в некоторых впечатлениях, вынесенных лицами, призванными участвовать в разрешении дела; взгляд этот, возводимый иногда в теорию, уже не раз проявлялся в известных судебных процессах, и потому мне нельзя оставить его без внимания.

Качка вызывает к себе сострадание: это далеко не заурядная подсудимая; для многих она окружена ореолом романического трагизма; убийство совершено под гнетом тяжелым, осложняющимся страстной натурой обвиняемой, едва ли не обезумевшей от любви и ревности. Байрашевский вырвал из ее рук счастье, которое она, доверчивая и влюбленная, купила дорогой

ценой - ценой своей девственности! Она получила право на месть!

Все это с известной точки зрения так, все это еще подробнее скажет вам защита... Но вдали от всего этого, в грозном безмолвии смерти одиноко стоит перед вами образ убитого юноши... Родственники Качки пришли сюда, чтобы вместе с моим талантливym противником своими речами и показаниями облегчить участь подсудимой; за Байрашевского никто не явился: его нечего спасать, его никто не подымет из гроба! Мы не видим здесь безутешного горя его родителей, на старости лет потерявших единственного сына; мы не слышим здесь отчаянного плача его невесты, у которой убили жениха чуть не накануне свадьбы! Я один здесь, который говорю от его имени; на мне одном лежит обязанность защищать перед вами его святое право на осуждение убийцы... Он умер с детски беззаботной улыбкой на устах, застывший отблеск которой сохранился на предъявленной Вам фотографии с трупа. Вряд ли у человека с черным прошедшим можно подметить в момент смерти такую улыбку.

Не спорю, Байрашевский виноват перед Качкой. Я первый принял это во внимание при определении степени уголовной ответственности в своем обвинительном акте; но разве за такие вины казнят смертью? Если государство в таких случаях не считает себя вправе на такую казнь, то может ли защищаться таким правом частное лицо? За что в самом деле погиб Байрашевский? Он изменил своей возлюбленной - в этом виновато его молодое сердце; корыстного мотива измены, мотива, который сделал бы ее отвратительной, здесь не было; было просто сердечное увлечение, с которым 20-летний юноша, быть может, был не в силах и

бороться. И вот за это смертная казнь, казнь беспощадная, исполненная публично, как бы в назидание окружающим! Вот что сказал бы нам убитый Байрашевский, если бы мог находиться здесь.

К этому я должен прибавить еще следующее: уголовное правосудие преследует двойственную задачу. Кроме наказания преступнику, всякий приговор по каждому делу вообще, а по такому, как сегодняшнее, в особенности имеет воспитательное значение: есть люди, которые прислушиваются к решениям гласного суда, сообразуют с ними поведение свое в тех или иных случаях, и если суд представителей общественной совести торжественно и всенародно объявляет, что частное лицо может безнаказанно мстить за обиду даже лишением жизни, то вслед за оправданным преступником всегда готова двинуться целая вереница последователей, рассчитывающих на безнаказанность, - и тогда где и в чем найдется гарантия личной свободы и безопасности? Чем оградится естественное право каждого живущего на продолжение своей жизни? Все это - вопросы высшего порядка, вопросы, перед которыми должна в вашем приговоре склониться и личность подсудимой, сколько бы ни вызывала она к себе превратной симпатии и малодушного в этом случае сострадания.

Полагая поэтому, что Качка не будет оправдана ни ради ошибочно подозреваемого в ней душевного расстройства, ни ради только что рассмотренных мной столь же ошибочных и еще более опасных социологических соображений, я могу заняться теперь определением тех границ, в которых считаю справедливым предъявить вам свое обвинение. В этом

отношении я обязан особенно осмотрительностью ввиду тех последних слов, которые записала Качка в протоколе предъявленного ей следственного производства: «Преступно мое прошлое, бесполезно настоящее - судите беспощадно!»

Я ищу только справедливости и только с этой целью ставлю себе вопрос. К какому именно из предусматриваемых нашим уложением видов убийства следует отнести совершенное Качкой преступление? С первого взгляда казалось бы, что оно является плодом «заранее обдуманного намерения», т.е. при обстоятельстве, особенно отягчающем вину. Действительно, мысль об убийстве рождается и зреет в голове подсудимой. Задолго до его совершения она покупает револьвер, заряжает его, держит его при себе в вечер убийства. Но при внимательном сопоставлении и тщательной оценке всех фактов, рисующих нам внутренний мир подсудимой незадолго до убийства и в самый момент его совершения, нельзя сказать с полной уверенностью, чтобы тут действовало заранее обдуманное намерение в том смысле, как это понимает наш уголовный закон. Револьвер Качка покупает, чтобы застрелить себя. Это объяснение ее не опровергается по следствию, и потому мы не имеем основания заподозрить его искренность. Затем Качка в момент преступления настолько еще, по собственному ее показанию, любила и вместе с тем ненавидела своего бывшего жениха, настолько еще страдала недавней изменой, что намерение убить его могло, скорее, явиться внезапно под влиянием особо угнетающих или особо раздражающих нервную восприимчивость условий. Такими условиями в данном случае были: во-первых, известие, полученное за два часа до убийства, о приезде из Петербурга невесты

Байрашевского и о предстоящем отъезде ее со своим женихом. Качка поэтому знала, что видит Байрашевского свободным уже в последний раз; он уезжает, чтобы соединиться с другой навсегда; теперь, в этот ужасный вечер, рушится ее последняя надежда, и затем - разлука навеки! Во-вторых, пение. Песни Качки, по словам собеседников, отличались на этот раз особенно мрачным и вместе с тем особенно чарующим характером; они были так близко по содержанию к ее собственному тогдашнему душевному настроению, были так обаятельны даже для посторонних слушателей. Очевидно, сама Качка, любящая музыку и глубоко ее чувствующая, не могла не проникнуться такими песнями: «голос ее дрожал и обрывался, в нем слышались рыдания», говорят свидетели; явилось нервное возбуждение... револьвер был в руках; Байрашевский сидел почти рядом, мечтая о своей новой невесте; Качка пела про несчастную любовь и в то же время на лице его мучительно наблюдала ту улыбку чужого нарождающегося счастья, какую он унес с собой и в могилу... И Качка не устояла: раздался выстрел и разбил это ненавистное счастье!

Не приезжай в этот день Пресецкая, не будь этого раздражающего пения, может быть, решимость Качки, с которой она боролась (это доказано письмом ее в жандармское управление), не достигла бы своего ужасного осуществления. Да и сама эта решимость, как выразилась Качка в одном из своих показаний, «как-то не оформливалась»; мысли - то об убийстве Байрашевского, то о самоубийстве, то об исполнении того и другого зараз, - очевидно, возникали в уме и проносились мимо. Так по ясному когда-то небу проносятся перед грозой облака, но кто угадает, из

которого впервые сверкнет молния и загремит гром? То было представление, искушение, идея, отчаяние, все, что хотите, но только не «намерение», и притом «заранее обдуманное».

Вот почему, господа присяжные заседатели, я не решаюсь возвышать свое обвинение, настаивая на этом признаке, хотя в некоторых взятых в отдельности фактах и можно было бы подыскать для того известное основание.

Я предпочитаю приурочить деяние Качки к ст. 455 уложений, т.е. той, которая выставлена в утвержденном судебной палатой обвинительном акте и которая говорит об убийстве без заранее обдуманного намерения, в запальчивости или раздражении, но не случайном, а умышленном, т.е. сознательном. Если не было «запальчивости», то могло быть «раздражение», вызванное, с одной стороны, суммой всех тех психических, но совершенно нормальных явлений, о которых так много было говорено вчера, и с другой - той обстановкой самого преступления, о которой я только что упомянул.

В конце концов от вас, господа присяжные заседатели, будет зависеть, признать в деянии Качки наличность «раздражения» или отвергнуть этот признак; все сказанное мной в этом отношении внушено лишь целью представить вам свои соображения и тем облегчить разрешение этого частного, второстепенного в обвинении вопроса. Что же касается остальных признаков преследуемого приведенной ст. 455 преступления - не случайности и сознания, - то в том, что эти признаки были налицо, ни в ком не может возникнуть и сомнения: стреляя из ею же самой заряженного

револьвера в лоб, чуть не в упор, Качка не могла не сознавать, что посягает на жизнь другого, и поэтому действовала умышленно, а поступая так, не могла, конечно, застрелить Байрашевского «случайно».

Приговор ваш в тех скромных пределах обвинения, какие я установил в своей речи, будет справедлив. Вы можете признать смягчающие обстоятельства, но не оставите подсудимую без наказания, которого одинаково требуют как ее собственная возмущенная совесть, так и совесть общественная, представителями которой являетесь вы на суде.

Плевако Ф.Н. Речь в защиту Качки ^[86]

Господа присяжные! Накануне, при допросе экспертов, господин председатель обратился к одному из них с вопросом: по-вашему, выходит, что вся душевная жизнь обуславливается состоянием мозга? Вопросом этим брошено было подозрение, что психиатрия в ее последних словах есть наука материалистическая и что, склонившись к выводам психиатров, мы дадим на суде место «материалистическому» мирообъяснению. Нельзя не признать уместность вопроса, ибо правосудие не имело бы места там, где царило бы подобное учение, но вместе с тем надеюсь, что вы не разделите того обвинения против науки, которое сделано во вчерашнем

⁸⁶ Текст речи приводится так, как он дан в кн.: Суд присяжных в России / Сост. СМ. Казанцев. Л., 1991.

вопросе господина председателя. В области мысли действительно существуют то последовательно, то рядом два диаметральных объяснения человеческой жизни - материалистическое и спиритуалистическое. Первое хочет всю нашу духовную жизнь свести к животному, плотскому процессу. По нему, наши пороки и добродетели - результат умственного здоровья или расстройства органов. По второму воззрению, душа, воплощаясь в тело, могуча и независима от состояния своего носителя.

Ссылаясь на примеры мучеников, героев и т.п., защитники этой последней теории совершенно разрывают связь души и тела. Но если против первой теории возмущается совесть и ее отвергает ваше нравственное чувство, то и второе не устоит перед голосом вашего опытом богатого здравого смысла. Допуская взаимодействие двух начал, но не уничтожая одно в другом, вы не впадете в противоречие с самым высшим из нравственных учений, христианским. Это возвысившее дух человеческий на подобающую высоту учение само дает основания для третьего, среднего между крайностями, воззрения. Психиатрия, заподозренная в материалистическом методе, главным образом, стояла за наследственность душевных болезней и за слабость душевных сил при расстройстве организма прирожденными и приобретенными болезнями.

В библейских примерах (Ханаан, Вавилон и т.п.) защита доказывала, что наследственность признавалась уже тогда широким учением о милосердии, о филантропии путем материальной помощи, проповедуемой Евангелием; защита утверждала то положение, что заботой о материальном довольстве страждущих и неимущих признается, что лишения и

недостатки мешают росту человеческого духа: ведь это учение с последовательностью, достойной всеведения учителя, всю жизнь человеческую регулировало с точки зрения единственно ценной цели, цели духа и вечности.

Те же воззрения о наследственности сил души и ее достатков и недостатков признавались и историческим опытом народа. Защитник припомнил наше древнерусское предубеждение к Ольговичам и расположение к Мономаховичам, оправдывающееся фактом: рачитель и сберегатель мира Мономах воскрешался в роде его потомков, а беспокойные Ольговичи отражали хищнический инстинкт своего прародича. Защитник опытами жизни доказывал, что вся наша практическая мудрость, наши вероятные предположения созданы под влиянием двух аксиом житейской философии: влияния наследственности и материальных плотских условий в значительной дозе на физиономию и характер души и ее деятельности. Установив точку зрения на вопрос, защитник прочел присяжным страницы из Каспара, Шюлэ, Гольцендорфа и других, доказывающих то же положение, которое утверждалось и вызванными психиатрами. Особенное впечатление производили страницы из книги доктора Шюлэ, из Илленау («Курс психиатрии») о детях-наследственниках. Казалось, что это не из книги автора, ничего не знающего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства.

Затем началось изложение фактов судебного следствия, доказывающих, что Прасковья Качка именно такова, какой ее представляли эксперты в период от зачатия до оставления ею домашнего очага.

Само возникновение ее на свет было омерзительно. Это не благословенная чета предавалась естественным наслаждениям супругов. В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти, ей дана жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства и страхом за своего грубо разгульного мужа. Вместо колыбельных песен до ее младенческого слуха долетали лишь крики ужаса и брани да сцены кутежа и попоек. Она потеряла отца будучи шести лет. Но жизнь от того не исправилась. Мать ее, может быть, надломленная прежней жизнью, захотела пожить, подышать на воле; но она очень скоро вся отдалась погоне за своим личным счастьем, а детей бросила на произвол судьбы. Ее замужество за бывшего гувернера ее детей, ныне высланного из России, г. Битмида, который моложе ее чуть не на 10 лет; ее дальнейшее поглощение своими новыми чувствами и предоставление детей воле судеб; заброшенное, неряшливое воспитание; полный разрыв чувственной женщины и иностранца-мужа с русской жизнью, с русской верой, с различными поверьями, дающими столько светлых, чарующих детство радостей; словом, семя жизни Прасковьи Качки было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву. Каким-то чудом оно дало - и зачем дало? - росток, но к этому ростку не было приложено забот и любви: его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги и беспорядочные смены стихий. В этом семействе, которое, собственно говоря, не было семейством, а механическим соединением нескольких отдельных лиц, полагали, что сходить в церковь, заставить пропеть над собой брачные молитвы, значит совершить брак. Нет, от первого поцелуя супругов до той минуты, когда наши дети, окрепшие духом и

телом, нас оставляют для новых, самостоятельных союзов, брак не перестает быть священной тайной, высокой обязанностью мужа и жены, отца и матери, нравственно ответственных за рост души и тела, за направление и чистоту ума и воли тех, кого вызвала к жизни супружеская любовь.

Воспитание было действительно странное. Фундамента не было, а между тем в присутствии детей, и особенно в присутствии Паши, любимицы отчима, не стесняясь говорили о вещах выше ее понимания: осмеивали и осуждали существующие явления, а взамен ничего не давали. Таким образом, воспитание доразрушило то, чего не могло разрушить физическое нездоровье. О влиянии воспитания нечего и говорить. Не все ли мы теперь плачемся, видя, как много бед у нас от нерадения семейств к этой величайшей обязанности отцов?

В дальнейшем ходе речи были изложены по фактам следствия события от 13 до 16 лет жизни Качки.

Стареющая мать, чувствуя охлаждение мужа, вступила в борьбу с этим обстоятельством. При постоянных переездах с места на место, из деревни то в Петербург, то в Москву, то в Тулу, ребенок нигде не может остаться, освоиться, а супруги между тем поминутно в перебранках из-за чувства. Сцены ревности начинают наполнять жизнь господ Битмидов. Мать доходит до подозрений к дочери и, бросив мужа, а с ним и всех детей от первого брака, уезжает в Варшаву. Проходят дни и годы, а она даже и не подумает о судьбе детей, не поинтересуется ими.

В одиночестве, около выросшей в девушку Паши, Битмид-отчим действительно стал мечтать о других

отношениях. Но когда он стал высказывать их, в девушке заговорил нравственный инстинкт. Ей страшно стало от предложения и невозможно долее оставаться у отчима. Ласки, которые она считала за отцовские, оказались ласками мужчины-искателя; дом, который она принимала за родной, стал чужим. Нить порвалась. Мать далеко... Бездомная сирота ушла из дому. Но куда, к кому? Вот вопрос.

В Москве была подруга по школе. Она - к ней. Там ее приютили и ввели в кружок, доселе ею невиданный. Целая кучка молодежи живут не ссорясь; читают, учатся. Ни сцен ее бывшего очага, ни плотоядных инстинктов она не видит. Ее потянуло сюда. Здесь на нее ласково взглянул Байрашевский, выдававшийся над прочими знанием, обстоятельностью. Бездомное существо, зверек, у которого нет пристанища, дорого ценит привет. Она привязалась к нему со всем жаром первого увлечения. Но он выше ее: другие его понимают, а она нет. Начинается догонка, бег; как и всякий бег - скачками. На фундаменте недоделанного и превратного воспитания увлекающаяся юность, увидевшая в ней умную и развитую девушку, начинает строить беспорядочное здание: плохо владеющая, может быть, первыми началами арифметики садится за сложные формулы новейших социологов; девушка, не работавшая ни разу в жизни за вознаграждение, обсуживает по Марксу отношения труда и капитала; не умеющая перечислить городов родного края, не знающая порядком беглого очерка судеб прошлого человечества, читает мыслителей, мечтающих о новых межах для будущего. Понятно, что звуки доносились до уха, но мысль убегала. Да и читалось это не для цели знания: читать то, что он читает, понимать то, что его интересует, жить им - стало девизом девушки.

Он едет в Питер. Она - туда. Здесь роман пошел к развязке. Юноша приласкал девушку, может быть, сам увлекаясь, сам себе веря, что она ему по душе пришлась. Началось счастье. Но оно было кратковременно. Легко загоревшаяся страсть легко и потухла у Байрашевского. Другая женщина приглянулась, другую стало жаль, другое состояние он смешал с любовью, и легко, без борьбы, он пошел на новое наслаждение.

Она почувствовала горе, она узнала его. В словах, которые воспроизвести мы теперь не можем, было изложено, каким ударом было для покинутой ее горе. Кратковременное счастье только больнее, жгучее сделало для нее ее пустую, бесприютную, одинокую долю. Будущее с того шага, как захлопнется навсегда дверь в покой ее друга, представлялось темным, далеким, не озаренным ни на одну минуту, неизвестным. И она услышала первые приступы мысли об уничтожении. Кого? Себя или его - она сама не знала. Жить и не видеть его, знать, что он есть, и не мочь подойти к нему - это какой-то неестественный факт, невозможность. И вот, любя его и ненавидя, она борется с этими чувствами и не может дать преобладание одному над другим.

Он поехал в Москву, она, как ягненок за маткой, за ним, не размышляя, не соображая. Здесь ее не узнали. Все в ней было перерождено: привычки, характер. Она вела себя странно; непривычные к психиатрическим наблюдениям лица и те узнали в ней ненормальность, увидав в душе гнетущую ее против воли, выше воли тоску. Она собирается убить себя. Ее берегут, остаются с ней, убирают у нее револьвер. Порыв убить себя сменяется порывом убить милого. В одной и той же душе идет трагическая борьба: одна и та же рука заряжает пистолет и пишет на саму себя донос в жандармское

управление, прося арестовать опасную пропагандистку Прасковью Качку, очевидно, желая, чтобы посторонняя сила связала ее большую волю и помешала идее перейти в дело. Но доносу, как и следовало, не поверили.

Наступил последний день. К чему-то страшному она готовилась. Она отдала первой встречной все свои вещи. Видимо, мысль самоубийства охватила ее. Но ей еще раз захотелось взглянуть на Байрашевского. Она пошла. Точно злой дух шепнул ему новым ударом поразить грудь полуребенка, страдалицы: он сказал ей, что приехала та, которую он любит, что он встретил ее, был с ней; может быть, огнем горели его глаза, когда он говорил, не щадя чужой муки, о часах своей радости. И представилось ей вразрез с ее горем, ее покинутой и осмеянной любовью, молодое чужое счастье. Как в вине и разгуле пытается иной забыть горе, попыталась она в песнях размыкать свое, но песни или не давались ей, или будили в ней воспоминания прошлого утраченного счастья и надрывали душу. Она пела как никогда; голос ее был, по выражению юноши Малышева, страшен. В нем звучали такие ноты, что он - мужчина молодой, крепкий - волновался и плакал. На беду попросили запеть ее любимую песню из Некрасова: «Еду ли ночью по улице темной». Кто не знает могучих сил этого певца страданий, кто не находил в его звучных аккордах отражения своего собственного горя, своих собственных невзгод? И она запела... и каждая строка поднимала перед ней ее прошлое со всем его безобразием и со всем гнетом, надломившим молодую жизнь. «Друг беззащитный, больной и бездомный, вдруг предо мной промелькнет твоя тень», - пелось в песне, а перед воображением бедняжки рисовалась сжимающая сердце картина одиночества. «С детства тебя невзлюбила

судьба; суров был отец твой угрюмый», - лепетал язык, а память подымала из прошлого образы страшнее, чем говорилось в песне. «Да не на радость сошлась и со мной...» - попевала песня за новой волной представлений, воспроизводивших ее московскую жизнь, минутное счастье и безграничное горе, сменившее короткие минуты света. Душа ее надрывалась, а песня не щадила, рисуя и гроб, и падение, и проклятие толпы. И под финальные слова: «Или пошла ты дорогой обычной и роковая свершилась судьба» - преступление было сделано.

Сцена за убийством, поцелуй мертвого, плач и хохот, констатированное всеми свидетелями истерическое состояние, видение Байрашевского... все это свидетельствует, что здесь не было расчета, умысла, а было то, что на душу, одаренную силой в один талант, насело горе, какого не выдержит и пятиталантная сила, и она задавлена им, задавлена не легко, не без борьбы. Больная боролась, сама с собой боролась. В решительную минуту, судя по записке, переданной Малышеву для передачи будто бы Зине, она еще себя хотела покончить, но по какой-то неведомой для нас причине одна волна, что несла убийство, переиграла другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом, унесшим сразу две жизни, ибо и в ней убито все, все надломлено, все сожжено упреками неумирающей совести и сознанием греха.

Я знаю, что преступление должно быть наказано и что злой должен быть уничтожен в своем зле силой карающего суда. Но присмотритесь к этой, тогда 18-летней женщине и скажите мне, что она? Зараза, которую нужно уничтожить, или зараженная, которую надо пощадить? Не вся ли жизнь ее отвечает, что она

последняя? Нравственно гнилы были те, кто дал ей жизнь. Росла она как будто бы между своими, но у нее были родственники, а не было родных, были производители, но не было родителей. Все, что ей дало бытие и форму, заразило то, что дано. На взгляд практических людей - она труп смердящий. Но правда людей, коли она хочет быть отражением правды Божьей, не должна так легко делать дело суда. Правда должна в душу ее войти и прислушаться, как велики были дары, унаследованные, и не переборола ли их демоническая сила среды, болезни и страданий? Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды. Пусть, по счастливому выражению псалмопевца, правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызаются. И если эти светлые свойства правды подскажут вам, что ее «я» не заражено злом, а отвертывается от него, содрогается и мучится, не бойтесь этому кажущемуся мертвецу сказать то же, что вопреки холодному расчету и юдольной правде книжников и фарисеев сказано было великой и любвеобильной Правдой четверодневному Лазарю: «гряди вон».

Пусть воскреснет она, пусть зло, навеянное на нее извне, как пелена гробовая, спадет с нее, пусть правда и ныне, как и прежде, живет и чудодействует! И она оживет. Сегодня для нее великий день. Бездомная скиталица, безродная, - ибо разве родная ее мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то поделывает моя бедная девочка, - безродная скиталица впервые нашла свою мать-родину, Русь, сидящую перед ней в образе представителей общественной совести. Раскройте ваши объятия, я отдаю ее вам. Делайте, что совесть вам укажет. Если ваше отеческое чувство

возмущено грехом детища, сожмите гневно объятия, пусть с криком отчаяния сокрушится это слабое создание и исчезнет. Но если ваше сердце подскажет вам, что в ней, изломанной другими, искалеченной без собственной вины, нет места тому злу, орудием которого она была; если ваше сердце поверит ей, что она, веруя в Бога и в совесть, мучениями и слезами омыла грех бессилия и помраченной болезнью воли, - воскресите ее, и пусть ваш приговор будет новым рождением ее на лучшую, страданиями умудренную жизнь.

Плевако Ф.Н. Речь по делу рабочих Коншинской фабрики

Как старший по возрасту между говорившими в защиту подсудимых товарищами, я осторожнее всех. Моя недлинная речь будет посвящена просьбе о снисходительном отношении к обвиняемым, если вы не разделите доводов, оспаривающих правильность законной оценки предполагаемых событий. К этому прибавлю и просьбу, вызываемую особенными чертами этого дела.

Время, которое вы отдадите вниманию к моему слову, - это лучшее употребление его.

Когда на скамье сидят 40 человек, для которых сегодня поставлен роковой вопрос: быть ли и чувствовать себя завтра свободными, окруженными своими близкими, или утро встретит их картинами

тюремной жизни, представлениями о безлюдных пустынях и, может быть, о зараженном миазмами воздухе отдаленных стран ссылки - лишней потраченный час судейского времени - ваш долг, даже если бы слово мое оказалось излишним и несодержательным.

Пусть, если не суждено им избавиться от тяжелых кар, они уйдут с сознанием, что здесь их считают не за зараженный гурт, с которым расправляются средствами, рекомендуемыми ветеринарией и санитарами, а за людей, во имя которых здесь собрано это почтенное судилище, в защиту которых здесь велением закона допущено и слушается представительство защиты.

Особенный состав присутствия, установленный законом для данных дел, внушает мне смелую мысль воспользоваться благами, из того истекающими.

Простите, что хочу я внести не мир, а меч в сердце коллегии в минуту, когда она должна будет обсуждать дело. Я хочу говорить о тех условиях, которым должны быть верны представители сословий, когда начинается высказывание мнений по делу.

У вас, господа коронные судьи, масса опыта, - не к вам слово мое: не напоминать вам, а учиться у вас должны мы, младшие служители правосудия. Вы выработали для себя строго установленные приемы, точно колеи на широкой дороге, по которой гладко и ровно идет к цели судейское мышление.

Но законодатель ввел в состав ваш общественный элемент, конечно, не для подсчета голосов и внешнего декорума.

Вносится слово живой действительности, не исключенной в отвлеченный термин. Вносится

непосредственность бытовых отношений, составляющих самую душу изучаемого дела.

И вот я прошу носителей этого непосредственного миропонимания не выезжать колесами в соблазняющие своей прямолинейностью колеи судейского опыта, а всеми силами отстаивать житейское значение фактов дела.

Есть у настоящего дела громадный недочет, - люди жизни его понимают.

Совершенно деяние незаконное и нетерпимое, - преступником была толпа.

А судят не толпу, а несколько десятков лиц, замеченных в толпе.

Это тоже своего рода толпа, но уже другая, маленькая: ту образовали массовые инстинкты, эту - следователи, обвинители.

Заразительность толпы продолжает действовать. Помня, что проступки совершены толпой, мы и здесь мало говорим об отдельных лицах, а все сказуемые, наиболее хлестко вырисовывающие буйство и движения массы, - приписываем толпе, скопищу, а не отдельным лицам.

А судим отдельных лиц: толпа как толпа, - ушла. Подумайте над этим явлением.

Толпа - это фактически существующее юридическое лицо. Гражданские законы не дают ей никаких прав, но 14-й и 15-й томы делают ей честь, внося ее имя на свои страницы.

В первом - толпе советуется расходиться по приглашению городских и чинно, держась правой

стороны, чтобы не мешать друг другу, идти к своим домам (ст. 113, т. 14 Свода Законов).

Второй - грозит толпе карами закона.

Толпа - стихия, ничего общего не имеющая с отдельными лицами, в нее вошедшими.

Толпа - здание, лица - кирпичи. Из одних и тех же кирпичей создается и храм Богу, и тюрьма - жилище отверженных. Пред первым вы склоняете колена, от второй бежите с ужасом.

Но разрушите тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмоздательство, не отражая отталкивающих черт их прошлого назначения...

Как ни тяжело, но с толпой мыслимо одно правосудие - воздействие силой, пока она не рассеется. С толпой говорят залпами и любезничают штыком и нагайкой: против стихии нет другого средства.

Толпа - само чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит. Она страшна, даже когда одушевлена добром. Она задавит не останавливаясь, идет ли разрушать или спешит встретить святыню народного почитания.

Так живое страшилище, спасая, внушит страх, когда оно, по-своему нежничая, звуками и движениями сзывает к себе своих детенышей.

Быть в толпе еще не значит быть носителем ее инстинктов. В толпе богомольцев всегда ютятся и карманники. Применяя земные методы обвинения находящихся в толпе, вы впустите в рай вместе с пилигримами воров по профессии.

Толпа заражает, лица, в нее входящие, заражаются. Бить их - это все равно, что бороться с эпидемией, бичуя больных.

Только рассмотрением улик, выясняющих намерения и поступки отдельных участников толпы, вы выполните требование закона, и кара ваша обрушится на лиц не за бытие в толпе, а за ношение в себе первичных, заразных миазм, превратившихся в эпидемию по законам, подмеченным изучающими психологию масс.

Здесь вам доказывали, что не было стачки.

А если была?

Тогда выступает вопрос о целях стачки.

Доказано, что часть требований была законна и удовлетворена. Доказывали, что и все требования были законны, в том числе и спорный вопрос о прекращении работ перед праздниками ко времени церковного богослужения.

Я же допускаю, что последнее требование не было законно. Я допускаю, что базарные инстинкты взяли верх над духовными, и уже давно заповедь о посвящении субботы Богу (хотя бы со всеобщего бдения) отменена другой, гласящей, что суббота - время чистки машин на фабриках.

Спорить не будем против законности господствующего инстинкта, но не откажем виноватым в снисхождении за увлечение святыми, но отживающими в сознании хозяев идеалами.

Скажем только, что они жестоко ошибаются, урывая время у осатаневшего от недельного труда рабочего.

Церковь - это место подъема духа у забитого жизнью, возрождение нравственных заповедей, самосознания и любви. Там он слышит, что и он человек, что перед Богом несть эллин или иудей, что перед ним царь и раб в равном достоинстве, что церковь не делит людей на ранги и сословия, а знает лишь сокрушенных и смиренных, алчущих и жаждущих правды, труждающихся и озлобленных, всех вкуче помощи Божьей требующих.

Входя туда озлобленным, труженик выходит освеженным умом и сердцем.

Хотите сделать из народа зверей - не напоминайте ему про Божью правду; хотите видеть работника-человека - не разлучайте его с великою школой Христовой.

Обвинение вменяет в вину изобличенным подсудимым их тоску по церкви. В надежде, что вы в этой тоске найдете основание к снисхождению, я перехожу к другому моменту дела.

Отгоняемые от церкви, они, преданные страсти, разбивают кабаки. И за кабак их влекут к еще строжайшему ответу.

Остановимся.

Буйство было. Но относить это буйство к беспорядкам скопищем, направленным против порядка управления, - несогласно с требованием закона. Вам это доказывали, и я вычеркнул из моей памяти все, что хотел сказать по этому предмету.

Добавлю одно: закон, ст. 269 Уложения, - закон новый, но мотивы к нему выяснены весьма подробно. Закон этот целиком взят из нового Уложения.

Вам, вероятно, присланы, как высшему суду местности, для заключений работы комиссии по Уложению. Там, во 2-м томе, под ст. 82, 83 вы найдете исчерпывающую вопрос аргументацию за наказуемость скопищ особливими карами лишь в исключительных, статьей перечисленных случаях; там приведено ценное мнение светила французской юриспруденции Неіі о границах общеопасного и просто буйного массового беспорядка. Прочитайте эти страницы.

Вас поразит дерзость буянов, вторгающихся в чужие помещения, и хозяйничанье их за чужим вином.

Да, перед чужою дверью чувство деликатности и врожденное признание святости чужого очага сдерживают всякого человека с непреступно направленной или неиспорченной совестью. Но в том-то и беда, что здесь для этого чувства не было места.

Разбивались кабаки, ютящиеся около той же фабрики, где жили обвиняемые. А что такое кабак в жизни большинства наших фабричных?

Это его клуб, его кабинет. Здесь он оставляет весь свой заработок, остающийся от необходимых домашних затрат. Кабацкая выручка - это склад, где сложены и трудовые деньги, и здоровье, и свободное время рабочего.

Кабак построен около фабрики, чтобы своим видом, запахом смущать и напоминать о себе рабочему. Кабаку нужны не трезвые и сдержанные: его друзья - буйные и безвольные гуляки. Для этих последних он не чужой дом, а самое настоящее пребывание, свой угол, свой правовой домицилий, где ищет рабочего, уклонившегося от

работы, надзиратель, где сыщут его и власти, находящие нужным задержать его.

А если так, то не вмените в особый признак злостности буйство пьяного рабочего в кабаке, где все, от чайной чашки до последней капли одуряющего спирта, есть кристаллизация его беспросветного невежества и его непосильного труда.

Судя этих людей, вы должны, по требованию закона и справедливости, принять во внимание нравственные качества их, как ту силу, которая противостоит преступным соблазнам всякого рода.

Посмотрим же, какова эта сила и среди каких условий возникает и растет она.

Вечный визг махового колеса, адский шум машины и пыхтение паровика, передающего свою силу десятку тысяч станков, около которых ютятся как мало значащие винтики рабочие люди...

Титаническая сила - машина блестит чистотой и изяществом своих частей, к ней прикованы забота и любовь домовладыки; и только они, легко заменимые в случае порчи, винтики, чужды любви и внимания.

Это ли условие подъема личности?

Выйдем из фабрики...

Кое-где виднеется церковь, одна-две школы, а ближе и дальше - десятки кабаков и притонов разгула.

Это ли здоровое условие нравственного роста?

Есть кое-где шкаф с книгами, а фабрика окружена десятками подвалов с хмельным, все заботы утоляющим вином.

Это ли классический путь к душевному оздоровлению рабочего, надорванного всеми внутренностями от бесконечно однообразного служения машине?

Пожалеем его. Не будем прилагать к нему не ради правды, а ради соображений неправового свойства мерку, удобную для наших сил.

Нас воспитывают с пеленок в понятии добра, нас блюдут свободные от повседневного труда зоркие очи родителей, к нам приставлены пестуны. Вся наша жизненная дорога, несмотря на запас сил и умение различать вещи, обставлена барьерами за счет нашего достатка, благодаря которым мы и сонные не свалимся в пучину и рассеянные идем автоматически по прямой и торной дороге.

А у них не то.

Обессиленные физическим трудом, с обмершими от бездействия духовными силами, они, тем не менее, сами должны искать путь и находить признаки правового и неправового направления.

Справедливо ли требовать от них той выдержки, какую мы носим в наших грудях?...

Чудные часы предстоит пережить вам, господа судьи. Вы можете при свете милосердия и закона избавить от кар неповинного и ослабить узы несчастных, виноватых не столько злой волей, сколько нерадостными условиями своей жизни.

Будьте снисходительны!

Правда, не велика разница для рабочего между неволей по закону и неволей нужды, приковывающей

всю его жизнь, все его духовные интересы к станку, бесстрастно трепещущему перед его глазами. Но все же эти люди, куда бы вы ни послали их, - к станку или в тюрьмы и ссылку, - услышав в вашем приговоре голос, осторожный в признании вины и свободный в приложении милости, исполнятся чувства нравственного удовлетворения.

Они увидят, что великое благо страны - суд равный для всех - коснулось и их, пасынков природы; что и им, воздавая по заслугам, судейская совесть сотворила написанное на роду милосердие, внушенное русскому правосудию с высоты первовластия.

И пусть из их груди, чуткой ко всякой правде, им дарованной, дорожащей всякою крупницей внимания со стороны вашей, вырвутся благодарные клики, обращенные к тому, чьим именем творится суд на Руси, клики, какие, правда, по иным побуждениям вырывались из груди гладиаторов Рима: «Ave, Caesar, morituri te salutant!».

Спасович В.Д. Речь в защиту Дементьева

Господа судьи! Хотя судьба, а может быть, и жизнь трех людей висит на конце пера, которым суд подпишет свой приговор, защита не станет обращаться к чувству судей, играть на нервах, как на струнах. Она считает себя не вправе прибегнуть к такого рода приему, потому что настоящее дело похоже на палку, которая имеет два

конца. Один только конец рассматривается теперь, другой еще впереди. В этом деле так слились два элемента: то, что сделал солдат, и то, что сделал офицер, что разделить их можно только мысленно, а в действительности оно и неразделимо: насколько смягчится участь солдата, настолько отягчится участь офицера, насколько палка опустится для одного, настолько она поднимется для другого. Подсудимый находится в очень трудном положении, вследствие особенностей военного судопроизводства, вследствие примечания к статье 769, в силу которого ввиду соображений высшего порядка поручик Дагаев не может быть вызван в суд. Его отсутствие чрезвычайно затрудняет работу разоблачения истины, разбирания, кто говорит правду, кто говорит неправду. Если бы Дагаев был на суде, если бы он мог живым словом передать подробности происшествия, то как человек молодой, образованный, может быть, он и изменил бы отчасти показания, данные им на предварительном следствии, и, может быть, участь подсудимого была бы смягчена. Но если даже он и не изменил своих показаний, то из слов его, из образа действий на суде сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путем весьма трудным, окольным путем соображений, сопоставлений, сравнений, заключений. Путь этот требует большого хладнокровия, нужно приступить к делу со скальпелем в руках, с весами, как для химического анализа, и только таким образом, сказав сердцу, чтобы оно молчало, обуздав чувство, установить факт. Раз установив факт, можно будет дать чувству разыгаться против того, кто окажется виновным, дать место состраданию к тому и другому, потому, что обе стороны одинаково нуждаются в нем, потому что офицер, если не оклеветал, то ввел в

искушение своим образом действий солдата и виновен в том, что ему грозит теперь тяжкое наказание. Тогда можно будет руководствоваться соображениями, почерпнутыми из сферы военного быта, из сознания глубокой необходимости строгой дисциплины. Но до установления самого факта нельзя руководствоваться этими соображениями; до установления факта для суда не существует офицера и нижнего чина, а существует только Дагаев и Дементьев.

Приступая к установлению факта, защита не может держаться того порядка, которого держалась обвинительная власть, которая начала с конца. Все дело развивалось весьма логически с первого шага; с первого шага события, логически развивавшиеся, довели до последнего результата.

Следует начать сначала с Даниловой и ее собаки.

На улице Малой Дворянской есть большой дом, занимаемый внизу простонародьем; бельэтаж занимает Данилова и другие жильцы, затем в мезонине живет Дементьев с женой и дочерью. У Даниловой есть собака, большая и злая. Из приговора мирового судьи видно, что она бросалась на детей и пугала их. 5 апреля настоящего года эта собака ужаснейшим образом испугала малолетнюю дочь Дементьева, которую отец страстно любит, ради которой он променял свою свободу на военную дисциплину. Девочка шла с лестницы по поручению родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолетка испугалась, закусил губу в кровь и с криком бросилась бежать. На крик дочери отец выбежал в чем был, в рубашке, в панталонах, в сапогах, не было только сюртука. Он простой человек, он нижний чин, ему часто случалось ходить таким образом и

на дворе, и в лавочку. А тут рассуждать некогда, собака могла быть бешеная. Собаку втаскивают в квартиру, он идет за ней, входит в переднюю и заявляет: «Как вам не стыдно держать такую собаку». Чтобы он сказал что-нибудь оскорбительное, из дела не видно; Данилова на это не жаловалась. Все неприличие заключалось в том, что он вошел без сюртука, в рубашке и с палкой; Данилова говорит, что он ударил собаку, он говорит, что собака сама на него лаяла и бросилась. Насчет неприличия существуют понятия весьма различные. К человеку своего круга относишься иначе, чем к человеку низшего круга. Если человек своего круга войдет в гостиную без сюртука, на него можно обидеться. Но Дементьев, хотя и кандидат, нижний чин, он знал свое место в доме вдовы надворного советника и не пошел дальше передней. Данилова оскорбилась тем, что простой человек вошел в ее переднюю без сюртука, и это неудовольствие увеличилось до того, что из-за него ее пригласили к мировому судье. С дамами пожилыми, воспитанными в старых понятиях, чрезвычайно трудно бывает рассуждать об обстоятельствах, касающихся их лично. Дама, может быть, очень благородная, очень сердобольная, но ей трудно втолковать, что право, что не право, трудно заставить ее стать на объективную точку зрения по личному вопросу, трудно дать почувствовать, что то, что не больно ей, другим может быть больно. В семействе Даниловой сложились, вероятно, такого рода представления: собака нас не кусает, на нас не лает; невероятно, чтобы она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые возводят все это на нее, кляузники. Данилова никого не зовет к мировому судье, почему же ее зовут? Это кровная обида. По всей вероятности, тут и

образовалось такое представление, что не жильцы - жертвы собаки, а сама владелица ее - жертва людской злобы, она, надворная советница, страдает от какого-то нижнего чина, от солдата! Все эти соображения, конечно, были переданы Дагаеву, когда он пришел 7 числа с тещей, служанкой и женой. Жена передавала, что они страдают от нахала, жильца мезонина. По всей вероятности, тут явились внушения такого рода: «Ведь это солдат, ведь вы офицер, покажите, что вы офицер, проявите свою власть, призовите, распеките солдата, ему нужно дать острастку». Нужно известного рода мужество, известного рода твердость характера, чтобы противостоять этим внушениям, когда внушают люди весьма близкие, весьма любимые. Должно явиться сильное желание показаться героем. Вот почему Дагаев, не рассуждая, поверив вполне тому, что ему передавали, приказал позвать к себе солдата. Это была с его стороны чрезвычайно важная ошибка, которая положила основание всему делу. Он не имел ни малейшего права звать к себе кандидата. Скорее, между Дементьевым и Даниловой был спор гражданский, который должен был разрешить мировой судья. Всякий офицер может требовать от нижнего чина почтения не только для себя, но и для своего семейства, когда солдат знает, что это семейство офицера, и образом своих действий относительно этого семейства сознательно оскорбляет офицера. Но Дементьев даже не знал о существовании Даниловой до 5 апреля; что в семье были офицеры, он узнал только 7 числа, когда его стали звать к офицеру. При таких обстоятельствах заявлять превосходство своего офицерского звания над человеком, который связан по рукам и по ногам военной дисциплиной, звать его по этому частному делу в квартиру Даниловой было

действием совершенно неправильным. Дементьев не пошел, и вследствие этого его обвиняют по статье 113 за неисполнение приказа начальника. Применить эту статью к человеку в положении Дементьева, на взгляд защиты, чрезвычайно трудно. Было ли здесь приказание начальника? Нет, потому что Дагаев не командовал в той команде, в которой состоял подсудимый. По статье 110 оскорбление нижним чином всякого офицера приравнивается к оскорблению начальника. Но это дело совершенно другого рода, оно основано на других соображениях. В законе есть целый ряд преступлений: неповиновение, неисполнение требований и т.п. Кто бы ни был нижний чин и кто бы ни был офицер, если нижний чин оскорбил его, то он наказывается как оскорбивший начальника. Но статья 113 говорит только о неповиновении начальнику, о неисполнении приказа подчиненным. Давать ей более широкое толкование значило бы ставить всех солдат в такую страшную зависимость от всех офицеров, которая едва ли согласна с пользами и требованиями дисциплины. Затем самое слово приказание очень неопределенно в законе. При сравнении этой статьи закона с подобными же статьями в других законодательствах оказывается, что в прусском, например, употреблен термин «служебное приказание», и это весьма понятно. Точно так же и у нас нельзя понимать это слово в неограниченном смысле, подразумевать под ним всякое приказание. В самом законе есть постановление, что если нижний чин совершит по требованию начальника деяние явно преступное, то он все-таки отвечает. Следовательно, из общего понятия о приказании исключаются приказания явно преступные. То же самое можно сказать и о приказаниях явно безнравственных, как если бы,

например, офицер, приказал солдату привести к себе его жену или дочь. Вообще законность или незаконность приказа имеют гораздо более значения, чем предполагает представитель обвинительной власти. По прусскому кодексу, который считается лучшим, нижний чин, получивший незаконное приказание, может сделать представление начальнику, он должен исполнить приказание, но имеет право жаловаться, и во всяком случае эта незаконность приказа значительно ослабляет и смягчает его вину. Поэтому никак нельзя подводить действие Дементьева, то, что, он не отправился в квартиру Даниловой, под неповиновение. Если же суд, вопреки доводам защиты, признает подсудимого виновным в неповиновении, то он должен будет в весьма значительной степени смягчить размер ответственности Дементьева, потому что приказание было незаконное, и если бы оно было исполнено, Бог знает, в каком положении был бы теперь подсудимый. Его зовут в дом, где против него вооружены и где нет ни одной души, которая могла бы свидетельствовать за него. Если на улице его чуть не зарубили, то то же могло произойти и в квартире. На улице, по крайней мере, нашлись свидетели, которые подтверждают, что и того и этого не было. Дементьев боялся столкновения с офицером, он предвидел сцену, в которой ему, человеку почти равному, который к Пасхе, может быть, получит производство в офицеры, грозит, что его могут съездить по физиономии, он боялся этого и потому не пошел.

С двух часов квартира Дементьева была почти постоянно в осаде до шестого часу, когда произошла катастрофа. В продолжение трех часов Дагаев, решившись вызвать Дементьева и распечь, употребляет все меры, чтобы поставить на своем, причем каждая

неудачная попытка увеличивает его раздражение, усиливает его гнев.

Напомнив показание самого Дагаева о посылке сначала кухарки, затем двух городских, наконец, дворника, принесшего ответ, что «если офицеру угодно выйти, то я готов с ним объясниться», ответ, вследствие которого, по словам Дагаева, у него явилась мысль жаловаться по начальству на солдата, почему он и вышел из квартиры Даниловой. Чтобы жаловаться начальнику, нужно знать, кто этот начальник; Дагаев этого не знал; ему известно было только, что Дементьев кандидат; для того чтобы узнать, кому жаловаться, он послал дворника за домовою книгой; но дворник еще не возвращался, когда Дагаев вышел из квартиры Даниловой. Значит, офицер пошел совсем не для того, чтобы жаловаться начальнику Дементьева. Это можно доказать и другим путем. По словам самого Дагаева, прошло пять-шесть минут между тем временем, как он сошел, и тем временем, как вышел Дементьев; по показанию Даниловой, прошло четверть часа между его уходом и возвращением. Если принять, что все последующее совершилось чрезвычайно быстро, почти мгновенно, то следует предположить, что не менее двенадцати минут прошло между тем временем, когда Дагаев вышел от Даниловой, и тем временем, когда совершилась катастрофа. Что же он делал это время? Шел к начальнику Дементьева? Начальник Дементьева живет в крепости, и за это время можно было бы дойти почти до Троицкого моста. Итак, он не шел, он поджидал Дементьева, который, как ему было известно, часто выходит из дому. Можно себе представить, насколько разгорячило это ожидание его гнев. Наконец, Дементьев вышел, катастрофа произошла. В этой катастрофе есть

множество существенных вопросов, которых не выяснило следствие, как, например, вопрос о шинели, о ссадине на подбородке Дементьева, об оторвании его уса. Дементьев не помнит, когда он потерял этот ус, как быстро шли события. Но как ни быстро они шли, их можно разделить на два момента: один - до обнажения сабли офицером и другой - после обнажения. До обнажения сабли происходил только крупный разговор у подъезда на улице. Увидев офицера, Дементьев делает ему под козырек; при этом движении, так как шинель его была в накидку, Дагаев не мог не увидеть нашивок, которые находятся у него на рукаве и которые должны бы были установить некоторое отличие между Дементьевым и простым, нижним чином; он не мог не увидеть Георгиевского креста, который так уважается всеми военными людьми. Но Дагаев говорит, что орденов не было. Откуда же взялись ордена, лежавшие на земле, которые видели в первую минуту схватки два свидетеля: мальчик Лопатин и Круглов? Не могли же они быть подброшены до события, когда неизвестно было, чем оно разрешится; не могли они быть подброшены и после, потому что в то время, когда катастрофа еще не была окончена, в коридор вошли люди и видели эти ордена лежащими.

Начинается разговор; по мнению представителя обвинительной власти, вопрос относительно этого разговора может быть разрешен только безусловным принятием одного из двух показаний: показания офицера или подсудимого. Но защита полагает, что в этом деле весьма важно показание свидетеля, в котором не сомневается сам прокурор, мальчика Лопатина. Мальчик рассказал вещи весьма ценные: о шинели, о волосах и проч. Это все такие обстоятельства, которые

приходилось слышать в первый раз. Из показаний мальчика видно, что офицеру не было нанесено оскорбление солдатом. Но если даже не дать веры показанию мальчика, то из простого сопоставления двух рассказов - рассказа офицера и рассказа солдата - для всякого непредупрежденного человека станет ясно, что правда находится не на стороне Дагаева.

Если принимать за достоверное показание офицерское только потому, что оно офицерское, независимо от всяких других причин, то защищать Дементьева невозможно. Но странно, что это офицерское показание находится в несомненном, решительном противоречии с тремя генеральскими отзывами, которые заслуживают внимания. Есть люди, о которых, не зная, как они поступили в данном случае, можно сказать наверное: «Я знаю этого человека, он честен; он не мог украсть». То же самое можно сказать относительно Дементьева: если по отзывам одного из генералов, Осипова, он характера тихого, смирного, если по отзыву генерала Платова, он строго исполняет свои служебные обязанности, если по отзыву генерала Фриде - это такой человек, в котором военная дисциплина въелась до мозга костей, то решительно невероятно, как такой человек мог совершить то, что ему приписывают. Это идет вразрез со всем его прошедшим.

Дементьев, сходя, держит руку под козырек; сам офицер признает это, он говорит только, что он то поднимал руку, то дерзко опускал. Если он решился явно грубить, то ему незачем было держать руку под козырек. Прокурор ставит в вину подсудимому, что после первого столкновения он бежал в дом, а не на улицу, где легче мог укрыться. Но Дементьев не знал, что его будут рубить, он знал только, что с ним грубо обращаются, что

офицер его может ударить в лицо, и потому движение его назад весьма характерно; оно может быть объяснено только стыдливостью, нежеланием, чтобы люди видели, как с ним обращается офицер. Ввиду всех этих соображений защита считает совершенно доказанным, что рассказ солдата верен и что оскорбления словами офицера со стороны Дементьева не было.

Затем является обнажение сабли. Тут, в этой сцене в коридоре, есть два вопроса довольно загадочные: первый вопрос о шинели; была ли она застегнута или нет, и когда она была сброшена; второй - о ссадине на подбородке и об отсутствии правого уса. От сабли раны имеют форму линейную, а эта ссадина имеет вид кругловатый, следовательно, она произошла не от сабли; точно так же не саблей мог быть отрезан ус, она слишком тупа для этого. Чтобы вырвать ус, нужно было выдернуть его рукою. Чтобы объяснить факт исчезновения этого уса, нужно обратиться к тому порядку, в котором были нанесены раны, и по ним проследить ход событий. Первая рана, которую Дементьев получил еще на лестнице, была рана на правом глазу, пересекающая верхнее веко правого глаза, идущая через висок и теряющаяся в волосах. Если допустить, что эта рана была нанесена в то время, когда офицер с солдатом стояли лицом к лицу, то, значит, офицер держал свою правую руку наискосок, так что конец шпаги задел сначала веко правого глаза и, разрезав кожу, прошел через висок. Другая рана - на макушке головы, следующая к левому уху; это опять рана, которая должна была быть нанесена наискосок от половины головы и затем скользнула по голове. Затем есть две ссадины на внутренней поверхности левого предплечья у конца локтевой кости. По этим ссадинам

можно заключить, что Дементьев защищал себя локтем, а не руками, как показывали свидетели. Вот порядок ран по рассказам свидетелей и даже по рассказу самого Дагаева.

Спрашивается, к какому же моменту следует отнести срывание погон, самый важный, самый существенный вопрос в деле. По словам Дагаева, он вынул шпагу еще на улице и на улице ударил Дементьева в спину. Удар по плечу в шинели мог быть не почувствован солдатом, но, вероятно, этот удар и согнул шпагу. Затем, говорит Дагаев, когда они уже были в коридоре, «я хотел нанести, а может быть, и нанес удар солдату, когда он вцепился в мои погоны и оторвал их». Значит, по показанию самого Дагаева, срывание погон произошло после того, как он стегнул Дементьева шпагой по глазу и эта шпага произвела тот рубец, который проходил до волос. Если принять в соображение показание мальчика, который видел, как офицер сталкивал солдата с лестницы, то легко представить, что офицер сначала сбросил шинель и левой рукой схватился за ус, а правой нанес удар, после чего, по его словам, солдат вцепился в его погоны. Можно ли допустить нечто подобное со стороны Дементьева? Такой сильный удар по глазу, рассекающий веко, удар, от которого не могло не заболеть яблоко глаза, должен был на 30, 40 секунд совершенно лишить человека способности относиться сознательно к тому, что происходит вокруг него; у него движения могли быть только рефлекторные. Обыкновенно между получаемым впечатлением и движением человека становится целая область размышлений, соображений, привычек, то, что составляет характер человека. Но здесь этого быть не могло, здесь был такой беспромежуточный переход от

удара к рефлексу, что если бы в ту минуту, как Дементьев получил этот удар, он раздробил офицеру голову, ударил его в лицо, он должен бы быть признан сделавшим это в бессознательном состоянии. Прокурор доказывал, что суд не вправе признать бессознательности, потому что не было экспертизы. Экспертиза нужна только для определения болезненного состояния; но, кроме болезни, есть еще целая громадная область того, что называется аффектами, сильными душевными волнениями, вызванными внезапным событием. Всякому известно, какое сильное впечатление производит испуг на организм не только людей, но и животных. Известно, что делается с медведем, когда он чего-нибудь испугается. Для такого рода явлений нет экспертов. Следовательно, есть основание допустить у Дементьева после полученного им удара такое бессознательное состояние, при котором ему не может быть вменено в вину, что бы он ни сделал.

Но если даже допустить, что он не лишился сознания, защита не понимает, почему прокурор отрицает, что было состояние необходимой обороны. При всей строгости воинского устава, ограничивающего необходимую оборону, он все-таки допускает ее в отношении начальника, если действия этого начальника угрожают подчиненному явной опасностью. А тут разве не было явной опасности? Ведь смертью могло угрожать нападение на человека безоружного, которому наносят удары в голову, а бежать некуда. Он хотел бежать к себе в квартиру, но его стащили вниз, мало того, оторвали ус. Опасность была неминуемая, неотвратимая.

Но, несмотря на такую возможность защищать подсудимого на основании состояния необходимой обороны, защита не прибегла к ней вследствие глубокого

убеждения, что не Дементьев сорвал погоны с офицера. В каком бы положении человек ни был, у него не может быть двух идей в одно и то же время. Очевидно, что в ту минуту, когда Дементьеву нанесли удар по глазу, в нем прежде всего должно было заговорить чувство самосохранения и не было места другим размышлениям. Между тем предполагают, что в ту минуту, когда Дементьев получил удар, за которым грозили последовать другие, он совершил в уме следующий ряд силлогизмов: «Офицер меня обидел, надо отомстить офицеру. Как ему отомстить почувствительнее? Что у полка знамя, то у офицера эполет, погоны - символ чести. Сорвать погоны - самое чувствительное оскорбление; дай-ка я сорву с него погоны, а потом подумаю, как спастись, если до того времени меня не зарубит мой противник, который может искрошить меня, как кочан капусты». Вот какие соображения должны бы были быть у него, если бы он решился сорвать погоны и привел в исполнение свое намерение. Но это психологическая невозможность. Если бы элемент мести примешивался к чувству самосохранения, то он попытался бы ударить по той руке, которая наносила удары, вырвать шпагу, нанести удар в лицо, сделать, одним словом, что-нибудь, чтобы защититься. Между тем ничего этого не было. Мало того, есть еще другие обстоятельства, которые наводят на мысль, что обвинять Дементьева в срывании погонов с Дагаева невозможно. Одно из таких важных обстоятельств - это тот погон, с которым Дементьев пошел к начальству. Если бы Дементьев проделал в сознательном состоянии то, что ему приписывают, сорвал погоны, чтобы отомстить, то это движение должно было оставить след в его сознании и первым его делом, когда ему подсовывали этот погон,

было бы отбросить его, чтобы не установить никакой связи между собой и этим погоню. Он же, напротив, берет его самым наивным образом и заявляет, что вот по этому погону можно узнать офицера, и в участке только узнаёт, что его обвиняют в срывании погон.

Но, спрашивается, кто же сорвал эти погоны? Кто-нибудь должен же был их сорвать. Если не Дементьев, то необходимо предположить, что Дагаев. Защита могла бы не касаться этого предположения, с нее довольно, если суд будет внутренне убежден, что Дементьев не мог совершить этого срывания; но чтобы досказать свою мысль до конца, она должна сознаться, что выйти из дилеммы нельзя иначе, как предположив, что погоны сорваны офицером. Для этого нет необходимости делать обводного предположения, которое было высказано прокурором, что офицер, видя, что увлекся, понимая, что ему грозит большая ответственность, хотел подготовить средство к защите, хотя защита не может согласиться с опровержением, представленным на это предположение прокурором, а именно, что Дагаев был в состоянии сильного гнева, при котором невозможен такой холодный расчет. Нужно отличать гнев как аффект от гнева как страсти. Гнев, который разжигался в течение трех последовательных часов, был уже не аффектом, а страстью, под влиянием которой человек может действовать с полным сознанием последствий. Но во всяком случае нет надобности в этом предположении, возможно и другое. Очень может быть, что Дагаев не был в таком хладнокровном состоянии, когда влетел со шпагой в руке в коридор. Он, кажется, из тифлисских дворян, он уроженец юга, где люди раздражаются скорее, чувствуют живее, чем люди северного климата, более сдержанные, более

флегматичные. Очень может быть, что такой человек, придя в ярость, теряет сознание, готов сам себя бить, способен сам себя ранить. Он мог сорвать один погон, когда сбрасывал шинель, другой после и забыть об этом. Против этого приводят то, что он сейчас же заявил о срывании погона. Но в том-то и дело, что первый человек, которого он увидел после этого события, была Данилова, и ей он ничего об этом не сказал. Он заявил о срывании у него погонов в первый раз в участке, через четверть часа или двадцать минут после того, как виделся с Даниловой. Этого времени было совершенно достаточно, чтобы пораздумать, сообразить, не зная, как он потерял погоны, он мог прийти к заключению, что, вероятно, их сорвал солдат и занес об этом обстоятельстве в протокол, видя в нем средство защиты себя. Самое показание Дагаева подтверждает мысль, что он мог сорвать погоны с себя и не заметить этого. В этом показании Дагаев отрицает такие факты, которые были совершены при многочисленной публике. Так, он говорит, что не бил на улице Дементьева, когда люди видели, что он бил; говорит, что не вынимал шпаги, когда люди видели, что он вынимал ее. Поэтому можно утверждать, что он был в таком же разгоряченном состоянии, как Дементьев, хотя стал в него по доброй воле, и что он мог действительно многого не помнить.

Подводя итоги всему сказанному, я не могу прийти к другому заключению, как то, что Дементьев не виновен, и прошу его оправдать, оправдать вполне еще и потому, что это событие особого рода, это такая палка, которая действительно должна кого-нибудь поразить. Ею она поражает несправедливо. Она должна обратиться на кого-нибудь другого. Я полагаю, что к военной дисциплине совершенно применимо то, что говорили

средневековые мыслители о справедливости: *justitia regnorum fundamentum* - основа царства есть правосудие. Я полагаю, что правосудие есть основание всякого устройства, будет ли то политическое общество, будет ли то строй военный. Дисциплина, если брать это слово в этимологическом значении, есть выправка, обучение начальников их правам, подчиненных - их обязанностям. Дисциплина нарушается одинаково, когда подчиненные бунтуют и волнуются, и совершенно в равной степени, когда начальник совершает то, что ему не подобает, когда человеку заслуженному приходится труднее в мирное время перед офицером своей же армии, нежели под выстрелами турок, когда георгиевскому кавалеру, который изъят по закону от телесного наказания, наносят оскорбление по лицу, отрывают ус, когда лицо его покрывается бесславными рубцами. Я вас прошу о правосудии.

Урусов А.И. Речь в защиту Волоховой

Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимая, обвиняемая в самом тяжком преступлении, которое только можно себе представить. Я в своем возражении пойду шаг за шагом, вслед за товарищем прокурора. Мы, удостоверясь в существенном значении улик, взвесим их значение, как того требует интерес правды, и преимущественно остановимся не на предположении, а на доказательствах.

Искусная в высшей степени речь товарища прокурора, основанная преимущественно на предположениях...

Председательствующий. Господин защитник, я прошу вас воздерживаться, по возможности, от всяких выражений одобрения или порицания противной стороны.

Защитник. Господин товарищ прокурора в своей речи сгруппировал факты таким образом, что все сомнения делаются как бы доказательствами. Он озарил таким кровавым отблеском все улики, что мне приходится сознаться, что вы, господа присяжные, должны были склониться несколько на его сторону. Помните, господа, что мы два дня находимся под довольно тяжелым впечатлением. Наслоение впечатлений, накопившихся в продолжение этих двух дней, не дает нам возможности сохранить ту долю самообладания, которая дала бы возможность строго взвесить все улики и скептически отнестись к тому, что не выдерживает строгого анализа. Господин товарищ прокурора опирается преимущественно на косвенные улики. Первой уликой он представляет народную молву. Господин товарищ прокурора говорит, что народный голос редко ошибается; я думаю наоборот. Народный голос есть воплощенное подозрение, которое нередко вредит крестьянину. Почему в настоящем деле народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребке дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой, после этого следует немедленное заключение - она виновна. Почему? Больше никому. Вот народная логика.

Для того чтобы нагляднее понять, что такое народный голос в настоящем случае, необходимо

вспомнить существенные черты характера действующих лиц. Каков человек был Алексей Волохов? Он был пьяница, во хмелю буянил, бил стекла (по осмотру оказалось, что в его доме было разбито до 40 стекол); когда он возвращался пьяным домой, он шумел, но при этом, как показали все свидетели, он стоял крепко на ногах. Эта индивидуальная черта его имеет весьма важное значение. Замечательно, что никто из свидетелей не подтвердил главного обстоятельства, никто не сказал, вернулся ли Алексей Волохов 17 августа домой ночевать, тогда как в два или три часа его видели на улице пьяным. Мы знаем, что он был в этот день несколько раз в трактире. Никита Волохов видел, как он шел по улице с каким-то мужиком пьяный, но он не сказал, что видел его, как он вошел в дом. Если бы было доказано, что он ночевал в этот день дома, то это было бы довольно сильной уликой против подсудимой, между тем почти положительно можно утверждать, что он не ночевал дома, так как его ближайшие соседи, Никита и Семен Волоховы, непременно должны были слышать его возвращение. Член суда, производивший осмотр, удостоверяет, что из половины Семена слышен был даже обыкновенный разговор в половине Алексея, а тем более должны были быть слышны шум и крики, без которых невозможно было совершить убийство. Господин товарищ прокурора делает предположение, что Волохов был убит сонным, но я полагаю, что делать предположения в таких важных делах мы не имеем никакого права. По мнению эксперта Доброва, подтеки на руках убитого могли произойти от сильного захвата рукой; если допускать предположение, то в этом случае возникает сильное сомнение о самом обстоятельстве дела. Относительно показания мальчика Григория я

должен заметить, что оно носит на себе явный след искусственности. Вы слышали, господа присяжные, что мальчик признавался, что он действовал по научению дяди; если предположить, что мальчик действовал сознательно, то чем объяснить то обстоятельство, что он от 17 до 22 августа никому ничего не говорил, он бегает свободно по улицам, играет с мальчиками и мать его свободно отпускает.

Остановимся на минуту на предположении, что убийство совершено ею и мальчик видел это, то неужели бы онапустила его на улицу, где каждый мог бы его спросить от отца? Впрочем, остановимся на его показании: он говорит, что видел, как мать его ручкой топора без железа била его отца; потом он говорит, что видел отца в погребе; ясно, что мальчик смешивает время, он легко мог видеть, как отец его пьяный спал и у него из носа текла кровь, после же он слышал, что отец его найден в погребе. Мальчик явно перемешал события; выдумкой в его рассказе является только показание его о топоре. Я не могу допустить мысли, чтобы мальчик до такой степени отдавал себе отчет о своих впечатлениях, чтобы так долго помнить о таком событии. Далее, в числе улик товарищ прокурора приводит то обстоятельство, что подсудимая 17 августа ходила ночевать к Прохоровым; он объясняет это ее боязнью оставаться ночевать в том доме, в котором она только что совершила убийство; но эта улика достаточно опровергнута следствием, так как свидетели показали, что она и прежде ночевала у соседей, когда муж ее возвращался домой пьяный. 17 августа, видя, что муж долго не возвращается, и думая, что он возвратится пьяный, она уходит ночевать к соседям. Господин товарищ прокурора не допускает того, чтобы она, уйдя

из дома, не заперла ворот, но я должен заметить, во-первых, что ей незачем и нечего было запирасть, так как у нее в доме ничего не было; во-вторых, раз вышедши из ворот, запереть их изнутри невозможно. Вы слышали, что Мавра Егорова ушла ночевать к Прохоровым, дом оставался пустой. Никита, бывший в то время ночным сторожем и живший рядом, не мог не знать этого. Никита говорит, что он не помнит, караулил ли он 17 августа. Он отрицает драку свою в тот день с Алексеем Волоховым, отрицает даже, что был в тот день в трактире, но мы должны в этом случае более доверять показанию трактирщика. Я считал излишним загромождать судебное следствие вызовом трактирщика и других, видевших Никиту в трактире. Я не имею права составлять новый обвинительный акт, но странным является отрицание Никиты о бытности его в трактире с Алексеем Волоховым.

Затем я должен остановиться на осмотре следов крови, найденной в верхней части дома. Пол в комнате был найден замытым на три квадратных аршина, в пазах пола были найдены небольшие сгустки крови. Я говорю «небольшие» на том основании, что если бы куски были большие, то они были бы перед вами в числе вещественных доказательств, вместо этих забрызганных кровью щепок, которые лежат перед вами. Из медицинского осмотра мы видим, что у Алексея Волохова вскрыта была полая вена, из которой должно было быть обильное кровотечение; кроме того, Алексей Волохов был человек с сырой, разжиженной кровью, следовательно, кровь должна была вытечь из его тела в огромном количестве; должны были быть крупные фунтовые сгустки крови и тогда незачем было бы соскабливать маленькие кровяные пятнышки, чтобы

представлять их к судебному следствию; тогда нужно было бы представить эти большие сгустки. Между тем мы их не видим. Так как наука не в состоянии доказать, какая кровь найдена была в верхней комнате, то не было бы причины подозревать непременно, что это кровь человеческая, но, заметьте, что подсудимая сама не отрицает того, что это была кровь Алексея Волохова, и объясняет это кровотечением из носу. Мы не имеем причины не доверять ей в этом случае, тем более что фельдшер подтвердил, что он ставил банки Алексею Волохову, который жаловался на приливы крови в голове.

Правда, общественное мнение склоняется не в пользу подсудимой. Оно говорит, что подсудимая была злого и сердитого характера, но не надо забывать того, что это мнение было высказано тогда, когда в народе уже сложилось убеждение в виновности подсудимой, и потому доверять ему вполне нельзя.

Далее. И товарищ прокурора в числе улик выставляет нравственные качества подсудимой. Признаюсь, я не ожидал, чтобы нравственные качества человека можно было поставить ему в вину. Я должен прибавить, что эта женщина десять лет была замужем. Имея пьяного мужа, который пьяный буянил, она часто уходила ночевать к соседям. Мудрено ли было в этом случае молодой женщине увлечься, а между тем из показаний свидетелей и из повального обыска мы видим, что она никогда не нарушала долга жены. В доказательство ее нравственных качеств я должен прибавить, что она на повальном обыске никого не отвела от свидетельства о ее поведении. Здесь, на судебном следствии, она требовала, чтобы все свидетели были спрошены под присягой, хотя я накануне заседания

объяснял ей, что свидетелям, спрошенным без присяги, дается менее вероятия, но она отвечала мне: «Авось они оглянутся и покажут правду», так твердо она была уверена в своей невинности. Товарищ прокурора находит, что у Алексея Волохова не было врагов, не было причины враждовать против него, но судебное следствие показывает нам, что могли быть причины вражды: он нанимался не раз в рекруты и не исполнял обещания. Кроме того, я должен сказать, что жена Никиты судилась как-то с одним мужиком по вопросу об изнасиловании, что могло подать повод к насмешкам со стороны подсудимой и тем возбудить против нее вражду. Кроме того, для братьев покойного Алексея мог служить предметом зависти дом его. Я не хочу сказать, чтобы для братьев его мог быть интерес убить Алексея, этот интерес мог и не существовать, но зато мог быть интерес скрыть преступника. В числе других улик, выставленных господином товарищем прокурора, он указал на то, что Мавра Егорова часто ругала своего мужа, называла его жуликом, мошенником и каторжником. Но кому не известно, что в народе употребляются более резкие ругательства, и они не могут давать повода к подозрению совершения преступления. Да и могла ли Мавра Егорова равнодушно смотреть на развратный вид пьяного мужа, который действительно выглядел арестантом. Далее, товарищ прокурора говорит, что убийца всегда старается бежать от трупа. Совершенно соглашаясь в этом с товарищем прокурора, я должен заметить, что Мавра Егорова не страшилась быть на погребке, она солила там огурцы и лазила даже в погреб. Если допустить, что Мавра Егорова совершила преступление, то ее нужно признать за какое-то исключение из всех людей. Между тем, если допустить,

что убийство совершено было посторонним лицом, то проще допустить, что убийца бросил труп в погреб Волохова. Дом был совершенно пустой, погреб от улицы был в семи шагах - все это очень хорошо мог знать ночной сторож.

Товарищ прокурора замечает, что трудно предположить, чтобы посторонний убийца сходил за мешком, в который положил Волохова. Я согласен, что это трудно, но еще труднее предположить, чтобы был отыскан мешок там, где его не было, а мы знаем, что Мавра Егорова не имела мешка, она даже брала мешок у соседей, когда ей нужно было солить огурцы. Если допустить, что подсудимая, совершив убийство, уничтожила все следы преступления, замыла кровь на полу в верхней комнате, то почему же она не замыла пятен крови, оказавшихся на окнах и стенах?

Кроме того, из медицинского осмотра видно, что раны были нанесены тремя родами орудий. Не говоря уже о том, что одному человеку нужно было употреблять три различных орудия для того, чтобы совершить убийство, я замечу, что в доме Волоховых ни ножа, ни шила не было найдено. Что подозрения на подсудимую могли быть, об этом не может быть и спора, но закон говорит, что для того, чтобы преступление было наказано, оно должно быть несомненно, а всякое сомнение должно толковаться в пользу подсудимой и никак не во вред ей. В настоящем же случае я полагаю, что убеждение в виновности подсудимой ни в каком случае не могло у вас сложиться. Тому показанию свидетелей, что Мавра Егорова не часто ночевала у соседей, я ни в каком случае не могу доверять. Они показывают так потому, что боятся, чтобы не навлечь почему-либо в этом случае на себя подозрения, и

показывают так для того, чтобы окончательно отстранить себя от всяких подозрений. Далее, товарищ прокурора говорит, что подсудимая постоянно клеветает на свидетелей; клеветает ли она, я предоставляю судить об этом вам, господа присяжные; я со своей стороны думаю, что большей искренности со стороны подсудимой и желать нельзя. Если вы недостаточно убедились моими доводами, то я должен заявить вам, что случаи судебных ошибок нередки в уголовной практике. Нужно надеяться, что эти ошибки будут реже и реже. Тем не менее я не могу допустить, чтобы суд присяжных мог допускать такие ошибки. Вы, господа присяжные, должны постановить свой приговор, основывая его на убеждениях логических, а не формальных.

Господа присяжные, настоящее преступление совершено было среди белого дня, между тем Семен Волохов говорит, что он, вернувшись вечером домой, никакого шума в квартире Алексея не слышал.

Показание Прохорова об ужасе подсудимой, когда она пришла к нему ночевать, ничем не подтвердилось. Я с изумлением замечая, что товарищ прокурора в числе улик признает слова ее, сказанные Никите, что если ее притянут к суду, то он будет стоять с ней на одной доске. Если придавать этим словам значение, то странно, почему же Никита не был привлечен к суду. Я объясняю слова ее так: она хотела этим выразить, что если ее, против которой нет никаких улик, привлекут к суду, то тем более должны привлечь к суду Никиту, который был сторожем в деревне и должен знать, кто совершил убийство.

В заключение я должен упомянуть о краже 150 рублей. Мавру Егорову постоянно попрекает сноха тем,

что она нищая, что муж ее все у нее пропил. Она из досады похищает у снохи деньги, но совесть ее мучит, и она открывается в этом священнику. Она никогда не обвиняла мужа, она прямо говорит перед священником, что она, а не муж ее, украла деньги. Тот берет клятву с Семена и его жены в том, что те никому не расскажут о происшедшем. Что же происходит? Вот, господа присяжные, насколько нравственными личностями являются Семен Волохов и его жена. Только что поклявшись перед образом, они через полчаса нарушают эту клятву. Предоставляю вам судить, насколько можно доверять этим личностям в их показаниях.

Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще худший конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься перед таким горем.

Хартулари К.Ф. Речь в защиту Левенштейн

Господа судьи и господа присяжные заседатели! Если только вы признаете за судом уголовным и его приговорами нравственно-педагогическое значение и не отрицаете того глубокого интереса, какой представляет собой настоящий процесс, затрагивающий одну из самых больных сторон нашего общественного организма, то, несомненно, должны будете отнестись к участи обвиняемой с тем особенным вниманием и

осторожностью, которыми только и обуславливается справедливость человеческого суда вообще и вашего будущего приговора в особенности!

Правда, что переданная вам, господа присяжные заседатели, подсудимой история ее прошлой жизни, со времени знакомства с Линевичем и до совершения настоящего преступления, не нова - она так же стара и обыденна, как история десятка и сотни тысяч женщин, увлеченных, обманутых и покинутых теми, для которых пожертвовали всем, что дает право на звание честной женщины и на уважение общества! Но столь же устарелым следует признать, в свою очередь, и предположение, что суровостью судебных приговоров, которых требует от вас обвинительная власть, можно предотвратить в будущем подобные драматические эпизоды среди незаконной семьи.

Мне кажется, что сообщенные обвиняемой факты из жизни ее, как обольщенной девушки, незаконной жены и такой же незаконной матери будут повторяться, независимо от судебной кары, до тех пор, пока по справедливому замечанию одного из поборников женского вопроса, не будет закона, который защищал бы нравственный капитал женщин с такой же силой, с какой он защищает материальное достояние человека, и осуждал бы лиц, похищающих честь у женщины, с той же строгостью, с какой осуждает вора, похитившего имущество... Правда, мне могут возразить, что закон, ограждающий права и карающий их нарушителей, о необходимости которого я заявляю как о мере к устранению таких печальных явлений в судьбе обещанной женщины, свидетелями которых мы являемся в настоящую минуту, бессилён в деле предупреждения ее нравственного падения, так как по

своему характеру - ограждает ли он или карает - ему приходится ведать только совершившиеся факты. Но никто и не ожидает от требуемого закона такого патронажа, всецело лежащего на обязанности самой семьи, к которой обыкновенно принадлежит женщина по своему рождению и воспитанию, точно так же, как никто не станет оспаривать, что лучшими средствами для борьбы с теми искушениями, с какими встречается девушка при вступлении в жизнь, должны служить исключительно правила, почерпнутые ей. из нравственного катехизиса своей же семьи, если только он выработан родительскою властью... Но я говорю об отсутствии такого закона, который охранял бы права женщины в ее внебрачных отношениях к мужчине и, что главнее всего, права прижитых ее детей, этих жертв чужой вины, чужого преступления, а между тем более всех наказываемых как бесправных и отвергнутых обществом!

Я согласен с представителями обвинения, что правосудие не может и не должно прощать человека, когда он протестует по поводу нарушения своих законных прав путем преступления, имея возможность восстановить их во всякое время при помощи судебной власти; но не мне судить о том положении, в какое может быть поставлено правосудие, когда на скамье обвиняемых, как в данном случае, оказывается лицо, поставленное законом вне всякого права на судебную защиту. Подумайте, господа присяжные заседатели, чего могла достигнуть подсудимая возбуждением судебного преследования против Линевича? Отвечаю вам на этот вопрос словами положительного закона: единственного наказания в виде церковного покаяния и единственного права требовать от своего обольстителя скудной подачи

на содержание и воспитание детей впредь до избрания ими рода жизни - подачки, охотно, обыкновенно, выбрасываемой великодушными развратниками из своего иногда громадного достатка.

Но для осуществления хотя бы и этого ничтожного права подумайте, что должна почувствовать и пережить несчастная женщина, начиная с добровольного оглашения своего позора, которым обуславливается возможность возбуждения самого судебного иска! Какую ужасную внутреннюю борьбу она должна перенести, чтобы унизить и подавить в себе не только врожденные иногда деликатность и стыд, но и общее чувство человеческого достоинства ради спасения детей от голодной смерти, детей, одинаково обязанных своею жизнью как ей, так и тому, кто ее совратил!

И потому не удивительно, если лишенная законной опоры и покровительства женщина, обесчещенная и покинутая с детьми, прибегает к такой грубой и не свойственной ей форме протеста против низкого поступка своего совратителя, в какой выразился протест и обвиняемой Левенштейн; не удивительно, если мы видим смертоносное оружие в руках такого существа, которое по своему природному назначению не отнимает, а дает жизнь, не удивительно потому, что в поступках ее сказывается мщение за поруганную честь и за безнаказанно отнятую будущность у нее и у ее детей!

Вот, присяжные заседатели, те условия, в какие была поставлена и подсудимая Левенштейн по отношению к Линевичу, условия, дающие ей особенное право на ваше внимание к ее судьбе. В этих условиях, по мнению моему, и заключается та нравственная истина в настоящем процессе, которая должна служить для нас

точкой отправления и главнейшим основанием для вполне беспристрастного и справедливого приговора.

Но возвратимся от этих общих соображений и доводов к кровавой расправе, при воспоминании о которой, правда, может содрогнуться сердце, но правосудие - никогда! Слишком привычному к волнениям и столкновениям страстей, ему всегда удастся рассеять темноту, которой стараются прикрыть истину, и мы со своей стороны постараемся оказать ему в этом наше посильное содействие.

Краткий биографический очерк подсудимой, в связи с обстоятельствами дела, предшествовавшими преступлению, - насколько они выяснены судебным расследованием - вернее всего объяснит нам, что побудило обвиняемую Марию Левенштейн к покушению на жизнь Михневой.

В 1865 году в небольшой квартире бедного труженического семейства, состоявшего из престарелого мужа и жены и 19-летней дочери, поселился на правах квартиранта такой же бедный молодой человек, только что начинавший торговлю. Небольшая лавочка в апраксином рынке, с товаром на несколько сотен рублей, послужила началом будущей его весьма обширной торговой деятельности. Описываемая семья была семья Левенштейнов; молодая девушка - Мария Левенштейн; а молодой человек - ныне петербургский 2-й гильдии купец Леон Линевиц, торгующий редкостями и совершающий довольно крупные торговые обороты. Благодаря практической изворотливости, свойственной людям, начавшим свое торговое поприще в качестве мальчика в лавке, Линевиц, по словам знавших его, всегда лицемерно кроткий и услужливый, вскоре приобрел

симпатию стариков Левенштейн и расположение дочери их Марии, на которую обратил свое внимание. Его постоянная заботливость об этой девушке, доходившая до предупреждения малейших ее желаний; рассказы о своей личности, о желании основать собственную семью с намеками, что первенствующая роль в этой семье будет принадлежать ей, Марии, в случае согласия ее соединить свою судьбу с его личной; наконец, сделанное им более категорическое предложение о вступлении в брак - все это не могло не возбудить в бедной молодой девушке, не имевшей притом никакой надежды на более лучшую будущность, первого и глубокого к нему чувства любви и привязанности; а постоянные уверения в честности своих намерений, о которых повторял он даже в сегодняшнем заседании, создали в обвиняемой безусловное к нему доверие.

Иного доверия, по словам подсудимой, она и не могла иметь к Линевичу ввиду начавшихся даже приготовлений к свадьбе. И в самом деле, припомните, присяжные заседатели, прочитанное на суде показание свидетельницы Манычаровой, принимавшей самое живейшее участие в семье Левенштейн. С какой радостью подсудимая объявила ей о сделанном Линевичем предложении, показав при этом свое подвенечное платье и упоминая о нанятой уже женихом квартире. Но Линевич, видимо, преследовал иную цель, которую только прикрывал до известного момента, пока жертва окончательно попадет в искусно расставленные им сети.

Брак откладывался со дня на день под разными ничтожными предлогами: сначала вследствие мнимой необходимости совершить его по обряду римско-католического вероисповедания, чего обвиняемая

не ждала, будучи православной, а затем это вымышленное препятствие заменилось другим, столь же нелепым - вроде ожидания каких-то необходимых для бракосочетания бумаг, при уверениях, однако, что брак рано или поздно, но состоится. Время уходило быстро, и отношения не изменялись.

Так прошел год, окончившийся, наконец, известным насилием со стороны Линевича и появлением на свет первого незаконного ребенка. Таким образом, петля, искусно наброшенная на Марию Левенштейн маленьким Фаустом из апраксина рынка, была затянута, и цель его - сделать из подсудимой только наложницу - достигнута. Положение обвиняемой сделалось безвыходным. Ей предстояли: или дальнейшее тайное, незаконное сожитительство с Линевичем, с надеждой на брак, хотя бы в отдаленном будущем, или разрыв, с вечным позором и с незаконным ребенком на руках, без всяких средств к существованию. Иного исхода для подсудимой не существовало, так как лиц, подобных Линевичу, только две вещи могут побудить к исполнению своего долга: деньги, которыми, к сожалению, Мария Левенштейн не располагала, или же угрозы наказания, разумеется, более строгого, нежели какое предусмотрено Уложением о наказаниях за незаконное сожитительство неженатого с незамужней. И потому обвиняемая решилась с покорностью судьбе и во имя своего ребенка не прекращать связи. Она приняла предложение Линевича и переехала к нему на квартиру. За первым ребенком последовало одиннадцать остальных, таких же незаконных, из коих умерло пятеро и состоит ныне в живых семь. Хотя в течение следующих 18 лет совместного сожитительства подсудимая и не переставала настаивать на необходимости брака, но это настаивание

имело уже в глазах торжествующего любовника характер последних усилий утопающего, значение последнего проблеска угасающей жизни; обвиняемая медленно и безропотно расставалась с тем, что когда-то давало ей право на честное положение в обществе.

Возможность брака ставилась уже Линевицем в зависимость от такого, растяжимого до бесконечности, события, как совершенное устройство его торговых дел, которые между тем шли прогрессивно благодаря участию и подсудимой. За безграмотностью Линевича на подсудимую было возложено как счетоводство, так равно и вся переписка с иностранными торговыми фирмами, независимо от других обязанностей по дому, как матери, кормилицы и няньки своих детей. Как понимала она эти последние обязанности и какой была в действительности матерью, свидетельствует прочитанное на суде письмо к ее старшему сыну Михаилу от 10 января 1881 г. Письмо это, заключающее в себе последнюю волю Марии Левенштейн, без всякого при этом расчета, что когда-нибудь с содержанием его ознакомится судебная власть, так как оно написано обвиняемой еще в то время, когда, подавленная горем да незаслуженными упреками Линевича, решила лишиться себя жизни, заслуживает полного вашего внимания и доверия. А между тем одного этого письма достаточно для того, чтобы убедиться в прошлых страданиях подсудимой, а также в том, как угнетала ее совесть за собственное нравственное падение и как старалась она, чтобы все ею испытанное не повторялось в судьбе бедных детей.

Перейдем, однако, к дальнейшим похождениям того, на ком должна лежать вся ответственность перед

совестью за прошедшие и настоящие мучения обвиняемой.

Погруженный исключительно в свои торговые операции и сдавши, как я уже заметил, тяжесть семейных обязанностей подсудимой, Линевиц после заграничного путешествия, предпринятого с целью установить, по его словам, торговые сношения с заграничными коммерсантами, пожелал почему-то в 1879 году заняться изучением французского языка. С этой целью и для соединения полезного с приятным он стал искать не преподавателя французского языка, а преподавательницу и вместе с тем приказчицу для своего магазина. Случай не замедлил представиться. В одной из газет явилась публикация с предложением личных услуг, вполне удовлетворявших требуемым условиям. Дочь генерал-майора Элеонора Михнева заявила о желании занять место продавщицы в магазине, присовокупляя при этом, что она свободно владеет французским языком. Линевиц поручил обвиняемой вызвать Михневу, которая после личных с ней переговоров вступила в отправление своих обязанностей.

Прошло с этого момента, господа присяжные заседатели, не более месяца. Линевиц совершенно изменился в обращении не только с обвиняемой, которую не переставал оскорблять незаслуженными упреками и на которую давно уже смотрел, как на существо, его тяготившее, о чем заявлял Михневой, но он изменился даже к детям, жестоко их наказывал за пустые шалости. Собственная квартира Линевица сделалась для него почему-то невыносимой, и он возвращался в нее только поздно ночью. Угадать причину в такой перемене Линевица не трудно, но предоставим ее объяснить

Михневой, которая упоминает об этой причине в своем показании, данном у следователя и прочитанном на суде.

В феврале 1879 года, говорит свидетельница и вместе с тем потерпевшая от преступления, она поступила в магазин Линевича и через две или три недели сблизилась с ним настолько, что, заметив его грустное настроение, стала расспрашивать о причине и узнала, что уже пять лет, как жизнь его отравлена, что Левенштейн не жена его и, хотя он имеет от нее много детей, вступление с нею в брак не входит в его расчеты и, наконец, что, не живя с ней со дня рождения последнего ребенка, он ищет теперь друга. На такую исповедь Линевича Михнева рассказала ему и свое не менее романическое прошлое, не утаивши при этом, что имеет также незаконного ребенка. Приведенных взаимных объяснений показалось, по-видимому, достаточно, чтобы Михнева, поступившая в магазин в феврале, уже в марте того же года вступила с Линевичем в связь, от которой в течение двух последующих лет Линевич подарил обществу еще двух новых незаконных детей.

Вникните, присяжные заседатели, в это показание Михневой, которое я изложил перед вами, сохраняя по возможности даже самую редакцию изложения; и вас, несомненно, должна будет поразить прежде всего необыкновенная, так сказать, шаблонность Линевича в приемах овладеть симпатией новой женщины, в которых повторилась сцена прошлого с обвиняемой. Тут играет роль и выражение лица, на котором необходимо было напечатать душевную грусть и отчаяние; тут - и любящее, нежное сердце, жаждущее сильных ощущений и любви; тут, наконец, и непреодолимые препятствия в виде постылой и неотвязчивой женщины и, в

заклучение, ложь и обман, хотя несколько иного свойства, нежели те, при помощи которых он обольстил обвиняемую.

Совращая Марию Левенштейн, он не переставал напевать о браке, как о приманке, не упоминал о существующей связи и незаконных детях. И понятно: он имел дело с невинной девушкой. Что же касается до последней интриги, то она представляла благодатную почву, так как перед ним стояла женщина более опытная. И потому таиться и подавать какие-нибудь надежды на будущее не было оснований; нужно было только польстить самолюбие новой жертвы унижением в ее глазах старой, что и сделано было с успехом. Таким образом, новая чета провозгласила свободу любви без всякого брака и, по словам Михневой, без всякого интереса, в силу одного страстного влечения к Линевичу!

Правда, трудно верить в бескорыстие подобного чувства при взгляде на Линевича, который ни по внешнему своему виду, ни по уму и развитию, в чем вы, присяжные заседатели, могли лично убедиться, далеко не представляется нам таким Адонисом, воспитанным дриадами, перед красотой и умом которого, как гласит мифология, не устояла даже богиня красоты Венера... но, впрочем, о вкусах, говорят, не спорят вообще, а о женских в особенности...

Меня лично поражает в этой новой связи Линевича необыкновенная поспешность, с которой она установилась, а именно в течение трех или четырех недель, а также факт продолжения ее после того, как Михнева узнала, по ее собственному показанию, что Линевич, скрывая свои к ней отношения от обвиняемой Левенштейн, продолжал, вопреки своим уверениям,

сожителство с подсудимой, вследствие чего она одновременно с Михневой разрешилась от бремени новым ребенком. Быть может, и этот факт не подлежит нравственной оценке, как и вопрос о вкусе? В таком случае я умалчиваю и обращаюсь к описанию душевного состояния подсудимой, от которой так ревниво скрывали свои отношения Линевиц с Михневой в течение двух лет.

Уединенная с детьми в своей квартире, со страшными угнетавшими ее подозрениями и опасениями вследствие перемены к ней и детям Линевица, Мария Левенштейн проводила, по ее словам, много длинных и скучных часов и, желая скрыть свое горе от детей, предавалась ему только по ночам, в напрасном ожидании Линевица. В это время она припомнила первый период своего с ним знакомства, семейные радости, ей обещанные, до которых только прикоснулась; счастье, которое от нее убегало; опасения, от которых не могла защититься, и с сжатым сердцем и рыданиями молила Бога указать ей средство для выхода из ужасного и томительного положения. Мысль покончить жизнь самоубийством не покидала ее, и к январю 1881 года настолько укрепилась, что она решилась уже осуществить свое намерение и предварительно написала те два письма, - из них одно на имя старшего сына Михаила и другое на имя Линевица, с содержанием которых вы уже ознакомились. Но взгляд на несчастных детей, оставшихся сиротами, и притом без имени и без всяких прав, отдалял решимость обвиняемой, которая все еще не подозревала, чтобы между ней и Линевицем стояла другая женщина, и узнала об этом только случайно и вот по какому поводу. На второй день Пасхи 13 апреля 1881 г. опасно заболел ее ребенок, у изголовья которого подсудимая проводила целые дни и

ночи, тогда как Линевиц утро оставался в магазине, по вечерам уходил гулять, возвращался около полуночи и вообще безучастно относился к положению больного ребенка. Наконец, 28 апреля, за четыре дня до совершения преступления, когда никакие мольбы со стороны обвиняемой остаться при больном ребенке не могли удержать Линевица от намерения уйти из дома, у подсудимой явилось первое подозрение, что прогулки представлялись только предлогом для какого-нибудь свидания. Никем не замеченная, обвиняемая проследила Линевица и обнаружила, что он зашел по Гороховой улице в дом № 55, в котором проживала Михнева. С этой минуты обвиняемой объяснились все поступки Линевица и его полнейшее охлаждение к семье. На другой же день, то есть 29 апреля, в среду, она отправилась к нему в магазин и объявила, что при существовании у него новой семьи им необходимо, очевидно, расстаться, и потому просила отпустить с нею детей. Напрасно Линевиц предлагал подсудимой все блага мира с тем, чтобы она оставила детей у него. Мария Левенштейн отклонила его предложения. Тогда последовала просьба отложить окончательное обсуждение и разрешение этого вопроса до субботы, так как ему, Линевицу, необходимо, неизвестно - с кем, предварительно посоветоваться. Таким образом, для подсудимой предстояли еще два дня томительного ожидания решения участи своей и своих детей. В каком душевном состоянии находилась в это время подсудимая, свидетельствует Манычарова, к которой обвиняемая явилась внезапно накануне преступления в одном платье и до того была взволнована, что свидетельница поспешила ее отправить на извозчике домой. Настал, наконец, обещанный день. Утром Мария Левенштейн отправилась предварительно с

двумя сыновьями в церковь; там в усердной молитве искала она успокоения своим страданиям и просила внушения, как поступить в том случае, когда Линевич не отдаст детей.

В это время в квартире ее обнаружилось событие, в существе ничтожное, но которое, тем не менее, сделалось завязкой будущей драмы. По возвращении домой прислуга сообщила обвиняемой, что железный шкаф Линевича, стоящий в его кабинете, оказался почему-то незапертым, и первое, что бросилось в глаза Марии Левенштейн, был лежавший на видном месте заряженный револьвер. Поспешно спрятав револьвер в карман и накинув тальму, подсудимая отправилась в магазин Линевича за обещанным ответом, с твердой решимостью, если ответ не будет благоприятен, лишиться себя жизни.

И что же! Как встретил ее Линевич: словами ли утешения и любви, которыми когда-то умел так искусно играть и очаровывать и которые одни могли успокоить несчастную женщину, или, по крайней мере, он старался убедить ее разумными доводами в неосновательности ее намерения? Нет! Саркастически отнесся он к положению несчастной, объявивши, что она может идти на все четыре стороны без детей, которых он оставляет при себе.

Как вышла подсудимая из магазина, она не помнит... Чаша страданий переполнилась; нужна была еще одна и последняя капля, чтобы окончательно лишиться подсудимую, приниженную и подавленную горем, самообладания, и эту каплю суждено было влить Михневой.

При возвращении домой, чтобы в последний раз проститься с детьми и затем прекратить навсегда свое бесполезное существование, у обвиняемой, проходившей мимо дома, в котором проживала Михнева, блеснула последняя надежда. «Быть может, - думала она,- эта женщина так же увлечена Линевичем, как и я, и не знает о прижитых мною с ним детях, и, после моих с нею объяснений, прекратит всякую связь!» Но предположения и надежды обвиняемой были напрасны: Михнева встретила ее надменно и дальше передней не пустила, объявивши, что ставит себя слишком высоко и не желает, чтобы прислуга слышала их объяснения. На предложенные ей затем подсудимой вопросы: действительно ли она сошлась с ее мужем и любит ли его, Михнева ответила положительно, присовокупивши, что называть Линевича своим мужем Левенштейн не имеет никакого права, и далее, что любит Линевича страстно и бескорыстно, не так, как она, Левенштейн. Какой ответ мог и действительно последовал со стороны обвиняемой на эти новые и неожиданные оскорбления, вам, присяжные заседатели, известно...

Жажда мщения моментально вспыхнула в подсудимой и слилась с самим исполнением. Тут не было никакой предумышленности, в которой обвиняют Марию Левенштейн, это был один внезапный умысел, в котором намерение, решимость и исполнение почти совпали. Преступная мысль блеснула, была тотчас же усвоена и мгновенно осуществлена.

Отсутствие, таким образом, как нравственных, так и юридических оснований к признанию действий обвиняемой предумышленными станет для вас еще более очевидным, если вы примете в соображение те условия, наличие которых требуется и действующими законами

для подобного рода квалификации каждого отдельного преступления.

Упомянутые условия, при которых всякое запрещаемое законом деяние выходит из сферы неосторожных и становится преднамеренным, заключаются, с одной стороны, в доказанном умысле на это деяние, причем проявление такого умысла, согласно указаниям закона (статья 6-10 Уложения о наказаниях), может выразиться в письменных или словесных угрозах совершить известное преступление, а с другой - в сознательном желании или намерении достигнуть заранее определенных последствий, присущих задуманному преступлению, приисканием и приобретением средств, необходимых для совершения именно данного преступления.

Отсюда ясно, что точное определение намеренности всякого преступления обуславливается полнейшей гармонией во всех действиях обвиняемого, то есть необходимо, чтобы действия эти следовали одно за другим в том порядке, какой соответствует умыслу и намерению.

Постараемся пояснить нашу мысль примером. Если лицо А., желая из мести или по какой-либо иной причине, поджечь здание, принадлежащее лицу Б., сначала об этом ему угрожает словесно или письменно, а затем несколько времени спустя покупает паклю и керосин и совершает поджог, то правосудие, несомненно, будет иметь перед собой в таком деле предумышленное преступление, то есть деяние, заранее и сознательно обдуманное как по отношению к цели, так и его последствиям.

Однако простое сопоставление приведенных мною доводов и соображений, определяющих понятие предумышленности преступления, с действиями обвиняемой Левенштейн, которая, как выяснилось по делу, имела скорее намерение лишить жизни себя, а не Михневу, и с этой целью воспользовалась револьвером, найденным в шкафу Линевича и случайно оказавшимся при ней во время объяснений с Михневой, - все эти действия подсудимой, по моему личному убеждению, исключительно говорят в пользу бессознательного совершения ею известного преступления, вызванного жестокими и незаслуженными оскорблениями со стороны Линевича, а затем - самой Михневой, разбившей навсегда всю ее семейную жизнь...

Итак, господа присяжные заседатели, вам известны все обстоятельства дела, другими словами, вы ознакомились со средствами и целью защиты. Речь моя подходит к концу... Да позволено мне будет закончить ее вопросом: кого же вам придется осуждать по настоящему делу, при условиях, только что мной описанных? Ту, которая из трех действующих лиц менее виновна и которую можно только упрекнуть в сильной и бескорыстной привязанности, в желании основать свою, хотя и незаконную, семью, свой домашний очаг, служить для детей, не признаваемых законом, примером, одним словом, - в желании всего того, что предписывается Божескими и человеческими законами?

Но я глубоко убежден, что между вами не найдется ни одного человека, который после всего слышанного и виденного здесь, на суде, решился бы бросить камнем в подсудимую: «Она много любила и многое простится ей!»

И в самом деле, обвиняемая достаточно наказана за свое увлечение, будучи лишена одновременно чести, надежды, а следовательно, и будущности! Но при такой утрате всего, что уже для нее невозвратимо, я полагаю, она вправе ожидать от вас, присяжные заседатели, хотя бы того, что еще во власти вашей, а именно - возвращения отсюда к своим детям, которые еще нуждаются в ее попечении...

Подобным приговором своим вы, несомненно, создадите принципиально такую нравственную силу, перед которой должны будут преклоняться все линевиичи, признающие за собой право безнаказанно бесчестить и покидать на произвол судьбы увлекаемых ими женщин!

Упомянув о Линевииче, невольно приходит на память замечание одного знаменитого французского мыслителя XVII столетия (Фонтенеля): «Надо, - говорит он, - прежде всего исчерпать заблуждения, чтобы дойти до истины». Кто может отрицать, что ввиду вашего будущего, с нетерпением ожидаемого приговора эту истину постигнет и сам Линевиич и что связь с Михневой будет его последним заблуждением, после которого он не замедлит огласить свой брак с подсудимой и тем, хотя отчасти, загладит прошлый поступок, которому, к сожалению, как уже я заметил, отведено в нашем Уложении о наказаниях слишком скромное место...

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ ИЗВЕСТНЫХ ЮРИСТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Дервиз О. В. Речь в защиту Васильевой

Товарищи судьи!

Моей подзащитной Васильевой предъявлено обвинение в совершении весьма тяжкого преступления - причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Закон предусматривает наказание за совершение таких действий в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Если добавить к этому, что покойный Волков - отец подсудимой, то обвинение Васильевой становится еще более страшным.

Именно поэтому задача защиты по данному делу трудна и ответственна, ибо ни в законе, ни в нашем нравственном чувстве нет и не может быть оправдания для отцеубийцы.

Однако я исполняю сегодня свой профессиональный долг с глубоким убеждением в правильности моей правовой и моральной оценки действий Васильевой. Защита не согласна с предложенной обвинением юридической квалификацией совершенного ею преступления.

Чтобы вы, товарищи судьи, могли правильно оценить действия моей подзащитной и назначить справедливое наказание, необходимо тщательно и непредвзято проанализировать все обстоятельства дела, проследить развитие событий в семье Васильевой, приведших 11 февраля к трагической развязке. Материалы дела дают нам возможность сделать это с достаточной полнотой.

Мы с вами выслушали показания подсудимой, рассмотрели заключения экспертиз, характеристики и другие документы. Сухое и лаконичное изложение событий в обвинительном заключении дополнилось живыми и непосредственными впечатлениями очевидцев, людей, повседневно соприкасавшихся с семьей Волкова. Перед нами возникла чрезвычайно яркая картина происшедшего.

Зоя Васильева - молодая тридцатилетняя женщина - была брошена мужем и год тому назад приехала с трехлетним сыном в дом к отцу. Она поступила на работу санитаркой в больницу, помогала мачехе вести хозяйство, воспитывала сына. Свой заработок Зоя вкладывала в общий семейный бюджет.

Мачеха хорошо относилась к ней, жалела ее. Все было бы нормально в их жизни, если бы не отношение отца. Он был недоволен пребыванием дочери в его доме, считал ее нахлебницей. Часто он упрекал Зою в том, что она не сумела «удержать» мужа. Не радовался Волков и внуку, никогда не ласкал его, был с ним хмур и не приветлив.

Волков злоупотреблял спиртным, часто являлся домой пьяный и затевал скандалы с женой и дочерью. Он

придирался к любому пустяку, требовал полного подчинения себе как «хозяину».

Вы хорошо знаете, товарищи судьи, какое огромное социальное зло алкоголизм. Большинство уголовных дел, которые вы здесь рассматриваете, так или иначе возникли на почве пьянства. Многие разводы, выселения из-за невозможного поведения в квартирах, прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины на работе, мелкое хулиганство - вот что порождает алкоголь.

Из скольких семей ушло счастье, сколько детей лишились отцов, сколько людей потеряли человеческий облик из-за неумеренного употребления спиртного.

Я берусь утверждать, что и сегодняшнее дело возникло на той же ядовитой почве, только подсудимая и потерпевший поменялись местами. Именно поведение покойного Волкова создало ненормальную обстановку в семье, породило то психологическое напряжение, в состоянии которого ежедневно находились Васильева и ее мачеха. Они жили в постоянном страхе, ожидании того, что должно случиться что-то непоправимое. Часто бывало, что, желая оградить себя от пьяных выходок Волкова, женщины с ребенком уходили из дома, ночевали у соседей. Им было хорошо известно, что лучше не попадаться Волкову под горячую руку. Не раз и не два им приходилось стыдливо скрывать от сослуживцев и соседей полученные синяки. А ведь иногда дело доходило и до более серьезных вещей - Волков брался за топор и лопату... Женщины терпели - все-таки Волков - муж, все-таки отец. Но в них росло чувство отчаяния, а это чувство опасное - оно не всегда бессильно, иногда оно заставляет браться за оружие!

Трагедия, происшедшая 11 февраля, была подготовлена поведением Волкова в течение длительного времени. Если бы он вел себя по-другому, вероятно, реакция Васильевой была бы не такой острой. Она боялась отца, знала, что от него можно ждать чего угодно, была психологически подготовлена к насилию. Насилие породило насилие!

Вечером в этот день Волков пришел домой в состоянии сильного опьянения. Он затеял скандал с женой и дочерью, занимавшимися на кухне хозяйственными делами. Он высказал недовольство тем, что жена готовила корм для скотины, а на него не обращала внимания. Криком и руганью он сам взвинчивал себя, стал бросать на пол разные предметы. Жена сказала Волкову, что он пьян, мешает им заниматься делом, пусть идет в комнату и ложится. Ах, он, хозяин, мешает, ну, тогда держись... Волков схватил с плиты ведерный бидон с кипятком. К счастью, жене удалось отскочить, и на ее лицо и руки попали только брызги кипятка. От боли она закричала. Бидон остался в руках у Волкова.

Васильева не знала, осталась ли еще вода в бидоне, не знала, войдет ли на кухню привлеченный шумом и криком ее маленький сын. Она видела бидон в руках отца, она слышала крик ошпаренной мачехи, она знала, что отец может продолжать буйствовать. Ее охватил страх за своих близких, за себя. Она должна была защищаться, защищать других. Она, по ее собственным словам, не помнила себя.

Вот в каком состоянии находилась Васильева, когда схватила стоявшую у плиты кочергу и нанесла ей отцу два удара по голове.

По существу, товарищи судьи, все рассказанное мною сейчас о событиях, приведших Васильеву к совершению преступления, не отрицает и представитель государственного обвинения. Вы помните, что, обосновывая свою просьбу об определении подсудимой минимального наказания по части второй ст. 108-й УК РСФСР - пять лет лишения свободы, говоря о смягчающих ответственность обстоятельствах, прокурор ссылается на эти же факты.

Обвинение считает, говорил вам прокурор, что своим поведением покойный Волков убил в дочери естественное чувство любви и лишился ее уважения. Но эти чувства, полагает обвинитель, вытеснила ненависть, которая только ждала удобного момента, чтобы открыто проявиться, которая, по его образному выражению, «шла рука об руку с мстью».

Из этого делается вывод, что Васильева подняла руку на отца с радостью, что представился случай. Не было якобы реальной угрозы жизни и здоровью подсудимой, ее близким, поскольку Волков сразу выплеснул весь кипяток и стал после этого вполне безопасен. Его не бить надо было, а успокаивать, уговаривать.

Во всяком случае, утверждает обвинитель, если еще можно как-то объяснить нанесение первого удара кочергой, то уж во втором не было никакой необходимости. Именно этот второй удар свидетельствует об умысле Васильевой.

Я уверен, товарищи судьи, что говорить так - значит не понимать психологического состояния подсудимой в момент нанесения ударов, более того, значит не понимать психологического механизма внезапного

возникновения сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Да, вопрос о возникновении такого состояния, именуемого медицинской наукой физиологическим аффектом, один из сложнейших в теории и практике уголовного права, здесь возможны ошибки. И я полагаю, что прокурор призывает вас совершить ошибку, закрыть глаза на явные признаки аффективного состояния Васильевой.

Обвинение утверждает, что Волков сразу выплеснул весь кипяток и не представлял поэтому больше опасности для находившихся на кухне женщин. Этим обосновывается вывод, что Васильева действовала из мести, что необходимости в защите не было. С этим невозможно согласиться. Я допускаю, что, испугавшись содеянного им, испугавшись крика жены, покойный прекратил бы буйство. Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Но могло быть и по-другому, он вполне мог продолжать свои действия, как неоднократно это делал во время пьяных дебошей. Для этого были все возможности - на кухне находилось много предметов, подходящих вполне для учинения расправы над женщинами. В руках у него был горячий бидон - тоже достаточно грозное оружие, а то, что он уже успел сделать, давало основания считать, что пьяному буйству нет предела. Именно так думала Васильева, и ее нельзя не понять. Не могла она в то время знать, что в бидоне не осталось больше кипятка.

Перед вами, товарищи судьи, столкнулись две точки зрения на события 11 февраля, две оценки их. От того, какую из этих оценок вы признаете правильной, зависит

юридическая квалификация совершенного Васильевой преступления. Если вы согласитесь с обвинением, что Васильева действовала умышленно, значит, предложенная органами предварительного следствия квалификация содеянного по части второй ст. 108-й УК РСФСР правильна.

Я же убежден в истинности своей точки зрения и прошу вас согласиться с ней. Я считаю, что поведение Волкова на протяжении всех последних месяцев, его издевательства и насилия над домочадцами подготовили психику Зои Васильевой к происшедшему вечером 11-го февраля взрыву. Испытанные ею в тот день страх, гнев и возмущение действиями отца вызвали сильнейший психологический «разряд» - аффект.

Нельзя, как это делает обвинение, искусственно разрывать действия, следовавшие одно за другим практически мгновенно; нельзя объяснять нанесение первого удара страхом и волнением, а второй объявлять умышленным. Находясь в состоянии сильного душевного волнения, человек не может точно соразмерить свои поступки с объективной необходимостью. Именно поэтому наш закон выделяет преступления, совершенные в состоянии аффекта, и предусматривает за них значительно более мягкие наказания, чем за совершенные умышленно. Содеянное Васильевой подлежит квалификации по ст. 110-й УК РСФСР, устанавливающей ответственность за нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего и вызванного насилием или оскорблением со стороны потерпевшего.

Наш уголовный закон, товарищи судьи, будучи выражением социалистического гуманизма, требует от

вас учета всех смягчающих обстоятельств. В этом деле я вижу целый ряд таких обстоятельств.

Статья 38-я УК РСФСР предусматривает в качестве одного из наиболее существенных смягчающих ответственность виновного обстоятельств совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны. Нет сомнения, что в данном случае налицо это смягчающее обстоятельство. Действия Волкова были общественно опасны, защищаться было необходимо.

Огромное значение для определения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, имеет его поведение во время следствия и суда, его отношение к содеянному. Изворачивается человек, лжет, пытается уйти от наказания - одно, раскаивается, правдиво обо всем рассказывает - совсем другое. Это всегда учитывается судом.

Я хочу обратить внимание на предельную искренность моей подзащитной, ее чистосердечное раскаяние и готовность понести наказание за совершенное преступление. Вы, конечно, помните, что мачеха Васильевой, желая спасти ее от ответственности, показала на первом допросе неправду. Она рассказала, что муж ее в пьяном виде упал на плиту и разбил голову об ее угол. Васильева не пыталась воспользоваться этой ложью - она с самого начала говорила только правду, не пыталась ничего скрыть. Подсудимая тяжело переживает случившееся, глубоко подавлена совершенным ею преступлением. Ей очень жалко отца, но на вопрос, могла бы она вновь поступить так же, если бы все повторилось, она откровенно отвечает, что, вероятно,

могла бы. Такая правдивость подкупает. Остается только пожелать, чтобы жизнь не ставила больше мою подзащитную в такое тяжелое положение.

Вы тщательно исследовали сегодня, товарищи судьи, жизненный путь Васильевой. Мало было в нем радостных событий, жизнь не баловала ее. Она выросла в трудных условиях военных и первых послевоенных лет, не получила достаточного образования, обманулась в муже, не видела сочувствия со стороны единственного близкого человека - отца. Но она не озлобилась, осталась простой и скромной женщиной, о которой никто не мог сказать ни одного худого слова. Васильева никогда в жизни не преступала закон. В характеристик из больницы отмечается, что работала Васильева исключительно добросовестно, ровно и ласково относилась к больным. Соседи говорят о ней как о труженице, приветливой и спокойной женщине, хорошей матери. Какое потрясение должна была испытать она, как должна была бояться отца, чтобы осмелиться поднять на него руку!

Есть в событиях этого дела еще одно обстоятельство, о котором я не имею права умолчать. Тягостное, неправдоподобное, но, увы, имевшее место. Я имею в виду отношение медицинских работников станции «скорой помощи» к выполнению своего профессионального долга.

Вечером 11 февраля к Волкову вызвали «скорую помощь». Приезжала машина, врач осмотрел раненого. Да, он был пьян, да, он ругал медиков и мешал им исследовать повреждения, утверждая, что ничего с ним особенного не случилось. Все это так... но проглядеть проникающую рану костей черепа врач не имел права.

Не имел права оставлять без помощи тяжело раненного человека, не имел права предлагать ему самому явиться утром на осмотр. Врач ввел в заблуждение родственников Волкова, создав у них впечатление, что потерпевший действительно никаких опасных повреждений не получил.

Судебно-медицинская экспертиза, отвечая на вопрос о шансах на жизнь Волкова при условии оказания ему своевременной помощи, ответила, что, хотя благополучный исход при травмах такого типа гарантировать нельзя, были все основания надеяться на выздоровление потерпевшего.

Таким образом, ответственность за трагический исход ложится в определенной степени и на представителя самой гуманной в мире профессии! Я считаю, что необходимо вынести частное определение по этому вопросу, мимо этого пройти нельзя.

Заканчивая свою речь, я хочу выразить уверенность в справедливости того приговора, который вы вынесете моей подзащитной. Она должна быть на свободе, она должна заботиться о своем малолетнем сыне, воспитывать его. Мера ее вины не столь значительна, чтобы была необходимость направлять ее в исправительную колонию. Я прошу вас, товарищи судьи, определить Васильевой по ст. 110-й УК РСФСР наказание, не связанное с лишением свободы.

Кан Н.П. Речь в защиту Далмацкого

Товарищи судьи!

Прокурор и два общественных обвинителя единодушны в требовании смертной казни для Ивана Далмацкого. Ее добивается и потерпевший - отец погибшего Игоря Иванова. Об этом же просят в своих решениях собрания общественности. Видите, сколь велик накал страстей, разгоревшихся вокруг дела, по которому ваше решение уже не за горами. А тут еще и газетная корреспонденция, к сожалению, очень далекая от объективного освещения отдельных фактов и в целом всего события смерти Иванова.

Я сознательно делаю упор на эмоциональную сторону обстановки, в которой приходится осуществлять защиту Далмацкого. Житейски она может быть понята. Погиб человек, едва начавший сознательную жизнь, погиб нелепо. Неудивительно, что все, кто хорошо знал Игоря, больно переживают утрату и требуют возмездия. «Смерть за смерть», - сказал один из уважаемых обвинителей. Но ведь этот клич не новый. Он более чем старый и более чем непригодный для правосудия. Лучшим тому доказательством служит наш Уголовный кодекс, предусматривающий за убийства самые разнообразные, иногда мягкие виды наказания. Правда, Кодекс допускает и смертную казнь, но как исключительную меру наказания, когда речь идет об умышленном убийстве при так называемых отягчающих обстоятельствах. Установлено ли отягчающее

обстоятельство в действиях Далмацкого? Далмацкому действительно предъявлено обвинение в убийстве Иванова из хулиганских побуждений, то есть при отягчающих обстоятельствах. Но он, полностью признавая, что причинил смерть Иванову, решительно протестует против приписанных ему хулиганских мотивов и умысла на убийство. Как у следователя, так и в суде он неизменно утверждал, что ранил Иванова, защищаясь от нападения. В сущности, это и есть главный, если не единственный вопрос, ответ на который решит судьбу Далмацкого. Разрешите мне сжато воспроизвести детали дела, как они вытекают из следственного производства и из судебного разбирательства.

1 мая 1965 года в Петродворце после праздничной демонстрации Игорь Иванов со своим приятелем Александром Еременко, обвиняемым по этому делу в злом хулиганстве, и с другими молодыми людьми собрались на квартире Семашко, где пили коньяк. В пирушке участвовали и девушки - Ангелина Красовская и другие. Около 20 часов, как записано в обвинительном заключении, «указанная компания покинула квартиру Семашко». Игорь Иванов, Еременко, или, как его называли корреспонденты, «Саша», и Ангелина Красовская направились к Ивановым, где Игорь сменил свою ученическую форму на праздничную одежду. Затем все трое возвратились на улицу и пошли на вокзал, рассчитывая встретить там остальных гостей Семашко. Побродив по перрону, Еременко, Иванов и Красовская вошли в четвертый вагон электропоезда № 606, прибывшего из Ораниенбаума, и двинулись вдоль вагона к переднему тамбуру. Все происшедшее дальше имеет столь важное значение для истины, что я попрошу

позволения во имя точности воспользоваться текстом обвинительного заключения. Вот что там написано:

«В переднем по ходу поезда тамбуре этого же вагона ехали братья Далмацкие, которые сели в электропоезд в 22 часа 23 минуты на станции Старый Петергоф, возвращаясь в Ленинград.

Еременко А.В., Красовская А.Р. и Иванов И.Н. направились в передние вагоны. Еременко вошел в передний тамбур, где находились братья Далмацкие. Красовская шла вслед за Еременко по вагону, а Иванов И.Н. остановился и вступил в разговор с сидящими в вагоне слева по ходу поезда незнакомыми гражданами Павловым И.П., Пироженко А.Г., Даниловым В.П., Сидоренко Т.В., Михайловым Т.П.

Как показал обвиняемый Еременко, когда он вошел в указанный тамбур вагона, стоящий слева по ходу поезда Далмацкий В.Е. взял его за левую руку. Еременко из хулиганских побуждений нанес сильный удар кулаком в лицо Далмацкому В.Е., хотя оснований для нанесения удара не было. Далмацкий в результате этого удара упал на пол, из носа у него пошла кровь. Вошедшая в тамбур Красовская А.Р., увидев, что Далмацкий И.Е. помогает подняться с пола Далмацкому В.Е., у которого было окровавлено лицо, а Еременко, стоя в угрожающей позе около двери, ведущей на переходную площадку переднего по ходу поезда вагона, выражается нецензурными словами в адрес Далмацких, водворила разбушевавшегося хулигана Еременко в вагон, попросила Далмацких не ссориться, дала свой носовой платок Далмацкому В.Е. вытереть с лица кровь и вошла в вагон, направившись к Иванову И.Н. и Еременко А.В., стоявшим около указанной компании».

Прервем на минуту чтение этого документа, пусть не очень литературно, но предельно ясно излагающего с позиций обвинения завязку гибели Игоря Иванова. Нашли ли вы здесь хоть ничтожные признаки хулиганского поведения Ивана Далмацкого? Искать же их абсолютно необходимо. Ведь речь идет о смертной казни человека, обвиняемого в убийстве именно из хулиганских, а не из других побуждений. Искать их необходимо и потому, что антиобщественное лицо хулигана и мотивы его поведения проявляются не только в предательском ударе ножом, но и в предшествующих ему многих других волевых актах, по которым мы можем судить о склонности личности к грубому нарушению общественного порядка и к проявлению явного неуважения к обществу, без чего нет хулиганских мотивов и самого хулиганства. Вернемся к фактам.

Следователь установил, что разбушевавшимся хулиганом был вовсе не Иван Далмацкий, а товарищ погибшего Иванова - ныне подсудимый - Александр Еременко. Это он без всяких поводов со стороны 17-летнего Владимира Далмацкого, брата подсудимого, исколотил Владимира, свалил его на пол и разбил ему лицо в кровь. Это он, Еременко, стоя в угрожающей позе, то есть готовый возобновить нападение, оскорблял братьев Далмацких отборной нецензурной бранью. Можно ли придумать лучший повод для старшего Далмацкого, если бы он был хулиганом, продолжать драку? Но Иван и не помышлял ни о мести за избитого брата, ни о ссоре с кем-либо. Как пишет следователь, он лишь помог подняться сбитому с ног брату и больше решительно ничего не делал. Хулиган редко обходится без площадной брани, без нецензурных слов, что в данном частном случае и проявилось в поведении

Еременко, но отнюдь не Далмацкого. Ведь, как говорила Красовская, Еременко вылил на Далмацких ушат сквернословия, а Иван и рта не раскрыл.

Вспомните другие показания той же Красовской. Она утверждает, что со стороны Далмацких не было проявлено ничего плохого. Ни оскорбительных, ни тем более нецензурных слов никто из них не произнес. Больше того, допрошенные Павлов и другие пассажиры вагона говорили, что Далмацкие вели себя в тамбуре столь спокойно, что они, пассажиры, вообще не подозревали о пребывании там кого-либо. Итак, Иван Далмацкий с братом Владимиром тихо* и мирно возвращались домой в Ленинград, не подозревая, какая страшная беда нависла над ними. Однако вернемся опять для беспристрастности к обвинительному заключению, тем более что оно - исходная база для выводов моих оппонентов.

Мы остановились на третьей странице заключения, где повествуется о том, как Красовская выдворила из тамбура в вагон исступленного Еременко и сама вернулась туда же к своим спутникам. Читаем дальше: «Далмацкий И.Е., имея умысел на убийство, достал из кармана складной нож, раскрыл его и стал угрожающе показывать через смотровое стекло раздвижной двери, что увидела гражданка Красовская. В это же время Иванов и Еременко направились, как видно из показаний последнего, в передние вагоны с целью отыскать своих знакомых. Подошедшая навстречу им Красовская предупредила их о ноже, сказав, чтобы они туда не ходили. Но, несмотря на предупреждение Красовской, Еременко и Иванов направились в тамбур вагона, где находились Далмацкие. В тот момент, когда Иванов открыл правую по ходу поезда раздвижную дверь и хотел

войти в тамбур, находившийся там Далмацкий Иван, осуществляя свой гнусный замысел и видя перед собой человека, которого впервые встретил, совершенно беспричинно, из хулиганских побуждений, нанес смертельный удар ножом в голову Иванову».

Вот вся завязка и горькая развязка в официальном изложении. Позвольте спросить, из каких источников обвинительная власть почерпнула столь неожиданный тезис о гнусном умысле и беспричинном, а значит, по понятию следователя, хулиганском ударе ножом? Таких источников вы нигде не найдете. Когда-то действительно хулиганские проявления определялись как беспричинные действия. Более глубокого заблуждения трудно найти, ибо ни в природе, ни в обществе беспричинных явлений не существует. Иное дело, что мы не всегда способны понять и проследить причинные связи. Но хулиганство, как и любое явление, всегда детерминировано определенными факторами. И, пожалуй, главный из них - это антиобщественная установка личности, формирующаяся подчас задолго до своего объективного проявления. Имеются ли в деле хотя бы малейшие намеки на нечто подобное? Все 36 лет жизни Ивана Далмацкого не были омрачены ничем отрицательным.

Следствием было сделано все, чтобы собрать достоверные сведения о прошлой жизни Далмацкого, в том числе и компрометирующие характеристики. К счастью, их не оказалось. Допрошены почти десяток людей из числа руководителей, сослуживцев и близких знакомых подсудимого. Все они отзывались о Далмацком как об уравновешенном, трудолюбивом и порядочном человеке, как о хорошем семьянине. Один из общественных обвинителей, дабы хоть как-то уязвить этого человека, упрекнул его вступлением во второй

брак. Упрек несерьезный, а в данном случае просто неуместный, так как показано, что Далмацкий разошелся с первой женой по обоюдному желанию.

И даже государственный обвинитель, требуя для Далмацкого исключительного наказания - смертной казни, не мог не признать вслед за обвинительным заключением, что Далмацкий в быту и на работе характеризуется с самой положительной стороны. Но тогда защита с еще большей энергией должна искать объяснения ошибочному обвинению в убийстве по хулиганским мотивам. Если поиск вести в соответствии с требованиями процессуальных законов, в плоскости разбора судебных доказательств, то обвинение выглядит беспочвенным, так как ни следователем, ни при судебном разбирательстве не добыто ни одного доказательственного факта, который прямо или косвенно позволял бы думать, что Далмацкий смертельно ранил Игоря Иванова, желая из хулиганских побуждений лишить его жизни. Откуда взялись все эти суждения о том, что Далмацкий вдруг замыслил убийство и оказался во власти гнусного замысла? Надуманные слова, к тому же опровергнутые самим следователем в его конструкции обвинения. Все, что мы читали в обвинительном заключении, ярко рисует хулиганское поведение не Далмацкого, а совсем другого человека. Поэтому я смею заявить, что по формуле, утвержденной прокуратурой, Далмацкий не виновен, что обвинение его в убийстве из хулиганских побуждений вызвано следственной ошибкой, которая должна быть исправлена здесь в суде вашим приговором.

Должен ли защитник вдаваться в исследование природы следственной ошибки или может ограничиться лишь ее декларацией? Вероятно, бездоказательные

заявления адвоката в любом случае не нужны правосудию. Когда же встает вопрос об ошибке следствия, то есть о ложном восприятии следователем действительности, которое, не будучи раскрытым до конца, может привести к трудно поправимым, а иногда и к необратимо губительным результатам, адвокат не выполнил бы своей профессиональной и общественной задачи, если бы ограничился констатацией ошибки, не объяснив ее происхождения. Как нельзя считать до конца исследованным преступление, не познав его причин, так невозможно оценить и ложность суждения, не вникнув в его внутренние и внешние истоки. Остановлюсь только на одной стороне вопроса, особенно важной и достаточной для объяснения ошибочного юридического диагноза, поставленного следователем. Я начал защитительную речь с указания на накал страстей, на особую эмоциональную атмосферу, в которой велось предварительное следствие. Не успело оно возникнуть, как в прокуратуру по ступил протест собрания жителей городка, где живет отец Игоря Иванова, с требованиями смерти для убийцы. Подобные же требования изложены в документах от имени учащихся. Разве это не давление на следователя, и даже не косвенное, а прямое? Общественное мнение - могучая сила. Но при этом необходимо, по меньшей мере, одно обязательное условие - общественность должна быть объективно проинформирована относительно того, о чем она берется судить. В противном случае неизбежны любые недоразумения. Это исключительно важно помнить, когда расследуется уголовное дело. Закон требует справедливого наказания преступника. Закон не допускает осуждения невиновного. Виновный же

подлежит наказанию только за то, что он сделал в действительности.

Для избежания ошибочного осуждения действующим правом и наукой установлены твердые принципы, соблюдение которых должно гарантировать следствие и суд от ложных выводов. Мы утверждаем презумпцию невиновности, в силу которой только суд вправе высказывать в окончательном виде мнение о виновности подсудимого и о заслуженном им наказании. Законом установлены требования о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. А это означает, что даже тогда, когда обвиняемому угрожает не только казнь, но и незначительное наказание без лишения свободы, то и в таких случаях должно быть тщательно исследовано все, что говорит не только против него, но и опровергает обвинение. Но разве те, кто голосовал за смерть Далмацкого, знали что-либо об обстоятельствах убийства? Конечно, ничего не знали, равно как не знал всего и следователь, не говоря уже о том, что не сказал своего слова суд. Получилось как бы два параллельных расследования. Одно вне-процессуальное, проведенное общими собраниями, не располагавшими не только доказательствами, но хотя бы предварительной информацией органов расследования. Другое - законное расследование, но завершённое под давлением первого. Все это, несомненно, вызвало ненужную нервозность в работе следователя, а она несовместима с объективностью и чревата ошибками.

Закон достаточно широко предусматривает участие общественности в борьбе с преступностью, и думается, что расширение установленных им пределов не принесет пользы правосудию. Я уже упоминал о

корреспонденциях. Статья «Можно ли ударить хулигана?» суду известна. В ней много искажений. Авторы вопреки тому, что выявлено следователем, берут под защиту Еременко и, не зная дела, утверждают о наличии хулиганского мотива убийства. Они допускают нападки на следователя и прокуратуру. Но тогда зачем же гласный суд? Полагаю, что авторы корреспонденции внесли немало сумятицы в формирование общественного мнения. А этого также не должно быть. Судебная хроника - хорошее средство расширения гласности правосудия, но и она не должна вмешиваться в работу следователя и юстиции. Возможно, мне возразят, что следователь не связан мнением собраний и позицией корреспондентов. Да, конечно, один не связан, а другой возьмет и поддастся искушению. Кажется, что в деле Далмацкого, как то ни прискорбно, случилось последнее. В результате же без достаточных, точнее, без всяких доказательств, предъявлено обвинение в преступлении, за которое может быть применена смертная казнь.

Было бы соблазнительно на этом и закончить защиту с просьбой оправдать Далмацкого по п. «б» ст. 102 УК РСФСР. К сожалению, по такому пути пойти нельзя. Ведь Игорь Иванов все же убит, и погиб он от руки Ивана Далмацкого. Поэтому защитник не вправе уклониться от исследования причинной и виновной связей в несчастии, постигшем семью Ивановых.

Далмацкий уверяет, что когда, подняв избитого брата, он увидел, что обидчик возвращается снова, и уже не один, а в компании с другим парнем, то им овладел ужас. Выхватив карманный складной нож, он с криком «не подходи» размахнулся и в слепом страхе ранил в голову Игоря. Похоже ли это на правду? Не только похоже, но, наверное, так и было. Хотя в суд вызвано

свыше 30 свидетелей, но мотивы убийства могут прояснить лишь четыре человека: сам Иван Далмацкий, его партнер по скамье подсудимых Еременко, потерпевший Владимир Далмацкий и свидетель Ангелина Красовская - добрая знакомая Еременко и Игоря.

Показания Ивана Далмацкого я уже приводил. Он настаивает на состоянии необходимой обороны. Соответствует ли это истине? Была ли у Ивана необходимость защищаться? Не было ли здесь хотя бы так называемой мнимой обороны, то есть обороны без реальной опасности? Это также имеет существенное значение, поскольку убийство и при мнимой обороне исключает квалификацию по п. «б» ст. 102 УК. Решение вопроса об обороне невозможно без ответа на вопрос о нападении. Версия Ивана Далмацкого полностью объективно подтверждена. Следователем, как видно из цитированного мною обвинительного заключения, установлено, что братья Далмацкие подвергались неспровоцированному нападению Саши Еременко - молодого боксера первого разряда. Правда, Еременко утверждает, что Владимир Далмацкий взял его за левую руку. Владимир говорит, что он не дотрагивался ни до левой, ни до правой руки. На чьей же стороне правда? Ну, хорошо, пусть Владимир и взял Сашу за руку. Разве это давало последнему право обрушивать на голову Владимира сокрушительный удар, разбивать в кровь лицо, валить его на пол, нецензурно оскорблять обоих братьев? Но Александру Еременко нельзя верить, когда он выдвигает и столь пустяковый повод для оправдания своего зверства. Он просто изворачивается. Вы, конечно, запомнили, как еще 2 мая Еременко пытался обмануть следователя и выдумал лживую историю о нападении на него и Иванова двух Далмацких, из которых один -

старший, то есть Иван, ранил в голову Игоря, а его, Еременко, - в руку. Под влиянием фактов Еременко впоследствии признал фальшивость первоначального показания и придумал новую историю с прикосновением Владимира к его левой руке. Нет, Еременко верить опасно, тем более что и процессуально он не свидетель, а обвиняемый, чьи показания всегда требуют особой тщательной проверки.

Итак, первый этап реального нападения Еременко на Далмацких не вызвал сомнения у следователя, который предъявил Еременко обвинение в злостном хулиганстве.

Наступил второй этап: Еременко снова направился к своей жертве, теперь вдвоем с Игорем Ивановым. Правда, он отрицает умысел на новое нападение. Он сказал, что пошел не драться, а разыскивать по вагонам участников выпивки у Семашко. Довольно странное объяснение. Почему их надо было искать в случайном поезде, а не на квартирах или на улицах Петродворца? Он утверждает, что Иванов ничего не знал об избиении Владимира Далмацкого. Вот его подлинные слова в суде: «Когда я подошел к Игорю, то не сказал, что в тамбуре я ударил Владимира Далмацкого, я даже забыл об этом». Надо быть безнадежно испорченным лицемером, лгуном или предельно пьяным, чтобы покалечить человека и сразу же забыть столь постыдный и злобный поступок. Пойдем на самое крайнее - согласимся, в конце концов, что он, Еременко, все забыл. Но Иван Далмацкий ничего не забыл. Такой человек, как Саша Еременко, не прояснит дела. Кроме того, остается еще другой источник познания истины, источник, безусловно, заслуживающий доверия и внимания, - это показания свидетеля Ангелины Красовской. Ей незачем выгораживать Далмацких. Она их

не знает. Красовская, несомненно, симпатизировала Еременко, но и ради его спасения она не поступилась совестью.

По мнению обвинителей, Иван Далмацкий жаждал крови и размахивал ножом перед стеклом двери в тамбур. Ангелина же Красовская говорит, что по виду Далмацкого, размахивавшего ножом, было ясно, что он не желал, чтобы к нему подходили. Первое суждение, исходящее от обвинителей, достаточно наивно. Если бы Иван Далмацкий, мстя за брата, хотел нанести ножевое ранение обидчику или его приятелю, вряд ли он стал бы предупреждать их, размахивая ножом. Оценка же поведения Ивана Далмацкого, сделанная Ангелиной Красовской, вполне разумна. Обратите внимание: приближался вновь к тамбуру не случайный прохожий, но личность, ставшая Далмацкому хорошо известной и правомерно внушавшая ему страх.

С оборонительной точки зрения, избитый Владимир уже не помощь для Ивана. Иван остался один, а силач и дебошир возвращается снова, да еще с компаньоном. Иван не знал, кто он такой. Для него Игорь был лишь напарником Саши, а кто такой Саша - Иван уже отлично себе уяснил. Не забудьте, что и пассажиры вагона Пироженко и Сидоренко еще на предварительном следствии удостоверили, что как Иванов, так и Еременко были порядком нетрезвы. Так чего же хорошего мог ожидать от их прихода в тамбур Иван Далмацкий? Естественно, что он угрожал ножом, чтобы отпугнуть нападавших, а не для вызова на хулиганский бой.

Уважаемые обвинители, увлеченные односторонней версией о хулиганских побуждениях, якобы руководивших Иваном Далмацким, настаивают на том,

будто ему ничто не угрожало. Допустим. Поверим, что Еременко и Иванов шли в тамбур с миссией доброй воли. Но откуда об этом мог знать Далмацкий? Ведь, избив в первый свой заход Владимира Далмацкого, Еременко, как помните из рассказа Красовской, отнюдь не был склонен извиниться или хотя бы считать инцидент исчерпанным. Так почему же Иван Далмацкий должен был поверить во внезапное перерождение этого человека, особенно после того, как тот укрепил свою позицию привлечением дополнительной силы в лице Иванова? Но самое, пожалуй, страшное то, что Еременко и Иванов все-таки действительно шли драться. Вот что мы узнали на этот счет от Красовской, допрошенной одной из первых в прокуратуре. В томе первом дела на листах 136, 137 и 152 имеются следующие протокольные записи ее показаний: «Я поняла, что Иванов и Еременко будут драться с Далмацкими. Иванов пошел вперед, Еременко сзади. Я не хотела смотреть драку, поэтому вслед за Еременко и Ивановым в тамбур, где находились Далмацкие, не пошла». И далее: «Я не люблю смотреть, как дерутся». Вы, граждане судьи, по существу этой записи также допрашивали Красовскую, и она в этом зале повторила то же самое.

Нужно и можно считать вполне доказанным, что опьяневший Еременко затеял злую потеху и вовлек в нее Игоря на погибель последнего. Не случайно поэтому и государственный обвинитель справедливо, но безуспешно пытался разбудить Сашину совесть, призывая его согласиться, что моральная ответственность за смерть Игоря Иванова при всех обстоятельствах остается на нем, Саше Еременко, заботливо оберегаемом почтенными корреспондентами. Древние мастера слова учили, что, кто много доказывает,

тот ничего не докажет. Судебный защитник не вправе пренебрегать ни одним доказательством, проясняющим невиновность или меньшую виновность подсудимого. Следователь и обвинители, чтобы доказать хулиганский характер ранения Игоря Иванова, ссылались на то, что Иван Далмацкий раньше Иванова не знал, что применение ножа было вероломным и для Иванова неожиданным. А ведь и это совсем не так. Приведу дополнительные доказательства. Мы слышали от Красовской, что, возвратясь из тамбура в вагон, после оказания первой помощи избитому Владимиру Далмацкому, она подошла к Еременко и Иванову, отозвала их в сторону и предупредила того и другого, что у Ивана Далмацкого есть нож. Больше того, она упрашивала обоих молодых людей не ходить в тамбур, указывая на опасность. Но уговоры привели к совершенно обратному эффекту - Еременко ей ответил: «Пустяки, я его ударил левой рукой, а если ударю правой - будет хуже». Успокаивал Красовскую и Игорь Иванов, заверил, что «все будет хорошо». Красовская, видя, что Еременко и Иванов не внемлют ее доводам и рвутся драться в тамбур, загородила собой проход, но они ее оттолкнули и все-таки двинулись к Далмацким. Абсолютно то же самое Красовская показывала и следователю, в чем легко убедиться из протокола ее допроса на листе 152 первого тома дела.

Иван Далмацкий стоял в тамбуре, видел борьбу между Красовской и ее приятелями. Возможно, что он слышал глупую похвальбу Еременко и во всяком случае отлично сознавал, что могут натворить кулаки боксера. И когда Иванов и Еременко, оттолкнув Красовскую, ворвались в тамбур, для Ивана Далмацкого наступило то

самое положение, которое дает право на необходимую оборону.

Обвинители, чтобы опровергнуть тезис об убийстве при обороне, пусть с превышением ее необходимых пределов, ссылаются на то, что, видите ли, не было элементов внезапного нападения, что Иванов ничего плохого Далмацкому не делал. Так по закону вовсе и не требуется для признания необходимой обороны элемента внезапности. Пленум Верховного Суда в известном постановлении от 23 октября 1956 года указал, что «состояние необходимой обороны наступает не только в момент нападения, но и в тех случаях, когда налицо реальная угроза нападения». Какой еще, разрешите спросить, реальности обязан был дожидаться Иван Далмацкий? В тамбуре около него едва живой брат Владимир. К тамбуру рвутся, отталкивая Красовскую, подвыпившие парни, ухарский нрав одного из коих испытан уже достаточно реально. Не хочу думать плохо об Игоре Иванове. Но Далмацкий так думать мог. У него были все основания считать Иванова соратником Еременко в начатом нападении, как это считала и Красовская. И если даже Далмацкий ошибался, то в данном случае, как указал тот же Пленум Верховного Суда, наступает состояние мнимой обороны, не имеющей ничего даже отдаленно общего с хулиганскими побуждениями. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что Далмацкий причинил ножевое ранение Иванову, находясь в состоянии обороны.

Превысил ли Далмацкий пределы дозволенной законом обороны, подлежит ли он уголовной ответственности? Вопрос не простой. Он решается в зависимости от того, должен ли был Иван Далмацкий терпеливо выжидать, пока с ним не расправятся так, как

несколькими минутами раньше расправились с его братом Владимиром. Очевидно, что было бы несправедливым предъявить такое требование к Далмацкому. Не могли он обратиться в бегство, допустим, в следующий вагон, оставив на произвол судьбы и на милость нападавших неспособного к самозащите Владимира? Не говоря уже об аморальности подобного поведения, спасительное бегство исключалось по той причине, что входная дверь в следующий вагон не открывалась. Это единогласно подтвердили свидетели - проводники поезда. Была еще одна возможность - прыгнуть на ходу поезда под откос, но и это почти верная смерть и предательство беззащитного Владимира. Наконец, можно было как будто прорваться внутрь вагона. Но ведь там у самого входа стоят Еременко и Иванов, соприкосновения с которыми больше всего и страшился Далмацкий. Оставалось одно - защищаться, не выходя из тамбура. Как - это уже другой вопрос. Вряд ли с голыми руками Далмацкий один против двух мог надеяться на успех. Не исключено, что в данной обстановке позволительно было воспользоваться любым средством отражения, включая карманный нож. Однако от нанесения смертельного удара, по крайней мере на этом этапе обороны, следовало удержаться. Далмацкий мог для приведения в чувство нападавших ограничиться нанесением менее серьезного ранения в любую неопасную для жизни часть тела. Нет спора, что в создавшейся обстановке рассуждать и думать было не так просто. Предельно, в чем можно обвинить Ивана Далмацкого, причем со смягчающими обстоятельствами, это в убийстве при превышении пределов необходимой обороны, т.е. по ст. 105-й УК. Предложенная квалификация не требует обязательного лишения

свободы. Если вы учтете все особенности обстановки, при которой Далмацкому пришлось защищать себя и брата, но не найдете возможным согласиться с его объяснениями о необходимой обороне, то, даже признав превышение ее законных пределов, я надеюсь, что вы не станете лишать Далмацкого свободы.

Киселев Я.С. Речь в защиту Бердникова

Товарищи судьи!

Я должен покаяться - слишком много мы, стороны, вносили горячности в допрос подсудимого и потерпевшей. Временами в судебном заседании бушевали страсти. Барометр показывал бурю.

Но в этом повинны не столько мы, сколько само дело. По нему невозможно вынести приговор, который в какой-то степени удовлетворял бы обе стороны, нельзя прийти к выводу: в чем-то право обвинение, а кое в чем права защита. Нет, одно из двух: или подсудимый - человек без совести и чести, он цинично преследовал потерпевшую, а теперь так же цинично клеветает на нее, или потерпевшая, которая отнюдь не потерпевшая, цинично обманывала честного и прямодушного человека, а когда обман должен был раскрыться, она, чтобы помешать этому, возводит ложное обвинение. Или или! Третьего не дано.

Приступая к судебному следствию, каждая из сторон не только считала свою точку зрения единственно

возможной, но любую иную рассматривала едва ли не как посягательство на истину. Но вот закончено судебное следствие. Все доказательства рассмотрены, исследованы, проверены. Не осталось ничего невыясненного или сомнительного. Все стало на свои места. А позиции сторон? Кое-что изменилось, но в основном они остались прежними. Спор продолжается. Но теперь уже нет места для страстей. В действие должен вступить точный, беспристрастный, выверенный анализ.

Наше дело должно было пройти сложный и трудный путь. Да и как могло быть иначе? Следствие еще не было закончено, не были получены последние объяснения обвиняемого, шел еще допрос свидетелей и никто, разумеется, не знал, что они покажут, а обвинение против Сергея Тимофеевича Бердникова было уже признано установленным и доказанным. Признано путем, для которого в законе нет основания, путем несправедливым, вызывающим острое чувство протеста. За неделю до окончания следствия появился в газете тот самый фельетон «Чубаровец в конторке мастера», который приобщен к делу. В фельетоне как о чем-то совершенно достоверном доводится до общего сведения о преступлении Бердникова: 54-летний селадон понуждал к сожительству молодую, светящуюся нежным розовым светом невинности Наталию Туркину, попавшую на свою беду в зависимость от Бердникова.

Выступление печати! Оно, естественно, воспринимается как выражение общественного мнения. С вниманием и уважением мы относимся к нему. Тысячами читателей фельетон был воспринят как полное и верное отражение действительности. Вина Бердникова считалась доказанной еще до того, как дело пришло в суд.

Да, суд независим. Фельетон не может предрешить приговор. Все это самоочевидно. Но ведь не существует такого барьера, да и не нужен он, который отгораживал бы суд от общественного мнения, выраженного в печати. Не обинуясь, можно сказать, что появление фельетона потребовало от суда дополнительных усилий для того, чтобы подойти к делу непредвзято, чтобы освободиться от воздействия навязываемой точки зрения. Не сомневаюсь, суд с этим справился и справится. Но это не значит, что работа суда не была затруднена. В гораздо большей степени фельетон затруднил работу следователя. Следователь поторопился, надеюсь, теперь это уже очевидно, передавая материалы фельетонисту. Фельетонист поторопился с опубликованием своего опуса. И вот началось то, что психологи называют индукцией: сначала следователь вдохновил фельетониста, а затем фельетонист стал вдохновлять следователя. В самом деле, допустим, что после появления фельетона Бердников представил следствию убедительные доказательства своей невиновности. В какое положение поставил себя следователь? Что ему делать? Прекратить дело? Казалось бы, единственное, что нужно сделать! А как быть с фельетоном? Материал-то давал он, следователь. Значит, нужно признать, что ввел в заблуждение общественное мнение, зря очернил честного человека. Нужно! Но... сколько «но» расставил на своем пути следователь. Впрочем, от этих «но» можно и избавиться. Для этого надобно только одно: верить! Верить, несмотря ни на что, верить вопреки всему, верить, пренебрегая доказательствами, что Бердников виноват. Ведь если с ходу отвергнуть все доводы Бердникова, как бы они ни были убедительны, то

тогда окажется, что фельетон, хотя и ставит в трудное положение, но только Бердникова, а не следователя.

Я не случайно начал с покаяния в горячности. Если страсти и разгорались, то не в малой степени повинен в этом злополучный фельетон. Фельетон приобщен следователем к делу. Зачем? Как доказательство? Фельетон им служить не может. Приобщен как мнение сведущего лица? И это невозможно, если следовать закону. Для чего же приобщен фельетон? Неужели для эдакого деликатного предупреждения судьям: «Вы, конечно, свободны вынести любой приговор, но учтите, общественное мнение уже выражено»? Нет, не могу я допустить, что обвинительная власть пыталась таким путем воздействовать на суд. Так для чего же приобщен фельетон? Неизвестно. Хорошо было бы, объясни нам это прокурор в реплике. Справедливости ради нужно отметить, что в обвинительной речи ни слова не было о фельетоне. Светлый облик Наталии Федоровны Туркиной, так любовно выписанный фельетонистом, настолько потускнел, что о фельетоне было неловко и вспоминать. Хотя облик Туркиной и претерпел изменения, все же ее показания по-прежнему, по мнению прокурора, остаются основой обвинения.

Что же, попытаемся проверить эти показания.

Суд их помнит, и если я позволю что-то повторить, то только потому, что теперь, когда все материалы дела проверены, легко обнаружить в показаниях Туркиной то, что раньше ускользало от внимания.

Наталия Федоровна Туркина, только что предупрежденная об ответственности за дачу ложных показаний, начала с заявления: «Я буду показывать только правду». Никто еще в этом не усомнился, а

Туркина торопится рассеять сомнения. Но не будем к этому придираться, отнесем это за счет того, что, как только речь заходит об ее правдивости, Наталия Федоровна становится особо чувствительной и щепетильной.

Но вот уже следующая фраза, дополнившая декларацию о правдивости, заслуживает особого внимания. Туркина возвестила: «Я не питаю никакого зла к Бердникову». Это звучит как едва прикрытая просьба о доверии - не питает зла, значит, не станет возводить ложное обвинение. И я, как защитник Бердникова, готов повторить вслед за Туркиной - верно, не питает она зла к подсудимому.

Стоит призадуматься, как могло случиться, что жертва не питает зла к обидчику? Бердников, если верить Туркиной, посягал на ее женскую честь, преследовал ее, ставил в невыносимое положение, позорил ее и клеветал на нее, словом, причинил ей из самых гнусных побуждений столько зла. Как же могло все это не возмутить ее? Вчуже пылаешь гневом против Бердникова, когда слышишь, как он издевался над беззащитной Туркиной. Как же ей, униженной и оскорбленной, не питать зла к нему?

Нет, если правда то, что Туркина показывала о Бердникове, то она говорит неправду, заявляя, что не питает к нему зла. Или, если говорит правду, что не имеет против него зла, то неправда все то, что она наговорила на Бердникова.

Не будем излишне строги к Туркиной. Может быть, первые неудачные фразы в ее показаниях объясняются волнением, таким понятным. Проверим, какова суть ее показаний.

Наталия Федоровна, сообщив суду, что она правдива и очищена от злых чувств, перешла к изложению фактов. Она показала, что была принята на завод по рекомендации и настоянию Бердникова. Эти показания ее верны. Она показывала, что Бердников, мастер, начальник смены, сам обучал ее токарному делу. И эти показания ее верны. Она показала, что бывали случаи, когда Бердников, хотя небольшую, но часть работы за нее делал, чтобы она выполнила норму. И эти показания ее верны.

Итак, ее показания о том, что Бердников внимательно и заботливо относился к ней несколько первых месяцев ее работы на заводе, полностью соответствуют действительности.

Туркина старательно работала, и это подтверждается. Следовательно, не было никаких деловых причин к тому, чтобы мастер изменил к худшему отношение к добросовестной работнице. А отношения изменились. И очень резко. Бердников не то, что стал безразличен к той, к кому он был так заботлив, он стал враждебен, открыто, не скрываясь, враждебен. Туркина показывала: Бердников придирчиво выискивал брак в ее работе. И это подтвердилось. Туркина показывала: Бердников выживал ее с завода. И это подтвердилось. Начальник цеха, свидетель Свиридов, припомнил: когда он пытался образумить Бердникова и убедить его быть справедливым к Туркиной, Бердников раскрыл свой замысел: «Гнать ее нужно с завода, гнать!»

Но почему «нужно гнать», не сказал.

Сами эти факты, о которых говорит Туркина, достаточно впечатляющи. И легко может показаться, что то объяснение, которое она дает этим фактам, похоже на

правду. Наталия Федоровна, видя заботу и внимание мастера, была убеждена, что он все это делает, так сказать, по зову совести. Но как она ошиблась! Оказывается, Бердников расставлял силки, он надеялся склонить ее к сожительству. Действовал он осторожно, ничем не возбуждая ее подозрений. По простоте душевной она поделилась с Бердниковым своей радостью: муж, который свыше года был в отсутствии, приехал к ней. И тут-то Бердников, сообразив, что рушится все то, что он так коварно и так тщательно готовил, потребовал грубо и цинично: «Сожительствуй со мной!» Потребовал угрожая и запугивая. И только тогда открылись глаза у Наталии Федоровны. Это было для нее катастрофой. Так гибнет вера в человека. А когда возмущенная до глубины души Наталия Федоровна отвергла циничное предложение Бердникова, он стал выживать ее с завода.

И чтобы подтвердить и эту часть своих показаний, Наталия Федоровна еще на следствии предъявила записку Бердникова. Ярость лишила его осторожности, он, разоблачая себя, написал: «В последний раз говорю, не хочешь добром, заставлю».

Все в показаниях Туркиной как будто убеждает, все как будто свидетельствует о вине Бердникова. И все же... В суде нет ничего опаснее полуправды. Ложь полная и законченная, ее нетрудно обнаружить. Полуправда неизмеримо труднее разоблачается. В полуправду вкраплены фактик, другой, а то и третий, каждый из них чем-то подтвержден, - вот и возникает нечто вроде психологической экстраполяции. Часть фактов верна, значит, и другая верна. А это вовсе не так.

Судебное следствие, проведенное так, что в значительной мере была выполнена работа, которую надлежало проделать следователю, дает нам право утверждать: показания Туркиной есть та полуправда, что на самом деле является только оболочкой для лжи. Для оценки показаний Туркиной самым важным, как это нередко бывает, оказывается не то, что в них есть, а то, чего в них нет, то, о чем предпочла умолчать Туркина.

В апреле этого года вернулся к Туркиной ее законный супруг, Александр Туркин. До его приезда чистая и наивная Наталия Федоровна и не подозревала о злом умысле Бердникова. Запомним это. А запомнив, постараемся разобраться, почему Туркина рассказ о своих отношениях с Бердниковым начинает с октября прошлого года, то есть с того времени, когда она пришла на завод. Почему начинает с октября? Разве задолго до начала ее работы на заводе не возникли, развились и окрепли ее отношения с Бердниковым? Об этих своих отношениях не только в трех своих показаниях на следствии, но и здесь, в суде, Туркина не промолвила ни слова до тех пор, пока в результате допроса у нее не была отнята возможность их отрицать. Что же было в этих отношениях такого, что побуждало Наталию Федоровну так старательно скрывать их?

Спрашивая так, не ставлю ли я, по известному присловью, телегу впереди коня? Не доказав еще, что были какие-то особые отношения, связывающие Бердникова и Туркину, я позволяю себе утверждать, что она их скрывает. Есть ли к тому доказательства?

Можно ли считать таким доказательством показания Бердникова? Он утверждал и утверждает, что Туркина с ним сожительствовала задолго до ее поступления на

завод, когда не могло быть и речи о какой бы то ни было служебной зависимости. Но Бердников - подсудимый и, конечно, понимает, что для его оправдания необходимо вызвать недоверие к показаниям Туркиной.

Есть еще одно обстоятельство, которое, на первый взгляд, ослабляет доказательственное значение показаний Бердникова. На вопрос следователя Бердников показал, что никаких доказательств, подтверждающих его заявление о близости с Туркиной, он представить не может.

Следователь счел его заявление клеветой, вызванной стремлением снять с себя ответственность.

Следователя можно было бы понять, если бы он, прежде чем решить вопрос, кому верить, Бердникову или Туркиной, сделал бы все необходимое, чтобы разобраться в подлинном облике их обоих. Но даже намек на такую попытку в деле не найдешь. Поэтому и пришлось нам в суде так много заниматься тем, что надлежало сделать на предварительном следствии.

Клеветает ли Бердников? Чтобы обоснованно ответить на это, нужно присмотреться, и внимательно, к Наталии Федоровне Туркиной.

По показаниям Туркиной, она немногим более года назад приехала из Пскова к своей матери. Что делала, где и как трудилась Наталия Федоровна в Пскове? На следствии она об этом умолчала. Но в суде Туркина все же была спрошена, на какие средства она жила в Пскове? Товарищи судьи, вы помните ее ответ: «Жила на средства мужа». Отвечая, Наталия Федоровна не знала или не помнила, что по запросу суда получена копия приговора, которым осужден ее муж. Не буду упрекать ее за то, что она говорила неправду о муже. Свидетельница

Варкушева показала, что Туркина ей жаловалась: муж ее, электромонтер, погиб на трудовом посту, в аварии. Так Туркина рассказывала пригорюнясь и свидетелю Прохорову. Наталию Федоровну можно по-человечески понять: не очень приятно разглашать, что муж отбывает наказание. Но есть одно обстоятельство, характеризующее Туркину значительно острее, чем ложь о муже. Когда Туркину спросили, зачем она живого мужа записывала в покойники, она без тени смущения, мгновенно найдясь, парировала обвинение во лжи: «Что из того, что он жив? Для меня он был мертв». Стыдно лгать, но проявлять такую «находчивость», когда уличена во лжи, пожалуй, еще стыднее!

Итак, выяснилось, в Пскове супруги Туркины жили на средства главы семьи - Александра Туркина. Из приговора видно, что Туркин в течение полутора лет совершил 14 краж. Совершал он их аккуратно, осмотрительно, долго не попадаясь, и совершал их вроде как по расписанию, примерно по одной краже в месяц. И любящие супруги, Наталия и Александр Туркины, жили на уворованное. Все это и называла Наталия Федоровна «жить на средства мужа». Жила, расходовала украденные деньги так, чтобы их хватило до следующей кражи, и ничего - не возражала.

Позволю себе выразить уверенность, что если бы следователь знал то, что узвано на суде, то Наталии Федоровне не было бы оказано столь широкое доверие, и при решении вопроса, кто из двоих говорит правду, она или Сергей Тимофеевич Бердников, вопрос не был бы столь категорически решен в пользу Туркиной.

Но, может быть, в Пскове Наталия Федоровна была под тлетворным влиянием своего супруга, а приехав в

Ленинград, она сбросила груз прошлого и обновилась душой? Проверим, что же она делала в Ленинграде.

Следователю она сообщила, не вдаваясь в излишние подробности: сначала работала на кондитерской фабрике, а затем перешла работать на завод, где трудился Бердников. Никакой проверкой показаний Туркиной следователь и не стал заниматься, разве можно оскорблять ее недоверием?! А судом была запрошена справка с кондитерской фабрики, и выяснилось: снова сказала неправду Наталия Федоровна. Между ее работой на фабрике и поступлением на завод был перерыв в восемь месяцев, и эти восемь месяцев нигде не работала. На какие же средства жила она?

Теперь мы это уже знаем. Наталия Федоровна рассказала, что на кондитерской фабрике ее зарплата была невелика. Это Туркину не устраивало. Мать Наталии Федоровны, вспомнив, что знала жену Бердникова, умершую несколько лет назад, и надоумила дочь: Бердников живет один в двухкомнатной квартире, порядка ему, разумеется, в ней не навести, пусть Наталия сходит к нему, предложит убирать квартиру. Хоть небольшой, все же приработок. Как сказала старушка-мать, так и сделала послушная дочка. Бердников сначала отказался от ее услуг, но затем согласился. Так стала Наталия Федоровна убирать квартиру одинокого Бердникова. Ничего больше!

Только убирать. Работодатель и работница - все отношения. «И пусть будет стыдно тому, кто плохо думает», как говорят французы. И так убирала все те восемь месяцев, которые не работала, и платы за уборку квартиры хватало на жизнь Наталии Федоровне. Честным

трудом зарабатывала на жизнь. Похвально. Почему же стала это скрывать?

Да, Бердников ответил на следствии, что он не может представить доказательств близости, возникшей между ним и Туркиной, но едва ли нужно было следователю удовольствоваться этим ответом. Сергей Тимофеевич Бердников - пожилой человек, совершенно не искушенный в вопросах права, потрясенный позорным обвинением, на него возведенным, растерянный и вместе с тем полный понятной ярости, разве мог он без посторонней помощи разобраться в том, что может или не может служить доказательством? Ведь он и слыхом не слыхивал, что существуют прямые и косвенные доказательства и что значение последних может быть не меньше, чем прямых.

Разве мог он знать, какие обстоятельства могут стать косвенными доказательствами? Разве не было обязанностью следователя, стремящегося к отысканию правды, помочь Бердникову в спокойной и неторопливой, не омраченной недоверчивостью беседе, именно беседе, а не допросе, выяснить, нет ли чего-либо такого, что Бердникову и не кажется доказательством, а в самом деле доказывает правдивость заявления Бердникова о его отношениях с Туркиной? Выполни правильно свой долг следователь, и доказательства выявились бы, как выявились они в суде!

Выявились с такой убедительностью, что прокурор в обвинительной речи признал: да, в этой части Наталия Федоровна солгать изволила, она действительно была в интимных отношениях с Бердниковым задолго до ее поступления на завод. Прокурор признал доказанным, что Туркина оставила работу на конфетной фабрике,

предпочитая жить, ничего не делая, за счет Бердникова. Не признать интимных связей между Бердниковым и Туркиной, сколько бы она это ни отрицала, было невозможно после показаний свидетельницы Екатерининской, допрошенной впервые только в суде. Свидетельница владеет домом в Ольгино, это у нее в доме в августе прошлого года снимали на месяц комнату Бердников и Туркина. Жили они в одной комнате, рекомендовались как муж и жена, вели общее хозяйство.

Ложь Туркиной, отрицавшей близкие отношения с Бердниковым, была разоблачена.

Эти близкие отношения прокурор считал аморальными и в них в первую очередь винил Бердникова. Эти отношения действительно аморальны, но по чьей вине, к кому следует обратить упрек?

Да, верно, между Бердниковым и Туркиной большая разница в возрасте: 54 года и 31. И нет в Бердникове ничего такого, что могло бы привлечь к нему молодую и милостивую женщину. Угрюм и мрачноват Сергей Тимофеевич. Да и как ему быть другим? Безрадостными были последние, перед встречей с Туркиной, годы его жизни. Еще семь лет тому назад все хорошо было у Бердникова. С женой жил душа в душу. Двумя своими сыновьями гордился. И внезапно, когда ничего не предвещало грозы, врачи обнаружили у жены Сергея Тимофеевича неизлечимую и быстро развивающуюся опухоль в мозгу. Операция и смерть на операционном столе. Вскоре старший сын ушел в армию и остался на сверхсрочной. А младший сын женился и перешел в семью жены. И стал дом Бердникова домом Бердникова, опустевшим, затихшим и бесприютным. Остался Бердников один, и это в 47 лет. Сил еще много, а они

только тяготят. Одни люди борются с горем, не дают ему взять верх над собой. А другие без борьбы смиряются с ним. И горе хозяином расселяется в доме. И жизнь становится хмурой и тягостной. И чем дальше, тем все более хмурой и тягостной. Бердников, человек по натуре сильный, оказался немощным перед горем.

Вы слышали отзывы свидетелей Варкушевой, Сергеенко, Прохорова. Если где и жил Бердников, то только на работе. Но и там замечали, что он становится все более угрюмым, ушедшим в себя. Ровен, справедлив, но людей вроде как сторонился: не то не хотел их омрачать своим горем, не то опасался, как бы не начали они проявлять к нему жалость.

Трудно так жить из года в год. Но ничего не делал Сергей Тимофеевич, чтобы изменить свою жизнь. Тащились медленно и безрадостно дни. И привык к этому, но и тяготился. Таким застала его Туркина.

В первых же своих показаниях она, верная своей манере оспаривать обвинение, которое еще никто не выдвигал, стала заверять: «Завлекать Бердникова - не завлекала».

Так ли это? Вспомним еще раз выдумку Наталии Федоровны о смерти своего мужа. Не спорю, не так уж проницательна и тонка Туркина, чтобы разобраться сразу же в душевном состоянии Бердникова, но в житейской хватке и смекалке супруге Александра Туркина не откажешь. Она сообразила, что если чем и можно пронять Бердникова, то только одним: сочувствием к горю. Горю, схожему с тем, что выпало на его долю. Бердников всенепременно посочувствует, так сказать, «сестре по несчастью». И, не затрудняя себя разными моральными запретами, «открылась» Бердникову: горе у

нее горькое, молодого мужа схоронила, вдовствует, бедняжка!

«Завлекать - не завлекала», избави боже, но выдумать, что она вдова и во вдовстве своем в утешении нуждается, - выдумала!

Но разве это единственная, говоря мягко, выдумка Наталии Федоровны, сочиненная для того, чтобы растрогать Бердникова? А насквозь лживый рассказ о том, что ее мать больна, за ней нужен уход, и мечется бедная Наталия Федоровна: на фабрику пойдет - мать нельзя одну оставить, дома останется - кормить мать не на что будет. А в судебном следствии установлено: мать здорова и непрерывно работала на «Красном треугольнике».

Неплохо придумала Наталия Федоровна! И не только потому, что выдумка открывала для нее кошелек Бердникова, Неплохо придумала и потому, что женским чутьем своим угадала: крепче всего привяжет к себе Бердникова, если он почувствует себя нужным ей. Закостеневшему в своем одиночестве Сергею Тимофеевичу было так внове и вместе с тем так радостно чувствовать себя кому-то нужным, сознавать, что может кого-то радовать, облегчать жизнь. Быть нужным Туркиной стало для Бердникова потребностью, которая росла с каждым днем. Он-то считал, что необходим ей, а на самом деле мало-помалу Туркина делалась необходимой ему, как бы снова обретшему жизнь.

Говоря так, не забываю ли я, что Бердников почти вдвое старше Туркиной, что за его плечами большая жизнь? Неужели можно допустить, что Туркина водила его вокруг пальца, а он так ничего и не замечал?

Ошибочно было бы думать, что существует прямая пропорция между возрастом и умением разбираться в людях, между возрастом и способностью распознать ложь и лицемерие, во что бы они ни рядились. Бердникова жизнь не баловала, но от встреч с дурными людьми долго оберегала. Он остался прямодушным и бесхитростным. А такие всегда доверчивы. Боюсь, что это прозвучит сентиментально, но ничего не поделаешь, такова правда: в пожилом, много пережившем Бердникове осталось немало наивного. Достаточно, чтобы поддаться обману.

Вот как случилось, что он поверил Туркиной. И больно, и горько, и унижительно было Бердникову здесь в суде рассказывать, в какое нелепое и смешное положение попал он: на пороге старости он, как мальчишка, поверил в то, во что нельзя было поверить. Туркина, лукавая и хитрая, плела небылицы, и он сочувствовал ей и от всего сердца стремился помочь. Она «поверяла» ему, как тяжело она переносит смерть мужа, и он верил ей. Она «поверяла» ему, что ей в ее состоянии больше всего нужна верная и надежная мужская рука, которая защитила бы от бед и напастей, и Бердников верил ей. Туркина стыдливо «призналась», что она стосковалась по покою, по уверенности в завтрашнем дне, по всему тому, что ей может дать только он один, Бердников, ее единственный друг и покровитель. Бердников и в это поверил.

Так постепенно вкралась Наталия Федоровна в доверие, а затем и в сердце Бердникова. И когда они стали близки, то для Туркиной это была, как бы помягче сказать, деловая сделка, а для Бердникова вновь обретенная семейная жизнь.

Нет, не было оснований у прокурора упрекать Бердникова в аморальности. Сергей Тимофеевич не «брал на содержание» Туркину. Сергей Тимофеевич не из тех людей, которые легко привязываются. Он из тех, кто, почувствовав привязанность и тепло к человеку, распахнет сердце настежь. Иначе не умеет.

В какой-то мере это признается и в обвинительной речи. Но делается из этого неожиданный вывод: Бердников действительно испытывал привязанность к Туркиной. А когда она после приезда мужа прервала отношения с Бердниковым, то он, не желая с этим смириться, стал понуждать ее к сожительству, используя служебную от него зависимость.

Как видите, обвинение значительно изменилось. Но и в изменившемся виде оно образует тот же состав преступления.

Но, проверяя обоснованность этого обвинения, мы не можем не признать, что значительно изменилось и наше отношение к источникам доказательств. Если раньше показания Туркиной воспринимались обвинением как незыблемый оплот истины, как трубный глас правды, то сейчас основывать свои выводы на них было бы по меньшей мере неосторожно.

Мы можем и вправе, в полном соответствии с требованиями закона, придать доказательственное значение объяснениям Бердникова. И не в том только дело, что все то, что он показывал, нашло, как мы убедились, объективное подтверждение. Важно, крайне важно для Сергея Тимофеевича, чтобы он почувствовал, что ему верят, вопреки показаниям Туркиной, верят, отвергая ее показания, верят ему, не доверяя ей. Такое доверие значит сейчас для Бердникова больше, чем даже

вопрос о том, как решится его судьба. Зло, которое причинила ему Туркина, вовсе не исчерпывается тем, что она возвела на него ложное обвинение. Нет, самое большое зло, самую большую обиду принесла ему Туркина до того, как возникло дело, когда о возведении обвинения она еще и не помышляла. И об этом зле, которое причинила Туркина, причинила расчетливо, сознавая размер зла и нисколько этим не смущаясь, я не имею права не сказать.

С октября прошлого года по апрель нынешнего были светлыми месяцы в жизни Бердникова: Наталия Туркина уступила настояниям Бердникова и стала работать. Он не понимал, как может молодая, крепкая женщина нигде не работать. Это было для Сергея Тимофеевича тем более неприятно, что Туркина, уже уверенная в своей власти над Бердниковым, перестала лгать о болезни матери. Туркина пошла навстречу желаниям Бердникова и начала работать на заводе, значит, они будут почти неразлучны.

Туркина оказалась способной к работе и действительно, к чести Наталии Федоровны нужно сказать, увлеклась ею. Не нарадоваться Бердникову на Туркину. Все чаще заходит речь о том, что им нужно съехаться, и Туркина никак не возражает, только то по одной, то по другой причине откладывает переезд. Словом, все безоблачно. 14 апреля приезжает Александр Туркин. Приезд его был неожиданностью. Я не имею никаких оснований брать под сомнение привязанность Туркиной к своему мужу, как нет у меня оснований отвергать его любовь к своей жене. Ведь явно неверно представлять себе, что если Туркин совершал кражи, то он неспособен на подлинное человеческое чувство. И естественно, что, любя свою жену, он не потерпел бы,

чтобы она длила связь с Бердниковым. Это было ясно и Туркиной. И она заметалась. Порвать нужно и сейчас же! Но как это сделать, никак не подготовив Бердникова? Трудное положение: нельзя правду открыть, но и скрывать ее невозможно. Очевидно, в самооправдание она и солгала мужу, что Бердников понуждал ее к сожительству. Солгала, убежденная, что дальше мужа это не пойдет. И, ломая голову, как уладить то, что она своей ложью так усложнила, Туркина решила несколько дней не ходить на работу, авось, что-нибудь за эти дни и придумается. Это было худшим из решений. Бердников, ничего не зная, обеспокоенный ее отсутствием и тем, что никаких вестей о себе не подает, пришел к Туркиной.

Мы видели поведение Туркина на суде, как часто приходилось призывать его к порядку. Можно без труда понять, как вел он себя дома, чувствуя себя оскорбленным в лучших чувствах и видя перед собой оскорбителя.

Даже Туркина вынуждена была признать: «Сергей Тимофеевич ничего мужу не отвечал, стоял и молчал, будто его мешком по голове стукнули». Нет, для Бердникова это было куда чудовищнее и страшнее. Внезапно, когда он менее всего этого ожидал, раскрылось: Туркина лгала, лгала все время, лгала про все. Лгала про мужа, лгала, что хочет связать свою жизнь с Бердниковым, лгала про свои чувства. Но не только бесстыдно его обманывала. Она отдала его добрые чувства, его привязанность к ней, его доверчивость на посмеяние, на поругание. Было от чего Бердникову прийти в отчаяние, и, словно для того, чтобы уже полностью залить душу Бердникова горечью, Туркина согласилась, только подумать, согласилась исполнить то, что говорил Александр Туркин: «Гони его,

гони, чтобы я слышал», - требовал Туркин. И Туркина это сделала!

Рассказывать об этом и то очень тягостно. Что же должен был почувствовать Сергей Тимофеевич! Какая боль, мука и стыд жгли его! И ни с кого не спросишь. Только с себя. И горькой, все обостряющейся мукой стали для него каждодневные встречи на заводе с Туркиной.

Уйти самому с завода? На нем он проработал всю жизнь. Работа - единственное, что у него осталось. Уйти с завода - на это у него не хватит сил. И он потребовал, да, потребовал, чтобы Туркина ушла с завода. И когда она не захотела уйти (не могу разобраться, почему Туркина держалась за работу на заводе, но держалась), Бердников стал, нарушая в какой-то мере служебные права, выживать ее с завода. Тут есть нарушение служебных обязанностей, и если у кого хватит сердца поставить ему это в вину, пусть поставит.

Но прокурор видит в резком изменении отношения Бердникова к Туркиной, видит в снижении ее заработка и ухудшении условий ее труда только одно: понуждение к сожительству.

Да, все было: и снижение заработка, и ухудшение условий работы. Но ведь это не все, что можно выдвинуть против Бердникова. Прокурору следовало бы сказать и о том, что бесспорно установлено: Бердников выживал Туркину с завода, делал все, что мог и на что не имел права, чтобы она ушла с работы. Почему об этом умолчал прокурор? Ведь это должно было вызвать наибольший гнев обвинителя: старательную работницу выживают с завода! Громите! Клеймите! Обрушайте обвинение со всей силой! А обвинитель молчит. Впрочем,

молчание это не столь уж загадочно. Чем отчетливее выявляется стремление Бердникова к тому, чтобы Туркина ушла с завода, тем меньше остается оснований обвинять его в понуждении к сожительству, используя ее служебную зависимость. Ведь с уходом Туркиной с завода исчезает ее служебная зависимость, Бердников теряет единственный способ воздействия на нее.

Признав, что Бердников выживает Туркину с завода - а не признать это невозможно, прокурор понимает, что это означает признать установленным, что Бердников сознательно лишал себя средств понуждения.

А теперь становится понятным и смысл той записки, которую пыталась выдать Туркина за способ понуждения.

Туркина оставалась на заводе, оставалась, зная, какую муку причиняет Бердникову. Боясь за себя, боясь, что, встретившись с Туркиной с глазу на глаз, он не совладает с собой, Бердников и написал:

«В последний раз говорю, не хочешь добром, заставлю». Он не дописал: «уйди с завода». Из записки, в самом деле, не видно, что он требует ее ухода с завода. Он-то считал, что дьявольски хитро и осторожно написал свою записку, а она едва не превратилась в опасную улику. Думается, теперь можно сказать: обвинение против Сергея Тимофеевича Бердникова не выдержало судебной проверки.

Но остается ответить еще на последний вопрос: что же толкнуло Наталию Федоровну Туркину на возведение ложного обвинения?

Не хочу быть несправедливым к Туркиной. Думается: заявляя начальнику цеха о притеснениях, которым ее подвергал Бердников, о его домогательствах

близости с ней, она и не предполагала, что это ее заявление поведет к возбуждению уголовного дела против Бердникова. Верю, что Туркина не хотела зла Бердникову. Могло быть и так: Туркина опасалась, что Бердников, возмущенный тем, что она сотворила, с кем-нибудь поделится, и пойдет о ней худая слава, а вот если она заявит о том, что Бердников склоняет ее к сожительству, а она не соглашается, то веры Бердникову не будет. У Туркиной могли быть разные мотивы: она, возможно, заявила и для того, чтобы начальник цеха помешал Бердникову притеснять ее.

Неожиданно для Туркиной начальник цеха дал официальное движение ее заявлению, и она попала в плен собственной лжи. Когда ее вызвали на первый допрос, Туркина оказалась перед выбором: или признать, что она оклеветала Бердникова, не понуждал он ее к сожительству, и тогда ей, Туркиной, надлежит нести ответ за возведение ложного обвинения, или же подтвердить обвинение. Недолго колебалась Туркина. Так и возникло обвинение против Бердникова.

В суде, возможно, Туркина была бы и рада рассказать правду, но, сказав правду, она понесет ответственность за возведение ложного обвинения. И не решилась Туркина на правду.

Верю, что Наталия Федоровна в глубине души хочет, чтобы вы ей не поверили, хотя прокурор ей и поверил, но, очевидно, с какими-то оговорками, если просил об условном наказании для Бердникова.

Но разве наказание страшит Бердникова!

Самым страшным и самым тяжким было бы для него, если бы вы поверили Туркиной. Лгать и оставаться неразоблаченной, обмануть доверие и быть признанной

правдивой, надругаться над человеком и добиться, чтобы его признали виновным, что может быть страшнее!

Туркина сделала все, что могла, чтобы убить в Бердникове веру в правду, в справедливость, в чистоту и ясность чувств и отношений. Нужно исправить то зло, что причинила Туркина. А это можно сделать только оправдательным приговором. Приговор вернет веру Бердникова в то, что ложь рано или поздно, но обязательно разоблачается, а хитрость посрамляется.

Россельс В.Л. Речь в защиту Семеновых

Товарищи судьи!

Старый рабочий, слесарь Семенов никогда не забудет тот холодный декабрьский день, когда он встретил давнишнего знакомого, почтенного, уважаемого и занимающего, с его точки зрения, высокое положение главного бухгалтера главка Любомудрова.

Знакомство с Виктором Ивановичем Семенов ценил, оно казалось ему даже лестным.

Встречи этой ему не забыть.

Навсегда сохранится в памяти Семенова и просьба, с которой обратился к нему Любомудров. «Гавриил Борисович, - сказал он, - машинистка наша перепечатала для учреждения не входящую в ее обязанности работу, а оплатить ей, штатной машинистке, сверх заработной платы тысячу рублей как-то неудобно. Не поможете ли?

Да в чем сомневаетесь? Ведь это же совсем просто. Я выпишу по счету вашей жене деньги на ее имя, вы с ее доверенностью их получите, передадите мне, а я - машинистке. Вот как приходится обходить бюрократические формальности», - вздохнул он.

Екнуло, сильнее забилося сердце у Семенова: «Хорошо ли?» Но тут же одумался.

«В чем дело, в конце концов? Тысячу рублей получу, полностью отдам, и машинистка своего не потеряет. Что же тут плохого? Да и не кто-нибудь просит, а Виктор Иванович...»

Согласился...

Разговор этот, как на камне высеченный, из памяти его не изгладится.

Как обещал, так и сделал.

Полина Александровна по просьбе мужа написала счет и доверенность, а он, получив по изготовленной Любомудровым на имя его жены доверенности тысячу рублей, передал их Любомудрову.

«Спасибо, Гавриил Борисович». - «Да что вы, не за что, Виктор Иванович».

И только значительно позже, у следователя, Семенов узнал, что не было никакой работы, никакой машинистки, что старый знакомый, почтенный, уважаемый главный бухгалтер главка Виктор Иванович Любомудров обманул его и жену.

«Поверить не мог. Потемнело в глазах, подкосились ноги, стали как ватные», - вспоминал здесь об этом Семенов.

Все так, как было, рассказали Семеновы следователю, и он поверил и тому, что они обмануты Любомудровым, и их бескорыстию.

Да и как было не поверить Семеновым, которым проще было бы утверждать, что Полина Александровна действительно работала и за работу получила законно причитавшееся ей вознаграждение.

Но Семеновы говорят правду - никакой работы Полина Александровна не выполняла, да и не в состоянии была по объему своих знаний и компетенции выполнить работу, о которой она и представления не имела.

Легко было проверить Семеновых еще и потому, что в аналогичном положении оказались и другие простые душой люди, бескорыстие которых было выгодно использовать Любомудрову и которых он, как и Семеновых, убеждал, что они делают хотя по форме неправильное, но по существу доброе дело.

Поверил Семеновым следователь и, несмотря на это, внес их в список тех, кому суждено было разделить скамью подсудимых с Любомудровым.

И вот они перед вами.

Такова горькая судьба этих неискушенных, слишком доверчивых людей, прошедших весь свой долгий путь по прямым и светлым дорогам жизни, не ведая о кривых и темных ее переулках, о звериных ее тропах, по которым бродят хищники.

Мы слышали здесь прокурора.

И он поверил Семеновым, но... тем не менее предлагает осудить их как соучастников Любомудрова, обвиняемого в хищении.

И вот Семеновы, всю жизнь прожившие рука об руку и здесь сидящие рядом, поникшие и растерянные, с тоской внимают речи прокурора, искусно доказывающего, что обманувший Любомудров и обманутые им Семеновы связаны одним общим умыслом, направленным на хищение тысячи рублей, как будто у рыбака и трепещущей в его хитро сплетенной сети рыбы возможен общий умысел.

Можно ли согласиться с прокурором, утверждающим «виновны и должны быть осуждены», или прав защитник, говорящий «невиновны, должны быть оправданы!»

Вам придется решить, кто из нас прав.

Вы помните, товарищи судьи, что Семенов на вопрос, признает ли он себя виновным, ответил: «Тысячу рублей получил и отдал их Любомудрову, в этом каюсь, но у меня и в помыслах не было содействовать ему в хищении».

В этих простых, бесхитростных словах заключено содержание, имеющее серьезное правовое значение. «И в помыслах не было» - это значит на языке права «не было умысла».

Хищение - преступление умышленное, и само собой разумеется, что Семеновы могли бы быть осуждены за участие в этом преступлении только в том случае, если была бы установлена их умышленная вина.

Однако наличие умышленной вины предполагает раньше всего сознание лицом фактических

обстоятельств, образующих соответствующий состав преступления.

Но ведь прокурор согласен, что здесь именно те фактические обстоятельства, которые образуют состав хищения, и были скрыты от Семеновых.

Ведь в их представлении, в противоречии с действительностью, существовали и машинистка, и работа, за выполнение которой ей законно причиталось получить тысячу рублей.

Но если в сознании Семеновых не создано представления о готовящемся Любомудровым хищении, то не может быть и речи об умышленной их вине.

Далее, у участников хищения должен быть общий, направленный на совершение этого преступления умысел.

Однако и этого не отрицает прокурор, прямой умысел Любомудрова был направлен на хищение тысячи рублей, а умысел Семенова - на уплату этой суммы машинистке за произведенную ею работу.

И, наконец, эти соображения, устанавливающие отсутствие умышленной вины у Семеновых, подкрепляются и тем имеющим самое серьезное значение обстоятельством, против которого также не спорит прокурор, что Семеновы никакой корыстной или иной заинтересованности не имели.

Этот факт делает предположение о соучастии Семеновых в хищении государственного имущества совершенно необоснованным, предположение это повисает в воздухе, лишенное почвы, на которой могло бы вырасти соучастие в тяжком, касающемся

экономической основы государства преступлении, грозящем преступнику суровым наказанием.

Вот почему полагаю, что в споре с прокурором я прав. Обманутые Семеновы не могут быть осуждены за соучастие с Любомудровым в хищении государственного имущества.

Однако остается еще серьезный уголовно-правовой вопрос.

Семеновы без умысла, направленного на хищение, бескорыстно передали Любомудрову тысячу рублей, но деньги эти они получили из кассы главка подложно, за работу, которую они не делали.

Можно ли считать их действия безразличными с точки зрения закона?

Ответ находим в законе.

Подлог предусмотрен ст. 72 и 1201 УК нашей республики. Обе эти статьи не предусматривают подлогов, бескорыстно совершенных частными лицами. Такой подлог не является преступлением и уголовно не наказуем.

Стало быть, Семеновы не участвовали ни в хищении, ни в совершении уголовно наказуемого подлога и должны быть судом оправданы.

Этим, казалось бы, я исчерпал свою непосредственную задачу защитника.

Но я не могу и не хочу уйти при оценке поведения Семеновых от общественного долга защитника, обязывающего меня ответить еще на один, настоятельно требующий разрешения вопрос.

Можно ли считать соответствующим интересам государства и общества, справедливым, честным, заслуживающим уважения и одобрения поведение Семеновых, получивших подложно из государственного учреждения не причитающиеся им деньги, хотя бы переданные впоследствии тому, кому, по их убеждению, они причитались? Конечно, нет.

Такие действия наше общество никогда не сочтет соответствующими нормам поведения советского человека. Семеновы не нарушили норм права, воплощенных в уголовном законе, но нарушили нормы морали, которые хотя и не поддерживаются силой государственного аппарата, но поддерживаются силой общественного мнения относительно того, что является правильным или неправильным, справедливым или несправедливым, хорошим или дурным.

Нормы социалистического права и нормы социалистической нравственности, отличаясь друг от друга источником силы, принуждающей к их исполнению, связаны, как два ствола одного корня, общим происхождением, проникают друг в друга и, находясь между собой в неразрывном взаимодействии, служат одной и той же цели - построению коммунизма.

Эта их общность и тесная связь вытекают из самой природы нашего социалистического права и социалистической нравственности, между которыми нет пропасти и которые, наоборот, покоясь на одних и тех же принципах, граничат друг с другом.

Семеновы, несомненно, нарушили нормы нравственности. Может ли защитник, «добру и злу внимая равнодушно», пройти мимо такого рода нарушения и не высказать слов морального осуждения?

Конечно, нет. Не может этого сделать и суд...

Судебный зал - лаборатория, в которой формируется общественное сознание граждан, поэтому здесь громко должны прозвучать слова осуждения неправильных, недопустимых действий Семеновых. Но нарушение норм морали влечет моральное, а не уголовно-правовое осуждение.

Моральную недопустимость своего поведения сейчас понимают и Семеновы.

Семенов сказал: «Виновным себя не признаю, но каюсь в том что я сделал». Это значит: «Я не нарушал норм уголовного закона, а нарушил нормы социалистической морали и в этом раскаиваюсь».

Он и на этот раз, как всю жизнь, сказал правду.

В правде, в труде, в уважении, в любви друг к другу, к людям, к своему государству, не омраченная столкновениями с законом, протекала спокойная жизнь рабочего Гавриила Борисовича Семенова и его жены, скромной служащей Полины Александровны.

И вдруг...

Нет, никогда не забыть им Любомудрова, никогда не изжить им постигшего их на склоне лет разочарования, никогда не погаснут в их памяти эти тяжкие дни...

Они совершили, и они сознают это, противообщественный про ступок, но они не совершали преступления. Морального осуждения они заслуживают, и они его уже получили. Но для их осуждения в уголовном порядке и применения к ним уголовного наказания нет законного основания. Я прошу их оправдать.

Царев В.И. Обвинительная речь по делу братьев Кондраковых

Товарищи судьи!

Никто из жителей поселка Великодворье и близлежащих деревень не мог знать о том, что в ночь на 4 апреля того года кому-то из них угрожала опасность, кто-то мог стать жертвой разбойного нападения, хотя такая опасность и существовала.

Два брата - Виктор и Николай Кондраковы ночным поездом приехали из поселка Курловского в Великодворье с намерением «добыть денег и одежду». Но на рассвете возвратились домой. А утренним поездом 4 апреля вновь приехали в Великодворье.

Для совершения преступления они стали подыскивать более удаленное от поселка место, расспрашивая местных жителей об окружающих деревнях и, наконец, попали на малышкинскую дорогу. Многие проходившие здесь в тот день граждане видели двух незнакомых мужчин, которые внешне бесцельно бродили по краю леса. Некоторым они показались подозрительными, например, Панфиловой Марии, но мысль о нападении среди белого дня в довольно оживленном месте казалась маловероятной.

Не думали об этом и молодожены Панфиловы, возвращавшиеся по малышки некой дороге домой, в деревню Маевку.

А ведь Кондраковы их вначале наметили в качестве жертв и шли за ними, но не решились осуществить своего намерения, боясь получить отпор со стороны молодых людей. Около 14 часов Кондраковы увидели подходивших к лесу Кривошеевых. Ничего не подозревавшие женщины спокойно прошли мимо, обменявшись с Кондраковыми несколькими фразами относительно поезда, на который они спешили. И вот тут разыгралась страшная трагедия.

Избивая женщин, Кондраковы загнали их в глубь леса, обыскали и отобрали деньги в сумме тридцати рублей. Затем В. Кондраков приказал брату «покараулить» одну из жертв, а сам потащил Кривошееву А.С. в сторону и в присутствии односельчанки изнасиловал ее. Совершив надругательство над первой жертвой, Кондраков В. изнасиловал и Кривошееву А.Р., после чего нанес ей множество ударов молотком по голове. Совершив это злодеяние, В. Кондраков передал молоток своему соучастнику и приказал «разделаться» с Кривошеевой А.С. С рвением исполнил роль убийцы Н. Кондраков, остервенело бил он беззащитную женщину по голове молотком, пока она не затихла.

Товарищи судьи! Дело Кондраковых представляет определенную сложность и прежде всего потому, что на скамье подсудимых - два брата, один из которых полностью признает себя виновным и уличает другого, второй категорически все отрицает.

Основная задача суда - установить объективную истину по делу и постановить законный и обоснованный приговор.

Наши выводы об обстоятельствах преступления, о виновности подсудимых должны покоиться на точно установленных фактах, на бесспорных доказательствах.

Мы не можем делать выводы на предположениях, как бы они ни были приблизительно верными, и на доказательствах, хотя бы и свидетельствующих о достаточно высокой степени вероятности вины.

Мы должны строго руководствоваться указаниями В.И. Ленина, что точные факты, бесспорные факты - вот что особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе.

Исходя из такой единственно правильной, основополагающей установки советского доказательственного права, я заявляю, что объективная истина по разбираемому нами делу установлена конкретно и точно: разбойное нападение на Кривошееву А.С. и Кривошееву А.Р., их изнасилование и убийство совершены братьями Кондраковыми.

Я не могу сослаться на показания хотя бы одного свидетеля - очевидца преступления. Свидетелей не было. Жертвы оказались с глазу на глаз с преступниками. Но об обстановке преступления рассказал непосредственный его участник - Н. Кондраков. Есть все основания считать, что он дал правдивые показания, объективно подтвержденные иными доказательствами, полученными в ходе расследования дела и тщательно проверенными в суде.

Кондраков Николай подробно рассказал о мотивах преступления, распределении ролей при его совершении, орудий убийства, и все это нашло подтверждение в ходе предварительного и судебного следствия.

Процессуальное положение подсудимого как лица, заинтересованного в благоприятном для него исходе дела, требует осторожного, но не предвзятого отношения к его показаниям, не должно порождать недоверия к ним.

Сложнее обстоит вопрос с показаниями другого подсудимого -Кондракова Виктора.

Сложность не в том, что он отрицает свою вину, а в конкретных действиях этого человека. С первого дня ареста он стремился убедить следствие в своей психической неполноценности. Почему это делалось, станет понятным, если мы обратимся к данным, характеризующим личность Кондракова Виктора.

Ранее дважды судимый, причем в последний раз за разбойное нападение, он, вследствие симуляции душевной болезни, сумел избежать полного отбытия наказания. Длительное пребывание в психиатрических лечебницах на исследованиях помогло ему позаимствовать характерные отклонения от норм в поведении, свойственные лицам, страдающим психическими расстройствами. И поскольку симуляция сумасшествия помогла Кондракову освободиться от наказания, то почему бы не прибегнуть к этому испытанному приему вновь? Будучи арестованным, он сразу же начинает играть роль душевнобольного: на вопросы следователя дает нарочито неправильные ответы, демонстративно чешется, закатывает глаза, плюется, бесконечно строит отвратительные гримасы.

Но совершенно иначе В. Кондраков ведет себя вне следственного кабинета. С первых же дней пребывания в камере предварительного заключения, как о том показали свидетели - сотрудники милиции Иванов и Дятлов, он активно старается воздействовать на своего младшего брата, кричит ему через стенку: «Не признавайся, я все взял на себя, пускай меня считают умалишенным. Самое большое - три года в белом доме и выпустят, не таких проводил». То же самое он писал брату в записках, которые пытался тайно передать ему в следственном изоляторе. Эти записки приобщены к делу и были зачитаны в ходе судебного следствия.

Позвольте, товарищи судьи, перейти к анализу показаний В. Кондракова.

Суть их сводится к тому, что 4 апреля он якобы в Великодворье не был, а ездил в Туму наниматься в пастухи. Стремясь убедить суд в правдивости своих показаний, В. Кондраков детально рисует эту поездку. Кого только он не встретил тогда в Туме! Здесь и женщина с рассадой, и девушка в красном пальто, и пассажиры с поросятами в корзинах, и играющие в футбол ребята, и милиционер, подозрительно посмотревший на него.

Если рассматривать эти показания просто по-житейски, то как раз такая детализация и убеждает в их неправдоподобности. Трудно себе представить, чтобы человек во время поездки по своим делам стал фиксировать внимание на подобных фактах, а главное - помнить о них. Но тогда зачем это навязчивое перечисление? Расчет прямой: придать достоверность своим показаниям относительно поездки 4 апреля в Туму. Ведь факты проверить невозможно. Но в деле

имеются веские доказательства, свидетельствующие о том, что Кондраков 4 апреля в Туму не ездил. Я имею в виду записки, которые он пытался передать брату. Вот текст записок: «Говори, встречал одного мужика на вокзале в Великодворье, он предложил все это сделать. В воскресенье говори, что ты поехал в Великодворье к Томке, я буду говорить - поехал в Туму наниматься в пастухи. В Курлове садились вместе. В Великодворье ты сошел, я поехал в Туму. Коля, что будет, не знаю. Напиши мне записку, положи там, где возможно. Коля, свидетели показывают на тебя...

...Коля, если знал бы я, что ты, гад, так продал своего брата, зачем ты все рассказал про меня. Меня никто не опознал, на меня никто не показывает. Я пока в сознанку не иду».

В письме к матери он умоляет ее найти подставных свидетелей, которые могли бы подтвердить факт его пребывания в Туме 4 апреля. Содержание этого письма таково: «Здравствуй, мама, прошу тебя найти мне свидетелей человека два. Это будет достаточно, чтобы меня освободили. Чтобы эти люди, когда вызовут в милицию, могли подтвердить, что меня видели 4 апреля, в воскресенье, в Туме на вокзале в 3 часа дня. Уговори Саньку Марьину и еще сходи поговори с Нинкой - тети Дуниной, и ее мужем, пусть они подтвердят, что я ехал вместе с ними в одном вагоне до Тумы 4 апреля, в воскресенье, чтобы они так показывали, как я пишу. Мама, съезди в деревню, уговори тети Матрены дочку, пусть она подтвердит, что тоже меня видела на вокзале в Туме 4 апреля, в воскресенье. Мама, все силы приложи: найди свидетелей и уговори их. Мама, на меня никто не

показывает. На брата Колю показывают три человека, что видели его с каким-то мужиком».

Лица, на которых Кондраков ссылается в письме, установлены и допрошены. Они не подтвердили его алиби и заявили, что в Туму 4 апреля не ездили.

Здесь, на суде, Кондраков заявил, что хотел спасти брата Николая, как он выразился, «взять убийство на себя», а потому писал записки и письмо с расчетом, что следствие «клюнет на мякину». Но из текста записок и письма это вовсе не вытекает. Наоборот, в записках он просит брата выгородить его самого. Какие дополнительные доказательства дают мне основание утверждать, что Кондраков Виктор приезжал 4 апреля в Великодворье?

Кондраков Николай сообщил, что в пути следования к поселку Великодворье в поезде 4 апреля его брат Виктор был оштрафован ревизором за безбилетный проезд. Добытые в результате проверки этого факта доказательства - показания ревизора Кузнецова, постановление о наложении штрафа на В. Кондракова, квитанция об уплате штрафа Кондраковой Матреной - матерью подсудимых - явились серьезными уликами против Кондракова.

Из показаний Н. Кондракова и Т. Быковой известно, что 4 апреля на В. Кондракове была черная тужурка с коричневым меховым воротником, дерматиновые сапоги и светлая фуражка.

Свидетель Жалин, знавший и ранее Н. Кондракова, подтвердил, что 4 апреля он видел его в Великодворье вместе с женщиной, одетым в черную тужурку, «на

голове - черная фуражка, на ногах - сапоги кирзовые или резиновые, точно не заметил».

Свидетели Алексеев, Тряпкин, Лобанова, Лебедева заявили на предварительном и судебном следствии, что они видели 4 апреля на малышкинской дороге молодого парня, одетого в серый плащ, и впоследствии опознали в нем Н. Кондракова, однако опознать находившегося вместе с ним мужчину, одетого «во что-то черное», не смогли, так как этот мужчина при встрече с ними либо закрывал лицо воротником, либо находился сзади первого, и лица не было видно. В. Кондраков был опознан только двумя свидетелями: Панфиловой, видевшей его на малышкинской дороге вместе с Н. Кондраковым, и буфетчицей Великодворской чайной Качулькиной, которая продала ему в 16 часов 4 апреля пирожки.

Слушая показания свидетелей, вы, товарищи судьи, конечно, не могли не отметить того, что некоторые из них вовсе не обратили внимания на одежду преступников, либо говорят об этом неопределенно: «был в чем-то черном», либо путают отдельные виды обуви (сапоги кирзовые или резиновые). Но это не противоречия в показаниях свидетелей. Это, если хотите, несовершенство человеческой памяти. Известно, что одни и те же явления запоминаются людьми по-разному. И объясняется это индивидуальными особенностями восприятия увиденного, а иногда и просто забывчивостью. Так и в данном случае. Свидетели видели преступников впервые, непродолжительное время. Правильнее было бы сказать, что свидетели не видели в них преступников. Двое незнакомых мужчин на

малышкинской дороге ничем примечательным не отличались от других граждан.

На предварительном следствии Н. Кондраков сообщил, что сапоги, в которые были обуты в момент совершения преступления он и его брат Виктор, спрятаны последним во дворе дома, в поленницах. У Кондраковых провели повторный обыск. В поленнице, находящейся в сарае, были обнаружены кирзовые сапоги, а другие, дерматиновые, завернутые в головной платок, оказались спрятанными в поленнице, уложенной около сарая. Предъявленный сестре обвиняемых головной платок опознан ею как принадлежащий матери.

На предварительном следствии 27 апреля В. Кондраков объяснил: «Были у меня дерматиновые сапоги, которые я отдавал в починку в мастерскую, когда приехал из заключения. После починки сапоги мне стали малы, и я их продал на рынке». На допросе 28 мая, то есть после обнаружения сапог, он уже давал другие показания: «Мне мать давала дерматиновые сапоги с хромовыми головками. Я их вымыл и отнес в мастерскую ремонтировать. Мне набили на сапоги подметки, я примерил их, и они оказались мне малы, поэтому я носить их не стал. Когда мать давала мне сапоги, она сказала, что это мои сапоги, но их носил Колька... Куда делись эти сапоги, я не знаю».

В заявлении на имя прокурора области от 7 июня В. Кондраков писал: «4 апреля я встретил брата в Курлове. У брата в руках были сапоги, брат сказал мне, что дал ему их мужик. Эти сапоги я подшил, но они мне оказались малы, никак не лезли на простую ногу. Брат эти сапоги спрятал куда-то».

Итак, вначале починенные дерматиновые сапоги были проданы, затем они неизвестно куда пропали, и, наконец, их спрятал куда-то брат Николай.

На суде В. Кондраков говорил иное. Оказывается, он уже и не носил чинить сапоги.

Эти противоречия в его показаниях доказывают, что ему всячески хотелось бы отмежеваться от сапог, найденных при обыске. Однако мать подсудимых показала, что сапоги в починку сдавал ее сын - Виктор. Признал свою работу и мастер Крестов.

К делу приобщена квитанция от 7 апреля о сдаче обуви в ремонт, выписанная на имя В. Кондракова. Правда, эта же квитанция была в свое время переписана на фамилию Шестакова, что поначалу вызвало у следствия недоумение. На поверку все оказалось очень просто. Деньги, уплаченные за ремонт сапог Кондраковым, миновали государственную кассу и попали непосредственно в руки мастера, а квитанция, как бланк строгой отчетности, была переписана на другое лицо. Нет, видимо, еще порядка в комбинате бытового обслуживания?! Но квитанция все же неумолимо свидетельствует о том, что сапоги в починку сдавал В. Кондраков. Это было спустя три дня после убийства.

Остается еще привести заключение эксперта-криминалиста, данное здесь, на суде. Из заключения следует, что дерматиновые сапоги по своему размеру вполне подходят для В. Кондракова, хотя вчера он демонстрировал уродливо, что они якобы детского размера.

Из показаний матери подсудимого, Кондраковой Матрены, видно, что в день обнаружения в лесу трупов

женщин сын Николай дал ей 5 рублей, а 20 рублей она обнаружила спрятанными в подкладке тужурки Виктора.

После очных ставок с матерью В. Кондраков вынужден был признать этот факт, но тут же заявил, что деньги привез из заключения, где приобрел их, сдавая в ларек стеклянные банки.

Эта версия тщательно проверялась следствием. Утверждение подсудимого о способе приобретения денег опровергается показаниями свидетелей и официальными документами. Работники мест заключения, где Кондраков отбывал наказание, пояснили, что стеклянная тара от заключенных в торговые ларьки не принималась, товарные операции совершались по безналичному расчету.

Свидетель Отрекалин, который, по заявлению Кондракова, мог бы подтвердить, что у него были в больнице деньги, ни на следствии, ни в суде этого не сделал. Из приобщенных к делу документов (лицевые счета по обеспечению заключенных, накладная Владимирской психиатрической больницы) усматривается, что при освобождении из лагеря и выписке из больницы Кондраков Виктор денег и ценностей при себе не имел.

Но, зная быт заключенных, я могу допустить мысль, что у Кондракова могли быть деньги, даже если бы он и не занимался сбором банок. И все же, несмотря на это, я утверждаю, что 20 рублей, о которых идет речь, добыты им в результате совершенного в Великодворье преступления. Эти деньги были обнаружены при весьма необычных обстоятельствах: при осмотре матерью одежды сыновей, чтобы замыть на ней кровь, так как она подозревала их в убийстве двух женщин. Деньги

оказались спрятанными под подкладку тужурки. Согласитесь, что такой способ хранения денег довольно странный. Спрашивается, от кого и почему Кондраков прятал деньги? Мне бы не хотелось еще раз ссылаться на показания матери Кондраковых, но все же напомним, что ранее об указанных деньгах она ничего не знала и, обнаружив, не взяла их у сына, так как предположила, что это деньги убитых женщин.

И наконец, найденные у Кондракова деньги были пятирублевыми купюрами. Такими же купюрами и в такой же сумме были деньги у потерпевшей Кривошеевой А.Р., что подтвердил в суде ее свекор - Кривошеев И.М. Совпадение не случайное.

При обыске в доме Кондраковых, кроме сапог, были обнаружены и изъяты два молотка.

При предъявлении их Кондракову Николаю он пояснил, что один из молотков, слесарный, на короткой ручке, они брали с братом, собираясь совершить преступление, и на обратном пути выбросили его на железнодорожное полотно. Как молоток оказался вновь дома, Н. Кондраков объяснить не смог.

При биологическом исследовании на ручке этого молотка обнаружена кровь человека. Судебно-медицинской экспертизой дано заключение, что потерпевшим нанесены повреждения предметом с прямоугольной ударяющей поверхностью. Таким предметом мог быть молоток, изъятый в доме Кондраковых.

Возникает вопрос: как попало в дом Кондраковых орудие убийства?

На суде Кондраков В. заявил, что якобы в его присутствии следователь Т.М. Целиковская сказала своему помощнику: «Надо съездить в Курлово и подбросить молоток в дом Кондраковых». Вот, оказывается, как он возвратился в дом преступников. Эта нелепость понадобилась подсудимому не случайно. Мы знаем, с какой тревогой он относился к возможности оставления отпечатков пальцев на металлических и стеклянных предметах, а поэтому молоток не давал ему покоя. Более того, выяснено, что Кондракова Матрена, подозревая сыновей в убийстве, обнаружила исчезновение молотка из дома и на этот счет вела разговоры в семье. Это непредвиденное обстоятельство не могло не беспокоить В. Кондракова. Молоток встал ему поперек горла. И я утверждаю: это он отыскал его и вновь принес домой. В этом меня убеждает и тот факт, что 6 апреля В. Кондракова видели у железнодорожной ветки вблизи станции Великодворье. Свидетель Калинин показал в суде, что он спросил тогда В. Кондракова: «Чем занимаешься?», и он ответил: «Собираю красивые камешки».

Вспомните показания Н. Кондракова о том, что на месте убийства брат его предупреждал не оставлять отпечатков пальцев на железных пряжках рюкзака и на графине. По указанию Виктора Николай разбил графин и осколки затоптал в снег, что подтверждается данными осмотра места происшествия. И все-таки следы оставлены, и оставил их не кто иной, как сам В. Кондраков. Они зафиксированы, изъяты с места убийства и исследованы экспертизой. Я говорю о крови и сперме.

Биологическая экспертиза сделала вывод, что на одежде потерпевших, в мазках их влагалищ обнаружена сперма такой же группы, что и у Кондракова.

Н. Кондраков показал, что А.Р. Кривошеева оказывала В. Кондракову физическое сопротивление, наносила ему удары в лицо.

На снегу, действительно, обнаружена кровь, сходная по группе с кровью В. Кондракова.

Кровь и сперма - это серьезные улики. Правда, здесь, в суде, В. Кондраков громогласно заявил, что людей с такой группой крови в стране много. С этим нельзя не согласиться. Но эти улики рассматриваются нами вкупе с другими доказательствами, в их неразрывной связи. А при этом условии вывод единственный: Виктор Кондраков - убийца и насильник.

Товарищи судьи! Рассмотрим вопрос о юридической квалификации состава преступлений, совершенных подсудимыми.

Кондраковы преданы суду по обвинению в том, что они в 130-м квартале Великодворского лесничества на дороге между поселком Великодворье и деревней Малышкино 4 апреля того года совершили разбойное нападение на Кривошееву А.Р. и Кривошееву А.С., угрожая им убийством и нанося побои, отобрали 30 рублей, изнасиловали, а затем с особой жестокостью убили потерпевших.

Разбойное нападение на Кривошеевых с целью завладения их имуществом совершено Кондраковыми по предварительному сговору между собой и с применением молотка в качестве оружия, что подпадает под п. «а» и «б» части второй ст. 146 УК РСФСР.

Учитывая, что В. Кондраков ранее был судим по п. «а» и «б» части второй ст. 91 УК РСФСР, его действия дополнительно квалифицированы также по п. «д» части второй ст. 146 УК РСФСР.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» лишение жизни потерпевшего, совершенное при разбойном нападении, должно квалифицироваться по совокупности, то есть по п. «а» ст. 102 и ст. 146 УК РСФСР. В этом же постановлении указано, что убийство следует признавать совершенным с особой жестокостью в тех случаях, когда потерпевшему непосредственно перед лишением жизни или в процессе совершения убийства заведомо для виновного причинялись особые мучения или страдания путем пытки, истязания, нанесения большого количества ран. Особая жестокость может выражаться и в причинении заведомо для виновного особых страданий близким потерпевшему лицам, присутствующим на месте преступления.

Нанесение Кривошеевой А.Р. 14 ран, Кривошеевой А.С. 9 ран, не совместимых с жизнью, дает все основания считать способ совершения убийства особо жестоким.

Об особо жестоком отношении подсудимых к своим жертвам свидетельствует и сама обстановка совершения преступления. Можно представить психическое состояние Кривошеевой А.С, когда в непосредственной близости от нее преступник надругался над ее односельчанкой, а затем учинил над ней жестокую расправу. Поэтому действия подсудимых прямо подпадают под пункт «г» ст. 102 УК.

В упомянутом постановлении Пленума сказано, что умышленное убийство, сопряженное с изнасилованием, подлежит квалификации по п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Содержится ли в действиях Кондракова Николая такой квалифицирующий признак, как убийство, сопряженное с изнасилованием? Ведь он лично не совершал насильственные половые акты.

Здесь я хотел бы сослаться на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании». В этом постановлении говорится, что как групповое изнасилование должны квалифицироваться не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия тех, кто содействовал им путем применения насилия к потерпевшей, причем они должны признаваться соисполнителями, а не пособниками.

Как установлено на следствии и в суде, насильственные половые акты совершал Кондраков Виктор, а Кондраков Николай содействовал ему в этом и таким образом выполнял роль соисполнителя этого преступления. Считаю, что его действия в этой части правильно квалифицированы по п. «е» ст. 102 УК РСФСР.

Кондраковы совершили умышленное убийство двух лиц, что прямо предусмотрено п. «з» ст. 102 УК РСФСР. Такова юридическая квалификация преступных действий Кондраковых.

В. Кондраков ранее дважды судим: в 1956 году к двум годам лишения свободы за хищение; в 1958 году к 10 годам лишения свободы за разбойное нападение на магазин при отягчающих обстоятельствах. Вторая судимость не погашена. Он вновь совершил убийство и разбойное нападение при отягчающих обстоятельствах.

Исходя из этого, а также личности виновного, степени общественной опасности совершенного преступления и в соответствии со ст. 24 УК РСФСР В. Кондраков должен быть признан по суду особо опасным рецидивистом.

Судебная практика воочию подтверждает, что преступники-рецидивисты оказывают тлетворное влияние на неустойчивых молодых людей. Они окружают себя ореолом мнимого героизма и бывалости, похваляются стремлением к легкой жизни за счет общества. Яд, которым отравляют рецидивисты психологию окружающей молодежи, опасен. «Различие между ядами вещественными и умственными, - писал Л.Н. Толстой, - в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные... к несчастью, часто привлекательны». Надо оберегать сознание нашей молодежи от вредного влияния рецидивистов.

И в данном случае совершенно очевидно, что рецидивист В. Кондраков вовлек своего брата в совершение тяжких преступлений. Однако я хотел бы подчеркнуть: у Н. Кондракова своя голова на плечах, не под силой оружия он пошел на разбой, на убийство, и хотя его роль меньше, чем у В. Кондракова, но и он должен нести всю полноту ответственности за совершенные злодеяния.

Перед тем как перейти к изложению соображений о мерах наказания, я должен, товарищи судьи, обратить ваше внимание на характеризующие личности подсудимых обстоятельства, о которых не говорилось при анализе доказательственного материала.

Можно без преувеличения сказать, что первопричина преступлений братьев Кондраковых - их паразитизм и неизменно сопутствующая ему алчность.

Типично для жизни этих братьев - тунеядство. В. Кондраков постоянно уклонялся от общественно полезного труда, стремился жить за счет общества, ничего ему не давая. Даже попав в места лишения свободы, он не работал, упорно симулирует психическую болезнь не только в целях досрочного освобождения, но и с тем, чтобы не участвовать в физическом труде. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что В. Кондраков не простачок-простофиля, каким он желает показать себя здесь, на суде, а весьма изворотливый, хитрый и опасный уголовный преступник, умело использующий ложь, обман, симуляцию.

Освободившись из психиатрической больницы, В. Кондраков прочно сел на шею матери. Он не торопился с устройством на работу, хотя возможности к этому в поселке Курловском самые благоприятные. Работать Кондраков не желает, труд презирает. Он, в сущности, лишь для видимости пытается наняться пастухом. Но в доме нет достатка: мать получает небольшую зарплату. А этот тунеядец совсем не склонен к аскетизму. Он всем своим существом ратует за материально обеспеченную жизнь, но без общественно полезного труда. И выход из создавшегося положения он видит в преступлении. Паразитизм натягивает струны алчности Виктора Кондракова и толкает его на разбой.

Нельзя не привести один факт, лишний раз подчеркивающий жестокий характер В. Кондракова.

В приговоре народного суда, осудившего В. Кондракова к 10 годам лишения свободы за разбой в

Ногинском районе Московской области, указано, что после завершения разбойного нападения Кондраков пытался изнасиловать продавщицу магазина и отказался от этого намерения только тогда, когда потерпевшая показала ему больничный лист, из которого было видно, что она страдает тяжелой женской болезнью. Он предлагал своему соучастнику убить продавщицу, чтобы она не разоблачила их, но тот, возражая против этого, предложил просто заткнуть ей рот кляпом и завалить мешками с сахаром (сама задохнется!), что и было сделано.

По счастливой случайности потерпевшая тогда осталась жива и впоследствии опознала преступников. Разве этот эпизод не свидетельствует о жестокости В. Кондракова? Разве это преступление не перекликается по своему почерку с преступлением, совершенным в Великодворье?

По образу жизни недалеко ушел от своего брата и Кондраков Николай - молодой, но уже оформившийся лентяй и бездельник. А ведь давно сказано: «безделье - мать всех пороков».

Вот характеристика, данная Н. Кондракову администрацией промкомбината, где он последнее время работал: «Показал себя крайне недисциплинированным, в феврале прогулял четыре дня, в марте дважды являлся на работу пьяным», и очень образное, верное заключение: «Лентяй высшей марки». По этой же причине он в свои 20 лет не получил даже начального образования.

Надо сказать, что администрация и общественность Курловского промкомбината, где Н. Кондраков работал,

зная о его недисциплинированности, не принимали мер общественного характера к этому лентяю и прогульщику.

Известно, что каждый случай нарушения дисциплины не должен оставаться без внимания трудового коллектива, общественных организаций. Почему так не делают в промкомбинате? Судя по всему, там полагают, что для укрепления дисциплины достаточно выговора, объявленного приказом директора. Но это далеко не так. Надо создавать в коллективе обстановку нетерпимости к прогульщикам и пьяницам, дать им почувствовать общественное осуждение. Это, как показывает практика, наиболее эффективное и результативное средство укрепления дисциплины труда. Ранее к судебной ответственности Кондраков Николай не привлекался. Но поведение его и в этом отношении было далеко не безупречным.

В октябре 1968 года против него было возбуждено уголовное дело за кражу сумки в вагоне поезда, но следственные органы тогда сочли возможным не привлекать его к уголовной ответственности, а применить к нему лишь меры общественного воздействия.

Проявленная гуманность не дала должных результатов. Через несколько месяцев Н. Кондраков был арестован на 15 суток за мелкое хулиганство. Но и это он вскоре забыл. А ведь недаром говорят: «Тем, кто не умеет помнить плохое, суждено повторить его».

Вскоре он был вновь задержан в вагоне поезда, где совершил кражу, при обыске у него обнаружили самодельный пистолет.

Не слишком ли долго нянчилась Курловская милиция с этим злостным нарушителем правопорядка?

Несколько слов о психическом состоянии подсудимых.

Из заключения экспертной комиссии научно-исследовательского института им. проф. Сербского, подтвержденного экспертами-психиатрами в суде, видно, что у Кондраковых Виктора и Николая психического расстройства не имеется; они являются вменяемыми; поведение В. Кондракова на следствии и на исследовании в институте носило симулятивный характер.

В совещательной комнате, товарищи судьи, вы вновь и вновь вспомните о погибших женщинах. Анна Романовна Кривошеева - мать пятерых малолетних детей. Анна Савельевна Кривошеева одна воспитывала ребенка, имела на иждивении престарелую мать.

Не дрогнули предельно черствые сердца подсудимых даже тогда, когда измученные женщины умоляли их о сохранении жизни во имя малолетних детей. Правильно сказано: «Нет сокровища дороже жизни». Но... женщина-мать даже в минуты жестоких страданий думает не о себе, все ее мысли устремлены к детям, которых она призвала к жизни, отдала им все лучшее, на что только была способна.

Товарищи судьи! Охрана личности, неустанная забота о жизни и здоровье советских людей является важнейшей задачей социалистического государства.

Советский закон, ставя под особую защиту от преступных посягательств жизнь человека, допускает за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах,

в виде исключительной меры наказания, применение смертной казни - расстрела.

Гуманность закона состоит в его непримиримости к бесчеловечным преступлениям. Смертная казнь - не только кара за особо опасное преступление, но и средство предупреждения новых преступлений, ибо преступник обезвреживается, а иным лицам суд делает грозное предупреждение.

Товарищи судьи! Общественность Великодворья, коллектив Тумского лесопункта, от имени которых выступал здесь общественный обвинитель Н.В. Остроумов, дети погибших и их родственники - все они требуют самого сурового наказания подсудимым.

Работники Великодворской средней школы в своем письме указали: «Коллектив школы крайне возмущен дикой расправой над ни в чем не повинными женщинами. Оставшиеся дети, ученики нашей школы, лишились материнской ласки и оказались в очень трудном материальном положении. В настоящее время они находятся на полном государственном обеспечении в интернате школы. Собрание работников школы просит вынести убийцам Кондраковым высшую меру наказания».

Позиция государственного обвинения по вопросу определения подсудимым мер уголовного наказания за убийство двух женщин при отягчающих обстоятельствах и по совокупности совершенных преступлений ясна и понятна. Пусть в вашем, товарищи судьи, приговоре будет начертано одинаково относящееся к каждому подсудимому грозное и беспощадное слово: расстрел!

Магнитофонная запись обвинительной речи по делу Кителева

Товарищи судьи // Коммунистическая партия и Советское правительство / постоянно проявляют заботу // об охране жизни / здоровья и достоинства советского человека / об общественной безопасности всех граждан // Именно этим прежде всего / объясняется издание указа / Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР / от шестнадцатого мая / тысяча девятьсот восемнадцатого года / об усилении мер с пьянством и алкоголизмом // Пьянство является / одним из наиболее омерзительных / явлений в жизни человека / поскольку на данной почве / проявляется неуважение к обществу / нарушение общественного порядка / норм права // Опасность пьянства / заключается и в том / что оно нередко / становится основой для совершения других / более тяжких преступлений //

Товарищи судьи // Дело по которому / вам предстоит вынести приговор / является / на мой взгляд / не совсем обычным // Когда весь советский народ / воодушевленный решениями партии / в частности Двадцать седьмого съезда / строит коммунистическое общество / когда уважение к праву / закону / стало для большинства трудящихся / личным убеждением / подсудимый Кителев / встал на путь пьянства / и преступления /и в конце концов / оказался на скамье подсудимых / за совершенное действие / квалифицируемое в уголовном праве / как изготовление

и хранение / без цели сбыта / браги // Это совершил человек / который родился при Советской власти / пользовался всеми благами / предоставленными ему государством // Что же произошло // Почему / вместо того / чтобы жить честно / и трудиться / соблюдать наши законы / и быть достойным членом нашего общества / он оказался на скамье подсудимых // Материалами предварительного следствия / установлено / что шестнадцатого апреля / восемьдесят шестого года / Кителев в своей квартире / по улице Железнодорожников 18 «б» / изготовил / из трех килограмм сахара / и триста грамм дрожжей / массу / которая хранилась до 19 апреля / восемьдесят шестого года / то есть до того момента / когда было установлено и выявлено / данное нарушение // Жидкость хранилась в емкости / представляющей собой бутылку / емкостью двадцать литров / светло-серого цвета / жидкость с запахом / свойственным спиртному //

В ходе судебного следствия / а также предварительного / подсудимый вину признал / и пояснил / именно данный факт / который я только что изложил // Товарищи судьи / Кроме того / в ходе судебного следствия / были допрошены свидетели / в частности / это теща / являющиеся близкими подсудимому / а также лица / которые работают вместе с ним в одном трудовом коллективе // В ходе предварительного следствия и судебного / подсудимый / вину признал полностью // Действительно / от факта / который установлен / показаниями свидетелей / а также обнаруженной жидкостью в квартире / никуда не денешься / остается только признать / что действительно / изготовил и хранил // В ходе судебного следствия / подсудимый признал вину / пояснил / обстоятельства /

при которых именно изготовлялась жидкость / называемая брагой // Кроме того / из пояснения подсудимого следует / что 19-го апреля / после субботника / он вместе с товарищами / которые сегодня были допрошены в качестве свидетелей / в частности это Коновал и [непонятно] пришли к нему на квартиру / где распили спиртные напитки/в частности водку / он поясняет / что всего две бутылки // Но я полагаю / что каким-то образом / чтобы показать себя с лучшей стороны / может быть / он неточно назвал / количество выпитого спиртного / но в ходе судебного следствия свидетели пояснили / что три бутылки водки // Таким образом товарищи судьи / на каждого лица / как свидетеля так и подсудимого / было распито / по одной бутылке водки // Для каждого нормального человека / думаю / что такое количество достаточно // Однако / подсудимый Кителев / после распития водки / вытащил из тайника / емкость / где была изготовлена брага / им изготовленная / и дал именно выпить свидетелям // Свидетели о том / что они распивали брагу / пояснили в ходе судебного следствия // После чего в угаре пьяном / он затеял ссору с супругой // оскорбил словами / нанес удар / после чего супруга заявила в органы милиции // Вот такие обстоятельства содеянного / именно подсудимым Кителевым / вроде на первый взгляд / не представляют собой какой-либо сложности // Однако / товарищи судьи / если остановиться / и проанализировать действия подсудимого / а также обстоятельства / при которых было совершено преступление / Кителевым / это я считаю необычное / поскольку на сегодняшний день / когда принимаются / усиленные меры / по борьбе именно с пьянством и алкоголизмом / подсудимый зная / что совершает

противозаконные действия / однако он изготовил и хранил / а затем угостил гостей // Кроме того // Товарищи судьи / в ходе предварительного следствия установлено / в частности / это вытекает из документа / представленного с места работы / о том / что подсудимый характеризуется с положительной стороны // Однако в ходе судебного следствия / мы услышали от супруги Кителева / что последнее время он приударился / именно на распитие спиртного / стал злоупотреблять // Вот это именно / является основной причиной / что привело его на скамью подсудимых / отсутствие контроля как со своей стороны / а также неоказание реальной помощи со стороны семьи // Но в то же время товарищи судьи / в ходе судебного следствия / вами задавался вопрос / а коллектив / где работает Кителев / интересовался / его жизнью // Оказывается нет // Упустили // Но это слово неприемлемо / в отношении этого дела / поскольку Кителев работает / не один месяц / а целых три года // В коллективе проходит общественное формирование / и конечно можно было / поинтересоваться / как живет член их коллектива / однако этого не было сделано // Таким образом товарищи судьи / я считаю / что действия подсудимого Кителева / квалифицированы правильно / как изготовление и хранение без цели сбыта / браги / то есть совершение преступления / предусмотренного частью первой / статьи 158-й Уголовного кодекса РСФСР // Нашли в ходе судебного следствия свое подтверждение / и я прошу назначить меру наказания / по этой статье / к двум годам исправительных работ по месту работы / с удержанием в доход государства / двадцати процентов заработной платы // Кроме того товарищи судьи / в ходе судебного следствия / было установлено / что

направлялись документы / и руководство цеха / было информировано / что / выделить общественного обвинителя / или защитника / однако / этого не было сделано // Это тогда / когда сегодня / требует именно нынешнее положение / как можно больше внимания / и / принятия мер / по таким вот делам // касающимся как именно Кителева // И я просил бы / товарищи судьи / вас / направить в адрес руководства завода / частное определение / поскольку я считаю / что вот именно факт такого / оставления без внимания события / может пагубно влиять / именно на коллектив этого цеха // Все у меня / товарищи судьи //

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОКУРОРОВ И АДВОКАТОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Речь представителя гражданского истца Савельевой

Моя доверительница - истица Савельева Бэлла Геннадьевна обратилась в суд с иском к Савельеву Валерию Порфирьевичу о признании права собственности на квартиру; ответчик заявил встречный иск - о вселении в жилое помещение и признании права собственности на долю в паенакоплении.

Казалось бы, взрослые, образованные люди, прожившие вместе много лет, воспитавшие сына и дождавшиеся внуков, в состоянии сами разрешить те проблемы, которые между ними возникают, и не выносить их на публичное рассмотрение в суд. Но накал конфликтных страстей и обид со стороны ответчика таков, что вести с ним спокойный и резонный диалог истице невозможно. Поэтому мы просим суд разобраться

в сложившейся ситуации и закрепить за истицей ее права с помощью решения судебного органа.

Итак. В зарегистрированном браке супруги Савльевы проживали с 1963 г. В 1965 г. вступили в кооператив «Родина», а в 1967 г. заселились в спорную квартиру. При этом Савельев всегда сохранял прописку в квартире своей матери по ул. Декабристов и никогда не был прописан в спорной квартире.

В 1984 г. семья распалась, и они расторгли брак. Савельев ушел из семьи, и с тех пор бывшие супруги уже не поддерживали абсолютно никаких отношений.

В распоряжении Савельева остался купленный ими совместно новый автомобиль и гараж, жильем в центре города он был обеспечен, и, судя о всему, сложившаяся жизненная ситуация его полностью устраивала. Личная его жизнь тоже складывалась отдельно от забот бывшей семьи: у него было нескольких гражданских браков, в одном из которых родилась дочь. Интересы к проблемам бывшей семьи Савельев не проявлял.

В 1989 г. мама истицы продала свою квартиру, чтобы обеспечить отдельным жильем сына Савельевых Алексея и его семью, а сама поселилась с Бэллой Геннадьевной в спорной квартире, где и проживала до последних дней своей жизни.

Балла Геннадьевна не поддерживала с Савельевым никаких отношений. Он никогда не заявлял о каких-либо своих претензиях материального плана на имущество и, в частности, на паенакопление или жилую площадь, на которой проживала истица. Я уверена в том, что, если бы моя доверительница не затеяла обмен квартиры, для чего потребовалась регистрация ее права собственности в регпалате (а для этого необходимо заявление от

бывшего супруга, с которым квартира приобреталась в период брака), сам Савельев В.П. никогда не проявил бы инициативы в заявлении каких-либо требований на данную собственность и они еще прожили бы много лет в таком же положении. Я убеждена, что он не признал иск и затеял правовой спор просто из желания досадить своей бывшей супруге от обиды за свою несостоявшуюся судьбу, хотя сам он прекрасно понимает, что по закону она права.

Более того. Он прекрасно понимает то, что его брачная доля в паенакоплении полностью и даже с лихвой компенсирована стоимостью того имущества, которое осталось за ним при расторжении брака и разделе имущества в добровольном порядке. Это имущество - гараж и автомобиль. В тот период времени автомобиль стоил в два раза больше, чем 1/2 доли паенакопления. И капитальный гараж стоил недешево! А ведь этим совместно нажитым имуществом распорядился Савельев единолично! Прошу обратить внимание на этот факт.

Полагаю, что право собственности на спорную квартиру возникло у Савельевой Б.Г. после того, как полностью был выплачен пай, что она делала уже после расторжения брака, одна. У ответчика в этом случае имелось лишь право на половину паенакопления, выплаченного совместно. Но на требования о разделе этого имущества, общего совместного имущества, распространяются сроки исковой давности. Эти сроки ответчиком Савельевым пропущены, так как их течение следует исчислять с момента расторжения брака в органах загса, т.е. с 1984 г. На момент обращения в суд с иском ответчика Савельева с тех пор прошло почти 20 лет, а значит, пропущен не только общий срок исковой

давности, исчисляемый тремя годами, но и специальный срок по сделкам с недвижимостью, равный 10 годам.

На основании изложенного и ст. 305, ч. 1 ст. 311 ГПК РФ прошу исковые требования Савельевой Б.Г. удовлетворить, признать за ней право собственности на квартиру 8 в доме 18 по ул. Коммунальной в г. Красноярске.

Ответчику Савельеву В.П. во встречных исковых требованиях отказать по основаниям пропуска срока исковой давности, необходимого для обращения в суд.

Обвинительная речь по делу Старовойтова

Уважаемый суд! В зале судебного заседания мы убедились, что существует проблема воспитания, бродяжничества и попрошайничества. На основании этого совершаются преступления.

В судебном заседании было доказано, что 2 апреля 2003 г. Старовойтов, Ишкабулов и Кардаш приехали в г. Красноярск. Я не буду вдаваться в подробности их передвижения по городу. Ночью со 2-го на 3-е апреля 2003 г. у Старовойтова и Ишкабулова, который не достиг возраста уголовной ответственности, возник умысел на убийство Кардаша, а также умысел на совершение с ним мужеложства и иных сексуальных действий.

Фабула дела всесторонне исследована в зале судебного заседания. Старовойтов по предварительному сговору с Ишкабуловым совершил изнасилование и

убийство Кардаша. Остановимся на моментах, которые необходимы для квалификации действий подсудимого Старовойтова.

Доказательством вины Старовойтова являются показания Ишкабулова. Его показания детальны, стабильны. Ишкабулов подтвердил, что умысел на изнасилование и убийство возник до того, как они пришли в подвал дома.

Ишкабулов и Старовойтов вооружились металлическими палками, и Старовойтов, угрожая палкой, приказал Кардашу раздеться. Ишкабулов и Старовойтов совершили с Кардашом поочередно действия сексуального характера. Оснований не доверять показаниям Ишкабулова нет. Его показания подтверждаются протоколом осмотра места происшествия, протоколом осмотра трупа, заключением судебно-медицинской экспертизы. Промежуток времени между изнасилованием и убийством небольшой. Действия Старовойтова и Ишкабулова были согласованны. Оба связывали Кардашу руки. Это следует из заключения биологической экспертизы. Ишкабулов ножницами заталкивал в нос Кардаша тряпочки, Старовойтов закрывал ему рот кляпом. Тем самым они проявили особую жестокость и причинили особые страдания Кардашу.

Старовойтов пытался опровергнуть показания Ишкабулова и пояснил, что он был пьяный и в преступлении участия не принимал. Однако его показания опровергаются показаниями свидетелей и материалами дела, а именно протоколом изъятия одежды, обнаруженной на станции Студенческая. Место ее нахождения указали Старовойтов и Ишкабулов.

Таким образом, вина Старовойтова по п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ доказана, так как было установлено, что подсудимый знал о малолетнем возрасте Кардаша.

По поводу обвинения в убийстве. Прошу исключить из обвинения признак беспомощного состояния потерпевшего. Возраст не является основанием для вменения данного признака. Также установлено, что второй участник преступления, Ишкабулов, был одного возраста с Кардашом, поэтому у потерпевшего была возможность сопротивляться.

Смягчающим вину Старовойтова обстоятельством является его несовершеннолетие и то, что он юридически не судим.

На основании изложенного прошу назначить Старовойтову наказание по п. «в» ч. 3 ст. 132 - восемь лет лишения свободы; по п. «д», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ - восемь лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 прошу назначить десять лет лишения свободы с отбыванием в воспитательной колонии.

Обвинительная речь по делу Артемьева

Уважаемые присяжные заседатели!

Окончилось судебное следствие, и для вас наступает ответственный момент оценить представленные доказательства и ответить на поставленные вопросы: имело ли место совершение преступлений - убийства и поджога; совершил ли их

подсудимый Артемьев; виновен ли подсудимый в совершении этих преступлений?

Факты совершения убийства и поджога считаю бесспорно доказанными. Они не оспариваются подсудимым и стороной защиты. Не вызовут сомнений и у вас. Доказательствами происшедшего пожара 3 июня 2002 г. в квартире 42 дома 23 по ул. Федеровского в г. Талнахе является акт о пожаре; заключение о пожаре; показания пожарного Мазина; показания свидетеля Стефанцова Станислава и потерпевшей Стефанцовой Натальи Михайловны.

По показаниям Мазина, двери в квартиру на момент прибытия пожарного караула были закрыты. Пожар особой сложности не представлял, поэтому был ликвидирован в течение 7-10 минут. По мнению Мазина, с учетом отсутствия электронагревательных приборов вблизи электропроводки причиной пожара мог быть поджог. В акте о пожаре и заключении о пожаре указано, что причиной пожара является поджог с целью сокрытия следов преступления.

По показаниям потерпевшей Стефанцовой, ущерб от пожара составил 44 тыс. руб. Пожаром уничтожены телевизор, мебельная стенка, кресла, ковровые дорожки, люстра. По состоянию материального положения на июнь 2002 г. данный ущерб для нее является значительным.

Показаниями свидетеля Мазина, протоколом осмотра места происшествия с участием судебного врача доказано, что в квартире 42 обнаружен труп Стефанцова - хозяина этой квартиры.

Судебно-медицинская экспертиза выявила у погибшего Стефанцова более 17 резаных и колото-резаных ран в области лица, туловища,

конечностей, в том числе травматическую ампутацию пальца левой кисти; 24 линейные рвано-ушибленные раны головы, туловища; закрытую травму груди с переломом грудины и 13 ребер. Смерть Стефанцова наступила на месте происшествия 3 июня 2002 г. в период с 15 до 16 часов от массивной кровопотери, развившейся вследствие резаной раны шеи с повреждением крупных сосудов.

В результате осмотра места происшествия следователем обнаружены и изъяты орудия преступления: два кухонных ножа и пила-ножовка. Эти орудия направлялись на судебно-медицинскую экспертизу, и экспертом дан ответ, что причинение потерпевшему Стефанцову одних ран возможно ножом, ряда других ранений возможно меньшим изъятым ножом, а 24 раны причинены пилой-ножовкой.

Совокупность данных доказательств подтверждает факт совершения преступлений и отвечает на вопрос, что 3 июня 2002 г. в квартире 42 дома 23 по ул. Федоровского в г. Талнахе имело место убийство Стефанцова и поджог этой квартиры с уничтожением имущества и причинением ущерба.

Следующий вопрос, который потребует вашего внимания и тщательного анализа, - это вопрос, совершил ли убийство Стефанцова и последующий поджог именно Артемьев?

Уважаемые присяжные заседатели! Обращаю ваше внимание, что следствие, расследуя убийства, редко располагает прямыми доказательствами, такими, как показания очевидцев, которые могли бы быть использованы для обвинения. На убийство преступник решается, осознавая, что за его действиями никто не

наблюдает. Но все же большинство обвинительных приговоров вынесено на основании тщательного анализа всех доказательств и сопоставления их друг с другом. Дело по обвинению Артемьева является одним из таких. Те доказательства, которые представило следствие, являются достаточными для подтверждения предъявленного Артемьеву обвинения в убийстве Стефанцова Сергея Алексеевича с особой жестокостью и в поджоге. Давайте проанализируем вместе эти доказательства.

Одно из них - заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Артемьева, проведенной 7 июня. Согласно заключению этой экспертизы, у него имелись резаные раны на ладони правой кисти и первом пальце правой кисти, ссадины на тыльной стороне 2-, 4-, 5-го пальцев левой кисти. По поводу механизма образования резаных ран эксперт сделал вывод, что они могли быть получены от воздействия ножом, а ссадины на левой кисти - от зубцов пилы. И давность их получения составляет примерно пять суток до момента осмотра, что соответствует времени наступления смерти Стефанцова. Артемьев пояснил, что получил их 3 июня 2002 г. в квартире Стефанцова, когда последний выгонял его из квартиры и размахивал ножовкой по дереву и ножом. При этом попал по пальцам левой кисти и порезал правую кисть.

Таковыми же предметами - пилой и ножом - были причинены телесные повреждения и потерпевшему Стефанцову. Судебно-медицинский эксперт при осмотре трупа Стефанцова в заключении однозначно ответил, что 24 рвано-ушибленные раны на волосистой части головы, в области лица с повреждением скуловой кости, а также в области плеча, предплечья и кисти и множественные

точечные ссадины на задней поверхности туловища причинены режущей кромкой зубцов пилы. Резаная рана шеи, которая находится в причинно-следственной связи с наступившей смертью, могла быть причинена большим ножом. Остальные раны, в том числе рана груди, могли быть причинены меньшим по размеру ножом, представленным на экспертизу.

Утверждение Артемьева о том, что следствие не приняло мер для обнаружения отпечатков пальцев на изъятых предметах, опровергается фактическими данными. Из оглашенного в зале суда заключения дактилоскопической экспертизы следует, что на клинках и рукоятках изъятых ножей следов пальцев рук и ладоней, пригодных для идентификации личности, не обнаружено.

Отпечатки пальцев и ладоней не могли быть обнаружены, но не по причине их отсутствия, а потому, что обнаруженные отпечатки эксперт не смог идентифицировать, так как в квартире в результате пожара и воздействия высокой температуры они стали непригодными для проведения по ним экспертизы. Пожарные подавали воду во все комнаты, и предметы, вещи, находившиеся в квартире, были замочены. Поэтому закрепить документально еще одно доказательство вины Артемьева не представилось возможным по объективным причинам.

Выводы судебно-медицинских экспертов, определяющие характер и механизм образования телесных повреждений у Стефанцова и Артемьева, согласуются с показаниями Артемьева на следственном эксперименте, где он, не задумываясь, указывает место около кресла, где, когда он пытался перехватить ножовку

у Стефанцова, тот «чиркнул» ему этой ножовкой по пальцам. Артемьев продемонстрировал на следственном эксперименте резаную рану на ладони.

Сомневаться в достоверности показаний Артемьева на следственном эксперименте у меня нет оснований, так как обстоятельства происшедшего Артемьев воспроизводит не только на следственном эксперименте, но и в явке с повинной, а также при допросе его в качестве обвиняемого с участием защитника. И нигде Артемьев не отказывается давать показания.

Явка с повинной также является доказательством вины Артемьева. Явка с повинной - это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Что сообщил Артемьев в явке с повинной? Цитирую: «Хочу сознаться, что 3 июня 2002 г. я совершил убийство гражданина, проживающего по ул. Федоровского, д. 23, кв. 42. В эту квартиру я пришел, чтобы найти Стаса, проживающего в этой квартире, но его там не было. Там же произошла стычка с находившимся в квартире мужчиной, в ходе чего я и убил его».

В судебном заседании Артемьев подтвердил, что писал эту явку собственноручно. Перед тем как написать, ему было разъяснено право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, что он вправе не свидетельствовать против себя. Разъяснение данной статьи предоставляет право выбора, рассказать или нет о совершенном преступлении. Однако Артемьев делает свой выбор и сознается в убийстве мужчины из 42-й квартиры.

Протокол явки с повинной и собственноручно написанная явка с повинной являются прямыми доказательствами совершения Артемьевым убийства.

Явка с повинной, следственный эксперимент, заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Артемьева, результаты обыска дали следствию полное основание предъявить Артемьеву 18 июня 2002 г. обвинение в убийстве Стефанцова и допросить его в качестве обвиняемого.

Для предъявления обвинения и допроса Артемьев обеспечивается по его заявлению юридической помощью - адвокатом Старожуком. Доводы о том, что ему не было известно, что при допросе присутствует адвокат, несостоятельны. Когда обвиняемый требует адвоката, но не знает его фамилию, следователь в этом случае выносит постановление о назначении адвоката. В деле же Артемьева этого постановления нет.

Перед началом допроса Артемьеву в очередной раз разъясняется право не свидетельствовать против себя. Но Артемьев в присутствии адвоката дает показания, что в ходе ссоры Стефанцов пытался ударить ножом Артемьева, но он отобрал нож. Когда Стефанцов дернул Артемьева за руку, в которой находился нож, Артемьев по неосторожности нанес ему удар ножом. Но куда был нанесен удар ножом, Артемьев пояснить не мог. Он сказал также, что не помнит, что было дальше.

В последующих допросах Артемьев от своих показаний отказался, отрицал, что 3 июня заходил в квартиру Стефанцова. Отказ Артемьева от первоначальных показаний является проявлением защитного поведения.

И все-таки проанализируем все детали совершенного преступления.

Мотивом прихода Артемьева в квартиру Стефанцова явилось то обстоятельство, что, разыскивая лиц,

похитивших у отца деньги, он идет в 42-ю квартиру, чтобы поговорить об этом со Стасом. Данный мотив в ходе следствия подтвердился, так как по факту открытого хищения 500 руб. у Артемьева Виктора Ивановича 4 июня 2002 г. было возбуждено уголовное дело, и 26 июня 2002 г. обвинения в грабеже было предъявлено Шостаку.

В судебном заседании Артемьев не отрицал, что от отца ему стало известно об ограблении, поэтому он пошел искать подростков. На звонок к квартиру 42, по показаниям Артемьева, дверь ему никто не открыл. Тогда он решил сходить к Маслову, с которым впоследствии распил полторалитровую бутылку пива «Лауреатское». В квартире Маслова он находился с 14 до 15 часов, а затем пошел домой. Отец его спал, и, посмотрев некоторое время футбол, Артемьев тоже уснул. Проснулся он, когда услышал вой милицейской сирены и запах дыма. Выйдя на лестничную площадку, он от подростков узнал, что в 42-й квартире убили отца Стаса. Примерно через пять минут он пришел в 39-ю квартиру, где проживает Приймак, и рассказал ему о пожаре и убийстве.

Время, когда Артемьев ушел от Маслова, т.е. 14.30, подтверждается оглашенными в зале суда показаниями свидетеля Маслова. Но дальнейшие показания Артемьева опровергаются совокупностью доказательств, исследованных в суде. Какие это доказательства?

Дополнительная судебно-медицинская экспертиза показала, что телесные повреждения погибшему были причинены в достаточно короткий промежуток времени и что смерть Стефанцова наступила в период с 15 до 16 часов.

Первыми труп Стефанцова в задымленной квартире обнаружили пожарные. Согласно акту о пожаре, сообщение о пожаре поступило в пожарную часть в 16 часов 25 минут. Пожар был локализован в 16 часов 44 минуты.

Свидетель Мазин показал, что после обнаружения в квартире трупа с признаками насильственной смерти сразу был вызван наряд милиции. Милиция приехала очень быстро.

Спецсообщение в дежурную часть Талнахского ГОВД от диспетчера пожарной части об обнаружении трупа поступило в 16 часов 50 минут. Следовательно, вой милицейской сирены, который слышал Артемьев, мог раздаваться только в 17 часов. Таким образом, только после 17 часов Артемьев мог спуститься на второй этаж и узнать от подростков об убийстве. И уже после этого пойти с этими сведениями к Приймаку.

Однако вспомним, что показал Приймак. Он показал, что Артемьев пришел к нему в то время, когда начинался фильм «Папа». В представленной вам программе указано время начала этого фильма - 16 часов 20 минут. Я утверждаю, что показания Приймака являются правдивыми и достоверными, поскольку давал он их 4 июня 2002 г., т.е. сразу после совершенного преступления, и в них связывал время прихода Артемьева с началом фильма «Папа».

Не мог Артемьев в 17 часов узнать об убийстве, поскольку в 16 часов 20-25 минут он уже находился в квартире 39 и рассказывал Приймаку о пожаре и трупе. Это еще одно обстоятельство, по которому не следует верить показаниям Артемьева.

Не мог Артемьев прийти в квартиру Приймака в окровавленной одежде, что вызвало бы подозрение в его причастности к убийству Стефанцова. Поэтому после совершенного убийства он пришел домой, снял с себя окровавленные вещи: спортивную футболку зеленого цвета и кофту синего цвета - и замочил их в ванне. Это не мои предположения. Как вы помните, уважаемые присяжные заседатели, на следственном эксперименте Артемьев пояснял, что, придя домой, он снял окровавленные вещи и бросил их в ванну, переодевшись в чистую одежду. Данные показания подтверждаются протоколом обыска в квартире Артемьева, в ходе которого изымаются эти вещи: куртка кожаная, кофта, а спортивную куртку синего цвета сняли с бельевой веревки.

На следующий день следователь производит осмотр этих вещей и назначает биологическую экспертизу. Каковы ее результаты? Заключение биологической экспертизы свидетельствует о том, что на изъятых объектах обнаружена кровь 1-й группы. Именно к такой группе относится кровь убитого Стефанцова (Артемьев имеет 2-ю группу крови).

На футболке и спортивной кофте следов крови не найдено, потому что они были застираны. Но даже после застирывания пятна крови остались. На кожаной куртке кровь сохранилась, потому что Артемьев ее не заметил, когда пришел домой. Таким образом, уважаемые присяжные заседатели, судебно-биологическая экспертиза является еще одним доказательством причастности Артемьева к убийству Стефанцова.

Как сам Артемьев объясняет появление пятен крови на одежде? По его показаниям, 4 июня он был одет в

черную кожаную куртку. Во время осмотра квартиры Стефанцовых его собака забежала в квартиру. Он прошел в коридор, около ванной поймал собаку, взял ее на руки и вышел из квартиры. Собака могла испачкать его куртку и оставить следы крови на правой доле куртки и на спине внизу.

Защита будет акцентировать ваше внимание на том обстоятельстве, что по делу не проведена криминалистическая экспертиза по установлению механизма образования пятен крови на одежде обвиняемого Артемьева. То есть по вопросу, могла ли образоваться кровь на куртке при обстоятельствах, изложенных Артемьевым, нет заключения эксперта, следовательно, нет доказательств причастности Артемьева к убийству.

Но доводы Артемьева тщательно проверялись как на следствии, так и в суде: были допрошены свидетели, оглашен протокол дополнительного осмотра места происшествия. Свидетель Пронин показал, что Артемьев в квартиру Стефанцова во время осмотра ее милицией вообще не заходил, а лишь заглянул. Когда ему было сделано замечание, чтобы не мешал, он позвал собаку, и она выбежала из квартиры. При этом Артемьев был одет в матерчатую куртку. Стефанцова же не помнит, брал ли Артемьев собаку на руки, но помнит, что дальше коридора он не заходил.

Далее, уважаемые присяжные, обращаю ваше внимание на то, что при дополнительном осмотре места происшествия все смывы на двери в ванную комнату, на входной двери и на мебели были сделаны путем увлажненного марлевого тампона. Кровь была высохшей, поэтому пришлось увлажнять тампоны и таким образом

переносить кровь с предмета на марлю. Следовательно, Артемьев не мог испачкаться ни о лапы собаки, ни о двери, если бы прикоснулся к ним.

В своих показаниях Артемьев акцентирует внимание на футбольном матче, который он смотрел по телевизору у себя в квартире. Адвокатом представлена программа передач на 3 июня 2002 г. В ней указано время матча с 14 до 16.30. Часть времени матча совпадает со временем убийства и временем пребывания Артемьева в квартире 42 с 14 до 16 часов и согласуется с его показаниями на следственном эксперименте, где он подробно рассказывал, что сел в кресло в квартире Стефанцова и стал смотреть телевизор, по которому шел футбол. Артемьев так же, как и на освидетельствовании, мог на следственном эксперименте не упоминать об этом матче. Но так как эта подробность является существенным обстоятельством, подтверждающим время совершения преступления, то Артемьев, отказываясь от своих показаний и создавая себе алиби, сообщает, что в то время, когда произошло убийство, он был дома и смотрел футбол. А чтобы показания были более правдоподобными, вспоминает, что играли не наши команды. То есть подсудимый корректирует свои показания в зависимости от имеющихся доказательств.

Показания, данные им 17 июня 2002 г., при предъявлении ему обвинения в совершении убийства, являются правдивыми. Об этом свидетельствуют показания отца подсудимого - Артемьева Виктора Ивановича, оглашенные в суде в связи с его смертью. Артемьев Виктор Иванович пояснил, что через несколько дней после 3 июня 2002 г. Евгения привезли домой сотрудники милиции. И когда Евгений уходил, то сказал:

«Батя, мы больше не увидимся». Отец спросил его, почему, на что Евгений сказал, что убил он.

Мать подсудимого Артемьева Людмила Петровна показала, что у Евгения с отцом были теплые, доверительные отношения. Вы помните также, что в рассказе об обстоятельствах дела Артемьев называл отца батей. И прощаясь с отцом, он был искренен, когда признался отцу, что совершил убийство.

По показаниям Артемьевой Людмилы Петровны, Артемьев Виктор Иванович плохо слышал и мог неточно понять слова сына. Эти показания надо оценивать как показания близкого человека. В любой ситуации мать будет защищать ребенка и принимать все меры, чтобы как-то помочь ему в беде. И защита будет утверждать, что отец не мог расслышать слов сына, которые тот сказал, выходя из квартиры, что он совершил убийство. По показаниям подсудимого, он сказал, что его обвиняют в убийстве; а в целом он согласился с показаниями отца. А это предположение в показаниях отца подсудимого имеет существенное значение, поэтому подсудимый отрицает его.

Защита будет также настаивать, что правдивыми являются показания Артемьева, данные в присутствии защиты, в которых он отказался от своих признательных показаний; а к показаниям на следственном эксперименте следует относиться критически, так как его показания, данные в квартире Стефанцова, не согласуются с протоколом осмотра места происшествия. Так, в протоколе указано, что один нож находился в ванной, а второй нож с ножовкой по дереву лежал на диване. Но Артемьев на следственном эксперименте указывает место на кухне, куда бросил нож, а ножовку,

выхваченную у Стефанцова, он бросил в коридоре, не доходя до кухни.

Напомню, уважаемые присяжные заседатели, что с 14 до 15 часов Артемьев распил с Масловым полторалитровую бутылку пива, следовательно, находился под воздействием спиртного. Допрошенный в качестве свидетеля 18 июня Артемьев сообщил, что после того, как он по неосторожности один раз ударил ножом Стефанцова, он ничего не помнит. Но Артемьев совершил не простое убийство. Судебно-медицинская экспертиза выявила 17 колото-резаных ран, в том числе травматическую ампутацию пальца левой кисти; 24 раны головы, туловища, причиненные пилой-ножовкой; закрытую травму груди с переломами тринадцати ребер. Все это прямо указывает на то, что Артемьев убивал Стефанцова осознанно, сознательно причинял ему особые страдания и мучения, т.е. действовал с особой жестокостью. Заключение о пожаре и показаниями Мазина обоснован вывод о поджоге как причине пожара с целью сокрытия следов преступления. С учетом времени обнаружения пожара - 16 часов 1 минута - считаю доказанным, что данный поджог совершил Артемьев. Я прошу вас, уважаемые присяжные заседатели, вдумчиво и ответственно подойти к оценке каждого из доказательств и принять правильное решение.

Речь в защиту Артемьева

Глубокоуважаемые присяжные заседатели!

Главный принцип уголовного судопроизводства заключается не только в справедливом наказании действительного виновника преступления, но и, что гораздо важнее, в отказе уголовного преследования и освобождения от наказания невиновного. Обвиняемый и подсудимый считаются невиновными до тех пор, пока их виновность не будет установлена судом, т.е. вами, и основана она должна быть на доказательствах, которые не вызывают сомнения. Любой приговор, обвинительный или оправдательный, не может быть основан на предположениях, а только на неопровержимых фактах.

Вам предстоит решить вопрос о дальнейшей судьбе Артемьева, оценить представленные обвинением доказательства по своему внутреннему убеждению, в соответствии с законом и совестью.

То, что совершено преступление, не вызывает сомнения; но вы должны решить вопрос: доказано ли, что именно Артемьев совершил данное преступление, что именно Артемьев виновен в его совершении.

Государственный обвинитель в своей речи сослался на акт о пожаре, что кто-то из жильцов сообщил о пожаре, а пожарные приехали и обнаружили труп. В 16 часов 01 минуту обнаружен пожар, в 16 часов 26 минут приехали пожарные; в 16 часов 44 минуты был ликвидирован пожар, и только в 16 часов 50 минут сообщают пожарные в ГОВД об обнаружении трупа. А ведь на месте происшествия было много людей! Сотрудники милиции начали осмотр места происшествия в 18 часов 40 минут. К квартире был разгром. Вы видели это на фотоснимках. И это свидетельствует об активной борьбе между потерпевшим и убийцей. Из квартиры

были изъяты ножовка, два ножа, коробок спичек, волосы, топорик.

Государственный обвинитель ссылаясь на заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Артемьева, в котором записано с его слов, что ранения ему причинены ножовкой. Но расстояния между точками должны соответствовать размеру зубцов ножовки. А какое это расстояние, неизвестно, эксперт не указал. Артемьев показал, что он резал мороженое мясо. Если бы эти ссадины были от удара ножовкой, то они должны были быть глубокими.

На видеокассете видно, что запись начинается со слов следователя о том, что следственный эксперимент проводится с целью проверки показаний подозреваемого на месте. Но какие показания проверялись, неизвестно. Следственный эксперимент не соответствует протоколу осмотра места происшествия.

На следственном эксперименте Артемьев заявил, что он не помнит, что случилось в квартире потерпевшего; значит, его там не было.

Не понятно, как Артемьев мог явиться для написания явки с повинной, если он в это время находился в изоляторе временного содержания.

Председательствующий останавливает защитника и просит присяжных заседателей не принимать во внимание высказывания защитника по поводу написания Артемьевым явки с повинной, так как явка с повинной является допустимым доказательством, полученным в соответствии с законом.

Защитник:

– Да, явка с повинной признана допустимым доказательством, но в явке с повинной не указано время совершения преступления.

В протоколе допроса обвиняемого Артемьева от 18 июня 2002 г. с участием защитника не указано время совершения преступления, в протоколе же следственного эксперимента время совершения преступления указано.

Потерпевшая Стефанцова и свидетель Стефанцов утверждают, что потерпевший не открывал дверь незнакомым. Так как же могла быть открыта железная дверь? О том, что в квартире труп, люди узнали раньше работников милиции. Также хочу отметить, что Артемьев не утверждал, что он слышал сирену милицейской машины.

Свидетель Приймак пояснил, что у него провалы в памяти, и его показания на предварительном следствии, что в 14 часов 20 минут к нему зашел Артемьев и он в это время смотрел фильм «Папа», идут вразрез с его показаниями в сегодняшнем судебном заседании. Приймак в судебном заседании показал, что в этот день он со знакомыми выпил три бутылки водки на троих, и непонятно, как он мог что-то помнить. В 16 часов 30 минут закончился футбол, который смотрел Артемьев, фильм «Папа» в 16 часов 20 минут начался; значит, Артемьев к Приймаку заходил позже, а не раньше.

А теперь о другой стороне доказательств. Изъятые при обыске вещи не были упакованы, о чем показал в суде сотрудник милиции Пронин.

Председательствующий останавливает защитника и просит присяжных заседателей не принимать во внимание при вынесении вердикта данные слова защитника, так как сотрудник милиции по этому вопросу

не допрашивался в судебном заседании в их присутствии, протокол обыска является допустимым доказательством.

Защитник:

– Согласно заключению биологической экспертизы, кровь 1-й группы могла быть от Стефанцова. А почему не от другого человека и где она обнаружена? Артемьев показал место, где на одежде было обнаружено пятно крови. Полнейшее несоответствие количества крови в квартире и в найденном пятне на куртке. Как могло такое быть? Ведь кровь у потерпевшего фонтанировала, и убивший должен был быть с головы до ног в крови. Пронин, совершавший осмотр квартиры, не мог не обратить внимание на кровь, когда заходил в квартиру Артемьева. О механизме образования пятен на одежде я ничего не могу сказать, так как одежда не представлена. То, что кровь собиралась влажным тампоном, как указал обвинитель, не говорит о том, что кровь была засохшей.

По поводу показаний отца Артемьева. Почему нельзя доверять показаниям матери подсудимого? Она пояснила, что муж рассказал, что подсудимый сказал ему, что его обвиняют в убийстве. Протокол допроса отца подсудимого был зачитан следователем.

Председательствующий останавливает защитника, так как он вводит присяжных заседателей в заблуждение, заявляя, что протокол допроса отца подсудимого был оглашен следователем, что не соответствует действительности, и просит присяжных заседателей при вынесении вердикта не принимать во внимание это высказывание защитника.

Защитник:

– Почему не были направлены на экспертизу пучки волос?

Председательствующий останавливает защитника, поскольку вопрос о недостатках следствия не исследуется в присутствии присяжных заседателей, и просит присяжных заседателей при вынесении вердикта не принимать во внимание высказывание защитника о пучке волос.

Защитник:

– О том, что в квартире было два человека, свидетельствуют два очага пожара. Обнаружено два ножа. Дактилоскопическая экспертиза не установила, кому принадлежат отпечатки, а ведь свидетель Мазин показал, что не вся квартира заливалась водой.

Проведенный защитой анализ доказательств позволяет сделать вывод о невинности Артемьева. Нет ни одного бесспорного доказательства, на основании которого Артемьев мог быть привлечен к ответственности за убийство Стефанцова и поджог его квартиры, за исключением протокола его допроса в качестве обвиняемого от 18 июня 2002 г., когда он признавал вину. Но этого недостаточно для вынесения обвинительного вердикта. Конституция РФ, а именно ст. 49, указывает, что все неустранимые сомнения толкуются в пользу подсудимого. А выше закона, чем Конституция, нет. Правосудия - это суд по праву, правый суд, основанный только на законе. И я надеюсь, господа присяжные заседатели, что вы вынесете оправдательный вердикт.

Речь в защиту Иванова

Ваша честь! Сегодня мы заканчиваем разбирательство этого необычного уголовного дела. Необычность его прежде всего состоит в том, что на скамье подсудимых - девять подростков, девять детей, по-другому их назвать просто невозможно. Дети, которые хорошо учились в школе, каждый из них стремился учиться дальше. Дети из абсолютно хороших семей, где каждым родителем уделялось достаточное внимание воспитанию ребенка.

Необычность дела определена и возрастом подсудимых, и объемом предъявленного им обвинения. Еще вначале, когда я только вступала в дело, знакомилась с материалами, было несколько страшно представить и поверить, что группа подростков, возраст которых не переступил порога 16-летия, совершила все то, что им вменяется в вину.

В данном судебном заседании я защищаю подсудимого Иванова. Органами следствия ему предъявлено обвинение по трем эпизодам совершения разбойного нападения на павильоны «Домовенок», «Лакомка» и «Лукошко», и квалифицированы его действия по каждому эпизоду п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное организованной группой по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевших.

Почему органами следствия усмотрен именно такой объем обвинения? Ответ на этот вопрос найден при тщательном, скрупулезном изучении материалов дела в ходе судебного разбирательства. Я очень внимательно слушала речь государственного обвинителя и полностью согласна с ее мнением в той части, что в действиях Иванова и других участников содеянного не усматриваются квалифицирующие признаки организованной группы, проникновение в помещение с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья.

Прежде всего хочу рассмотреть объем предъявленного обвинения. Не касаясь содеянного Ивановым, нахожу явное несоответствие объема обвинения фактическим обстоятельствам дела буквально с первого предложения обвинения: «22 июля 2004 г. у Иванова возник преступный умысел на создание устойчивой преступной организованной группы для совместной преступной деятельности в корыстных целях». Данное обвинение не нашло каких-либо доказательств еще в ходе следствия. С первого дня задержания, с первых допросов ни Иванов, ни другие участники группы, или, как называли ребята, из этой «компании», не говорили о подобном формировании. Каждый подробно пояснял цель формирования этой группы, причины их объединения и т.д.

Далее из обвинения: «Во время телефонного разговора с Маковым Иванов предложил последнему вступить в состав устойчивой преступной организованной группы». Однако же Маков поясняет, что у него были проблемы со сверстниками, у него вымогали деньги.

Иванов пытался разобраться, с этой целью предложил Макову объединиться с несколькими ребятами.

Ваша честь! Их не могли защитить родители, которые пытались защитить их интересы обращениями в правоохранительные органы, т.е. принимая единственно законное решение. Их не захотели защитить правоохранительные органы, которые просто игнорировали обращение родителей. Им оставалось только самим решить эти вопросы путем объединения и взаимной помощи. Общество создавалось только для самозащиты. Вывод следствия о том, что подростки объединились для совершения преступлений, ни на чем не основан и противоречит собранным по делу доказательствам. Маков в суде пояснил, что Иванов не был руководителем, что отношения между ребятами были товарищеские.

Далее по тексту обвинительного заключения: «Во время вступления в преступную организованную группу Шамсутдинова и Болтовского, имевших у себя пневматические газобаллонные пистолеты, Ивановым было принято решение о создании устойчивой вооруженной организованной группы, на что все члены группы согласились». Шамсутдинов и Болтовский в суде и на предварительном следствии подробно пояснили, что вступить в их группу им предлагал не Иванов, что цель объединения - защита от сверстников. Поскольку государственный обвинитель в данной части обвинения не поддерживает, не буду останавливаться на нем подробно. Я просто хотела подчеркнуть несоответствие предъявленного обвинения действительным событиям. Подобное имеет место и при предъявлении обвинения по

каждому из эпизодов, но об этом я скажу при квалификации действий.

Итак, эпизод первый. Павильон «Домовенок».

В судебном заседании долго пытались разобраться, как же все происходило, когда Иванов и Маков оказались внутри павильона. Есть три очевидца происходивших событий: Иванов, Маков и потерпевшая Сунчукова. После подробного допроса Сунчуковой я прихожу к убеждению, что действия Иванова, Макова и других участников правильно квалифицировать п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а не ч. 4 ст. 162 УК РФ, а именно: грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия. Первоначально по данному эпизоду дело было возбуждено именно по ч. 2 ст. 161 УК РФ. Я уверена, что это не случайность, а подтверждение фактических обстоятельств дела.

Чтобы убедить суд в правильности квалификации по п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, необходимо вспомнить показания потерпевшей Сунчуковой, которая в суде пояснила, что оговорила ребят, потому что была зла. Прошу внимания! Вот что она сказала в судебном заседании: «Я сначала удивилась, затем разозлилась и как-то их обозвала». Когда же Маков хотел подойти к прилавку, она ему сказала: «Тебе здесь вообще делать нечего». Далее она села на стул и сказала, что ничего, никаких денег давать не будет, хотя деньги в кассе были. Поскольку Сунчукова не испытала страха, она и не торопилась передавать им деньги. К тому же она пояснила суду, что сразу, как только зашли Иванов и Маков, увидев у Иванова пистолет, она поняла, что это не боевой пистолет, а пневматический. Она такими же

торгует, знает их действие. Сунчукова нападавшим заявила: «Что вы мне этими пукалками сделаете?»»

В суде выяснялся вопрос: если бы была угроза, могла бы она защититься? На данный вопрос Сунчукова дала однозначный ответ, что действительно имела возможность защититься: применить газовый баллончик или выбежать через дверь в подсобном помещении.

Иванову вменена угроза применением насилия, опасного для жизни и здоровья. Данное обвинение не нашло в суде своего подтверждения. Пистолеты в данном случае использовались как макеты. Все участники: Иванов, Маков, Шамсутдинов, Черкасов - пояснили, что пистолеты брали с целью напугать, потому что они не были заряжены. Баллистическая экспертиза дала такое заключение: «Пистолет к стрельбе не пригоден» (т. 3, л.д. 158-149). Подобные заключения даны по всем четырем пистолетам, используемым при нападении на павильоны (т. 3, л.д. 231, 234).

Осуществляя защиту и говоря о переквалификации действий Иванова на ч. 2 ст. 161, я не могу не сослаться на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Обратите внимание на п. 21: «В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившего неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо демонстративных действий,

свидетельствующих о намерении нападавших применить физическое насилие и т.п.».

Пункт 23 гласит: «Если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например, макетом пистолета, не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой или грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия». Я полагаю, что, принимая данное постановление, Пленум ВС РФ дает судам возможность тонкого и правильного подхода к квалификации действий в каждом конкретном случае. А здесь именно такой случай!

Аналогичная ситуация и в павильоне «Лакомка». Также уверена, что действия Иванова по данному эпизоду должны быть квалифицированы по п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, опять же исходя из показаний потерпевшей. Глушкова в суде показала: «Первоначально испуг, вероятно, и был, но, поскольку с их стороны агрессии не было, я успокоилась. Дважды ходила в подсобку. Если бы я испугалась, я убежала бы через подсобку». Я убеждена, что наши грабители сами боялись продавцов. Ни в первом, ни во втором случае не только какие-либо угрозы не высказываются, но с их стороны не прослеживается грубости, оскорблений, циничности.

По данному эпизоду потерпевшей признана и Барщинова, которая в суде пояснила, что, когда

Глушкова ей позвонила и сообщила об ограблении, она была в нормальном состоянии. Так же, как и в первом случае, деньги в кассе оставались. Глушкова передала нападавшим деньги только для того, чтобы они ушли. Если бы существовала реальная угроза, думаю, чтобы спасти свою жизнь, деньги потерпевшая передала бы все.

Угроз ей не высказывалось, оружие брали с целью напугать, пистолеты были разряжены и, по заключению баллистической экспертизы, к стрельбе не пригодны. Потерпевшая Глушкова понимала, что ситуация управляемая, опасности для себя не видела, не ощутила. У суда имеются все основания, руководствуясь названным постановлением ВС РФ, переqualифицировать действия Иванова с ч. 4 ст. 162 на п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Третий эпизод - павильон «Лукошко».

Иванов, как и другие ребята, в суде был честен и, как мог, доказывал степень своей причастности или непричастности к тому или другому эпизоду.

Ваша честь! Обращаю ваше внимание на то, что по первому эпизоду, не перекладывая ни на кого ответственность, он открыто пояснил: «Я предложил совершить ограбление павильона «Домовенок», так как всем хотелось иметь такие пистолеты». Это вполне объяснимо. Им нужны были макеты оружия, роль которых вполне могли сыграть газобаллонные пистолеты. Макеты оружия нужны им были для запугивания лиц, конфликты с которыми уже были и могли случиться в будущем.

В эпизоде с павильоном «Лакомка» инициатором Иванов не являлся, он был исполнителем. В эпизоде,

происшедшем в павильоне «Лукошко», вряд ли он понимал, что своими действиями (а действия его сводились к тому, что он передал ребятам пистолет, маску и дал надеть свою толстовку) он совершает преступление.

И вообще, понимали ли подростки в полной мере правовые последствия своих поступков? Я с уверенностью могу заявить, что нет. Не понимали. Современное поколение подвергается разноплановой обработке со стороны средств массовой информации. Даже наше российское телевидение практически в каждом сериале пропагандирует культ насилия, когда вроде бы положительный герой совершенно безнаказанно совершает убийства и иные тяжкие преступления. Даже в криминальных новостях, говоря о совершенных разбоях, приводят примеры, связанные с насилием над жертвами, с применением настоящего оружия или предметов, используемых в качестве такового, т.е. ножей, топоров и т.п. Подростки, не обладающие достаточным жизненным опытом, имея при себе, по существу, макеты оружия, не высказывая явных угроз, не применяя физического насилия, считали несопоставимыми те действия, которые они совершили, с тем, что они привыкли видеть по телевидению.

Однако в момент ограбления павильона «Лукошко» Иванов внутренне для себя решил, что надо прекращать противоправные поступки, грабежи. Насмелился, сказал об этом друзьям, на что другой участник сказал, что он уже «настроился».

Он, Иванов, не смог настоять на том, что подобное совершать не следует. В тот момент они испытывали друг к другу определенные товарищеские чувства. И когда

Иванов давал согласие на повторное ограбление павильона «Домовенок», в тот момент он пообещал пистолет и маску. А когда все изменилось и грабить решили «Лукошко», он просто не мог отказать. Здесь главенствующую роль сыграло чувство товарищества, но ложное, неправильное это было чувство.

То, что Иванов первым высказал мысль о необходимости заканчивать с грабежами, засвидетельствовано и на следствии в протоколе допроса Иванова от 28 апреля 2005 г. (л.д. 120). Черкасов, Яманов, Болтовский в суде подтвердили, что Иванов говорил: «Пора завязывать с ограблениями».

Не уменьшая роли Иванова в нападении на павильон «Лукошко», полагаю, что действия его правильно квалифицировать по п. 5 ст. 33; по ч. 2 ст. 161 УК РФ, так как Иванов выполнял роль пособника. К месту совершения преступления он пошел из любопытства, посмотреть, как все пройдет. От павильона он с Черкасовым отошел за забор на стройку. Вход и выход из павильона с того места, где они стояли, не просматривался. Другие участники преступления это подтвердили. В суде и на следствии оперуполномоченный Токарев подтвердил, что Иванов говорил ребятам, что пора прекращать совершать ограбления.

Что я могу сказать о Иванове как о человеке?

Иванов Виктор родился 4 сентября 1988 г. в интеллигентной семье. Житель г. Шарыпово. Его воспитанием занимались не только родители, которые абсолютно положительно характеризуются как по работе, так и в быту, но и бабушка с дедушкой. Дедушка Виктора, Иванов Валентин Никифорович, является

почетным гражданином г. Шарыпово, почетным энергетиком, был награжден нагрудным знаком «Заслуженный работник ЕЭС России». Я хочу этим подчеркнуть, что в этого молодого человека было вложено все хорошее и что он не потерянный для общества человек. (Ни одна из потерпевших не сказала, что кто-то из ребят оскорбил, сказал что-то грубое. Это тоже говорит о воспитании.)

За то, что случилось, безусловно, надо нести ответственность. Но эта ответственность не должна сводиться к лишению свободы. На моего подзащитного в деле пять характеристик. Все положительные. В них отражено мнение учителей - не лишать его свободы. У Иванова имеется конкретная цель - получить высшее образование по профессии, которая его увлекает и к которой он стремится. Лишение свободы сломает все его жизненные планы. От этого не выиграет никто: ни его родители, ни он, ни общество в целом.

Каково состояние здоровья Иванова? Он страдает язвенной болезнью желудка, стрептодермией; у него было сотрясение головного мозга. В суде оглашались документы, подтверждающие это.

Все, что произошло с Виктором, - это его первый в жизни проступок. И наказание он уже несет с момента задержания и заключения под стражу. Задержан он был 29 марта 2005 г.

Идет весна. И какая! Семнадцатая! Свою семнадцатую весну он провел в СИЗО. Судьба дала ему достаточный урок. Страшно представить условия, в которых оказываются подростки в СИЗО. Это в полной мере позволило ему оценить свое поведение. В сознании один постоянный вопрос: «Зачем я это сделал? Отшумел

выпускной бал. Одноклассники сдают вступительные экзамены. А я... Зачем?» Все это там, в неокрепшей душе, переживалось. И в результате - раскаяние. Полное, деятельное! Сегодня у него язвы на теле. Самое главное - чтобы язв не осталось в душе. Колония или тюрьма, к сожалению, не исправляют.

Наконец, вопрос о мере наказания. В соответствии с уголовным законодательством наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Хочу обратить внимание суда на то, что тяжких последствий в результате действий подсудимых не наступило. Все возможное для того, чтобы загладить причиненный вред, было предпринято как подсудимыми, так и их родителями. Мой подзащитный Иванов раскаялся в содеянном. На протяжении всего следствия и в суде его показания последовательны, правдивы, и тем самым он активно содействовал раскрытию преступления. И это служит достаточной гарантией того, что он больше не окажется на скамье подсудимых.

Ваша честь! Заканчивая свое выступление, я хочу, чтобы после оглашения приговора девять пар глаз засияли счастливым блеском; чтобы девять мам впервые за пять месяцев уснули спокойно; чтобы девять отцов на видном месте в квартире повесили ремни как напоминание о действенном методе воспитания. Этих детей еще можно направить в нужное русло.

Ваша честь! Я прошу вас об условной мере наказания для Иванова Виктора. Его судьба - в ваших руках.

Речь в защиту Шемберга

Уважаемый суд! Органы предварительного следствия инкриминировали моему подзащитному Шембергу Павлу Самойловичу умышленное причинение смерти Миронову Игорю Сергеевичу и эти действия Шемберга квалифицировали по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Все доказательства по делу исследованы в процессе судебного разбирательства (за исключением протокола проверки показаний свидетеля Петракова на месте от 12 ноября 2004 г.) в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 88 УПК РФ. Все они допустимы, достоверны, а в своей совокупности достаточны для того, чтобы по делу был постановлен законный, обоснованный и справедливый приговор. Еще на стадии предварительного расследования я убедился в том, что обвинение Шембергу в убийстве Миронова предъявлено необоснованно. И поэтому сторона защиты дважды ходатайствовала о прекращении уголовного преследования в отношении Шемберга в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Эти ходатайства были от 3 ноября и 3 декабря 2004 г. На данный момент эта позиция защиты не изменилась. Более того. В результате судебного следствия появились новые доказательства, свидетельствующие также о невинности Шемберга в предъявленном ему обвинении.

Судебный процесс по делу Шемберга проходил в напряженной психологической обстановке, особенно в его первые дни. Однако я с полным удовлетворением отмечаю, что суд и в такой обстановке смог обеспечить

сторонам обвинения и защиты все условия, необходимые для выполнения ими своих процессуальных обязанностей. В судебном разбирательстве было достигнуто то фактическое равенство сторон, о котором идет речь в ст. 15 УПК РФ (сопоставимость сторон). Если говорить конкретно о стороне защиты, то у нее были условия для того, чтобы выполнить перед Шембергом свои обязанности так, как их определяют УПК РФ и Кодекс профессиональной этики адвокатов: честно, добросовестно и разумно, с использованием всех средств защиты, не запрещенных законом.

При исследовании доказательств по делу Шемберга я стремился к тому, чтобы такое исследование было глубоким, всесторонним и объективным. Эта цель была достигнута. Именно поэтому я согласен со всеми доказательствами, которые были исследованы в судебном заседании, и не оспариваю ни одного из них.

При таком заявлении защиты может возникнуть вопрос: прокуратура также не оспаривает этих доказательств, однако в своих оценках приходит к другим выводам. Возможно ли такое? Да, такое именно в деле Шемберга возможно. Я до настоящего времени убежден в том, что при расследовании данного дела два должностных лица Шарыповской межрайонной прокуратуры, имеющие непосредственное отношение к расследованию дела Шемберга, из корыстных побуждений допустили злоупотребление служебным положением. Об этом свидетельствуют не только показания Шемберга и свидетеля Шуваровой, но и сам ход предварительного расследования, в процессе которого не удовлетворялись ходатайства, которые нельзя было отклонить, а также допущены многочисленные ошибки и недочеты, которые могут быть

объяснены только одним - личной заинтересованностью тех, кто расследовал дело и осуществлял прокурорский надзор за его расследованием. Именно с учетом этих факторов в судебном разбирательстве возникла и продолжалась напряженная психологическая обстановка.

Свою обязанность в настоящем судебном процессе я вижу не только в том, чтобы оказывать юридическую помощь Шембергу, но и помочь суду в поисках юридической истины по данному делу, обращая его внимание на те обстоятельства, которые оправдывают Шемберга в инкриминированном ему деянии. В этой связи, уважаемый суд, я бы считал для себя целесообразным исследование доказательств и их оценку производить последовательно в хронологическом (т.е. во времени) порядке и за точку отсчета взять события, которые предшествовали тому, что произошло 7 сентября 2004 г. на подстанции «Итатская».

Судебным следствием было установлено, что Шемберг и Миронов были знакомы друг с другом на протяжении последних 7-8 лет. Отношения между ними до 7 сентября 2004 г. были хорошими. Они никогда не конфликтовали, не ссорились. С января 2004 г. они являлись компаньонами, так как совместно друг с другом, а также с гражданами Шуваровой и Филипповым учредили охранное агентство «Медведь», в котором Миронов до 9 августа 2004 г. являлся генеральным директором. 11 мая 2004 г. Миронов без согласования с остальными учредителями и с использованием своего должностного положения, а также печати охранного агентства взял у Юшкова займы 200 тыс. руб. со сроком возврата через месяц. Однако эти деньги не возвращены Юшкову до настоящего времени. В связи с допущенными нарушениями в финансово-хозяйственной деятельности 9

августа 2004 г. Миронов на общем собрании участников общества был отстранен от должности генерального директора. И с этого времени фактически отношения между Мироновым и Шембергом прекратились.

В судебном заседании прозвучали претензии потерпевшей Мироновой к охранному агентству «Медведь», в частности, лично к Шембергу, что Миронов будто бы необоснованно был освобожден от должности руководителя. На мой взгляд, эти претензии не имеют под собой законного основания. Сам Миронов Игорь Сергеевич считал свое освобождение правильным, так как не обжаловал его в установленном законом порядке. Кроме того, согласно решению Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 1 апреля 2005 г. исковые требования гражданина Юшкова М.А. о взыскании упомянутой суммы долга с охранного агентства «Медведь» признаны необоснованными и в удовлетворении иска отказано. 25 мая 2005 г. краевой суд признал это решение законным и обоснованным. Таким образом, всякие доводы о незаконности и несправедливости соучредителей ОА «Медведь» (и в первую очередь Шемберга и его матери Шуваровой) по отношению к Миронову являются по существу спекуляциями и в качестве таковых они должны быть оценены судом. Миронов практически в течение целого месяца после освобождения его от должности директора не предпринимал вообще никаких мер по оспариванию данного решения общего собрания учредителей. Однако спустя месяц он изменил свое прежнее мнение и предпочел действовать не по закону, а с позиции силы, о чем свидетельствуют события 7 сентября 2004 г.

В период с 1 по 3 сентября 2004 г. в Северной Осетии произошла массовая трагедия. В результате

террористического акта в школе погибли сотни людей, большая часть из которых были дети. Это событие повлекло за собой принятие по всей стране превентивных мер под защите от актов терроризма. Были приняты меры по усилению охраны объектов, обеспечивающих жизнедеятельность государства. В их числе находится и подстанция «Итатская». 3 сентября 2004 г. собственник «Итатской» в лице директора Шагалиева направил руководителю охранного агентства «Медведь» Шуваровой распоряжение об усилении охраны подстанции. Это распоряжение в тот же день было передано по факсу исполнительному директору охранного агентства «Медведь» Шембергу для его практической реализации.

6 сентября 2004 г. начальник лицензионно-разрешительной службы Шарыповского РОВД Красиков провел совещание с руководителями частных охранных структур по вопросам усиления охраны объектов. На этом совещании от охранного агентства «Медведь» присутствовал Шемберг. И те требования, которые были адресованы руководителям частных охранных структур, были обязательны для исполнения и для него. Именно с учетом перечисленных обстоятельств Шемберг принял решение о создании двух групп усиления охраны подстанции, одну из которых возглавил лично с утра 7 сентября 2004 г. По своему должностному положению в охранном агентстве Шемберг являлся его исполнительным директором. Он имел лицензию на частную охранную деятельность и разрешение органов внутренних дел на право приобретения, ношения и хранения огнестрельного оружия. При таких данных прибытие Шемберга утром 7 сентября на подстанцию для непосредственной охраны объекта и получения в свое

распоряжение в установленном порядке огнестрельного оружия является абсолютно правомерным, и оспаривать это бессмысленно.

Тем не менее органы предварительного следствия с упорством, достойным лучшего применения, игнорируют этот очевидный факт и никак не могут смириться с тем, что во время событий 7 сентября Шемберг находился при исполнении своих трудовых (служебных) обязанностей. Напрашивается вопрос: почему прокуратура против этого очевидного для всех обстоятельства? Я полагаю, ответ на этот вопрос найти несложно. Еще в процессе предварительного следствия 24 ноября 2004 г. стороной защиты было заявлено ходатайство об изменении предъявленного Шембергу обвинения. В этом ходатайстве указывалось на необходимость предъявления Шембергу обвинения в соответствии с требованиями п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, т.е. с изложением всех тех обстоятельств, которые были установлены в ходе расследования. В данном случае речь шла о том, чтобы органы предварительного следствия указали бы на то, что «утром 7 сентября 2004 г. Шемберг на основании распоряжения собственника подстанции, указаний должностных лиц Шарыповского РОВД и в соответствии со своими должностными обязанностями прибыл на территорию подстанции, где в установленном порядке получил для служебного пользования огнестрельное оружие - карабин «Сайга-410К» в снаряженном десятью патронами состоянии и приступил к охране объекта».

Однако органы предварительного следствия необоснованно отказали в удовлетворении данного ходатайства. И в своем постановлении от 25 ноября 2004 г. следователь не только отказал в изменении формулировки обвинения, но пошел еще дальше: в

резольтивной части постановления он отказался прекратить уголовное дело в отношении Шемберга, хотя защита в своем ходатайстве от 24 ноября просила не о прекращении дела, а лишь об изменении формулировки обвинения. Я уверен, что такую позицию следователя назвать случайной или ошибочной нельзя.

Если бы обвинение Шембергу было предъявлено в соответствии с требованиями п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК, т.е. с изложением всех обстоятельств, установленных в ходе расследования, а не выборочно, с подгонкой их под диспозицию ч. 1 ст. 105 УК РФ, то тогда необходимо было указать два важнейших обстоятельства. Первое из них - это то, что 7 сентября Шемберг находился при исполнении своих трудовых (служебных) обязанностей. И второе: оружие он применил при нападении на него Миронова, который намеревался при этом обезоружить Шемберга и использовать оружие для физической расправы над ним. Однако официальное признание органами предварительного следствия упомянутых выше двух важнейших обстоятельств неизбежно приводило их к выводу о правомерности действий Шемберга и отсутствии в них состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. При таких данных должностные лица прокуратуры лишались возможности получить материальное вознаграждение, к которому они стремились. Именно этим, и не только этим, можно объяснить действия следователя, который, несмотря ни на что, в том числе и на грубые нарушения закона, упрямо и настойчиво продвигался к намеченной им цели. Между тем доказательства, исследованные в суде, подтвердили лишь два обстоятельства, изложенные в постановлении о привлечении Шемберга в качестве обвиняемого от 16 ноября 2004 г. и в обвинительном

заклучении. Эти обстоятельства следующие. Первое: между Шембергом и Мироновым утром 7 сентября действительно произошла ссора; второе: Миронов погиб в результате выстрела, который был произведен Шембергом. Однако виновность Шемберга в совершенном им деянии, форма вины и мотив подтверждения в судебном разбирательстве не нашли.

Чтобы не быть голословным в данном утверждении, я намерен проанализировать каждое доказательство, исследованное в суде, и огласить выводы, которые вытекают из этого анализа.

Из показаний допрошенных в судебном заседании лиц: Шемберга, Стахурского, Петракова, Замалдинова, Магамедова и Смердова - усматривается, что утром 7 сентября к подстанции «Итатская» прибыл Миронов, находившийся с состоянием алкогольного опьянения. Он стал предъявлять претензии Шембергу, оскорблять его нецензурными и другими унижающими достоинство словами. Шемберг отвечал Миронову тем же. В процессе этой ссоры Шемберг неоднократно предлагал Миронову прекратить ее и обсудить возникшие вопросы в трезвом состоянии, в другое время и в служебном помещении. Однако Миронов этого предложения не принял, а, продолжая ссору, перешел к более активным действиям. Он трижды пытался перелезть через забор на территорию подстанции, где находился вооруженный карабином Шемберг. Кроме того, Миронов дважды пытался проскочить на территорию подстанции через ворота, которые служат для пропуска автомобилей. Все перечисленные попытки Миронова окончились неудачей, так как в проникновении на территорию подстанции ему мешали охранники Стахурский, Петраков, Магамедов, Замалдинов. В процессе этих действий Миронов

неоднократно высказывал угрозы Шембергу физической расправой не только над ним, но и над его матерью, гражданкой Шуваровой, и уничтожением ее дома путем поджога.

Что должен был делать в этой обстановке Шемберг? Безусловно, охранять объект. Он прибыл на работу с целью охранять подстанцию и должен был заниматься именно этим делом. Может быть, Шембергу не нужно было спорить с Мироновым, оскорблять его нецензурными словами? Не знаю. Но если закон предоставляет право любому гражданину защищаться от общественно опасного посягательства, то почему Шемберг должен быть лишен права отвечать оскорблением на оскорбление? Ведь оскорбления, высказываемые Мироновым, носили публичный характер, так как были нанесены в присутствии не только подчиненных Шемберга, но и совсем посторонних людей, в частности, гражданина Смердова.

В один из моментов словесной ссоры Шемберг пригрозил Миронову убийством, и представители стороны обвинения сразу же сделали из этого однозначный вывод о реальном намерении Шемберга осуществить эту угрозу, так как спустя несколько минут Миронов был действительно смертельно ранен. Мне представляется ошибочным делать такой вывод, и вот по каким причинам.

Прежде чем высказать эту угрозу, Шемберг услышал точно такие же угрозы со стороны Миронова. Для реализации своих угроз Миронов принимал активные меры: он хотел добраться до Шемберга и подвергнуть его по меньшей мере физическому избиению. Другого вывода здесь быть не может, так как, чтобы только

ссориться, Миронову вовсе не обязательно было проникать туда, где находился Шемберг. В этих условиях Шемберг, по его словам, и решил припугнуть Миронова, чтобы тот прекратил свои противоправные действия. По показаниям свидетеля Замалдинова, эта угроза была высказана в таких словах: «Давай лезь, и если перелезешь через забор, то тогда я точно тебя «завалю». Эти слова следует понимать таким образом, что применять оружие Шемберг был намерен только при условии реального проникновения Миронова на территорию подстанции. Как бы в действительности повел себя Шемберг в том случае, если бы Миронов действительно перелез через забор, мы не знаем, поскольку Миронову не дали возможности это сделать.

Вместе с тем по делу установлен факт, который свидетельствует о том, что угроза Шемберга «завалить» Миронова носила характер только предупреждения о возможности применения оружия.

После того, как Миронов безуспешно пытался проникнуть на территорию подстанции через забор (трижды) и через ворота (дважды), он изменил тактику. Он стал убеждать охранников в том, что он успокоился и больше никаких противоправных действий предпринимать не будет. Эти слова Миронова усыпили бдительность охранников, которые егопустили, предоставив ему таким образом свободу действий. Миронов мгновенно воспользовался этим обстоятельством. Он всей массой своего тела разрушил витринное стекло в одной из стен контрольно-пропускного пункта и через образовавшийся проем ворвался в проходную, т.е. на территорию подстанции. По показаниям свидетеля Стахурского, Миронову при этом удалось преодолеть дверной проем,

который выходил непосредственно на территорию подстанции, где в этот момент находился Шемберг.

Если угроза «завалить» Миронова у Шемберга была реальной, то более подходящего момента для ее осуществления нельзя было и придумать. Шемберг с самого начала видел, как Миронов разбил стекло и ворвался в проходную. В этой ситуации Шемберг для реализации своей угрозы должен был последовать навстречу Миронову и произвести в него выстрел. Как же на самом деле поступил Шемберг после того, как Миронов оказался сначала в проходной, а затем и на внутренней территории подстанции?

Вместо того чтобы двигаться к Миронову и претворить свой замысел в реальность, Шемберг поступает с точностью до наоборот. Он убегает от Миронова в противоположную сторону, в пути следования открывает кнопку на столбе ворота и через открывшийся проем выходит на внешнюю сторону забора. По его словам, он таким образом избежал столкновения с Мироновым и об использовании оружия в тот момент даже не думал. На территории подстанции Шемберг вновь оказался только после того, как охранники стали выводить Миронова из помещения проходной. В связи с тем что через разбитое стекло доступ в проходную стал свободным, Шемберг избрал для себя тактику не отходить далеко от ворот с тем, чтобы при очередном проникновении Миронова в проходную он имел бы возможность скрыться от него через проем в воротах.

Опасения Шемберга относительно дальнейших противоправных действий Миронова были не беспочвенными. К тому времени Шемберг трижды звонил

в дежурную часть милиции, сообщая об этом происшествии и требуя помощи, однако наряд милиции прибыл уже слишком поздно. Охранники Стахурский, Петраков, Магамедов и Замалдинов действовали пассивно и несогласованно по пресечению противоправного поведения Миронова: они либо не хотели выполнять свои обязанности должным образом, либо не могли физически справиться с Мироновым.

Для меня бесспорным остается одно: Шемберг уступал Миронову в физическом развитии и поэтому испытывал страх перед возможным поединком. В течение не менее 30 минут Шембергу удавалось избегать непосредственного единоборства с Мироновым; однако судьба распорядилась по-другому, и сохранить эту тактику до благополучного завершения ситуации Шемберг не смог по не зависящим от него причинам.

После того, как охранники выдворили Миронова из проходной, Миронов решил выместить свою злобу на автомобиле Шемберга. С этой целью он стал наносить по салону машины удары ногами, а кулаками - по заднему стеклу, пытаясь его разбить. От этих действий Миронова на автомобиле остались две вмятины: одна на правом заднем крыле и другая - на двери багажника в области замка. Дальнейшие действия Миронова в отношении ни в чем не повинного автомобиля вновь пресекли охранники Стахурский, Магамедов и Петраков, которые оттащили Миронова в сторону машины, на которой тот приехал к подстанции. При этом, как и прежде, охранники успокаивали Миронова, уговаривали его уехать домой. Миронов, по показаниям Стахурского, Магамедова и Петракова, в очередной раз согласился с ними, сказал, что поедет домой, а свои отношения с Шембергом намеревался выяснить в другое время и в другом месте.

Охранники поверили Миронову и вновь предоставили ему свободу действий. По их словам, Миронов самостоятельно шел к машине, и его в этот момент никто не удерживал.

Однако такое спокойствие оказалось недолгим, не более одной-двух минут. По словам очевидцев, Миронов неожиданно для них резко развернулся в сторону Шемберга, который в тот момент стоял на площадке перед въездными воротами на их внешней стороне на расстоянии 15-20 м от Миронова, который сначала быстрым шагом, а затем бегом устремился к нему с нецензурной бранью и угрозами расправой.

Что же послужило причиной столь резкой перемены в поведении Миронова? По версии органов предварительного следствия, Миронов побежал к Шембергу, поскольку тот его окликнул. Именно так об этом сказано в официальных документах: в постановлении о привлечении Шемберга в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении. Между тем Шемберг и на предварительном следствии, и в судебном заседании категорически отрицал этот факт и показывал, что в тот момент на территории подстанции производились работы, и его самого отвлек от наблюдений за Мироновым какой-то неопределенный звук с территории подстанции. Именно поэтому он не заметил начала движения к нему Миронову и увидел его бегущим на расстоянии примерно 10 метров от себя.

Свидетели Стахурский и Магамедов пояснили, что в тот момент, когда они оттаскивали Миронова от автомобиля, по которому тот наносил удары ногами и кулаками, они слышали слова Шемберга, обращенные не к Миронову, а к ним, охранникам. При этом Шемберг

ругался на них, в том числе и нецензурными словами, обвиняя их в том, что они не способны задержать одного пьяного человека.

Даже наиболее лояльный к Миронову свидетель, друг его детства Петраков, и тот в суде при допросе 4 марта 2005 г. не подтвердил версию органов предварительного следствия о том, что Миронова в тот момент окликнул Шемберг. Об этом свидетель Петраков сказал так: «Я услышал окрик Шемберга. По тому, как на этот окрик обернулся Миронов, я понял, что окрик предназначался ему. Увидев, что Миронов побежал в сторону Шемберга, я предположил, что этот окрик был оскорбительным». Эти показания Петракова я привел дословно и с уверенностью могут утверждать, что они не давали органам предварительного следствия оснований считать доказанным, что Миронов побежал к Шембергу именно на его окрик.

Однако при повторном допросе в суде 30 мая Петраков стал категорически утверждать, что Миронова окликнул Шемберг, а после того, как Миронов обернулся в сторону Шемберга, последний оскорбил его нецензурными словами, и именно это оскорбление явилось поводом к тому, что Миронов сначала пошел, а затем побежал к Шембергу. Изменения в показаниях свидетеля Петракова появились только после того, как были оглашены его показания, данные на допросе в процессе предварительного следствия 7 сентября (т. 1 л.д. 150-151), где Петраков действительно говорил о том, что в тот момент Шемберг оскорбил Миронова нецензурной бранью. Однако при допросе 7 октября (т. 1 л.д. 202-203) Петраков об этом же эпизоде говорил следующее: «В этот момент я услышал окрик Шемберга, он что-то кричал в адрес Миронова». На какую-либо

нецензурную брань на этом допросе Петраков не ссылался.

На очной ставке с Шембергом 14 октября (т. 2 л.д. 49-52) Петраков показал следующее: «Я, подходя к машине Миронова, услышал окрик Шемберга, я так понял, в адрес Миронова, после чего Миронов и побежал к Шембергу». В этих показаниях вновь отсутствуют данные об оскорблении Миронова нецензурными словами. Объясняя причины этих противоречий, Петраков в судебном заседании 30 мая сослался на то, что окрик Шемберга для него был непонятным, но вслед за окриком последовала четкая и разборчивая нецензурная брань, хотя об этой особенности Петраков ранее не говорил. При повторном допросе в тот же день, т.е. 30 мая, Петраков сообщил сведения, о которых он ранее вообще не говорил: что в тот момент Шемберг подстрекал Миронова к нападению на него словами: «Давай, давай! Ну что, слабо?» На вопрос о том, почему Петраков ранее умалчивал эти обстоятельства, убедительного или хотя бы определенного ответа так и не было получено.

Для повторного допроса на 30 мая Петраков так же, как свидетели Стахурский и Замалдинов, был вызван по ходатайству стороны обвинения. При этом сторона защиты возражала против повторного допроса, поскольку перечисленные свидетели были подробно допрошены в судебном заседании еще в марте текущего года. При обосновании ходатайства о повторном допросе этих лиц сторона обвинения ссылалась только на необходимость выяснения обстоятельств, связанных с приведением карабина в боевое состояние. Данное условие стороной обвинения было выполнено лишь при допросе свидетелей Стахурского и Замалдинова. Во

время допроса Петракова стали выясняться вопросы, на которые уже были получены ответы 4 марта 2005 г.

Настойчивость, с которой представитель потерпевшей допрашивал Петракова, привела к тому, что допрашиваемый изменил свои данные ранее показания и дополнил их новыми подробностями. В один из моментов допроса Петраков испытал затруднение в формулировке окончательного вывода о том, к чему именно привела нецензурная брань Шемберга в адрес Миронова. На помощь Петракову пришел гособвинитель, который подсказал нужный ответ: «Тем самым Шемберг спровоцировал Миронова»? После этой фразы прокурора Петракову осталось произнести только одно слово «да», что Петраков и сделал. Именно ради этого момента Петраков и был вызван для повторного допроса, а Стахурский и Замалдинов понадобились стороне обвинения в качестве ширмы для прикрытия своих истинных намерений.

Ответ на вопрос, в какой момент и кем именно карабин был приведен в состояние боевой готовности, получен судом еще 6 мая. Об этом сообщил суду Шемберг, что он привел карабин в боевое состояние практически сразу же после получения им оружия от Стахурского.

Оценивать показания свидетеля Петракова на допросе в суде от 30 мая достаточно сложно в силу их явной противоречивости. Тем более что Петраков не отказался от своих ранее данных показаний. А ведь эти показания взаимно исключают друг друга! И оценить, какое из них истинное, а какое ложное, практически невозможно. С учетом всех обстоятельств, связанных с допросом Петракова от 30 мая и его личных отношений с

Мироновым, другом с детских лет, я убежден в том, что Петраков, вопреки своему гражданскому долгу, дал частично неправдивые показания в интересах стороны обвинения. Тем более что никто из свидетелей эти показания Петракова не подтвердил.

Есть и другие важные факты, о которых рассказал Петраков и которые противоречат не только показаниям других свидетелей, но и объективным данным, установленным по делу. К таким фактам относятся следующие: расстояние, с которого Шембергом был произведен выстрел на поражение; направление ствола карабина в момент выстрела; действия Магамедова в отношении Миронова и их взаимное расположение в тот момент, когда Магамедов пытался остановить бегущего Миронова; вывода Петракова относительно того, по какой причине Миронов в момент второго выстрела оказался в положении «согнувшись».

В обвинительном заключении его автор особым шрифтом выделил свою собственную оценку показаний Петракова и Стахурского. В этой части обвинительного заключения указывается следующее: «Частичное изменение Стахурским и Петраковым показаний в ходе очных ставок объясняется их служебной зависимостью от Шемберга и Шуваровой, которая является руководителем охранного агентства «Медведь», где работают Петраков и Стахурский». Однако данная оценка является голословной, поскольку не подтверждается какими-либо доказательствами. Одной лишь служебной зависимости для подобного вывода явно недостаточно. Петраков и Стахурский перед их допросами предупреждались об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, при этом нужно доказать, что их служебная зависимость от Шемберга и Шуваровой были для них более важной,

чем возможность привлечения их к уголовной ответственности за лжесвидетельство по уголовному делу. Таких доказательств в деле нет и не было. Кроме того, 4 марта 2005 г. во время допроса в суде Петраков уже около пяти месяцев не являлся сотрудником ОА «Медведь», так как уволился оттуда по собственному желанию еще 16 ноября 2004 г., поэтому был совершенно свободным от Шемберга и Шуваровой при даче этих показаний. С учетом перечисленных доводов считаю, что противоречивых показаний свидетеля Петракова недостаточно для вывода о том, что именно окрик Шемберга явился поводом для нападения на него Миронова.

Ссылаясь на показания свидетеля Петракова, органы предварительного расследования одновременно с этим критически отнеслись к его показаниям, поскольку в постановлении о привлечении Шемберга в качестве обвиняемого от 16 ноября 2004 г. нет ссылки ни на оскорбление Миронова нецензурной бранью со стороны Шемберга, ни на то, что именно данное оскорбление спровоцировало дальнейшие действия Миронова. При таких обстоятельствах указания в приговоре на то, что Шемберг своим поведением спровоцировал нападение на него Миронова, будет нарушением права Шемберга на защиту, поскольку это фактически выход суда за пределы предъявленного Шембергу обвинения, что является грубым нарушением закона.

В судебном заседании возникал вопрос, как и с какой целью Шемберг оказался на внешней стороне забора, хотя, я уверен, данный вопрос не имеет принципиального значения для правильного решения дела; тем не менее ответ на данный вопрос в судебном заседании получен исчерпывающий. По показаниям

Шемберга, после того, как охранники оттащили Миронова от его машины, он через проем в воротах вышел наружу и остановился метрах в двух-трех от забора. С этого места ему было удобнее наблюдать за действиями Миронова. Кроме того, при таком положении у него была возможность избежать физического столкновения с Мироновым в том случае, если бы Миронов вновь попытался проникнуть на территорию подстанции через проем в разбитом стекле. Мне представляется более важным ответить на вопрос не о том, как и почему Шемберг оказался на внешней стороне ограждения, а с какой целью Миронов устремился к Шембергу.

Все предшествующее поведение Миронова свидетельствует о том, что утром 7 сентября он прибыл на подстанцию «Итатская» с единственной целью - для физической расправы над Шембергом. Он угрожал ему убийством и при этом заявлял, что угрозу убийством никто не докажет; он предпринимал многочисленные попытки к тому, чтобы, по его выражению, «достать» Шемберга; он в течение 30-40 минут держал в постоянном напряжении не только Шемберга, но и других охранников, мешая им всем исполнять свои служебные обязанности; он неоднократно усыплял бдительность охранников, а затем вероломно и упорно продолжал свою линию поведения, стремясь путем физического насилия отомстить Шембергу, по вине которого, как считал Миронов, его освободили от обязанностей генерального директора охранного агентства.

По данным судебного следствия у меня сложилось впечатление о Миронове как о человеке, личное желание которого было законом для окружающих его людей.

Ничем другим невозможно объяснить его поведение во время событий 7 сентября. Шемберг ничего не был должен Миронову и не имел к нему никаких претензий. Напротив, это у Миронова были претензии к Шембергу, и, как установлено в суде, эти претензии были неправомерными и выполнению не подлежали. Об этом Миронов, по образованию юрист, очень хорошо знал и не случайно 7 сентября он упрекал Шемберга только в том, что тот «перекрыл ему кислород». Каких-либо иных требований Миронов не предъявлял и не предлагал что-либо исправить.

Уважаемый суд! Наиболее важными фактами в деле Шемберга являются те, которые имели место на самом последнем этапе события и привели к гибели Миронова. Из тих документов, на которые я уже ссылался, усматривается, что после того, как Шемберг якобы окликнул Миронова, последний побежал к нему, а Шемберг, реализуя свой умысел на причинение смерти Миронову, произвел выстрел ему в грудь из служебного карабина. Эта версия органов предварительного следствия не выдерживает никакой критики, поскольку она субъективна от начала и до конца, так как игнорирует те объективные обстоятельства, при которых происходили данные события. Прежде всего, как я уже отмечал, достоверно не установлено, что тот окрик, который слышал Петраков, каким-то образом касался именно Миронова и что последний побежал в сторону Шемберга именно в связи с этим окриком. У меня есть другая версия того, почему и в связи с чем побежал Миронов в сторону Шемберга. Эти выводы я делаю на основе тех доказательств, которые были получены в судебном разбирательстве.

Эти доказательства следующие. Миронов в течение 30-40 минут принимал все меры к тому, чтобы добраться до Шемберга для того, чтобы, по меньшей мере, подвергнуть его избиению. В тот момент, когда Миронов направлялся к своей машине, чтобы, по его словам, уехать домой, он действительно услышал голос Шемберга. Однако Шемберг обращался не к нему, а к своим подчиненным охранникам, ругая их за пассивное поведение и требуя задержать Миронова. Именно эти слова и его требование о задержании побудили Миронова развернуться и побежать в сторону Шемберга, который в тот момент был вполне доступным для Миронова, поскольку находился на внешней стороне подстанции и забор уже не являлся для Миронова препятствием. Логика поведения Миронова привела меня к убеждению в том, что он хорошо продумал все свои действия, и ему удалось почти полностью их реализовать. Поняв, что Шемберга ему не достать, пока тот находится за забором, Миронов решил выманить его за внешнюю сторону забора, понимая, что он не будет равнодушно смотреть, как ломают его машину. К этим действиям Миронова Шемберг действительно не остался равнодушным и крикнул ему: «Зачем пинаешь мою машину?!», после чего вышел за территорию подстанции. Миронов только этого и ждал.

Возникает закономерный вопрос: зачем, с какой целью Миронов устремился к Шембергу? На этот вопрос ответил сам Миронов своими действиями. По показаниям свидетелей Стахурского и Магамедова, Миронов высказывал угрозы физической расправой над Шембергом. Слова Миронова «Убью гада, задую, отберу карабин и заткну его тебе в рот» сопровождалось конкретными действиями, которые не оставляли

сомнений в том, что он стремился к тому, о чем говорил. Стахурского, пытавшегося задержать его, он отшвырнул в сторону, такими же безуспешными оказались действия Магамедова.

Как в такой экстремальной ситуации действовал Шемберг? Навел карабин на Миронова? Нет! Он поступил в точном соответствии с требованиями ст. 16 и 18 Федерального закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Командой «Стой! Стрелять буду!» Шемберг предупредил Миронова о намерении применить оружие. Однако это предупреждение Миронов игнорировал и продолжил свое движение к Шембергу. На расстоянии 3 м 49 см (данные из протокола проверки показаний Шемберга на месте) Шемберг произвел предупредительный выстрел вверх. Этих предупредительных мер вполне было бы достаточно для того, чтобы любой разумный человек остановился как вкопанный или упал на землю. К сожалению, вынужден констатировать, что Миронов к данной категории людей либо не относится, либо находился в такой степени возбуждения, что пренебрег всеми предупреждениями. Он не только не остановился после предупредительного выстрела, но, по показаниям Шемберга, как бы увеличил свою скорость, при этом пригнулся и в рывке протянул вперед левую руку для того, чтобы выхватить у Шемберга карабин. В этих условиях Шемберг, используя свое законное право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства, с расстояния не более двух метров произвел выстрел на поражение. При этом Шемберг в соответствии с требованием ст. 16 упомянутого закона намеревался попасть выстрелом Миронову в ногу, т.е. ранить его.

Однако в момент выстрела Миронов неожиданно для Шемберга использовал обманный прием. С целью завладения оружием в непосредственной близости от Шемберга от пригнулся и присел, приняв положение вместо вертикального почти горизонтальное. Этот маневр Миронова совпал с выстрелом, а поэтому пуля из карабина попала Миронову не в ногу, а в грудь, от чего тот спустя несколько минут умер. Таким образом, Миронов стал жертвой своих собственных неправомерных действий.

Анализ приведенных доказательств позволяет сделать категоричный вывод о том, что в тех условиях Шемберг вынужден был применить оружие, поскольку на него было совершено нападение, в результате которого его собственная жизнь оказалась в опасности. Об этом он практически сразу же сообщил директору подстанции Логвину, который был допрошен в суде в качестве свидетеля.

Как показал Логвин, услышав выстрелы, он прибыл на КПП и обратился к Шембергу с вопросом: «Что произошло?» И получил лаконичный и исчерпывающий ответ: «Была попытка проникновения на объект и завладения оружием, а потому я вынужден был стрелять». Полагаю, нет необходимости комментировать ответ Шемберга, поскольку в нем все предельно ясно и понятно.

В судебном заседании было установлено, что в момент нападения Миронов был безоружным. Были в таком случае основания у Шемберга для применения оружия? Да, Миронов в тот момент был безоружным. И если бы умыслом Шемберга охватывалось причинение ему смерти, то в действиях Шемберга усматривался бы

состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, т.е. убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Нельзя безнаказанно лишать человека жизни, даже если этот человек и напал на тебя вооруженного, но сам при этом был безоружным. В то же время при оценке ситуации нельзя игнорировать данные физического развития Шемберга и Миронова.

В судебном заседании было установлено, что Шемберг и Миронов имеют разный уровень как физического развития, так и специальной физической подготовки. Прежде всего, находились в разных весовых категориях. Миронов был ростом не менее 185 см и имел вес, который превышал вес Шемберга на несколько десятков килограммов. Об этом свидетельствуют не только показания допрошенных в суде лиц, но и размер одежды, который носит Шемберг и носил Миронов. У Шемберга полнота одежды относится к 50 размеру, у Миронова - к 52 размеру. Шемберг ниже Миронова более чем на 10 см. Миронов увлекался силовым видом спорта - боксом и являлся кандидатом в мастера спорта.

Кандидат в мастера спорта - очень высокий уровень спортивной подготовки. Почерк боксера в действиях Миронова виден уже в том, что на последних 2-3 м от Шемберга он действовал не прямолинейно, а, как говорят спортсмены, финтами. По показаниям Шемберга, Миронов сначала сделал выпад вправо, затем резко переместился влево, при этом одновременно присел и пригнулся, выбросив вперед левую руку, а правую сжав в кулак. Эти действия Миронова не оставляли у Шемберга сомнений в том, что Миронов стремится дезориентировать его для того, чтобы левой рукой выхватить карабин, а правой нанести удар. Все перечисленные обстоятельства по физическому

превосходству Миронова были хорошо известны Шембергу, который в тех условиях реально убедился в том, что несколько охранников не смогли преодолеть сопротивление Миронова.

Кроме того, необходимо иметь в виду следующее. Еще до нападения на Шемберга Миронов высказывал ему угрозы убийством, а также предлагал оставить оружие и выйти на внешнюю территорию подстанции, чтобы подраться. Миронов прекрасно знал физические данные Шемберга и был уверен в своей победе над ним. Иначе он никогда не стал бы действовать так рискованно и опасно. Но Миронов просчитался в одном: ему не хватило понимания того, что в такой критической, опасной, смертельной ситуации Шемберг был готов защищать свою жизнь всеми имеющимися у него средствами.

Использование Шембергом огнестрельного оружия при отражении общественно опасного посягательства с целью причинения нападавшему только неопасного для жизни ранения считаю правомерным. Причинение же смерти Миронову не охватывалось умыслом Шемберга. Это подтверждает и заключение судебно-медицинской экспертизы: Миронов в момент причинения ему ранения находился к дульному срезу оружия передней поверхностью грудной клетки, левым плечом и согнувшись. Данные следственного эксперимента также подтверждают это: если бы Миронов в момент нападения на Шемберга продолжил свое движение не приседая и не наклоняясь, то ранение ему было бы причинено в другое место.

Как же объяснить все это? Прежде всего, нападение Миронова носило скоротечный характер. По показаниям

Шемберга, команду «Стой! Стрелять буду!» он подал в тот момент, когда Миронов находился от него на расстоянии не более 4-5 м. Предупредительный выстрел был произведен в тот момент, когда расстояние между Шембергом и Мироновым составляло примерно 3,5 м. И, как усматривается из заключения экспертов, выстрел на поражение был в интервале далее 0,5 м и менее 2 м от дульного среза оружия. Простой расчет показывает, что с момента предупредительного выстрела и до выстрела на поражение Миронов преодолел примерно 1,5-2 м. При скорости его движения даже не более 8 км/час (а это 2,2 м/сек) Миронову потребовалось менее одной секунды, чтобы преодолеть данное расстояние. При таком дефиците времени и с учетом своего возбужденного состояния, вызванного нападением, Шемберг объективно не имел возможности точно рассчитать свои действия.

Органы предварительного следствия игнорировали перечисленные обстоятельства, считая, что Шемберг из-за ссоры решил убить Миронова и с этой целью произвел выстрел ему в грудь. В этом органы предварительного следствия в какой-то мере поддержал судебно-медицинский эксперт, который в своем акте уменьшил рост Миронова на 5 см. Если учитывать, что длина тела человека после его смерти действительно увеличивается, по показаниям эксперта Белоусова, на 2-4 см или даже на 5 см, то фактически ошибка в определении длины тела Миронова составляет около 10 см. Простой халатностью такую ошибку объяснить невозможно. Для меня ясно одно: чем меньше рост Миронова, тем большая вероятность получить именно тот результат, к которому стремилась Шарыповская межрайонная прокуратура - Шемберг намеревался выстрелить в грудь и именно в это место и выстрелил.

В этой связи представляются далеко не случайными попытки органов предварительного следствия представить ситуацию следующим образом: Магамедов остановил бегущего Миронова, удерживает его сзади, а Миронов пытается вырваться и при этом наклоняется вперед; Шемберг же в этот момент производит выстрел в Миронова. Однако такая желаемая для прокуратуры ситуация очень далека от действительной. Миронова никто не остановил: ни Стахурский, ни Магамедов, ни Петраков. Миронов сам принял положение, в котором был смертельно ранен.

Недобросовестное отношение эксперта Белоусова к своим обязанностям усматривается не только в том, что он допустил халатность в определении точной длины тела Миронова, но и в том, что в судебном заседании он без проведения следственного эксперимента заявил о том, что расстояние от поверхности земли до раны в момент ее получения составило 125 см - это область живота при вертикальном положении статиста. Однако фактический рост Миронова в событиях 7 сентября составлял, примерно, 187-189 см с учетом подошв обуви. Иными словами, при разности в росте статиста и Миронова почти в 10 см рана от выстрела при вертикальном положении Миронова оказалась бы еще ниже на такую же величину - примерно на 10 см. Итак, утверждение Шемберга о том, что при нападении на него Миронова он намеревался причинить ему не смерть, а ранение, не опровергнуто. Нет, не опровергнуто. Более того. Оно полностью подтверждается исследованными в суде доказательствами.

О неосторожном причинении смерти Миронову свидетельствует и душевное состояние Шемберга сразу после происшедшего. Он был бледным и растерянным,

выражал недоумение, как пуля могла попасть в грудь, если он намеревался выстрелить в ногу. Он тяжело пережил смерть Миронова, впав вскоре в состояние гипертонического криза.

Есть еще один аспект. Он связан с личностью Шемберга. И хотя он является второстепенным, но в совокупности с другими он подтверждает показания Шемберга об отсутствии у него умысла на лишение Миронова жизни. Шемберг по возрасту уже зрелый человек. Он три года обучался в военном училище, около 5-6 лет работал в органах внутренних дел, в том числе в уголовном розыске, имеет звание старшего лейтенанта милиции. И по работе, и в быту он характеризуется положительно. Даже в судебном заседании никто не сказал о Шемберге ни одного отрицательного слова, нет отрицательных данных о личности Шемберга и в материалах уголовного дела.

Все исследованные в суде доказательства установили и подтвердили цели и мотивы, которыми руководствовались Миронов и Шемберг 7 сентября. Миронов, будучи с утра в средней степени алкогольного опьянения, устроил на подстанции «Итатская» настоящий погром. В течение 30-40 минут он удерживал всю охрану в напряжении, не давая ей должным образом исполнять служебные обязанности; проник на территорию особо охраняемого объекта, доступ куда был ему запрещен; разбил стекло в проходной, чем собственнику подстанции нанес материальный ущерб; угрожал Шембергу физической расправой, в том числе и убийством; причинил материальный ущерб Шембергу повреждением автомобиля; предпринял попытку обезоружить Шемберга. Действиями Миронова руководила месть Шембергу за то, что 9 августа 2004 г.

Миронов решением трех учредителей охранного агентства, в том числе Шемберга и его матери Шуваровой, был освобожден от должности генерального директора.

Шемберг же воспользовался правом на необходимую оборону, закрепленным ст. 37 УК РФ, 16 и 18 Федерального закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (в редакции Закона от 1 января 2003 г. № 15-ФЗ). Часть 1 ст. 37 УК РФ необходимую оборону определяет так: это «защита личности и прав обороняющегося от общественно опасного посягательства, если это посягательство было связано с насилием, опасным для жизни обороняющегося лица, либо с непосредственной угрозой такого насилия». В деле Шемберга только человек, заинтересованный в его исходе, может не согласиться с тем, что угроза жизни Шемберга со стороны нападавшего на него Миронова была реальной. При реальности такой угрозы Шемберг в соответствии с положениями ч. 1 ст. 20 и ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, которые гласят: «Каждый имеет право на жизнь; каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом», имел право действовать так, как он действовал. Упомянутые уже законы не только не запрещали Шембергу активно защищаться, но и прямо наделяли его этим правом. К тому же в ч. 3 ст. 37 УК подчеркнуто, что «право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

В постановлении Пленума ВС СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» подчеркивается: «Судам надлежит строго соблюдать требования закона, направленные на защиту представителей власти, работников правоохранительных органов, военизированной охраны и иных лиц, в связи с исполнением ими служебных обязанностей по пресечению общественно опасных посягательств и задержанию правонарушителей. Следует иметь в виду, что вышеуказанные лица не подлежат уголовной ответственности за вред, причиненный посягавшему или задерживаемому, если они действовали в соответствии с требованиями уставов, положений и иных нормативных актов, предусматривающих основания и порядок применения силы и оружия» (п. 4 постановления...). Шемберг являлся именно таким лицом, т.е. работником военизированной охраны, несущим службу по охране особо охраняемого объекта и действовавшим на основании должностной инструкции и Федерального закона № 15 от 10 января 2003 г.

Миронов, повторяю, по образованию был юристом и поэтому прекрасно понимал, что его действия являются неправомерными и чрезвычайно опасными прежде всего для него самого. Наше русское снисхождение к лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, вроде того что «не надо было связываться с пьяным», «что с пьяного спрашивать», в данном случае неуместно. Состояние опьянения в соответствии с текущим законодательством не освобождает лицо от уголовной ответственности за содеянное и от административной ответственности за совершенное правонарушение. Как

установлено материалами дела, в действиях Миронова были не только административные правонарушения, но и уголовно наказуемое деяние. Грубо говоря, Миронов нашел то, что искал. Безусловно, по-человечески жаль этого человека, который так бездумно распорядился не только своей жизнью, но и судьбой Шемберга. Однако при отправлении правосудия суд не вправе руководствоваться эмоциями и моральными критериями. Суд обязан быть беспристрастным, а в основе его решений должен быть только закон.

С учетом всех перечисленных доводов утверждаю, что в событиях 7 сентября 2004 г. Шемберг использовал свое право на необходимую оборону и ее пределы не превысил, а поэтому в его действиях отсутствует состав какого-либо преступления. В этой связи прошу, уважаемый суд, постановить в отношении Шемберга оправдательный приговор.

Приложение 2

Сергеич П . Искусство речи на суде

Глава 5. Предварительная обработка речи (Раздел «Художественная обработка»)

Нет, скажут те, кто всегда все знает лучше других; судебная речь - трезвое логическое рассуждение, а не эстетика и никогда не будет эстетикой.

Посмотрим.

Биржевой маклер убил жену, которая требовала от него развода. Убийца - самый обыкновенный человек; прожив 13 лет с первой женой, он влюбился в другую женщину и вступил с нею в связь; потом бросил семью и поселился с любовницей. Прошло 14 лет; она познакомилась с богатым человеком, который слепо полюбил ее, забросал золотом и бриллиантами. Уверенный, что она замужем, он просил ее развестись и сделаться его женой. Чтобы сохранить уважение будущего мужа, ей нельзя было открыть ему глаза; надо

было обвенчаться и потом требовать развода от мужа. Со своей стороны ее давний друг хотел брака, чтобы узаконить их дочь, а может быть, и для того, чтобы прочнее привязать к себе любовницу. Брак состоялся, но спустя некоторое время жена сообщила мужу о своей связи и потребовала развода. Последовал ряд тяжелых семейных сцен, которые кончились убийством^[87].

Это - хорошая тема для фельетонного романа; но спросим себя, есть ли в этом что-либо интересное в художественном смысле, можно ли внести что-нибудь возвышенное в этот пошлый роман?

Человек бросил жену и живет с любовницей. - Очень обыкновенная история. Но художник много думает над ней, вглядывается в нее с разных сторон, ищет и, наконец, останавливается на определенной точке зрения: он избирает ту, которая выдвигает вперед все светлые черты этого безнравственного и непрочного союза и оставляет в тени все другие; он дорожит найденной картиной; ласкает ее в своем воображении; эта напряженная работа и эта заботливость не остаются без награды: у него является необычайная мысль, до дерзости смелая: внебрачное сожительство может быть воплощением идеала брака. Он выражает ее так: «Андреев имел полное право считать себя счастливым мужем. Спросят: «Как мужем? Да ведь Левина почти 14 лет была у него на содержании...» Стоит ли против этого возражать? В общежитии, из лицемерия, люди придумали множество фальшиво-возвышенных и фальшиво-презрительных слов. Если мужчина повенчан с женщиной, о ней говорят: «супруга», «жена». А если нет,

⁸⁷ П. Сергеич излагает содержание дела Андреева, обвинявшегося в убийстве Сарры Левиной. Защитником по делу выступал С.А. Андреевский.

ее называют: «наложница», «содержанка». Но разве законная жена не знает, что такое «ложе»? Разве муж почти всегда не «содержит» свою жену? Истинным браком я называю такой любовный союз между мужчиной и женщиной, когда ни ей, ни ему никого другого не нужно, когда он для нее заменяет всех мужчин, а она для него - всех женщин. И в этом смысле для Андреева избранная им подруга была его истинною женою».

Идеал супружества - во внебрачном сожительстве. Если бы другой оратор, выступая обвинителем или защитником в уголовном процессе, решился бы под влиянием минуты высказать присяжным столь рискованное положение, он, конечно, произвел бы самое невыгодное впечатление; председатель на основании ст. 611^[88] Устава уголовного судопроизводства немедленно остановил бы его за неуважение к религии и закону. Но художник, выносивший и претворивший в себе этот дерзкий протест против требований формальной нравственности, подходит к нему постепенно, незаметно подготавливая слушателей, говорит спокойно, с искренностью в тоне, легко и изящно играет словами... и слушатели покорно глотают приятную отраву.

Я думаю, что эта мысль не сразу пришла в голову оратору; я уверен, что он много раз менял свои выражения, пока не нашел этих изящно простых слов. А чтобы оценить эту мысль по достоинству, заметьте, как легко разрешает она указанную мною задачу: внести

⁸⁸ Статья 611 Устава уголовного судопроизводства: "Председатель суда управляет ходом судебного следствия, наблюдает за порядком объяснений, возражений и замечаний и, устраняя в прениях все, что не имеет прямого отношения к делу, не допускает ни оскорбительных для чьей бы то ни было личности отзывов, ни нарушения должного уважения к религии, закону и установленным властям".

возвышенное в обыкновенную безнравственную историю. Духовный идеал художника так высок, что обрядовая сторона брака действительно теряет значение; он требует, чтобы этот идеал осуществлялся людьми независимо от церковного венчания; требует такой чистоты любовных отношений не только от законного супруга, но и от всякого, связавшего с собою судьбу женщины. Заметьте еще, что, если бы все это не было обработано самым тщательным образом, - малейшая оплошность, неосторожное слово, и возвышенная мысль обратилась бы в апологию разврата.

За блестящим парадоксом следует блестящая картина. В деле было одно совсем необыкновенное и потому не сразу вполне понятное обстоятельство: чтобы выйти замуж за генерала Пистолькорса, Сарре Левиной надо было сначала выйти за Андреева. Пистолькорс считал ее замужней женщиной; узнав о ее действительных отношениях с Андреевым, он мог бы отказаться от женитьбы. Таким образом, Левина обвенчалась с Андреевым не для того, чтобы стать его женою, а чтобы начать с ним процесс о разводе. Высказав это соображение, можно было повторить его в виде метафоры: брак с Андреевым и развод с ним были первые ступени; на третьей она уже видела себя перед аналогом не с Андреевым, а с Пистолькорсом. То же самое можно было выразить в виде антитезы и притом двояким образом. Можно было сказать: не всякий решится жениться на чужой любовнице, но браки с разведенными женщинами - самое обычное явление в нашем обществе, или: Левина понимала, что Пистолькорс готов жениться на порядочной женщине, но, может быть, отвернется от содержанки. Утонченный художник, защитник Андреева

пренебрег этими грубыми приемами. Он выразил приведенные выше соображения таким образом:

«Религиозный, счастливый жених, Андреев с новехоньким обручальным кольцом обводит вокруг аналая свою избранницу. Он настроен торжественно. Он благодарит Бога, что, наконец, узаконит перед людьми свою любовь. Новобрачные в присутствии приглашенных целуются... А в ту же самую минуту блаженный Пистолькорс, ничего не подозревающий об этом событии, думает: «Конечно, самое трудное будет добиться развода. Но мы с ней этого добьемся! Она непременно развяжется с мужем для меня»... Неправда ли, как жалки эти оба любовника Сарры Левиной?»

Откуда явилось это поразительное, изящное, злое, а главное, беспощадно верное сопоставление двух одураченных людей? - Поверьте, что и оно не даром далось художнику. Долго носил он в себе эти три фигуры, вглядывался в них, приближал их к себе и отходил от них, бичевал и идеализировал, пока не претворил в себе их драмы, пока они вдруг встали перед ним в этой удивительной, неотразимой картине. Накануне судебного заседания мы встретились с С.А. Андреевским в коридоре суда; я спросил его о деле. «Вы не можете себе представить, как оно меня увлекает; я *люблю* их всех», - сказал он. В этих словах вполне выразилось то отношение оратора к своим героям, которое представляется мне надежнейшим залогом успеха. Он действительно сроднился с ними.

После картинки брачного обряда следует характеристика жены в дополнение к уже сделанной в самом начале характеристике и биографии мужа. Он был изображен как обыкновенный, «скромный и добрый

человек», она - как существо чрезвычайно легкомысленное, бессознательная эгоистка, совершенно не способная к бескорыстному чувству. В этом портрете нет ни одного резкого слова. Но какой сейчас будет беспощадный удар *фактом!* Подождите минутку. Она живет то на даче, то за границей, дружески переписывается с мужем, ни словом не намекая ему на свой новый роман, и, наконец, возвращается в Петербург, чтобы скорее сделаться генеральшей. На другой же день после самого нежного свидания жена без всяких вступлений и обиняков заявила мужу, что они должны расстаться. Трагический смысл этого факта выражен одним словом: «На следующий же день, за утренним чаем, развязно посмеиваясь, она вдруг *брякнула* мужу: А знаешь, я выхожу замуж за Пистолькорса...»

Оратор продолжает: «Все, что я до сих пор говорил, походило на спокойный рассказ. Уголовной драмы как будто даже издалека не было видно».

«Однако же, если вы сообразите все предыдущее, то для вас станет ясно, какая страшная громада навалилась на душу Андреева. С этой минуты, собственно, и начинается защита».

Здесь необходимо одно замечание. Оратор говорит это *cum grano salis*^[89], ибо на самом деле защита почти закончена; все сочувствие присяжных на стороне подсудимого, во всем виноватой кажется жертва; остается сказать уже немного. То, что оратор называет началом защиты, представляет разбор душевного

⁸⁹ *Cum grano salis* (лат.) - буквально "со щепоткой соли, с иронией, не всерьез". *A livre ouvert* (фр.) - с раскрытой книгой, без подготовки.

состояния подсудимого после признания жены. Оратор спрашивает себя, что должен был пережить, о чем думал Андреев в течение следующих 12 дней после неожиданного заявления его жены, и читает ответ в сердце подсудимого а *livre ouvert*² с уверенностью и неотразимой убедительностью.

«Весь обычный порядок жизни исчез! Муж теряет жену. Он не спит, не ест от неожиданной беды. Он все еще за что-то цепляется, хотя и твердит своей дочери: «Я этого не перенесу»... Пока ему все еще кажется, что жена просто дурит. Соперник всего на год моложе его. Средств у самого Андреева достаточно. А главное, Зинаида Николаевна даже не говорит о любви. Она, как сорока, трещит только о миллионах, о высоком положении, о возможности попасть ко двору. Оставалась невольная надежда ее образумить».

«Между тем раздраженная Зинаида Николаевна начинает бить дочь за потворство отцу. Андреев тревожится за дочь, запирает ее от матери и все думает, думает... О чем он думает? Он думает, как ужасно для него отречься от женщины, которой он жертвовал всем; как беспросветна будет его одинокая старость, а главное, он не понимает, ради чего все это делается...» Андреев начинает чувствовать гибель. Он покупает финский нож, чтобы покончить с собой... Ему казалось, что если он будет иметь при себе смерть в кармане, то он сможет еще держаться на ногах, ему легче будет урезонивать жену, упрашивать, сохранить ее за собой...

Остается еще один момент - последнее столкновение между супругами. Грубая сцена убийства не нужна *художнику* и не выгодна для *защитника*: ее и нет в речи. Но случайное совпадение дало здесь оратору

возможность сильного эффекта, и уж, конечно, он не упустил его. Задолго до убийства, еще в первые годы сожительства Андреева с его будущей жертвой, его первая жена выхлопотала распоряжение градоначальника об административной высылке своей соперницы. Подсудимый добился того, что это распоряжение было отменено, и спас свою сожительницу от высылки. В минуту последней ссоры несчастная женщина, опьяненная представлением о положении и связях своего нового друга, крикнула мужу: я сделаю так, что тебя вышлют из Петербурга! - «Эта женщина, - говорил защитник, - спасенная подсудимым от ссылки, поднятая им из грязи, взлелеянная, хранимая им, как сокровище, в течение 16 лет, - эта женщина хочет истребить его без следа, хочет раздавить его своей ногой!...»

Нужно ли пояснять вывод? Он уже сложился сам собой у присяжных, так же как задолго ранее сам собой сложился у оратора: убийство, совершенное под влиянием сильнейшего раздражения, доходящего до полной потери самообладания, было роковым исходом всего предыдущего.

Что здесь было? - спрашивает оратор и отвечает: «Если хотите, здесь были ужас и отчаяние перед внезапно открывшимися Андрееву жестокостью и бездушием женщины, которой он безвозвратно отдал и сердце, и жизнь... В нем до бешенства заговорило чувство непостижимой неправды. Здесь уже орудовала сила жизни, которая ломает все непригодное без прокурора и без суда... Уйти от этого неизбежного кризиса было некуда ни Андрееву, ни его жене...»

«Не обинуясь, я назову душевное состояние Андреева «умоисступлением», - не тем умоисступлением, о котором говорит формальный закон (потому что там требуется непременно душевная болезнь), но умоисступлением в общежитейском смысле слова. Человек «выступил из ума», был «вне себя»... Его руки и ноги работали без его участия, потому что душа отсутствовала...»

«Какая глубокая правда звучит в показании Андреева, когда он говорит: *«Крик жены привел меня в себя!»* Значит, до этого крика он был в полном умопомрачении...»

Итак, два портрета, две бытовых картины и две страницы психологии. Оратор ни в чем не уклонился от действительности, ничего не прибавил к фактам дела. Но все, что в нем было, он так переработал, что как бы заново создал все от начала до конца. Он понял дело по-своему и свое понимание усвоил в совершенстве. Оно, может быть, не вполне справедливо, может быть, далеко не верно. Но его толкование так просто, так понятно и так согласовано с фактами; притом, отчетливо сложившись в его представлении, оно с такой ясностью выразилось в его устной передаче, что и присяжные, и обвинитель, и беспристрастный председатель бессильны перед оратором. Они не могут заменить его толкование преступления другим объяснением такого же достоинства, и они волей-неволей подчиняются ему.

Допустим, чего не могло быть в этом процессе; предположим, что состоялся обвинительный вердикт. Я думаю, что каждый из присяжных сказал бы одно и то же: мы обвинили подсудимого потому, что не можем

оправдывать убийства; но речь защитника *верна* от начала до конца.

Мне могут возразить, что присяжный, сказавший: да, виновен, не может назвать верной речь защитника, требовавшего оправдания: это явная нелепость. Я этого не думаю. Абсолютная истина для нас недостижима. Речь Андреевского безукоризненно верна своей художественной правдой независимо от судебного приговора.

Говоря, что присяжным нечем заменить толкование защитника, я не хочу сказать, что иного объяснения преступления и не может быть. Они только что слышали речь обвинителя. Что такое Андреев? - Человек, как все, не добрый и не злой. Он был добр к своим дочерям и к своей второй жене, в которую был влюблен, но был жесток с первой женой, которую разлюбил. Некоторым из свидетелей под влиянием чувства жалости к человеку, которому грозит каторга, он мог казаться жертвой. Они вполне искренно говорили, что он всем *СВОИМ* счастьем пожертвовал для своей любовницы и второй жены. Но это было явное самообольщение свидетелей. Андреев не думал жертвовать своим счастьем; он не остановился перед правами своей законной семьи в угоду своему благополучию. Он разбил жизнь своей жены и дочери от первого брака, пожертвовал *их* счастьем, чтобы наслаждаться жизнью с женщиной, которая составляла его счастье. А когда пришло время доказать, что он действительно добрый человек, способный к самопожертвованию, когда он должен был вспомнить о великодушии своей первой жены и вернуть свободу второй, он не пожертвовал собой, а убил. Обвинитель не упустил из виду этих простых и убедительных соображений. Однако речь его не произвела

впечатления. Я думаю, это произошло оттого, что он не успел достаточно поработать над делом, а потому и не нашел ни оригинальных слов для своей мысли, ни эффектных образов, чтобы закрепить ее. А защитник, отдавший делу больше досуга и труда, не только не отошел от этих опасных ему доводов, а еще сумел воспользоваться ими в пользу подсудимого. Он потребовал от убитой - от жены того, чего не хотел сделать убийца-муж.

«Если бы г-жа Андреева имела хоть чуточку женской души, если бы она в самом деле любила Пистолькорса и если бы она сколько-нибудь понимала и ценила сердце своего мужа, она бы весьма легко распутала свое положение. Она бы могла искренно и с полным правом сказать ему: Миша, со мной случилось горе. Я полюбила другого. Не вини меня. Ведь и ты пережил то же самое. Жена тебя простила. Прости же меня и ты. Я тебе отдала все свои лучшие годы. Не принуждай меня быть такою же любящею, какою ты меня знал до сих пор. Это уже не в моей власти. Счастья у нас не будет. Отпусти меня, Миша. Ты видишь, я сама не своя. Что же я могу сделать?»

«Неужели не очевидно для каждого, что такие слова обезоружили бы Андреева окончательно? Все было бы ясно до безнадежности. Он бы отстранился и, вероятно, покончил с собой».

«Но г-жа Андреева ничего подобного не могла сказать именно потому, что вовсе не любила Пистолькорса».

– «И ты пережил то же самое. Жена тебя простила... Отпусти меня...» - Это все вполне справедливо. И именно потому, что он «пережил то же самое», Андреев должен

был вспомнить прошлое. Он тогда потребовал, чтобы жена отреклась от своих прав в угоду его новому счастью; теперь он должен был уступить свое место новому жениху своей другой жены. Нетрудно вложить ему в уста такой же простой, сердечный монолог, такие же простые рассуждения, как приведенные выше, и прибавить: он ничего подобного сказать не мог потому, что любил Зинаиду Николаевну не возвышенным чувством любви, а низменным чувством страсти.

Разве это софизмы? Отнюдь нет. И тут и там правда. Но на стороне защитника, кроме правды, было еще искусство.

Я полагаю, нет нужды в других доказательствах права оратора быть художником.

Шустова М.Л. ^[90] Функции вопросительных конструкций в судебной речи

В лингвистике большое внимание уделяется исследованию публицистического стиля, разновидностью которого является судебная монологическая речь. Убедительность, логическая ясность выступлений прокурора и адвоката в суде достигаются в значительной мере широким привлечением экспрессивно-эмоциональных средств синтаксиса, среди

⁹⁰ М.Л. Шустова - выпускница юридического факультета Красноярского госуниверситета [243].

которых особое место занимают вопросительные конструкции.

Под вопросительными конструкциями здесь понимаются так называемые не собственно вопросы (или монологические псевдovoпросы, или мнимые, или фиктивные вопросы), сферой употребления которых является монологическая речь.

В судебной речи среди вопросительных высказываний выделяются логические вопросы и риторические. Последние представляют собой развернутые высказывания, употребляющиеся как самостоятельные. Логические вопросы, предполагающие обязательный ответ, неоднородны. Среди них отмечены вопросы в составе диалогических, или вопросо-ответных, единств: вопрос и ответная реплика, объединенные в одно высказывание. Ответ дается краткий (обычно «да» или «нет»). Другой разновидностью логических вопросов является вопрос, на который дается полный, состоящий из одного или нескольких высказываний ответ.

Названные структурные особенности вопросительных конструкций проявляются в их функциональном использовании в судебной речи.

Достаточно широко употребляются вопросы, выполняющие логико-композиционную функцию. Они являются средством организации изложения. Логические вопросы, расчленяя текст интонационно, отражают его композиционную структуру, выделяют отдельные, наиболее значимые логические отрезки речи. Риторический вопрос, расположенный в конце логического единства, выполняет функцию вывода, заключения, принимает результативно-следственное значение.

Как наиболее типичная отмечена информативно-усилительная функция вопросительных предложений. Сущность ее заключается в том, что высказывание расчленяется на вопросительное предложение и ответ в форме повествовательного. Цель такого расчленения - актуализация той информации, которая заключена в первой, вопросительной части высказывания. Воздейственность этих структур значительно усиливается, когда в качестве средства аргументированного развертывания выступает цепочка риторических или логических вопросов.

Вопросительные конструкции в судебной речи выполняют также апеллятивную функцию. Судебный оратор, желая активизировать внимание судей, дополняет вопрос обращением «товарищи судьи». Так образуется контактоустанавливающий вопрос, создающий атмосферу непосредственного диалога с судом.

Функцию субъективно-модального отношения оратора к содержанию речи реализуют риторические вопросы. В отличие от повествовательных высказываний здесь появляется дополнительный смысл: конечно, безусловно, да (или «нет»).

Обращает на себя внимание так называемая добавочная функция логических и риторических вопросов - функция экспрессивно-эмоционального усиления. Коннотативные свойства вопросительных высказываний обусловлены несоответствием вопросительной формы их внутреннему смысловому содержанию.

Итак, структурные, функциональные и экспрессивные особенности вопросительных конструкций

обеспечивают логичность судебной речи, отражают ее полемический характер и создают экспрессивность.

Ивакина Н.Н. Дело производством прекратить !

(Язык российских законов)

Право как совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм, регулирующих поведение людей и общественные отношения, нуждается в таких языковых средствах, которые бы точно обозначали правовые понятия и адекватно и грамотно передавали мысль законодателя. Вероятно, этим объясняется постоянный, неугасающий интерес юристов к языку права^[91]. Какую бы цель ни ставили перед собой исследователи, все они выражают мнение, что язык права довольно специфичен и нуждается в улучшении. Спорить с этим невозможно. Но в работах юристов нет конкретных выводов о специфике и необходимых «улучшениях» языка законов. Поэтому автор данной статьи решил еще раз поставить и осветить эти вопросы, тем самым привлечь внимание юристов к слову, к его

⁹¹ См., например, работы М. Презента, 1931; Н.Н. Полянского, 1938; Г.И. Шат-кова, 1960; М.И. Ковалева, 1962; Д.А. Керимова, 1962, 1991; А.А. Касаткина, 1964; А.А. Ушакова, 1967, 1968; А.С. Пиголкина, 1972, 1990; Т.А. Бушуевой, 1973; Н.Ф. Кузнецовой - 1973; И.Б. Стерник, 1982; Т.А. Соловьевой, 1986; В.М. Савицкого, 1987; Н.В. Сильченко, 1993; А.Ф. Черданцева, 1993; Н.А. Власенко, 1997.

значению. к его возможностям вступать в сочетания с другими словами. Статья адресована всем юристам, но в первую очередь - законодателям с той целью, чтобы в нормах права они формулировали мысли точно и грамотно, в соответствии с нормами литературного языка, так как от правовой культуры (а одной из ее составных частей является культура речи) в определенной мере зависит формирование правосознания граждан.

В чем мы видим своеобразие языка права?

Языку закона присуща ярко выраженная функция волеизъявления, которая проявляется многообразно, в зависимости от характера и вида норм. В обязывающих и запрещающих нормах волеизъявление выражается модальными словами^[92] *необходимы(о), обязательны(о), невозможно(ы)*; сочетаниями модальных слов *должен, обязан, не вправе, не может, должен быть* и глагола неопределенной формы или именной части сказуемого: *обязан дать подписку, должны быть возмещены, не вправе препятствовать* и т.д.; а также глаголами настоящего времени действительного или страдательного залога (*уведомляет, определяет, возмещается, наказывается, охраняется* и др.) или глаголами с ослабленным лексическим значением в сочетании с падежными формами имен существительных: *признается утратившим силу, находятся под защитой, несет ответственность, налагает арест* и т.д. В дозволяющих нормах, в которых есть возможность выбора определенных действий, эту возможность подчеркивают глаголы *допускается, разрешается,*

⁹² Модальные слова - слова, выражающие отношение к действительности.

модальные слова *не обязательно, возможно, вправе, может: может освободить, могут быть признаны недействительными, вправе отказать, имеют право требовать* и др. Для того чтобы эффективно выполнять функцию волеизъявления, законы должны быть безупречными как в смысле содержания, так и средств выражения.

Основной чертой языка законов является предельная точность, не допускающая инотолкования. Точному определению юридических понятий служат в первую очередь термины - слова и словосочетания, являющиеся точным официальным обозначением правовых понятий. В целях точного наименования юридических понятий в качестве терминов использована лексика различных стилевых пластов, от сугубо книжных (*истребование, воспрепятствовать, обременять, сопряжен, отобрание*) и официальных слов (*сокрытие, недопоставка*) до разговорных (*попрошайничество*); встречается и эмоционально окрашенная лексика, например, *пособник* имеет помету *неодобр.*

Стремлением к точному обозначению различных юридических понятий объясняется и своеобразное словотворчество в праве: *дознание, довызыскание, подсудность, наказуемость, сонаниматели, неоказание, правоспособность, отчуждение, неподсудный, управомоченные, паенакопление, пассажировместимость, поставление, способствование, воспрепятствование*. Большинство этих слов, например, *наказуемость, дознание, подсудный, неподсудный, сонаниматели, отчуждение, правоспособность*, дано в толковых словарях с пометой *юр.*; существительные *способствование, поставление, воспрепятствование,*

неоказание и причастие *управомоченные* в словарях не зарегистрированы.

Следующую особенность языка права мы видим в том, что многие юридические термины (в том числе и оценочные понятия) - составные: *безвестно отсутствующий, принятие к своему производству, более мягкий вид наказания*. Это языковые стандарты, или клише, в которых все определено: лексический состав и порядок слов. Клише необходимы в тексте закона, так как обеспечивают точность языка права. Но в этих устойчивых словосочетаниях можно наблюдать интересные явления. Первое. Некоторые многозначные слова используются в нескольких значениях. Так, *заключение* в словосочетании *заключение под стражу* употребляется в первом значении: «действие по глаголу *заключить*»; в клише *предварительное заключение* оно выступает во втором значении: «нахождение под стражей, состояние того, кто лишен свободы»; в стандартах *заключение эксперта, заключение прокурора заключение* имеет третье значение: «вывод из чего-либо; суждение, сделанное на основании чего-либо». Второе. В них наблюдаются непривычные для литературного языка соединения слов. Например, слово *виновный* имеет значение «совершивший серьезный проступок, преступление», поэтому сочетается с существительными, обозначающими людей. В языке права оно соединяется со словом *действия, виновные действия* (ГК РФ. Ст. 734). Слово *меры* сочетается, как правило, с глаголом *принимать*; но в составе юридических терминов *меры воздействия, меры поощрения, меры пресечения* оно соединяется с глаголом *применять*. *Ущерб* употребляется в праве в первом значении: «потери, причиненные кому-либо, чему-либо;

урон» и сочетается с глаголом *возместить* (*возмещать*). Близким ему по значению словом является *вред* - «порча, ущерб», и на основании их семантической близости образовалось словосочетание *возместить вред* и термин *возмещение вреда*. Слово *обременить* - «книжн., отяжелить, отягчить». В Словаре-справочнике Розенталя Д.Э. «Управление в русском языке» (М., 1986) указано, что это слово сочетается с одушевленными существительными. Однако в гражданском праве оно вступает в сочетание с неодушевленным существительным: *обременять имущество* (ГК РФ. Ст. 209). Многозначное слово *поворот* в третьем значении («полное изменение в ходе развития чего-либо; перелом») образует словосочетание со словами *исполнение решения: поворот исполнения решения* (ГПК РФ. Ст. 430). Непривычным является словосочетание *обращение отходов* (УК РФ. Ст. 247), в котором *обращение* выступает в пятом значении: «пользование, употребление. || Экон. Характерная для товарного хозяйства форма обмена продуктов труда и иных объектов собственности посредством купли-продажи». Интересны также словосочетания *совершенно невиновно* (УК РФ. Ст. 28), *ненадлежащая сторона* (ГПК РФ. Ст. 142), *злонамеренное соглашение* (ГК РФ, ст. 179), *отбывание лишения свободы* (УК РФ. Ст. 58), *недостойные наследники* (ГК РФ. Ст. 1117).

Своеобразны в праве и формы управления^[93]. Так, на основе семантической близости между понятиями *лицо, производящее дознание, и орган дознания* второе словосочетание принимает формы управления первого:

⁹³ Управление — вид связи между словами, при котором главное слово требует от зависимого определенного падежа: явка с повинной, предъявить иск.

передача дела от органа дознания (УПК РФ. Ст. 84), хотя правильнее - из органа дознания. Глагол осудить, имеющий значения: 1) «выразить неодобрение кому-, чему-либо, признать дурным»; 2) «приговорить к какому-либо наказанию»; 3) «обречь на что-нибудь», - в третьем значении управляет винительным падежом с предлогом на, что является нормой литературного языка. Но во втором значении его синонимом является глагол приговорить. В результате этого осудить в языке права управляет дательным падежом с предлогом к; причастие осужденный и существительное осуждение получают такую же форму управления: при осуждении к лишению свободы. Существительное приговор в текстах УК и УПК РФ также управляет дательным падежом с предлогом к: приговоры к лишению свободы. Своеобразным является управление в словосочетании производство по делу, хотя наряду с этим вариантом употребляется и нормативный производство дела.

Непривычна для литературного языка форма управления в норме права *обязательство прекращается смертью должника* (ГК РФ. Ст. 418; см. также ст. 120, 172). Глагол *прекращается* управляет, как правило, существительными в творительном падеже с предлогом (*прекращается со смертью должника*, т.е. заканчивается). Но вдумаясь в его значение: *прекратиться* - «закончиться, прерваться». Именно второй оттенок значения (прерваться) позволяет использовать формы управления, принятые в Гражданском кодексе. По аналогии с глагольным управлением существительное *прекращение* в языке права управляет также творительным падежом без предлога: *прекращение обязательства исполнением* (ГК. Ст. 408), *прекращение обязательства зачетом* (ст. 410),

прекращение обязательства новацией (ст. 414), *прекращение обязательства невозможностью исполнения* (ст. 416).

Своеобразен в праве порядок слов в отдельных терминах и словосочетаниях: *умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью* (УК РФ. Ст. 112; см. также ст. 95, 124, 132). Несогласованное определение *средней тяжести* должно стоять после определяемого слова *вреда*, но оно является частью юридического термина *вред здоровью*. Поэтому порядок слов в данном словосочетании определен правовым содержанием.

И еще одну особенность этого интересного профессионального языка мы усматриваем в специфическом употреблении однородных членов предложения - слов, обозначающих сопоставимые понятия, соединенных сочинительной связью и отвечающих на один и тот же вопрос. В тексте законов они выполняют уточняющую функцию. Специфическим является то, что в качестве однородных в языке права могут соединяться слова, называющие неоднородные, несопоставимые понятия или являющиеся разными членами предложения, например: *Те же деяния, совершенные неоднократно (как?) или лицом (кем?), ранее совершившим...* (УК РФ. Ст. 132). *Те же деяния, совершенные в крупном размере (как?) либо лицом (кем?), ранее судимым* (УК РФ. Ст. 186; см. также ст. 256 и др.).

Многочисленны в языке права такие соединения слов в качестве однородных членов: *на основании и во исполнение* (ГК РФ. Ст. 3; СК РФ. Ст. 3), *в сроки и в порядке* (ГК РФ. Ст. 720), *в размере, в сроки и в порядке* (ГК РФ. Ст. 448), *на основаниях и в порядке* (УПК РФ. Ст.

4, 12), *в порядке и по основаниям* (УК РФ. Ст. 104), *по основаниям и в порядке* (ГК РФ. Ст. 354, 1070; СК РФ. Ст. 43), *на условиях и в пределах* (ГК РФ. Ст. 264), в которых сочинительной связью соединены слова, не являющиеся однородными членами, к тому же употребленные в разных грамматических формах: *на основании* - в предложном падеже, *во исполнение* - в винительном; *сроки* - во множественном числе, в винительном падеже; *в порядке* - в единственном числе, в предложном падеже и т.д. Все названные языковые построения характерны только для правовой сферы общения.

Наряду с отмеченными явлениями в текстах законов допущено довольно много языковых погрешностей.

Точность формулирования правовых норм требует точности словоупотребления. Однако есть случаи, когда в тексте законов слова употребляются без учета их значения, когда неточно выбираются однокоренные слова, близкие по звучанию, но различающиеся оттенками значения (паронимы). Так, в уголовном праве есть понятие принцип вины (УК РФ. Ст. 5). А ведь речь должна идти не о вине, а о виновности, так как *вина* - это «какой-либо проступок, промах, неловкость, неучтивость»; а *виновность* - «серьезный проступок, преступление». Таким образом, понятие определено неточно (см. также УПК РФ. Ст. 77). В результате смешения этих паронимов в тексте закона все процессуальные акты, включая и приговор, грешат подобными ошибками: *вину признал, вина доказан* и т.д.

В Уголовном кодексе (ст. 53 и 72) неверно выбран пароним *отбытие* вместо *отбывания*: *время отбытия ограничения свободы засчитывается...; время отбытия лишения свободы. Отбыть* (во втором значении) -

«исполнить повинность, пробывать какой-либо срок где-либо, исполняя повинность, обязанность» (существительное от него - *отбытие*); *отбывать* - «исполнять какую-либо повинность, обязанность и т.п., связанную с пребыванием где-либо» (существительное от него - *отбывание*). В приведенных примерах следовало употребить *отбывание*.

Без учета значения употреблен глагол *осуществляют*:...жестoko обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое и психическое насилие над ними (СК. Ст. 69). Но *осуществлять* - «приводить в исполнение, воплощать в действительность». В данном случае правильнее употребить *совершают*, *применяют*, *чинят* (офиц.) или *употребляют*.

Далее. Если разговорное слово *попрошайничество* или эмоционально окрашенное *пособник* уместны в статьях Уголовного закона, поскольку точно определяют юридические понятия, то неологизм^[94] *отмывание* (денег), взятый из современной жаргонной речи, образует ненужную метафору, требует пояснения; более того, ухудшает стиль важного документа, так как наиболее подходящее по значению общеупотребительное слово *легализация* поясняется жаргонизмом.

Недопустим в языке права просторечный вариант *займ* (ГК РФ. Ст. 814). Словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» / Ред. К.С. Горбачевич (Л., 1973) указывает формы этого слова: *Заём* [не *займ*], род. *займа* [не *заёма*]; мн. *займы* [не *заёмы*].

⁹⁴ Неологизмы (от греч. *neos* - новый + *logos* - слово) - слова, недавно появившиеся в языке.

Просторечный вариант *бабка*, выражающий пренебрежительное отношение к человеку, неуместен в тексте закона (УПК РФ. Ст. 34). В ст. 67 и 94 Семейного кодекса и в ст. 89 УИК РФ даны общеупотребительные варианты *бабушка, бабушками*.

В ст. 162, 241 Кодекса об административных правонарушениях использован разговорный вариант *в пьяном виде*, что недопустимо в официально-деловом стиле. Кроме того, речь в названных статьях идет не о виде человека, а о состоянии алкогольного опьянения, в котором он находится.

Отмечено в языке права неправильное образование форм слов, например, причастия *следующей* (с него суммы. - ГПК. Ст. 402). Глагол *следовать* - непереходный, поэтому страдательные причастия от него не образуются. В данном случае лучше употребить *причитающейся*.

В словосочетаниях *в крупном размере* (см. ст. 158, 163, 168, 171, 172, 174, 175, 177, 186, 188, 191-194, 198-200, 228, 229, 231, 234, 260, 290 УК) и *в чужом интересе* (ГК РФ. Ст. 980-989) неточно выбрано число имен существительных. Слово *размер* употреблено в данном словосочетании в четвертом значении: «степень развития, величина, масштаб какого-либо явления, события и т.п.»; а в этом значении оно используется, как правило, во множественном числе. Следовательно, употребленный в тексте закона вариант не соответствует литературной норме. Исправим: *в крупных размерах*. Слово *интерес* в приведенном выше примере выступает также в четвертом значении: «обычно мн.ч. (интересы, -ов), кого-, чего-либо или какие. То, что составляет благо кого-, чего-либо, служит на пользу кому-, чему-либо; нужды, потребности». Вариант, соответствующий норме,

использован в ст. 182, 315, 960, 973 Гражданского кодекса.

Большую роль в организации текста, в логичном выражении мыслей играет порядок слов. Однако в текстах законов выявлены случаи нарушения расположения слов, что ведет к непониманию текста, порождает в отдельных случаях двусмысленность, является причиной многословия или нанизывания творительного падежа. Так, в тексте *Для лиц, совершивших преступления до достижения возраста восемнадцати лет, сроки погашения судимости, предусмотренные частью третьей статьи 86 настоящего Кодекса, сокращаются...* (УК РФ. Ст. 95). Правильный вариант - *до достижения восемнадцатилетнего возраста*. В результате нанизывания творительного падежа в ст. 65 ГК РФ появилась двусмысленность: *Признание юридического лица банкротом судом влечет его ликвидацию*. Здесь не следовало разрывать словосочетание *признание судом*.

Наблюдается неправильное местоположение дополнений: *Следователь вправе также получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у свидетеля или потерпевшего...* (УПК РФ. Ст. 186). Подобная ошибка допущена и в следующем тексте: *Суд, вынесший приговор о конфискации имущества, после вступления его в законную силу направляет исполнительный лист, копию описи имущества и копию приговора для исполнения судебному исполнителю...* В русском литературном языке есть такое правило: если в предложении имеются прямое дополнение (*образцы почерка или иные образцы, исполнительный лист, копию описи имущества и копию приговора*) и косвенное дополнение лица (*у свидетеля*

или потерпевшего; судебному исполнителю), то на первое место ставится дополнение лица: ...вправе получить у свидетеля или потерпевшего образцы и т.д.; ...направляет судебному исполнителю копию...

Специфические формы управления в языке права, о которых уже было сказано, нередко являются следствием нарушения норм литературного языка. Например, слово *основание* в третьем значении («причина чего-либо; то, что объясняет, оправдывает, делает понятным поступки, поведение») управляет существительными в родительном падеже или глаголами неопределенной формы. В ст. же 141 СК оно управляет существительным в дательном падеже: *основания к отмене усыновления ребенка*. Исправим: *для отмены усыновления* (см. также УПК РФ. Ст. 67). Причастие *определяемый* управляет творительным падежом; значит, в словосочетании *определяемый по соглашению* (ГК РФ. Ст. 231) допущена ошибка. Надо: *определяемый соглашением*.

Неудачное соединение однородных членов предложения ведет к грамматическим ошибкам или к неясности текста. Так, в ст. 185 УПК РФ в качестве однородных членов соединены глаголы разных видов: «При назначении и производстве экспертизы обвиняемый имеет право: 1) *заявить* отвод эксперту; 2) *просить* о назначении эксперта из числа указанных им лиц; 3) *представить* дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта; *присутствовать* с разрешения следователя при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту;... 5) *знакомиться* с заключением эксперта». Следует исправить: 1) *заявлять*; 3) *представлять*. В ст. 315 УПК РФ в качестве однородных членов соединены член предложения *длительность испытательного срока* и придаточное предложение *и на*

кого возлагается обязанность наблюдения за осужденным. Исправим: длительность испытательного срока, а также лицо, на которое возлагается... Такая же ошибка допущена в ст. 281 УПК РФ. В ст. 1065 ГК РФ неточное соединение однородных членов затемняет смысл предложения: Если причиненный вред является последствием эксплуатации предприятия, сооружения либо иной производственной деятельности, суд вправе обязать ответчика... Предлагаем вариант правки: ...является последствием эксплуатации предприятия, сооружения либо последствием иной производственной деятельности.

Из ошибок в построении сложных предложений довольно часто наблюдается разнотипность частей предложения, состоящая в том, что в качестве частей сложного предложения выступают члены предложения: «Эксперт не может принимать участия в производстве по делу: 1) *при наличии оснований*, предусмотренных статьей 59 настоящего кодекса; предыдущее его участие в деле в качестве эксперта не является основанием для отвода; 2) если он находился или находится в служебной или иной зависимости от обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика; 3) если он производил по данному делу ревизию, материалы которой послужили основанием к возбуждению уголовного дела; 3а) если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением случая участия врача-специалиста в области судебной медицины, в наружном осмотре трупа; 4) *в случае*, когда обнаружится его некомпетентность» (УПК РФ. Ст. 67). Нужно: 1) если имеются основания, предусмотренные...; 4) если обнаружится его некомпетентность. Такие же ошибки

отмечены в ст. 986 ГК, в ст. 19 ГПК, в ст. 303, 349 УПК РФ.

И еще один важный вопрос - о различении речевых клише и штампов.

Мы сказали, что в юридических стандартах (клише) точно установлен состав слов и их порядок в словосочетании; поэтому они употребляются в речи автоматически. Вот некоторые примеры: *в порядке надзора, в судебном порядке, источник повышенной опасности, ничтожная сделка, реальный ущерб, принять к производству, обращение взыскания* и др. К сожалению, среди стандартов, которые соответствуют нормам литературного языка, встречаются ошибочные соединения слов (штампы), которые употребляются бездумно, по привычке, например: *дело производством прекратить* (УПК. Ст. 378), *о прекращении дела производством* (УПК РФ. Ст. 406), *с прекращением дела производством* (УИК РФ. Ст. 172), *об отложении дела слушанием* (УПК РФ. Ст. 251).

В чем здесь ошибки? - В названных построениях перепутаны управляющие и управляемые слова. В праве есть понятие *возбуждение уголовного дела*, далее ведется производство дела. Значит, прекращается производство дела, т.е. прекращается разбирательство, а не само дело. Исправим приведенные штампы: *производство дела прекратить, о прекращении производства дела, с прекращением производства дела*. Правильные варианты даны в Арбитражном процессуальном кодексе (см. ст. 85, 86, 91, 107, 121, 140, 160, 172, 175, 176, 187), в Гражданском процессуальном (ст. 85, 102, 111, 121, 143, 157, 165, 213-216, 218-220, 222, 242, 293, 305, 309, 329, 430, 432), в

Уголовно-процессуальном - ст. 409. Такая же ошибка в штампе *при отложении дела слушанием*: назначается слушание дела, и откладывается тоже слушание дела. Исправим: *при отложении слушания дела*.

Шапки обычно ведут к многословию, например: *по месту производства усыновления ребенка* (СК РФ. Ст. 129). Здесь два отглагольных существительных, обозначающих один и тот же процесс, поэтому допустимо убрать *производство*. Шапкой является и *из уголовного дела по обвинению* (УПК РФ. Ст. 26).

Слово *уголовный* употребляется в праве в четвертом значении: «связанный с применением государством мер наказания к лицам, совершившим общественно опасное деяние»; значит, уголовные дела всегда связаны с обвинением, и поэтому словоформа *по обвинению* становится лишней, создает многословие. Правильно построено клише *дела по обвинению* (УПК РФ. Ст. 26), так как в нем нет слова *уголовные*. Еще примеры многословия, возникающего в результате нарушения юридических стандартов: *в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя* (УК РФ. Ст. 23); *взыскание возмещения вреда*. (Надо: *в состоянии алкогольного опьянения, возмещение вреда*). Многословие может вызвать нанизывание творительного падежа: *Незаконное получение спортсменами денег, ценных бумаг или иного имущества, переданных им в целях оказания влияния на результаты указанных соревнований, а равно незаконное пользование спортсменами услугами имущественного характера...* (УК РФ. Ст. 184.). Для ликвидации этой погрешности допустимо убрать *студентами* (после слова *пользование*), так как в начале предложения уже есть эта словоформа.

Итак, штампы - негативное явление; это шаблоны, нарушающие нормы литературного языка. Это даже не языковое явление, а психологическое, характерное для людей, у которых отсутствует языковое чутье, языковой вкус. Вот уж поистине юридический язык отличается «варварством и упрямством в сохранении диких, обветшалых форм»^[95].

Мы рассмотрели далеко не полный перечень языковых недоработок в текстах законов, которые затем многократно повторяются в различных процессуальных актах.

Профессор Казанского университета Т.В. Губаева обращалась к юристам: «Уважаемые юристы, учитесь говорить и писать по-русски!»^[96] Но невозможно эффективно говорить о речевой культуре юристов до тех пор, пока язык законов не станет эталоном официальной речи. Работа над языком должна приводить к тому, чтобы текст закона легко доходил до сознания читающего. Статус права слишком высок и ответствен, и его язык является показателем уровня культуры наших законодателей, показателем их уважения к гражданам, для которых написаны законы. Поэтому, формируя и формулируя нормы права и охраняя их, законодатели просто обязаны охранять нормы родного языка.

В заключение хочется напомнить слова И.С. Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык», не засоряйте его производством жаргонных слов и неграмотных выражений; ему и без того в

⁹⁵ Грен Н. Чтения о русском языке. СПб., 1840.

⁹⁶ Губаева Т.В. Уважаемые юристы, учитесь говорить и писать по-русски! // Российская юстиция. 1998. № 8.

постперестроечные годы причинен реальный ущерб в крупных размерах.

Notes

1

Судебную речь мы понимаем как монологическую речь профессиональных участников судебных прений по уголовным и гражданским делам - речь прокурора и адвоката.

2

К сожалению, оно, а также материалы 1-й и 2-й глав были переписаны без сноски на источник автором книги "Риторика: заговори, и я скажу, кто ты".

3

Об этом см. "Назначение судебной речи" и "Отличительные черты судебной речи" в теме 2.

4

Михайлов М.М. Стилистика русской речи. Чебоксары, 1968. С. 198.

5

Язык - это система фонетических, лексических, грамматических единиц, являющаяся средством общения людей и выражения мыслей, чувств, волеизъявлений.

6

См.: Подголин Е.Е. Культура следственных действий: Учеб. пособие. Волгоград, 1978. С. 4-6.

7

Подробно об этом см.: Ивакина Н. Дело производством прекратить! (см. Приложение 2).

8

Подробно об этом см. с. 126-128 данного пособия, а также: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997

9

П. Сергеич - известный дореволюционный юрист П.С. Пороховщиков, автор книги "Искусство речи на суде". Далее - П.С. Пороховщиков.

10

Вспомните, что писал В.Г. Белинский: "...слов недостает у людей только тогда, когда они выражают то, что сами не понимают хорошенько".

11

Об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997. С. 7.

12

Этимологический сочетается только со словами анализ, корень, словарь, так как этимология - это раздел языкознания, изучающий происхождение и историю слов. Лексическое значение слова - содержание слова, т.е. соотнесенность слова с предметом или явлением действительности.

13

Паронимы - (от пара... и греч. опута — имя, название, слово), слова, близкие друг другу по звучанию, частичное совпадение внешней формы которых является случайным, то есть не обусловлено ни семантикой, ни словообразовательными процессами, например время и бремя, апеллировать и оперировать и т.п.

14

Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Паронимы в речи юриста // Правоведение. 1991. № 1; Ее же. Профессиональная речь юриста. М., 1997. С. 131-138; Питерцев С.К. Составление обвинительного заключения: Учеб. пособие. Л., 1981. С. 31.

15

Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

16

Подробно об этом см. с. 101 - 104.

17

Об этом см. с. 32, 33 данного пособия.

18

Подобные примеры см.: Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. М., 1995. С. 291-322. На них, как всегда на чужих ошибках, можно хорошо учиться чистоте и правильности речи

19

Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М, 1997.

20

Подробно об этом см. "Средства речевого воздействия" и "Техника речи - средство речевого воздействия".

21

Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997. Тема "Юридические клише и штампы"; она же. Дело производством прекратить! (см. Приложение 2).

22

Текст названного вступления см. на с. 185.

23

О периоде см. с. 104-107 данного пособия.

24

В наше время в нем произошли далеко не лучшие изменения, заставившие говорить и писать о том, что "сегодня число тех, кто несет в суд откровенно плохие речи, стало так велико, что пришла пора говорить не об улучшении судебных выступлений, а о подлинном возрождении судебного ораторского искусства" [130. С. 49].

25

Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1964. С. 12.

26

См. об этом: Соболева А. Образ русского судебного оратора // Российская юстиция. 2004. № 2-3.

27

Однако психологи считают информативной речь, даже не несущую новой информации, но раскрывающую уже известную под новым углом зрения.

28

Диалог (от греч. dialogos - разговор, беседа) - разговор между двумя или несколькими лицами.

29

Об этом см. тему "Средства речевого воздействия".

30

См.: Макарова З.В. Реценз. на кн.: Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. М., 1981 // Правоведение. 1983. № 2.

31

См.: Михайловская Н.Г. Просторечная и разговорная лексика в судебных выступлениях // Литературная норма и просторечие. М., 1977; Шевченко Н.В. Устная речь юристов в официальной обстановке: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Саратов, 1984.

32

См.: Баранник Д.Х. Устная монологическая речь: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Киев, 1970.

33

Подробно об этом см.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997.

34

Следует сказать, что юридические термины, называющие преступления или признаки преступлений, используются ораторами в речах, произносимых в судах общей юрисдикции. В речах, произносимых перед присяжными заседателями, они в соответствии с процессуальными нормами отсутствуют.

35

Подробно об этом см. тему "Средства речевого воздействия".

36

Подробно об этом см. с. 204 данного пособия.

37

В.И. Кириллов, А.А. Старченко и А.А. Эйсман называют его законом непротиворечия.

38

См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2004.

См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских.

В античной риторике аргументы делились на внутренние, т.е. логические, и внешние: факты, документы и др., которые веско и убеждающе действуют сами по себе. Кроме того, выделялись иррациональные доводы. Их наиболее распространенные виды: призыв к жалости и симпатиям; обращение к авторитетам, традициям, к чувству почтения; довод к человеку, апелляция к публике. Это так называемые аргументы к состраданию, к лицу, а не к существу вопроса. Они оказывают сильное психологическое воздействие. Их цель - повлиять на чувства, склонить слушающих на свою сторону. Используются они вместо объективной оценки факта. Большое значение в таких случаях имеет красноречие оратора, его уверенный тон, пафос речи. Такие аргументы находим в речах Ф.Н. Плевако, например: "Плевако.., вспомнив слова обвинителя, сказал голосом, идущим из души в душу: "Вам говорят, что он высоко стоял и низко упал, и во имя этого требуют строгой кары, потому что с него должно "спроситься". Но, господа, вот он перед вами, он, стоявший так высоко! Посмотрите на него, подумайте о его разбившейся жизни - разве с него уже не достаточно спрошено? Припомните, что ему пришлось перестрадать в неизбежном ожидании этой скамьи и во время пребывания на ней. Высоко стоял... низко упал... ведь это только начало и конец, а что было пережито между ними! Господа, будьте милосердны и справедливы..." Так Ф.Н. Плевако защищал и священника. В речах

современных судебных ораторов подобные примеры являются недопустимыми.

41

См. с. 120 (смысловая градация).

42

См. об этом: Зарецкая Е.Н. (77).

43

См.: Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 31 А.

44

См. классификацию вопросительных конструкций в кн.: Кириллов В.И., Стар-чеико А.А. Логика. М, 1996. С. 97-101; 239, 240.

45

Ср. точку зрения В.В. Мельника. [172. С. 168-169]

46

Текст речи по делу Кителева см. на с. 393-395.

47

Судебные речи государственных обвинителей / Г.А. Бородин, П.Н. Бочилло. Красноярск, 1973.

48

См. с. 185-186.

49

О трафаретных вступлениях к судебной речи см. также: "Поддержание госу дарственного обвинения" [143, 172].

50

См. вступление к речи АС. Экмекчи по делу Цыгаровой на с. 131.

51

Микротемы, отмеченные значком *, в суде с участием присяжных заседателей не рассматриваются в соответствии со ст. 336 УПК РФ.

52

См. также речь Н.П. Кана в защиту Далмацкого (см. с. 353).

53

Не следует забывать, что в речи, произносимой в суде с участием присяжных, эта композиционная часть отсутствует.

54

Прием контраста использован в речи Г.М. Шафира в защиту Калинова (с. III) и в речи государственного обвинителя А.П. Бороданкова по делу Овчинникова (с. 112).

55

Прочитайте и восхититесь тем, как адвокат П.А. Дроздов нарисовал обстановку, способствовавшую

покушению на преступление (с. 147); как динамично воссоздали картину преступления адвокат Ф.Н. Плевако (с. 312); как образно анализирует Г.М. Резник восприятие народом приговора суда [см. 161]

56

Об этом см. темы "Средства речевого воздействия" и "Техника речи - средство речевого воздействия".

57

Об этом см.: Баллы Ш. Французская стилистика. М., 1965. С. 182.

58

В рассказе А.П. Чехова "Случай из судебной практики" адвокат, не имея доказательств невиновности подзащитного, использовал "апелляцию к человеку", описывая его достоинства (см. с. 41-42).

59

См. об этом тему "Техника речи - средство речевого воздействия".

60

Хотя и сугубо официальную речь можно произнести экспрессивно, используя для этого технику речи: интонацию, смену тона и темпа речи, паузы.

61

Скребнев Ю.М. Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

62

Сковородников А.П. О системном описании понятия "стилистические фигуры" // Русская речь. 2002. № 4.

63

Янус - в римской мифологии божество дверей, входа и выхода, затем - всякого начала. Изображался с двумя лицами: одно обращено в прошлое, другое - в будущее. Лерен. двуликий Янус - лицемерный человек.

64

См. также материал в темах "Языковые средства, создающие логичность речи" и "Диалогизированный монолог".

65

См.: Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. И. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М., 2003.

66

См. работы З.В. Савковой [195-197].

67

Сергеич П. Уголовная защита: Практические заметки. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1913. С. 241.

68

Вспомните также рассказ А.П. Чехова "Случай из судебной практики".

69

Чтобы показать, как произносятся звуки, используются условные обозначения. Та часть слова, произношение которой регламентируется правилом, выделяется прямыми скобками []. Редуцированные звуки, т.е. произносимые ослабленно, неясно, обозначаются знаками г", ь. Мягкое произношение согласных обозначается знаком ; сравните: [п'ат'] - пять.

70

Под "хорошей" речью А.Ф. Кони понимал убеждающую, "претендующую на влияние" речь.

71

Вересаев В.В. Соч. М., 1948. Т. 4. С. 446-447.

72

Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 175-176.

73

Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 124-126.

74

Выдря М. Предисловие к 3-му тому Собр. соч. А.Ф.Кони. М., 1967. С. 5-11

75

См. также: Гальперин И.Г. Подготовка и произнесение защитительной речи // Проблемы уголовного процесса и криминалистики. Вып. 27. Свердловск, 1973.

76

А.И. Урусов, для речей которого характерна была ирония, иногда даже жестокая, беспощадная, всегда умел облечь ее в форму особенной вежливости.

77

Судебные речи адвокатов / Предисловие П.С. Элькинда. Л., 1972.

78

О речевых формулах спора см.: Шкатова Л.А. Речевые формулы спора // Русская речь. 1990. № 4.

79

Хорошие советы судебным ораторам по поводу подготовки судебной речи дают: Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. Л., 1985. С. 52-53; 66-67.

80

Ср. мнение: Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 61-72.

81

Список литературы обновлен. Из устаревших источников оставлены лишь те, которые имеют какую-либо значимость для юристов: для углубленного изучения вопроса, для сравнительной характеристики и т.д.

82

Мать-кормилица.

83

В надежде (лат.).

84

Прямо перед (ним), напротив (франц.).

85

Исступление, импульсивное действие в виде приступов (лат.).

86

Текст речи приводится так, как он дан в кн.: Суд присяжных в России / Сост. СМ. Казанцев. Л., 1991.

87

П. Сергеич излагает содержание дела Андреева, обвинявшегося в убийстве Сарры Левиной. Защитником по делу выступал С.А. Андреевский.

88

Статья 611 Устава уголовного судопроизводства: "Председатель суда управляет ходом судебного следствия, наблюдает за порядком объяснений, возражений и замечаний и, устраняя в прениях все, что не имеет прямого отношения к делу, не допускает ни оскорбительных для чьей бы то ни было личности отзывов, ни нарушения должного уважения к религии, закону и установленным властям".

89

Cum grano salis (лат.) - буквально "со щепоткой соли, с иронией, не всерьез". A livre ouvert (фр.) - с раскрытой книгой, без подготовки.

90

М.Л. Шустова - выпускница юридического факультета Красноярского госуниверситета [243].

91

См., например, работы М. Презента, 1931; Н.Н. Полянского, 1938; Г.И. Шаткова, 1960; М.И. Ковалева, 1962; Д.А. Керимова, 1962, 1991; А.А. Касаткина, 1964; А.А. Ушакова, 1967, 1968; А.С. Пиголкина, 1972, 1990; Т.А. Бушуевой, 1973; Н.Ф. Кузнецовой - 1973; И.Б. Стерник, 1982; Т.А. Соловьевой, 1986; В.М. Савицкого, 1987; Н.В. Сильченко, 1993; А.Ф. Черданцева, 1993; Н.А. Власенко, 1997.

92

Модальные слова - слова, выражающие отношение к действительности.

93

Управление — вид связи между словами, при котором главное слово требует от зависимого определенного падежа: явка с повинной, предъявить иск.

94

Неологизмы (от греч. neos - новый + logos - слово) - слова, недавно появившиеся в языке.

95

Грен Н. Чтения о русском языке. СПб., 1840.

96

Губаева Т.В. Уважаемые юристы, учитесь говорить и писать по-русски! // Российская юстиция. 1998. № 8.